

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

B 1,346,136

PROPERTY OF

*The
University of
Michigan
Libraries*

1817

ARTES SCIENTIA VERITAS

c

100

100

1-272-100

100

Рурин, Александр Николаевич

ОЧЕРКЪ

ЛИТЕРАТУРНОЙ ИСТОРИИ

СТАРИШНЫХЪ ПОВѢСТЕЙ И СКАЗОКЪ РУССКИХЪ.

СОЧИНЕНИЕ

А. ПЫШНА.

2

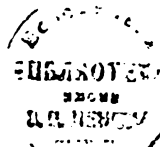
САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

1857

511.77
P777rch
1857a

Отдельные оттиски из IV-й книги Ученых Записок, принадлежащих
Второму Отделению Императорской Академии Наук.

Печатано по распоряжению Императорской Академии Наук. Санктпетербургъ, Мартъ, 1857 г.

Исполнительный Секретарь Академии: *А. Миддендорфъ*

F215.251985

СОДЕРЖАНИЕ.

	стр.
— Введение	1
I. Вліяніе Византійское и южно-Славянское. — Русскія редакціи средне-вѣковыхъ сказаній объ Александрѣ Македонскомъ: псевдо-Каллистоу. — Повѣсти о Троицкой воинѣ: старинная «притча о крадехъ» и позднѣйшій переводъ книги Гвидона де Колумна	22
II. «Синагигиъ царь Адоровъ и Паливскія страны» или «Слово о Акирѣ премудромъ», сказка изъ Тысячи и Одной ночи. — «Дѣяніе прежнихъ временъ храбрыхъ человекъ». — Сказаніе о Индѣйскомъ царствѣ и пресвитерѣ Іоаннѣ. — Слово о полку Игоревѣ	63
III. «Слово о кунци Басарѣ», Русскія старинныя повѣсти. — Сказаніе о Вавилонскомъ царствѣ. — Сказки о Соломонѣ: Нѣмецкая средне-вѣковая поэма о Морольѣ, сказаніе о Китоврасѣ, суды цари Соломона, Сербскія сказки. — Слово о двѣнадцати снахъ Мамера цари	95
IV. Исторія Варлаама и Іосафата. — Притчи правдиво-религіознаго содержания. — Старинныя сборники загадокъ. — Стихъ о Голубиной книгѣ. — Повѣсти, основанныя на загадкахъ	124
V. Басни Бишопъ или Стефанитъ и Пхиллатъ. — Елони въ переводахъ XVII вѣка. — «Зрѣніе житія человѣческаго». — Переводы Гвидиана и Гостана, Сади, и басня Ловмана	148
VI. Повѣсти изъ «Римскихъ Дѣяній». — Отдѣльныя разсказы того же сборника въ другихъ редакціяхъ: повѣсти о царѣ Атеѣ, притча о пасельникѣ и др. — «Зерцало великое», историческія и легендарныя разсказы. — Дидактическія сказанія: о царствѣ, о вельсокумномъ хмѣлѣ, о бисовой травѣ — табакѣ	180
VII. Историческія разсказы. — Повѣсти Русскія и иноземныя. — Сказаніе о Дракулѣ Мутыловомъ, о клятвѣ Цариградѣ, повѣсти о царствѣ Иверскомъ Царѣ. — Сказаніе объ Агидѣ, король Угорскомъ; о Ва	

	стр.
силін, королевичъ златовласомъ Чешскія земли. — Повѣсть умилительная о Брунцивиѣ, старинный рыцарскій романъ Чешской литературы.....	209
VIII. Переводные рыцарскіе романы. — Книга о Мелюзинѣ. — Исторія Петра Златые-Ключи. — Цезарь Октавіанъ. — Повѣсть о дѣтѣхъ древнихъ льтописцевъ. — Повѣсть о княгинѣ Алдороской. — Аваллошъ, король Тирскій. — Исторія о Бовѣ королевичѣ или Buovo d'Antona	228
IX. Польское литературное вліяніе въ XVII вѣ столѣтіи. — Семи мудрецовъ. — Анобетмата. — «Смѣхотворныя повѣсти», или средне-вѣковыя фанеціи. — Русское сказаніе о дѣлахъ женовъ. — Некоторыя изъ повѣстей Боккаччо въ старинномъ Русскомъ переводѣ..	249
X. Опыты Русской повѣсти. — Сказаніе о Савѣ Грудичиѣ. — Рукопись старицы Маріи. — Повѣсть о Фролѣ Скобеевѣ. — Популарное чтеніе первой половины XVIII-го столѣтія: переводные романы и «жарты» или шуточные сборники	278
— Народныя произведенія, записанныя въ старыхъ рукописяхъ и сборникахъ	293
— Приложенія: отрывки изъ Александрии, Троилскихъ сказаній, Девеицева Дѣянія, Варлаама и Юсафа, Стефанита и Хиллата, Римскихъ Дѣяній, сказанія о Муляискомъ воеводѣ Дракулѣ, изъ книги о Мелюзинѣ, изъ повѣсти о Семи Мудрецахъ.....	303
— Дополненія	357

Въ литературѣ неразвитой, не сознающей своихъ нуждъ или не достигшей истиннаго употребленія силъ, иногда можно встрѣтить столько же любопытныхъ черты для народнаго характеристики, какъ и въ литературѣ, ставшей въ число основныхъ двигателей общественной жизни. Эти блужданія народнаго ума, который иногда рѣзко высказываетъ свои выводы, но не останавливается на одной идеѣ, эти неопредѣленные стремленія фантази, находящей красоту въ преувеличеніи и гротескѣ, эти внезапные порывы и дѣйствительная неподвижность, выражая въ себѣ дѣйствіе историческихъ обстоятельствъ, имѣвшихъ вліяніе на жизнь народную, освѣщаютъ темный путь ея развитія. И здѣсь, въ дѣятельности безсознательной, можно слѣдить за нѣкоторыми особенными направленіями, можно видѣть зародки новаго движенія, которое обнаруживается несмѣлыми попытками и подражаніемъ; особенная привязанность къ тѣмъ или другимъ произведеніямъ и здѣсь отмѣчаетъ наклонности читателей и указываетъ на состояніе понятій и образованія: чѣмъ ближе были къ массѣ эти произведенія, чѣмъ охотнѣе она обращалась къ нимъ, тѣмъ легче становится открывать ея невыраженныя иначе вкусы и потребности. Такъ несовершенно обнаруживаются симптомы жизни въ литературѣ начинающей свое существо-

ваніе, и таковы были явления старой Русской письменности, которыми часто нельзя отказать въ высокомъ достоинствѣ и интересѣ, но которыя еще много зависели отъ случайностей и не представляли строгата и постоянного развитія. Изученіе старинной повѣсти нашей, въ томъ видѣ, какъ она известна теперь по остаткамъ и обрывкамъ, приводитъ къ подобному заключенію.

Повѣсть и романъ стали въ наше время основною литературною формою; ихъ классическіе предшественники далеко не имѣли того обширнаго значенія, какое приобрѣла эта форма впоследствии, въ литературахъ новой Европы. Самостоятельнымъ источникомъ новаго эпоса были произведенія, возникшія изъ богатой національной повѣи, — тревіи саги и легенды, фэблы, повѣды, рыцарскія исторіи, въ которыхъ средневѣковой читатель встрѣчалъ и свои народныя преданія, и чужіе многи классическіе, и созданія восточнаго вымысла, давно сдѣлавшіяся достояніемъ западно-Европейской поэзіи. Новая дѣятельность развивалась подъ живительнымъ вліяніемъ эпоса народнаго; ея разнообразная произведенія поражаютъ и простотою своего поэтическаго достоинства и вѣрнымъ отраженіемъ національнаго характера; даже тѣ изъ нихъ, какія происходили изъ чужаго источника, носили тотъ же общій отпечатокъ, въ новой для нихъ области принимая и новыя черты. Въ этомъ литературномъ движеніи не доставало иногда самостоятельнаго основанія, при всемъ томъ факты его представляютъ живую и богатую данность дѣтисей. Эта средневѣковая повѣсть, перѣло общія одинаково для западныхъ и для восточныхъ литературъ, развивалась на обширномъ поприщѣ и въ своемъ распространеніи не одиѣ разъ коснулась и русской письменности.

У насъ были известны и любимы очень многи изъ тѣхъ произведеній, которыя были знамениты въ средневѣковой литературѣ и принадлежали къ самымъ характеристическимъ явлениямъ ея. Старинная повѣсть наша представляетъ и другія любопытныя стороны. Прежде всего она имѣетъ право на вниманіе историка литературы, какъ популярное чтеніе стараго времени, очень любимое и распространенное; въ своемъ отношеніи къ читателю, она не имѣла тѣхъ интересовъ, какіе соединялись

сть произведеніями историческими и чисто-наидательными, — при сильномъ господствѣ дидактическихъ требованій она занимала своимъ болѣе или менѣе политическимъ содержаніемъ, и, следовательно, отвѣчала только чисто-литературнымъ потребностямъ читателей. Съ другой стороны повесть наша представляеть не мало данныхъ по отношенію къ народной жизни и понятіямъ, которыя она въ себя отражала. Вообще, при разборѣ старинной повести необходимо является такіе вопросы. Въ какомъ объемѣ существовала въ нашей письменности стараго времени эта повествовательная литература, такъ богато развѣтвившая въ западной Европѣ среднихъ вѣковъ? На сколько было въ ней начала самостоятельнаго, или, если паравъ съ другими сторонами нашей письменности она подчинялась чуждому вліянію и пользовалась чуждыми богатствами, гдѣ были ея источники? Существовала ли связь между произведеніями книжными и устнымъ народнымъ эпосомъ? Наконецъ, какіе факты открываются въ нашей повести для характеристики народного быта и понятій?

Какъ главную, отрицательную, черту надобно замѣтить особенную бѣдность произведеній самобытно Русскихъ въ этомъ большомъ собраніи разнообразныхъ сказаній, повестей, сказокъ и романовъ. Народный эпосъ не сдѣлался у насъ источникомъ для письменныхъ произведеній, какъ было у Чеховъ, имѣвшихъ Судъ Любуши и Краледворскую рукопись. Напротивъ, наша народная словесность, какъ Болгарская и Сербская, издавна заключилась въ самой себѣ и начала отдѣльное существованіе. Слово о полку Игоревѣ становится явленіемъ исключительнымъ, какъ произведеніе, нераздѣльно связанное съ народнымъ эпосомъ и по духу и по внѣшней отдѣлкѣ. Писательскія условія стариннаго образованія выдвинули на первый планъ историческую и духовную отрасль литературы, и это направленіе почти съ одинаковой силой удерживалось во всемъ старомъ періодѣ. Строгая исключительность этого направленія не допустила свободного выраженія началъ народно-поэтическихъ: эти послѣднія слишкомъ сильно проникались вѣлымъ богатствомъ народныхъ вѣрованій и вмѣстѣ съ ними вызвали противъ себя горячую и непрерывную полемику. Какъ древніе наши писатели

вооружались против «писецъ и игрищъ блѣсковыхъ», такъ XVII столѣтiе считало предосудительнымъ и потому запрещало сказки скашивать и загадки загадывать».

Восполненiемъ недостатка въ повѣсти, Русской по содержанию и происхожденiю, служила обширная популярная литература иноземныхъ сказанiй. Любовь къ занимательному чтенiю и охота къ фантастическимъ и романтическимъ рассказамъ, находило пищу въ многочисленныхъ переводахъ, которыми словесность наша наводнена была съ древнѣйшаго времени. Отъ X до XVIII столѣтiя, сначала Старо-Славянской, потомъ Русская письменность наполнялась переводами или даже и самостоятельными релатiями сказанiй, расхваливавшихся въ то же время и въ западно-Европейской литературѣ. Чтобы вѣрно понять, какая роль предназначена была этимъ переводамъ въ нашемъ популярномъ чтенiи древней эпохи, не должно забывать, что въ старину смотрѣли на переводъ во все не съ той точки зрѣнiя, какъ смотритъ теперь. И переводъ и переложка въ наше время не могутъ усвоить литературѣ чужаго произведенiя и ничего не прибавляютъ къ собственнымъ ея результатамъ, потому что внутреннiй смыслъ переводнаго сочиненiя остается по прежнему несроденъ литературѣ. Въ старину, напротивъ, быть можетъ отъ неслишкомъ большой разборчивости читателей, чужое и переводное принимали какъ свое, оригинальное. О книгѣ судили по ближайшимъ чертамъ содержания, и считая переводъ за Русское сочиненiе, также легко и чисто-Русское произведенiе приписывали чужимъ писателямъ: такъ многиа Русскiя поучительныя слова отнесены въ рукописяхъ къ Г. Златоусту. При этомъ видѣть переводъ терялъ и свою иноземную вышность: оставляя безъ измѣненiя общiя мысли, переводчикъ или лучше сказать переложиватель замѣняетъ частныя, національныя черты подлинника другими, взятыми изъ Русскаго быта, потому что хотѣлъ быть понятнѣе для читателей, или же самъ понималъ такимъ образомъ свое дѣло. Отъ того книга, переложанная на Русскiе нравы, терпѣла свою исключительную физиономiю и находила больше сочувствiя у читателей. То же явленiе, но иногда въ размѣрахъ гораздо большихъ, повторяется въ западныхъ литературахъ этого времени и вообще очень естественно въ ли-

тературь начинающейя, которая не имѣла понятія о литературной собственности и слѣдуетъ пехитрому правилу «брать свое добро тамъ, гдѣ находишь его». Простодушіе, съ какимъ тогда поддѣльвали и травестировали чужое произведение, дасть много пѣны этимъ новымъ вставкамъ и перемѣнамъ, потому что онѣ прямо взяты изъ той среды, къ которой авторы ихъ принадлежали. Однако, здѣсь не было обыкновенно никакого преднамѣреннаго желанія передѣлывать; оно было бы выше понятій того времени, — дѣло совершалось само собою. Писанныя литературы всегда и вездѣ подвержены были вліянію интерполяціи: каждый усердный читатель дѣлалъ на поляхъ своей рукописи различныя замѣтки, прибавлять glossы и синонимы — которые другой вносилъ въ самый текстъ, такъ что мало-по-малу начиналась сильная порча текста, отъ которой не дѣтско до пердѣлки. Одинъ могъ прибавить толкованіе неизвѣстнаго слова или названія; другой оставлялъ текстъ и удерживалъ комментарий, третій распространялъ его и т. д., и въ крайнемъ предѣлѣ интерполяціи переводное произведение получало уже новый колоритъ, приближавшій его къ національности переводчика, и до нѣкоторой степени могло замѣнить недостатки сочиненій оригинальныхъ.

Къ такому разряду переводовъ принадлежали первые повѣсти, занесенныя къ намъ изъ Византійской литературы и отличающія первой періодъ нашей письменности. Отъ эпохи была у насъ временемъ дѣснаго общенія съ дѣятельностью южно-Славянскаго. Русскіе приобрѣтали по большей части готовыя сказанія, которая появлялись сперва въ южно-Славянскаго письменности и потомъ легко переходили въ Русскую, при единствѣ литературнаго языка и одинаковости интересовъ образованія. Новые памятники болѣе и болѣе укрѣплялись на Русской почвѣ, такъ что въ послѣдствіи уже только на ней продолжали свое существованіе: многіе изъ памятниковъ южно-Славянскихъ, извѣстные теперь по нашимъ древнимъ редакціямъ, до сихъ поръ еще не были встрѣчены въ рукописяхъ Сербскихъ и Болгарскихъ. Греческая литература легко могла удовлетворять потребностямъ Старо-Славянскаго письменности, потому что въ повѣствовательномъ отдѣлѣ ея сохраняются многое изъ классиче-

скаго наследія и, кромѣ того, находилось значительное собранье восточныхъ и западныхъ сказаній, повѣстей и легендъ. Она стояла тогда на границѣ между литературами западной Европы и востока: Византія, съ одной стороны, сообщала Арабамъ произведенія блестящаго времени Греческой литературы — творенія Аристотеля, Эвклида, Гиппократа, Птолея, Платона, съ другой сама знакомилась съ поэтическими сказаніями востока, даже съ эпосомъ Индійскимъ, доходившимъ до нея путемъ Сирійскихъ, Арабскихъ и Персидскихъ переводовъ; но своимъ съ народами Германскими и Романскими, для нея доступны были и сказанья западно-Европейскія. Южно-Славянское посредничество принесло къ намъ многія повѣсти изъ этого источника: и сказанія классической древности, перелаванныя подъ вліяніемъ позднѣйшихъ понятій и одѣтыя въ средневѣковую одежку, какъ баснословная *Исторія Александра Македонскаго*, приписываемая псевдо-Каллисѣну, повѣсть о *Троийской войнѣ*; и сказочныя произведенія востока, или известныя и западной Европѣ въ повѣйшихъ обработкахъ, какъ знаменитая *Калила-и-Димна*, или *Стефанитъ и Игнелитъ*, — или же знакомыя только въ литературѣ Византійской, какъ любопытная сказка изъ Тысячи и одной Ночи о *Сингаритъ* и мудромъ его министрѣ; и произведенія, навѣяныя христіанскою жизнью, отчасти сохранившія легендарный характеръ, отчасти смѣшанныя съ другими формами повѣсти, какъ *исторія Варлаама и Иосафата*; и средневѣковыя преданья о чудныхъ странахъ, одинаково любимыя и въ Византіи и въ западной Европѣ, какъ преданье о *царь-пресвитерѣ Іоаннѣ*. По старинной повѣсти о *Дьявилъ Девенитѣ* можно заключать, что у насъ не были чужды и Византійскія героическія сказанья, до сихъ поръ очень мало разработанныя: противоположность Византійскаго міра съ Азіатскимъ, какъ борьба западныхъ народовъ съ завоевателями Палестины, несомнѣнно должна была выразиться подобными сказаньями, несмотря на то, что по своему схоластическому направленію Греческая литература Византійской эпохи всего менѣе способна была къ чему либо, похожѣму на героическій эпосъ. Наконецъ уже давно между произведеніями, явившимися въ южно-Славянской письменности изъ Византіи, показываются тѣ народно-эпическіе

скія преданья, какія вообще играли очень важную роль въ среднѣ вѣка и у насъ получали развитіе, довольно своеобразное. Ихъ извѣстность не ограничивалась и не обуславливалась только письменными памятниками: основанныя первоначально на чужомъ преданьи, эти рассказы расходились не столько письменно, сколько путемъ устной передачи, и потому не мудрено, что въ томъ видѣ, какъ мы знаемъ ихъ по спискамъ подлинны, онѣ обнаруживаютъ извѣстное родство съ формами и даже содержаниемъ чисто-народнаго эпоса. Такъ наши *повѣсти о Соломонѣ* или отдѣльными подробностями или и въ вѣдомъ составѣ повторяются въ народной словесности: одна изъ Сербскихъ сказокъ «о премудромъ Соломонѣ», представляетъ неоспоримые слѣды единства съ нашимъ стариннымъ памятникомъ.

Весьма отличительная черта болѣе древнихъ повѣстей нашихъ заключается именно въ томъ, что онѣ принимаемы были со всею свѣжестью интереса и приходились къ понятіямъ читателей: на нихъ уже скоро оказалъ Русскій отблескъ и потому въ ихъ замѣтованномъ содержаніи можно иногда встрѣтиться съ такими же вѣрными замѣтками или упоминаніями о Русскомъ бытѣ и съ выраженіемъ господствовавшихъ у насъ понятій, какъ въ Русскихъ сочиненіяхъ того же времени. Впрочемъ, это можно сказать почти только о древнихъ повѣстяхъ и сказаніяхъ. Произведенія письменности южно-Славянскаго перестали приходить къ намъ, по крайней мѣрѣ въ прежнемъ количествѣ, уже около XIV столѣтія: съ паденіемъ политической независимости южно-Славянскихъ государствъ, упала и литературная дѣятельность; читалось и списывалось только то, что осталось отъ предыдущей эпохи. Русская письменность не могла вознаграждать этого недостатка уже потому, что и въ ней время Татарскаго владычества отзывалось замѣтнымъ усыпленіемъ и застоємъ. Поэтому XIV—XVI столѣтія нашей литературы представляютъ не только мало замѣчательнаго въ повѣствовательномъ родѣ, но даже и мало рукописей, посвященныхъ повѣсти и сказкѣ. Древнѣйшіе списки болѣею частью вовсе не дошли до нашего времени, и почти все содержаніе старинной повѣсти нашей извѣстно теперь изъ рукописей и сборниковъ XVII вѣка, обнаружившаго большую любовь къ этому чтенію. Съ этой

поры открывается новый періодъ нашей повѣсти: оставаясь какъ и прежде переводною по преимуществу, она увеличивала свой объемъ —, усвоивая мало-по-малу чужіе рассказы, перешла и къ собственнымъ попыткамъ, болѣе или менѣ замѣчательнымъ. Но для нея было уже закрытъ источникъ, которымъ она пользовалась прежде: литература падшей Византіи не доставляла намъ своихъ памятниковъ, хотя пріѣзды ученыхъ Грековъ, приносившихъ съ собою разныя произведенія, не прекращались до Петра Великаго. Въ замѣнь того образовались новыя литературныя сношенія, сблизившія нашу повѣсть съ романтической поэзіей средневѣковой Европы. Впрочемъ только изрѣдка можно выслѣдить у насъ прямая связи съ западною литературой: хотя въ XV и XVI столѣтіяхъ значительно усилилось знакомство Русскихъ съ иностранцами въ сношеніяхъ житейскихъ, торговыхъ и дипломатическихъ, однако, по причинѣ понятной, оно почти никогда не доходило до такой короткости, чтобы сдѣлать возможнымъ литературное заимствованіе или подражанье. Средство для перехода средневѣковыхъ романтическихъ произведеній въ нашу письменность доставила литература Польская. Ея участіе, сначала едва замѣтное, увеличивается болѣе и болѣе въ XVII столѣтіи, и сдѣлалось тогда такимъ же главнымъ источникомъ стариннаго популярнаго чтенія, какъ прежде Византійскій или южно-Славянскій. Опредѣляя начало этого вліянія по глѣмъ памятникамъ, какіе до сихъ поръ были обозначены, едва ли можно восходить далѣе XVI столѣтія; при томъ только къ этому времени Польская литература пріобрѣла большую самостоятельность и пришла въ столкновеніе съ литературами западными, особенно Нѣмецкой: отсюда явились въ ней многія западныя произведенія, потомъ перешедшія и къ намъ.

Нѣкоторые факты позволяютъ думать, что Чешская словесность также не оставалась чуждою для нашей письменности и могла передать ей или свои повѣсти и романы, или переводы западныхъ, которыми вообще была богата. Немногое было переведено съ Нѣмецкаго; одна старинная повѣсть заимствована изъ Итальянской литературы среднихъ вѣковъ

Западные памятники, хотя и очень охотно приняты были нашими читателями, но вообще не получали в глазах их такой цены, какую имели в свое время сказания Византийской эпохи. Они любопытны, впрочем, иногда и по своей роли в нашей словесности, и по отношению к средне-вѣковой романтической литературѣ. Большая часть и Византийских и западных произведений, известных у нас встарину, принадлежатъ къ тому кругу поэтическихъ созданий, которымъ ученые изследователи романтического эпоса дали удачное названіе «странствующихъ» (*wandernde Dichtungen*). При всемъ различіи своего происхожденія — восточнаго или западнаго, Азіатскаго или Европейскаго, — они сходны были въ одномъ, своей всеобщей известности. Это странствованіе поэтическихъ произведеній было до того обыкновеннымъ и почти необходимымъ явленіемъ, что каждое замѣчательное сказаніе или повѣсть расхолилось повсюду, и у разныхъ народовъ видоизмѣняя свою филономію, получали длинную литературную исторію, нелишенную характеристическихъ особенностей. Такъ было съ Германскими и Романскими сказаніями, которыя хотя и возникали въ отдельной національности, какъ саги о Дитрихѣ Бернекомѣ, романы объ Артурѣ или Карлѣ Великомѣ, но тѣмъ не менѣе становились общимъ достояніемъ народовъ западно-Европейскихъ, отчасти по причинѣ ихъ тѣснаго политическаго сближенія, отчасти по единству ихъ нравственныхъ интересовъ, развившихся подъ одинаковыми условіями образованія. Тоже было и съ преданіями о событіяхъ и лицахъ классическаго міра, и разсказами, пришедшими изъ Византіи и съ востока: баснословная исторія Александра, Троянскія сказанія, повѣсть о семи мудрецахъ, Калила-и-Димна, въ каждой западной литературѣ имѣли своихъ представителей и пользовались почетомъ. Множество мелкихъ разсказовъ, повѣдей, анекдотическихъ повѣстей, отчасти принадлежавшіе народной словесности, распространились также быстро и обширно, какъ и основные памятники романтическаго эпоса. Это оригинальное явленіе нашло уже многихъ объяснителей между повѣвшими учеными: труды Дюлона, Сильвестра де-Саси, Я. Гримма, Вольфа, В. Шмидта, Ад. Келлера, Грессе и другихъ, представляютъ въ высокой степени любопытную картину распространенія по-

этических созданий в средние века. Памятники Русской старинной письменности еще на одну степень раздвигают этот круг странствований, открывая иногда до сих пор неопределенные факты его истории. Таким образом, наш перевод одной сказки из Тысячи и одной ночи, сделанный без сомнения с Греческого, указывает, что в литературе Византийской известны были и этот знаменитый сборник вместе с другими сказочными сборниками востока, — и следовательно дает новое средство объяснять сходство, какое находим в его содержании со многими из старинных повестей западно-Европейских «Цыгане Девгеніево», переведенное в древнюю эпоху нашей письменности, и кажется неизвестное из Греческих источников, имеет немалую цену для истории средневекового эпоса в литературе Византийской, как остаток самообычного героического романа Византийской эпохи. Подобным образом, более позднее Русское сказание, основанное на мифах о Соломоне, подтверждает родственность некоторых памятников Германского эпоса с преданиями Византийскими. Сближая Шмецкое стихотворение XV века с его предполагаемым Греческим источником.

Из числа этих памятников к нам перешли между прочим через Польскую литературу: знаменитый в средние века сборник легенд, повестей и сказок, известный под именем *Римских Деланий* (*Gesta Romanorum*); рыцарские истории — о *Феде Меллотте*, о рыцаре *Петре Влантазе-Ключаке*, о пезаре *Оттоне* и друг.; быть может, знаменитая повесть о *Семь Мудрецах*; известные в свое время *фавориты* или шуточные рассказы и анекдоты, наконец несколько *повестей Боккаччо* и т. д. Мы заметили уже, что позднейшие переводы с Польского существенно отличаются от памятников древнего периода тем, что редко передвигались в Русском духе и чаще сохранили свою иноземную одежду; их чуждая внешность переставала казаться странною уже тогда, когда читатель привыкает к господствовавшей в них литературной манере. Из этого нельзя однако заключить, что позднейшие наши повести имели мало читателей; не говоря о том, что, появившись большею частью в XVII столетии, они еще не успели достаточно проникнуться

новой средой и приурочиться къ Русскимъ правамъ, какъ это было возможно для древнихъ памятниковъ, — нѣныя изъ этихъ повѣстей были переведены не одинъ разъ и чрезвычайно распространялись въ рукописяхъ, следовательно встрѣчались большое сочувствіе.

Такимъ образомъ переводная Русская повѣсть всего болѣе заимствовала изъ двухъ ближайшихъ источниковъ — южно-Славянскаго и Польскаго. Господство ея простиралось и на первую половину XVIII вѣка, въ томъ классѣ народа, который еще не совсѣмъ отказался отъ старинныя вмѣстѣ съ новыми романами, переведенными съ Нѣмецкаго, Французскаго и Польскаго въ Петровскую эпоху, прилежно читались и прежнія повѣсти семнадцатаго столѣтія. Нѣныя изъ нихъ даже чаще попадаются въ спискахъ прошлаго вѣка.

Поштыки самостоятельной повѣсти были немногочисленны и не получили надлежащаго развитія. Съ одной стороны, повѣсть постоянно подчинялась требованіямъ историческаго изложенія, и примѣръ чистаго эпоса въ *Словѣ о полку Игоревѣ*, остался безъ послѣдствій; позднѣйшіе грамотѣи чувствовали его прелесть, но никогда не могли подняться до его эпической высоты; отличаясь всего болѣе многословіемъ и напыщенностью, эти сочинители могли внести изъ Слова только отдѣльныя фразы въ свои тяжелыя схоластическія сказанія, и дальше идти не могли. Во множествѣ старинныхъ историческихъ повѣстей, жизнеописаній и сказаній о замѣчательныхъ событіяхъ, нѣрѣдко можно замѣтить участіе народно-поэтическаго преданія, но всегда оно затемняется, рутинною сухостью изложенія и смѣшанное съ чистом историческимъ разсказомъ не получило отдѣльнаго развитія, такъ что эти сказанія имѣютъ почти только значеніе историческихъ матеріаловъ. Другія повѣсти, принадлежащія вполнѣ области фантазіи, какъ *Слово о куньѣ Баварѣ*, или составлены по чуждымъ образцамъ или же безнѣльны по мысли и изложенію, несмотря на нѣкоторые приемы, свойственныя народной поэзіи. Нѣтъ такой поэтической мысли и вышности и на тѣхъ полу-историческихъ повѣстяхъ, которыя повторены Русскими съ чужаго преданія, какъ повѣсть о парцѣ *Диварѣ*, сказаніе о мутьянскомъ воеводѣ *Дракульѣ*. Примѣровъ легкой

повѣсти, взятой изъ Русскаго быта, въ родѣ сказанія о *Сивѣ Грудцѣнѣ*, исторіи о *Фролѣ Скобѣнѣ*, до сихъ поръ извѣстно очень мало, и они не составляютъ цѣлаго направленія. Эти повѣсти вообще любопытны по чертамъ народной жизни, но по характеру неопредѣлены, потому что не успѣли образоваться въ отдѣльную независимую форму.

Въ концѣ старата періода въ нашихъ грамотахъ и книжникахъ развивалась необыкновенная охота къ повѣстямъ и сказкамъ. Сборники XVII вѣка сдѣлались потому главнымъ хранилищемъ этого разряда старинныхъ произведеній; значительное количество рукописей, посвященныхъ подобному содержанию, указываетъ, что именно легкая, забавная и занимательная повѣсть стала тогда чувствительною и требованіемъ въ нашемъ популярномъ чтеніи. Многія рукописи отличаются особеннымъ тщательствомъ, во вкусѣ того времени, написаны очень ровно и красиво, съ гравированными заставками и начальными буквами, украшены виньетками и картинками; онѣ принадлежали вѣроятно любителямъ и даютъ намъ понятіе о тогдашнихъ иллюстрированныхъ или дорогихъ изданіяхъ. Въ этихъ литературныхъ сборникахъ господствовала обыкновенная неразборчивость нашихъ старинныхъ собирателей; здѣсь соединялись и сказанія византійскія, и повѣстныя переводы, и баснословныя повѣсти изъ русской исторіи, и апокрифическія преданія. Въ XVII столѣтіи явилось желаніе воспользоваться и тѣмъ матеріаломъ, какой доставляла народная словесность, и рядомъ съ чужими повѣстями и сказками стали записывать и свои: такъ извѣстный стихъ о Голубиной книгѣ уже встрѣчается въ рукописяхъ этого времени. Къ сожалѣнію, подобная записка обнаруживалась рѣдко и не передали намъ народныхъ мифовъ въ той одеждѣ, которую носили они два вѣка тому назадъ и раньше; сказки и быльницы явились впервые въ XVIII столѣтіи въ размѣрахъ болѣе обширныхъ, но за то потеряли отъ книжниковъ и переписывателей. Какъ много замѣчательныхъ потребностей могли бы сохранить старинные списки, можно судить по прекрасному тексту повѣсти о *Горн-Волгачѣнѣ*.

Народный эпосъ во всю эту эпоху собирается только въ устахъ самого народа. Имена эпическихъ героевъ изрѣдка упо-

минаются въ старой письменности, хотя она имѣетъ много свидѣтельствъ о народныхъ преданіяхъ. Что знось сохранять свою свѣжесть и живичность въ народѣ, не подлежитъ сомнѣнію; присутствіе эпическаго строя отсрывается даже въ янвкѣ древнѣйшихъ памятниковъ. Постоюна, притча, заставка, сравненіе еще сохраняли свое сознательное употребленіе, какое утратили въ нашихъ сказкахъ: даже въ тѣхъ памятникахъ, гдѣ всего меньше можно было бы ожидать того, въ дѣловыхъ бумагахъ и грамотахъ, мы встрѣчаемъ съ тѣми свойствами и оборотами рѣчи, какіе по преимуществу усвоены народнымъ зносомъ. Живичность народнаго зноса необходимо предполагаетъ и его исторію: бышны о Владиміровыхъ богатыряхъ, какъ мы знаемъ ихъ теперь, конечно слишкомъ далеки отъ своего первообраза, и ихъ измѣненія начались въ очень отдаленное время. Смѣшеніе сюжетовъ, вставка новыхъ именъ и обстоятельствъ, намекъ на первобытный видъ произведеній, указывающіе и позднѣйшія эпохи—Татарскаго владычества, Московскаго царства, Сибирскихъ походовъ,—наложившія свою печать на преданія древняго зноса. Характеръ древнѣйшихъ бышней и позднѣйшихъ историческихъ пѣсней, такъ различны одинъ отъ другаго, что даетъ возможность опредѣлить до некоторой степени свойства народнаго творчества въ ту и другую эпоху. Историческій знось имѣетъ такимъ образомъ свою исторію и въ отношеніи къ живичности и развитію содержанія, и въ отношеніи народнаго авторства. Несравненно меньше фактовъ представляется теперь для объясненія *сказки*, другаго основнаго изправленія эпической народнои поэзіи. Большая часть нашихъ сказокъ существуетъ до сихъ поръ только въ устной передачѣ, и потому очень трудно обозначить вѣрно и кругъ ихъ содержанія и развѣтвленіе этихъ произведеній народнои фантазіи. Сказка неясными слѣдами отражаетъ въ себя доисторическій бытъ; ея таинственныя и волшебныя существа очевидно имѣютъ мифологическое значеніе, теперь слишкомъ затемненное временемъ. Для самого народа уже необъяснимы многія имена, эпитеты и атрибуты сказочныхъ героевъ, но они, такъ или иначе, повторяются до сихъ поръ, какъ преданіе глубокой старины. Древность современныхъ сказокъ легко опредѣляется и сама собой и сравненіемъ

съ преданьями другихъ народовъ; при всемъ томъ сказка терпѣла много нарушений своей первоначной формы, прежде чѣмъ получила нынѣшній видъ. Сохраняясь только памятью народа, сказка необходимо испытывала вліяніе новыхъ началъ жизни и должна была примѣняться отчасти къ понятіямъ позднѣйшихъ поколѣній. Какъ общіе племенные мифы разбѣлись на вѣтви въ разныхъ народностяхъ, такъ дѣлились сказки и въ отдѣльномъ народѣ по условіямъ историческимъ и этнографическимъ. Ни изъ нихъ образовались вѣроятно уже въ ту эпоху, за которой можетъ слѣдить исторія, потому что народъ не теряетъ своей способности олицетворять и поэтизировать явления, поражающія его фантазію, и мифъ возможенъ вездѣ и всегда. Паденіе древней сказки началось безъ сомнѣнія очень рано, вѣншимъ раздробленіемъ ея, смѣшеніемъ разныхъ мифовъ въ одинъ, раздѣленіемъ одного общаго преданья на частныя, независимыя разказы, при чемъ однако мало мѣнялись самыя сюжеты. Замѣчательный примѣръ этого представляютъ наши сказки о звѣряхъ, такъ называемый *животный эпосъ*. Въ его содержаніи много аналогическаго съ Шмецкими сказками, литературныя обработки которыхъ такъ знамениты были въ средніе вѣка. Записанный давно, Германскій эпосъ вошелъ не только въ Шмецкіе и Французскіе, но и въ Латинскіе памятники и слѣдовательно могъ удержатъ древнѣйшія черты своего состава. И по главнымъ героямъ и по ихъ похождениямъ, Германскій эпосъ однороденъ съ нашимъ и даже доходитъ имъ въ нѣкоторыхъ частностяхъ, такъ что Шмецкіе исследователи Рейнгарта, дорожающіе даже незначительными отрывками древняго сказанія, могли бы многое для его объясненія найти въ разказахъ, теперь извѣстныхъ въ нашей народной словесности. Между тѣмъ у насъ, какъ у другихъ Славянъ, животный эпосъ не сохранился въ нѣльяхъ, законченныхъ сказанійхъ, каковы древнія Шмецкія и Французскія, но разбѣлся на множество мелкихъ и большей частью безсвязныхъ сказокъ.

Былина и сказка были основныя формы народнаго нашего эпоса, выдѣлившіяся изъ общей массы эпическаго преданья. Съ теченіемъ времени, въ дальнѣйшемъ развитіи народной словесности, онѣ мѣняютъ свой характеръ, расширяютъ или сѣ-

уживаются свои границы. Былина, мифическая в своем основании, выражается в историческую повесть; сказка принимает в себя чуждые элементы, несродные с древним ее смыслом и становится былью, анекдотом. Это явление совершается постепенно, и представляя фазы их развития, выражает в тоже время их упадок. Таким образом наша сказка дала много и другим сторонам народной мысли, юмору и сатире: конечно они уже издавна вошли в поговорку и притчу, но сатирическая сказка есть явление, свойственное позднейшим эпохам народной словесности, и ни в каком случае не коренное, если только сатира присоединена к сказке мифической. Этот юмор обращается или против смешных сторон человеческого характера или против недостатков общественного быта, и потому выражение его выходило из предельной сказки, даже из предельной народного творчества, потому что в специальной сатире, точно зрелище принадлежит гораздо меньшему кругу людей. В последствии не так строга становится и граница сказки с народным анекдотом, который довольствуется не затейливостью, но забавным содержанием и за ним не имеет другой цели. Круг народного повествования завершается огромным количеством местных сказаний, составивших этнографическую характеристику народа, потому что содержание их по большей части находится в ближайшей связи с народным бытом. До сих пор мы имеем только отрывочные пересказы подобных преданий; между тем они представляют много любопытного для изучения народного эпоса, так как местное предание или примыкает по своей главной мысли к обще-народным поверьям и сказкам, или прямо специализирует, их приурочивая к частным условиям.

В каком же отношении находилась поэзия, народная и по содержанию и по форме, к памятникам книжной литературы? Состояние народной поэзии в период до-Петровском, не ясно до сих пор именно потому, что существование ее мало выражалось в произведениях письменности: то есть, она не имела существенной связи с явлениями книжной литературы. Не таково было ее положение у народов западно-Европейских;

не только Шменская и Романская, но даже и Латинская литература средних вѣковъ утверждалась на основаніи народной поэзіи и заимствовали изъ нея и мысль и иногда выраженіе. Свойства образованія и условія литературнаго развитія на западѣ и у насъ были слишкомъ различны, и аналогія, которую хотѣли иногда видѣть наши изслѣдователи между древней нашей письменностью и литературами западно-Европейскими, должна ограничиваться только немногими частными случаями, иначе становится натянутою и ложною. Если мы, съ своей стороны, можемъ указать только въ двухъ-трехъ поэтическихъ памятникахъ тѣсное родство съ народнымъ эпосомъ, то обвиненія старой нашей литературы въ бѣдности совершенно справедливы. Бѣдность заключается именно въ отдаленіи отъ національныхъ мотивовъ, которые одни могли дать литературѣ свѣжесть и силу. Изъ памятниковъ письменности нашей можно извлечь только случайные слѣды народной поэзіи, каковы дѣтские вставки изъ народныхъ притчъ, пословицъ и сказаній, упоминанія духовныхъ сочиненій о народныхъ повѣрьяхъ и преданьяхъ и т. п. Такое своеобразное положеніе народной словесности существовало какъ необходимый историческій фактъ и причина его лежитъ, какъ мы прежде замѣтили, въ давнишней борьбѣ противъ народнаго начала въ писаньяхъ, повѣрьяхъ и обрядахъ, — борьбѣ, отрывшейся уже въ древнѣйшихъ памятникахъ нашей письменности и продолжавшейся до конца стараго періода. Можно думать впрочемъ, что сильнѣйшій упадокъ народнаго начала связанъ съ общимъ ослабленіемъ литературы въ среднюю эпоху ея исторіи, преимущественно блѣдную и схоластическую. Одна изъ причинъ, поддержавшихъ это явленіе, едва ли не заключается въ томъ обстоятельствѣ, что очень долго вся письменность наша была въ рукахъ однихъ духовныхъ лицъ. Это было и въ западныхъ литературахъ, но тамъ общее направленіе пріобрѣло такую силу, что писатель уже подчинялся его вліянію; между тѣмъ у насъ онъ скорѣе непреклонно смотрѣлъ на то, что выходило изъ круга его дѣятельности. При томъ наше образованіе всегда оставалось духовнымъ, и свѣтскій писатель необходимо долженъ былъ идти по тойже дорогѣ: по крайней мѣрѣ извѣстны намъ со-

чинецъ бояръ и дяковъ позднѣйшаго времени таковы, что, не зная ихъ сочинителей, мы не колеблемъ признать бы ихъ духовными лицами.

Такимъ образомъ народная поэзія не была въ нашей письменности корнемъ литературнаго развитія и даже не имѣла въ ней замѣтной роли: но, говоря о старинной повѣсти, нельзя не замѣтить и некоторыхъ, большей частью внѣшнихъ, отношеній и связей народной поэзіи съ произведеніями книжными. Легко ожидать подобнаго явленія, если старинная повѣсть обращалась въ обширной массѣ разнородныхъ читателей, и, какъ мы видѣли, встрѣчала иногда живое сочувствіе. Достаточно нѣсколькихъ сблизженій, чтобы убѣдиться, что, какъ элементы книжные входили въ содержаніе народнаго эпоса, такъ и въ сказаніяхъ переводныхъ, извѣстныхъ по стариннымъ сборникамъ, многое преобразовалось въ иные формы отъ вліянія народно-поэтическаго взгляда.

Чужія повѣсти иногда особенно занимали читателей по какимъ нибудь чертамъ своего содержанія, безпрестанно переписывались и расходились въ новыхъ спискахъ. Извѣстно, какимъ удивительнымъ превращеніямъ подвергается иногда въ рукописныхъ литературахъ одно и то же произведеніе: сравнитъ нѣсколько списковъ какой нибудь любимой старину повѣсти, можно безъ труда видѣть, что все множество вариантовъ часто бываетъ только слѣдствіемъ обширнаго распространенія повѣсти, переходившей во все стороны и во все разряды читателей. Не говоря о томъ, что при подобномъ распространеніи внѣшныя подробности складывались подъ Русскія формы, самое вещество много заимрываетъ въ почву народности сказа и языка. На этомъ и останавливались, большей частью, переводныя повѣсти. Но случалось, что эти трагестивированные рассказы сближались съ оригинальными произведеніями народа и, не смотря на чужое происхожденіе, получали право гражданства въ нашемъ сказочномъ эпосѣ: герои переводныхъ повѣстей изображались теми же красками, какъ богатыри сказекъ и бытій. Такъ по свѣдѣтельству знатоковъ, варианты рукописныхъ сказаній о Соломонѣ повторяются въ Малорусскихъ преданіяхъ; такъ Штепльнскій романъ XIII—XIV вѣка превратился въ Русскую на-

родную сказку о Бови-королевичѣ. Тамъ же путемъ провазвали многие изъ нашихъ народныхъ анекдотовъ, въ которыхъ хотѣли видѣть проявленіе Русскаго юмора, и которые однако составляютъ принадлежность Нѣмецкой или вообще западной анекдотической литературы среднихъ вѣковъ. Навѣстивъ дубочины издавна, съ XVII вѣка занимающія важное мѣсто въ народномъ чтеніи, представляють много заимствованныхъ разсказовъ, принадлежавшихъ старинной рукописной повѣсти.

Съ другой стороны чисто-народныя произведенія подвергались книжному вліянію. Въ нихъ очень легко могли появиться отдѣльныя подробности чуждаго происхожденія: въ кругу народныхъ знаній давно перенали многи повѣри о чудныхъ далекихъ странахъ, дивныхъ зверяхъ и птицахъ, заключенныя сначала въ переводимыхъ сборникахъ, въ родѣ средневѣковаго «Филіолога», и потомъ распространившіяся посредствомъ абуковниковъ и имъ подобныя популярныя книги; отсюда они появились въ пѣснѣ, быльи, и можетъ быть въ сказкѣ. Такой переходъ явновъ во многихъ случаяхъ можно считать болѣе естественнымъ, чѣмъ живое преданіе, которому нерѣдко даютъ слишкомъ обширное значеніе. Иногда народная поэзія заимствовала и цѣлые сюжеты изъ книжныхъ преданій и повѣстей; это должно было производн конечно тамъ, гдѣ свѣра книжнаго знанія относилась къ живѣйшей струнѣ въ народныхъ понятіяхъ и могла поэтому служить этическому матеріалу, и отсюда явились ополитизированные сюжеты духовныхъ стиховъ «объ Алексѣ божіемъ человекѣ», о «Федорѣ Тиронѣ», о «Борисѣ и Глебѣ», даже стихи о Голубиной книгѣ, о «Георгіи Храбромѣ» и другіе. Мотивы послѣднихъ не всегда принадлежатъ народной фантазіи, но давно ею воспринятыя, они связаны съ національными мифами и развиты параллель съ ними. Не всѣ духовные стихи одинаково древни, но многие принадлежатъ датской старинѣ; стихъ о Голубиной книгѣ, одно изъ любочинѣйшихъ произведеній Русской эпической поэміи, въ XVII столѣтіи является уже какъ нечто законченное; очевидно, чтобы распространиться въ народѣ, отразить его понятія и принять самый складъ выраженія, преданіе, служившее основой стиха, должно было давно усвоиться народу. Наконецъ въ народную поэзію обнору-

живаго вліяніе и книжної повісти. Въ былинахъ съ героями Владимірова времени виступається иногда богатыри переводныхъ сказаній, какъ обрусѣвшій «Полианъ-богатырь». Народная сказка въ своему оригинальному содержанию примѣшвала частности, заимствованныя изъ того же источника: «мечъ-кладенець», необходимый спутникъ сказаннаго героя, едва ли не была чертой заимствованной, также какъ магическая гора, притягивавшая далеко плывущіе корабли, или *павий-птица* старинное *погъ*, выносящая сказаннаго паровича изъ половецкой страны на святую Русь. Даже ильые эпизоды могли быть обработаны на основаніи чужихъ разсказовъ: въ числу заимствованныхъ относится, быть можетъ, наша сказка «о злой женѣ», появившей въ яму и напугавшей бѣса, очень известная и въ средневѣковой западной повѣсти.

Обзоръ старинной Русской повѣсти раздѣляется следовательно на два главные вопроса: одинъ касается книжнаго чтенія древней эпохи, совмѣщающаго различные сказанья среднихъ вѣковъ; другой относится къ чисто-народному эпосу. Для рѣшенія послѣдняго вопроса до сихъ поръ собрано чрезвычайно мало необходимыхъ данныхъ: нѣсколько десятковъ былинъ, нѣсколько духовныхъ стиховъ, составляютъ весь матеріалъ, доступный теперь для исследователя; сказки до сихъ поръ записывались и издавались людьми, нѣсколько не подготовленными, да и не заботившимися о вѣрной передачѣ народныхъ разсказовъ; въ изданіи г. Монастырева въ первый разъ принята правильная метода. Такъ какъ полный фактический обзоръ не можетъ принести здѣсь существеннаго результата, мы ограничимся здѣсь только объясненіемъ старинной рукописной литературы повѣстей или пону тарнаго чтенія, по тѣмъ матеріаламъ, какими можно пользоваться. За тѣмъ могутъ быть собраны известныя до сихъ поръ данныя для исторіи народнаго эпоса, былинъ и сказокъ.

Мы стараемся показать содержаніе старинныхъ литературныхъ сборниковъ, заключающихся въ нихъ, большей частью переводныхъ повѣстей и сказанья, и нѣкоторыя сочиненія собственно Русскія и такъ какъ почти все наши перекладъ представляютъ одну эпическую область съ произведеніями средне-

вковой романтической литературы, то необходимо было упомянуть объ этих литературной историк, чтобы поставить наши сказанія въ настоящемъ свѣтѣ. Чисто-фактическіе приемы совершенно достаточны въ этомъ случаѣ, потому что ими ясно опредѣляется достоинство разбираемыхъ памятниковъ; многія изъ указаній, нами сдѣланныхъ, требуютъ еще подробнѣшаго и точнѣшаго опредѣленія. Перечисляя повѣсти, нужно было, съ другой стороны, приводить самые списки и рукописи, чѣмъ достигается и библиографическая и историко-литературная цѣль: всѣ почти произведенія старинной повѣсти извѣстны только по рукописямъ, следовательно далеко не для всѣхъ доступны, тѣмъ болѣе, что нынѣ повѣсти встрѣчаются до сихъ поръ въ одномъ экземплярѣ, какъ замѣчательное «Девгеніева Дѣланіе»; указаніе списковъ необходимо и потому, что вѣрное понятіе о великомъ памятникѣ рукописной литературы достигается только обширнымъ сравненіемъ списковъ. При этомъ мы дѣлали указанія на слѣдующія собранія:

— *Толстовское*, принадлежащее Публичной Библиотекѣ. Здѣсь находятя многіе прекрасные сборники повѣстей и сказокъ, болышею частью XVII столѣтія, и отдѣльныя рукописи сказаній, напримѣръ «Варлаамъ и Иосафатъ», «Александрія» и др. Вообще, Толстовское собраніе вполне заслуживаетъ обширнаго описанія, потому что «Обстоятельное описаніе» Калайдовича и г. Строева коротко и не вѣрно не точно.

— *Погодинскія* рукописи представляютъ нѣсколько драгоценныхъ памятниковъ: назовемъ прекрасный списокъ «Стефанита и Пхиллата», единственные экземпляры «Девгеніева Дѣланія» и «повѣсти о Горѣ-Влочастіи», и басню Елопа въ переводѣ второй половины XVII столѣтія.

— Рукописи *Фролова*, *Дубровскаго*, *Каменискаго* и гр. *Суртетова*, также, какъ и собраніе г. Погодина, принадлежація Публичной Библиотекѣ. Всѣ эти собранія впрочемъ далеко не такъ богаты.

— *Румянцовское* собраніе, довольно извѣстное по «Описанію» г. Востокова, имѣетъ вообще немного сборниковъ сказочнаго содержанія; изъ любопытнѣйшихъ рукописей укажемъ самый старый текстъ «сказанія о Мушкетерскомъ поеводѣ Дракулѣ»; ред-

кую «повесть о Соломоне», «Великое Зерцало» XVII века и несколько енисейских «Александрин».

Мы обязаны г. Заблудину сведениями об его рукописном собрании и сообщением нескольких любопытных сборников XVII—XVIII столетий; мы пользовались также некоторыми рукописями г. Тихомирова. Все другие собрания известны нам только по печатным каталогам, как превосходный рукописи Царского, принадлежавший теперь гр. Уварову; библиотека Московского Общества Истории и Древностей; бывшее собрание Демидова, и другие. Само собою разумеется, что материалы могли бы значительно пополнены, если бы можно было воспользоваться и этими богатыми собраниями и другими рукописными собраниями, неизвестными даже и по каталогам.

Так как старинная рукописи XVII и XVIII века представляли и несколько данных для истории народного эпоса, былины и сказок, мы означили те народные произведения, которые были нами встречены в старинных списках. Нет сомнения, что со временем могут быть найдены и другие памятники народной словесности, верно записанные старинными грамотами. Говорить о достоинстве подобных текстов было бы лишнее.

В приложениях помещены выписки из некоторых старинных повестей. Приложения могли бы быть распространены еще больше, но теперь мы представляем только пробы, а не большой выбор из этих произведений. Здесь должна быть сделана одна оговорка. В печатании рукописных памятников у нас принято правилом заботиться о вернейшей передаче текста, стараясь ориентироваться на оригинал; это правило доводит иногда до крайности, где оно становится только помехой и лишним трудом. Этот способ имеет большую цену, но тогда, когда дело идет о памятниках древних языков, особенно по содержанию, но и по мелким особенностям языка и правописания. Мы следовали ему, приводя выписки или из рукописей старых, или любопытных по орфографии. Но большее значение эта мелкая точность не была для нас необходима; памятники XVII и XVIII века, нами приводимые, не имеют этой хронологической важности, и в переписке их достаточно было сохранить *чтение*, а не способ написания. Во первых, все сохра-

шенія, которыми обильны рукописи XVII вѣка, разрѣшаются весьма обыкновеннымъ чтеніемъ и следовательно не нуждаются въ точномъ соблюденіи подлинника. Во вторыхъ, эти рукописи нерѣдко обильны и ошибками чисто-орфографическими, которыя были ошибками и въ старину; сохраненіе ихъ несколько не прибавило бы котораго памятнику, потому что онѣ обнаруживаютъ только незнаніе переносчиковъ: удерживать неправильное употребленіе буквы ъ и тому подобныя случаи, значило бы только неприятно встрѣять текстъ, безъ всякой пользы.

I.

Вліяніе Византійское и южно-Славянское. — Русскія редакціи средневѣковыхъ сказаній объ Александрѣ Македонскомъ: по сло-Каллаоску. — Повѣсти о Троянскои войнѣ: старинная «спричка о крадехъ» и позднѣйшии переводъ книги Гвидо де-Колумны.

Древнѣйшій періодъ нашей письменности представляетъ много началъ, развитіе которыхъ могло бы дать средства къ самостоятельной и разнообразной дѣятельности въ литературѣ: характеръ первыхъ произведеній ея обнаруживаетъ благоприятныя условія, въ которыхъ народныя политическія стремленія не были заглушаемы вліяніемъ чуждой литературы и, напротивъ, очень ярко выражали свои права. Вліянія отношенія ставили права Русскихъ авторовъ въ зависимость отъ литературы Византійской, наследованную нами черезъ южно-Славянское посредничество; но эта зависимость не была совершеннымъ подчиненіемъ, и ея дѣйствіе умѣрялось свѣжей привязанностью къ началамъ национальнымъ. Тринадцатое столѣтіе открыло новый періодъ въ умственной и нравственной жизни древней Руси: вліянія несчастія, стѣсненіе самобытности, должны были невыгодно отразиться и въ литературѣ, и дѣйствительно эпоха Татарскаго владычества положила замѣтный отпечатокъ на ея памятникахъ.

Вместе съ тѣмъ, многиа произведенія до-Татарскаго періода или совершенно погибли, или остались уединенными свидѣтелями того, въ какихъ размѣрахъ и въ какомъ направленіи могло совершаться прежде литературное движеніе. До насъ дошло только незначительное число рукописей этого времени: рукописи, а съ ними и самыя сочиненія, терпѣли отъ разныхъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ, такъ что о многихъ памятникахъ мы можемъ только догадываться; потому очень часто трудъ исследователя древнѣйшей Русской словесности состоитъ только въ томъ, чтобы возстановить по возможности ея фактически составъ и объемъ.

Во вѣдѣній ея исторіи прежде всего обращаетъ на себя вниманіе тѣсная связь ея съ Византийскою литературою среднихъ вѣковъ, связь, которая и по вѣдѣніямъ нашихъ памятникамъ можетъ быть опредѣлена довольно точно. Не говоря о множествѣ сочиненій духовнаго содержания, принятыхъ нами вмѣстѣ и христіанствомъ, и которыхъ весьма древніе списки уцѣлѣли до сихъ поръ, — переводы Греческихъ хронографовъ начались почти одновременно съ первыми попытками Русской литературной дѣятельности. Знаніе хронографовъ дало первому нашему дѣлательцу возможность представить въ началѣ своего труда короткій, но точный космографическій очеркъ: переводъ Маталы несомнѣнно принадлежитъ дѣлательцу, столько же древней и Амартоги, сѣбѣ котораго въ Нестерѣ указывалъ еще А. И. Шлегель, Philol.-krit. Miscell. Wien 1799. 99 — 100. Въ историческихъ хронографахъ заключался переходъ въ произведеніямъ чисто-литературнаго характера, какія перешли къ намъ въ послѣдствіи такъ же изъ византийскаго источника; но въ которыхъ, неяснымъ образомъ, намекамъ и эти послѣднія можно отнести къ отдаленной старинѣ. Были ли всѣ эти произведенія трудомъ собственно Русскихъ переводчиковъ — другой вопросъ; но крайней мѣрѣ ихъ непрямое-Русское происхожденіе не мѣшало имъ дѣйствіемъ на читателей и они помогали между тѣмъ расширенію Русскаго литературнаго запаса.

Тотъ широкій путь, которымъ переходили къ Русскимъ читателямъ Византийскія произведенія, составляли Болгарская и Сербская письменность, во все время ихъ цвѣтущаго состоянія.

Многое, на что у насъ смотрѣли иногда какъ на Русское, было принадлежностью литературъ южно-Славянскихъ; но переходя къ намъ, въ нихъ оно иногда не оставляло никакихъ слѣдовъ своего существованія. Памятники Болгарскіе сохранились болѣею частью въ Русскихъ спискахъ, передѣлывавшихъ особенности старо-Славянскаго текста, и только у насъ они получили въ послѣдствіи важное значеніе, — какъ древніе переводы Византійскіе для подлиннѣйшихъ составителей хронографовъ. Сближеніе словесности южно-Славянскій съ нашею, обусловливалось съ одной стороны единствомъ литературнаго языка, съ другой единствомъ исповѣданія и протекавшими изъ него обстоятельствами. Взаимное общеніе народовъ приводило къ намъ духовныхъ учителей изъ Болгаріи и Сербіи; они приносили къ намъ памятники своей литературы, важные тѣмъ болѣе, что были очень понятны и для Русскаго читателя. Въ числѣ главныхъ органовъ этого посредничества долго была Афонская гора; уже давно упоминаются путешествія Русскихъ къ Святогорскимъ обителямъ, и давно Русскіе получили тамъ право гражданства. Тамъ составлялись переводы Грецескихъ писателей; тамъ писалось множество рукописей, которыя приносились болѣе потомъ въ Россію и расходились по всемъ ея краямъ. Въ послѣдствіи характеръ сношеній много измѣнился, когда съ паденіемъ Византіи и Афонская гора подверглась преслѣдованію и угнетенію; и тогда однако она не переставала посвящать Русскимъ плоды своей дѣятельности; въ XVI столѣтіи имя Максима Грека блистательнымъ образомъ напоминало объ Афонской горѣ. Наконецъ, Афонскіе иноки приходили въ Россію всего болѣе въ надеждѣ на помощь и за милостынею отъ царя и народа. Еще раньше кончилось содѣйствіе нашему образованію со стороны Болгаръ и Сербовъ: съ паденіемъ политическимъ прекратилось у нихъ и развитіе литературное, такъ что наконецъ у нихъ не появлялось ни своихъ новыхъ произведеній, ни переводовъ; литература Сербскаго языка жила только въ Дубровническихъ памятникахъ, явившихся независимо отъ старинной словесности Сербіи православною. Какъ бы въ замѣтъ прекраснаго, въ Болгаріи и Сербіи распространялись уже Русскіе памятники, даже самые списки Русской редакціи.

Несомненно также и прямые отношения нашей литературы с Византийскою. Переводы съ Греческаго дѣлались и дома на Русь; являкъ этотъ быть повѣстенъ многимъ; притомъ къ намъ постоянно собираются много Греческихъ выходцевъ. Игониусъ отмѣчаетъ иногда самыя переводы, какъ фактъ любопытный; такъ въ Сербійскомъ Временникѣ упомянуто о переводѣ поэмы Георгія Ниседа — «Похвала къ Богу о сотвореніи вселеннаго». Въ соединеніи съ тѣмъ, что досталось намъ изъ Юліано-Славянскаго негочника, Русская письменность обнаруживаетъ общирное знакомство съ разными отраслями Византийскаго искусства, и теперь сохраняетъ много памятники этой послѣдней, неизвѣстныя въ Греческомъ подлинникѣ; точно также она сберегла много юліано-Славянскіе переводы. При изученіи памятниковъ Византийскаго повѣствовательнаго или поэтическаго искусства, повѣстнаго вообще очень мало, необходимо обратиться къ старинной Русской письменности, гдѣ иногда остается ихъ единственный слѣдъ. Такъ, до недавняго времени ученые мало были знакомы и съ Византийскими редакціями знаменитыхъ сказаній объ Александрѣ, которыя подъ нѣсколькими видами повторяются въ старинныхъ нашихъ передѣлкахъ, и теперь существуютъ во множествѣ списковъ, нѣрѣдко дополняющихъ издаваемые Греческіе тексты.

Старинная наша «Александрія» — какъ ее называли — представляетъ особенный видъ того произведенія Греческаго искусства, которое обыкновенно приписывается псевдо-Каллисмену, и которое, распространившись въ Латинскихъ редакціяхъ во всей Западной Европѣ среднихъ вѣковъ, сдѣлалось источникомъ множества поэтическихъ сказаній и романовъ, описывающихъ подвиги и славу Александра Македонскаго. Исторія его у насъ, какъ и вездѣ, была одною изъ любимыхъ книгъ народнаго чтенія; это общее сочувствіе, съ какимъ вообще встрѣчали романъ псевдо-Каллисмена, объясняютъ и симпатичную личность самого героя и поэтическимъ колоритомъ, приданнымъ ему уже въ первоначальной формѣ сказанія. Далекіе походы Александра, слава и важное историческое значеніе его завоеваній, оставили неизгладимое впечатлѣніе: для Восточныхъ народовъ онъ не забытъ и до сихъ поръ; на Западѣ онъ увлекалъ своимъ рыцарскимъ характеромъ — его великодушіе, благородство, смѣлость

оружія и даже раныя сѣть дали ему особенную прелесть въ глазахъ средневѣковаго читателя. Странствованія и чудныя открытія Александра нашли такое же участіе, какъ и военные его подвиги; его историки отнесли къ нему фантастическія преданія о земляхъ и народахъ, ходившія со времени Гомера, прибавили къ нимъ многое изъ баснословныхъ сказаній Востока, и разсказъ объ Александрѣ сталъ романтическою этнографіею и романтическимъ описаніемъ природы, гдѣ нашли мѣсто всякія чудныя существа въ родѣ Гомеровыхъ циклоповъ и дестригоновъ, Геродотовыхъ аримасновъ, Ктезиевыхъ макробіевъ и пр. Крестовые походы напомнили о страшныхъ людяхъ, удивительныхъ физическихъ явленіяхъ, видѣнныхъ Александромъ; на отдаленномъ Востокѣ искали таинственнаго эльдорадо, полнаго чудесъ и опасностей.

Переходи отъ одного народа къ другому, сказанія объ Александрѣ мѣнялись въ духѣ разныхъ національностей, и такимъ образомъ явились отдѣльныя ихъ редакціи, сходныя въ главныхъ фактахъ и отличныя въ подробностяхъ и колоритѣ событій и преданій; частные мифы получали большее развитіе и новый смыслъ или вставлялись цѣликомъ изъ другаго источника, хотя бы и не допускали первоначальнѣйшей вѣды сказаній. Та же приваровленіе къ известной національности выразилось уже въ первыхъ редакціяхъ исторіи, въ первыхъ попыткахъ соединить разсѣянныя подробности въ одно цѣлое. Зарѣвѣвши сяотносить къ эпохѣ, слѣдовавшей за смертью Александра, когда его исторія уже начинала покрываться туманомъ; полное изложеніе основнаго преданія приурочивають къ Александрійской эпохѣ. Отсюда объясняютъ, почему вообще въ западныхъ редакціяхъ отцемъ Александра является не Филиппъ, а Египетскій царь Нектанебъ: происходя отъ него, Александръ становится уже не завоевателемъ Египта, а прямымъ наследникомъ послѣдняго царя. Баснослову, по мнѣнію Лестрония, передано тайное чувство національнаго самолюбія, присвоивавшее своему народу славу чужаго героя и желавшее скрыть свое собственное пораженіе. Восточныя преданія съ той же заднею мыслью представляютъ Александра сыномъ Персидскаго царя Даріаба. Въ западно-Европейскихъ предѣлахъ исторіи, преданіе о Нектанебѣ не

имѣло конечно особеннаго смысла, и было принято какъ чисто-историческій фактъ. Вместо того западные ученые варьировали исторію Александра въ другихъ отношеніяхъ и опять изображали ее въ новомъ свѣтѣ. Мы сообщимъ только немногіе факты изъ литературной исторіи сказаній объ Александрѣ, чтобы показать отношеніе Русскихъ редакцій къ первоначальному разсказу, и объяснить, почему наши редакціи разнятся иногда другъ отъ друга.

Лучшія изслѣдованія о началѣ и древнемъ видѣ этихъ сказаній объ Александрѣ: — *St.-Croix*, Examen critique des historiens d'Alexandre le Grand, Paris 1804; — *F. Froelländer* или по В. де-Кемперю *Ferry*, Vie d'Alexandre le Grand, коротенькая, но очень любопытная статья по поводу изданія кард. Мач Юлія Вазерія Mediol. 1817, въ *Bibliothèque universelle de Genève* 1818, VII. Littérature p. 218—229, 322—349; — *Berger de Xirrey*, Notice de la plupart des manuscrits... contenant l'histoire fabul. d'Alexandre le Grand, comme sous le nom de Pseudo-Callisthènes, обширная статья, помѣщенная въ *Notices et Extraits des manuscrits de la Bibliothèque du Roi* t. 13, 2, 162—219 и выписки 219—307; *Grässe*, Die grossen Sagenkreise des Mittelalters, Dresden u. Leipzig 1842, 435—456. Псевдо-Каллисеновъ издавъ въ первый разъ на Греческомъ языкѣ К. Моллеромъ по вселюбимымъ епискамъ въ Дидоровой *Scriptorum Graecorum Bibliotheca*, Paris 1846 (*Arrianus*, *Fragmenta scriptorum de rebus Alexandri Magni*, *Pseudo-Callisthenes* съ прекраснымъ предисловіемъ, объясняющимъ исторію Греческаго текста).

Греческая исторія, а вмѣстѣ съ нею и Русскіе переводы разсказываютъ, что Нектанебъ обладаетъ волшебными знаціями, посредствомъ которыхъ легко побѣждать враговъ своихъ. Однажды царству его стало угрожать новое ополченіе изъ разныхъ народовъ Востока; Нектанебъ увидѣлъ, что обыкновенная его защита будетъ недостаточна, и рѣшился искать спасенія въ дальнихъ странахъ. Онъ оставилъ отечество; Египтяне долго ждали его, наконецъ обратились къ оракуламъ и получили такой отвѣтъ: обѣщанный царь снова придетъ въ Египетъ, но не

старцем, а юношей, и побѣдиль вратовъ нашихъ Перевостъ Ps.-Call. 1, 34. Между тѣмъ Нектандей поселяется въ Македоніи, приобретаетъ славою мудрости всеобщую павѣстность, знакомится съ Олимпіадой—дочерью царя Добонскаго, Фода,—приходитъ къ ней подъ вѣтомъ и символами Юпитера Аммона и дѣлается оцемъ Александра. Воспитаніемъ ребенка занимался самъ Нектандей вмѣстѣ съ Аристотелемъ; но претеканію самого Нектандея, Александръ сдѣлался причиною смерти отца своего и тогда только узналъ о своемъ происхожденіи. Когда умеръ и Филиппъ, Александръ началъ войну съ Персидскимъ царемъ, но передъ тѣмъ покорилъ соседнихъ народовъ и присоединилъ ихъ къ своему воинству. Онъ приходилъ даже въ Италію; «Римляне же тогда не выху царя — разсказываетъ Румянц. Александрія, въ хроногр., 17 456 л. 142 — но сами власть правящу, и сръбоща Александра съ честію и со многими дарми и фарика, сирѣчь конѣ, изведомна, корткородиловымъ сѣдломъ обѣдланъ, и отъ камени адаманта шнессона ему оружіе Александра Фарика, сына Пріама, царя троиска, еже Атаментъ, царь греческій, взялъ въ Трои, и коніе адеопаново зъ бисеромъ и камениемъ многоцвѣтнымъ шнессона Якина Келомонича т. е. Аякса Теламонича и шѣхъ 17, и шить Тарканія царя Римскаго, кожею асидовою повтаченъ; и славно вше въ Римъ и сръбте его ереи Аполоновъ, и покади, и поклоняся ему, и шнессе ему злато и миро и ошмянъ, и вси царіе западніи придѣлаи къ нему, со многими дарми, еже не восвати ихъ мотухуса, и поведе имъ дань даяти отъ 12 дѣтъ и воиска вооруженнаго шнессе въ Ps.-Call. р. 29 — 31 подл.). Жители Египта признали Александра своимъ царемъ, потому что на немъ исполнились претеканія Нектандея и оракуловъ: здѣсь онъ строитъ Александрію, отправляется за тѣмъ въ Тиръ, посылаетъ Финикію и Палестину.

Услышавъ о намѣреніяхъ Александра, Царій отправляется къ нему высокофирія письма, и съ ними шрушки, которыми Александру будто всего приличіе заниматься, какъ ребенку; Александръ отвѣчалъ смѣю и бойко. Отъ спора дѣло дошло до битвы; псевдо-Каллисеновъ сохранилъ здѣсь главныя историческіе факты, но въ описаніяхъ сраженій не жалѣеть своей

фантазии и даетъ разсказу очень много неисторическаго блеска. Побѣдивъ Дарія и женившись на дочери его Роксанѣ, Александръ думаетъ о новомъ походѣ въ Индію; Поръ встрѣчаетъ его со львами и слонами, но царь Македонскій хитроство взявъ надъ нимъ верхъ въ единоборствѣ и сѣсть на его престолѣ. Несметныя богатства Индійскаго владыки остаются Александру; ему привели коней Пора, «середей индійскихъ», львовъ доменныхъ и леопарды—«сирѣчь бобровъ», объявляютъ Русскій переводчикъ: — «за золотыхъ ченяхъ все то ко Александру привелона, чѣмъ Поръ царь дѣшисла», сказано въ одномъ изъ полныхъ списковъ исторіи. Затѣмъ Александръ отправленъ къ гимнософистамъ, — «статомудренъ» или «стодомудренъ» въ нашемъ переводѣ, — обитавшимъ въ пещерахъ или подъ открытымъ небомъ, и удивленъ строгости ихъ жизни и презрѣнію земной суеты: они не признавали его могущества, и онъ не рѣшился воевать съ ними, чувствуя ихъ нравственное превосходство. Далѣе, онъ увидѣлъ на морѣ островъ, гдѣ была царская гробница, заключающая огромныя сокровища; одинъ изъ полководцевъ отправился осмотрѣть островъ, но едва вступилъ на него съ своими спутниками, какъ онъ скрлся въ пучинѣ.

Еще до войны противъ Пора, Александръ встрѣчалъ на пути много удивительныхъ вещей; теперь походы его представляють цѣлый рядъ чудесъ, и самый характеръ странствованій измѣняется: единственною причиною ихъ становится непреодолимая и неопредѣленная любознательность. Не думая о завоеваніяхъ, Александръ старается проникнуть все таинственное въ природѣ, и въ невѣдомыхъ до цего странахъ находитъ необыкновенныхъ людей и животныхъ. Это — люди съ собачьими головами, люди съ птичьими ногами и туловищемъ, съ глазами и ртомъ на груди, одноногіе, шкелоны, великаны и пигмеи, или столько же уродливыя животныя. Его вниманіе останавливаютъ и чудные феномены природы: то приходитъ онъ въ страну, гдѣ войско его мучится отъ жестокаго зноя, то терзаетъ дорогу отъ непроницаемаго мрака и идетъ въ это время по землѣ, совершенно покрытой дрожащими камнями; то встрѣчаетъ непроходимый ровъ и строитъ черезъ него желѣзную «комару». Онъ отправляется наконецъ и въ воздушное путешествіе на три-

фахъ, прислушивается къ говору птицъ, которыхъ разспрашиваетъ объ ихъ жизни, законахъ и обычаяхъ; опускается въ глубину моря, чтобы извѣдать его внутренность, и рыбы толпами стекаются къ Александру. Онъ приходитъ къ солнечному городу (Гелиополь), «откуда солнце восходитъ», встрѣчаетъ ужасныхъ «счастливыхъ» народовъ, и чтобы избавить отъ нихъ вселенную, заключилъ ихъ камнемъ сунклитомъ въ торахъ «сѣверскихъ», откуда имъ нѣтъ исхода; «сунклитъ же дѣлать такъ — никакое желѣзо его растлѣть не можетъ, и отъ него не возметъ». Этотъ рассказъ о заключеніи несчастныхъ народовъ, повторенный у Меодія Патарскаго, находится и въ другомъ любопытномъ сочиненіи, въ Румницъ сборникѣ XVII в. № 363, л. 454 сл.: Александръ загналъ несчастные народы въ тѣсное пространство между горъ и «какова нестунившеся мѣсто вратами желѣзными и сунклитомъ помаза; и сунклитъ же той есть вещь дивна такъ, его же огнь не жжетъ, ни желѣзо не съчетъ; внутрь же вратъ тѣхъ на 300 поприщъ купиною насади и ту поганые языки заградя». Въ числѣ этихъ народовъ были между прочимъ и Татары. Далѣе, въ одномъ озерѣ Александръ велѣлъ поймать рыбу, и въ ней нашли «камень свѣтлый, яко солнце сіяетъ въ пощи»; потомъ сразился съ чудными людьми «горѣ человекъ, доду конь, вѣк паршахуся исполнень», которые въ некоторыхъ спискахъ названы антирандо «волканами»; встрѣчаетъ царство амазонокъ и посылаетъ имъ вмѣсто себя коня какъ паря. Узнавъ о говорящихъ деревьяхъ, онъ послѣднимъ къ нимъ спросилъ ихъ о будущемъ; деревья предсказали ему, что онъ умретъ въ Вавилонѣ и не оставитъ потомства. Александръ послѣдилъ и Калдакю, паряцу земли Муринской или Эююшн, а по другимъ предмѣну Семирамиды; при этомъ онъ едва не погибъ отъ сына Калдакн—у Юлія Валерія Charogos, у псевдо-Каллисена и въ Русскихъ редакціяхъ Дорнѣ, Δορξήρ, — женатаго на дочери Нора. Наконецъ, послѣ новыхъ странствій, Александръ пребылъ въ Вавилонѣ и умеръ тамъ отъ отравы; передъ смертию онъ простился съ Роксанною, со всеми придворными, воинами и конемъ «стучиналомъ» или «волудлавымъ конемъ», который съ яростію растерзалъ его отравителя кривого Вріонуша Радѣловъ свое царство и давъ наставленіе «волосте-

дямъ, Александръ умеръ при восходѣ солнца; парша Олимпіада и Роксана причитали горько и жалостно, и стоиши плачь и рыданіе бысть тогда о царѣ Александрѣ, — говорится въ одномъ поднимѣ спискѣ, — якоже отъ созданія міра никто такъ ва плача не видалъ и не слыхалъ, и потому не чають быти и до скончанія міра: понеже бо вся вселенная и вся земля рыдаху объ немъ и плакаху отъ мала и до велика, яко отъ глазу плывчсваго и земли возстопати и чаяти вопли того гласъ бысть и до небеси слышати». Исторія оканчивается численіемъ городовъ, построенныхъ Александромъ.

Такъ вообще передаются повести Александра въ нашихъ редакціяхъ; однако при общемъ сходствѣ содержанія подробности и самый подборъ событій не всегда одинаковы въ разныхъ спискахъ. Это зависѣло не столько отъ Русскихъ интерпретцій, сколько отъ вариантовъ Греческаго текста, который имѣлся съ теченіемъ времени болѣе и болѣе, такъ что два перевода съ разныхъ списковъ необходимо должны были отличаться одинъ отъ другаго. Исторія псевдо-Каллисенова романа объясняетъ это несходство Греческихъ редакцій, а за ними и нашихъ списковъ. Произведеніе, означаемое именемъ псевдо-Каллисена, не дошло до нашего времени въ предельномъ своемъ видѣ; въ немъ много вставокъ разнаго времени и разнаго направленія. Нѣтъ сомнѣнія однако, что это произведеніе известно было въ древности: у многихъ Греческихъ и Латинскихъ писателей замѣчаютъ слѣды его, но опредѣлить ими автора нѣтъ никакой возможности. Кроме Каллисена, который и потому не могъ быть сочинителемъ этой исторіи, что умеръ гораздо раньше Александра (328 г. до Р. Х.), сочиненіе приписывали какому-то Езону, Симеону Саю — известному переводчику басень Бидпая, Антиоэну и пр., но всѣ эти имена явились только отъ ошибокъ переписчиковъ и простыхъ quiproquo: Армянскій переводъ V столѣтія называетъ авторомъ Аристотеля, Еврейскій — Птолемей. Эпоху появленія псевдо-Каллисена ученые опредѣляли также различно: отъ одинадцатаго вѣка, когда жилъ Симеонъ Сая, ее отодвигали и далѣе въ древнѣе, до Александрійскаго періода и Птолемеевъ. Всего вѣрнѣе причислить романъ псевдо-Каллисена къ тѣмъ анонимнымъ произведеніямъ, которыя со-

ставляются не вдруг, а мало-по-малу, и потому не могут быть отнесены къ одному автору. Преданія, собраныя детьми, встречаются у многих писателей или первых веков нашей эры, такъ что необходимо принять начало ихъ около самой эпохи Александра. Рассказы о чудесныхъ подвигахъ и страданияхъ Македонскаго царя тогда уже могли принять баснословный колоритъ и распространиться въ сочиненіяхъ болѣе или мене историческихъ. Въ древнихъ литературахъ такую же почти роль играли подложныя жизнеописанія, сочиненія и письма знаменитыхъ людей, какъ въ наше время подложные мемуары; и тѣ и другіе являются обыкновенно вскорѣ по смерти лица, которымъ приписываются, и достигаютъ своей цѣли, привлекая общее любопытство. Таковы могли быть и письма Александра къ его наставнику Аристотелю, Олимпиадѣ, къ амазонкамъ и брахманамъ; онѣ рассказываютъ о чудесахъ, видѣнныхъ Александромъ въ Индіи и т. п. и потому составляютъ быть можетъ самую интересную часть романа. Письма эти вносятся обыкновенно въ текстъ псевдо-Каллисена, но встречаются въ древнихъ манускриптахъ и отдѣльными статьями, напр. *Alexandri epistola ad Aristotelem de situ et mirabilibus Indiae; epilogus de mirabilibus, quae vidit Alexander, ad Aristotelem magistrum* и др. въ рукописяхъ Парижской бібліотеки. Съ другой стороны, въ мѣстныхъ преданіяхъ имя Александра связывалось съ частными обстоятельствами исторіи мѣстной страны или города; псевдо-Каллисентъ, или вообще авторъ произведенія, могъ воспользоваться ими, на сколько самъ ими интересовался, и действительно придалъ иногда исторіи мѣстной, специальный отблескъ. Онъ почерпнулъ наконецъ свѣдѣнія и въ разсказахъ прежнихъ историковъ, которые также не были свободны отъ вліянія фантастическихъ преданій и собственного вымысла; такимъ образомъ возникаетъ связь между Александромъ историческимъ и Александромъ псевдо-Каллисена. Можно также указать, въ числѣ источниковъ, поэмы или поэтическіе разсказы о дѣяніяхъ Александра, или предшественіе до насъ или уподобленіе въ немногихъ отрывкахъ, и риторическія упражненія, столько любимыя въ эпоху упадка Греко-Римской литературы. И въ тѣхъ и въ другихъ конечно меньше было заботы о вѣрной передачѣ фактовъ, чѣмъ

о рѣзкости и картинности описанія. Въ эти источники можно отчасти указать и въ позднѣйшихъ редакціяхъ псевдо-Каллисена: сохранившіеся фрагменты древнихъ историковъ Александра нерѣдко согласны съ нимъ въ разказѣ; сомнительна перенеска Александра вѣроятно была вставлена также въ этого источника. Многое принадлежить и неизвѣстнымъ компиляторамъ и сочинителямъ романа; они давали общій тонъ ил-лому и выставили тѣ стороны его, которыя имѣли для нихъ національный или другой интересъ, какъ упомянутая нами басня о Пектасебѣ. Преданье о Юпитерѣ-Аммонѣ могло быть современно Александру; его знаетъ Юстинъ, заимствовавшій у Ксиптарха; Эратосенъ считаетъ его фактомъ общезнаемымъ. Пектасебъ, какъ замѣна Юпитера, обличаетъ эвгемерическія понятія составителей исторій, и намекаетъ на Александрійское начало преданія; Египетскіе папирусы, по изслѣдованіямъ Лертонна, упоминаютъ о магическихъ знакахъ этого царя, — следовательно, разказъ о немъ могъ отчасти утверждаться на историческихъ данныхъ. Другія мѣста псевдо-Каллисена также открываютъ въ составителѣ Александрійца: въ разказѣ объ основаніи Александріи, авторъ упоминаетъ многія мѣстности ея, какъ весьма извѣстныя; называетъ мѣстныя Египетскими именами и т. п.; Александріи достается право владѣть трюбомъ знаменитаго завоевателя, который постоянно называется ея жителей «своими Александрійцами», οἱ ἑταῖροι Ἀλεξάνδρειαι. Въ этихъ мѣстахъ, пристрастныхъ къ Александріи и безъ сомнѣнія древнихъ, многія другія вставки вошли въ составъ романа позднѣе. Для насъ особенно любопытны тѣ изъ нихъ, которыя произошли отъ Еврейскихъ и Сирійскихъ читателей или тѣ отражались Византійскія понятія *Müller, Ps. — Call. xvj*; эти вставки особенно развиты въ Русскихъ редакціяхъ. Различіе текстовъ увеличивалось и случайными интерполяціями, которыя при новой перенескѣ еще далѣе уклонялись отъ правильного чтенія. Такъ Мюллеръ думаетъ объяснить разказъ о походѣ Александр. въ Римъ: въ одномъ спискѣ исторіи говорится, что перейдя Греникъ, Александръ направился въ Ликаонію, область Малонисскую; въ другомъ писекѣ вмѣсто Ликаоніи поставлено Луканію, область южной Италіи, затѣмъ и вмѣсто Луканіи явилась Сиппа-

лія и Італія; мы видѣли, какой оборотъ приданъ этому разсказу въ нашемъ старинномъ переводѣ.

Въ слѣдствіе подобныхъ вставокъ, случайныхъ и намѣренныхъ, уже Греческіе тексты разныхъ временъ и мѣстностей представляютъ значительные варианты; Латинскій переводъ Юлія Валерія, относимый къ IV в. по Р. Х., имѣетъ свои особенности. На востокѣ, гдѣ псевдо-Каллисоевъ появляется очень давно, онъ долженъ былъ измѣниться еще болѣе. Моисей Хоренскій, Армянскій писатель V столѣтія, разсказываетъ преданіе о Нектанебѣ согласно съ псевдо-Каллисоевомъ; къ тому же времени относятъ цѣлый Армянскій переводъ сказанія. Еврейскій писатель бенъ-Горіонъ или псевдо-Горіонидъ, и христіанско-Арабскій историкъ АбульФараджъ повторяютъ тоже преданіе, потому что непосредственно слѣдовали Греческому прототипу. Иначе представлена исторія Александра у писателей Мугаммеданскихъ, хотя и для нихъ, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, главнымъ источникомъ служили Греческія сказанія псевдо-Каллисоева. По мнѣнію Моля (*Livre des Rois* I, p. MLX), Фирдоси замѣнилъ недостатокъ Персидскихъ преданій именно Греческими, которыя могъ знать изъ Арабскаго перевода. Весь составъ и порядокъ разсказа Фирдоси очевидно взять изъ псевдо-Каллисоева (*Spiegel, Alexandersage* 14, 61 — 62). Передѣлавъ генеалогію Александра, который сталъ у него сыномъ Персидскаго царя Дараба, Фирдоси бросилъ другой колоритъ на всю исторію: псевдо-Каллисоевы подробности изложены въ духѣ Мугаммеданской жизни; мѣстности приурочены къ странамъ, знакомымъ Фирдоси по господству или описаніямъ Арабовъ; чудеса, видѣнныя Александромъ, Фирдоси слышаетъ съ восточными мифами. Благодаря тому же стремленію восточныхъ писателей осмыслить для себя подвиги славнаго героя фактами близкими и понятными, для насъ становится очень любопытна поэма Низами, по отношенію къ Русской исторіи. Искендер-наме Низами болѣе независима отъ Греческихъ сказаній, чѣмъ произведеніе Фирдоси, и оттого национализированіе въ ней сильнѣе. По Низами, Искендеръ былъ сыномъ одной благочестивой женщины, воспитанный Филиномъ; его экзепдиціи направлены къ странамъ Мугаммеданскимъ или такимъ, которыя были съ

ними въ близкихъ отношеніяхъ: войска непріятеля его Дара составлены изъ жителей Ирана, Харезма, Газны, а въ рядахъ своего воинства Александръ, кромѣ Македонцевъ и Египтянъ, велеть Франковъ, Грековъ и *Русскихъ*. Побѣдивъ Дара и женившись на его дочери Рушенъ т. е. Роксанѣ, Александръ посѣщаетъ Арменію, Абхазію, строитъ Тивлисъ, затѣмъ отправляется въ Берду (Berdaa). Этотъ городъ съ прекрасной окрестной землей, принадлежалъ тогда царю Пушабе — у неското-Калл. Кандакія, у Фирдоси Кидзаа, — которая славилась мудростью и красотой; заключивши союзъ и дружбу съ Пушабе, Александръ пошелъ въ Индію и Китай, и здѣсь онъ получилъ извѣстіе, что *Русскіе* напали на его союзницу и разрушили Берду. Александръ предпринялъ походъ, явился сперва въ Кинчакъ, гдѣ ему очень понравилось, что женщины не закрываютъ лица покрываломъ, и потомъ выступилъ противъ Русскихъ; войско ихъ, кромѣ Русскихъ, состояло изъ Буртасъ, Алаевъ и Хазаръ, но не смотря на ихъ геройское сопротивленіе, Александръ послѣ двухъ походовъ остался побѣдителемъ и получить богатую добычу, между прочимъ много драгоценныхъ мѣховъ, употребленія которыхъ сначала никакъ не могли постигнуть. «Любопытно въ историческомъ отношеніи, замѣчаетъ Гаммеръ, что Персидскій поэтъ шестатаго вѣка гелакіры, или двѣнадцатаго по христіанскому лѣтосчисленію, упоминаетъ о Русскихъ такъ обстоятельно и даетъ имъ такую важность. Оканчивая въ одинъ походъ войны съ Египтянами, Персами, Армянами, Индіанцами и Китайцами, Пекендеръ предпринимаетъ два похода противъ Русскихъ, царь которыхъ Кайгаль, или Кингаль, дѣлается наконецъ его пленникомъ» (Gesch. d. schön. Redekünste Persiens. Wien 1818, 117 ff.). Г. Эрманъ думаетъ, что Низами описываетъ здѣсь походъ Нтора на Византію, относя его ко временамъ Александра; но Персидскому поэту не было никакого интереса вставлять такое отдаленное и чуждое для него событіе. Низами постоянно сближаетъ разсказъ съ исторіей и географіей своего отечества, и вставка доказываетъ, что онъ самъ знаетъ или слышалъ о Русскихъ; въ сущности она имѣетъ некоторое историческое основаніе, потому что уже въ девятомъ вѣкѣ Русскіе были знакомы съ этимъ

краемъ востока, а десятое столѣтіе представляетъ двѣ вѣтвины и кажется несомнительная экспедиція Русскихъ на востокъ, упоминаемая Масуди и Ибнъ-эль-Атиромъ. Отсутствие критическаго такта, обыкновенное у писателей восточныхъ, позволило Низами смѣшать двѣ разныхъ эпохи и отнести къ Александру событія позднѣйшія и дѣйствительныя ср. Карамз. 3, пр. 279. Другія обстоятельства исторіи Низами вѣдь прямо у псевдо-Каллисена; также описываетъ онъ посольство Дарія и посланіе Дарія Александромъ подъ видомъ посла, которое Шнигель несправедливо считаетъ выдумкой восточныхъ писателей, потому что оно упоминается даже и въ нашихъ редакціяхъ (ср. Ps.-Call. II, 13 — 15), и пр., но вообще Низами рисуетъ своего героя на подобіе тѣхъ неудержимыхъ воеводъ, которые явились первыми распространителями ислама.

Объ Александрѣ въ восточныхъ преданіяхъ см. — *I. v. Hammer*, Alexander nach d. Sagen d. Morgenlandes въ его Rosenöl, Stuttgart 1813. I Bd. — *Démétrius de Goldelas*, Histoire d'Alexandre-le-Grand suivant les écrivains orientaux, Varsovie 1822. — *Fr. Spiegel*, Die Alexandersage bei den Orientalen, Leipzig 1834 и др. Огрышюкъ изъ Александроваго Низами изданы въ кнѣж. г. *Armana*, De expeditione Russorum Berdian versus auctore imprimis Nisanio, Casani 1826 — 1832, 3 vol. съ Латинскими переводами I, 43 — 67 и объясненіями. Г. Григорьевъ, въ статьѣ о походахъ Руссовъ на востокъ въ Журналѣ Минист. Народн. Пр. 1835, 2, 229 сл., признаетъ въ повѣсти Низами много историческаго среди вымысловъ, разскалъ Ибнъ-эль-Атира о походѣ Русскихъ на Берду въ 944 г. сообщенъ Акад. Куншюмъ въ Bulletin historico-philologique 1847, IV, 1, 13. Ученыя Записки I и III Отдѣленія Академіи 2, 636, 794.

Не распространяясь о западныхъ предѣлахъ псевдо-Каллисена, которая представляетъ вообще Александра образомъ средневѣковаго рыцарства и окружаетъ его феодальной обстановкой, обратимся къ нашей «Александріи». Въ Славянскихъ литературахъ псевдо-Каллисены были вѣдены по двумъ разнымъ источникамъ: къ Болгарамъ, Сербамъ и Русскимъ они пе-

решель изъ Византійскихъ редакцій, въ Подлякамъ и Чехамъ изъ Латинскихъ или западныхъ. Стихотворные отрывки Чешской Александриды, собранныя въ «Выборъ изъ старо-Чешской литературы» (Praha 1845. 170, 1071 стр.), составлены, какъ думаютъ, по Французской поэмѣ Готье-де-Шатильона или по Нѣмецкой ея передѣлкѣ, и принадлежать къ XIII столѣтію; позднѣе является Книга o wssech skutech wielikeho Alexandra, издавшая въ Пльзень 1513, переводъ знаменитой книги о сраженіяхъ Александра Великаго — Liber Alexandri Magni de rebus, — какъ называется она въ старыхъ Латинскихъ изданіяхъ; Чешскій переводъ находится впрочемъ и въ рукописяхъ половины XV вѣка (*Jungmann, Hist. liter. ceske 1849, 68*). Польскій переводъ изданъ подъ заглавіемъ Historia o żywocie i znamienitych sprawach Alexandra Wielkiego Króla Macedońskiego и пр., въ Краковѣ 1550, также 1690, 1701 г. *Mariejowski, Dod. do Piśm.* 359; ср. ib. 148. Старинная Русская повесть ведетъ начало отъ Византійскихъ редакцій невою - Каллисена, чрезъ южно-Славянскіе переводы. Разбирая оцнѣ Сербскія и Русскіе списки Александрій, Востоковъ замѣтилъ между ними большое сходство и объяснилъ, что послѣдніе имѣли первообразомъ Сербскую редакцію; онъ не вполне впрочемъ опредѣлить подлинникъ Сербскаго перевода. «Что касается до содержания сего, исполненнаго разными анахронизмами и небывшими житія Александра, говоритъ онъ, довольно упомянуть только, что это не есть ни Арріаново повѣствованіе, ни переводъ известной баснословной исторіи объ Александрѣ Македонскомъ, о коей говорить Фабріцій, и которая существуетъ также на Греческомъ языкѣ, подъ заглавіемъ Βίος Ἀλεξάνδρου τοῦ Μακεδόνα καὶ πράξεις. Но Словенскому сказочнику была какъ видно известна сія исторія о Александрѣ Македонскомъ, ибо онъ знаетъ въ ней главныя обстоятельства, какъ-то приключенія Пеллавага... и пр., разсказывая впрочемъ многое иначе и съ большими подробностями, иное же мануская или переставленная. Сербу могла быть известна исторія сія, если не въ Латинскомъ или Греческомъ подлинникѣ, то въ переводѣ Богемскомъ или Польскомъ. Говоря о баснословной исторіи Александра въ хронографѣ, Востоковъ прибавляетъ: сказка сія роуше и Сербской и Латин-

ской баснословной исторіи и содержитъ противу той и другой разныя несходства, въ мѣстахъ же и согласна ... Но подлинникъ сей сказки писанъ вѣроятно на Греческомъ, а не на Латинскомъ: сіе заключать можно по некоторымъ Греческимъ словамъ, оставленнымъ безъ перевода, напр. въ одномъ мѣстѣ поставлено *αιετις* вм. вѣстникъ; переводъ Словенскій весьма древень (Оп. Р. Муз. № 175. 454 — 456). Подлинникомъ Сербскаго перевода были именно Греческій текстъ псевдо-Каллисена, который для Сербской литературы былъ доступенъ Латинской, Чешской или Польской редакціи; при томъ Сербскій переводъ безъ сомнѣнія много старѣ двухъ послѣднихъ. Русскія редакціи, стоявшія въ связи съ Сербской, иногда значительно разнятся отъ изданнаго Греческаго текста, но этого естественно ожидать въ сочиненіи, которое и на Греческомъ языкѣ представляетъ важныя варианты въ рукописяхъ. Гораздо чаще сравненіе Русскаго текста съ напечатанными у Мюллера кодексами открываетъ буквальные переводы съ Греческаго; уже въ старинныхъ азбучникахъ отмѣчено много Греческихъ словъ изъ нашей «Александріи»; Латинскія слова, какія встрѣчаются въ нашихъ спискахъ, точно также принадлежатъ новому Вилантійскому языку псевдо-Каллисена. Въ доказательство послѣдняго достаточно привести переводъ одной фразы: въ Греческомъ текстѣ читаемъ: *χρόνου δὲ ἰκανοῦ γενεαμένου ἐπιπλοράτορες τινας, οὗτο καλοῦνται παρὰ Ῥωμαίους, κατὰ δὲ Ἑλλήνας κατάσκοποι* и проч.; въ Латинской исторіи *de preliis* эти лица названы просто *custos* и *exors*, у Юлія Валерія переведено просто *quodam tempore militatum est*, въ некоторыхъ нашихъ спискахъ «вѣстники Нектанавы царя», но въ Румянц. списокѣ № 456 буквально сходно съ Греческимъ: «времени жь довольно бывшу *експлоратори* и лицъ, тако нарицаемѣи Римляне (т. е. Римлянами, у Римлянъ, Еллинскіи же расоцы) отъ корня *соч-ни*). Сербская рукопись, Румянц. № 175, также сохраняетъ слѣды Греческаго подлинника; такъ въ рассказѣ о томъ, какъ Александръ учился у Аристотеля небесной мудрости (гл. 7 — 8), всѣ названія планетъ Греческія. Соответствіе Греческому тексту удержалось даже въ позднихъ нашихъ спискахъ, много разъ измѣнившихся и испорченныхъ.

Ясное указание на Сербский подлинник наших ретакций приведено уже Востоковымъ. Въ Румин. списке, № 175 сказано, что Александръ основалъ одинъ городъ и нарече имя ему Дрэмъ, по *Сербскому* же языку наречется потечинце; въ Русскомъ списке поставлено «по Сибирскому языку», т. е. писецъ не понять или не разобралъ въ своемъ оригиналь слова «Сербский», которое очевидно определяетъ подлинникъ Русскихъ списковъ. Это вѣрное объясненіе подтверждается другими рукописями, гдѣ это мѣсто написано правильно, напр. въ Погодинскомъ сборникѣ Публичной Библиотеки, XVII вѣка, № 1772, на л. 225 читаемъ: «градъ же ту созда и нарече имя ему Дрэмъ, иже по *Сербскому* языку потечинно наречется». Русскіе списки оставили иногда безъ перемены Сербскія слова, хотя и unnecessary въ Русскомъ языкѣ, и даже въ рукописяхъ XVIII вѣка удерживается слово *гугарь*, которымъ чествитъ Македонскаго царя Дарій въ своихъ посланіяхъ; буквально называется *дуриантовъ*, въ южно-Славянской передѣлкѣ Греческаго слова, которую иные сочли даже Славянскимъ словомъ.

Время перевода свято-Каллисоева опредѣлить трудно. Востоковъ замѣтилъ, что онъ очень древенъ, но большая часть списковъ принадлежитъ уже XVII вѣку, немнѣе къ XVI столѣтію; прямыхъ свидѣтельствъ о переводѣ не сохранилось, такъ что единственнымъ средствомъ для рѣшенія вопроса остаются филологическія и историко-литературныя вѣроятности. Старинныя формы языка прослѣживаются даже въ позднихъ спискахъ исторій, и съ перваго раза можно видѣть, что переводъ принадлежитъ не семнадцатому и не шестнадцатому вѣку; не смотря на испорченность позднѣйшихъ списковъ еще легко отличить правильность языка въ ихъ древнемъ первообразѣ. Сербскую редакцію должно безъ сомнѣнія отнести къ тому времени, когда Сербская литература еще жила собственными силами и была близко знакома съ произведеніями Византии. Едва ли подобныя сказанія могли явиться тогда, какъ она впадала въ бездѣйствіе; примѣры другихъ произведеній, замѣтованныхъ нами въ литературу южно-Славянскихъ, также относятся къ впаденію и порѣ ихъ развитія. Въ пользу давности Славянскаго свято-Каллисоева много говоритъ то обстоятельство, что подробное сказаніе

его объ Александръ записано въ переводномъ хронографѣ Малады въ спискѣ XV вѣка, сдѣланномъ съ рукошеи 1261 года. Въ этомъ замѣчательномъ спискѣ переводъ Малады прерывается длинною вставкой, на л. 311—311, которая озаглавлена «Книга о Александрѣ: суди по началу и заключенію вставки, признаннымъ у кн. Оболенскаго въ описаніи рукошеи. Врем. М. Общ. кн. 9, стр. ххij, хххv», «Книга» эти ни что иное, какъ псевдо-Каллисоевъ, которому онъ соответствуетъ и по содержанию главъ (см. гл. 198—202 въ оглавленіи сборника). Въ хронографѣ Малады исторія начинается такимъ образомъ:

«Доблии мнѣтея бѣли и храборъ Александръ Македонскыи, яко все створить посылвающее ему имѣя присто въ доброму дѣлу промышление; только бо дѣль проводи етѣ имѣя аныкы брань творя и бѣася, якоже не можаху хотѣти, а рече по повѣсту неписати, Александрова же дѣланиа и оубо етѣ дѣла душа, тѣла его, и еже въ дѣлѣхъ его ваиъ и муже, бо, се уже речеи, начитокъ отъ рола его створше, и которого бѣ отна съишь и проч. Ср. въ Румянц. хронографѣ, № 456 л. 132 обор.

Тѣми же словами начинается псевдо-Каллисоевъ въ изданіи Моллера I, 1.

Ἀριστὸς μοι δοκεῖ γενέσθαι καὶ γενναϊώτατος Ἀλεξάνδρος ὁ Μακεδῶν, ἰδίως πάντα ποιησάμενος, συνευρόσαν αὐτῷ εὐρών ἀεὶ ταῖς ἀρεταῖς τῆν πρόνοιαν, ποσάτων γὰρ ἐν ἑκάστο τῶν ἐπιθῶν πολεμῶν καὶ μαχόμενος διὰ γὰρ χρονον, ὅσοι εὐχ ἔρειται τοῖς βουλομένοις τὰς πόλεις ἀκριβῶς ἱστορεῖσαι. Τὰς δὲ Ἀλεξάνδρου πράξεις καὶ τὰς ἀρετὰς τοῦ σώματος αὐτοῦ καὶ τῆς ψυχῆς, καὶ τῆν ἐν τοῖς ἔργοις εὐτοχίαν καὶ τῆν ἀνδρείαν γὰρ λέγομεν, τῆν ἀρχὴν ἀπὸ τοῦ γένους αὐτοῦ ποσάμενος, καὶ τῶν πατρῶν τῆν υἱός κ. π. λ.

Въ Ногодинской рукошеи XVI вѣка, заключающей «Изтописень Еллинскій и Римскій» или компиляцію въ Амартола, Малады и другихъ писателей, снова вставлена длинная исторія Александра, вѣроятно также псевдо-Каллисоева (Врем. ib. ххvij). Она есть и въ большей части хронографовъ, гдѣ помещается рядомъ съ древними переводами Вилантинцевъ. Вопросъ состоитъ теперь въ томъ, были ли исторія Александра вставлена въ хронографъ Малады Русскимъ составителемъ сборника въ

XV столетіи, или же она была и в древнѣйшемъ подлинникѣ 1261 года? Принимать, что Александрія прибавлена къ хронографу еще Григоріемъ, переводчикомъ Малалы, — какъ сдѣлали нѣкоторые изъ нашихъ ученыхъ, — нельзя быть подтверждено этого и другими фактами, кромѣ соединенія Александріи съ Малалой въ рукописи XV вѣка. Судя по описанію, въ этомъ спискѣ Малалы нѣтъ его собственно разсказа объ Александрѣ (р. 189—196 ed. Bonn.), вмѣсто чего вставлена исторія псевдо-Каллисена; можно думать, что такой видъ текста найдется и въ древнѣйшемъ подлинникѣ, потому что, если мы не ошибаемся, и позднѣйшіе хронографы не приводятъ этого мѣста Малалы, постоянно вышесывая псевдо-Каллисена. Замѣтимъ также, что нѣкоторыя вставки, какія есть въ Старославянскомъ переводѣ Малалы, принадлежатъ не переводчику, а нахомясь безъ сомнѣнія въ томъ Греческомъ текстѣ, которому онъ подался, и гдѣ Малада была дополнена и исправлена по другимъ книгамъ и писателямъ. Такова напр. мѣста хронографа на л. 354 о Кесарѣ Юліи, пришедшее изъ Обоненскаго Малады (р. 215 ed. Bonn.), на самомъ же дѣлѣ взятое изъ сокращенной хронографіи Юлія, напечатанной въ Пибуровскомъ изданіи вмѣстѣ съ Маладой (см. р. 24). По компиляторскому характеру Византийцевъ легко даже предположить, что псевдо-Каллисены внесены были въ Греческую дѣлоушу Малалы и вмѣстѣ съ ней были переведены пресвитеромъ Григоріемъ.

Но если этотъ вопросъ еще теменъ, то съ другой стороны нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что переводъ былъ не одинъ; только этимъ можно объяснить значительную разницу списковъ касательно самаго содержания. Варианты списковъ въ помянутомъ и вообще по вышесности т. е. оупненіи нѣкоторыхъ мѣстъ, раздѣленіе на главы и т. п. могутъ быть объяснены легко, потому что нерѣдко зависѣли только отъ писца. Русскія вставки опять были случайны, потому что, разъ появившись въ рукописи, удержались только въ тѣхъ спискахъ, которые съ нея были сдѣланы, тогда какъ въ другихъ преданое чтеніе не нарушалось. Но въ нашихъ текстахъ, какъ и въ Греческихъ, находится существенныи разности, въ которыхъ одинъ и тотъ же предметъ передается различными образомъ. Возмемъ отсюда примѣръ. По

кодексамъ, напечатаннымъ у Мюллера, убійцею Филиппа называется или Фессалионскій вельможа Павзанія, который совершилъ преступленіе въ театрѣ, и захваченный тотчасъ же Александромъ, былъ преданъ казни; или совершенно другое лицо, Анаксархъ, въ нашихъ редакціяхъ названный «паремъ Пеллопольскимъ», — онъ послѣ убійства похищаетъ Олимпиаду, но Александръ преслѣдуетъ его съ войскомъ и побѣждаетъ въ сраженіи. Некоторые Греческіе списки соединяютъ оба рассказа, иначе, представляютъ Анаксарха и Павзанію однимъ лицомъ, *Ἀναξαρχὸς ἔστι καὶ Παύσανιας* = Анаксархъ, онъ же и Павзанія (Ps.-Call. I, 24. Müller *лг*); но очевидно, что это соединеніе чисто вымышленное и позднѣйшее. Въ Латинской исторіи de rellis в у Юлія Валерія названъ только Павзанія; въ нашихъ редакціяхъ помѣщены оба рассказа, т. е. Павзанія и Анаксархъ раздѣляются, и потому необходимо предположить два независимые перевода, въ основаніи которыхъ были Греческіе списки, въ этомъ случаѣ несходные. Совмѣстное существованіе обоихъ рассказовъ въ одномъ текствѣ не имѣло бы никакого смысла. Если мы вспомнимъ при этомъ, что Александрія прибавлена къ Болгарскому переводу Маламы, и что языкъ ея въ этой редакціи носитъ скорѣе Болгарскіе, нежели Сербскіе признаки, то существованіе двухъ разныхъ переводовъ, Болгарскаго и Сербскаго, которыми воспользовались Русскіе передѣльщики, становится внѣ всякаго сомнѣнія. Быть можетъ, переводы сдѣланы были и не одинъ разъ, но полнаго опредѣленія ихъ отличій можно достигнуть только сравненіемъ многихъ списковъ. Подобные варианты встрѣчаются и въ другихъ мѣстахъ Александрии, напр. въ описаніи похода въ Швею Олимпійскую, Италію и западную Европу, знакомства Александра съ Рахманами и пр., и наши редакціи важны особенно тѣмъ, что многие варианты ихъ нецвѣтны или Греческихъ списковъ и могутъ служить имъ дополненіемъ. Для опредѣленія Славянскихъ редакцій «Александрии» особенно необходимо обратить вниманіе на древній переводъ Амартола, въ которомъ сказанія объ Александрѣ, принадлежащія псевдо-Каллисмену, также нашли себѣ мѣсто; къ сожалѣнію, мы не имѣли случая пользоваться рукописами Амартола

Сказанія объ Александрѣ или вносимы были въ хронографы, гдѣ помѣщались по хронологическому порядку событій, или встрѣчаются въ сборникахъ и отдельныхъ рукописяхъ. Въ каждомъ значительномъ собраніи рукописей находится по нѣскольку списковъ исторіи; иные изъ нихъ написаны очень щедроговата, украшены вышетами и картинами. Въ Греческихъ колексахъ исторія называется Βιβλίος Ἀλεξάνδρου, какъ выше «книги Олександра», Βίος Ἀλεξάνδρου τοῦ Μακεδόνος καὶ πράξεις, Καλλιστένης ἱστορίαι Ἀλεξάνδρου πράξεις и т. п.; у насъ она имѣетъ обыкновенно два отдельныхъ заглавія и родъ введенія, котораго недостаетъ въ Греческихъ спискахъ Мюллера; и тои другое привелено Востоковымъ въ описаніи Румянцовскихъ текстовъ. Въ Сербской рукописи, Румян. . F. 175, исторія озаглавлена — «жизне и последованіе достопамятнымъ чкомъ и воинномъ оустрамяющимсе на брани, еже Сбо читати и разумѣти и слышати блженнаго мужа пра Александра, како воєва и како назвасе пра въ сей земли подсолучной. Начнемъ Сазе ѿ рожденія и ѿ смрти его», начин. «бистъ великой премудрости и храбрости и крѣпости ствердившихсе» и пр. сем. Оп. Р. Муз. 217. За предисловіемъ слѣдуетъ: «начнемъ Сбо ѿ рожденія Александрова», начин. «говоре сѣи Филиповъ бити ему, но не бди то, но Нектевана сіе пра Египтского сѣи естъ», какъ у псевдо-Каллисена: Ἀπατώνται γὰρ πολλοὶ λέγοντες εἶναι αὐτὸν Φιλίππου τοῦ βασιλέως υἱὸν ὅπερ οὐκ ἀληθές, ἀλλὰ τοῦ Νεκτανοῦ καὶ τ. λ. Въ Русскихъ спискахъ заглавія приводятся нѣсколько иначе: въ Толстовской рукописи Од. 1. . F. 34 (по описанію, сост. Калайдовичемъ и Строевымъ М. 1825), означенной въ каталогѣ Публичной Библиотеки въ Од. XVII. F. . F. 8, написанной красивымъ полууставомъ XVII вѣка и украшенной почти 350 картинами, въ началѣ прибавлена особая статья, «слово сказательно о величїи Іеремїи пророкѣ, о кончинѣ его и о принесенїи мощей его царемъ Александромъ Макидонскимъ отъ Египта въ Александрію» — имѣющая отношеніе къ самой исторіи; далѣе, л. 7 «Книга, глаголемая Александрія, полезно и честно слышати добродѣтельнаго мужа Александра великаго Макидонскаго царя, и како и откуда бистъ и доколѣ прииде: сихъ ради добродѣтелей всей подсолучной царь и самодержецъ назвася; подобаетъ же сего чтучи ра-

зумьти, и разумьющимъ сего воиствомъ и добродѣтелемъ уи
добити» и пр.; затѣмъ предисловіе. — нач. «бысть велик
божіе промышленіе» и пр., — заключающее похвалу Александ
Македонскому, и наконецъ новое заглавіе, «Сказаніе и хожен
славнаго царя Александра великѣи Македонїи, наказаніе хр
брымъ людемъ нынѣшняго времени, чюдно и полезно слышат
ане кто хошетъ послушати, повѣсть творимъ о рожденїи и
храбрости его,» начин. «слава богу бо его быти сына царя Фр
лиша, и въсть то тако, но ложь» и пр. (ер. Ps.-Call. I. 1.). Э
заглавія варьируются въ большей части полныхъ списковъ Алек
сандріи (ер. Оше. Р. Муз. 755.). Карамзинъ приводитъ списокъ
Александріи, занесенный въ Синод. Нековскую дѣтопись, гдѣ
исторія названа такъ: «повѣсть о храбрости Александра, царя
Макидонскаго, къ воиствомъ устремляющимся полезно ест
слышати— створившїи естъ *Arianus*, ученикъ Епискита философа»
(Кар. 5, пр. 427, но имя Арріана поставлено здѣсь по ошибкѣ,
оно взято изъ самой исторїи, гдѣ имя Арріана упомянуто также
какъ въ Греческомъ текствѣ (Op. P. Муз. 756. Ps.-Call. p. 106.
Въ началѣ или серединѣ исторїи у насъ прибавляется родослов
ная царей, предшественниковъ Александра на Персидскомъ
престолѣ; эта генеалогія взята изъ Византїйскихъ хронографовъ.
Собственныя имена очень испорчены: «Дарїи Арсумуянїи» Ру
мянц. хронографа № 456 есть конечно *Δαρειος ὁ Ἀσραδαίος*
Византїецъ, напр. Малаля р. 193; Ксерксъ передѣлывается
въ Криса или Криса и т. п.

Укажемъ нѣкоторые списки Александріи въ отдѣльныхъ ру
кописяхъ и сборникахъ, не называя тѣхъ, какіе помѣщены
во множествѣ хронографовъ.

— Миклошичъ упоминаетъ Сербскую рукопись Алекса
дрїи XVI вѣка (см. Vergleich. Gram. d. Slav. Spr. I, xij)
Шафарикъ называетъ Сербскую рукопись 1719 г. (Wiener
Jahrb. d. Liter. 1831, Bd. 53, Anz. Bl. 49.)

— Тотъ же списки XVII вѣка, въ сборникахъ, полные и со
кращенные, которые озаглавляются «избранїе оу хожен
їи Александра царя Македонскаго» — Отд. 2, № 101 и
катал. Публ. б-ки Отд. XVII. Q. 1, № 65 л. 243 — 314; — 5
175 Публ. б-ки XVII. Q. 18, л. 517 — 539, — 2, 187 и 1 —

229; — 2, 215 Публ. 6-ки XVII. Q. 27. л. 202 — 300. — 2, 366 Публ. 6-ки XV. Q. 13 рукопись на 168 л. — 1, 110 история Александра и другие отрывки, на Белорусском наречии, и др.

— Публ. 6-ки XVII. Q. 12 сборник XVII вѣка, стл. на л. 68 — 119 повесть царя Александра Македонского Храброго.

— Царского . I^o 309 по каталогу, соет. Строевымъ. М. 1848) рисъ вѣроятно Александрѣ XVIII вѣка съ картинками на каждой страницѣ, на 150 л. — . I^o 438 съ неполнымъ спискомъ л. 22 — 176; — . I^o 451 л. 88 — 212

— 6-ки Моск. Общ. Ист. и Древн. по описанію Стрѣва. М. 1845 . I^o 71 и 223 списки поздніе.

— Списокъ Александрѣ XVII вѣка, внесенный въ Рязанскую книгу, находится въ Парижской библиотекѣ; история Александра въ рукописи XVII вѣка, принадлежала Берлинской б-кѣ, вѣроятно заключаетъ также псевдо-Каллисоена см. *С. Стрѣва*, *Он. памяти.*, наход. въ Россіи, стр. 97, 124.

Въ рукописяхъ XVIII вѣка встрѣчается также история Александра, Квинта Курція, которую списывали съ печатнаго изданія, вышедшаго при Петрѣ В. напр. 6-ки М. Общ. . I^o 120 и друг. — Отрывокъ изъ Александрѣ о походѣ въ Индію и на востокъ разсказанъ былъ Подевымъ въ Моск. Телеграфѣ 1832. II, 374 — 390 и 24, 558 — 575, но безъ всякихъ объясненій.

Большая известность Александрѣ въ старинной Русской литературѣ прямо определяется большимъ количествомъ списковъ; извѣстность некоторыхъ рукописей истории показываетъ, что она принадлежала къ числу любимаго чтенія. Имя Александра было знакомо у насъ издавна; еще Даниилъ Заточникъ желаетъ своему князю «силу Самсонову, храбрость Александрову»; впрочемъ дѣлится наша, приводя нѣсколько разъ извѣстное преданіе о нечестивыхъ народахъ, заключенныхъ въ горахъ Александромъ Македонскимъ, замѣтываетъ его не изъ псевдо-Каллисоена, но изъ другаго источника. Преданіе въ первый разъ примѣнено у Пестора къ Половцамъ; далее, разсказывая о дивномъ чудѣ въ землѣ Югры, дѣлится думаетъ, что тамъ были «людье, заключенны Александромъ Македонскимъ царемъ», потому что, разсказываетъ онъ сходно съ псевдо-Каллисоеномъ,

Александръ «взиде на восточныя страны до моря, наричаемое Солнце мѣсто, и видѣ ту челоуѣкы нечистыя... то видѣвъ Александръ убоися, еда како умножаться и осквернять землю, и загна ихъ на полунощныя страны въ горы высокія, и Богу повелѣвшю, сестушиася о нихъ горы полунощныя, токмо не ступишиася о нихъ горы на 12 локотъ; и ту створишася врата мѣдяна, и помазашася сункитомъ, и аще хотѣть огнемъ взити, не възмогутъ ѿ жеци; вещь бо сункитова еша естѣ: ни ошь можеть жечьши его, ни желѣзо его приметъ; въ послѣдняя же дни... изидуть и си сквернии языки, яже суть въ горахъ полунощныхъ». Наконецъ, это общезвѣстное преданіе отнесли еще къ одному темному народу, Татарамъ; всѣ лѣтописи, говоря о первомъ ихъ нашествіи подъ 1223—24 год., упоминаютъ о нихъ одними словами. Мы видѣли, что псевдо-Каллисоевъ не забылъ этого преданія (Ps.-Call. p. 138—139; но лѣтописецъ нашъ заимствовалъ свой разсказъ у Меоодія Патарскаго, который приводитъ его также обстоятельно см. Рус. Ист. Сб. 6, 154—156. Карамз. 2, пр. 64. Ps.-Call. p. 142—143. Меоодій Патарскій взялъ его или изъ псевдо-Каллисоева или скорѣе слѣдовалъ здѣсь болѣе основному преданію, которое внесено было и въ исторію Александра; явнѣе о «нечистыхъ народахъ» имѣтъ обширную извѣстность, даже у Мухаммеданъ, относившихъ его къ національному герою, Дуль-Карисну, подвиги котораго смѣшивали съ подвигами Александра. Можно было бы ожидать, что лѣтописецъ нашъ, говоря о народахъ заключенныхъ Александромъ, сослался бы на псевдо-Каллисоева, если бы действительно Александрія наша была современна переводу Маламы,—потому что это преданіе очень тѣсно связано съ дѣяніями Александра; слѣдовательно, называя Меоодія Патарскаго, онъ или выражаетъ свое предпочтеніе къ его авторитету, или же простое незнакоміе Александрія, которая въ то время еще не явилась въ Русской письменности. Такъ или иначе, но это примѣненіе разсказа о нечистыхъ народахъ къ событіямъ нашей исторіи, объясняется, почему Александрія могла найти сочувствіе у старинныхъ читателей: ея преданія касались того фантастическаго міра, въ которомъ искало себѣ нѣкии народное воображеніе. Наши читатели съ особеннымъ интересомъ слѣдили

за чудесными рассказами псевдо-Каллисена и принимали на веру то, что говорили они о необыкновенных предметах, виданных Александром; потому в наших редакциях апокрифическая и мистическая сторона истории занимает более видное место, чем в редакциях западных, или даже глав Византийских текстах, которые издавал Мюллером.

Общий характер наших передатков остался тот же, как в их источник, т. е. Византийские изменения истории привались и у нас. В Греческих редакциях, как и в других, забывалось историческое значение Александра; уже давно этот герой представлялся быть в новой обстановке, принадлежавшей жизни и понятиям христианским. Как будто олицетворяя вражду Греков с их вечными врагами на востоке, Александр вооружается против народов *азиатически*, действует по высшим определениям, отличается уважением к святыням, и смиренно признает еуегность своей славы. Византийские редакции уже сильно проникнуты были этим элементом, так что нашим передатывателям псевдо-Каллисена оставалось сохранить его Византийские отбавки, чтобы удовлетворить понятиям Русских читателей. Правда, у нас число вставок христианского и баснословного характера значительно и они больше развивают предмет, чем изданные теперь Греческие тексты, но этого нельзя приписывать только нашим передаткам; издание Мюллера, хотя и основано на поздних списках, не волишь однако выражает Византийский вид псевдо-Каллисена, являясь выступающей в Русском переводе. В этом последнем, напр., имя Александра соединено с преданиями об основании Царяграда: мать Александра Олимпиада по смерти Филиппа вышла за царя Виза, от которого Византия и получила свое название; в другом случае рассказывается, что по завоевании Рима и всей Европы, Александр отправился в морское путешествие и поручил три тысячи людей возвестить Византу; сам царь основать при устьях Нилы город «во имя свое», Антиохъ построил Антиохию, а Византъ прибыль с флотом своим «въ тиеноту Трахинекаго моря» и основал город Византию. Очевидно, что эта вставка, которой недостает в текстах Мюллера Ps.-Call. I, 31, 36, могла быть сочинена

только Византийцемъ, потому что для него только была интересна. Исторически известно, что Византия, хотя и соединенная съ именемъ Виза, основана еще въ половинѣ седьмага вѣка до Р. Х., а съ Филиппомъ и Александромъ была въ постоянной враждѣ. Въ подобныхъ разсказахъ наши редакторы всего скорѣе могли передавать только то, что было въ нихъ подлинникъ. Александру постоянно приписываются христіанскія понятія; нередко онъ приноситъ молитвы Богу-Савооу; его пребываніе въ Іерусалимѣ описывается съ любопытными подробностями. Въ последнемъ случаѣ некоторые списки Александрии представляютъ цѣлую статью о двѣнадцати камняхъ «спасе на еудѣ», принадлежащую Епифанію Кипрскому (παρὰ τῶν δωδεκά λίθων); помѣщенные въ ней описанія камней и чудесныхъ свойствъ ихъ, получали видное мѣсто въ старинныхъ азбуковникахъ, откуда переходили и въ область народныхъ знаній и повѣрій. Бесѣды Александра съ рахманами и главнымъ ихъ мудрецомъ, который названъ игуменомъ, отличаются у насъ аскетическимъ направленіемъ; странствія его къ чудесамъ природы были завлекательны по своей таинственности; встрѣча Александра съ Горгоніей напоминала читателямъ другія мистическія преданія; на дальнемъ востокѣ онъ доходилъ до рая и видѣлъ страну, гдѣ мучились грѣшники; тамъ же видѣлъ онъ и двухъ колосальныхъ людей и узналъ, что это были первые люди....

Но кромѣ отблѣсковъ мистическихъ, сказанія объ Александрѣ давно уже принимали и историческія примѣненія. Желая осмыслить для себя походъ Александра въ Скиюю, Русскій, а можетъ быть и Болгарскій передѣльватель исторій, называлъ Скиюю Куманами (Ps.-Call. 1, 23 not.); также переведено это имя и въ другихъ мѣстахъ — Куманы вступаютъ въ войско Александра и служатъ переводчиками (Ps.-Call. 1, 26 not.). Самъ Александръ въ древнѣйшихъ спискахъ назывался сыномъ «Поруна» великаго т. е. Юинтеръ Аммона; но рукописи XV-го вѣка, посланный Александра, Описикратъ, приведши къ Дандамію, учителю рахманъ, говорить ему: «радоуеся, учителю върахмановъ, съ бжін Пороуна велика, царь Александръ, еже есть вѣлмъ чкомъ влѣка, зоветь та» (Врем. 9, стр. хvi). Нетъ сомнѣнія, что подобныя замѣны могли быть сдѣланы только въ то время, когда

еще не были затерянъ смыслъ этихъ древнихъ именъ: имя Куманъ уцѣлело и въ послѣдствіи, но уже требовало объясненія: новый передѣлыватель помогъ этому недостатку, назвавши царя Куманъ — Тактамышемъ (въ другихъ спискахъ — Алтамышъ, Атымышъ и пр.). Когда Тохтамышъ былъ убитъ въ сраженіи, Александръ поставилъ Куманамъ другаго царя, именемъ Тура, «малъ убо возрастомъ бѣше, но помысломъ и храбростію великъ». Замѣтимъ, что Греческій текстъ не называетъ Скиоскихъ царей: Латинская исторія de preliis — Юлій Валерій не упоминаетъ о Скиоскомъ походѣ. Другія подробности, введенныя Русскими толкователями, иногда столько же замысловаты. Авторитетъ Александрии поддѣрживался тѣмъ, что многіе рассказы и преданія повторялись въ другихъ уважаемыхъ сочиненіяхъ, каковы статьи Меодія Натарскаго, Евсевія и др.: мѣстности, описанныя въ Александріи, отмѣчены были въ космографіяхъ, которыя упоминаютъ и «страну Муринскую», мнимую родину царяны Олимпіады, и стеклянныя горы подъ востокомъ солнца, куда доходилъ Александръ Македонскій, и Макаріеіскіе острова, гдѣ живутъ счастливые Рахмане, «патіе, подъ самымъ востокомъ солнца, — и царю себя имѣютъ, вѣруютъ же на небо къ Богу,..... одѣваюцца листвіемъ древянымъ, а питаются овоцемъ, и жены и дѣти имѣютъ, а ризь, и скота, и хлѣба не имѣютъ, ни градовъ, ни войны не имѣютъ же» Румянн. сборн. I' 380, л. 84 — 90. Александрія дополнялась иногда изъ постороннихъ источниковъ: такъ вѣроятно прибавлена переизъ статья въ Топогр. рукописи 1, 34: въ Румянн. спискѣ I' 456, на обор. л. 167 находится любопытная вставка — «иное *отъ писатца* о Рихманехъ». Мудрые отвѣты рахманъ на вопросы Александра перенесли читателей въ кругъ ихъ собственныхъ загадокъ: имя Рахманъ было вставлено даже въ народныя сказанія (Архивъ, Калач. 2, 2, 45); въ одной сказкѣ самому Александру приписывается изобрѣтеніе и первое разведеніе садовъ: въ другой разсказывается, какъ Александръ заключилъ въ горахъ Гога и Магога, и какъ они выйдутъ изъ горъ и опустошатъ землю (Kohl, Reis. in Südrussl. 1841. 1, 292: такимъ образомъ Александрія можетъ быть интересна и для изученія народныхъ преданій. Существенное значеніе ея состоитъ въ томъ, что она

была одним из главных фактов того влияния, какое имела свѣтскій отдѣлъ Греческой литературы на письменность южно-Славянскую, а чрезъ нее и на древне-Русскую словесность.

Меньшею известностью пользовались въ старину Троянскія сказанія, развившіяся особенно въ литературахъ Западной Европы, гдѣ они рано уже примкнули къ національнымъ преданіямъ. Такой примѣръ подавъ были еще въ Энеидѣ Вергілія, которая множи о переселеніи Энея связала чуждое произведеніе съ исторіей Рима; повѣстніе народы точно также относили свое начало къ Троѣ и въ Греческихъ сказаніяхъ находили свою первобытную исторію. Укоренившееся мнѣніе, что новыя національности, по отношеніямъ политическимъ и образованію, составляютъ продолженіе древняго Греко-Римскаго міра, способствовало распространенію Троянскихъ сказаній, въ которыхъ такимъ блестящимъ образомъ выразилась его героическая сторона. Между всеми классическими мѣстами, получившими сильное обращеніе въ средневѣковую эпоху, сказанія Троянскія и исторія Александра встрѣтили самое теплое участіе. Въ половинѣ и концѣ XI-го столѣтія были написаны леонинскія стихотворенія de excidio Trojae Бернардомъ Фабрі и Гильдебертомъ Турскимъ; во второй половинѣ XII-го явилась новѣла Илиада, а около 1161 года вышла знаменитая Histoire de la guerre de Troie сѣверно-Французскаго трувера Бенуа-де-Сен-Мора, сочиненіе котораго было существеннымъ, а въ некоторыхъ случаяхъ даже единственнымъ источникомъ для Нѣмецкихъ поэтовъ, передѣлавшихъ Троянскій мѣст. Гораздо рѣже воспользовались Троянскими сказаніями, чтобы объяснить происхожденіе разныхъ повѣстныхъ народовъ отъ героев Троянской исторіи.

Извѣстное мѣсто Платонской дѣтописи, гдѣ по поводу коварства Пислава дѣтописецъ восклицаетъ: «о мѣсть зла есть, яко же *Омиръ* пишетъ, до обличеня сладка есть, обличена же зла есть: кто въ ней ходитъ, конень зоть приметь» (Ист. 173) — мѣсто, которое могло бы подать поводъ къ заключенію объ известности у насъ Гомера, теряетъ свой авторитетъ уже потому, что такого нарѣченія нѣтъ въ текствѣ Илиады и Одиссеи. Это заключеніе было бы невозможно и въ случаѣ достоверности нарѣченія, потому что главными источниками подобнаго по-

татъ у нашихъ летописцевъ и старинныхъ писателей служили сочиненія духовныхъ писателей или гимническіе сборники въ родѣ Псалты. Не говоря теперь о мѣлннъ кн. П. П. Ваземскаго, который открываетъ тѣсную связь между Словомъ о Полю Игоревѣ и гомерическими сказаніями о Трой, замѣтимъ только, что извѣстность Гомера въ средніе вѣка ограничивалась немногими Византійскими учеными, которые занимались объясненіемъ текста, а вмѣсто Гомера получили большой авторитетъ позднѣйшія, иногда подложныя произведенія; между ними особенно важны сочиненія, приписанныя Дарету и Диктису, которыя въ одной передѣлкѣ дошли и до Русской литературы. Стараясь схватить одну вышность въ содержаніи Троянскихъ сказаній, средневѣковые писатели всего охотнѣе обращались къ повѣщшимъ баснословнымъ сочиненіямъ; если они не дорожили и Энеидой, то Гомеръ былъ извѣстенъ только по имени. Содержаніе гомерическаго эпоса было такъ многозначительно, что уже древняя литература представила многія дополненія къ нему, порожденныя желаніемъ округлить эту великолѣпную исторію; такъ Гомеръ дополненъ былъ посредствомъ *Κόρυζα ἔπη*, Илиадъ преднеслали какъ введеніе новой поэмы, начинавшаго съ путешествія Аргонавтовъ; послѣ смерти Гектора, описывались битвы Грековъ съ Амазонками, Эоіонами, и окончательное разрушеніе Трои; Киклады разсказывали о возвращеніи Греческихъ героев въ отечество. Римская литература съ своей стороны принесла обильную дань Гомеру въ поэтическихъ и ученыхъ произведеніяхъ. Въ средніе вѣка, когда вопросъ касался Троянскихъ сказаній, древніе писатели уступали первенство Дарету и Диктису. Даретъ (Dares), которому приписывали очень извѣстную въ средніе вѣка исторію паденія Трои, упоминается въ Илиадѣ 5. 9. 10, какъ Троянскій жрецъ бога Пфеста. Эліанъ и другіе писатели положительно увѣряютъ, что знали Фригійскую Илиаду Дарета, подъ которой надобно понимать какое нибудь подложное Греческое сочиненіе. Незвѣстный писатель временъ Константина воспользовался преданіемъ и составилъ книгу de excidio Trojae; Латинскій переводъ приписанъ былъ Корнелію Непоту, который въ приложенномъ къ книгѣ, и также подложномъ, письмѣ къ Саллюстію разсказываетъ, что нашелъ рукопись, писанную са-

нимъ Даретомъ, въ Аониахъ, гдѣ мѣсть послѣдній поповладалъ будто бы гораздо большимъ уваженіемъ, чѣмъ самъ Гомеръ. Предполагаемое сочиненіе Дарета сдѣлалось въ средніе вѣка однимъ изъ главныхъ источниковъ Троянскихъ сказаній, и было напечатано въ первый разъ s. l. et a. (1470) въ Кельнѣ. Думаютъ однако, что извѣстная теперь Даретова исторія не была переводомъ Греческой поэмы, упомянутой Эліаномъ, а скорѣе сокращеніемъ болѣе обширнаго произведенія; но полный Даретъ былъ безъ сомнѣнія извѣстенъ въ средніе вѣка, потому что западная Илиада, вѣрняя вообще Дарету, иногда отличается отъ него большими подробностями, которыя трудно объяснить изъ другаго источника; и одинъ изъ знаменитѣйшихъ передѣльвателей Троянскихъ сказаній, Гвидонъ де-Колумна, перѣдко приводитъ цитаты изъ Дарета, не находящіяся въ извѣстномъ теперь сокращеніи. Сочиненіе, приписанное Диктису, въ такой же степени недостоверно: въ предисловіи книги разсказывается, что Диктисъ, изъ острова Крита, извѣстный спутникъ Цюменей, составилъ дневникъ Троянской войны; сочиненіе долго оставалось въ неизвѣстности; наконецъ при Перонѣ землеисрѣсненіе въ Критскомъ городѣ Гноссъ, гдѣ погребены были Диктисъ, открыло могилу его, и пастухи увидѣли въ ней оловянный ящикъ, заключавшій въ себѣ твореніе Диктиса; Грекъ Эвиракендъ представилъ сочиненіе Перону. Далѣе Кв. Септимій, предполагаемый авторъ Латинской обработки, относимой къ началу IV-го вѣка по Р. Х., извѣщаетъ, что онъ перевелъ эту книгу, въ которой Эвиракендъ замѣнилъ только нуніческія буквы подлинной рукописи буквами Греческаго алфавита. Первое изданіе Диктиса сдѣлано было въ 1477 г. въ Миланѣ. Различныя мнѣнія ученыхъ по этому предмету собраны въ изданіи Смидеа Amstel. 1702: несомнѣнные гречизмы въ языкѣ, обнаруженные Перизоіемъ, показываютъ, что Латинскій Диктисъ действительно былъ переведенъ съ потеряннаго теперь Греческаго подлинника; сочиненіе, обнимающее исторію войны и судьбу Греческихъ героевъ по возвращеніи изъ-подъ Трои, основано по преимуществу на Илиадѣ и обширнѣе книги Дарета. Если бы эта послѣдняя и прежде была извѣстна въ своемъ короткомъ видѣ, то безъ сомнѣнія Диктисъ былъ бы предпочтенъ

какъ источникъ полнѣйшій; между тѣмъ на дѣлѣ было не такъ. Диктисомъ воспользовались только въ концѣ его сказаній, т. е. именно тамъ, гдѣ онъ болѣе неудовлетворителенъ.

Существованіе Греческаго сочиненія съ именемъ Диктиса подтверждается свидѣтельствомъ Византійца Малалы, который повторяетъ исторію объ открытіи его творенія при Персѣ (р. 250); разные отрывки Диктиса сохранились и въ дѣловомъ Кедрина. Малала въ изложеніи Троянскихъ сказаній не разъ ссылается на то, *κατὸς ὃ σαφώτατος Δίκτης ὃ ἐκ τῆς Κρήτης ὑπερ ἁρχαίσις* (р. 107); такъ, говоря о Поликсенѣ, о Циркѣ (р. 119), рассказывая о томъ, какъ Одиссей послѣ кораблекрушенія былъ взятъ Финикійцами и отправленъ Цюменемъ въ Итаку (р. 122), о возвращеніи героевъ изъ-подъ Трои (р. 132), объ Агастѣ, Орестѣ и Клитемнестрѣ (р. 135), Малала постоянно указываетъ свой источникъ въ сочиненіи Диктиса, по которому вообще передать исторію Троянской войны (р. 107). Переводъ этого повѣствованія Малалы, принадлежавшій X-му столѣтію, есть вѣроятно древнѣйшій рассказъ о Троянскихъ событіяхъ, какой узнали Русскіе читатели; следовательно извѣстность Диктиса дошла и до нашей древней словесности. Въ упомянутомъ архивномъ спискѣ Малалы XV-го вѣка, Троянская исторія помѣщена вѣдь за книгою Руонъ, съ особеннымъ заглавіемъ, неправильно къ ней отнесеннымъ (Врем. 9, стр. xxix, нач. «Въ дѣло же Давида царствова въ Самарѣ, сврѣчь въ Фругійстей странѣ, Принць, сынъ Лаомедонтовъ» и пр. Mal. р. 91. *Ἐν δὲ πολεμείοις τοῦ Δαβὶδ ἐβασίλευσε τοῦ Ἰάβω, ἤτοι τῆς Φρυγίαν γῶραι. Πρωταρχος υἱὸς Λαομέδοντος...* Какъ во всемъ переводѣ, такъ и въ этомъ рассказѣ старо-Славянское чтеніе перѣдко полнѣе извѣстнаго Греческаго подлинника, какъ легко видѣть, сравнивъ изданный Калайдовичемъ отрывокъ (I. Изв. Б. 178 — 188) съ соответственнымъ Греческимъ текстомъ.

Любопытное другое сказаніе, древній списокъ котораго относится къ половинѣ XIV-го столѣтія. Это «сказаніе о извѣстномъ лицѣ» — сказъ о крадѣхъ прича и о разбѣгѣ и прѣбаваніи, помѣщенный въ Византискомъ спискѣ перевода Малалы (On P. Муз. 385, f. 269), причѣмъ недостаетъ въ Патриархатскомъ спискѣ, который писанъ въ 1345 г. и дурно и слабо въ предѣлѣ

Ватиканскаго. Переводъ стихотворнаго хронографа Манассіи относятъ къ XIV-му вѣку (*Биларскій*, О ср.-Болг. вокал. 5—6); названная повесть помѣщена въ Ватиканскомъ спискѣ тотчасъ послѣ разказа о Троицкой войнѣ самаго Манассіи, но къ сожалѣнію Румянц. копія Ватиканской рукописи прерывается на началѣ этого любопытнаго произведенія. Востоковъ называетъ его народною сказкой и говоритъ, что оно писано на простомъ Болгарскомъ или Сербскомъ нарѣчій XIV-го вѣка, которое значительно разнится отъ языка въ переводѣ Манассіи. Повесть начинается описаніемъ Троицкой мѣстности, затѣмъ идетъ родословіе Троянскихъ царей до Пріама, разсказывается соуп Гекубы и рожденіе Париса; исторія останавливается на его подвигахъ. Первымъ основателемъ Трои названъ «Пришельцъ кралъ» или, быть можетъ по ошкѣ, «Пріидельцъ кралъ»; трудно сказать, кого понималъ сочинитель подъ этимъ именемъ; по мнѣнію Востокова, оно могло быть Славянскимъ и составлено также, какъ слово *оушидъ* или *оушедъ*, въ смыслѣ бѣглеца, въ Сборникѣ 1073 г. Троянскіе цари приведены въ такомъ порядкѣ: Оилоуша Hus, Ламедонъ или Ламелонъ Lamodon, Шарикоуша Assaracus, Дарданоуша Dardanus, Троилоуша или Троилоушъ Troilus, Прѣлоушъ или Прѣлоуша Priamus; впрочемъ порядокъ невѣренъ. Другіе собственные имена передѣланы въ томъ же родѣ, напр. Кашантоуша рѣка Xanthus и пр. вездѣ буква *z* замѣняется посредствомъ *ш*, а въ имени Париса и *se*; Парисъ; по мнѣнію Востокова, это обнаруживаетъ Латинскій или вообще западный источникъ, которымъ руководствовался нашъ сказочникъ; имя Пріамовой жены, Такоуна, ближе къ Латинскому Песуба, нежели къ Греч. Ἐζέζη, и «Девоты корды», не позванная на бракъ Пелея, также есть Lat. Discordia.

Въ сокращеніи, эта повесть, вмѣстѣ съ хронографомъ Манассіи, вошла и въ позднѣйшіе хронографы. Въ Румянц. хронографѣ № 454 она помѣщена 106-ю главой, подъ названіемъ «соевѣсть о созданіи и поплѣненіи Тройскомъ и о конечномъ разореніи, еже бысть при Давидѣ царѣ Иудействѣ», нач. «быше въ первая времена царь вѣдкій именованъ Придѣльцъ» и пр. Разсказъ идетъ въ томъ же порядкѣ: царша Якама (Такоуна, Песуба) не хотѣла умертвить сына, какъ велѣлъ ей Пріамъ, и бросила

его владѣ отъ города; пастырь овчій наметъ ребенка, и онъ
стать отъ того назывался Фариазъ. Пастыревныя: рѣшая споры
между тремя женами «пророчицами», Фариазъ проеудилъ золо-
тое яблоко «Венуши госпожѣ», которая за это открыла Фариазу
его происхожденіе, и онъ возвратился къ отцу и пр. Имена
оставшихъ героевъ или странно передѣланы или замѣнены
Славянскими: Улиссъ называется Ур-данишъ, но Діана — Рель-
шою, Пенелопія — Целланю. Любопытно, что въ постростинто-
ротѣ Пріаму помогаютъ «два діавола землейю», подѣ которыми
разумеются Тебушъ Phoebus, и Пентенабушъ Nerthus. См. Р.
М. 743. Подобныя Русскіе тексты очевидно сохраняютъ мно-
гіе слѣды древняго южно-Славянскаго «однишка». Происхо-
жденіе этой повѣсти довольно темно: въ содержаніи ея нѣтъ
особенныхъ разпорѣчій съ известными фактами; нѣтъ и націо-
нальныхъ примѣненій, кромѣ нѣсколькихъ неологизмовъ. Но
она важна, какъ любопытный памятникъ старинной литерату-
рной дѣятельности: безъ сомнѣнія она была не переводомъ, а
самостоятельнымъ пересказомъ Троянскаго исторіи, сдѣланнымъ
на основаніи Латинскаго или вообще западнаго источника; воз-
можности такого заимствованія нельзя отвергать уже и потому,
что до сихъ поръ отношенія древней письменности Болгарской
известны очень мало, а старинная формація собственныхъ именъ,
напр. Фариазъ вмѣсто Парисъ, Подимшениръ вмѣсто Подимне-
сторъ и т. п. не встрѣчается въ известныхъ переводахъ съ Гре-
ческаго, и едва ли не показывается вліяніе народной рѣчи. Въ
старо-Славянской литературѣ могла отчасти проявиться такая
любовь къ Троянскимъ сказаніямъ, какая была господствующею
на Западѣ; тамъ, какъ мы замѣтили, съ этимъ проявленіемъ
соединились и движенія народнаго самолюбія. — писатели и
поэты среднихъ вѣковъ ходили въ Грецію и Трояны видѣть
родоначальниковъ своего племени. Григорій Туретій, Фрете-
гартъ и другіе историки, Неманъ Kaiserreichъ производятъ
Франковъ отъ Троянъ; Юриандъ производитъ отъ нихъ Готтовъ,
въ Эддѣ потомками Троянъ считаются Датчане; генеалогія
Англійскихъ королей точно также была доведена до Троянскихъ
внучекъ. Даже въ чисто-національныхъ сказаніяхъ вѣловены
были герои Греческіе и Троянскіе или отъ нихъ происшед-

шіе, напр. въ Пибелунгахъ, Вальтеръ Аквитанскомъ, въ северныхъ сагахъ. Имя Троишь и Энея имѣло свою прелесть и для Славянскихъ писателей: известны баснословныя генеалогіи Польскихъ Лѣтописцевъ, по которымъ чистые Славяне оказывались потомками Римлянъ; для многихъ Греческихъ писателей Болгаре были прямыми наследниками Оракійцевъ и Пелоповъ; такъ и Болгарскій переводчикъ Малала замѣтилъ: «сін Ахилеусъ имыи воя своя, иже нарицахуся тогда Мурьмедонесъ, нынѣ Болгаре», представляя предковъ участниками Троицкой борьбы.

О Даретѣ и Диктисѣ см. *Grässe, Lehrbuch einer allge. Litterär-Gesch.* Dresd. u. Leipz. 1837—1838. 1, 1256—57; — *J. Dunlop's Geschichte der Prosadichtungen*, übers. v. Liebrecht. Berlin 1851, 178—179; — *Cholerius, Gesch. der deutschen Poësie nach ihren antiken Elementen.* Leipz. 1853. 109 ff. Новѣйшее изданіе Дарета и Диктиса гес. А. Dederich, Bonn 1835.

Рукописи повѣсти о Троицкомъ созданіи и похищеніи встрѣчаются безпрестанно въ хронографахъ, напр. Румянц. № 456, полууст. XVII в. л. 198—202 — повѣсть о созданіи и похищеніи Троицкомъ и о конечномъ разореніи еяе бысть при Давидѣ царѣ Иудейскомъ, начин. обане въ первая времена царь и кін именовъ Придесъ и пр. въ скорописномъ хронографѣ XVII в. № 459 л. 7—17 и пр.: мы пользовались третьимъ спискомъ, въ полной рукописи хронографа, принадлежащей г. О., XVII вѣка. — Списки встрѣчаются и въ сборникахъ, напр. Толст. 2, 104, или по каталогу Публ. б-ки XVII. Q. 65 изъ XVII вѣка. л. 314—337 съ тѣмъ же заглавіемъ, и друг.

Въ сборникахъ и хронографахъ XVII столѣтія встрѣчается и Русскій переводъ знаменитой Троицкой исторіи Гвидона де-Колумны. Основнымъ источникомъ ея были Даретъ и Диктисъ; ими пользовался еще прежде Бенуа де-Сенъ-Моръ; Англійскій монахъ Іосифъ Iscanus или Devonius, который ѣздилъ на востокъ съ Ричардомъ Львиное-Сердце и воспѣтъ его подвиги въ «Антиохидѣ», написалъ гекзаметрами *l. sex de bello Trojano*, по Дарету; трудъ Гвидона былъ новой самостоятельной вариацией этого содержанія, и по своей славѣ съ другими обработками Троицкихъ сказаній играть важную роль въ ихъ исторіи. Гвидо де-Колумна или Колонна былъ родомъ изъ Мессины; въ

1262—1272 г. онъ предпринялъ свой трудъ по просьбѣ архіепископа Салернского, но въ 1273 отправился съ королемъ Дуардомъ, возвращавшимся изъ крестоваго похода, въ Англїю, гдѣ составилъ нѣсколько, впрочемъ неизвѣстныхъ, сочиненій объ Англійской исторіи; воротившись года черезъ три въ Мессину, онъ снова принялся за свою работу и окончилъ ее въ 1287 г. Сочиненіе въ большей части манускриптовъ называется *Historia de bello Trojano*, и начинается съ похода Аргонавтовъ и перелога разрушенія Лаомедонтова города Язономъ и Геркулесомъ. Новая Трои, основанная Пріамомъ, была осаждена десять лѣтъ и наконецъ предана Ахеноромъ и Энеемъ, которые указали Грекамъ средство ввести въ городъ роковаго коня; затѣмъ разсказаны приключенія Греческихъ героев по возвращеніи изъ-подъ Трои. Какъ вообще въ средніе вѣка пренебрегали Гомеромъ, едва зная его по имени, такъ и Гвидонъ объясняетъ въ предисловіи, что не пользовался Гомеромъ, который хотя и славился въ свое время у Грековъ *suis diebus maxima auctoritatis* *Homerus apud Graecos*, но скрылъ настоящую истину событія, выдумывая чего не было и передавая иначе то, что было, — потому что, продолжаетъ онъ, Гомеръ сводитъ языческихъ боговъ, которые будто бы сражались въ битвахъ, какъ живые люди. Чтобы избѣжать неправдоподобности и представить разсказъ о войнѣ безъ должныхъ прибавленій — «особенно для тѣхъ, кто занимается грамматикой», — Гвидонъ обратился къ Дарету и Диктнеу, какъ очевидцамъ и несомнѣннымъ историкамъ Троянской осады. Вергилій и Овидій подверглись тому же невыгодному отзыву. Несмотря на то, мнимая достоверность не помѣшала Гвидону обогатить свою исторію богатыми украшеніями романтическаго эпоса. Средневѣковые поэты вообще получали готовые факты у Дарета и Диктиса, но передавали ихъ такъ, какъ они представлялись имъ собственной фантазіи. Гвидонъ меньше другихъ увлекался желаніемъ изукрасить описываемыя событія, тѣмъ не менѣе у него Троянская война получила колоритъ романтической: Ахиллесъ и Гекторъ изображены совершенными палачами; Пандексія стѣны построены изъ мрамора, и дворецъ Пріама великолѣпнѣе, какъ волшебныя замки рыцарскихъ романовъ.

Изложение Гвидона имѣть вообще свои достоинства; онъ не столько, какъ другіе, поражаетъ анахронизмами и ошибками географическими, старается о группировкѣ событій и последовательности разсказа, который постоянно снабжаетъ нравственными замѣчаніями. Онъ разсуждаетъ о деткомыслии женщины, объ испорченности жрецовъ, въгренности молодежи въ танцахъ и пр. Все сочиненіе приводится къ мысли, что величайшія событій часто бывають вызваны незначительными случаями, и что по этому властители должны умѣрить порывы своего характера и страстей. Лаомедонтъ оскорбилъ Аргонавтовъ, и за этимъ последовало разрушеніе первой Трои и похищеніе Гелены; когда Пріамъ требовалъ назадъ свою сестру, отказъ Грековъ подалъ поводъ къ похищенію Елены; эта невлажность повлекла величайшіе перевороты: разрушеніе прекраснаго города, смерть тысячи людей и бѣдствіе вдовъ и сиротъ. Изъ этого несчастія произонли однако благодѣтельные плоды, потому что далекія страны были заселены Троянскими выходцами: Брусь отправился въ Британію, Франкъ во Францію, Антеноръ въ Венецію, Сиванъ или Сикуть въ Сицилію и Тусцію, Эней основался въ Италиі и пр. Троянская война изображается у Гвидона и современныхъ ему поэтовъ, какъ и было переселеніе народовъ, и была не только споромъ Греціи и Трои, но и борьбою частей свѣта, потому что за Грековъ стоитъ вся Европа и Африка, сторону Пріама вела Азія. Уже Гвидонъ упоминаетъ о Персахъ и Картагенянахъ; его Троя, съ высокими стѣнами, величественными дворцами и башнями, кажется вторымъ Константинополемъ и служить представительницей всей Азіи. Какъ далеко занло наковецъ это возвеличеніе Троянской войны, можно видѣть изъ поэмы Конрада Вюрцбургскаго, Немцаго поэта XIII вѣка; онъ пересчитываетъ при этомъ случаѣ, что на Троянское побоище выставили свои войска также Венгрія, Россія, Данія, Англія, Норвегія, Испанія и пр., а Шменкіе рышари, какъ и слѣдуетъ оказывать, одержали тамъ верхъ надъ всеми другими. Замѣтимъ странное произведеніе, написанное въ XV столѣтіи по поводу влітія Константинополя Турками: *Florentini Turonensis Carmen de destructione Constantinopolitana s. de ultione Trojanorum contra Graecos* Paris. s. a. — 1496, гдѣ, какъ видно изъ заглавія, не-

наветь Турокъ противъ Грековъ объясняется какъ продолженіе вражды Троянской. Другое объясненіе сдѣлано было въ Русской повѣсти XV вѣка о создании и влгдн Царяграда: говоря о Троедѣ, гдѣ Константинъ хотѣлъ прежде основать свою столицу, и гдѣ «всемірная побѣда была Грекомъ надъ Фригъ», авторъ ея думаетъ о битвѣ Троянской, и случайно или съ намѣреніемъ смѣшавъ Фратовъ - Лагичевъ съ Фрагами - Троянами (Средневекаго, Нов. о Царегр. 28), считая Грековъ побѣдителями тѣхъ и другихъ: это недоразумѣніе очень любопытно.

Сочиненіе Гвидона Мессинскаго скоро разошлось по всей Западной Европѣ. Лагичевскій подлинникъ его издавъ былъ въ первый разъ s. l. et a., а по Брюне первымъ изданіемъ была *Historia Trojana prosaice composita*, Col. 1477. Прежде всего явилось нѣсколько Итальянскихъ переводовъ, въ первой половинѣ XIV вѣка: одинъ изъ нихъ напечатанъ 1481 г. въ Венеціи. Французскій переводъ *La destruction de Troye* вышелъ также очень давно: Непанскій въ Толедо 1512, Кастильское переложеніе въ Медивъ 1587. Нѣмецкое изданіе *Nie vahet sich an die kostlich hystori die da sagt von der erstörung der edeln auch allergrösten statt Troia. wöliche Hystori gründtlich beschrieben haben die hochgelehrten meyster, herr Dares von Troya, auch herr Numerus von Kriechen und ander meyster*, — напечатанное s. l. et a., относится къ 1474 г. (Augsb.), а самый переводъ къ концу XIV вѣка: въ 1479 г. вышло Голландское изданіе. Однимъ изъ самыхъ старыхъ изданій книги Гвидона было Чешское: переводъ относится къ началу XV вѣка, и книга напечатана, вѣроятно въ Пльзень, вскоре по изобрѣтеніи книгопечатанія: Добржевскій относитъ ее къ 1476 г., считая упомянутый въ ней 1468 г. временемъ оригинальной рукописи (*Gesch. der Bohm. Spr. 155, 309*; однако Юнгманъ и другіе оспариваютъ это мнѣніе и полагаютъ 1468 годомъ изданія *Jungmann, Hist. 65—66*); въ 1488 появилось уже второе Чешское изданіе Троянской исторіи. Существовалъ ли польскій переводъ Гвидона на Польскомъ языкѣ, трудно сказать положительно; сокращеніе его книги приведено въ хроникѣ Бѣльскаго.

Русскій переводъ конечно не древнѣ XVII вѣка, какъ можно судить изъ языка и изъ того, что повѣсть не встречается рань-

ше этого времени; къ тому же заключенію приводятъ и значительная безцѣлность перевода, какую вообще перѣдко можно найти въ литературѣ XVII столѣтія. Повѣсть замѣняетъ иногда въ хронографахъ упомянутую исторію «о созданіи и поплѣненіи Тройскомъ»; такъ переводъ Гвидона помѣщенъ въ Румниц. хронографѣ XVII вѣка, № 457 л. 296 подъ заглавіемъ «повѣсть о црствѣ Тройскомъ и о конечномъ разореніи его, сие бысть во дни Деда прѣв; сначала вступленіе, за которымъ л. 297 начинается и самое сочиненіе «книга глгемалъ Трои. о Пелѣе при Тесалинскомъ, како посла брата своего Едѣона добыти златое руно» и пр., въ 56 главахъ. Переводъ названія главъ, Русскій писецъ или переводчикъ выразился, можетъ быть по привычкѣ, такимъ образомъ — «о силномъ прѣвѣ и хрѣбромъ витѣмъ о Екторе, и колко Греческихъ црѣй оубѣ», что припоминало ему свои исторіи о хрѣбрыхъ витѣлахъ и паревичахъ. Оп. Р. М. 763 . Въ другомъ Румниц. хронографѣ XVII в. № 458 Тройская исторія Колумны находится въ сокращеніи по хроникѣ Бѣльскаго: «о златомъ рунѣ волшебнаго овна», начин. «въ дѣло о Адама ꙗко при Авдонѣ судѣи во Парали, црствовали на востоцѣ Атанасъ царь» (Опис. 773 . Таже короткая редакція находится и въ другихъ хронографахъ, напр. Толст. 1.325, Публ. б-ки IV. Ф. 90, исторія о златомъ рунѣ волшебнаго овна помѣщена 24-ю главою сборника, и начинается тѣмъ же: «въ дѣло отъ Адама ꙗко при Авдонѣ судѣи, како во Парали, царствовали на востоцѣ Атанасъ царь, царину имѣя Певидію, и родила ему сына именемъ Фрика, да дщерь Елену — т. е. Геллу, — и та у него царина Певидія умре, и потомъ взявъ другую жену» и пр. Второе отдѣленіе сокращенной редакціи озаглавлено здѣсь «о восхищеніи златого руна и о градѣ Мидій», далѣе «о брани Троянцевъ со Греки и о разореніи его сѣ и о Еркудесѣ хрѣбромъ и о дѣвицѣ и о змѣ»; наконецъ «о созданіи града Трои, по разореніи перваго града, и о конечномъ разореніи и поплѣненіи его при Давидѣ царѣ Иудейстѣмъ» начин. «по смерти же Давомедонна цара нача царствовать въ Тройскомъ государствѣ сынъ его Пріамъ, и советуя расколѣнныя грады соорудити» и пр.

Отдѣльно списки Гвидона встрѣчаются рѣдко. Въ Погодинскомъ сборникѣ сказаннаго состава, № 4772 по описи, при-

надлежало бы. Публичной б-к. на л. 1 — 96 находится эта Троицкая история подь заглавиемъ: «сначала предисловіе на историю разоренія Трои, списано судією Гвидономъ де Колумна Мессансійскимъ sic?», а тамъ же первое написаніе о Велли т. е. Велли царі Геосомнекомъ sic — приводима Элона да са пометь дѣлать златое руно» т. е. *Incipit prologus super historia destructionis Trojae composita per judicem Guidonem de Columna Messanensem*, какъ печато первопечатное изданіе Гвидона и какъ осталось и въ позднѣйшихъ перепечаткахъ. Впрочемъ, помѣщенный здѣсь въ дурномъ спискѣ переводъ не соответствуетъ Латинскому изданію, которое было у насъ подь руками (Argent. 1489), и много короче его. Главы Русскаго перевода послѣ заглавія плусть въ такомъ порядкѣ: л. 6 «о Медіи, како побовію Алоповою уявился», л. 10 «о Медицинѣ наказаніи Алона и о златорунной брани и о *арисванті* на волы и на змѣю, дѣлаемыхъ отъ нея», обор. л. 11 «о наказаніи Медицинѣ ко Алону о златорунномъ и что ему дастъ», обор. л. 12 «како Алонъ приступи къ златому руно по наученію Медицину», л. 18 «о разореніи первыя Троицкаго царства отъ Алона и Еркулеса за обиду, какъ шли для златого руна» и пр.: въ Латинскомъ оригиналѣ послѣ пролога слѣдуетъ 2-я глава — *Incipit liber primus de Peleo rege Thesalie inducente Jasonem ut se conferat ad aureum vellus habendum*, 3-я *de Grecis applicantibus in pertinentias Troie et de Laomedonta rege licenciante Jasonem et Herculem de locis illis*, 4-я *de Medea qualiter amore Jasonis capta fuit*, 5-я *de Medea instruyente Jasonem de aurei velleris certamine et de medelis ad pugnam faciendam cum bobus et dracone operandis*, 6-я *qualiter Jason accessit ad aureum vellus*, 7-я *de destructione prime Troie per Jasonem et Herculem* и т. д.

При Петрѣ В., который старался пріохотить грамотныхъ людей къ чтенію и въ выборѣ книгъ для перевода перѣлко очень вѣрно угадывать вкусъ нашихъ читателей, Троицкая исторія Гвидона была переведена снова и издана въ 1709 году подь заглавиемъ: «исторія въ ней же пишеть, о разореніи града троіи Фрѣйцкаго царства, і о созданіи его і о великихъ ополчительныхъ бранехъ, како ратовашаея о ней царі і князѣ вселенныхъ, і что ради только і таковое царство троинскихъ державцовъ на-

вержеся, і въ подѣ санустьїи положіея» и т. д. За тѣмъ въ заглавіи слѣдуетъ похвала Дату-Греку и Фриіно-Царію, т. е. Диктису и Дарету, а Омирь, Виргилій и Овидій Соломенскій т. е. Sulmonensis отвергаются «многія бо въ нихъ несогласія і басні обрѣтошася». Далѣе — «напечатана же славенскіи новеліиіемъ царскаго Величества въ типографіи Московскоіи Для Господня 1709-го въ мѣсѣцѣ Іюній, 8—479 стр. Слѣдующія изданія—1712, 1717, 1760... 1785, 1791, 1817—сдѣланы были почти безъ перемѣнъ, но въ послѣднихъ заглавіи вышесказалось короче. Количество изданій само говоритъ объ успѣхѣ книги; но кромѣ того она появилась и въ другомъ видѣ, именно въ переводѣ на Русскій языкъ, подѣ названіемъ «Исторія о разореніи Трои, столичнаго города Фриійскаго царства, — переведенная съ *Греческаго* на Славенскій языкъ, а языкъ съ онаго вновь переложенная на чистый Россійскій Иваномъ Михайловичемъ». М. 1791 — 92 и друг. Мы встрѣтимся еще разъ съ этимъ Михайловымъ, передѣлывателемъ старинныхъ Славянскихъ произведеній. Въ эти изданія показываютъ обширную извѣстность книги, которая вѣроятно и до сихъ поръ улаживаетъ досуги извѣстнаго разряда читателей.

Вообще о Гвидонѣ де-Колумна см. *Grässe*, Sagenkreise 116—120. — *Liebrecht's Dunlop* 179—180. — *Cholevius*, Gesch. d. deutsch. Poes. 101, 126 ff.; — *Brunet*, Manuel du libraire et de l'amateur de livres. Brux. 1838. 1.373—374.

— Особенную, не встрѣчающуюся намъ, Троянскую исторію указываетъ в. Строевъ въ б-кѣ Моск. Общ. Ист. и Древн. № 89 въ рукописи XVII в. безъ начала и окончанія, на 218 л. Ср. хронографъ XVII вѣка, тоже б-кѣ, № 286 л. 266—320, глава 401 «повѣсть великии полемна и дивна и прензїица о Троянскомъ царствѣ», сже 61 во Елипсѣхъ, како создася и како разорися для прекраснаго царина Еленыя, въ двухъ частяхъ. — въ первой 6, во второй 53 главъ; можетъ быть также исторія Гвидона.

— Въ рукописяхъ XVIII вѣка находятся и простые списки съ печатныхъ Петровскихъ изданій. Т. зовы — Тотегъ 5, 39 рукопись 1771 года. — Царскаго № 693. — Б-кѣ Моск. Общества № 88 списокъ 1773 г., сдѣланный съ изданія 1717, и друг.

надежаемъ нынѣ Публичной б-кѣ, на л. 1 — 96 находится эта Троянская исторія подъ заглавiемъ: «начала предисловію на исторію разоренія Трои, списано судіею Гвидономъ де Колумна Мессансiйскимъ sic?», нынѣ же первое написаніе о Веллѣ т. е. Веллѣ царя Теосомикомъ sic? приводима Азона да ея пошесть «лабыти златое руно» т. е. *Incipit prologus super historia destructionis Trojae composita per judicem Guidonem de Columna Messanensem*, какъ начато первопечатное изданіе Гвидона и какъ осталось и въ позднѣйшихъ перепечаткахъ. Впрочемъ, помѣщенный здѣсь въ дурномъ спискѣ переводъ не соответствуетъ Латинскому изданію, которое было у насъ подъ руками (Argent. 1489), и много короче его. Главы Русскаго перевода послѣ заглавія идутъ въ такомъ порядкѣ: л. 6 «о Медѣ, како побовио Азоповою уашиша», л. 10 «о Медицинѣ наказаніи Азона и о златорушной брани и о *привезеніи* на волна и на змѣю, двлаемыхъ отъ нея», обор. л. 11 «о наказаніи Медицинѣ ко Азону о златорушномъ и что ему дастъ», обор. л. 12 «како Азонъ приступи къ златому руно по наученію Медицину», л. 18 «о разореніи первое Троянскаго царства отъ Азона и Еркулеса за обиду, какъ шли для златого руна» и пр.: въ Латинскомъ оригиналѣ послѣ пролога слѣдуетъ 2-я глава — *Incipit liber primus de Peleo rege Thesalie inducente Jasonem ut se conferat ad aureum vellus habendum*, 3-я *de Grecis applicantibus in pertinentias Troie et de Laomedonta rege licenciante Jasonem et Herculem de locis illis*, 4-я *de Medea qualiter amore Jasonis capta fuit*, 5-я *de Medea instruente Jasonem de aurei velleris certamine et de medelis ad pugnam faciendam cum bobus et dracone operandis*, 6-я *qualiter Jason accessit ad aureum vellus*, 7-я *de destructione prime Troie per Jasonem et Herculem* и т. д.

При Петрѣ В., который старался приохотить грамотныхъ людей къ чтенію и въ выборѣ книгъ для перевода перлѣко очень вѣрно угадывать вкусъ нашихъ читателей, Троянская исторія Гвидона была переведена снова и издана въ 1709 году подъ заглавiемъ: «исторія въ ней же шшесть, о разореніи града трої Фрѣйтскаго царства, і о созданіи его і о великихъ ошочительныхъ бранехъ, како ратоваша о ней царіе і князѣ вселенныхъ, і чего ради только і таковое царство троянскихъ державцовъ піз-

вержеса, і въ потѣ сауствія положію» и т. д. За тѣмъ въ заглавіи слѣдуетъ похвала Дату-Греку и Фриію-Дарію, т. е. Диктису и Дарету, а Омирь, Виргилій и Овидій Соломенскій т. е. Sulmonensis отвергаются «многія бо въ нихъ несогласія і басні обрѣтошася». Далѣе — «напечатана же славенскі повѣдніемъ царскаго Величества въ типографіи Московскоі Дѣла Господня 1709-го въ мѣсцѣ Іюніи», 8—379 стр. Слѣдующія изданія — 1712, 1717, 1760... 1785, 1791, 1817 — сдѣланы были почти безъ перемѣнъ, но въ послѣднихъ заглавіе вышесказаное короче. Количество изданій само говоритъ объ успѣхѣ книги; но кромѣ того она появилась и въ другомъ видѣ, именно въ переводѣ на Русскій языкъ, подъ названіемъ «Исторія о разореніи Трои, столичнаго города Фриійскаго царства, — переведенная съ *Греческаго* на Славенскій языкъ, а нынѣ съ онаго вновь переложенная на четый Россійскій Иваномъ Михайловичемъ», М. 1791 — 92 и друг. Мы встрѣтимся еще разъ съ этимъ Михайловымъ, передъиздателемъ старинныхъ Славянскихъ произведеній. Всѣ эти изданія показываютъ обширную извѣстность книги, которая вѣроятно и до сихъ поръ услаждаетъ досуги извѣстнаго разряда читателей.

Вообще о Гвидонѣ де-Колумна см. *Grässe*, Sagenkreise 116—120. — *Liebrecht's* Dunlop 179—180. — *Cholceus*, Gesch. d. deutsch. Poes. 101, 126 ff. — *Brunet*, Manuel du libraire et de l'amateur de livres. Brux. 1838. 1373—374.

— Особенную, не встрѣчающуюся намъ, Троицкую исторію указываетъ г. Строевъ въ б-кѣ Моск. Общ. Ист. и Древн. № 89 въ рукописи XVII в. безъ начала и окончанія, на 218 л. Ср. хронографъ XVII вѣка, тоже б-кѣ, № 286 л. 266—320, глава 401 сюжетъ весьма полезен и дивен и пріязница о Троицкомъ царствѣ, еже 6к во Елшихъ, како создася и како разорися для прекраснаго царина Елены, въ двухъ частяхъ, — въ первой 6, во второй 55 главъ; можетъ быть таже исторія Гвидона.

— Въ рукописяхъ XVIII вѣка находятся и прѣстые списки съ печатныхъ Петровскихъ изданій. Т-ковъ — Точетъ 5, 39 рукопись 1771 года. — Царскаго, № 693, — Б-кѣ Моск. Общества, № 88 списокъ 1743 г., сдѣланный съ изданія 1717, и друг.

II.

Синагриць, царь Адоровъ и Нативскія страны или Слѣдкое Акиръ премудромъ, сказка изъ Тысячи и одной ночи. — Слово прекрасныхъ времени арабскихъ человека. — Сказаніе о Индикомъ пророкъ и пресвитеръ Иоаннъ. — Слово о полку Игоревъ.

Мы остановимся теперь на другихъ произведеніяхъ древняго періода, которыя принадлежать тому же Византійскому источнику, но отличаются отъ Александрий и сказаній Троицкихъ тѣмъ, что выходятъ изъ ряда историческихъ сюжетовъ и относятся уже чисто къ области фантазій. Ихъ немного, но безъ сомнѣнія только потому, что немного сохранилось, а не потому, что столько же было ихъ и прежде. Это одни изъ любопытнѣйшихъ памятниковъ древней свѣтской литературы; несмотря на ихъ чужое происхожденіе, въ нихъ отразилось много той свѣжести, какая часто поражаетъ въ древнѣйшихъ памятникахъ нашихъ, и какая становится болѣе и болѣе рѣдкою въ книжныхъ произведеніяхъ поздней письменности. Однимъ изъ этихъ памятниковъ есть сказка изъ Тысячи и одной ночи въ древнемъ Русскомъ или вѣрнѣе южно-Славянскомъ переводѣ, которая занесена была между прочимъ въ замѣчательный сборникъ XIV или XV вѣка, сохранившій намъ Слово о полку Игоревъ. Она помещена была въ сборникѣ четвертою статью, передъ самымъ Словомъ, и озаглавлена «Синагриць царь Адоровъ и Нативскія страны». Первый издатель Слова сообщил очень короткое извѣстіе о содержаніи рукописи; въ послѣдствіи, этотъ недостатокъ былъ нѣсколько исправленъ Карамзинымъ, который помѣстилъ немногіе отрывки изъ сборника въ примѣчаніяхъ къ своей исторіи. Сборникъ принадлежитъ къ разряду хронографическихъ, и кромѣ того заключаетъ нѣсколько статей сказочнаго или чисто-литературнаго характера; легко оценить важность сборника, вспоминая, какъ вообще мало подобныхъ рукописей и болѣе поздней эпохи сохранилось до нашего времени; нѣкоторыя статьи его считались до сихъ поръ окончательно потерянными. Впрочемъ сказаніе о Синагрицѣ не принадлежитъ къ ихъ

числу, потому что нередко встречается в рукописях XVII и XVIII века; оно известно теперь в двух главных редакциях: одна — древнейшая, подходящая къ описанной Карамзинымъ, другая — поздняя, отличная и по заглавію и отчасти по содержанию. Въ этомъ последнемъ видѣ, повѣсть называется «Слово о Авирѣ», «Сказаніе о премудромъ Авирѣ и сынѣ его Анаданѣ» и т. п., по именамъ другихъ дѣйствующихъ лицъ.

Источники Слова указаны были Карамзинымъ по Казоттову продолженію перевода Тысячи и одной ночи, начатого Галляномъ (*Nouveaux contes arabes ou supplém. aux Mille et une nuits etc. par M. Galle. Paris 1788, 4 t.*, гдѣ во второмъ томѣ помѣщена «исторія Синкариба и двухъ его вилрей»). Но сравненіе нашей сказки съ Казоттовымъ текстомъ не могло бы привести ни къ какому точному выводу, если бы нужно было опредѣлить отношеніе нашего Слова къ его прототипу; потому что Казоттъ, не имѣя достаточнаго знанія восточныхъ языковъ, чрезвычайно невѣрно передавалъ восточные рассказы, и, что еще хуже, украшалъ ихъ нѣкими собственною фантазіею и прибавлялъ, чего не было въ подлинникѣ. Гаммеръ не считалъ даже книги Казотта переводомъ Тысячи и одной ночи; исторію Синкариба онъ исключалъ однако изъ числа рассказовъ, которые принималъ за собственное сочиненіе Казотта (ср. *Hammer, Der T. und ein. Nacht noch nicht übers. Mahrech., Erzähl. u. Anektd.; deutsch v. Zinserling, St. u. Tüb. 1823, I, xxxij, xlvij*). Последующія открытія оправдали несколько Казотта, потому что повѣсти его найдены были въ Арабскихъ и Персидскихъ рукописяхъ учеными Росселемъ и Скоттомъ, а Коссенъ-де-Персеваль нашелъ и самую рукопись Парижской бібліотеки, служившую для него оригиналомъ. Коссенъ-де-Персеваль издалъ новый переводъ, какъ другое продолженіе Галлянова: *Les Mille et une nuits, trad. par M. Galland, cont. par M. Caussin de Perceval (Paris 1806, 9 t.)*, гдѣ наша повѣсть находится въ восьмомъ томѣ, подъ заглавіемъ — исторія мудраго Гейкара. После него сказка о Синкарибѣ и о Гейкарѣ переведена была снова *Le sage Heucar, Conte trad. de l'arabe par Agoub, Paris 1824*, и эта последняя передача, по отзывамъ специалистовъ, гораздо удовлетворительнѣе прежнихъ. Мы подыскали ее въ прекрасномъ из-

таинъ Габихта, 4-1-Елена и Шалла, 111 сказка занимаетъ 561—568, поимъ Eins. und eine Nacht, ar. Erzählungen, 2-4 Ausg., Breslau 1827—13, 86—126.

Содержаніе нашего Слова очень сходно съ текстомъ въ редакціи Габихта, и расходитя съ нимъ только въ некоторыхъ подробностяхъ. Въ статьѣ Габихта и одной поимъ исторія переложена слѣдующимъ образомъ. Гейкаръ былъ перламъ министромъ Сенхарибъ, царя Аравіи (или Ассуръ и Иншеви); онъ отличался могуществомъ, познаніями и мудростью, но не былъ счастливъ, потому что у него не было дѣтей. Напрасно онъ взялъ себѣ шестьдесятъ жень, но завды его не повиновался, и Гейкаръ, по опредѣленію неба, усыновилъ племянника своего Падана. Гейкаръ избралъ для него восемь кормилицъ, и когда ребенокъ выросъ, самъ Гейкаръ началъ учить его степеню, грамматикѣ, морали и житейской философіи; онъ представилъ наконецъ Падана царю, какъ своего преемника, и потому въ теченіе многихъ дней и ночей дѣлалъ Падану правдивыя и поштившія наставленія. Мы не будемъ пересказывать ихъ, потому что онѣ не точно переведены у Габихта и несходны съ изложеніемъ нашего Слова. Сдѣлавшись самъ правителемъ, Паданъ возгордился и не уважалъ своего благодѣтеля; оскорбленный Гейкаръ отдалъ свой домъ его меньшему брату. Паданъ рѣшился отомстить мудрому Гейкарю: онъ написалъ отъ имени его подложныя письма къ царямъ Перенскому и Египетскому, съ Гейкарю обѣщая предать имъ безъ боя владѣнія Сенхарибъ, въ томъ Баширъ; письма запечатаны были печатью старца министра и подкинуты во дворецъ. Въ то же время Паданъ отъ имени царя велѣлъ Гейкарю собрать войска въ той же долині, потому что Сенхарибъ желалъ будто показать ихъ послѣ Египетскаго вояраона. Царь наумился, прочитавъ подкинутое письмо; но по совѣту Падана отправился на означенное мѣсто, чтобы убѣдиться въ имѣніи Гейкара; онъ увидѣлъ собраныя войска и съ удовольствіемъ возвратился во дворецъ. Гейкаръ, приведенный къ царю, понялъ коварство Падана, но пораженный его неблагодарностью, не могъ сказать ни слова въ свое оправданіе. Сенхарибъ осудилъ его на смерть; но повелитель казни, Абу-оманна, обязанной Гейкарю, далъ ему средство спастись отъ казни. Гейкаръ

поселился въ поташной комнатѣ своего дворца; Падант ослѣблялъ его безмилостивую жену.

Молва о смерти Гейкара распространилась, и Египетскій фараонъ прислалъ Сенхарибу патентованное требованіе — прислать въ Египетъ архитектора, который бы выстроилъ дворецъ между небомъ и землей и могъ отгадать загадки фараона; да то послѣдній обѣщалъ Сенхарибу трехлѣтнюю подать Египта; въ противномъ случаѣ Сенхарибъ долженъ былъ прислать трехлѣтніе доходы Ассиріи. Ни одинъ изъ совѣтниковъ царя не зналъ, что дѣлать; Сенхарибъ вспомнилъ прежняго мудраго министра и предложилъ неутомимой горести; тогда Абу-Сомейха открывалъ ему спасеніе Гейкара. Обрадованный царь возвратилъ Гейкару свою милость и просилъ его помощи; Гейкаръ потребовалъ сорокъ дней на приготовленіе къ путешествію въ Египетъ. Онъ велѣлъ доучить своихъ поймать двухъ сильныхъ слоновъ, прикрѣпить къ нимъ два ящика изъ легкаго дерева и шелковыя веревки длиною въ двѣ тысячи локтей, и приучить орловъ летать съ посаженными въ ящики мальчиками, во всю длину веревки; на воздухѣ мальчики должны были кричать, что имъ было приказано. Послѣ того Гейкаръ отправился въ Египетъ, по званію Абимакама; онъ съ перваго раза обратилъ на себя вниманіе фараона мудрыми отвѣтами. Когда онъ явился однажды къ царю, фараонъ одѣтъ былъ въ порфиру, и спросилъ Гейкара, съ чѣмъ сравнить онъ его и вельможъ двора его; Гейкаръ угодилъ его изображеніемъ божества, а придворныхъ поклонникамъ. На другое утро царь одѣтъ былъ въ красное платье, а вельможи въ бѣлое; Гейкаръ сравнилъ его съ солнцемъ, а вельможи съ лучами солнца. На третій день Гейкаръ сравнилъ его со луной, а вельможи съ звѣздами; наконецъ, когда фараонъ нарядъ красную одежду, а вельможи разноцвѣтныя платья, мудрецъ угодилъ его мѣсяцу иланъ и арфѣ и, а придворныхъ платьемъ, которые онъ провозводитъ. Когда же фараонъ спросилъ, съ чѣмъ сравнить онъ своего государя, — Гейкаръ потребовалъ сперва, чтобы фараонъ сошелъ съ престола, когда онъ будетъ говорить о своемъ повелителѣ, и потомъ сказалъ, что иланъ царя могущественнѣе Сенхареба; онъ повелѣлъ, и солнце не распространяетъ лучей своихъ, мѣсяцъ и звѣзды останавли-

ваются в теченин, — онъ дастъ знакъ, и бури и ураганы срываются на землю, уничтожаютъ мѣсяцъ и вѣтъ и разносятъ его пѣкты. Фараонъ догадался, что такіе мудрые отгадки можетъ дать только Гейкаръ, но потребовалъ исполненія главной задачи. Когда Египтяне собрали матеріалы для зтанія, Гейкаръ пустилъ орловъ съ мальчиками; поднявшись высоко на воздухъ, мальчики кричали: «несите же намъ камни, извести и цемента, стройте дворецъ фараону; мы только этого и дожидаемся. Скорѣе, работники! пѣктыи часъ мы все еще съ пустыми руками; страшно оставаться намъ такъ долго безъ дѣла!»... а люди Гейкара стали бить оторопѣвшихъ Египтянъ, требуя, чтобы они несли мальчикамъ нужные матеріалы. Фараонъ отказался отъ воздушнаго дворца и предложилъ другую загадку: что это за конь у твоего повелителя — когда онъ рвется въ Писевіи, то очень пугаетъ моихъ кобылицъ? Гейкаръ скоро обѣщаль дать отвѣтъ и, пришедши домой, началъ жестоко бить кошку, такъ что собѣли сказали объ этомъ царю. На вопросъ фараона, зачемъ онъ бьетъ безвѣщное животное, Гейкаръ сказалъ: «оно виновно въ, чѣмъ вы думаете; мой повелитель Сенхаріобъ подарилъ мнѣ прекраснаго, съ звонкимъ голосомъ и духа — который безъ устали расцѣвлять во все часы дня и ночи: кошка, которую я теперь наказываю, сбѣгала въ прошлую ночь въ Писевію и задушила его». — Какъ же можетъ это быть, спросилъ фараонъ, отъ моей столицы до Писевіи 360 миль? — Если вы это знаете, сказалъ Гейкаръ, какимъ же образомъ слышно здѣсь ржаніе коня, который стоитъ въ Писевіи?... Гейкаръ отгадалъ и другія загадки. Фараонъ призналъ себя побѣжденнымъ, далъ трехлѣтніе доходы своей страны, наградилъ щедро Гейкара и заключилъ дружбу съ Сенхаріобомъ. Гейкаръ былъ милостиво принятъ своимъ повелителемъ; Абу-Сомейка былъ снова награжденъ по просьбѣ Гейкара; Паданъ отдалъ быть въ полную власть оскорбленнаго отца. Гейкаръ заключилъ его въ мрачную тюрьму, и послѣдняя его, каждый разъ слышать упреками за неблагодарность и испорченность сердца; Паданъ мучился угроженіями собѣсти и умеръ ужасною смертію. Судьба преступнаго Падана, сказано въ заключеніи Арабской сказки, оправдываетъ вѣчную истину: наказаніе всегда идетъ за пре-

студеніемъ, и кто кокетъ ему брату своему, падать въ нее сама».

Въ книгѣ III въ Казотта сказка очень разрастается: въ Русскомъ переводѣ прошедшаго столѣтія, напечатанномъ довольно уютно, она занимаетъ около ста страницъ (Продолженіе I, в. о. пош. М. 1794—95. I, 1—96). Есть и значительнае варианты: вводится жена Гейкара, будто бы тетка Сенхароба, которая принимаетъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ мужа, дѣлаетъ съ нимъ въ Египетъ, гдѣ ее принимаютъ за волшебницу и пр., чего нѣтъ ни въ Русскомъ старинномъ сказаніи, ни въ текстѣ Габихта, и исключеніе женщины вовсе не принадлежить Русской переводкѣ, какъ думаютъ, кажется, Подсковой. Отъ разрастучести Казоттова перевода, сказка потеряла много живости и эффектности: многое намѣнено, напр. Абу-Семейка не играетъ важной роли, потому что спасеніе Гейкара устроено женой его; Палани, по Казотту, умеръ повѣсившись на вѣтвяхъ, чего вовсе нѣтъ у Габихта. Вообще наше сказаніе въ общихъ редакціяхъ гораздо ближе къ этому послѣднему.

Но прежде чѣмъ займемся опредѣленіемъ Русскихъ редакцій, сообщимъ нѣкоторыя подробности изъ вѣдшей исторіи этой замѣчательной сказки. Уже Французскій переводчикъ мудро Гейкара замѣтилъ, что исторія его во многомъ сходна съ биографіей Елопа, какъ разсказываетъ ее Плутархъ. Сходство дѣйствительно очень велико и несомнѣнно доказываетъ, что одинъ разсказъ служитъ прототиномъ другому: биографія Елопа въ томъ мѣстѣ, гдѣ сблизается она со сказкой Тысячи и одной ночи, составляетъ почти буквальный переводъ ея или на оборотъ. Не принимая на себя рѣшенія того, какое изъ этихъ произведеній было первоначальной формою разсказа, приведемъ только нѣкоторые факты, объясняющіе этотъ вопросъ. Исторія Елопа, какъ почти всѣхъ древнихъ баснописцевъ, давно представлялась въ мифической обстановкѣ, такъ что мы не знаемъ о немъ почти ничего, исторически вѣрнаго: многіе совершенно отвергаютъ существованіе такого лица. Преданіе изображаетъ его съ уродливой и смѣшной парукостью, но съ умомъ чрезвычайно острымъ и находчивымъ; сначала онъ былъ рабомъ Антипатра Деметриа, или другихъ, потомъ Саміона Кеана и пр., наконецъ

потушить свободу. По словам ранних древних писателей, онъ былъ любимцемъ Креста, у котораго встрѣтился и много бесѣдовалъ съ Сономомъ. Новѣйшіе писатели придаютъ мало значенія этимъ повѣстямъ, не подтвержденнымъ точными данными; еще меньшимъ довѣріемъ пользуется обширная біографія, приписываемая Платуду, Епископу и по некоторому монаху (1340 — 1353), который славится всею ермю обширною ученостію, писалъ стихотворенія, сочиненія по части богословія, грамматики, и перевелъ на Греческій языкъ многіхъ Римскихъ писателей. Какъ большая часть Византійскихъ ученыхъ, Максимъ Платуду былъ только компиляторъ и собиратель; неудовлетворительность его біографіи Еюна вынуждена перейти въ тѣ, когда онъ вступаетъ въ уста Еюну стихи Эрициста, жившаго гораздо позднѣе. Біографія прервана провозгласившими артеціями и баснями самого Еюна, и нѣкоторыми чертами упоминаетъ рассказы о другихъ мудрецахъ; такъ уже давно замѣчено, что рассказы объ уроженности Еюна нахожены и въ преданіяхъ объ Арабскомъ баснописцѣ Ломаиѣ. Ученый теологъ Крестъ думаетъ, что авторъ біографіи составилъ ее отъ части изъ собственныхъ выдумокъ, отъ части изъ этихъ восточныхъ преданій; но мнѣнію другихъ, Платуду оишетъ къ Еюну то, что вычиталъ о другихъ мудрецахъ и философахъ Греческихъ; его вѣрченія, его *ῥηδαιολογία* сравнивали съ тѣми, что повѣствованъ Платарха и другихъ о Сократѣ, Демосенѣ, Витѣ и пр.; находили у Платарха и стихи, которыя пересылали другу другу, — такъ что многое обладаетея и Греческими источниками. Всего чаще указывали на сходство преданій о Еюнѣ и Ломаиѣ; трудно сказать, съ которой стороны было тѣмъ существованіе. Столько же нечено и то, какимъ образомъ въ біографію Еюна вошли главныя обстоятельства Арабской сказки о Гейкари; если бы біографія существовала по припадкамъ Платуду и была составлена въ половинѣ XIV-го вѣка, то все свѣрочнѣе было бы предположить, что вставка стѣла сама Платудомъ, — между тѣмъ нѣтъ почти никакого сомнѣнія и ученые соглашаются въ томъ, что біографія только послѣдствіемъ Платуды, а не въ самомъ тѣмъ сочиненіи имѣ въ XIV-мъ столѣтіи. Новѣйшій издатель біографіи, Вестерманъ, полагаетъ на-

печатанную имъ редакцію — очень мало отличную отъ Планудовой, — не раньше *десятых* вѣка и следовательно думаетъ о времени, гораздо древнѣйшемъ Плануда V. Aes. p. 2, 4, такъ что на долю послѣдняго остается только новая редакція сочиненія, существовавшаго прежде.

Латинскій переводъ Планудовой біографіи помещенъ въ изданіи Езона — *Excidebat Rob. Stephanus* 1529. VII cal. Septemb. и въ другихъ изданіяхъ. Греческій текстъ съ переводомъ Роб. Стефана въ *Aesopi Phr. vita et fab., gr. et lat. Venet.* 1770. другой Греческій списокъ въ *Vita Aes. ex Vratisl. etc. codd. ed. Westermann. Brunsvigae* 1845. Замѣчанія о Планудѣ и его біографіи въ *Thesaurus epist. Lacrozianus, ed. Uhlius, Lips.* 1742 — 46. 1, 170 — 172. 2, 153. — *Fabricii, Bibl. Graec., ed. Harless* 1, 618. — *Furia, Aesop. p. X sq.* — *A. Pauly, Real Encyclop. d. class. Alterthumswiss.* 3, 411. Въ сочиненіи, мы не имѣли книги Грауорта *Grauert Diss. acad. de Aesopo et fab. Aesop. Bonn* 1825, который также касается этого предмета.

Разсказъ, соответствующій повѣсти о Гейкарь, составляетъ только часть Планудовой біографіи Езона (*Rob. Steph.* 37 — 44. *Westerm.* 43 — 52), въ началѣ которой собираются извѣстія о происхожденіяхъ Езона во время рабства, за тѣмъ слѣдуетъ въ ней пребываніе его на о. Самѣ и у Креза. Отправившись оттуда, говоритъ біографія, Езонъ странствовать по свѣту и бесѣдовать съ мудрецами. Онъ пошелъ и въ Вавилонъ, и выказавши тамъ свою мудрость, получилъ большое значеніе при царѣ Ликерѣ, или по Вестерманну Ликурѣ; потому что въ то время цари, живя между собою въ мирѣ, для забавы посылали въ письмахъ другъ другу философскія задачи или загадки, *πρόβληματα*, и не отгадывавшіи посылали дань тому, кто предложилъ задачу. Езонъ, разрѣшая присылаемыя Ликеру задачи, прославилъ этого царя, и чрезъ него самъ посылалъ задачи другимъ царямъ, и такъ какъ они не въ состояніи были разрѣшить ихъ, то должны были присылать Ликеру дань (и такимъ образомъ царство Вавилонское усилилось). Вавилонскій царь играетъ дѣйствующую роль Сенхарипа. Бездѣльный Езонъ усмиряетъ Эина или Эиа *Ἰνῆς* притча, басня; въ этомъ же роѣ объясняли имя Езона, который однако не выполнилъ его ожиданій: по Вестерманну *ὁ Ἰνῆς ὑπερ-*

τιῶν τῶν τοῦ βασιλέως διὰ συνεπίσταυ, по Р. Стевану cum abforti-
tis concubina rem habuit. Еюнь хотѣлъ претать его смерти, или
выгнать изъ своего дома; жетительный-Эль обвинилъ его предъ
паремъ въ измѣнѣ; Еюнь спасается отъ казни при помощи Гер-
миши (Абу-Сомейса), и въ послѣдствіи снова является въ царю,
когда Ликерь былъ устранивъ всемоу Египетскаго царя
Нектагеба. Эль былъ выданъ Еюну, который не сталъ мстить
ему за клевету и только сдѣлалъ приличное правоученіе; Эль
умеръ отъ угрозеній совети. Когда Еюнь отправился въ Еги-
петъ и подобно Гейсару исполнить мудренныя требованія Некта-
геба, Египетскій царь воскликнулъ: «счастливъ Ликерь, имѣю-
щій въ своемъ царствѣ такую мудрость!» По возвращеніи Еюна
отъ Египетскаго даяща, Ликерь велѣлъ водворить ему золотую
статую. — За тѣмъ Еюнь отправляется въ Грецію и гибнетъ
тамъ жертвою мненія Дельвійцевъ, которахъ оскорбилъ своими
шутками.

Вмѣстѣ съ событія, его потребности скорѣе можно счесть
произведеніемъ восточной фантазіи; въ Арабской сказкѣ важна
и большая полнота въ развитіи сюжета; но съ другой стороны
есть возможность считать это и Греческою баснею позднѣйшаго
происхожденія. Имя Нектагеба знакомо было изъ исторіи Алек-
сандра, и если эта послѣдняя проникла въ Арабскую литературу,
то также могло быть и съ мною объ Еюнкѣ, особенно
въ ту эпоху, когда Арабская литература усвоила себѣ много
Греческихъ произведеній. Но крайней мѣрѣ хронологическія
данныя не мѣшаютъ предположенію о переходѣ біографіи Еюна
въ составъ Тысячи и одной ночи. Первоначальной основой этого
сборника многіе признавали Пелласское происхожденіе, но
отъ времени до времени оны подвергались многимъ перемѣнамъ
и въ сборникѣ носились повѣршія сценія. Нѣкоторыя крити-
ки не признають шрочемъ такой его давности, и въ самомъ
содержаніи Тысячи и одной ночи находятъ доказательства о
позднѣмъ появленіи. «Правда, говорить о нинѣ ученый ориенталистъ,
разбирая содержаніе Тысячи и одной ночи, — мы не ху-
димъ мѣсто дѣйствія нѣкоторыхъ прошествій въ Индію, Пер-
сію, Китаю, даже Ассирію, нѣхъ эпоха отнесена отъ исти какому
вообщитнымъ временамъ, и этою обманъ поддерживается оны

кое чудное имя и картинными прозовъ и образъ вноде-
ныхъ: во тѣхъ датолахъ, кель въ всемъ образъ представлени,
виша рука Мухаммеданско-Арабскаго писателя *Chazy*, въ *Pe-
tites oder krit. Jahrb. d. Liter.* Bd. 33, 1-es H. 96, съ указаніемъ
на С. 10-Еаши въ *Journal des Savans* 1817, нов. р. 686. Сказан
Елисей мѣстомъ, гдѣ составилъ сборникъ, названный Габих-
томъ, критикъ относить его къ довольно позднему времени,
около XIV-го вѣка. *Petites ib.* 94, 96, 99 и 108, такъ что
включеніе Греческой біографіи не имѣеть ничего невозможнаго.
Басня о Гейларѣ могла впрочемъ образоваться и изъ чисто Араб-
ской почвѣ, заключаая, быть можетъ, передачу прѣвѣща о Моисѣ,
— и потому въ дѣтской перетлѣкъ переша къ Гречамъ,
какъ случилось со сборникомъ сказокъ Каллима-въ-Димна: несо-
мнѣнное существованіе Греческаго *и речева* сказки о Гейларѣ
можетъ подтвердить, что въ отношеніи къ біографіи Елона за-
имствованіе сдѣлано было предтелемъ Византийскимъ. Что ка-
сается до нѣлаго прѣвѣща, то нельзя не приписать рожденіе его
стѣмъ, которое Іосифъ Флавій и Вильгельмъ Гирекій отно-
сятъ къ Соломону и Туркскому царю Гириму, и которыми уче-
ные несправедливо объясняли происхожденіе среднѣвѣковаго
сказанія о Марко-вафѣ. Главнымъ сюжетомъ оная является
спертъ духу царей о мудрости посредствомъ трудныхъ зада-
чекъ, которая она пересытана трудъ труду. Такимъ образомъ
сначала разсказа обобщается еще болѣе, и вместо впрѣдѣ
прѣвѣщати его родину на Востокѣ, можетъ быть у Персѣвъ,
которымъ приписывается и этотъ мифъ о Соломонѣ, и даже ду-
ска отъ Ил. Грамматъ, предѣлала редакція повѣсти о Марко-вафѣ.
Мѣлѣ 12. Jahrb. d. Liter. 1809, 5 Hft. 2, 239 ff. Стольже
сказаніе и впрѣдѣ также в столицѣ, мѣстомъ и историческѣ
разсказѣ о дѣтнѣхъ мальчкѣхъ на ортахъ: они и впрѣдѣ по мно-
ству трудными мѣстамъ и сказаніемъ. Очнь прѣвѣща писатель
Абу-Бендѣ-Ибрагимъ, что Нимротъ, когда мушулато вострѣчи
Восточную башню, в думать похватилъ на воздухѣ, на четь-
рехъ углахъ, къ которымъ прирѣдѣнъ бытъ ротъ оживающа,
отъ тѣхъ мѣстъ стрѣляетъ и въ свѣдѣхъ. Сомнѣвая, приподается
въ ономъ мѣстѣхъ словъ мѣрѣхъ Сипѣбада, въ Гвельтъ и одной
роде, оны востоятъ и въ романтическои литературѣ среднихъ

вковъ — т. е. Union de Bourdeaux совершил такую похвалу за гробъ. *L'histoire d'Andor* 184—177. Въ баснословной повести некто-Калипсова Александръ предпринимаетъ кощунское путешествие на гробахъ или завтрахъ крылатыхъ, которыми онъ управляетъ, похваляванъ имъ на коньхъ кусокъ мяса. Сербская сказка относитъ предание къ другому герою, славному по мудрости; ему нужно было витать смороче дубине и небесе вассине, и чтобы достигнуть послѣднего, онъ схватилъ два пера — *two* орла, гроба, на имъ за неколико дна не давши жеста докъ добро одаше, на имъ онъ привелъ вноге велику кодарску у коју онъ уве и сјетше дракъ въ рукама воше себе и вани и јав на дубакомъ рѣкѣу печено јитше. Шјој важе теби та би печено дохватиш, полете у висину, и тако су све тебедо доде Прому три не удри равномъ у небо, на они обрне равномъ на тиле те та појери снесу на земљу..... *Врл. Прич.* 1853—200. Въ Словенскихъ и Польскихъ преданияхъ разказъ о томъ, какъ охотникъ дѣлать на гробѣхъ въ ать, — очень сумный съ нравственности, свадается съ мифомъ о Ид-бобѣ. *Koľar, Zriw, Slow.* 1834. 1, 12. Для Сербской сказки упомянутый повѣсти могъ и слушать если не основаніемъ, то второстепенъ названъ восточномъ разказомъ.

Какой же вѣтъ получила А, обрѣтая сказка въ Русскихъ редакціяхъ и какъимъ образомъ вернула она въ нашу провидѣю литературу? Сербская редакция сказки о Сидаринѣ, которую читавшая теперь въ оди и нѣхъ рукописей, о-къ Моск. Обществу исторіи и древности, близъ къ декаду Габиха, чѣмъ и сѣлѣ шія перѣдѣше, — какъ и сѣлѣ шуетъ о дѣтѣхъ, хотя сама сказка Габиха въ сѣмъ преданіи Ар-бѣкѣ сѣмъ же. Восточная обрѣтая обрѣтается въ рѣкѣхъ и въ странствіи состоитъ въ томъ, что вся исторія и предание отъ имени Андри-Габиха, которая вѣсно о себѣ въ перѣдѣ шѣхъ. Это обрѣтается по и сѣмъ мѣстѣхъ восточной формой сѣмъ обрѣтается, которая вѣсно сѣмъ стараетъ свадать отъ дѣтѣхъ разказаны въ отношѣннѣхъ взаимнѣхъ и побѣхъхъ обрѣтается вѣсно, такъ вѣ. Тамъ же и она по и сѣмъ сѣмъ дѣтѣхъ. Шехер-заде обрѣтается въ овиъхъ разказѣхъ вѣсно дѣтѣхъ, сѣмъ тамъ сѣмъ вѣсно третій и такъ дѣтѣхъ, а сѣмъ вѣсно вѣсно вѣсно сѣмъ сѣмъ вѣсно вѣсно вѣсно вѣсно.

В первоначальном сборнике историк Гейкара принята ссылка впрямую къ числу такихъ вводныхъ разсказовъ, и въ этомъ видѣ дошла къ намъ. Древняя Русская редакція представляетъ еще много особенностей, неизвестныхъ позднимъ спискамъ, а иногда и самой редакціи Габихта. Письмая получавшая письма къ царю Переясковому и Египетскому, Паданъ преданаетъ имъ житья именно «на поле Египетское (= долина Вашириъ) мѣсяца августа въ 25 день»; спасенный отъ казни, Ахоръ скрывается въ приготовленное ему женой и другомъ его «мѣсто въ земли, 4 докоть въ длину, 4 въ ширину, 4 въ глубину»; пространство отъ Елишта до Нишеви царь считаетъ въ 1000 и 80 верстъ и т. д. Многія изъ такихъ подробностей или опущены въ позднѣе спискахъ или же непонятны.

Мы уже сказали, что Русскіе списки раздѣляются на два отдѣла. Карамзинъ сообщил начало повѣсти о Сиваринѣ по древнѣйшей русс. сабдушимъ образомъ: «Въ то время ахъ Акырѣ князичи бѣ, и речеши ми естъ отъ Бога: отъ тебе чело не рожити. Ивѣше же имѣя чело вѣдѣхъ человекъ, похити жену и устрои домъ, и ахъ 60 лѣтъ, и не бысть ми чело, и създахъ требшки и вѣдѣшихъ ови, и рѣхъ: Господи Боже мой! аще умру и не будетъ ми наследника, и рукъ человекъ. Акырѣ привеси бѣ, и Богу истинно служаше; аще чуретъ, и не обряцетъ мужескъ, и азъ чело, и же истинно ни треби естъ, ни отицескъ, и азъ, и же бѣ еи отацки; ни чело, но чело, и отцовъ наследство, и ахъ... И шашѣ проху у тебе, Господи Боже мой! даждь ми мужескъ чело, да преставишя, да вѣдѣши ми прѣсть на ови мой». Пис. 3. пр. 272. Въ сборникѣ б. в. Моск. Общ. конца XV вѣка, № 189, л. 90 — 104 обор., находится также редакція «Сиваринъ царь Ахоръ въ Паданскон странѣ, нач. въ то время ахъ Акырѣ князичи бѣхъ, и т. д. Мы пользовались спискомъ этой статьи не совсемъ удовлетворительнымъ, за который приносимъ благодарности П. Е. Забѣлину, и потому не всегда могли податися на свое членіе текста.

Другая, повѣстная форма сказанія перфито встречается въ рукописяхъ, напр. — Румянц. сборн. XVIII в., № 303, л. 438 — 454 «Сказаніе объ Акырѣ премудромъ царѣ Сиваринѣ. Ахъ вѣдѣши и Ахоректо», приведено мною, хотя и не вполне, въ Отеч. Запискахъ 1855, № 2.

— Погодинск. сборн. Публ. 6 кн. по описи, I^o 1772. XVIII в., д. 190—202. «Сказаніе о Акирѣ премудромъ и о оубоги царя Синографа земля Алексинской и Анзорской», нач. «Бысть иже кн человекъ Акиръ премудрый въ земли Алексинской и Анзорской».

— Подсваго, списокъ напечатанный въ Р. Вѣстн. 1842 I, 54—65. Слово о Акирѣ премудромъ. Повидимому, издание несовсѣмъ вѣрно, если это также рисъ, по которому Н. рассказываетъ объ Акирѣ въ М. Телеграфѣ 1825 I I, 227—235.

— Угломьскаго, въ сборникѣ, откуда было напечатано слово о в. к. Дмитріи Ивановичѣ. Времен. кн. IV, — о премудромъ Акирѣ и сынѣ его Анаданѣ, нач. «въ земли Алексинской».

— Царскаго пшѣтр. Уварова, I^o 440 сборн. кони XVIII в., д. 642—653. Отдѣльная рисъ «Сказаніе великаго царя Синографа, Алексинской земли и Анзорской, и о Акирѣ премудромъ».

— I^o 449 сборн. нач. XVIII в., д. 39—48. Слово это поведено о Акирѣ премудромъ, начаш. «бысть иже кн человекъ, именемъ Акиръ премудрый, въ земли Алексинской и Анзорской»; — I^o 451 сборн. нач. XVIII в., д. 249—270. Сказаніе о премудромъ Акирѣ и о сынѣ его Анаданѣ и о ихъ премудрости, и какъ Анаданъ отца своего оклеветалъ царю Синографу».

Различіе дѣланий вело въ ошибку и Сестррева, который считалъ сказки о Синатринѣ и Акирѣ за два отдѣльных произведенія въ Валуевск. сборн. 212. Грессе смѣшиваетъ Синатринца съ Серейнибому и влѣкаетъ новое сказаніе переводомъ «Трехъ Серейнибскихъ царей», въ *Allgem. Literar. Gesch.* 2 Bd. 3, 978, 994.

Въ древнемъ своемъ видѣ, нашъ переводъ безъ сомнѣнія вѣрно передавалъ чужое сказаніе; онъ не лишился восточнаго колорита въ рассказѣ, но уже отразилъ вліяніе Русскихъ переписчиковъ и читателей. Мы уже говорили о томъ приращеніи чужихъ сказаній къ своей национальности, какое было очень обыкновенно въ средніе вѣка. Это несознательное желаніе усвоить собственной народности знаменитую личность или событіе, дѣйствовало незамѣтно, мало-по-малу, и конечно оставило безъ вниманія требованія исторіи или даже здраваго смысла. Въ одной Французской передѣлкѣ псевдо-Каллисоена, Александръ на пути

ка Юпитеру-Амону принимают поочередно Русскихъ рыцарей, qui lui apportent les clefs et tributz de leurs provinces, et receut d'eux les pays et homages et furent bons amys; Пещерский поэт XIII-го вѣка, переизлавинъ ту же исторію, говоритъ, что Остидя для того, чтобы уберечь Ахитиса отъ воны, сарала его въ монастырь бенецианскій. Читатели не находятъ этого страшнымъ, потому что въ полюбившихъ намъ редакціяхъ только върный переводъ дурного понятія на общепонятный языкъ: называя слугачей Фаргона его *mit gruen* и т. п., Русский переизлаватель желаетъ только выразиться яснѣе для читателей. Наставленія Гейкара Пещану, переведенныя нашимъ сказаніемъ въ особомъ поученіи, которое могъ допринимать и поелишнику, но скорѣе вставлено было при переложѣ; Греческая біографія Езона сообщаетъ собственному мораль, собранную изъ стиховъ и прѣлеченій Олесеа, Писака, Сорокта, Дривиды и особенно Менадра. Русское воученіе указано 1. Восточнымъ и въ другихъ рукописяхъ, гдѣ оно помѣнялось отъ навои етцен, напр. въ Румыніи, рукописи В. х. Зав. XV-го вѣка, I^o 27, ст. на д. 109 — 111 находится означеніе: б' ствѣ б' мхадъ Христолюбни внимайте г' въ ведому пакъ стно бѣнъ съ стѣ такъ рече къ сну своему», приведенное нами въ Отеч. Знн. 1855, I^o 2, и авторомъ статьи о древн. Русскихъ повѣствованіяхъ въ Вѣдѣкахъ II Одд. Актд. 1855, 151 — 153. Это поученіе бѣнѣ схоже съ поученіемъ древней редакціи вавого ет'ачни, по истре сивеса значительно ето интердопривана. Поученіе древнаго сказки повѣсти пространнѣе Румыніи, статьи и прѣтала етѣ стѣно ето любощаниныхъ образованыхъ, напоминаныхъ или объясненыхъ нннѣ прѣлеченій или повѣствованій. Ахитисъ увидѣвъ Антонию Христову парекую таню — пусть она снѣстѣ въ ето сердце, — увидѣвъ умѣ въ че тобѣ, не смѣяться чѣнѣ мужскими неготовыми, не делитованъ мудрому етцену, бѣнѣ прѣлечаннѣ. «Мѣню, говоритъ она, даюте челоука неперва въ етѣ бѣнѣ бѣнѣ и наконецъ въ смѣлѣ бѣнѣ и въ укоре етѣ бѣнѣ етѣ: да бѣнѣ челоука рече яко нннѣ *no nna* ствѣ и бѣнѣ чннѣ поелити ето а въ Румыніи, рукописи не тоста етѣ вѣрон по бѣнѣ нннѣ етѣннѣ. С. ннѣ, прѣтала етѣ етѣ, умѣ етѣ челоука да бѣнѣ смѣлѣ, не ннѣ бѣнѣ да бѣнѣ, умѣ етѣ бѣнѣ челоука въ ето етѣ руку, не ннѣ етѣ

въ рукав рука, и баракше ома уне сесте, не ти за ней воги; уне сесте стипи прабни, иле въ рука, теракши не та тькоша итпа дотпа по аеру; уне сесте конопши порт, иле имени, не ти брашент, это же не имени» и пр. Таки парфенци караруютел и въ постовахит, напр. «не суи журавя на н бѣ, до сонну въ рука, и не не суи журавя въ готѣ, а хоти сипику да въ ротѣ» Буст. или постоваши ипа *avis in lapreo plus val t osto vagis* въ Латинскомъ «Решардѣ» Мн-го столѣтій *Amos*, *Reinh. Fuchs* *100*. Румши рукописи не имѣютъ этихъ парфенци. Въ общиимъ нравственнаимъ правиламъ, высказаннймъ очень оригинально. Акиръ прибавляетъ и протвѣтная жителския и отвѣленія: не хоти, говоритъ онъ Надау, на обѣтъ, не побывавши пректе у холиши; хоти много върыши, то поменьше говорю, и прославешъ умнаимъ человекамъ; на перу дотго не сиво, чтобъ теби не пропали раньше твоего ухаго. Въ подтваркени своихъ мыслей, Акиръ указываетъ и собственную ошадность: «слотчи и горести въушыи и не бѣвъ нице убавкства...», же ть-до и камешъ потъхъ и дотчи ми ся мрнѣ, невели мужени, въ-душему законѣ, глзтнѣсь со бѣлншимъ своимъ».

Румши поученіе . I * 27 сокращено или поученія Акира: что такое было его происхождение, можно убедиться или самой формою: оно именно названо представлѣннмъ сыну, въ срединѣ постоянно тѣже обращенія къ «сыну», и въ дѣл почтени его сказано — «сыну и чаго мое, уже научихъ та бѣ бѣ, — тѣже научихъ та и прими и разсочи и саже ти буть на подгу», слово, не нужная дѣль, но очень естественная въ поученіи Акира. Составъ этого поученія не десь еще тѣя пает; но авторъ упомянутой статьи о невѣдомыхъ напрасно, кажется, опредѣляетъ его обыкновенными сѣ-решками парфенци Соломона, Сираха, Иезекии и др. Хотя сходство иногда и есть, въ общей сложности оно не велико и очень отдаленно. Сокращенный список поученія находится также въ Румши, сборникѣ XV — XVI вѣка, . I * 358, об. л. 309 — 312 подъ дѣл дѣлѣннмъ «поученіе отъ свѣтлыхъ книгъ о ча дѣхъ». Представленія Акира напоминають въ шотѣ Иезеку, напр. въ «Сказаннн о шотѣ читаемъ: «Мудры саже, какъ бутьши въ шотѣхъ, не смѣтѣсь, въ смѣтѣ бѣ бѣдумнѣ конуши, а въ бѣдумнн сварт, а въ свартѣ бѣд, а въ бѣдѣ смрти и грѣхъ и мука

вѣшал... Сынъ, искусъ друга своего, первымъ днемъ разварился съ нимъ, и аще не повѣдасть тайны твоея, то дружится съ нимъ, аще ли явить тайну твою, то отиратися отъ него» Рум., I 363, л. 676; почти тѣми же словами повторено это въ некоторыхъ спискахъ нашего сказанія. Таковы же изреченія Даниила Заточника «мужа бо мудра посылай, мало ему кажи; а безумна посылай, самъ не дѣйся по немъ ити»..., «какъ во угодъ мѣхъ воду лить, такъ безумнаго учить», или Пчелы «окоже немощно во хошеи мѣхъ воды удержати, тако и въ клеветникѣ злыхъ словеса» Москв., 1843, 9, 153. Нельзя думать, чтобы здѣсь замѣтovanje было на сторонѣ поученія Акирова; значите наша древность сказки даетъ возможность скорее считать ее источникомъ; позднѣй редакцій могли быть передѣланы Русскимъ по книгамъ, какія у него были подъ руками, но старинная редакція была конечно независима отъ Русскихъ гномическихъ сборниковъ. — Немногое только въ поученіи сходно съ восточною моралью Арабской сказки; напр. Гейкаръ также учитъ Надава, — «прежде чѣмъ отправиться въ путь, возьми свое оружіе; ты не знаешь, гдѣ встрѣишься со врагомъ» — «лучше носить камни и подвергать себя тяжкой работѣ съ мудрымъ, чѣмъ наслаждаться драгоцѣнными наитками съ глупомъ» — «сначала снѣрка друга, котораго себѣ выбираешь, и тогда дружись съ нимъ» — «содѣленіе сердца въ тысячу разъ хуже, чѣмъ снѣкота очей». Вообще наша древняя форма сказанія очень важна для объясненія гномической литературы.

Подобная редакція отъ долгаго пребыванія на Русской почвѣ получила много Русскихъ примѣненій, но въ тоже время и потеряла многія оригинальныя черты древняго текста, которыя становились уже непонятны для читателей. Подшая редакція много короче древней и представляетъ уже новыя пересказы сюжета, такъ что въ очень немногихъ мѣстахъ удержалось буквальное соответствие чтеній; многія мѣста выкинуты, собственныя имена испорчены. *Синагригъ* предѣланъ въ Сенеграфа и Синографа; *Налтвскій* т. е. Шивейскій въ Атевискій; царь *Азорель* (= Зоръ, Ассуръ араб. текста) называется Азорскимъ, Анзорскимъ, Анивзорскимъ, Анисворскимъ; жена Акора получила имя Феодулій; парскій слуганецъ, которому поручено

казаны Акира, названный в древнем списке в араб. Абу-Сомейка, в биографии Ел. Гермияна, именуется Абутиломъ, тогда какъ в древнемъ текстѣ *Абутиль* — отрокъ, которому поручить Акиръ стеречь наказаннаго Анастаса; подъ тѣмъ же именемъ отправляется Акиръ въ Египеть, между тѣмъ по древней редакціи онъ называется въ этомъ случаѣ *Обекамъ*, что сходно съ Абумакамомъ Арабской сказки; наконецъ Персидскій царь Акиетъ, которому Натанъ посылаетъ подложное письмо, въ позднихъ спискахъ упоминается безъ имени, а въ древнемъ называется *Дитъ*. Поученіе Акира, вполне переданное и Румши, спискомъ, № 363, у Подлегаго сокращено въ несколько строкъ.

Въ концѣ Арабской сказки находится второе поученіе Генсара, гдѣ онъ укоряетъ Натана въ его нравственномъ паденіи; поученіе составлено изъ афоризмовъ, по добрыхъ прѣдъдѣльцамъ, и кромѣ того изъ басенъ и анологовъ, которыми доказывается, что человѣкъ злаго сердца не можетъ исправиться, и что злоба всегда бываетъ причиною его собственной гибели. Эти замѣчательныя анологы, пропущенныя въ Греческой биографіи, сохранены въ нашемъ древнемъ сказаніи; эти коротенькія басни очевидно принадлежатъ древнему восточному алогу и стоятъ внимательнаго разбора; къ сожалѣнію мы не можемъ привести ихъ съ некоторой полнотой, что показано бы ихъ отношеніе къ шестой теперь Арабской сказкѣ. — «Сынъ мой, говорилъ мудрецъ Анастану, ты поступилъ какъ змѣя, которая хотѣла уловить илгу, и вмѣсто того жестоко укудалась сама; ты поступилъ со мной, какъ тотъ человѣкъ, который пустилъ стрѣлу противъ неба, но стрѣла не только не обратилась на его собственную голову; ты похожа на свинью, которая пошла вытѣсь въ бань съ бобрами, но предпочла бань первую дужку, встрѣтившуюся на дорогѣ. Сынъ мой, продолжалъ онъ, лежала на пескѣ сѣнь; пришелъ зайць и спросилъ ее: «что ты тутъ дѣлаешь?» — Клянется Богу, «Что теряешь ты въ устахъ своихъ?» — Укрухъ хлѣба, отвѣчала сѣнь. Зайць прельстился на укрухъ хлѣба, но зацудался въ гонетахъ, и сказала сѣнь: «если этотъ укрухъ такой коварный, то Богъ никогда не приметъ твоего поклоненія» — «оже укрухъ-сѣ еще клянется, то твоего кланія не приметъ Богъ никогда же». Сынъ мой, ты подобенъ колау, къ которому

прикованы золотыя кольца, аю аю его не избѣжится отъ чер-
ноны сыну, быдъ ми еси аюае коду прикованъ аюотъ коидъ,
а дну его не избѣжитъ черности, и проч. Но всѣхъ этихъ апо-
договъ, позднѣе списки удержали только басню объ аюорѣ и о
волченкѣ, отливномъ уиисла траморѣ. Этого послѣднн апо-
дога, котораго такъ доискивается Гриммъ въ восточныхъ лите-
ратурахъ *Reinh. Fuchs u. d. W.*, пользуется большою из-
вѣстностью въ области Германскаго животнаго мнса. На него
намекаетъ средневѣковое Шлемное стихотвореніе словами:

swaz man dem wolfe sagen mac
pater noster durch den tac,
waen, er sprichet anders nilt
niwan d' nro.

Въ Латинской речаріи Рейнгарта иль по окрестъ XII вѣка
dumque docet amen, quasi graecum accentuat agne. Сюжетъ апо-
дога о волченкѣ, уиислеме траморѣ, разлитъ быдъ въ отлн-
ное стихотвореніе *der wolf in der schule*, гдѣ волченокъ въ от-
вѣтъ на все вопросы учителя говорить только о бушаныхъ, ко-
торны ему нравятся (*Gramm ib.* 333—344 стр. *ср. с. ср.*).

Многн неперечисляема мѣста поэтич. списковъ ставнтся
понятны только по сравнению текстовъ. Такъ въ поэмѣ спис-
кахъ неопытна первая глава фарона о конѣ Пиндубекомѣ, въ
сѣдлѣннѣ которой Акиръ въ дѣлѣ бнн Египетскаго бога «Виктора»
Румъ, «сон бо тогда бѣзвѣрнн бннн», прибавляетъ Русскій пе-
редлаваго дѣ; у Повесть это мѣсто стоило аюе темъ, но Егип-
етское божество называется «Духра». Мы видѣли, какъ это
расказано въ Арабской сказкѣ; въ Греческой біографіи Еюна,
какъ и Генкарь, въ отвѣтъ на зааку пера Египетскаго велика
своими рабами велѣ кошку *قوتقوت* и бнн ея; Египтяне бро-
силнса каюатнса парю, которой сказаъ Еюну: «ты сдѣлааъ
дурно, Еюна; это — изображение бѣднн бабасты, которую Егип-
тяне чредааа по поитаюа» *Vesterm.* 50). Эта бѣднн, кото-
рую сравниваютъ съ Артемидой, по Египетской мнотнн бннн
дочерю Панды и Овериса; священнымъ животнымъ ея бннн
кошка, подѣ патемъ которой плообразуаъ и самъ бѣднн. Въ
нашемъ древнемъ текстѣ Акиръ дааъ тоже прнпаданіе своему
отрокамъ: *снннн боитер* — *дѣхрн дѣот, прнссннннн*, — и

в отроци шедше яна дьхорь живь, и принесона ко мнѣ и речекохъ имъ: *бѣйте, доидетьже египетскан земли слышеть»,* и Египтяне жаловались фараону, что Акирь «среди нашихъ очима нашимъ богомъ посьмься, предъ нашимъ жертвищемъ потворы дѣять», и пр. Следовательно *отгорь* здесь также принимается за божество и позднѣйшій переписчикъ, не понимавшій этого слова, легко могъ перелѣтать его въ собственное имя — Дохра, и спугать вмѣстѣ съ тѣмъ другія подробности. Имя бога Виктора составилось конечно такимъ же образомъ. Въ этомъ разсказѣ наша редакція вмѣстѣ съ Греческой біографіей удержала черту древняго подлинника, уже не находящуюся въ текствѣ Габихта. — По старинному списку, Акирь навѣщаетъ Анадана тѣмъ, что велѣть заковать его въ желѣзные ужи и дать ему по хрѣбту 1000 рапъ и по чреву 1000 рапъ т. е. ударовъ; выслушавъ послѣднее поученіе Акира, «той часъ надуветъ Анаданъ аки кня и *переспидеть* на полы». Этому обстоятельству вовсе не упомянуто въ новыхъ спискахъ; за то въ нихъ есть другія вставки: освобожденный Акирь идетъ отыскивать свою жену и находить ее въ рабствѣ у Анадана, стерегущею верболовке стадо; прибавлено также разсужденіе фараона съ придворными о томъ, что нужно взять дань съ Ассирійскаго цара.

Вообще новая редакція гораздо болѣе приурочена къ Русской жизни. Акирь учитъ сына грамотѣ *Русской*, Алевитской и пр. (въ древн. спискѣ просто «свѣской грамотѣ»); освобожденный изъ заключенія, онъ идетъ *съ бѣнъ съ паритиса*; у него своя дружина — *отроки*; царя фараона «аружають *посадити*»; въ поученіи говорится, вѣроятно пословицею, «добро сытому у *великаго князя* обѣда ждаты, также и праведному смертнаго часу ждаты», тогда какъ обыкновенно упоминаются цари: Анбутилъ, говоря съ Синографомъ, называетъ себя уменьшительно Анбутилъцъ по старинному Русскому обычаю, какъ Федоръцъ, Иванъцъ и т. п. Замѣтимъ еще перелѣвки: по древнему списку, Акирь говоритъ, что илгухъ, которому дьхорь отрылъ голову, будиль его самого — «убужахса и идяхъ предъ свои княи»; по Рум. рукописи, это былъ «сурь дять, илѣть рашо, а будиль нашего цара къ *застреть»*. Въ позднѣйшихъ спискахъ, напр. Погодинскомъ, Акирь остерегаетъ сына отъ тѣхъ же пороковъ, какіе

Максимъ Грекъ, авторъ Домостроя и другіе наши моралисты XVI—XVII в. осуждали въ своихъ современникахъ.

Египеть постоянно называется *градомъ*, въ такомъ же смыслѣ *градъ Асситъ*; это значеніе слова градъ встрѣчается и въ другихъ старыхъ памятникахъ; въ сказкахъ нашихъ, на оборотъ, подъ *царствомъ* понимается не рѣдко городъ, столица. Языкъ новыхъ редакцій получилъ отчасти народный складъ или въ составѣ предложенія или въ отдѣльныхъ фразахъ: поговорка «сыню время и молитвъ часъ», которую Акиръ отвѣчаетъ Аибугниду, встрѣчается уже въ Златой Чинѣ XVI вѣка (Калач. Арх. 2, 2, стр. 194) и сходна съ фразой царя Алексея Михайловича, написанной на Урядникѣ сокольниковъ пути; слова Акира въ послѣднемъ поученіи «сыну, иже рече суть въ повѣстехъ, оже родивше то сыномъ звать, а еже съотъ давше, то холопомъ звать» переданы въ Рум. спискѣ совершенной пословицей «не роженъ — не сынь, не окуленъ — не холопъ, не вскормя себѣ врага не видать», которая и теперь повторяется съ вариантами — «не куленъ — не слуга, а не роженъ — не дитя» или «не сроженное — не дитя, не куленное — не слуга» (Систр., Рус. въ Поед. 3, 56. Архив. 2, 2, 192). Витье веревокъ или песку, заданное царемъ Акиру, извѣстно въ нашихъ народныхъ повѣряхъ какъ трудная задача, которую принимаютъ чародѣи (Абев. рус. сурв. 1786. 315; Гривумъ приводитъ древнее нарѣчіе *or sandi sima vinda, or dali diupora grund um grafa* = *ex arena funem necesse, vallem sublede-re Reinh. 1877*; «вить песку веревки вить» говорится также послѣдней на дат. и греч. языкѣ *ex arena funem efficere, ἢ ἄρδω συρῶν πλέξω*).

Одинъ изъ самыхъ любопытныхъ вариантовъ новой редакціи представляетъ Египеть сказанія, гдѣ выводится Египетскій посоль. Египеть всегда называется троякимъ посольемъ, какъ другіе посоль въ нашихъ сказкахъ и быльяхъ, а островъ посоль, по объясненію Чулкова, значитъ то, что въ старину рѣдко посылали посоль, какъ только для объявленія войны, причемъ обыкновенно употребляли ругательныя слова и угрозы (Рус. Ск. 1780. 118). Египеть, кроме того употребляется и на селія, одинаково описанныя въ спискахъ Полевскаго (стр. 59), Румяницовскомъ и Погодинскомъ. Ни Арабскій телекъ, ни наша

древняя редакция вовсе не говорит о послѣ Фраона; следовательно, Русскій передълаватель, вставивъ это имя, долженъ былъ изображать его тѣми красками, какія находилъ въ своей дѣйствительности. Акиръ, отправившъ послѣднѣ въ Египетъ, поступилъ также, какъ дѣлалъ и въ царствѣ Синографа Египетскій посолъ; такимъ образомъ черты посла повторяются какъ по толщину, энциклопедическія ср. Повѣв. стр. 62. Др. Р. Страх. стр. 35 о Целканѣ). Египетъ не упомянуть въ древнемъ спискѣ, но вставленъ, безъ сомнѣнія, очень давно, потому что рассказъ о немъ находится въ спискахъ, хотя и позднихъ, но независимыхъ одинъ отъ другаго. Древнѣйшая рукопись нашего сказанія принадлежала XIV-XV вѣку, но самое произведеніе еще старѣе и относится по этому къ времени сильнѣйшаго развитія Татарскаго владычества; характеръ грознаго посланія болѣе напоминаетъ Татарскую эпоху: въ XIII же столѣтіи самое имя Египетъ становится современностью, потому что именно о такомъ лицѣ, вельможѣ Батый, упоминаютъ наши летописи Карл., изд. 6-е т. 36, пр. 12.

Мы уже замѣтили, что новыя списки почти совершенно отсутствуютъ отъ чтенія рукописей XV вѣка; потому они представляютъ очень немногую данность о первоначальномъ текстѣ. Древняя редакция принадлежитъ къ числу любознательнѣйшихъ памятниковъ старой письменности. Рукопись б-ки Моск. Общества есть Русскій списокъ, въ которомъ однако сохранились нѣкоторыя особенности Южнославянскаго подлинника; формы языка, отдѣльныя слова и обороты указываютъ на древность произведенія, быть можетъ современную Слову о полку Игоревѣ. Въ изложеніи убиты слѣды и Греческаго перевода Арабской сказки, по которому эта послѣдняя стала известна въ литературахъ южно-Славянскихъ. Нѣкоторыя фразы, напр. обращеніе къ царю во время разговора «царю, въ вѣкы живи», ведутъ свое начало можетъ быть отъ Арабскаго подлинника; другія отъзываются гречизмами, напр. письмо Акира къ Ибритскому царю открывается обыкновенной Греческой формулой «Синагрина царя кивкинетъ» и слѣдующее за Акиръ Ибритскому царю Алону радоваться т. е. *χαίρει* какъ въ биографіи Еюна — *Νεχταρζὸ βασιλεὺς Αἰθιοπίας Αχιούρην βασιλὴ Βαβυλωνίου*

χαίρειν; мальчики, летавшие на орлах, кричали Египетским работникамъ — «пнесите камень и *кереמידу*» греч. κερραμίς, ἰδός, κερραμίτις; слово употребленное также в переводе Малала (Врем. 9, xxxviii) и в старинной повести о Царьградѣ Срез. 40.). Не указываемъ другихъ переводовъ съ Греческаго, въ ред. «всяко ти прошение створю, а *еже о чадь* то не проси у мене потому что подобные обороты уже давно вошли въ нашъ литературный языкъ того времени. Не говоря о правописаніи в текстахъ XV вѣка, иные слова указываютъ на южно-Славянскую редакцію, предшествовавшую Русской редакціи; таково Греческое слово *китинарь*, κερραμίτις centenarium, librae centum (Ducange, Glossar. Gr. в южно-Славянскомъ видѣ, и другія).

Кромѣ указаній въ языкѣ повести, литературно-исторические факты также подтверждаютъ существованіе Греческаго перевода сказки изъ Тысячи и одной ночи. Важное свидетельство объ этомъ составляетъ апокрифическая статья въ Руминическѣмъ Златоуста . I^o 181, относящемся къ 1523 г.; статья озаглавлена «сю¹⁰ сто Николы ѿ Синагрины прѣ» на об. л. 308 — 309, начин. «в тѣже дѣта поиде прѣ Синагрина на бра и бы на мори востана въ три велики и оубже кораблю рабѣити х и пр. Акирь названъ здѣсь *рабѣити* Синагрина — «бы оу него рхна ймене» 'Акирь прем'ръ и х'ртѣ дѣлѣ» — т. е. σὺρβωλός что въ древнемъ епискѣ повести переведено «ствѣтчикъ». Статья въ рукописи зачеркнута и кажется давно, иные слова трудно разобрать; впрочемъ содержаніе очень темно и по нецелостности чтенія и потому что въ рукописи недостаетъ листовъ. Статья безъ сомнѣнія Греческая, что видно изъ ея характера и языка, и следовательно предположаетъ Греческій переводъ Синагрина, потому что только извѣстность этой сказки могла дать поводъ къ составленію апокрифа. На этомъ основаніи можно, по нашему мнѣнію, определить и то, какимъ образомъ Греческая біографія Езона относится къ разсказу Тысячи и одной ночи: Византійскій компиляторъ біографіи увлекся эффектною послѣднюю и поставилъ его въ жизнеописаніе національнаго мудреца, не заботясь о нецѣлостности историческихъ. Такимъ образомъ наше сказаніе о Синагринѣ прибавляетъ къ исторіи Тысячи и одной ночи новый фактъ, неизвѣстный ея исследователямъ, и

указываетъ еще одно произведеніе Византийской литературы, взятое изъ сказочныхъ сокровищъ Востока вмѣстѣ съ баснями Вилная, сказаніемъ о Семи мудрецахъ и др.

Въ томъ же сборникѣ, гдѣ находился древнѣйшій списокъ Синагрина, помѣщено было другое замѣчательное произведеніе «Дѣланіе и житіе Девгеніево Акрита». Сказаніе о Синагринѣ знакомяло нашихъ читателей съ областію Восточнаго вымысла; и характеръ и развитіе сюжета отражали въ себѣ обыкновенныя свойства Восточной поэзіи; Девгеніево житіе напротивъ было уже эпосомъ Европейскимъ, въ немъ литература наша получила Византийскій героическій романъ, произведеніе другого тона и съ другими красками. Карамзинъ называлъ это произведеніе старинной Русской сказкой, сочиненной въ XII-XIII вѣкѣ, по потомъ призналъ его не Русскимъ сочиненіемъ: это было такой-же переводъ или переложка, какъ повѣсть о Синагринѣ. Въ другомъ мѣстѣ Карамзинъ передаетъ заглавіе повѣсти иначе; въ первомъ изданіи Слова о полку Игоревѣ статьи рукописи озаглавлены такимъ образомъ — «6 Дѣланіе прѣжнихъ времяхъ храбрыхъ человекъ о брѣзости, о силѣ и о храбрости, 7 сказаніе о Филипатѣ и о Максимѣ и о храбрости ихъ, 8 аще думно естъ слышати о свадьбѣ сіе Девгеневѣ и о вѣсханеніи Стратитовнѣ», но изъ пересказа содержанія повѣсти у Карамзина видно, что это были не заглавія отдельныхъ статей, а только названія главъ самой исторіи; следовательно настоящимъ именемъ ее было то, которое мы привели выше. Единственное свидѣніе о древнемъ спискѣ повѣсти оставлено Карамзинымъ (2, пр. 333. 3, пр. 272). Дѣланіе Девгеніево, говоритъ онъ, изображаетъ богатство трехъ сыновей одной набожной вдовы и племянника ихъ Девгенія, дѣйствіе происходитъ въ Греческой землѣ; сочиненіе не богато стихотворными вымыслами; храбрены быють людей какъ мухъ и стѣуть головы тысячами. Вотъ нѣкоторые отрывки изъ повѣсти: «Сла Амера на сумелѣи Грешкой земли и рече: бодрство мое великое, сынове аравитѣстѣи' имѣете ли дрѣзость на грешкую землю, прочеу тѣ силѣ и пакѣ поставити? И единъ аравитѣстѣи' велѣ таконо рече... устѣи у него пати; на конецъ устѣи висаху мнози жуковина, и погонень поса 12 сѣмѣка замчена». О Девгеніи сказано — двѣнадцати тѣмъ мечемъ

играсть, а на 13 лѣто коніемъ, а на 14 лѣто похунастѣ великии звѣрь побѣдигю; онъ ѣдетъ въ славию красавицѣ Стратиговѣ, играсть подѣ окнами ея на серебряныхъ гусняхъ съ золотыми струнами, и говоритъ: «каки ми отна своего и братію, каковы суть? И начя два ему глаголати: на отцѣ моемъ брони златы и шеломъ златъ съ каменіемъ драгымъ и жемчюгомъ саксень, а конь у него покрытъ наволокою зеленою; а братіа моя суть въ серебряныхъ бронехъ, только шеломы златы, а кони у нихъ чрвденю наволокою покрыты». Побѣдивъ отна и братьевъ Стратиговы, Девгеній говоритъ имъ: «азь старостя твоя дѣла покажу дамъ ти свободу, и сыномъ твоимъ: только знаменіе свое хощу выложити на васъ... И бѣ на Стратигѣ златъ крестъ правѣда его многоцѣннъ, и у сыновъ его жуковина многоцѣнны съ драгымъ каменіемъ; то вла у нихъ за знаменіа мѣсто». Онъ женится на Стратиговѣ, и отцы ея предлагасть ему дары—«нода Стратигъ своему злато 30 фаревъ (коней), а покрыты драгыми наволоками, а сѣдла и узды златомъ кованы; нода ему конюхъ 20, пардусовъ и соколовъ 30 съ крѣмилни своими, и дастъ ему кокуховъ 50, сухымъ златомъ шиты, и наволокъ великихъ 100; шатерь великъ единъ шитъ весь златомъ: вмѣщахуся во нь многы тысяща вои, и ушкина бяху шатра того пользова, а колца серебряна; и поцѣсть ему коню злату св. Оседоръ, и коня 4 аравицкѣа, и мечъ цѣсть правѣда своего. А тепа поцѣсть ему драгыхъ поволокъ зеленыхъ 30, кокуховъ 20, сухымъ златомъ шитыхъ съ драгымъ каменіемъ и съ жемчюгомъ; ирвыи шуринъ уюна поцѣсть ему 50 поясовъ златокованыхъ, и шя шуря даша ему многы дары, имъ же нѣсть числа». Это замѣчательное произведение до сихъ поръ оставалось неизвѣстно по другимъ источникамъ; оно не было упомянуто ни въ одномъ описаніи русскихъ рукописныхъ собраний. Намъ удалось встрѣтить довольно поздній списокъ этой повѣсти въ Погодинскомъ сборникѣ Публ. б-ки, отмѣченномъ по описи . I 1773 и принадлежавшемъ XVII—XVIII вѣку. Здѣсь повѣсть помѣщена на обор. л. 342—361 подѣ заглавіемъ «Декии прѣзнихъ времѣнь и хрѣбрныхъ члвкъ, ѡ дерзости и ѡ хрѣбрести їѡ бодрости, прѣдръ свѣѡ. Дегеніи» начин. «бѣ нѣтъ глагола царѣа роду» и пр.). Сарацинскій или Аравиц-

ский царь Амирь влюбился въ дочь одной набожной вдовы царскаго рода въ землѣ Греческой: онъ собралъ войско и пошелъ «накости творити въ Греческой землѣ» для ради красоты дѣвицы той, похитилъ дѣвушку и скрылся. Вдова послаласть трехъ сыновей въ погоню: «идите вы, сказала она имъ, и угоните Амира царя и отоймите сестрину свою прекрасную: аще сестры своей не возьмете, и вы и сами тамо главы свои пожите». Братья снарядились и бросились за Амиромъ какъ ястребы алаторкратые: на границѣ земли Аравитской они встрѣтили стражу Амира и начали бить ее, яко доброе косяны траву косить. Прибѣжавши потомъ къ стану царя, братья подняли на коня царскій шатеръ, и Амирь предложилъ имъ бросить жребій, кому изъ нихъ достанется битися съ нимъ за сестру ихъ: три рѣда были брошены жребій и какакой разъ приходилось меньшому брату, потому что онъ родился вмѣстѣ съ сестрой. Амирь былъ побѣжденъ наединѣ, но соглашался принять истинную вѣру, если братья отдадутъ ему сестру свою. Братья спросили ее, какъ жила она у царя Амира: я рассказала ему о вашей храбрости, отвѣчала она, и онъ не велѣлъ никому входить въ мой шатеръ, велѣлъ еродникамъ скрыть мое лицо, и разъ въ мѣсяць приказалъ посмотрѣть на меня и отдать: но если Амирь крестится, то не нужно вамъ заги души его, потому что онъ и славою славенъ, и силою силенъ, и мудростию мудръ, и богатствомъ богатъ. Братья согласились и Амирь, собравши множество сокровищъ, отказался отъ своего престола и уѣхалъ въ землю Греческую: свадьбу отпраздновали въ шестидесятихъ мѣсяцѣхъ. Между тѣмъ мать Амира услышала о его отсутствіи и послала трехъ Сарацинъ на волшебныхъ коняхъ, вывести Амира изъ Греческой земли: въ тоже время царина Амира царя видѣла ловящій соня: призваны были волхвы, книжники и *фарисей* и объяснили, что за Амиромъ красавица гошны изъ Аравитской земли. Гошны действительно были найдены въ тайномъ мѣстѣ за горотомъ: ихъ крестили, а волшебные кони были отданы тремъ братьямъ-богатырямъ. Черезъ нѣкоторое время у Амира родился сынъ: его назвали Акримъ, а въ крещеніи дали ему имя: прекрасный Девгей. Онъ росъ не по днямъ, а по часамъ: на тринадцатомъ году онъ уже готовился

къ воинскимъ погхамъ, «самъ же юноша красенъ велми, лице же его яко снѣгъ, а румано яко маковъ цвѣтъ, власы же его яко злато, очи же его велми великии яко чашни». Однажды, когда отецъ выхалъ съ нимъ на охоту, Девгеній изумилъ его и всѣхъ спутниковъ неустрашимостью своей въ борьбѣ съ дикими звѣрями; тутъ же убилъ онъ четырехглаваго змѣя и съ тѣхъ поръ сталъ думать о ратныхъ дѣлахъ. Сначала поблждается онъ Филипата, — который называется въ Погодинской рукописи: «Филипъ-пана», — и воинственную дочь его Максиміану, которые хотѣли впродолженіе завлечь его къ себѣ; поблжденный Филипата сказалъ Девгенію, что есть на свѣтѣ витязь храбрѣе и сильнѣе Девгенія, Стратигъ, съ четырьмя сыновьями и дочерью Стратигиной, которая имѣетъ мужскую дерзость и храбрость и которой напрасно добивались многіе цари и короли. За такое извѣстіе Девгеній обѣщаль опустить Филипата — «только возложу знаменіе на лице твое прогнато ради времени», — но хотѣлъ сперва увѣритъ въ справедливости его словъ; сдѣвъ Филипата отцу, а Максиміану матери своей, Девгеній отправился на новыя подвиги, несмотря на всѣ увѣщанія Амра. Погодинская рукопись прерывается на описаніи похищенія Стратигиной; мы уже видѣли изъ выписокъ Карамзина, что Девгеній поблждилъ и Стратига, и женился на славной красавицѣ. — Очевидно, что подобный разсказъ не можеть принадлежать Русскому или южно-Ставишскому сочинителю, которому было бы странно выбирать такой сюжетъ. Дѣйствующія лица и мѣсто событій принадлежатъ землѣ Греческой, одно изъ главныхъ оснований повѣсти — противоположность Греческой земли съ Сарацинскою; характеромъ своимъ «Девгеніева Дѣланіе» указываетъ на Греческое происхождение, относящееся къ темному въ Византійской литературѣ отдѣлу повѣстей и сказаній о герояхъ и богатыряхъ; его легко можно сравнить съ тѣми полу-византистическими исторіями, которыя порождены были крестовыми походами и страствованіями западныхъ рыцарей, и которыя составляютъ въ западныхъ литературахъ отдѣльный эпосъ Византійско-Палестинскій. Для Греціи героическое восточнымъ завоевателямъ наступило гораздо ранѣе, и какъ въ памятникахъ западныхъ отражалась эпоха столкновенія запада съ востокомъ, ожесточенная

борьба съ невѣрными, романтическіе эпизоды далекихъ странствованій,—такъ подобные мотивы существовали и для Византийской литературы. Впрочемъ памятники Византийскіе, обилныя своимъ происхожденіемъ этому историческому факту, извѣстны очень мало; къ нимъ именно причисляется и прототипъ Девгеніева Цанія, доказывающаго съ своей стороны давнишній переходъ къ намъ произведеній повѣствовательной Византийской литературы. Наложенію придать вообще политическій колоритъ; сравненія, эпитеты, угодобленія и гипербола встрѣчаются безпрестанно; повесть вѣроятно правилась стариннымъ читателямъ, потому что нѣкоторыми подробностями очень похожа на наши сказки. Вылетъ съ сказаніемъ о Синагришѣ, эта повесть дѣйствительно могла относиться къ XII—XIII вѣку, и появилась у насъ также чрезъ южно-Славянскій переводъ, слѣды котораго можно замѣтить на нѣкоторыхъ словахъ и выраженіяхъ: «сухое» золото—обыкновенный до сихъ поръ эпитетъ Сербской народной поэзіи: «тисуна» своимъ образованіемъ принадлежитъ южно-Славянскимъ нарѣчіямъ; слово «фаръ» встрѣчается также въ исторіи Александра и въ сказкѣ о Синагришѣ, иногда въ формѣ «фарина», и происходитъ отъ средне-Греческаго *φάρμα*, также *φάρμα*, *φάρμα* по Диоскориду *equus arabicus*... *passim pro quovis equo praesertim generoso*. — или средне-Лат. *farius* (ср. Плат. 56, 162, *фарбавитъ* 170. . .). Ного епископскій списокъ довольно далеко отъ того вида повести, какой имѣла она въ древнемъ спискѣ или въ подлинникѣ—несомнѣнно доказательство того, что повесть переносилась перѣлко и вообще была извѣстна охотникамъ до сказочнаго чтенія. Рѣдкость ея въ рукописяхъ должна быть поэтому объяснена той случайностью, которая господствуетъ надъ произведеніями литературы писанной. Но сравнениа немногихъ дождественныхъ строкъ у Карамзина и въ спискѣ Погодинскомъ, можно повѣрливому вывести заключеніе, что Цаніе Девгеніево не было перемѣнено до такой степени какъ сказка о Синагришѣ, и въ подлинникѣ въ своемъ сохранила болѣе древняго если не въ языкѣ, то въ изложеніи сюжета.

Наконецъ, въ потерявшемъ сборникѣ гр. Мушкова-Пушкина находилось «Сказаніе о Индіи богатой» или извѣстное письмо пресвитера Юанна къ Греческому императору Мануиу, въ свое

время знаменитое во всей Европѣ. Въ XII столѣтіи или еще ранее въ западной Европѣ начали говорить о существованіи славянскаго христіанскаго государства въ Азіи, которымъ управлялъ царь и вмѣстѣ священникъ Іоаннъ Presbyter Johannes. Идея это сперва по темнымъ слухамъ и преданьямъ, има это появилось и въ сочиненіяхъ путешественниковъ, напр. у Плавина Карпини, Рубрукиса, Монте-Корвини и другихъ, которые съ уверенностью говорили о загадочномъ пресвитерѣ; но извѣстія и противорѣчили одно другому и понятія о неслыханномъ царствѣ запутывались болѣе и болѣе. Преданіе впрочемъ сохранило и имя пресвитера Іоанна вошло въ народныя легенды: правитель три царя, отправляясь съ востока въ Византию, поручилъ бы Іоанну управление своими Индійскими царствами *Singos Volksh. 4. 456.*; существованіе его подтверждалось письмамъ, которыя писалъ онъ къ Греческому императору, къ Фридриху Барбаруссу и др. о чудесахъ своего царства; Мантевилъ разсказывалъ о немъ въ своемъ сказочномъ путешествіи. Легенда пресвитера Іоанна представлялась въ самыхъ смутныхъ чертахъ, но не подвергалась сомнѣнію, тѣмъ болѣе, что хотѣли върять невѣроятнымъ чудесамъ, которыя находились будто въ этой странѣ. Его считали или Татарскимъ ханомъ, приверженцемъ христіанства, или Индійскимъ царемъ и восторженнымъ патриархомъ, дѣлали его главою сказочныхъ рамавъ, о которыхъ и говорила исторія Александра; поди!е его перенесли въ Абисинію, гдѣ путешественники описывали что-то подобное христіанскому царству Іоанна. Между бумагами Кемпферераго архива Карамзинъ нашелъ письмо одного великаго министра Персидскаго ордена, отъ 1407 г. 20 Января, къ царю Абиссинскому или священнику Іоанну Regi Abissiae sive presbytero Johanni такимъ образомъ, смѣшавши Абисинію и Абиссію, его назвалъ даже у Абхаловъ Кар. 3, пр. 282.

Древнее Русское «сказаніе о Индіи богатой» или повесть Козьмы и Демьяна Греческому императору Мануилу Оммануилу Комненину разсказываетъ по словамъ Карамзина, что Іоанну повинуется Индіи 72 царя, что въ его странахъ рожается *романа* — пометель и медведь, *урин* или медвѣди, женщины, рыбы съ водою кровью, звѣри о пяти ногахъ и сапирь; что медвѣди не шумятъ

потому что отъ великой лжи блѣднѣють какъ мертвенны; что ушины пахощены драгоцѣнными камнями и пр. Кар. 3, пр. 272. Подлиннѣйшій космографъ также упоминаетъ объ этомъ царствѣ, помѣщая его въ Абиссиніи; въ Руманн. космографіи XVII в. J° 380 на л. 90 разсказывается, что королевство цюна Яна — земля великая, пространна, ит мѣсту великаго моря, въ ра же въ ней свани и цикая и еретичьская; то нико жь горды и мѣсто въ правы — аще прѣбавіе гости... не учнетъ въ ры въ ровати, и они у нихъ на глѣвахъ по покажѣ бумажны шыаки, закнзавотъ, и от того доравотъ; плобилю же плодомъ и великимъ богатае. Сказаніе объ Индіи сохранилось у насъ въ позднихъ спискахъ и вѣроятно много передѣлано.

Списки — Толст. 2, 104; Публ. Библ XVII, Q, 65; Сборн. XVII вѣка л. 494 — 497 — сказаніе о Индіискоемъ царствѣ и о величїи чудесахъ его, великомъ. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ случая просмотрѣть этотъ рукописъ.

— Удольскаго, въ сборникѣ XVII в. Время, кн. 14.

— Тихомирова, въ сокращенномъ сборникѣ XVII вѣка, небольшого формата, гдѣ на 7 листкахъ помѣщено сказаніе о Индіискоемъ царствѣ, которое начинается слѣдующимъ образомъ: Царь Мануилъ Греческій послалъ своего посла ко црю Пѣну Индіискому и посла къ нему дары многи и покаръ вопрошити о величествѣ сиди его и о царствѣ его и о величїи чудесахъ его Индіиской земли. И дошесть посла земли Индіиския и дашь дары царю Пѣну и повѣдѣвала ему нача таковати. Црь царь дары и рече царь Пѣну послу цря царю своему Мануилу — аще хочешаи увѣдѣти мое силу и величїе мое и о царствѣ, протан все свое и речего и приди ко мѣбъ елма, и послужки мѣбъ, и поставлю та у себѣ едѣ того цря царь индіиския, и пачи и приправлю до своего цря. Дѣду елма та мене десятиринею есинею, аще вѣсх цря индіиския и речего моего, и ты со велики милостики своими не молешаи истреити моего цря до нехотѣ души твоеи, и речего цря цря поставель, и тебѣ съ харьтеною, на чемъ мѣбъ и речего вѣснати, аще нецель тобѣ моего цря земли индіиския и величїи чудеса. Аще бо семь до обѣдѣ царя речего, а покаръ обѣдѣ царя, а царь едетъ надъ тремъ тысячамъ цря и индіиския цря, а побѣдѣтъ семи по православной цря Христуосѣ, и царя цря цря индіиския

едину страну 10 мѣсць, а на иную страну не вѣдоу и сажь,
гдѣ небо и земля соудулась и т. д.

— Поделяго, «Сказаніе о Индіискомъ царствѣ и великомъ
и пресловущемъ государствѣ, и о вѣсехъ чудесахъ земли той
Индіискія — съоль велика земля, и сколько какихъ чудесъ и
удороцій, и каковы въ ней люди и языцы, и каковы въ ней
звѣри, и каковы въ ней птицы» ввпечат. въ Моск. Типогр. 1825
10, 93 — 105; списокъ очень подлинъ, и впротвѣрно истинный.

*Litterae presbyteri Johannis ad Constantinopolitanum impe-
ratorem* ввпечат. въ *Moshemii Hist. Tartar. eccles.* Helmst. 1741,
app. p. 29—33 изъ *Assemani Bibl. Orient.* t. 3, p. 2, c. 9, p.
cccc. cc. sq. Новѣйшія изслѣдованія *Ritter* *Erdkunde* 2, 2, 1,
283 ff. *Neander Kirchengesch.* 5, 1, 59 ff. *Grosse, Lat.-Gesch.* 2,
2, 767 ff., *Semenovъ, Землеустройство Азіи* СПб. 1856, 1, 679—700.

Таковы памятники, унѣдѣніе отъ древней эпохи нашей сло-
весности; бо ниною частью мы не имѣемъ средствъ точнѣ опре-
дѣлить ихъ литературныя отношенія т. е. время и обстоятель-
ства перевода, побужденія, руководившія тогдашними писате-
лями и пр. Какъ заключительный фазъ этого періода является
самобытное произведеніе высокаго политическаго достоинства; мы
поищемъ Слово о полку Игоревѣ. Ни одинъ изъ памятниковъ
нашей старины не подвергался столько разъ толкованіямъ, не
былъ столько разъ подволимъ подѣ разными точками зрѣнія, какъ
это Слово; если до сихъ поръ оно остается темнымъ по нѣко-
торымъ отношеніямъ, виною тому прежде всего несорочность
извѣстнаго текста, не дающаго познать его ближайшаго зна-
ченія, и неизвѣстность самого періода литературнаго, которому
оно принадлежитъ, — неизвѣстность, за которой оставалась не-
объясненною возможность подобнаго явленія въ ту отдѣленную
пору. Это произведеніе замѣчательно не тѣмъ только, что въ немъ
разбѣсно много истинно-политическихъ представленій, и не тѣмъ,
что въ немъ обильною струей проходятъ образы народной по-
эзіи; если въ немъ много народнаго начала, то столько же, если
не болѣе, частнаго авторскаго труда, и въ этомъ послѣднемъ
отношеніи Слово до сихъ поръ не находитъ основательной опѣн-
ки. Не имѣя теперь намѣренія опредѣлить его съ этой стороны,
что потребовало бы спеціального изслѣдованія, мы упомянемъ

только о мифах автора недавно напечатанных и еще не конченых «Замечаний на Слово о полку Игореве», где в первый раз и очень оригинально выражена мысль, что сочинитель Слова вообще был ученый писатель своего времени, и что в частности, относительно своего предмета, он глубоко изучил Гомера и Эврипида, и что наконец одна из главных основ поэмы — сбавление Русских событий с *Троянскими* сказаниями, ходившими тогда по всей Европе. Знакомство с Гомером, автор «Замечаний» объясняет, отчасти против общепринятых мифов, значительною известностью Гомера в западной и восточной Европе и влиятельной светской литературы Византийской на Русскую в XI—XII столетиях. Главные положения свои он излагает таким образом: «... Единство, являющееся в литературном направлении XII столетия между великими современными писателями Восточной империи, Германии, Франции и Русскими plainly, а также и общее стремление къ изучению Троянских сказаний и соединение историй пограничных Европеевских племенъ съ древними родами, сильно подтверждающа въ историческомъ отношеніи подлинность Слова о полку Игореве и современность его съ сбавіемъ, въ ономъ изложеніемъ. Но и въ одномъ памятникѣ стремленіе это не представляется съ той силой, какъ въ сей пѣснѣ. Безъ вида славы учености и похвалы Латинскимъ родословіемъ. Въ пѣснѣ же сей воспоминанія про древніе роды являютъ съ характеромъ народности и полною убавленіемъ. Весьма замѣтно, что пѣвецъ Игоревъ самъ вѣритъ и говорить людямъ вѣрившимъ и его понимающимъ. На основаніи этого, авторъ относитъ къ Троянскимъ сказаніемъ всѣ мѣста въ Словѣ, гдѣ упоминается имя Трояна, и другія темныя выраженія, объясняетъ ими *Болиа* Гомеромъ — какъ Гомеръ по преимуществу $\pi\tau\tau\epsilon\tau\epsilon\iota$ рода бѣль притачи собственнаго имени, такъ *болія* вообще поэтъ по этому тогическому значенію слова: *троню* трояно — возвратомъ древнимъ $\tau\tau\tau\tau\epsilon\iota$; *доду*-обиду, везупившую на землю дѣкъ-бога шума, — Еленой; все это подтверждаетъ онъ многочисленными сличеніемъ съ писателями Греческими и другими, и постоянно открываетъ въ сочинителѣ Слова глубокое изученіе Троянскаго эпоса. Времен. кн. 11, 17. Вообще мысль о связи Слова о полку Игореве съ Троянскими

сказаниями доведена авторомъ до такой крайности, что каждый безпристрастный исследователь усомнится въ его гипотезахъ. Текстъ дошелъ до насъ въ такомъ испорченномъ видѣ, что полагаться на него не всегда можно, особенно при такихъ выводахъ: нѣтъ сомнѣнй, что въ текстѣ есть и пропуски и совершенное искаженіе подлинника. Даже, если бы уста, гдѣ авторъ «Замѣчаній» видитъ слѣды Троянскаго мифа, составляли бы одну весьма непрочную: нѣвѣстность Гомера у насъ очень сомнительна и нуждается въ доказательствахъ, несмотря на слова Пинаксовской дѣлущей и переводчика посланія Леопака къ Флавиану, да и самое имя *Trojan* по формѣ своей никакъ не можетъ быть отнесено къ Троѣ, отъ которой у насъ были только два прилаг. «Троическій» и «Троинскій», а означенное окончаніе прилаг. указываетъ именно на Трояна или Трояна. Другіе въ этомъ послѣднемъ случаѣ едва ли не справедливые вспоминаютъ о царѣ Троянѣ, играющемъ роль въ преданьяхъ южно-Славянскихъ; у Сербовъ имя Трояна поддается особенной любовью. Все это естественно находить здѣсь намеки не на Троянскую исторію, а на какин-то народныя преданія, теперь нѣвѣстныя, но конечно не имѣющія отношенія къ Троянскимъ сказаніямъ. Мнѣнія автора «Замѣчаній» добродышны и имѣютъ свою цѣну въ томъ только отношеніи, что предполагаютъ въ сочинителѣ Слова не просто подражателя народному эпосу, а писателя самостоятельнаго, смѣлшаго свой выборъ сюжета и изложенія. Сочинителю Слова опредѣляетъ себя такимъ образомъ въ самомъ началѣ своего произведенія: въ верхахъ словахъ нѣтъ ни говорится вмѣсто о манерѣ, формѣ, приличной его предмету, и это самое полагаетъ, что для него было возможно подобный выборъ. Въ обезображенномъ видѣ Слова, какой мы знаемъ теперь, можно однако видѣть, что здѣсь съ начала до конца господствуетъ одна авторская мысль, развиваемая литературнымъ образомъ. Слово о полку Игоревѣ представляетъ въ насѣхъ старинной письменности примѣръ такого же героическаго эпоса, какимъ обладала Германская средне-вѣковая литература, т. е. эпоса, узко возвышающагося надъ уровнемъ народной словесности устной и дающаго по своимъ достоинствамъ литературной обработки. Если звѣнія литературы обнаружены совершенно вѣрными в

и светлой постепенности, имѣють свои причины и следствія, то легко придти къ заключенію, что подобный памятникъ едва ли могъ образоваться такъ удивительно, какъ представляется намъ теперь. Ему предшествовало давнее литературное развитіе, и оно сдѣлало возможнымъ появленіе такого факта: это предыдущее развитіе указало тѣ пути, которыми могла слѣдовать авторъ стариннаго эпоса: съ одной стороны переть имъ дѣлали богатые знанія народной поэзіи, — оны ими и воспользовались значительно, — съ другой, проведеніи письменной литературы, вѣроятно не оставившей безъ вліянія на его форму. Указаніемъ нами прежде произведенія имѣть некоторое понятіе объ этой литературной эпохѣ, и хотя мы не знаемъ всего объема древней повѣсти, но можемъ догадываться, что она составляла замѣтное звено въ тогдашней письменности и имѣла свое тою участіе въ образованіи такого памятника, какъ Слово о полку Игоревѣ.

III.

Слово о полку Игоревѣ. Русская старинная повѣсть. — Слово о Валааковомъ парствѣ. — Слова о Соломонѣ. Шведская средневековая повѣсть о Морнахѣ, славяно о Баторскѣ, славяно о Соломонѣ, средневековая повѣсть о Соломонѣ и вліяніе на оныя Морнахъ и пр.

Повѣсти, въ которыхъ переходимъ теперь, по болѣе или менѣе дѣятельную связь съ народною словесностью, имѣть прежде переводы Византическихъ сказаній. Правда, и эти повѣсти не были прямо заимствованы изъ народной жизни, но они имѣли читателей и отчасти вымалдвѣли въ своемъ характерѣ отъ сближенія съ образами народной поэзіи. Она имѣла ихъ привлекательность, если не ошибаюсь, Русскому сознанію, но, и ли болѣе была какъ примѣръ того, каковымъ образомъ старинныя повѣствованія понимали и вносили въ требованія тогдашней повѣсти. Вѣрнѣе бы было чуждаго происхожденія, но на Русской почвѣ стала и некоторая повѣсть отпочкованія.

Первая повѣсть разсказываетъ, почти во всѣхъ сущностяхъ, ошачково, исторію Киевскаго гостя Басарти и его сына, котораго звали Борзосмысломъ или Мудросмысломъ. Оныя бы сущно-

ная буря застала их на морѣ и принесла къ неизвѣстному народу; имъ править несчастный царь Сміанъ или Несміанъ, всѣхъ обращавшій изъ христіанства въ свое Еллинское вѣроисповѣданіе. Царь обѣщала позволить купцу торговать бездально-бездоношью по въ своемъ царствѣ, обѣщала даже отпустить потомъ Цесарю на родину съ дарами и проводниками, если только он приметъ его вѣру или отгадасть три загадки. Басарга пришелъ въ умиленіе — онъ видѣлъ триста тридцать кораблей, хозева торгующихъ, неисполнившіе требованій Несміана, томилась въ темницахъ, и ожидать такойже участи себѣ. Семилѣтній сынъ обѣщаваетъ Басаргу отъ гибели: по истеченіи срока, когда купецъ долженъ былъ отвѣтить на вопросы царя, они оба явились передъ Несміаномъ; дитя отгадываетъ первую загадку; на другой день царь собираетъ *интиозъ* и *тиронозъ*, князей и бояръ, чтобы они видѣли дивную мудрость семилѣтняго ребенка, и на слѣдующій снова отгадываетъ загадку. На слѣдующій день, приготавливаясь рѣшать третью загадку, ребенокъ потребовалъ, чтобы царь далъ ему свое одѣяніе и посадилъ его на своемъ престолѣ, чтобы весь народъ могъ его слышать и видѣть. Несміанъ согласился и Борзоумьель, взошедши на престолъ, съиде съ царемъ, въ кого онъ вѣруетъ, и когда всѣ признали его христіаномъ, онъ отрубилъ голову несчастному Несміану; народъ призналъ мудраго ребенка своимъ царемъ, заключенныя купцы были освобождены, патриархъ возвращенъ изъ заточенія и христіанская вѣра утверждена. Борзоумьель женился на старшей дочери Несміана и править царствомъ до кончины.

Содержаніе, какъ видно, довольно общее; разсказъ, можетъ быть, извѣстный намъ и не въ первоначальной формѣ, обличая книжные приемы средняго періода литературы до-Петровскаго вѣка; замѣтны иногда слѣды народной рѣчи. Но сюжетъ ее можно свести и передѣлкой чужаго разсказа, но скорѣе она была Русскимъ сочиненіемъ, на что и указываютъ собственныя имена дѣйствующихъ лицъ. Въ одномъ изъ Румяновскихъ списковъ повѣсти, находится даже вариантъ — что сынъ Кіевшица Басарга, сдѣлавшійся царемъ неизвѣстнаго города, представивши своемъ приказу царство свое правити брату своему

Кириаку Дмитриевичу, а старшинство приказал дать своему Василию Кудриному», — что впрочем могло быть прибавлено и послѣ Карамзина, передавая содержаніе сказки 7, 229—230. пр. 411, называть ее Русскимъ сочиненіемъ и отнести къ XV—XVI вѣку, но не высказать оснований своей догадки; Полевой, напротивъ, считаетъ повесть о Басарѣ только Русскою передѣлкою; Снегиревъ приводитъ только мнѣніе Карамзина (Вал. Сб. 213). Некоторые подробности, действительно, какъ будто намекаютъ на чужой подлинникъ сказанія: во всѣхъ спискахъ повѣсти упоминаются «штаты» или неправ. «ш поны» и «шроны» въ числѣ вѣдомокъ, взятыя съ средне-Греческихъ ὑπάρχες и πύργοι или πύργοι, Лат. дуга *Ducange Gloss.*, — а въ Румянц. спискѣ J. 380 дѣйствіе даже происходитъ въ Антиохіи; но, имя Антиохіи принадлежатъ одному только списку, и излишнее же употребленіе Греческихъ словъ, было литературной манерой, въ которой находили тогда особенную красоту слога. Такія же ненужныя Греческія слова встрѣчаются въ сочиненіяхъ, несомнѣнно принадлежащихъ Русскимъ книжникамъ; не собирая многихъ примѣровъ, укажемъ только на автора Сказанія о Мамасовомъ побойнѣ, который говоритъ между прочимъ: «бѣлбозный царь Мамай ... нача глаголати ко своимъ *оуришомъ* и княземъ и оуданомъ», Одежь шнеть къ Литовскому князю — «аще же жду твоего *постесара*» т. е. постесара; «скальваютъ, естъ въ вогни въ *капуръ* именемъ Сергій, по свать и прозорливъ великъ» и т. п. Р. Пол. Сб. 3, кн. 1, 3, 5, 31. Большая простота содержанія не позволяетъ думать, чтобы наша повесть была перѣдѣлкой какого нибудь Византийскаго сказанія; напротивъ, по незамѣлливости ее скорее можно считать произведеніемъ Русскаго трагика. Главные мотивы ея — торжество истинной вѣры и презрѣтельность зачаткамъ, были совершенно въ духѣ времени и могли быть употреблены Русскимъ сочинителемъ. Притомъ и вопросы Песмѣяна не отличаются большою хитростью: «много ли тово или мало отъ востоку и до западу, скажи ми!» спрашиваетъ отъ Борзосмысла, и тотъ отвѣчаетъ: слово, царю, ни мало ни много, день съ ночью, сонъ правды весь кругъ небесный, и отъ востоку и до западу единымъ дѣломъ, а поволю единою сонце пройти отъ сѣвера до юга». Другая

загадка: «что днем десятая часть въ міру убываетъ, а понош десятая часть въ міру прибываетъ?» на что отрокъ говоритъ: «то, царю, днемъ десятая часть соннемъ воды усыхаетъ и моря, изъ рѣкъ, изъ озеръ, а поношю десятая часть въ мірѣ прибываетъ, ино та часть воды исполняется, занеже сонну затеи и не сіяюшу». Въ отвѣтъ на послѣднюю загадку, отрокъ убываетъ несчастнаго царя и утверждаетъ истинную вѣру. Загадка составляетъ одинъ изъ существенныхъ пріемовъ народной поэзіи и тѣмъ легче могла быть введена Русскимъ сочинителемъ, что также роль дана ей въ древнихъ переводныхъ повѣстяхъ. Вообще въ построеніи повѣсти можно замѣтить вліяніе образцовъ, какіе находилъ сочинитель въ тогданней письменности: загадки встрѣчаются и въ Греческихъ сказаніяхъ, Александрийскія о Синагрии и другихъ, которыя были безъ сомнѣнія хорошо извѣстны нашему сочинителю; въ нихъ замѣтны и легендарныя стремленія, которыхъ нельзя не видѣть въ Словѣ Басарги. Представленіе мудраго семилѣтняго ребенка, который падаетъ верхомъ на палочкѣ, буквально сходно съ тѣмъ, какъ одна Сербская сказка рисуетъ «Премудраго» т. е. Соломона. Одинъ человекъ, желая получить советъ отъ Премудраго, пришелъ на Соломоновъ дворъ: — «когда та уме жданъ слуга, те г уведе у двор на пружки руку на једно шпете, *које бјуше дужа кама на шпаа на три по обору*: Ено оно је Премудри. — Човек се зачуди, на пошведи у себи: Шта ће оно шпете мени знати кавети?». . . . *Вук*, Прип. 194. Впрочемъ, это мотивъ общенародный: Французская народная книга рассказываетъ о мудромъ ребенкѣ трехъ лѣтъ, которому задавать трудные вопросы императоръ Адрианъ. *Nisard, Hist. des livres populaires ou de la littérature du colportage*, Paris 1854, 2, 16 — 19; тошо также въ Монгольской сказкѣ о мальчикѣ, сказавшемъ безъ слѣда на черномъ быкѣ, мудрый ребенокъ своими отвѣтами удивляетъ опытнаго наставника. *St. Petersburg, Ztg.* 1849, . 17 79. Замѣтныя наковенья, что въ спискѣ, которымъ по названію Карамзинъ, повѣсть является разказомъ самаго куша, тогда какъ въ другихъ спискахъ этого нѣтъ. Личное имя Басарги встрѣчается иногда въ старину, напр. Тихонъ Басарга, архим. 1500 г. *Опис. Рум. Муз.* 76. Число списковъ повѣсти довольно значительно.

— Ружаниц. , I' 370 минаиторниа сбори, XVII в. д. 60 — 114
Сказаніе о Дмитріѣ кушнѣ, начнн. бѣсть пѣкто купецъ
именемъ Дмитріи, въ Кіевѣ градѣ дѣлаше — короткая редакція; — , I' 378 сбори, XVII в. д. 332 — 346 Слово о
Димитріѣ кушнѣ довожомъ пореклу Басарга, Кіевченнн, и о
мудромъ и о блаторазумномъ сынкѣ его, о отрочати добро-
мудромъ смислѣ, начнн. бѣсть пѣкто купецъ богатъ зѣло
въ русскои земли во градѣ Кіевѣ, именемъ зовомъ Дмитріи
Басарга — редакція пространная. — , I' 380 сбори, XVII в.
д. 466—475 Слово о Дмитріи кушнѣ Басарга, нач. бѣсть
пѣкнн купецъ Дмитріи Басарга, женихеса въ русскои земли,
во градѣ Кіевѣ и пр.

— Толст. 2. 140 Нубл. Б-ки XVII. Q. 22 сборннхъ XVII —
XVIII в. д. 638—631 Слово о Дмитрѣ кушнѣ и о мудрыхъ
словесехъ сына его Борюемысла сказаніе.

— Погодин, сбори, повѣстей и сказокъ XVII — XVIII в.,
въ Нубл. Б-кѣ, по описи , I' 1772 д. 203 — 212 Слово о
Димитріи кушнѣ, града Кіева, прозваніемъ Басарга, и о мудрыхъ
словесехъ сына его, нач. бѣсть пѣкнн купецъ именемъ Ди-
митрѣ, богатъ, дѣла въ русскои земли, во градѣ Кіевѣ....

— Полевато, списокъ напечат. въ Р. Вѣстникѣ 1842. 4.
65 — 75 повѣсть о Басаргѣ кушнѣ.

— Ундольскаго, въ сборннхъ сказокъ Врем. кн. 14 — о
Димитрѣ Басаргѣ и о сынкѣ его отрочати седмн лѣтъ, нач.
Димитрѣ Басарга гостѣбу дѣлаше.

— Въ Русск. сбори, конца XVII в. Дрезденской Б-ки, д.
61—70 Слово о Дмитрѣ кушнѣ и пр. *С. Строев.* Он. пам.
Сл.-русск. литер. М. 1844, стр. 66.

Сказка «о Вавилонскомъ царствѣ» встрѣчается въ рукопи-
сахъ XVII-го и XVI-го столѣтій, и рассказываетъ о томъ, какъ
Лейбъ, царь Греческій, посылать въ Вавилонъ трехъ пословъ,
выбранныхъ изъ трехъ народовъ — Грека, Обезанина и Русина
или Словенина. Послы благополучно избѣжали опасностей,
грозившихъ имъ въ дорогѣ, прибыли въ Вавилонъ, окруженный
со всѣхъ сторонъ чудовищнымъ змѣемъ, нашли тамъ много
древнихъ драгоцѣнностей и возвратились съ ними къ царю.
Выселенныя ими сокровища состояли изъ различныхъ парекъ
одежды и украшеній, которыя и были представлены ими царю
Лейбу. Въ этомъ состояніи основа разсказа; впрочемъ разныя

списки передают его съ значительными вариантами, дополняют посторонними подробностями, такъ что вообще составляет довольно неясное цѣлое. Въ одномъ спискѣ повѣсти, которымъ пользовался г. Буслевъ. О послѣд., 47 — 49, второй посолъ царя Льва названъ *Обжешномъ*, и на основаніи этого имени г. Буслевъ сближалъ сказку съ извѣстной притчей объ Обрахъ; но въ рукописи, какія намъ случалось пересматривать, приводятъ это имя въ формѣ *Обжешинъ*, которая прямо относится къ «Обезамъ» древней нашей летописи г. е. Абхамамъ, и ни въ какомъ случаѣ не допускаетъ сравненія съ Польскими *obrzum*, *olbrzum* и Обрами. Сказка не была безъ сомнѣнія Русскимъ народнымъ произведеніемъ: неважное мѣсто, какое дается въ ней Русскому началу, достаточно на это указываетъ: главное дѣйствующее лицо ея — Греческій императоръ; содержаніе сказки принадлежитъ къ кругу апокрифическихъ преданій, главнымъ источникомъ которыхъ служила у насъ литература Византийская. Въ основѣ сказки было Греческое произведеніе, вѣроятно и несколько развитое и дополненное Русскими передѣльщиками, которые, можетъ быть, и сдѣлали Русина участникомъ событія; что касается до Обела или Обжешина, онъ легко могъ попасть въ Греческое сказаніе, потому что Абхазія, какъ страна христіанская, издавна знакома была Византіи; Греческій первообразъ нашей сказки видѣть и въ томъ, что конецъ ея сводится къ возведенію Греческаго царя. Но въ послѣдствіи она была связана и съ преданіями Рускими: и некоторые списки, по повелу царскихъ украшеній, вывезенныхъ будто изъ Вавилона, упоминаютъ и Мономахову шапку, которая должна была находиться въ числѣ этихъ драгоценностей. Въ рукописяхъ XVI—XVII-го вѣка встрѣчается «Сказаніе о великихъ князяхъ Владимировыхъ», гдѣ передается баснословная исторія о томъ, какимъ образомъ императоръ Константинъ Мономахъ прислать Владиміру, князю Русскому, вѣнецъ царскій, и кромѣ того *скрѣпѣишу* сердоличну, изъ шелъ же Августъ царь Римскій веселитесе, и *ожереисе*, иже на плещу своєю понаше, и *члѣ* отъ злата Аравійска исковану, и ины многи дары царскія. Изъ эта исторія и сказка о Вавилонскомъ царствѣ и его сокровищахъ, легко могли быть приведены въ извѣстную аналогію; потому что *объ* заключали раз-

сказь о царских вѣщахъ и украшеніяхъ, наследственно переходившихъ сперва изъ Вавилона въ Византію, потомъ изъ Византіи на Русь: это сближеніе было совершенно въ духѣ баснословныхъ повѣстей изъ древней Русской исторіи, появившихся у насъ въ средневѣковую эпоху, когда наши князья и князьки позавкомплись съ сказочными дѣтошесами Польскими и начали производить Москву отъ Мосоха, выводить Рюрика изъ Пруст, вставлять въ нашу исторію Александра Македонскаго и кесари Августа. Но только въ это время сказка о Вавилонскомъ царствѣ была дополнена такимъ образомъ: а въ первоначальномъ своемъ видѣ она была ближе къ чистому апокрифу. Впрочемъ, дальнѣйшее опредѣленіе ея должно быть сдѣлано по многимъ спискамъ различныхъ редакцій, потому что она въ разныхъ текстахъ передается очень несходно. Списки ея встрѣчаются нередко въ разныхъ рукописныхъ собраніяхъ.

— Отрывокъ изъ нея, по руб. XVII вѣка, приведенъ былъ г. Буславскимъ въ статьѣ о поговѣстьяхъ, Арх. Кален. 2, 2, 47—49

— Ружани, J^o 374 новыи списки, на л. 207—215. Сказаніе о вавилонскомъ царствѣ и о змии и о царскомъ вѣнцѣ и о батришцы и о святыхъ отрокахъ и о вѣсесѣи и о боранишъ сердоликовой и о иныхъ многихъ вещехъ вавилонскихъ, съи рече — сирѣчь, и о *пелмаговъ* шапочки и о царской порцурѣ и о царскомъ одеждельѣ. — приведенъ нами эпизодъ въ Писмет. 3, 313—320. Момоахова шапка не упомянута однако въ этомъ текстѣ.

— Царск., J^o 382 сборн. конца XVI в. л. 210—214. Слово о святыхъ трехъ отрокахъ Аманія и Азарія и Мисаила и о вѣсепосланіе отъ Улева царя, во крещеніи нареченнаго Василия, иже посла въ Вавилонъ испитати. — J^o 743 сборн. 1692 года, л. 340—343. о Вавилонѣ сказаніе и о трехъ отрокахъ, начавъ посланіе отъ Водуа царя, а во крещеніи Василия. — J^o 401 сборн. XVII в. л. 218—224. Сказаніе о вавилонскомъ царствѣ и о трехъ отрокахъ Аманія, Азарія, Мисаила, и о змиихъ како велати кругъ града Вавилона, и како ходити три мука, начавъ въ Вавилонѣ, бысть первый царь Насоръ и върши кровлю всю желтомъ. — впрочемъ особа редакція.

— Толст., 2, 229. Публ. Б-ки XVII в. Q, 82 подумаетъ сборникъ XVII вѣка, л. 57—61. Слово о Вавилонѣ и о трехъ от

роульхъ, Аиаша, Азариа, Мисаила, начинъ. Писаніе отъ Девуля царя, и даде такъ же.

— Забѣлиа, въ рукописи XVII в. № 75 «О зачустейи Вавилона града и о змѣхъ лютыхъ, и како посла царь греческій трехъ мужей въ Вавилонъ градъ», — очень любопытная редакция сказки, безъ конца, которою мы, въ сожалѣнію, не имѣли случая пользоваться.

— Удольскаго, въ сборн. XVII вѣка «Сказаніе о Вавилонскомъ царствѣ, о царѣ Аксерѣ и о Новоходенсорѣ царѣ и о царѣ Васильѣ, нач. «бысть въ вавилонскомъ царствѣ».

— Въ упомянутомъ сборникѣ Дрезденской Библиотекы д. 56 — 61 «Сказаніе о вавилонскомъ царствѣ и о трехъ отрокахъ» (*С. Строевъ*, Оп. пам., стр. 66). Вероятно тоже «о Вавилонѣ сказаніе» въ Макаріевскихъ Минеяхъ подъ 17 декъ.

Сказаніе о великихъ князехъ Владиміревскихъ напечатано, повполнѣ, въ Древ. Росс. Вѣст. изд. 2, 7, 1 — 4 со поставленіи великихъ князей русскіихъ на великое княженіе святыми бармами и царскими вѣнцемъ, откуда ѿ, и како начана ставитися. — и разсказано по списку XVI-го вѣка у Карамзина 2, пр. 220. Оно внесено въ Воскресенскую и Царственную летопись, встречается также отдѣльною статьёй въ сборникахъ и хроногразахъ, и пр. — *Румянц. хронографъ*, I, 139 д. 525 — 530 «Сказаніе о великихъ князехъ Владиміревскихъ великіа Россіи», начинъ соъ исторіа Ханаюкова, и пр. — *Публ. Библиот. IV, Г.* 238 сборн. Дубровскаго XVI вѣка, об. д. 150 — 153 съ тѣмъ же заглавіемъ. — *Велик.* 3, 68 Публ. Библиот. IV, О, 24 сборн. XVII вѣка, 350 — 364 также. — *Царск.* № 192 сборн. XVII вѣка, обор. д. 2 — 8.

Переходимъ теперь къ иному ряду повѣстей о царѣ Соломонѣ, которому уже восточныя сказанія придаютъ политическій колоритъ. Столько же извѣстно было имя его и на западѣ, гдѣ въ различныхъ преданіяхъ сохранилась память о его мудрости, если не всегда вѣрно исторической истинѣ, то по крайней мѣрѣ сообразно народнымъ понятіямъ. Иногда впрочемъ эти сказанія развивали сюжеты другаго рода, относили къ Соломону несторонніе мнѣнія; но и здѣсь не терялась мысль о первоначальномъ характерѣ лица и разсказъ долженъ быть привязанъ къ той же основн. ой темѣ. Старая наша повѣстность не была чужда этимъ поэтическимъ претаніямъ; иныя изъ нихъ стоятъ въ тѣснѣйшей

связи съ народной поэзіею стараго времени и любопытны для насъ, какъ факты ея столыко бѣдной исторіи. Большая часть старинныхъ повѣстей нашихъ получили начало книжнымъ путемъ и постоянно оставались глѣмъ, что называется *Volksbuch*, *livre populaire* т. е. хотя и хорошо знакомымъ народу, но все таки книжнымъ произведеніемъ, не имѣющимъ существеннаго мѣста въ его воображеніи. Таковы были Александрія и другія сказанія, которыя пользовались значите льною известностью, что легко видѣть изъ множества списковъ и разнообразія редакцій. Повѣсти о Соломонѣ по своему началу подходят подъ глѣмъ условіи; они не были самостоятельнымъ произведеніемъ Русской фантазіи, но, или по имени главнаго лица, или по содержанию, которое понятнѣе было народному вкусу, они получили другое значеніе въ глазахъ читателей и стали достоинствомъ специальной народной литературы. Замѣчательная въ этомъ отношеніи повѣсть находится въ Румянц. сборникѣ XVII вѣка, F. 363 на л. 418 — 438 и называется «повѣсть царя Давида и сына его Соломана и о ихъ премудрости» нач. «бысть у царя Давида три дѣвныи»; въ нѣскольکو разъ упомянутомъ сборникѣ г. Ундольскаго также помещена вѣроятно также «повѣсть о царѣ Давидѣ и о сынѣ его Соломонѣ и о ихъ премудрости» нач. также. Повѣсть, довольно обширная по объему, дѣлится по содержанию на два независимые разсказа: одинъ передаетъ исторію дѣтства и странствованій Соломона; другой, начиная съ возвращенія его къ Давиду, заключаетъ споръ его съ царемъ Поромъ и побѣду Соломона. Дѣленіе это очень замѣтно въ извѣстномъ намъ Румянц. спискѣ, такъ что каждую часть можно привязать за отдельное цѣлое. Не вдаваясь въ подробности содержания, мы обозначимъ только отношеніе нашей повѣсти къ другимъ произведеніямъ, съ которыми она имѣетъ много общаго.

Въ средневѣковыхъ литературахъ, особенно въ Нѣмецкой, было очень распространено произведеніе, заглавленное исторію Соломона и Моролфа или Маркола *Salomon und Morolf*, *Salomon und Morolt*, *Morolt*, *Marcoul*, *Marcou* etc. . Впрочемъ въ Нѣмецкой литературѣ подъ именемъ *Salomon und Morolf* извѣстны были два произведенія, совершенно различныя. Одно изъ нихъ появилось очень давно, и въ Латинской редакціи упоминается уже въ V

вкл., въ индексѣ папы Геласія: *scriptura, quae appellatur Contradictio Salomonis, apocrypha (Fabricii Codex pseudep. V. 1, 1055. ed. 1713—23)*; оно упоминается и въ послѣдствіи. Латинская редакція вышла въ свѣтъ между первыми напечатанными книгами; давно составились и Нѣмецкіе переводы. Французской редакціи собственное имя Соломона было дано приурочено къ національному герою *Salemon le quens de Bretagne* извѣстны потомъ Англосаксонскій, Датскій, Шведскій и пр. переводы; изъ Нѣмецкой литературы эта редакція Соломона и Маркольфа перешла наконецъ въ Чешскую и Польскую. Но особенное сочувствіе нашла эта исторія въ Италіи, гдѣ, измѣнивъ собственные имена лишь, она сдѣлалась любимымъ народнымъ романомъ. Мѣсто Соломона занялъ царь Лангобардскій Альбоинъ вмѣсто Маркольфа является національный мудрецъ Бертольдъ который достигъ такой славы, что ему придумали даже сынъ Бертольдино и внука, и каждый изъ нихъ получилъ особенную исторію. — Главная мысль этой первой редакціи Соломона и Маркольфа есть споръ о мудрости, тема очень обыкновенная въ восточныхъ сказаньяхъ: славному и мудрому царю противопоставляется грубый, уродливый Маркольфъ, который остроумно разрѣшаетъ все трудныя вопросы царя и нередко удивляетъ его своими оригинальными выходами. Послѣ диалоговъ о разныхъ предметахъ жизни, особенно о характерѣ, добродѣтеляхъ и недостаткахъ женщинъ, исторія говоритъ о томъ, какъ царь началъ преслѣдовать Маркольфа за его рѣзкія истины, и какъ послѣдній всегда умѣлъ избѣгать опасностей и оставаться плѣннымъ и невредимымъ.

Подробности и указания о Маркольфѣ — *Grässe, Sagenkreise 36 ff.*, — *Libbrecht's Dunlop 328, 503, 511*. Одна редакція исторіи Бертольда была переведена и у насъ. Италійской Гюльи или сатирическое повѣствованіе о Бертольдѣ, содержащее въ себѣ удивительныя съ нимъ приключенія и остроумныя выходки: 2 е изд. Спб. 1782, 8.

Не здѣсь однако любимыя для насъ стороны преданья Маркольфа. Въ Нѣмецкой стихотворной редакціи, изданной Гегеномъ (*V. d. Hagen u. Büsching, Deutsche Gedichte d. Mittelalt. Berlin 1808, 44 — 64*), исторія, послѣ спасенія Маркольфа отъ

вселяны, имѣть продолженіе, ст. 1605 — 1876, неизвѣстное въ Латинскихъ текстахъ. Это окончаніе разительно отличается отъ предыдущаго: Морольвъ уже не грубый посланикъ, а умный и хитрый придворный Соломона, ловко исполняющій самыя опасныя порученія царя. Самое содержаніе не имѣетъ ничего общаго съ первымъ Морольвомъ, и оно-то развивается въ другомъ обширнѣйшемъ произведеніи, очень сходномъ во многихъ чертахъ со второй половиной нашей повѣсти о Соломонѣ (*V. d. Hagen und Bischenig* ib. 1—43). Паламаръ стихотворенія думаетъ найти въ немъ общія стороны съ первымъ Морольвомъ, хотя и сознается, что во второмъ Морольвъ есть что-то «чуждое». Гриммъ, въ критической статьѣ по поводу изданія Ф.-д.-Гагена *Heidell. Jahrb. d. Liter.* 1809. V abth. 2, 162 — 164, 249 — 257, опредѣлить оба стихотворенія совершенно иначе: приписавъ первому стихотворенію чисто восточное, и именно Еврейское происхожденіе, онъ рѣзко отдѣляетъ отъ него второе, сюжетъ котораго и вся обстановка принадлежатъ по его мнѣнію не востоку, а средневѣковой Европѣ. Приводя здѣсь мнѣніе Гримма, замѣтимъ, что это второе стихотвореніе (*Hagen* 1—43) соответствуетъ второй половинѣ Румянн. повѣсти, тогда какъ первая часть этой послѣдней совершенно своеобразна и, кажется, не имѣетъ ничего подобнаго въ средневѣковой Шменской литературѣ. Передавая сходныя приключенія, иногда съ тѣми же подробностями, Русскій и Шменскій разказы имѣютъ и замѣтельную разницу: въ Шменской повѣсти сюжетъ развивается гораздо обширнѣе и подробнѣе, — быть можетъ потому, что здѣсь участвовало авторство Шменскаго поэта, — и представлять притомъ два событія, хотя и одинаковыя; между тѣмъ въ нашей повѣсти разсказывается только одно. Другое несходство, кромѣ мелкихъ подробностей, заключается въ именахъ: Морольвъ, хитрый помощникъ Соломона, замѣняется безымяннымъ посланикомъ; Фараонъ и Принціанъ, соперники Соломона по Шменской повѣсти, оба замѣнены въ Русской повѣсти паремъ Ицѣйскіимъ Нормъ; исполнитель казни у Нора названъ Пилатомъ — «иногда злы тебя въ немилостивому Пилату и велю съ тобой-тоду спясть», говоритъ Нормъ Соломону. Гриммъ думаетъ впрочемъ, что собственныя имена въ Шменскомъ сти-

хотвореніи явились случайно и потому неважны; кроме того и Гагенъ признають, что стихотвореніе или основа древнѣе той рукописи XV вѣка, гдѣ оно было найдено. Основка его вполнѣ рыцарская, напоминающая эпоху крестовыхъ походовъ: Соломонъ есть глава христіанства, какъ Римскій императоръ; герои его — Морольфа и храмовые рыцари, сражающіеся противъ невірныхъ; рассказы о странствіяхъ Соломона его сподвижниковъ указываютъ на извѣстность Средиземнаго моря, Wendelsee, во время походовъ крестовыхъ рыцарей.

Имена Морольфа, Соломона, Иерусалима, говоритъ Гриммъ не принадлежатъ собственно сагѣ и вставлены въ послѣдствіи совершенно отличнаго характера. Морольфа не позволяетъ ходить связь между двумя разными произведеніями этого имени. Восточное происхожденіе втораго Морольфа, которое приписываетъ Гагенъ, въ такой же степени несовмѣстно съ его содержаніемъ. Саги о хитрыхъ похищеніяхъ, предвѣщаніяхъ и избавленіяхъ перѣданы въ древне-Нѣмецкой поэзіи, а стихотвореніе о Морольфѣ составлено изъ такихъ приключеній; если можно въ немъ видѣть замѣтваніе съ востока, это замѣтваніе должно быть отнесено къ до-историческому родству съ востокомъ, которое здѣсь конечно окажется неумѣстнымъ. Во всемъ стихотвореніи резко выдается противоположность христіанскаго міра съ невірными, какъ основная черта содержанія, и ей трудно быль бы въ сюжетѣ, замѣтваніемъ съ востока. Напротивъ многіе имена и предметы прямо относятся къ Германіи, и герои Фридрихъ, deutsche harfen, deutsche fechten и т. п., все же напоминаютъ другія Нѣмецкія поэмы, какковы Ротеръ, Отти и другія. Наконецъ въ Морольфѣ встрѣчаются общіе эпитеты, обороты древне-Нѣмецкой поэзіи и отдѣльныя выраженія, указывающія на эпитетскія представленія Нибелунговъ и вообще похожія на манеру придворныхъ поэтовъ. Морольфа принадлежить именно къ тому ряду произведеній, который отвергаютъ они какъ простонародный. Изъ всего этого Гриммъ заключаетъ, что такъ называемая вторая часть Морольфа т. е. сходная послѣдней половиной Русской повѣсти, состоитъ изъ очень древнихъ *Неладитъ сага*, и несмотря на вставленныя подлинныя имена, такъ же стара и національна, какъ саги въ Книгѣ геро-

Heidenbuch : въ цѣломъ, пѣсню Морольфа стоитъ пожалуй несколько ниже ихъ, но скорѣе по содержанию, нежели по представлению, которое всегда живо и полно интереса...

Наша повесть стоитъ следовательно въ связи съ древне-Нѣмецкими народными сказаньями. Въ ней самой элементы народно-поэтическіе видны гораздо болѣе, чѣмъ въ другихъ подобныхъ произведеніяхъ, и это достаточно показываетъ, что она образовалась особымъ путемъ. Основанная сначала на чуждомъ преданіи, она развивалась и измѣнялась не только въ слѣдствіе книжныхъ редакцій, но болѣе произвольно устной передачей. Измѣнившись такимъ образомъ она была записана, и записанный видъ ея представляетъ по этому не первообычную форму преданья, а форму, уже испытанную въ ишіе народныхъ воззрѣній. Но какимъ образомъ объясняется въ этой повѣсти — мы опять говоримъ о второй половинѣ Румана, текста — имя Соломона? Такъ какъ оно и у насъ и въ Нѣмецкой пѣснѣ соединено съ одними приключеніями, то и не могло быть чисто случайностью, какъ думалъ Яв. Гриммъ. Независимо отъ содержанія, оно могло появиться въ нашей повѣсти изъ Нѣмецкаго преданья, или обратно, такъ чтобы одно становилось источникомъ другому. Въ противномъ случаѣ, надобно предположить существованіе третьяго, болѣе первообычнаго преданья, которое служило источникомъ и Русскаго и Нѣмецкаго разсказа; тогда случайность имени Соломона укажетъ на очевиднымъ образомъ. Случайность могла равнѣ быть въ имени Морольфа, потому что это лицо, во первыхъ, не названо или названо иначе въ Русской повѣсти; во вторыхъ, въ Нѣмецкой пѣснѣ Морольфъ-придворный далеко не похожъ на посланца Морольфа, грубаго и уродливаго соперника Соломона по мудрости.

Мнѣніе Гримма объясняетъ въ этомъ случаѣ только разнородность двухъ Нѣмецкихъ сказаній о Морольфѣ, но не доказываетъ Нѣмецкаго происхожденія втораго Морольфа. Сближенія Гатена дѣйствительно невѣрны; но путь соединенія этихъ преданій могъ быть другой, хотя въ законченномъ видѣ своемъ онъ и не имѣетъ общаго между собою. Чисто-національныя эпическія формы втораго Морольфа Гриммъ объяснилъ Германскимъ происхожденіемъ пѣсмы, а Германское начало привело

его къ мысли о случайности имени Соломона и Морольфовъ эпическія формы т. е. эпическая вышность еще не отвергнута чужого происхожденія самого сюжета и въ такомъ случаѣ подобныя сюжеты встрѣчаются въ самобытныхъ національных произведеніяхъ; такая обработка формы доказываетъ то, что преданіе рано перешло въ народную словесность. Такъ вѣроятно и съ Морольфомъ; вспомнимъ, что многія частіи стихотворенія указываютъ прямо на Германію времени близка и восточныхъ походовъ. Противоположность міра христіанскаго съ языческаго, по словамъ Гримма, не могла имѣть въ преданіи не Германскомъ, а заимствованномъ съ востока; замѣтимъ однако, что преданіе могло быть заимствовано и не прямо съ востока, а въ посредственномъ, второстепенномъ источникѣ уже могло принять новый колоритъ. О нашемъ вѣстѣ можно сказать тоже самое: и въ ней Соломонъ съ своимъ «христіанскимъ» войскомъ овладѣваетъ «многими землями великими ордами»; христіанскій характеръ Соломона есть примѣненіе самой народной поэзіи, которая этимъ облекаетъ себя на сторону знаменитаго царя. Въ древней литературѣ можно указать примѣненія еще болѣе рѣзкія: въ сказаніи о Синаиринѣ мудрый министръ этого царя оказывается не только христіаниномъ, но и Русскимъ; въ другомъ замѣчательномъ произведеніи той же эпохи, защита христіанскихъ интересовъ отдается Александру Македонскому. Очевидно, что въ народномъ источникѣ этихъ сказаній не было и мысли о противоположности христіанства и язычества, и народная поэзія болѣе правомъ могла замѣнить въ этомъ смыслѣ характеръ Соломона, повелѣи Александра. Понятно, что нарушая такіе существенныя черты своихъ героев, народная поэзія легко даетъ чуждому сказанію и черты національныхъ правовыхъ обычаевъ и понятій, какъ это и случилось съ Шменскимъ Морольфомъ.

Что преданіе не было чисто Шменкой сагой, въ какомъ случаѣ случайно вѣтви имени Соломона, подтверждается значительнымъ его распространеніемъ, котораго мы не можемъ точно определить съ точностью. Въ числѣ Сербскихъ сказокъ, и другихъ Караджичевыхъ, есть одна «Едина гобела у као а друкара» (т. 42, изд. 1853), представляющая новый вариантъ

го же содержания т. е. Шмемкаго стихотворенія о Моральфѣ и второй половины Русской повѣсти. Сербская сказка снова подтверждаетъ, что въ Румяни текстъ объ половинѣ механически соединены именемъ Соломона, — въ ней первая половина Русской повѣсти опущена, какъ и въ Шмемкаго поэмѣ. Сербская сказка приведена нами въ Пявлет. 4, 346 — 347; наша повѣсть имѣетъ болѣе подробностей, сходныхъ иногда съ Шмемкаго Моральфомъ: въ ней вставленъ напр. эпизодъ о золотыхъ рукавицахъ, съ помощью которыхъ посланный царя Нора нашелъ средство проникнуть во дворецъ Соломоновъ. Притомъ, по нашей повѣсти, это предпріятіе не было первой завкой приключенія; повода къ нему подавъ были такимъ же образомъ со стороны Соломона. Посланный Нора говоритъ царю, жень Соломона: «Пашь царь Нора пытаетъ себѣ царшны, и мѣсто ей уготованно на вѣтрешномъ обходѣ царствовать, и звѣды на небѣ щитати, и мѣсяць переводити въ нашемъ царствѣ». Прельщенная его ублаженіями царя отвѣчаетъ: «Поити тебѣ со мною по земль, и царь Соломонъ лютымъ звѣремъ догонитъ, а подыметъ меня на пчелиные крыльця, и царь Соломонъ лешымъ соколомъ долетитъ, а въ водѣ щукою догонитъ». Также эническая формула повторена въ разсказѣ, когда царь дѣйствительно начинаетъ свое преслѣдованіе. Получивъ всѣ нужныя свѣдѣнія черезъ лазутчика, который проникъ во дворецъ Нора посредствомъ такихъ же золотыхъ рукавицъ, Соломонъ собралъ многочисленное войско... «И поставилъ свои крѣпкіе воеводы и силу близъ царства Норова, и рече царь Соломанъ своимъ царемъ и уданомъ и сильнымъ воеводамъ и княземъ и всей силѣ: «стойте тутъ съ силою, а меня, царя и уданы и сильныяскрѣпкіе воеводы, отпустите ко царю Нору въ царство, и я увижду и услышу своимъ окомъ и ухомъ; а вы, сильныя воеводы, стойте и ждите троякласныя трубы къ себѣ отъ меня: какъ «буду живъ въ царствѣ томъ и труба вострубитъ, и вы борю «сѣдлите свои добрыя кони; и въ другой часъ труба вострубитъ, и вы посылите на добрыхъ своихъ конехъ; а въ третей «часъ труба вострубитъ, и какъ заслышите, и вы панунайте и «сѣдите и милости не давайте. А будетъ троякласнаго главу вы «не услышите, и вы пойдите въ свою землю, въ мое царство, а

«меня неждате, и въ животѣ меня не будетъ, и по мнѣ велики
«память и по моему животу держите и поминайте. А вы, цари
«и удальные и князи и сильные воеводы, простите и благословите
«свите». А самъ Соломанъ пошелъ въ царство Порово въ цар-
«ческомъ платьѣ и пришелъ въ свитѣ Срачьинской».... Дал-
«разказъ идетъ сходно съ Сербскимъ вариантомъ, съ некото-
«рыми отличіями. Исторія приближается къ концу: пѣвчій ц-
«въ третій разъ «вострубилъ ратнымъ голосомъ, и труба го-
«реть — что плачеть: «спускайте и свѣтите и топчите, живи-
«не давайте, а милости не кажите», и царь Соломанъ въ вели-
«радыи идетъ къ землѣ на третей пеходъ съ первыя свѣ-
«смерти (т. е. съ шибалины == висѣльни), и его цари и ула-
«и князи и крѣпкіе воеводы и все сильное войско падаетъ пре-
«царемъ Соломаномъ о сыру землю и держатъ царя Пору и
«царицею во своихъ полкахъ. И царь Поръ съ царицею падаетъ
«на свои царскіе колѣни предъ царемъ Соломаномъ, и рече и
«Соломанъ: «царю Поре, царица глупая и неразумная погуби-
«человѣка векоръ: велѣла на меня три осила поставить, осилъ
«шелковой, а другой осилъ серебряной, а третьей сверхъ тѣ
«осилъ златой — перевелъ бы осилъ веревкою лыченою, а
«спотною, и въ томъ бы удавился, — такова же смерть». И
«царь Поръ повѣсилъ главу свою буйную и не могъ видѣть себя,
«не пособитъ. И царь Соломанъ скоро велитъ съ обѣихъ голо-
«силъ вострымъ мечемъ и велитъ разсегнуть скоро; а Поръ
«выхъ людей, кои старыя и не могли битися, и велѣлъ похва-
«и съ собою вести, а то велѣлъ своимъ войскомъ приближи и
«сѣкли, а злато и серебро къ себѣ перевозили, и добрыхъ кон-
«стадами погнаши, а Пору царя и съ царицею злой смерти по-
«дать. И отъ того царю Соломану многіе цари и князи и ула-
«подъ его руку поклоннася, слышавши его премудрость, а и
«Соломанъ въ велицей чести и славеи зѣло. И слышавъ то на-
«Давидъ сына своего премудрость царя Соломана, что оны об-
«далъ многими землями и великими ордами и власть надъ ни-
«взялъ, радъ бысть тому».... За участіе народной фантазіи
«слова въ образованіи этой повѣсти достаточно говорить свѣже-
«ся языка и наивныя примѣненія: Соломанъ овладѣваетъ «ор-
«ми», его окружають «цари и удальи и сильные князи и крѣпкіе

воеводы», какъ въ былинахъ приближенными парей выставляются «мурзы и улановья» (Др. Р. Стих. 91, 93, 311, 312, 313 и др.); отдельные подробности встречаются и въ произведеніяхъ народной словесности, — такъ въ одной изъ нашихъ сказокъ очень сходно рассказывается упомянутое спасеніе отъ шельмы (Рус. Сказки, М. 1787, 104—129; наконецъ эпическая форма, конечно не вполне сохранныя въ записанномъ видѣ повѣсти, во всякомъ случаѣ общасть присутствіе народнаго авторства.

Сюжетъ Русской повѣсти, Сербской народной сказки и Нѣмецкой поэмы о Морольфѣ, развивается и въ другомъ Русскомъ вариантѣ. Эта вторая повѣсть известна намъ изъ рукописи Толст. собранія 2. 140 Публ. Библ. XVII. Q. 22, скорописн. сборн. XVII—XVIII в., гдѣ повѣсть находится на об. л. 739—744 подъ заглавіемъ «притча царя Соломона о царѣ Китоврасѣ» нач. «бысть во Иерусалимѣ царь Соломонъ, а во градѣ Лубордѣ царствуя царь Китоврасъ» и пр.; но въ рукописи, къ сожалѣнію, недостаетъ нѣсколькихъ листовъ. Содержаніе рассказа основано на томъ же мотивѣ похищенія; разница ограничивается второстепенными подробностями. Китоврасъ, чудесное существо, занимаетъ здѣсь мѣсто соперника Соломонова. Пора; царь Китоврасъ не былъ похожъ на другихъ людей — «собиралъ же той имѣя царь: во дни царствуетъ надъ людьми, а въ ночи обращашеся звѣрьми китоврасомъ и царствуетъ надъ звѣрьми». Этотъ поэтический образъ есть явленіе рѣдкое вообще въ народномъ сказочномъ эпосѣ; вспомнимъ героя одной Нѣмецкой сказки, который въ теченіе дня былъ львомъ, а вмѣстѣ съ нимъ все го люди были львами, ночью же принимали они обыкновенный человѣчскій видъ (*Grimm, Kindermärchen* изд. 1850, 2, 9). Другой вариантъ притчи о Китоврасѣ сравнительно съ Румин. текстомъ, состоитъ въ томъ, что Китоврасъ является братомъ Соломона. Замѣтимъ то, быть можетъ не случайное, обстоятельство, что въ Нѣмецкомъ стихотвореніи, соответственномъ нашей повѣсти, Морольфъ изъ грубаго, но мудраго поселенца дѣлается хитроумнымъ какъ Одиссей помощникомъ и такъ же — братомъ Соломона. Правда, Морольфъ и Китоврасъ играютъ различныя, даже противоположныя роли, — одинакова въ нихъ только мудрость, — но вообще слѣдуетъ замѣтить, что въ кругу

этих сказаний произошло странное смѣшеніе, указанное у Гримма въ Шмезкой поэмѣ. Въ нашихъ повѣстяхъ смѣшеніе мнооувъ достигло еще большей степени. Отдѣльный фактъ преданья вносится въ другое, почему нибудь среднее ему пріданіе, и новый рассказъ, забывая свое коренное начало и характеръ, представляетъ свою тему въ новыхъ краскахъ и подробностяхъ, между которыми трудно отличить первоначальное зерно мноа. — Какъ чудесное существо, Китоврасъ давно былъ извѣстенъ въ старинной литературѣ нашей, хотя вѣроятно и не съ тѣми свойствами, какія даетъ ему предыдущая повѣсть. Въ Румянц. хронографѣ 1494 г., I^o 453, л. 320—321 помещена «повѣсть о Китоврасѣ» (нач. «Тогда же убо бысть потреба Соломону вопрошити о Китоврасѣ. Осочина же и гаживеть въ пустыни дальне» и пр.; въ сборникѣ Царскаго XVII вѣка, I^o 720, л. 236 находится статья «царство Соломона царя во Іерусалимѣ», о которой г. Строевъ выразилъ слѣдующимъ образомъ: «исторія Соломона, откуда-то заимствована» (?), конечно апокрифическая (ср. Царск., I^o 286 л. 314—342). Въ рукописи Царскаго I^o 720 упоминается о Китоврасѣ и вѣроятно такимъ же образомъ, какъ въ Румянц. хронографѣ по этому послѣднему тексту Китоврасъ быть, какъ говоритъ Востоковъ, чудесное существо, исполненное мудрости и превѣдливій, или же родъ дикаго человека, подобнаго отчасти престолою и грубостью Шекспирову Калибану. При всей мудрости своей, онъ былъ обманутъ посланными Соломона, которые наполнили виною и медомъ тѣ колодцы, откуда Китоврасъ обыкновенно воду, и когда Китоврасъ опьянѣлъ, они заключили его соннаго въ оковы: Соломонъ хотѣлъ спросить его совѣтъ, какъ тесать камни безъ помощи желѣза для строенія храма, проч. Этотъ апокрифъ, основанный на Ки. Цар. I, 6, 7., упоминается въ статьѣ о книгахъ ветвиныхъ и дозанныхъ — «о Соломонѣ царя и о Китоврасѣ» (Л. Экл. Бон., 240), — и былъ извѣстенъ также въ древней Германской литературѣ: въ одномъ Шмезкомъ стихотвореніи XI—XII вѣка, Китоврасъ въ описаніи этого приключенія названъ дракономъ *Diemer*, D. Ged. de XI—XII Jh. Wien 1846, 107—113. Какъ большая часть сочиненій апокрифическихъ, сказанье о Китоврасѣ занесено к

намь безъ сомнѣнiя изъ Византийскаго источника, имя Китовраса составилось конечно по Греческому произношенiю слова *κίτρος*. На основанiи этого имени могла образоваться и сказка о последовательныхъ превращенiяхъ его въ человека и въ звѣря. Если Китоврасъ похоть былъ оцарствъ на тѣло человека, отъ-решнаго рѣдкою мудростью, то есть некоторая возможность сравнивать его съ первоначальнымъ Марколомъ, котораго въ редакцiи описываютъ человекомъ въ высшей степени грубымъ, грязнымъ и уродливымъ; если можно было Марколову сдѣлаться братомъ Соломона, то была такая же возможность и для Китовраса. Что въ этомъ превращенiи они получили различнай смыслъ, зависѣло отъ того, что перемены происходили подъ разными влiянiями и память основнаго преданiя была затеряна.

Такимъ образомъ наша повесть о Соломонѣ не была въ средне-вѣковой литературѣ фактомъ единственнымъ въ своемъ родѣ, и Шменская поэма о Морольфѣ, принятая Гриммомъ за чисто-Германскую сагу, въ которой случайно были приложены имена Соломона и Морольфа, имѣла другой болѣе отдаленный источникъ, откуда получила начало и Русская повесть. Этимъ источникомъ и для Русскаго и для Шменскаго сказанiя было конечно Византийское произведенiе, распространившееся ранѣе XV вѣка: и въ Морольфѣ и въ нашей повѣсти не трудно найти общiя черты, составляющiя принадлежность средне-вѣковаго Византийскаго романа. Новѣйшiе Шменскiе ученые принимаютъ уже въ отношенiи къ Морольфу Византийское влiянiе, но все еще даютъ ему мало мѣста, менѣе чѣмъ въ другихъ памятникахъ той же эпохи, какъ въ Ротерѣ, и чѣмъ бы следовало по существу дѣла.

Ср. *Gervinus, Gesch. d. deutsch. Dichtung*, изд. 1853, 1, 204; — *Cholovius, Gesch.* 1, 156—158. — Детали о Соломонѣ, съ картинками, въ рукописи XVII в. находится также въ сборникѣ с. Заблшва, 1, 72, но мы не имѣли случая пересматривать этой рукописи.

Что касается до первой половины Румяни, текста, то она не была свободна отъ влiянiя народной поэзи и по мысли и по вѣщности, хотя, можетъ быть, и въ меньшей степени. Имя Соломона не разъ встрѣчается въ народной словесности Славян-

скихъ племенъ; отмѣченная нами Сербская сказка служитъ достаточнымъ свидѣтельствомъ того, что народная поэзія въ этомъ случаѣ пользовалась чужими мифами и обрабатывала ихъ по своимъ требованіямъ. Въ другой Сербской сказкѣ, у Вука н. 43 «Соломону прокледа мати», завѣтка разсказа сходна съ началомъ нашей повѣсти, которая передаетъ, какъ Соломонъ странствовалъ съ «гостями-заморянами» и какъ онъ спасъ ихъ отъ смерти, отгадавши загадки, предложенныя имъ царемъ (Давидомъ). Вотъ одна изъ этихъ загадокъ: «по концю моего царства стоить древо златовѣтвѣ, у того древа самоцѣльное камѣнѣ, сверхъ того древа мѣсяць сяеть, и около того древа корени вокругъ шеница бѣлояра, вокругъ же той шеницы шенорженая силная». Соломонъ даетъ на нее слѣдующій отвѣтъ: «по концю твоего царства стоить древо златое sic, то твоє царство и царствіе; у того древа самоцѣльное камѣнѣ, то твоє государевы близкіе прѣтели и столпы многіе цари и королѣ и князи и *ушныи* и *мурлы*; сверхъ того древа мѣсяць сяеть, то ты государь царь; а около того древа по земли вокругъ шеница бѣлояра, то твои близкіе *боляре* и *окопачіе* и *думале дворяне*; и вокругъ же шеницы шеня орженая силная, то твои православные христіане» . . .

Обращаемся къ другимъ сказаніямъ о Соломонѣ, какія представляетъ старинная наша письменность. Одно изъ любопытнѣйшихъ между ними, повѣсть Руманиц, повѣсти, есть «сказаніе о премудрости царя Соломана и о южской царинѣ и о философахъ» нач. «царствующему Давиду царю во Иерусалимѣ и родися ему сынъ Соломанъ» въ томъ же Голубовскомъ сборникѣ 2, 140 л. 734—739. Статья въ сборникѣ не дописана и въ среднѣйшей недостають нѣсколькихъ листовъ, такъ что мы снова не имѣемъ возможности вполне определить ея содержание; кажется однако, что повѣсть о Южской царинѣ и загадкахъ составляла только эпизодическую часть сказанія. «Матука въ врѣмени шинушу — начинается этотъ эпизодъ — приде къ нему нѣкая царина отъ юга съ философы своими, хоташе царя Соломана искусити, и принесе ему дары многіе, злато сусални и на црѣ слово. Во единъ же день призва ея царь Соломанъ къ себѣ, хотя съшнати реченіа отъ нея премудрости, царинѣ

жъ придетъ къ Соломану съ философы своими, и рече ей царь Соломанъ: повѣдай ми, царина, которыхъ звѣрей, или скота, или птицъ мяса хочешь ясти, да повею три досѣлы?— Царина жъ рече: отъ тѣхъ звѣрей досѣлы ми потребу, что пазы дѣлають межъ неба и земли, косяныи крыльи имѣють, на небо не взирають, глаза не имѣють. Соломанъ же поразумѣвъ, что царина хочетъ *остриши* ясти, тогда Соломанъ повелѣ поваромъ своимъ остриши досѣлыи. Въ томъ же тоиѣ продолжается бесѣда имъ и далѣе; загадки идутъ за загадками и мудрость Соломона всегда одерживаетъ верхъ. Восточное происхожденіе повѣсти ясно обнаруживается въ ея складѣ: споры о мудрости, выражаемые загадкою; пари, окруженныя мудрыми совѣтниками, составляютъ очень извѣстную принадлежность Восточной поэзіи; особенная форма загадки, доводимой постоянно ad absurdum, какъ увидимъ далѣе, уже знакома намъ изъ Восточнаго сказанія о Синагришѣ. Нѣкоторыя загадки Южской царины имѣють много вариантовъ въ сказочномъ эпосѣ разныхъ народовъ. Когда первое испытаніе было сдѣлано — царина жъ вѣли повелѣ порадити молодны, и дѣвчцы красныя остриши и въ мужескіи порты обѣлыи, и постави ихъ предъ царемъ Соломаномъ, и рече: повѣдай ми, Соломане, которыя *полю* молодны, а которыя дѣвчцы? — Тогда Соломанъ повелѣ слугамъ своимъ принести орѣховъ и предъ ними посыпаша, и повелѣ имъ грабити. И начана молодны по своему чину орѣхи грабити и въ корваны (= *ворух*, карнавы своя кладуца; дѣвчцы же начана грабити и въ рукавъ сыпаша. Тогда Соломанъ разумѣ, кое молодны и кое дѣвчцы, и все царинѣ расуди». Не собирая многихъ аналогическихъ примѣровъ, укажемъ только Волошскую сказку (Schott, 125 — 135), основанную на подобномъ различіи загадокъ, и разсказъ изъ Тибетскаго Дзангуна, въ которомъ мудрая дѣвушка отгадываетъ загадки, предлагаемыя однимъ царемъ другому: она отгадываетъ изъ двухъ одинаковыхъ лошадей мать и жеребенка, изъ двухъ одинаковыхъ амѣй отличаетъ самца и самку, въ совершенно ровной пшлѣ указываетъ верхній и коренной концы. Dsanglun o. der Weise und der Thor, aus d. Tibet. üb. v. Schmidt. St.-Pet. 1843. 2. 190. Ботле простой вариантъ нашего разсказа внесенъ въ сборникъ Михаила Глики; здѣсь онъ

переданы такимъ образомъ: Εὐπίστου παῖδας Ἀρρήνῃς τε καὶ
λαίας ἑμετρέπω σπολῇ καὶ κούρῃ τῇ αὐτῇ κ' ἄλλοπίσσυσα, παρέ-
σεν αὐτῷ, ζήτησα ἑκατέρου γένους αὐτῶν διάκρισιν ποιήσατο.
Ὁ δὲ νόησται τούτους προσπαῖνας τὸ πρόσωπον, ἑκατέρων
εὖσιν διέγνωκε. Τῶν μὲν Ἀρρήνων ἀνδρικόως τὰς ὄψεις καταψά-
των δὲ τηλειῶν ἀπαλώς. Ἡ δὲ ἐκπλαγέστα εἶπεν, ὅτι πλείονα
ρακα ὑπὲρ ὅ ἴκευσα· *Fabricii, Cod. pseudepigr. V. T. I, 1031* —
Царина не удовлетворялась такими доказательствами Соло-
моной мудрости —

..... Она же отиде во свою землю и пошла въ велии премуд-
рости Соломоновѣ; пришедши же ей во свое царство, и нача мнѣ-
съ философы своими, кого послати къ Соломану и что глагола
посла царина слугу своего, рекше прииди, Соломане, блженато а
ншмъ, а умногѣ съ умнымъ? — Соломанъ же тои разумѣвъ, пос-
виша съ скоморохомъ, а философа съ книжани. Она же подишеть
мудрости его. Царина ю Соломанъ въ себѣ, и приде тогда на
и возва ю за обѣтъ, отиешу же обѣду царь Соломанъ съвнше-
ляры своими и философы, царина же противъ съвнху со своимъ
досогы, и хоташе искусити Соломана, и рече что есть че-
статы — сухо, горечѣ, мокро, студено, ими же весь мѣръ состоитъ.
Отвѣщавъ Соломанъ: сухо — весна, горщце — лѣто, мокро —
студено — зима.

• И рече царина: аще соль ишнѣтъ, то чѣмъ ея пособити,
не ишнѣтъ? — Соломанъ же рече: рогомъ коневымъ. — Она же
а коли у коня рогъ ишветъ. — Соломанъ рече: а коли соль ишнѣтъ?

• Царина же рече: а коли мервѣтъ восплачетъся, чѣмъ его
ишнѣ, дабы не плакати? — Соломанъ рече: мланое вино дати е
Она же рече: како можеть во млѣ вино здѣлати? — Соломанъ
а коли мервѣтъ ишнѣтъ?

• Царина рече: а коли ишнѣ поростеть пожа, чѣмъ ю пожа
Соломанъ рече: со всего свѣта собрать росу, и къ темъ свннѣ
вица, тѣмъ ю позати. — Она же рече: како можеть въ роуѣ рук
ишнѣ? — Соломанъ же рече: а коли вырослетъ ишнѣ пожа?

• Царина рече: аще напоишнѣта море воды, куда потекутъ
— Соломанъ рече: на небо теци. — Она же рече: какъ можеть
на небо теци? — Соломанъ рече: а коли напоишнѣта море мож

• Царина рече: что ~~есть~~ не гнѣющее на земли? — Соломанъ
душа челоѣческаа. — Царина рече: что думѣ всего на семь свѣт?

Соломанъ рече: правда. — Царина рече: кому подобна иждость бо

Соломанъ рече: солнцу, солнце сіяеть на змъхъ и на блгнѣхъ, такоже и Богъ милуетъ праведныя и грѣшныя.

- Царца рече: еси въ земли нашей владеи всеми чюдехъ, самородехъ, и далече отъ града нашего стоишь — чѣмъ съе приближити — Соломанъ рече: *ужиньсье неспичимъ* привести его ко граду. — Фидосова же цариньныя рече:а: госпоже царше, не жонци вамъ противъ Соломана и его мудреть. — И тако царца отонде съ мудреть своими, диваяся Соломану

Затѣмъ сказаніе переходитъ къ другому предмету: Соломонъ желаетъ показать свою премудрость передъ великими царями и идетъ въ дальнюю страну, къ царю Индійскому; въ рассказѣ упоминается далѣе Фараонъ и царь «сизъ Перендъ», но какого рода описываются здѣсь приключенія, понять трудно, потому что списокъ не доконченъ и далеко не полонъ. Въ замѣчательномъ Румянц. хронографѣ 1494 г. находится другая редакція сказанія о Южеской царинѣ, на об. л. 329—332 («о оукии кон прцо» (нач. «и бы прца южеская иноплеменнина мменъ малкатышка си прей» икъсен' соломона загадка"»). Румянц. статья должна быть особенно любопытна какъ свидѣтельство о древности этихъ сказаній, которая безъ сомнѣнія относится къ старому періоду Русской письменности, когда преданія, образовавшіяся на почвѣ полу-восточной, переходили къ намъ посредствомъ литературы Византийской и южно-Славянской.

Столько же давне въ письменности нашей другое произведение, основанное на преданіяхъ о мудрости Соломона. Это такъ называемыя «суды Соломоны», которые одинаково распространены въ западныхъ литературахъ среднихъ вѣковъ: отдѣльныя эпизоды ихъ встрѣчаются и во Французскихъ фавльахъ и въ Итальянскихъ повѣстяхъ и въ другихъ памятникахъ того времени. Въ нашихъ рукописяхъ, сколько извѣстно теперь по печатнымъ каталогамъ, суды Соломона восходятъ до XV столѣтія, но начало ихъ еще древнѣе; въ подлинныхъ сборникахъ они были перѣдки.

Вотъ нѣкоторые списки — Румянц. хроногр. 1494 г. л. 332—336 «суды соломони», выше на л. 328—329 помѣщенъ такъ же одинъ «судъ соломонъ», нач. «се нави идоша 3 мужа на путь свои и муче череса со златомъ. — второи по нашему

изложении: — Румани, хроногр. № 454 гл. 36, 4 «о Соломоне» и друг.

— Толст. 2, 53 Публ. 4-ки XVII, Q, 23 сборн. XVI обр. л. 134—137 «судов премудраго царя Соломона в начале, начини, бысть царь Соломанъ премудры премудрости притчами и гадами» и пр. — Толст. 2, 110, сборникъ упомянутый выше, на л. 511—513 отрывокъ, заключающій только два «суда» и начало третьего.

— Царск., I* 286 Палея начала XVI в. л. 335—342 «еврейскаго царя Соломона, сына Давыдова», нач. «бысть Соломонъ, мужъ мудръ, притчами и гадами».

— Заблужд., вь сборн. XVIII в., I* 82 «повѣсть о мудрости Соломона царя о мужескомъ поуду и женскомъ и брютно питый, по нашему изложению, судъ Соломона».

— Ундольскаго, вь названномъ прежде сборникѣ XV в. находится повѣсть «о судѣ царя Соломана», нач. «когда Соломану прииде».....

Въ Судахъ Соломона излагаются разныя мудрыя рѣшенія его въ самыхъ затруднительныхъ дѣлахъ; характеръ рѣшеній совершенно соответствуетъ требованіямъ восточнаго мысла. Въ Толстовской рукописи 2, 53 суды переданы слѣдующимъ образомъ:

об. л. 134 *Судъ первый* нач. «Во дни Соломона царя бысть мужъ имѣя три сына; умираи мужъ той и призва къ себѣ три сына свои» — онъ сказалъ имъ, что у него зарыто въ землю сокровище, «три *суда*, сирѣчь кушныи»; верхнее должно достать старшій сынъ, второму достанется среднее, а меньшему последнее. Сыновья, по смерти отца, отрыли сокровище и нашли, что верхнее было полно золота, второе — костей, третье перети; братья заспорили и пошли наконецъ къ Соломону, бы онъ рассудилъ и раздѣлитъ ихъ. Соломонъ отдать старшиму сыну золото, среднему скоть и челядь, меньшему вино, рывы и жито.

л. 135 *Второй судъ* нач. «Идоша три мужа и бѣша еврейи на путь и муши на себѣ чресы (= поля) своя полны ала; остановившии на почлеѣ, они согласились зарыть ихъ въ землю, чтобы сберечь отъ разбойниковъ; но одинъ изъ путниковъ всталъ почло и, вынувши чресы, зарыть ихъ въ другое мѣ-

На утро все были равно опечалены прощанием золота, так что ни в комь из них не было подозрять обманщика: но так как кромь них никто не зналъ, гдѣ золото было спрятано, они отправились за рѣшеіемъ къ Соломону. Когда они изложили царю свое дѣло, Соломонъ разказалъ имъ повѣсть: «одинъ отрокъ, обручившись съ дѣвшею тайно отъ ее родителей, бросить потомъ ее, уѣхать въ другую землю и тамъ женился; родители дѣшны, не зная, что она обручена другому, выдаютъ ее за мужа, — однако она открыла сыну тайну, которой не смѣла сказать ему передъ родителями. Новый мужъ не хотѣлъ нарушать чуждаго права и оспиренся съ сынутой въ ее первому обрученнику — спросить, соглашается ли онъ уступить ее: тотъ изъавить согласие и сынути предприняли обратный путь. На дорогѣ на нихъ напали разбойники, но дѣвина разказала начашику ихъ свою исторію и тронутый разбойникъ отпустилъ ихъ не взявъ имъ имущества». Окончивъ повѣсть, Соломонъ спросилъ путниковъ, это изъ этихъ лицъ больше правится имъ. Двое сказали, что лучше всѣхъ безкорыстный и правдивый отрокъ, не захотѣвшій взять чужую невесту: но украшій деньги возразилъ, что разбойникъ по его мнѣнію лучше, потому что возвратилъ имущество, которое ему нужно было бы удержать. Соломонъ укорилъ его, говоря, что онъ охотникъ до чуждаго имѣнія, и путникъ согласенъ съ своимъ обманъ.

д. 138 *Судъ третій* нач. «Во дни Соломана царя бысть мужъ богатъ въ Вавилонѣ и не имѣаше дѣтей; изъавишу же ему половину дней св.ихъ, и постави себѣ раба въ сына мѣсто». Онъ послать его торговать, и рабъ, работавши въ Иерусалимѣ, стать на законѣхъ считается «в болверехъ». У хозяина его родился между тѣмъ сынъ и вскорѣ послѣ того отецъ умеръ; сынъ выросъ и услышавъ отъ матери о работавшемъ рабѣ отца, отправился въ Иерусалимъ. Тамъ онъ увидѣлъ прѣзвѣнаго раба сидѣщаго за обѣдомъ у Соломона; отрокъ спросилъ, тотъ ли это богатъ, что былъ прѣжде рабомъ, и подошевши, ударить его по лицу: всѣ изумились и отрокъ обвинилъ, что ударилъ раба отца своего. Чтобы повѣрить слова его, Соломонъ велѣлъ привести мать Вавилоня и тещину мать его отца, и потомъ пусти

кровь сыну и рабу, кровь послѣднего не пристала къ кости; кровь сына напротивъ остается на ней.

объ. д. 139 *Судъ четвертый* нач. «Во дни Соломана царь бысть мужъ имѣй шесть сыновъ, а седмую дщерь». Умирая, отецъ отказалъ дочери тысячу золота, а все имѣніе отдать старшему сыну; остальные начали спорить противъ этого распоряженія и пришли на судъ къ Соломону. Чтобы разрѣшить имъ дѣло, царь велѣлъ братьямъ принести правую руку отца ихъ, а между тѣмъ послать отроковъ своихъ посмотрѣть, какъ они это сдѣлаютъ. Отроки рассказали ему, что пятеро сыновей хотѣли взять руку мертвато отца, но старшій обхватилъ гробъ руками и не допустилъ ихъ до этого. Соломонъ призвалъ братьевъ и присудилъ все имѣніе старшему, потому что остальные не были истинными дѣтьми этого человека; когда была призвана и мать ихъ, она признала справедливость рѣшенія. — Во Французскомъ фавлье *Le jugement de Salomon* находится подобный рассказъ; братья спорили о наследствѣ, и Соломонъ велѣлъ имъ стрѣлать въ мертвое тѣло отца — кто попадетъ, тотъ получитъ имѣніе; когда старшій выстрѣлилъ, Соломонъ отказалъ ему въ наследствѣ и отдалъ имѣніе другому брату *Barbazan et Meon, Fabliaux ou Contes des poetes fr. de XI — XV siecles, Paris 1808, 2, 440—442*. Исторія передана также въ 45-й главѣ ивритскаго сказочнаго и легендарнаго сборника среднихъ вѣковъ — *Gesta Romanorum*, — и отсюда перешла и въ Русскій переводъ этого произведенія.

д. 141 *Судъ пятый* нач. «Посемь же Соломанъ царь помысли, испытать хотя, что есть смелость мужески и что есть женски, и призва богарина своего, отъ своихъ ему предстательными ему Декирь, и рече наединѣ ему» и т. д. Соломонъ обѣщавъ раздѣлить съ нимъ царство, если онъ отсѣчетъ голову своей женѣ; Декирь не рѣшился исполнить царскаго повелѣнія и скорѣе хотѣлъ подвергнуться тѣлу Соломона, нежели сдѣлаться убищею матери своихъ дѣтей. Тоже испытаніе повторено было и съ женою, которая за царскую милость тотчасъ готова была погубить мужа. «Соломанъ же царь славыи повесть внести въ соборникъ повесть сию и сказа веждемъ своимъ о томъ, яко двавиися имъ, и рече царь, обрѣтохъ въ пылани му-

же мудрыя многи, а жены необрѣтохъ во тѣхъ ни единой мудрой, — во всемъ свѣтѣ». Эта повесть, какъ увидимъ далѣе, занесена такъ же въ старинное Русское «своученіе отца къ сыну о женской злобѣ», — потому что очень идетъ къ основной мысли сочиненія.

д. 146 — 147 *Судъ шестой* нач. «И въ то время сотвори Соломанъ царь ширь великъ богаромъ своимъ и вельможамъ и вѣмъ отрокомъ своимъ и г. д. Повестьный разказъ о спорѣ двухъ женщинъ за ребенка, находящійся и въ древней редакціи Маркольфа, откуда перешелъ въ Итальянскую исторію Бертольдо и въ другія произведенія популярной литературы.

Повесть не встрѣчалась болѣе поздние списки «судовъ», другія повѣсти также повѣсти не многи, но уже изъ примѣра перваго сказанія можно видѣть, что эти разказы находили въ старину большое сочувствіе въ читателяхъ и до некоторой степени стали принадлежностью чисто-народной словесности. Интересная прикоченія, сказочная подробности, неопредѣленность лицъ и событій, безпрестанныя загадки и мудрыя рѣшенія, прамель фантастическаго начала, все это напоминало отчасти эпические мотивы народной поэзіи и придавало этимъ сказаньямъ особенную завлекательность. Сербскія сказки, издаанныя Караджичемъ, представляютъ любопытные факты въ этомъ отношеніи и отчасти дополняютъ тѣ данныя объ исторіи этихъ мифовъ, какія находятся въ старой нашей письменности. Въ одной изъ сказокъ, нг. 42, повторилося преданье о Соломонѣ, соответственное Германской повѣсти о Морольфѣ и весьма близкое къ старинной Русской повѣсти: отсюда обнаруживается соотношеніе народной сказки съ памятниками письменной литературы. Другая сказка, у Караджича нг. 41 «Февојка, удовина и пуштина», предполагаетъ такое же книжное начало. Одинъ человекъ задумалъ жениться: ему предлагали въ жены одни — дѣвучку, другіе — вдову, третьи — жену, разведенную съ мужемъ: въ три правились ему одинаково и онъ совершенно недоумѣвалъ, которую изъ нихъ выбрать, — наконецъ одинъ старикъ посоветовалъ ему идти къ «премудрому». Пришедши на Соломоновъ дворъ, онъ увидѣлъ ребенка, развязавшаго верхомъ на палочкѣ, и спросилъ его о своемъ дѣлѣ; Соломонъ — это былъ

именно онъ — отвѣчать ему: «ско умени девојку, ти знаш; ако умени удовицу, она зна; ако ли умени пуштенницу, чувај се мота кова!» — и съ этими словами ударить его слетка по ноги. Человѣкъ удивился странному отвѣту, но тотъ же старикъ объяснилъ ему значеніе этихъ словъ: если онъ женится на дѣвушкѣ, то будетъ главой въ семействѣ; если женится на вдовѣ, то жена будетъ управлять имъ; если же возьметъ разведенную жену, то долженъ спасаться, чтобы и съ ними она не сдѣлала того же, что съ первымъ мужемъ. — Следовательно, это также одинъ изъ «судовъ», по своему загадочному рѣшенію сходный съ повѣстью Боккаччо, *giorn. IX. nov. 9*. Источникомъ сказки былъ древній сборникъ «судовъ», который былъ извѣстенъ въ древней Сербской литературѣ, какъ и въ нашей письменности. Въ третьей Сербской сказкѣ, у Вука нр. 43, къ Соломону отнесено испытаніе морской глубины и небесной вышины, которое въ баснословномъ повѣствованіи псевдо-Каллисоена приписывается Александру Македонскому; летанье на птицахъ описано отчасти такъ же, какъ въ Арабской сказкѣ о Синагриѣ или въ Планидовой біографіи Езона, но болѣе сходно съ псевдо-Каллисоеномъ. Воздушные полеты на птицахъ или на змѣѣ могли принадлежать и національному преданію, потому что упоминаются и въ Славянскихъ мифахъ; но въ этихъ послѣднихъ неизвѣстно, касается ли испытанье морской глубины, какое сдѣлано было Александромъ и Соломономъ, и потому скорѣе должно видѣть въ Сербской сказкѣ чужое преданіе, самимъ народомъ привязанное къ имени царя, мудрость котораго была уже знаменита по другимъ сказаніямъ. Вообще наши повѣсти и Сербскія сказки о Соломонѣ представляютъ разрозненныя части цѣлаго цикла сказаній объ этомъ лицѣ, сроднившася и съ многими чисто-народными; возстановить и объяснить этотъ циклъ теперь тѣмъ труднѣе, что повѣствовательный и сказочный отдѣлы Славянской народной литературы до сихъ поръ извѣстны очень мало.

Омѣляя наконецъ статьи, относящіяся къ преданіямъ о Соломонѣ и которыхъ намъ не случится просматривать — *Толков.* 1. 306 скорон. сборн. XVII в. д. 325—326 — повѣсть дивна о царѣ Соломонѣ. — *ibid.* 2. 195 Публ. Бѣлн XVII. Q. 67 скорон. сборн. XVII в. д. 134—135 повѣсть того же назва-

ния — Б-ки Моск. Общ. , I^o 213 сборн. нач. XVIII ввек, л. 155—158 повесть о премудрости Соломона царя, о правоучении человеческого житія и о спасеніи душъ христіанскихъ.

Въ старинныхъ сборникахъ нашихъ встрѣчается и много другихъ полу-апокрифическихъ исторій, которыя съ теченіемъ времени перерождались въ обыкновенныя сказочныя повѣсти. Таково, напримеръ, «Сказаніе о золотомъ древѣ и о царѣ Левтасарѣ» (нач. «Сать семь царь Михаилъ благочестивъ злато» въ небольшомъ Погодинскомъ сборникѣ П. Б-ки, I^o 1776, л. 9—14, гдѣ въ разсказу о золотомъ древѣ, на которомъ были «цѣны златыя и серебряныя, а цюють различными класами», — странно присоединена передѣланная исторія Валтасара. Другой вариантъ разсказа «о царѣ Валтасарѣ Вавилонскомъ» находится въ Толст. сборникѣ 2, 53 на об. л. 147—149 (нач. «Валтасаръ, царь Вавилонскій, взять сосуды церковныя» и проч.). Впрочемъ разборъ подобнаго рода произведеній не относится къ нашей задачѣ, хотя и могъ бы доставить не мало любопытныхъ фактовъ для объясненія старинной популярной словесности; многія повѣсти этого разряда, иногда принадлежанія глубокой древности, продолжаютъ свое существованіе и теперь въ извѣстномъ классѣ читателей.

Упомянемъ наконецъ повѣсть «о двѣнадцати снахъ Мамера царя», о началѣ и содержаніи которой мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній, потому что не находимъ ея въ рукописяхъ Толстовскихъ и Руманевскихъ. Въ другихъ собраніяхъ списки ея перѣлки, и сколько можно судить по описаніямъ въ каталогахъ, она должна относиться къ тому же апокрифическому отдѣлу и имѣеть нѣсколько различныхъ между собою редакцій.

Списки Б-ки Моск. Общ. , I^o 211 сборн. начала XVIII ввек, л. 186—193 Слово о снахъ Мамера царя безъ конца, нач. «Бысть въ нѣкоихъ странахъ древнихъ градъ, именемъ Дириній», — , I^o 213 сборн. нач. XVIII в. л. 150—155 Слово о послѣднихъ снахъ видѣніе царя Приица, именемъ Мисерта злато пречуто и узасно — конечно то же самое — , I^o 217 сборн. XVII в. л. 80—103 Сказаніе о 12 снахъ Мамера царя, нач. «Въ нѣкоихъ странахъ древнихъ градъ, именемъ При

ней; въ этомъ сборникѣ помѣщены болѣею частью статьи историческаго характера, къ которымъ принадлежитъ и это сказаніе. — № 223 сборн. повѣст. об. д. 796—805 «Сказаніе о дѣхънадесяти снахъ илюкому царю богомудрому».

— Цркв. № 389 сборн. XVII в. д. 415—438 «Сказаніе о снахъ Мамера царя». — № 407 сборн. XVII в. д. 425—433 «Сказаніе о 12 снахъ, иже провидени будуть на послѣдніе времена», ич. «градъ Аршенескъ, а въ немъ царь Шаханцъ? видѣвъ 12 сновъ и бысть о нихъ велии печальствъ».

— Утвольскаго, тотъ же сборникъ XVII вѣка заключаетъ и «повѣсть како видѣхъ? царь Мамеръ единой ноци 12 сновъ», ич. «бѣ не въ конхъ страхъ» и проч.

IV.

Исторія Варлаама и Иосафата. — Причи нравственнаго религіознаго содержанія. — Старинныя сборники загадокъ. — Стихъ о Голубиной книгѣ. — Повѣсти, основанныя на загадкахъ.

Западно-Европейскія литературы имѣли свои, довольно тѣсныя связи съ Визанціею: много сказокъ, повѣстей и преданій перешло въ нихъ съ востока путемъ Византійскихъ переводовъ и передѣлокъ и потомъ обрабатывалось ими болѣе или менѣе самобытно; многое шло прямо изъ Византійскаго источника или устнымъ преданіемъ или черезъ литературныя сношенія. Такимъ образомъ распространилась между прочимъ и знаменитая исторія Варлаама и Иосафата: на западъ, основаніемъ ея извѣстность была Латинскій переводъ съ Греческаго; у насъ переводъ старо-Славянскій

Исторія Варлаама и Иосафата, или Иосафа, — духовный романъ, чрезвычайно любимый въ средніе вѣка. Сюжетъ состоитъ въ разсказѣ о томъ, какъ мудрый пустынный Варлаамъ обратилъ въ христіанство Индійскаго царевича Иосафа, не смотря на всѣ гоненія жестокаго отца его Авишира. Варлаамъ явился къ царевичу подъ видомъ кушца, предвѣщающаго драціонный камень, и объяснилъ Иосафу, что камень этотъ изображаетъ царство небесное, котораго всего легче достигнуть удаченіемъ и молитвою; въ такомъ видѣ представляетъ Варлаама старинная

графора XVII столѣтія, сдѣланная Симономъ Лавровымъ и приложенная къ Московскому изданію этой исторіи. Авторомъ этого произведенія нѣкоторые старые рукописи и рукоябулы называютъ Іоанна Дамаскина, другіа просто Іоанна; въ иныхъ Греческихъ текстахъ имя автора есть Іоаннъ Синайскій или Іоаннъ Пустычникъ. Въ заглавіи владшаго Греческаго текста поставлено имя Іоанна, монаха въ монастыря св. Саввы: *Ἱστορίᾳ ὑποφωτιστῆς ἐκ τῆς ἐνοπέρας τῶν Ἀγίων λόγος τῆς Ἰουδαίου λειτουργίας πρὸς τὴν ἁγίαν πόλιν μετενεχθεῖσα διὰ Ἰωάννου μονάχου πατρὸς καὶ ἐναγέτου μόνος τοῦ ἁγίου Σάββα ἐν ἧ ἑ βίβλῃ Βαβυλῶνα καὶ Ἰουδαίῶν τῶν ἀσείρων καὶ μακαρίων*. Смысленіе имени могло произойти тѣмъ легче, что Дамаскинъ жилъ такъ же въ этомъ монастырѣ. Большая часть позднѣйшихъ ученыхъ не рѣшаются приписать исторію Варлаама Дамаскину и вопросъ до сихъ поръ остается нерѣшеннымъ; иные считаютъ ее сочиненіемъ какого нибудь восточнаго, быть можетъ Эфиопскаго или Абиссинскаго Христианина, сочиненіемъ, перешедшимъ потомъ въ Греческую литературу. Что пустынный Варлаамъ былъ лично историческое, видно изъ свидѣтельствъ Василія Великаго и Іоанна Златоуста, по словамъ которыхъ Варлаамъ жилъ въ III — IV столѣтіи по Р. Х., въ землѣ Синаирѣ, въ Азій. Первымъ основаніемъ западныхъ редакцій Варлаама и Иосафата были Греческій текстъ, переданный въ Латинскомъ переводѣ Георгія Трапезунтскаго Georgius Trapezuntius; легенда принесена была въ 1220—33 г. изъ Константинополя въ Германію аббатомъ Гинто и разошлась очень быстро. Исторіи получила сперва нѣсколько Нѣмецкихъ и Французскихъ обработокъ въ стихахъ и въ прозѣ; по сѣверно-Французской передѣлкѣ сдѣланы были въ началѣ XIV вѣка переводы Итальянскій; изъ Нѣмецкой литературы произошла Шведская народная книга *Varlaam och Josaphat* и Нидерландская *Varlaams-saga*; по Латинскому подлиннику составилась Испанская редакція. Въ Чешской литературѣ переводы Варлаама и Иосафата появились еще въ концѣ XV столѣтія Jungmann (113); Польскій переводъ Куликовскаго сдѣланъ по Латинскому Як. Боллія и напечатанъ въ Краковѣ 1688 гр. Bentkowski 2, 396. Печатныя изданія Варлаама очень давно: editio princeps одного Латинскаго перевода — *Incipit liber gestoru bar-*

laam et iosaphat servoru dei greco sermone editus a iohane dama-sceno viro sancto et erudito — вышедшее s. l. et a., относясь къ 1370 — 80 годамъ (Argent.), следовательно въ числу самыхъ рѣдкихъ книжнабуловъ; очень стары такъ же Шмецкое и Чешское изданія; объ Англійскомъ см. *Hutt. Bibl. Britannica* 282 x. Наконецъ исторія Варлаама извѣстна и въ нѣкоторыхъ восточныхъ литературахъ: Еврейская передѣлка ея подъ названіемъ «царевичъ и дервишъ», составленная по Арабской редакціи, есть одна изъ любимыхъ книгъ новой Еврейской литературы; изданна и досель она печатается перѣлко и переведена теперь на Шмецкій языкъ *Meisel, Prinz u. Derwisch. Stutt.* 1847; объ Армянской передѣлкѣ — *roman d'Yovasaph et Baragham* — упоминаетъ ак. Броссе въ своемъ отчетѣ объ археологическомъ путешествіи въ Грузію *Rapports sur un voyage etc. St.-Pet.* 1849. 1 livr. p. 59. Нѣкоторые замѣчательные факты въ литературной исторіи Варлаама и Иосафа объявлены или открыты только въ последнее время и потому до сихъ поръ нѣтъ общаго обзора ея, въ которомъ бы вполне представлены были начало и судьба этого произведенія; такъ, недавно только опредѣлена ак. Дорномъ Арабская редакція Варлаама, найденная въ рукописи, принадлежащей Его Высочеству А. С. Порошу.

Библиографическія и литературныя замѣчанія у *Grässe, Sagenkreise* 460—463, *Lehrbuch* 2, 1, 351 ff.; — *Fabricii, Bibl. gr. ed.* Harless 9, 737, 12, 73; — *Val. Schmidt* въ *Wiener Jahrb.* Bd. 26, S. 33 ff. и др. Грецкій текстъ изданъ *Byzantinorum* въ его *Ἀνέκδοτα*, *Anecd. graeca*, Paris. 1832, t. 4, 1—365; — *Schubert* въ *Wien, Jahrb.* Bd. 63, 74—83, Bd. 72, 274—288, Bd. 73, 176—202. Скандинавская ред. *Varlaams ok Josaphats saga*, Christ. 1851. Норманнскія изданія *Steinschneider* въ *Zeitschr. d. d. morg. Ges.* 1851, 5 Bd. 1-es Heft. ак. *Дорн* и Мининговъ въ *Bulletin hist.-philolog.* t. 9, 1, 20—21. Характеристику содержанія см. у Дюлоа 27—32, *Novétyca ib.* 164—166.

Русскій или впрямь старо-Славянскій переводъ Варлаама давно уже приключилъ къ этой литературной исторіи; древнѣйшіе списки его восходятъ къ XIV — XV столѣтіямъ. Варлаамъ и Иосафъ, въ старо-Славянскомъ переводѣ, принадлежатъ къ южно-Славянскому письменности въ той же, если не въ боль-

ней, степени, какъ и Русской: онъ принадлежитъ, безъ сомнѣнія, той эпохѣ, когда между ними поддерживалось деятельное общеніе въ памятникахъ литературы. Миклошачъ упоминаетъ Сербскую рукопись Варлаама, принадлежавшую XVI вѣку (Vergleich. Gram. d. slav. Spr. I, xiv). Какъ на западъ, такъ и у насъ, исторія пользовалась большимъ уваженіемъ: почти въ каждой изъ старинныхъ нашихъ описей книгъ упоминается одна или нѣсколько экземпляровъ Варлаама и Юсафа. Укажемъ для примѣра переписанную книгу домовою казною патр. Николая, описъ книгамъ митроп. Павла, Сарскаго и Подонскаго, описъ степенныхъ монастырей, составленную въ XVII столѣтіи (Времен. кн. 15, Чтенія 1848: въ послѣдней «книга Юсафа или Асафа паревича» упоминается безпрестанно, — подъ № 2044 означена «книга Юсафа паревича, въ доскахъ, писаная, въ десть л. с. in-folio, *сетла, на ларитинѣ*). Объ успѣхѣ Варлаама, кромѣ значительнаго числа списковъ его, повѣстныхъ теперь, можно судить и по тому, что въ XVIII-мъ столѣтіи вышло два изданія этой книги: одно для Бѣлорусскихъ читателей, другое въ Москвѣ. Первое, въ четверку, съ слѣдующимъ заглавіемъ, помѣщеннымъ среди грубыхъ изображеній Варлаама, Юсафа, Ю. Дамаскина, патр. Авенира и пр.: *Исторія або Присовѣе свитскихъ с. ст. Юліана Дамаскинъ о житиі свѣ Прѣ: бѣхъ Варлаама Ісаафа и о пазрѣннѣ Тибіанъ*. Старшезъ и контомі Іноковъ Общежительного Монастыря Кутеевскаго, ново Греческаго и Словенскаго на Рускій языкъ предложена. въ Типографіи тоіи обители. Року 1744 июля 16 днѣ; затѣмъ на 4 л. предмова, на 4 л. оглавленіе, въ книгѣ 363 листа. Въ предисловіи издатели объясняютъ, почему они издали «ново простымъ языкомъ Рускимъ для свѣдѣйнаго т. е. легчайшаго» понятія и науки» эту книгу, которая вмѣстѣ съ другими сочиненіями Дамаскина «на семомъ Вселенскомъ соборѣ апробована, а за часомъ въ Керцеского на Латинскій и Словенскій языкъ предложена»; на послѣднемъ листѣ «письмо святого Юсафа, когда вышолъ на пустыню» и затѣмъ «пересторога до ласкаваго чителника», котората проситъ о исправленіи ошибокъ. Московское изданіе folio; на заглавномъ листѣ прекрасно выразированныя Симеономъ Ушаковымъ изображенія мира и брани; заглавіе: «Во славу Святыхъ Троицы,

Огня и Сына и Святаго Духа: Повеланіемъ благочестивѣйшаго великаго государя нашего царя, и великаго князя *Теодора Алексѣевича*, всея великія, и малыя, и бѣлыя росіи самодержана: Благословеніемъ же въ духовномъ чину огна его и богомола, великаго господина святѣйшаго Курь *Іоакима*, Патріарха Московскаго, и всея росіи: Издадеся книга сія содержащая Історію, или повѣсть святаго и преподобнаго огна нашего Іоанна, иже отъ дамаска, о преподобномъ отцѣ Варлаамѣ пустынножителіи: и о Іоасафѣ царѣ Индійстемъ... Въ царствующемъ великомъ градѣ Москвѣ, въ типографіи верхній: Въ лѣто отъ сотворенія мира, зрѣно: Отъ рождества же по плоти Бога Слова, аѣи: Індікта, д: Мѣсяца сентевріа». На л. 1—4 «предисловіе къ читателю», въ стихахъ, и оглавленіе, на л. 5—13 служба святымъ (поибри 19); затѣмъ, по новому счету, л. 1—4 «стисы красогласіи въ похвалу преподобнаго огна нашего Іоасафа царя индійскаго», за которыми слѣдуетъ табличка пѣть буквъ, въ известномъ порядкѣ составляющихъ фразу, — роль шарльда, — потомъ другая уже упомянутая нами картинка Симона Ушакова, и затѣмъ на л. 1—215. Последніе два листа заняты новыми стихами, въ которыхъ заключается «молитва святаго Іоасафа въ пустыню входяща», отличная отъ помѣщенной въ первомъ изданіи. Въ описаніи старопечатныхъ книгъ гр. Толстаго оба изданія отмѣчены подъ № 87 и 164, Царскаго № 108 и 213. Укажемъ теперь нѣкоторые списки:

— Толст. 2. 89 Публ. Б. ки. I. Q. 315 рукопись XV вѣка на 200 л. «Сіе писаніе дѣяно по бѣ воутренамъ іерусалимскыи страны гдѣмыа индіа въ градѣ чѣныи пренесено ꙗко іоанноꙗ мншоꙗ иже чѣныи и добродѣтелиꙗ монастырѣ сего савы внейже житіе варлаамꙗ іасафа приимаꙗвою и бжѣвеною, гдѣ бѣгви., нач. велики оубо дѣомъ бжѣимъ воини сꙗ, си сꙗтъ сѣбе бжѣи и пр.» — Толст. 1. 255 представляетъ другой списокъ XV-го вѣка. Рукопись XIV в. указывается въ пред. къ Лавр. лѣт., изд. А. Ком.

— Царск. № 679 рук. XVI в. 273 л. съ тѣмъ же заглавіемъ. — № 90 рук. XVII в. «Повѣсть подана житія святыхъ и преподобныхъ отецъ, пустынножитель и постникъ Индійскихъ, Варлаама пустынника и ученика его Іоасафа

царевича, сына Аветбра царя Иудейскаго. — списано Иваномъ михомъ обители св. Саввы, пже въ Иерусалимѣ. — ся, также № 91; — отрывки изъ Варлаама находятся въ рскахъ XVI в. № 384 и 388, въ сборникахъ XVII в. № 401 и 425, и въ рукописяхъ болѣе новыхъ № 477, 492 и 370.

— Б-ки Моск. Общ. № 157, Патерикъ Печ. нар. XVI в., гдѣ на л. 182—194 находится неполная исторія Варлаама: «Ся книга пришеена изъ внутрення Египція, глаголемыя Иудейскія страны, во святый градъ Иерусалимъ, Иоаномъ михомъ, мужемъ честнымъ и добродѣтельнымъ, сущаго монастыря св. Саввы, пзображеніе душеполезно. — ся книга царя Асафа дѣланіе, ему же наказатель авва пустышникъ Варлаамъ. — по мѣнью г. Строева *протографъ* подлинныхъ истерій о Варлаамѣ?); странность и несправильность этого выраженія была уже замѣчена г. Ундольскимъ (Москва, 1843, 3, 168); — № 72 рук. конца XVII в. на 384 л., заглавіе почти такъ же, какъ въ Царск. № 90; — № 57 сборн. житіи, XVIII вѣка, стр. 627—681 сокращенное изложеніе истерій. — отъ св. Иоана Дамаскина вкратцѣ собранное; — № 302 рук. XVII в. на 139 л. кажется такъ же сокращеніе. Рукопись М. Общ. № 73 есть списокъ съ Московскаго печатнаго изданія.

Время старо-Славянскаго перевода трудно опредѣлить съ точностью, по недостатку положительныхъ извѣстій; но во всякомъ случаѣ несомнѣнна большая его древность. Сколько можно судить по чертамъ языка въ болѣе древнихъ рукописяхъ, исторія Варлаама могла перейти къ намъ изъ литературы южно-Славянскихъ въ XIV, а можетъ быть въ XIII вѣкѣ, или даже раньше. Старо-Славянскій характеръ языка съ значительной силой выдерживается и въ позднихъ спискахъ. Что касается до подлинника, по которому сдѣланъ былъ нашъ переводъ, нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ былъ Греческій, хотя нѣмало и думали, что прототипомъ нашей редакціи былъ Латинскій переводъ Георгія Трапезунтскаго; самое заглавіе нашихъ древнихъ списковъ представляетъ буквальный переводъ Греческаго заглавія; сравненіе текстовъ окончательно говоритъ за оригиналъ Византійскій. Оба печатныя изданія составлены по тексту рукописей, а не по новому переводу, но конечно не безъ перемѣнъ. — Греческій подлинникъ могъ быть взятъ только для

справки. Труды первых издателей состоятъ главным образом въ переводѣкъ Славянскаго языка на «Русскій», т. е. на Бѣлорусское или Польско-Русское нарѣчіе, какое господствовало у всѣхъ писателей нашихъ того времени, жившихъ и дѣйствовавшихъ въ западной Руси; Московское же изданіе осталось болѣе вѣрно старому чтенію, но подновляло языкъ подъ уровень тогдашняго книжнаго языка. Единство перевода не трудно замѣтить, сличая этотъ печатный текстъ, напримеръ съ Толст. спискомъ 2. 89.

Но справедливому замѣчанію Дюлона, исторія Варлаама и Иосафа особенно интересовала читателей апологами и притчами вложенными въ уста отшельника Варлаама, который пользовался ими для ублаженія царевича. Большая часть ихъ, по своему характеру вымысла, принадлежитъ очевидно восточной фантазіи; за каждымъ разсказомъ слѣдуетъ христіанское поученіе, догматическое или нравственное. Мудрыя притчи Варлаама были очень извѣстны въ средне-вѣковыхъ литературахъ Европы; переводки и подражанія имъ перѣлки въ западныхъ сборникахъ повѣстей, повѣсть и сказокъ. У насъ эти статьи давно уже выбраны были изъ исторіи Варлаама и безпрестанно переносились въ сборники; независимо отъ главнаго сюжета, притчи Варлаама ходили отдѣльными разсказами и по слѣдствію приписывались даже другимъ лицамъ и писателямъ христіанскимъ. Такова напр. «притча о шнорогѣ», какъ названа она въ Толст. рукописи 2. 89, находящаяся въ 12-й главѣ полнѣйшей исторіи: одинъ путникъ, встрѣтивши въ полѣ «шнорога», побѣждалъ отъ него чрезвычайнѣе испуганный, и пошелъ въ пропасть, успѣвъ однако схватиться за дерево и удержался на воздухѣ; путникъ посмотрѣлъ внизъ и увидѣлъ, какъ двѣ мыши, бѣлая и черная, подрывали корень дерева, на которомъ онъ держался; на днѣ пропасти яростно изпадала страшная дымъ дѣлающий огонь, — и хотѣлъ позвать путника; изъ стѣны выходили четыре товы аспидовы. Въ то же время путникъ увидѣлъ на деревѣ каплю меда, и забывъ окружающіе его ужасы, «устремился къ сладости малатаго меда». Притча изображаетъ жизнь человѣческую: шнорогъ, преслѣдующій человека, есть неминуемая смерть; дерево, подрываемое мышами, — время

уходящее съ каждымъ днемъ и ночью; жмѣи огненный — адова утроба, которая стремится пожрать человека; аспидовы главы — «преlestныхъ стихій составъ» т. е. его физическая слабость; капля меду — краткая прѣлестность жизни, заставляющая человека забывать объ ужасахъ смерти и о вѣчномъ спасеніи. Источники этой притчи указывали въ Арабской передѣлкѣ Гитопадезы, известной подъ именемъ Каллиа-ва-Димна (*Lois.-Deslongchamps, Essai sur les fables indiennes* p. 64); отсюда перешла она во многіе другіе сборники, а съ именемъ Варлаама повторяется въ 168 главѣ *Gesta Romanorum* übs. v. *Grässe*, изд. 1850. 2, 103). Рюкертъ перевелъ ее на Нѣмецкій языкъ въ своемъ собраніи, у насъ она известна въ длинной передачѣ Жуковскаго, «изъ Талмуда». Въ старинныхъ сборникахъ «антхъ» «притча о богатыхъ», изд. *Болгарскимъ княземъ* встрѣчается очень часто, иногда съ именемъ, иногда безъ имени Варлаама; въ Румянн. сборникѣ XVII вѣка, № 363, на л. 157 — «выписано изъ пролога и изъ иныхъ различныхъ книгъ о душевной ползѣ», — статьи нравственно-религіознаго содержанія, отмѣченныя по главамъ, между которыми 27-й главой помѣщена притча наша подъ заглавіемъ «слово св. преподобнаго отца нашего *Еорима* (sic) о житіи семь, благослови отче» (т. е. «слово св. отца Еорима о житіи семи, благослови отче» и т. п.); имя Еорима поставлено по ошибкѣ или по другому поводу. У насъ были известны впрочемъ и другой рассказъ этого содержанія, несколько отличный отъ притчи Варлаама и составленный по какой нибудь особенной редакціи аполога.

Укажемъ нѣкоторые изъ многочисленныхъ списковъ этой притчи — *Румянн.* въ новомъ сборникѣ, № 374 — *Царск.* въ сборникѣ и въ Измарицкѣ XVI вѣка, № 373, 412, 691. — въ сборн. XVII в. № 389, 410, 721. — *Толст.* въ рписи XV вѣка 1, 214, въ сборникѣ XVII вѣка 2, 67, 375 и друг. Статья называется такъ же притчей Варлаама со злобой и смерти, притчей Варлаама со богатыхъ и т. п.

Другая притча «о трехъ друзьяхъ», въ 13 главѣ исторіи, рассказываетъ, какимъ образомъ одинъ человекъ, по повелѣнію царя, оставленъ былъ двумя друзьями своими, которыхъ очень любилъ, и неожиданно получить помощь отъ третьяго, кото-

рыми прежде приобретать. Мораль притчи состоитъ въ томъ, что первые два друга т. е. богатство и еродники, не принесутъ человеку спасенія, хоть онъ и заботится о нихъ, а третій другъ т. е. врагъ, надежда, любовь и прочія добродѣтели, хотя и не столько уважаемыи человекомъ, всегда бывають для него благодѣтельны. Притча, также извѣстная въ средне-вѣковыхъ западныхъ литературахъ, въ сборникѣ Царск. XIV вѣка, № 361, л. 81 — 82 названа «притча св. Варлаама о печали житійстей, и о суетнѣхъ богатствѣхъ, и о милостыни» (нач. «человѣкъ и въ кто имѣяше три друзья, двою же любяше и чаше» и пр.); такъ же она означена въ Макарь. Мисевхъ, подл. 16 апрѣля, и въ другихъ позднихъ спискахъ. Въ Патерикѣ Печ. XVI вѣка, Б-ки Моск. Общ., № 157, об. л. 166 — 168 статья названа «притча шестая Варлаама о печали житійстей и о суетнѣхъ богатствѣхъ и о жести и о дитяти и о бѣзлѣи милостыни» (нач. «человѣкъ и въ кто имѣя три друзья» и пр.); въ сборникѣ Царскаго, XVII-го вѣка, № 410 л. 266 — 268, притча озаглавлена «повѣсть великаго Василия», какъ предыдущая приписана была Ефрему.

Другіе списки: — Царск., въ Назаридѣ XVI в. № 142 и 691, въ сборникѣ XVII в. № 389; — Толст., въ сборникѣ XV в. 1. 214; — Б-ки Моск. Общ., въ сборникѣ XVII в. № 222. — Румянц. сборн., № 363 въ указанныхъ прежде спискахъ изъ пролога, глава 45 я. и проч.

Но менѣе любопытны другія притчи, разбѣившія въ исторіи Варлаама, или по своему оригинальному содержанию, или по обширной извѣстности. Одна изъ нихъ, названная въ Толстовскомъ спискѣ XV вѣка «притча о земствованіи царя» и повѣствующая людямъ «милостынею богатства въ небо пресытати», рассказываетъ, что жители одного города имѣли обыкновеніе выбирать себѣ въ цари какого нибудь чужеземца, который бы не зналъ ихъ правотъ и обычаевъ: онъ получалъ все права и наслаждался всеми удовольствіями, какія даетъ власть, но черезъ годъ его лишали царскаго достоинства и отсылали на далекой островъ, гдѣ онъ долженъ былъ вести самую бѣдственную жизнь. На его мѣсто выбирали другого царя, которого царь тотъ постигала таже участь. Многіе пострадали такимъ

образомъ; но одинъ мудрый иноземецъ, будучи выбранъ на-
речь, постарался узнать законы и обычаи жителей, устроилъ
себѣ на островѣ спокойное жилище, отослалъ туда своихъ слугъ
и богатства, и, заточенный на островъ по истеченіи срока, могъ
вести жизнь покойную и роскошную. Правдивый выводъ
состоитъ въ томъ, что люди такъ же должны приготовить себѣ
мирную жизнь въ будущемъ вѣкѣ и заботиться о ней во время
земнаго существованія. Этому разсказу ученые приписываютъ
чисто-восточное происхожденіе, потому что на востокѣ онъ
извѣстенъ не менѣе, чѣмъ на западѣ: онъ вошелъ отчасти въ
74-ю главу *Gesta Rom. Grässe I, 137—140*, находящуюся и въ
Русскомъ сокращенномъ переводѣ этого произведенія, и повто-
ряется въ 40-й главѣ знаменитаго Испанскаго романа, или ска-
зочнаго сборника, XIV вѣка, *El conde Lucanor (Daukop 462)*.
Другая притча Варлаама, въ 6 главѣ исторіи, научающая «яко
не по вѣнчанымъ одеждамъ подобаетъ человека почитать»,
кромѣ *Gesta* и другихъ Латинскихъ и не Латинскихъ сбор-
никовъ, встрѣчается также у Итальянскихъ повелителей и
между прочимъ въ Декамеронѣ *giorn. X, nov. 1*, и въ *Confes-
sio Amantis* Гоуара, I, 5. Шекспиръ, который такъ часто заим-
ствовалъ сюжеты изъ средневѣковыхъ повестей и преданій, во-
спользовался въ Венеціанскомъ куніѣ и этимъ разсказомъ.
Притча «о слани» или о трехъ совѣтахъ, данныхъ соловьемъ
поймавшему его человеку, основывается на одной баснѣ Бидналя
(Lois.-Deslongchamps, Essai p. 71); находится потомъ въ извѣст-
номъ Латинскомъ сборникѣ среднихъ вѣковъ *Disciplina clericalis*
с. 23, въ 167-й главѣ *Gesta Rom.*, въ старинной Французской
передл. *l'oi d'oiselet (Barbazan 3, 114)*, въ разныхъ Нѣ-
мецкихъ пересказахъ *Gödeke, D. Dichtung im Mitt. Hannover*
1854, 640, 650, 671 и проч. Изъ остальныхъ притчъ упомя-
немъ наконецъ о той гл. 29 исторіи, которою такъ ловко вос-
пользовался Боккаччо въ предисловіи къ четвертому дню Де-
камерона (ср. *Daukop 230*).

Большая извѣстность этой исторіи сообщила имя царевича
Юасафа и народной словесности: отсюда объясняется фразеологъ
царевича Юасафа «Осафій съ пустынею», напечатанный Ку-
рлевскимъ въ числѣ духовныхъ стиховъ (Чтенія 1848, 9, 181).

«Пещь» Иосафа царевича находится и в старых рукописях, напр. Толст. 2, 442, Царск., № 492, 570, ср. Оп. Румян. Муз. 623 — 624.

Укажем и несколько других притч, встречающихся в старинных сборниках и по характеру довольно сходных с притчами пустынноца Варлаама. В притч. «о составѣ тѣла человека», иногда приписываемой Иоанну Златоусту, в форме загадки и толкованія изображается смерть человека и переход души от тѣла; в иных списках статья называется «слово притчею сведено, о составѣ тѣла человека и о души» или — «о тѣлѣ человека и о души» и т. п. Она принадлежит къ числу техъ статей, какія всего больше обилие в старыхъ сборникахъ. Вотъ некоторые изъ ея списковъ: въ Толст. сборникѣ XV вѣка 1, 214, на л. 135 и 136, и въ сборникѣ XVII вѣка 2, 442; — въ Румянц. сборн. XVII в., № 363; — Б-ка Моск. Общ., въ сборн. XVII в., № 208; — въ Царск. рукописяхъ XVI вѣка, № 442, 343, 691 и друг.

Къ тому же предмету относится другая притча, по заглавію отчасти сходная съ первой: «слово о притчи, сказанной о тѣлѣ человека и о души и о воскресеніи мертвыхъ» въ сборникѣ Царскаго XVII вѣка, № 401 л. 103 — 105 нач. «селоу въ нѣкото добра рода насѣ и виноградѣ и ошотомѣ оградѣ» и пр.: ср. въ словѣ Кирилла Туров. «о хромци и о слѣпци», и Толст. сборникѣ XVII вѣка 2, 482, л. 204 — 206.

Третья притча озаглаивается просто — «сказано съ толкомъ» — съ толкованіемъ — о ускомъ пути, ведущимъ въ жизнь вѣчную, и о широкомъ пути, ведущимъ въ муку вѣчную» или «слово св. отеч. съ толкованіемъ» и проч. Списки ея перѣдки: — Царскит., въ рукописи XVI стол. № 343, и въ сборникахъ XVII в., № 390, 394, 399, 420; — Моск. Общ. въ сборникѣ XVII в., № 208 и др.

Сюда же принадлежитъ «повѣсть житія душеподельнаго, что есть житіе ея настоящее по чину, притча о дворѣ и о змѣи», означаемая именемъ Златоуста, въ Толст. сборникѣ XVI вѣка 2, 299 л. 109 — 116; въ сборникѣ Моск. Общ., XVII столѣтія, № 193 л. 562 — 569 повѣсть названа «притча душеподельна о змѣи, бесѣдуема о міроу терзателехъ и владыч. власти настоящего

сего житиѣ Слово 52-е отъ Златоусту» Притча эта, скорее принадлежавшая къ области апокрифа, встречается также въ другихъ рукописяхъ и напечатана въ «Сборникѣ», изданномъ при Петрѣ В. въ 1700 г., стр. 388.

Та же повесть пересказана была въ журналѣ 1770 г. Парнасскій Цветникъ стр. 257-261.

Охота къ притчѣ распространилась до такой степени, что старшіе читатели наши съ любознательствомъ списывали и вносили въ сборники и такія притчи, которыя не имѣли никакого повѣствовательнаго или поучительнаго интереса и порождены были одной сухой схоластикой. Такимъ образомъ между повѣстями и рассказами вставлялось «описание кратца свѣдѣно притчею о *году* и о прочихъ предстоющихъ въ немъ» или по другому заглавію «скажется притчею о году солнечномъ, что сего годъ» Парск. I^а 301, Толст. 2. 181 и мл. др., гдѣ преимущественно представляется раздѣленіе времени и разные хронологическіе счеты, и больше ничего; настоящее мѣсто этого рассказа было при свѣцахъ и календаряхъ. Притчами описываются такъ же четыре *времена года*, объясняемыя разными сравненіями и удобствіями; а въ одной изъ Румановъ рукописей встречается даже иллюстрація семи свободныхъ *художествъ* въ видѣ притчи. Само собою разумѣется, что эти риторическія упражненія могли быть интересны только для отчаянныхъ трагистовъ стараго времени.

Въ рукописяхъ XVII столѣтія встречается и притча или иносказательная повесть Русскаго сочиненія, изображающая борьбу смерти съ жизнью: смерть увидѣла въ полѣ убитаго богатыря, отвѣчала на похвалу его описаніемъ своего могущества, и наконецъ двинула его жизнь. Это «рѣшіе смерти съ животою» находится въ сборникѣ Парск. XVII вѣка М^а 410 л. 272 — 278 подъ заглавіемъ: «человѣкъ воинъ удаливъ, бѣжалъ по полю чистому, и по раздолью широкому, избѣжать поля многаго», въ сборн. XVIII стол. I^а 449 л. 33 — 36; въ Толст. сборникѣ XVII в. 2. 442 л. 4 — 8 и въ другихъ рукописяхъ; въ Погодинскомъ сборникѣ XVII — XVIII в. I^а 1773, эта статья помѣщена на л. 86 — 84 подъ заглавіемъ «повѣсть о

бодрости человеческой» (нач. «человѣкъ и кѣи Блжше по полу чистому, по роздолью широкому, конь подь собою имѣи крѣпостию обложенъ, звѣровиденъ» и пр.). Въ этомъ послѣднемъ спискѣ, смерть убѣждаетъ богатыря въ своей силѣ между прочимъ такими примѣрами: «отъ Адама и до сего дни сколько было богатырей сильныхъ, никто же зрѣтливо мене стояти не могъ... Царь Александръ Македонскій храбръ и мудръ и самъ былъ сильный, и онъ говорилъ тако: аще (бы) было колю въ землю вдѣлаю..., азъ бы и всѣмъ свѣгомъ поворотилъ, — да и тутъ не смѣлъ со мною драться; да еще каковы была Акиръ премудрыи, и тотъ спиратися не смѣлъ, да и тѣхъ азъ семь всѣхъ взяла, яко единого отъ сиротъ убогихъ». Любопытно, что этотъ рассказъ о борьбѣ смерти съ богатыремъ повторяется въ преданіи объ ужасномъ разбойникѣ Анискѣ, жившемъ когда-то въ Анкишномъ лѣсу, верстахъ въ десяти отъ Вологды (см. замѣтки г. Погодина, Москв. 1843. II, стр. 245—246 въ смѣси). Какъ и другой народный богатырь, Аниска имѣлъ свою былинну: встрѣча его со смертью представлена въ извѣстной лубочной картинкѣ «Аника воинъ и смерть».

Все эти произведенія не лишены историко-литературнаго интереса въ томъ отношеніи, что были очень распространены, какъ чтеніе доступное для массы. Въ содержаніи старинныхъ сборниковъ часто можно замѣчать намѣреніе составителя собирать статьи подобнаго рода т. е. имѣющія и занимательность разсказа и правоучительныя примѣненія. Небольшіе разсказы были при этомъ тѣмъ больше желаты, что скоро могли быть и прочитаны и списаны; такъ отрывки и притчи изъ Варлаама попадаются чаще, чѣмъ весь Варлаамъ. Изъ каждой прочитанной книги составитель сборника выбирать, что ему особенно нравилось, къ любимымъ и общезвѣстнымъ статьямъ, каковы были притчи Варлаама, прибавлялъ небольшія повѣсти и выписки изъ другихъ книгъ и собраній, перемеживая или вовсе не означая имена авторовъ, — такъ что непривычному трудно ориентироваться въ этомъ случайномъ соединеніи статей разнаго содержанія, происхожденія, иногда и разной цѣли. Въ среднюю эпоху, отъ XIV до XVI столѣтія включительно, въ сборникахъ нѣтъ еще явныхъ попытокъ specialности, или эта специаль-

ность ограничивалась духовно-нравственными повѣстями, заимствованными изъ житій, отшельниковъ, «Старчества» и тому подобныхъ источниковъ. Сборники, посвященные только повѣстямъ и сказкамъ, мы находимъ уже въ XVII столѣтїи, когда ихъ и появилось всего болѣе. Но и прежняя, на половину духовная повѣсть, имѣла своихъ любителей: нѣкоторыя изъ нея произведеній до того сроднились съ понятїями народа, что вошли даже въ его собственную словесность: въ этомъ знакомствѣ съ письменной литературой лежатъ зародыши многихъ поэтическихъ фантазій, каковы напр. такъ называемые «стихи»; иные духовные рассказы уже въ старыхъ рукописяхъ получаютъ отбѣлки народнаго изложенія.

Иногда и вышній видъ книжныхъ произведеній ставилъ ихъ въ нѣкоторую связь съ произведениями народными. Такимъ образомъ притча «о составѣ тѣла человѣча» кромѣ аллегорическаго смысла представляетъ и форму *загадки*. Загадка, какъ и пословица, принадлежитъ къ числу любимыхъ приемовъ всякой народной поэзіи: ея хотѣли выразить пылкость и въ тоже время оборотливость человеческого ума; содержаніе коренныхъ загадокъ всегда относится къ предметамъ, наиболѣе занимавшимъ народную фантазію. Если теперь, съ упадкомъ старинныхъ понятій, загадка низшла на степень обыкновенной забавы отъ нечего-дѣлать, то древнѣйшее значеніе ея соединялось съ основными народными вѣрованьями; потому загадываніе и разрѣшеніе загадокъ принадлежало болѣею частью личностямъ мнѣстескимъ, для которыхъ однихъ доступны были гайнственныя вопросы. Какъ Греческій свѣпекъ предлагаетъ загадки Эдипу, такъ въ Скандинавскомъ преданїи богъ Одинъ спорить о мудрости съ великаномъ Вафгрудниромъ посредствомъ загадокъ: Сербскія вѣлы и наши русалки губить тѣхъ, кто не умѣеть отвѣчать на загадки ихъ. Въ дальнѣйшей судьбѣ своей, загадка теряла первобытнѣйшій смыслъ вмѣстѣ съ исчезаніемъ старинны въ повѣрьяхъ и преданїяхъ; изображая въ загадкѣ подъ разными картинами и образами солнце, мѣсяць, ночь и т. п., народъ понимаетъ теперь ее только какъ поэтическое угоденіе, между тѣмъ какъ прежде въ этихъ образахъ рисовались живыя мнѣстескія представленія. Но и после этого перерожденія

ния, загадка сохранила свою прелесть для народной поэзии, хотя въ содержаніи ея въ послѣдствіи появилось много новаго. Какъ одинъ изъ этическихъ мотивовъ, загадка смѣшивалась иногда съ другими формами народной поэзіи: формой загадки облакалась общезвѣстная поговорка, загадка служила зерномъ, изъ котораго развивались и цѣлыя произведенія: такъ, въ свадебной пѣснѣ женихъ предлагаетъ невѣстѣ загадки — «что у насъ краше свѣту, гуще дѣву, что у насъ безъ умолку, безъ коренья» и пр., — а невѣста отгадываетъ ихъ. Въ названной притчѣ иносказаніе соединено съ формою загадки, такъ что произведеніе книжное сближается здѣсь съ мотивомъ народнымъ. Въ Румянцовскомъ сборникѣ XVII вѣка, № 363, она читается такимъ образомъ:

«Иже рече Писаніе, что есть — егда земля опустѣеть, а царь изнеможеть и силнѣи его разыдутся, тогда разрушатся каменнѣи гради, источницы изсякнутъ, и вѣтри не возвѣють, пути великѣи зачустѣють, престануть жерновы мелюція, и море великое умертвится, многолиственное древо падеть, затворятся двери и врата плодовиата, скоти разыдутся, рабы и рабыни отъ глада изомрутъ, тогда царина изыдетъ отъ престола своего, излетитъ яко твердоокладанная голубица отъ гнѣзда своего»

Такъ. Слышите сказаніе притчи сей — се же, егда опустѣеть земля, рекше не здраво будетъ тѣло; и царь изнеможеть, рекше умъ отыметъ; а силнѣи его разыдутся, рекше мысли пошибнутъ; тогда разрушатся каменнѣи гради, рекше раступятся кости человѣческія; источницы изсякнутъ, рекше слезы отъ очю не потекутъ; вѣтри не возвѣють, рекше дыханіе отыметъ; пути великѣи зачустѣють, рекше торганы . . . ; престануть жерновы мелюція, рекше зубы; затворятся двери и врата, рекше уши и уста; море великое умертвится, рекше утроба человѣческая, многолиственное древо падеть, рекше многоглаголивый языкъ; плодовиата врата заграются, рекше многословесныя уста, скоти разыдутся, рекше лукавыя помыслы пошибнутъ, рабы и рабыни отъ глада изомрутъ, рекше руки и ноги прожогнутъ (sic); тогда царина изыдетъ отъ престола своего и отлетитъ яко твердоокладанная голубица отъ гнѣзда своего, рекше душа человѣческая изыдетъ отъ тѣла

Мы видимъ, что всеобщее распространеніе загадки замѣтно и на древнѣйшихъ новѣстяхъ Русской письменности: сказаніе

о Соломоне все построено главным образом на спорѣ двухъ царей о мудрости посредствомъ загадокъ, — въ чемъ оно родственно съ преданіемъ о Соломонѣ, записаннымъ у Иосифа Флавія; мы видели, что и въ нашемъ сказаніи о Соломонѣ загадка играетъ не маловажную роль. Другія переводныя повѣсти такъ же употребляютъ загадку пружиной разсказа, и Русское «слово о кунцѣ Басаргѣ» основано на разрѣшеніи семилѣтнею отрокомъ мудреныхъ задачъ, предложенныхъ нечестивымъ царемъ. Не мудрено поэтому, что форма загадки была отнесена и къ другимъ предметамъ, которые занимали старинныхъ грамотѣевъ и требовали искуснаго объясненія. Въ сборникахъ XVII вѣка находятя статьи подобнаго рода, означаемая неопредѣленнымъ названіемъ «беседа святыхъ отцевъ», чѣмъ хотѣли выразить ихъ назидательное значеніе. Въ диалогической формѣ загадки здѣсь излагались различныя свѣдѣнія, отчасти извлеченныя изъ духовной исторіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ приводилось многое изъ круга народныхъ знаній и преданій. Такимъ образомъ и космогоническія свѣдѣнія, выраженные въ извѣстномъ стихѣ о Голубиной книгѣ, находятъ себѣ подтвержденіе въ подобныхъ письменныхъ памятникахъ: сличенія, сдѣланныя г. Буслевымъ, показываютъ, что народная поэзія тѣсно сближалась въ этомъ случаѣ съ литературой письменной, и что каждая изъ нихъ имѣла свою во взаимномъ вліяніи (ср. Архивъ, Калачова, 1, 20 — 23).

Диалогической формой стихъ о Голубиной книгѣ одинаково соответствовать и книжнымъ памятникамъ этой категоріи, и произведеніямъ народной словесности. По содержанию, онъ очевидно находится въ связи съ преданіями, заходившими къ намъ путемъ литературы: сильно переделанныя на Русскій ладъ имена чудныхъ существъ повторяются одинаково и въ стихѣ и въ старинныхъ азбуковникахъ, бравшихъ свои свѣдѣнія изъ другихъ древнѣйшихъ источниковъ. *Стратимъ* или *истрофилъ* — птица *ἡ στροφίλος*, зѣбрь — *индрикъ* (*Ἰδρυξ*) очевидно того же происхожденія, какъ зѣбрь — витовраць, птица — сиринь или алконостъ, и прочія чудныя птицы и зѣбри, описанныя въ азбуковникахъ. Действующія лица, къ которымъ отнесены въ стихѣ вопросы и отвѣты, составлены по тому же поводу, какъ

въ иныхъ случаяхъ народная поэзія отдаетъ рѣшеніе трудныхъ вопросовъ существамъ, высшимъ челоѣка и по природѣ и по мудрости. Самую сущность вопросовъ можно прослѣдить теперь по памятникамъ весьма различнаго времени и мѣста. Отсылая читателя къ болѣе подробнымъ сравненіямъ г. Буслаева, остановимся на одномъ мотивѣ стиха, гдѣ объясняется, что «помыслы наши идуць отъ облакъ небесныхъ, кости крѣпкіи отъ камня, тѣлеса отъ сырой земли, кровь отъ *черна моря*» (стих. 66—70). Въ сборникѣ Болгарскаго шенма, XV вѣка, принадлежащемъ г. Григоровичу и заключающемъ собраніе преданій и суевѣрій, та же мысль передается слѣдующимъ образомъ въ формѣ вопроса: «что сътвори Богъ Адама? отвѣтъ: 8 чести: 1 честь тѣло его отъ земли. 2 честь отъ моря. 3 честь отъ камня. 4 честь отъ вѣтра. 5 честь отъ облакъ. 6 честь отъ солнца и отъ росы. 7 честь отъ помысла отъ брѣзды ангельскихъ. 8 честь отъ Святаго Духа» и пр. Въ сборникѣ XVI вѣка Троицкой Лавры, въ статьѣ подъ названіемъ «слово св. Григорія Богослова и Василія Кесарійскаго, 1. Златоуста, вопросъ и отвѣтъ» — вопросъ: «отъ колѣка частей созданъ бысть Адамъ?» разрѣшается такъ: «отъ 8 частей — сердце отъ камня, отъ земля тѣло и персти и кости и волосы (*sic*), отъ облака мысли, отъ вѣтра дыханіе, отъ чермнаго моря кровь, отъ огня тепло, отъ солнца очи, самъ Господь дхнулъ въ челоѣка душа» (Наѣст. 4, 134). Въ третьемъ старинномъ сборникѣ, на вопросъ: «отъ колѣкихъ частей Адамъ сотворенъ бысть?» дается еще полнѣйшее толкованіе: «отъ осми частей — первое отъ земли, второе отъ моря, третіе отъ солнца, четвертое отъ облакъ, пятое отъ камня, шестое отъ вѣтра, седмое отъ огня, осмое отъ духа; *толкъ*: отъ земли тѣло, отъ моря кровь, отъ солнца очи, отъ облакъ мысли, отъ камня кости, отъ вѣтра дыханіе, отъ огня плоть, а самъ Господь душу вдохнулъ». Болгарская рукопись XV вѣка не была, конечно, первымъ памятникомъ, гдѣ записано было это преданіе; но древнѣйшіе слѣды его у насъ еще не были до сихъ поръ указаны. Что преданіе имѣло большую извѣстность, доказывается тѣмъ, что у насъ постоянно обращали вниманіе на его недостоѣрность. Въ Руманц. рукописи церковнаго устава 1608 г., № 449 л. 107 въ числѣ бого-

отметных книг названы упомянутые «вопросы и ответы»; в книгу Кирилловой, напечатанной в Москве 1633 года, между «отреченными» (*interdictis*) книгами поставлено: «ино глаголю Василии Кесарійстѣмъ, о Григоріи Богословѣ и Іоаннѣ Златоустѣ — вопросы и отвѣты, что *отъ колѣка частей сотворены бысть Адамъ*, и что Провь царь другомъ Христа названъ, и то цювь Іереміа Болгарскій соплалъ» (ер. Цвѣст. 4, 134). Названная нами Болгарская рукопись и вообще исторія апокрифовъ, въ которой ссылались у насъ на цюва Іеремію, обозначаютъ тотъ путь, которымъ зашло къ намъ преданіе, несомненно принадлежащее далекой старинѣ; оно распространилось давно и въ западной Европѣ, вѣроятно при томъ же Византійскомъ посредничествѣ. Сѣверный мифъ изображаетъ преданіе въ обратномъ порядкѣ, — составныя части міра образовались изъ огромнаго великана: изъ крови Нмира произошло море и вода, изъ тѣла земли, изъ костей горы, изъ зубовъ скалы, изъ черепа небо, изъ мозгу облака, наконецъ — прибавляетъ другая сага — изъ волосъ его родились деревья (*Grimm, Mythologie* 1844. 525 — 527). Но другіе варианты, напримѣръ Фризская редакція этой космогоніи, XIV—XV столѣтія, и Шмецкое стихотвореніе XII вѣка, повторяютъ преданіе почти буквально сходно съ той формой, въ какой оно приводится въ нашихъ письменныхъ памятникахъ (*Grimm ib.* 531 — 532).

Такимъ же образомъ представленія о первенствѣ нѣкоторыхъ предметовъ природы надъ другими однородными предметами одинаково выдержаны и въ народномъ стихѣ и въ старыхъ сборникахъ. Въ рукописи Царск. № 492 приведены тѣ же вопросы: «которое езеро езеръ мати? — кое море всѣмъ морямъ мати? — какъ рыба рыбамъ мати? — какъ птица птицамъ мати?» и пр. (*Бугласъ*, въ Арх. Калач. 2, 2, 51—52), которые дали содержание и стиху. Народная поэзія основывалась конечно не прямо на книжныхъ произведеніяхъ и приняла эти преданія только тогда, когда они уже для всѣхъ стали знакомой вещью. Мы имѣемъ любопытныя свидѣтельства, указывающія, какъ занимательны были въ свое время апокрифическія исторіи и подобныя рассказы. Въ Белорусскомъ переводѣ Іоанна Дамаскина, по Румянц. рукописи XVII вѣка, въ за-

ключении статьи «о ересехъ» (об. л. 219—242) прибавлено, переводчиком или переписчиком, небольшое разсужденіе, гдѣ сказано между прочимъ: «у насъ ани десятиа части книгъ учителей нашихъ старыхъ не преведено лѣности ради и нерадѣнія властей нашихъ, бо инашеиство въку мнѣишеся учителя—грѣхъ ради нашихъ—болшеи въ *болгарскіе бѣсти*, або наче въ бабѣкіе бредни уиражяются,—прочитаютъ и похваляютъ ихъ,—нежели въ великихъ учителяхъ разумехъ наслаждается» (Оп. Р. Муз. 242). Русскій сочинитель указанія о самозванцѣ замѣчаетъ: «они не ведали туце дуна своя погубиють, еже держатся *книжъ отъ реченныхъ* святыми отцы седми вселенскихъ соборовъ, и заповѣдавшихъ намъ въ нихъ не внипати, и почитаючи ничтоку пользу ими приобрѣтають, точию душевайи свой корабль во глубинѣ грѣхоней погружаютъ» (Временникъ, кн. 16, 37—38).

Сборники загадокъ пользовались и другимъ содержаниемъ, наследуя его изъ письменныхъ памятниковъ, и съ другой стороны заключали представленія, принадлежавшія чисто-народной мысли. Они вообще перѣдко встрѣчаются въ старинныхъ рукописяхъ, но въ разными заглавіями: въ упомянутой рукописи Троицкой Лавры, XVI-го столѣтія, статья называется «слово св. Григорія Богослова и Василя Кесарійскаго, Іоанна Златоуста, вопросъ и отвѣтъ»; въ Толст. сборникѣ XVII-го вѣка 2. 181 Публ. Б-ки XVII. Q. 35 она озаглавлена «книга, глаголемая отъ бесѣдъ святыхъ отецъ» л. 226—237; въ новомъ Толст. сборникѣ 5. 62 Публ. Б-ки XVII. Q. 4 на л. 19—22 опять «бесѣда тріехъ святителей Василя Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго». Довольно любопытныя «вопросы и отвѣты» въ Толст. сборникѣ 2. 140 л. 958—962 представляютъ особенный разрядъ загадокъ.

Для примѣра приводимъ нѣсколько загадокъ или вопросовъ и отвѣтовъ изъ Толст. рукописи 2. 181; они касаются предметовъ библейской исторіи, какъ и вышесказан. Бусласва въ Архивѣ Калачова 1. 47—48.

л. 226, «*Вопросъ*. Когда четвертая часть міра умретъ? *Толкъ*. Каинъ брата своего убѣ Авеля. — *В*. Когда весь міръ обратится? *Т*. Ной изъ ковчега ишетъ. — *В*. Кто не роженъ и кто не умретъ? *Т*. Адамъ не роженъ. Иудъ не умретъ. — *В*. Кто

дважды роженъ или кто дважды умре? *Т.* Иона дважды роженъ, Лазарь дважды умре. — *об. л. 231 В.* Что есть, сѣкера у корени древа лежитъ? *Т.* Корень есть вѣра, презо чловѣкъ, сѣкера (sic) всему кончина. — *В.* Какъ имя воухомъ? *Т.* Первому имя Мелхонъ (чит.: Мелхіоръ), второму имя Аспаръ, третьему имя Валтасаръ. — *об. л. 233 В.* Что есть высота небесная, широта земная, глубина морская? *Т.* Троица Святая: Отець, Сынъ и Духъ Святый».

На л. 234 помещены и приведенныя нами по другимъ спискамъ *вопросъ*: «отъ какихъ частей сотворенъ Адамъ»? Ответъ почти буквально повторяетъ предыдущіе: «отъ 7 частей сотворенъ — 1-е отъ земли глѣю, 2-е отъ моря кровь, 3-е отъ солнца очи, 4-е отъ камня кость, 5-е отъ облака мысль, 6-е отъ огня теплота, 7-е отъ вѣтра дыханіе, духъ бо Самъ вдохнулъ въ него».

Подобныя загадки не были впрочемъ принадлежностью одной нашей литературы: снѣ известны были и на западѣ, имя и тамъ, какъ у насъ, происхождение или своеобразное, или книжное, литературное *Wackernagel, Gesch. d. d. Liter. 1853, 269 - 270*, и по содержанию иногда очень близки съ нашими. Нѣмецкія загадки назывались въ старину или *rath räthsel*, который отличается стихотворнымъ складомъ, или *frag*, обыкновенно менѣе поэтичный. Въ одномъ Нѣмецкомъ сборникѣ загадокъ, XVI столѣтія, находится любопытные примѣры, напоминающіе приведенные выше *вопросы*: тамъ предлагается между прочимъ такія загадки:

F. Wer gestorben vnd nit geboren sey? — A. Adam vnd Eva.

F. Wer geboren sey ce dann sein vatter vnd mutter? — A. Adams kinder.

*F. Welcher mensch hat ain gantz viertail der welt getödt oder vmb bracht? — A. Chayn erschlug seinen bruder Abel darvor lebt niemandt dann sy zwen vnd ir eltern adam vnd eua и пр. *Haupt's Zeitschr. f. d. Alterth. 3, 33.**

Въ числѣ Французскихъ народныхъ книгъ Пизаръ упоминаетъ одну, которая была издана нѣсколько разъ еще въ концѣ XV-го столѣтія и съ тѣхъ поръ пользовалась большимъ авторитетомъ въ кругу своихъ читателей: *L'enfant saige à trois ans*,

interrogé par Adrian, empereur, lequel luy rend response de chascune chose qu'il luy demande. — т. е. вопросы Адриана и ответы трехлетнего дитяти представляют тѣ же общіе предметы, на которыхъ останавливаются и наши «бесѣды» и указанныя Шемелкіа загадки (*Nisard, Hist. des livres pop.* 2, 16—19).

Чрезвычайно любопытна такъ же и «Евангелистская пѣснь» въ собраніи Курьевскаго, изложенная въ формѣ загадокъ или вопросовъ и ответовъ. Вопросы основываются на таинственномъ значеніи чиселъ: «повѣдайте, что есть единь?» — «повѣдайте, что есть два?» и т. д. до двѣнадцати; при каждомъ новомъ ответѣ повторяются прежніе, такъ что послѣдній ответъ, въ концѣ пѣсни, есть полное разрѣшеніе вопросовъ. Вотъ это опредѣленіе чиселъ до двѣнадцати:

Дванадесать апостолю;
Единьдесятъ праотечъ;
Десять Божьихъ заповѣдей.
Девять въ году радостей.
Восемь круговъ солнечныхъ.
Семь чиновъ ангельскихъ.
Шесть крылъ херувимскихъ.
Пять ранъ безъ вины Господь терѣлъ,
Четыре листа евангельски;
Три патріарха на землѣ;
Два тавла (= скрижали, таблицы, Моисеевыя).
Единь Сынъ Маринъ.
Царствуетъ и лкуетъ
Господь Богъ надъ нами.

И по мотиву, т. е. объединенію чиселъ до двѣнадцати, и по вѣншей оригинальной формѣ, наше стихотвореніе невольно напоминаетъ ту прекрасную пѣсню о друидѣ и мальчикѣ, которую Виллемарке считаетъ древнѣйшею въ своемъ собраніи (*Villemarqué, Baglaz-Breiz.* 4-е éd. 1, 1—15). Въ этомъ послѣднемъ діалогѣ, теперь непонятномъ иногда и для ученаго изследователя, сохранились любопытныя слѣды древняго друидическаго ученія. Мальчикъ предлагаетъ друиду тѣ же вопросы о значеніи чиселъ до двѣнадцати, какіе выставлены въ нашей пѣснѣ; друидъ передаетъ ему основныя данныя своей мноо-

логии и космогонических верований, за каждым отвѣтомъ повторая прежнія слова свои. Несомнительная древность этой формы, достаточно известной и въ Славянской народной словесности, намекаетъ, что наше стихотвореніе могло имѣть древнѣйшаго предшественника, съ другимъ содержаніемъ, — какъ, въ обратномъ порядкѣ, для древней Бретонской плѣщи составилось поддѣланное переложеніе: на томъ же мотивѣ основанъ быль памятникъ Латинскій, но все содержаніе его вѣло было изъ свѣдѣній Христіанской исторіи и ученія, — средство, которымъ, по мнѣнію Виттмарке, хотѣли сильнѣе дѣйствовать на развитіе новыхъ понятій въ народѣ, столько привязанномъ къ своей національности. При той же народно-поэтической обстановкѣ, во всѣхъ ее подробностяхъ, какъ-то положеніе языческихъ верованій дѣйствено было истиной изъ новаго ученія, и она тѣмъ лучше могла удерживаться въ памяти, что облечена была въ знакомую и любимую внѣшность. Латинская плѣня открывается тѣми же вопросами: *dic mihi quid unus?* — *dic mihi quid duo?* и пр. и сходна съ нашимъ стихотвореніемъ по самому единству предмета. Объясненіе чисель приводится къ такому заключенію:

*Duodecim apostoli,
Undecim stellae
A Josepho visae,
Decem mandata Dei
Novem angelorum chori
Octo bestitudines,
Septem sacramenta
Sex sunt hydrae
Postea
In terra Galilaeae,
Quaque Urbis Moyses
Quatuor evangelistae,
Tres sunt patriarchae,
Duo sunt testamenta,
Unus est Deus
Qui regat in caelis.* (L'Essai, 270, 1—27)

Наша плѣня имѣетъ ту же форму, но отличается отъ латинской темъ, что въ ней двѣнадцать чиселъ не перечислены, а только упомянуты.

мръ приводитъ г. Буславъ изъ рукописи XVI столѣтій, гдѣ находится разсказъ, развивающій поговорку и соединенный съ приключеніемъ и загадкою. Одинъ юноша, пришедши въ храмону, увидѣлъ дѣвушку, которая ему сказала по этому случаю: «снѣтъ по есть бѣди дому бѣзъ ушю и храму бѣзъ отцо»; не понимши словъ ея, юноша спросилъ дѣвушку о холоствахъ, и она отвѣчала загадкой: «отець и мати моя поидоша *внѣтъ плакати*; братъ же мой пошелъ чрезъ ноги *снѣтъ зрѣти*». Юноша не понимъ этого и просилъ дѣвушку выразиться лучше, и объясненіе загадки составляетъ окончаніе разсказа. «Она же (т. е. дѣвушка) глагола ему: сего ли не разумѣши? Приде въ домъ мой, въ храмону мою више, и видѣ ми сѣдану въ простотѣ. Аще бы бытъ въ дому нашемъ *нестъ*, и чють ты къ дому приходилъ и даялъ бы на ты, — се бо есть *дому уши*; и аще бы было въ храмонѣ моеи *отроча*, и видѣвъ ты къ храмонѣ приходилъ, сказать бы ми, — се бо ми *храму от*. А еже сказахъ ти про огня и матери и про брата, яко отець мой и мати моя поидоша *внѣтъ плакати* шлю бо суть на *погребеніе жертваю* и тамо и плачють; егда же по нихъ смерть придетъ, ино и по нихъ ушють и плакати, — се есть заповѣданный плачь. Про брата же ти сказахъ, яко отець мой и братъ древолазны суть, въ дѣбъ бо медь огнь древои вемдоють; братъ же мой шлю на таково дѣло иде, и якоже *лзати на древо* въ высоту — чрезъ ноги *снѣтъ зрѣти* къ земни мьсли збы съ высоты не урвется, аще ли кто урвется, то и живота гоиметь, — сего ради рѣхъ, яко и те чрезъ ноги више зрѣши». (Энцич. поэм. 1, стр. 42—43). Но объяснено г. Буславъ, народное начало здесь уже много потеряно отъ лишней изложенья, какъ потеряно въ Словѣ Данила Загорскаго у Ивлинъ Игоревой: мѣсто о заповѣданномъ плачѣ можетъ быть привнесено христіанскими пованіями, но выраженіе «више зрѣти», стоящее въ связи со старинной поговоркой «кто съ дереву убьется — бортишь», г. Буславъ относитъ къ временамъ то историческимъ. Мы встрѣтимся далѣе съ литературными образцами подобнаго происхожденія, т. е. основанными на чисто народномъ поэтическомъ и тѣлѣ, но болѣе совершенными до исполненія и отделки. Эти произведенія составляютъ переходъ отъ общенароднаго творчества къ интересу отъ дѣльнаго грамотнаго

сочинителя, и влияние много любознательного в томъ отношении, что ими прекрасно определяется образование литературныхъ памятниковъ, во сколько не подверженныхъ книжному и школьному влиянію и развивавшихся органически изъ самобытной національной поэзіи.

Въ стихѣ о Годубиной книгѣ князь Владиміръ проситъ Давида объяснить видѣнныя имъ сонъ; Давидъ разгадываетъ, что два лютые звѣря, которые сойтѣлись и промсаду собою дрались-билися, означаютъ правду и кривду стих. 189—227, или, какъ это вкратцѣ передано въ старинной рукописи Царскаго, —

не два звѣря съходилися,
не бѣлъ зайць и не сѣръ зайць
съходилися правда съ кривою,
правда кривду переспорила, —
кривда осталась на сырой землѣ,
а правда пошла на небо (Бул. в. 40).

Эта загадка (или сонъ) о двухъ лютыхъ звѣряхъ, подробно объясненная у Курлевскаго, или о бѣломъ и сѣромъ зайцахъ по рукописи Царскаго, служитъ мотивомъ разсказа, помѣщеннаго въ Толст. сборникѣ 2, 140 на об. л. 732—733 подъ названіемъ «загадка Перскаго царя Дарія къ Соломану царю». Приводимъ загадку, какъ вариантъ къ «спиритѣ» Дарія царя Персидскаго, напечатанной в. Сахаровымъ (Сказ. Русск. нар. 1844. 1, 2, 104):

«Д. царь Перскій послать къ С. мудрому царю, написать загадку: стоять шить, а на шить земли, прилетѣлъ соколы вить зайца, и тутъ сиде сова, — и отгадывъ загадку, тамъ ти три кати сребра. С. же, не умѣя что рещи... пошу и сиде шить въ податкѣ, пошломъ главу свою пошнать, и распусти плечи свои тому. И по малѣ же времени С. царь мудро повелѣ созвати мнози бѣли и рече имъ: кто можетъ ли отъ васъ отгадати, тамъ ему треть сребра. — И рече бѣли объ одномъ оцѣ шить, царю, земля твоя, а на немъ земля, — . . . правда стоять, а прилетѣлъ соколы вить зайца, то есть шить Господень вить правду на небо, и тутъ сиде сова, то есть кривда, а вить челоуическая пачаше ученіе. — С. же царь посла къ Д. царю загадку отгадуя, а ты прими сребро. — Не по малѣ времени и

привелона сребро отъ Д. царя къ С. царю: С. же послѣды обрати какъ вверхъ дномъ и насыпати бисеру и дати кривоу бѣсу, и рече бѣсъ: чему, царь, се криво имѣешь, а правда, царю, не имѣешь? — И рече царь: кривъ еси бѣсъ, самъ себѣ криво судить, — правда вѣята на небо, а на земли къ насъ крикъ остается.

Въ этой послѣдней редакціи удержалась, быть можетъ, болѣе коренная форма пританія, чѣмъ въ редакціи г. Сахарова. Можно думать, что и имя Соломона здѣсь не было простою случайностью.

V.

Басни Бидная или Стеванить и Икхилать. — Еюль въ Русскихъ переводахъ XVII вѣка. — «Зрѣлище житіи челоуѣческаго». — Переводы Гюлстана и Востана. Саади, и Басень Локмана.

Стеванить и Икхилать — еще знаменитое произведеніе, перешедшее въ старую Русскую письменность или Византию. Навѣкъ созданій восточной фантазіи, сдѣлавшихся въ средніе вѣка достоинствомъ литературы Европейскихъ, басни Бидная принадлежатъ къ числу самыхъ любопытныхъ и по содержанию и по длиннѣ литературной исторіи. Не пересказывая вѣкъ подробностей ея, замѣтимъ только главные факты. Начато это произведеніе, однакоже знаменитое и въ Европѣ и въ Азіи среднихъ вѣковъ, относится къ древнему животному эпосу Индійской литературы, Панча-тантра. Въ предисловіи книги разсказывается, что мудрецъ Вишну-Сарма, выбранный наставникомъ для сыновей одного Индійскаго царя, долго училъ ихъ нравственности и политикѣ, и нѣкъ бесѣды его составилось произведеніе, названное Панча-тантра т. е. пять отдѣленій, или пятикнижіе. Въ разказахъ Панча-тантры было много замечательнаго, что давно уже появилось подражанія или передѣлки ея въ самомъ Сانسритѣ: известнѣйшее между ними — Гитопалда или «Спасительное наставленіе» означаетъ именемъ того же мудреца Вишну-Сармы, но въ ней находится также заимченія изъ другихъ книгъ, такъ что по содержанию Гитопалда не всегда соответствуетъ своему прототипу. И то и другое собраніе известно въ разныхъ Индостанскихъ нарѣчіяхъ; лучшіе изъ

Европейскому санскритологов посвятив свои труды и издание или переводы Индйского животного эпоса, как Даконесс, Вилькинсъ, Колюбрукъ, Штетель, Лассенъ и другіе. Добуд перевелъ Панча-тантру на Французскій языкъ, хотя и не выложилъ *Le Pancha-Tantra ou les cinq tuses, fables du Brahme Vishnou-Sarma etc. trad. par Dubois, Paris 1826*; повѣщаніе перевода Гитоваделья принуждала къ Мазеу Моллеру — Шмецкій Leipzig 1833, Лисеро Лонгестейн — Французскій Paris 1855. Особенная вѣнность литературныхъ суобщъ Гитоваделья вѣнчается съ той эпохи, когда это произведение начало свой переходъ на Европейскую почву. Содержаніе Индйскаго эпоса представляетъ впрочемъ большую аналогію съ древней Египетской басней, поученье до сихъ поръ различно понималось ихъ взаимныя отношенія; большимъ авторитетомъ пользуется, если не ошибаемся, то мнѣніе, которое принимаетъ Индйскій эпосъ за явленіе коренное и первоначальное, а Грецескую басню за явленіе вторичное, по разказавшеса подъ восточнымъ вліаніемъ еще задолго до блестящаго періода Грецеской литературы *Wagner, Rapports entre les apologues de l'Inde et les apologues de la Grèce, in Mem. couron. etc. publiés par l'Acad. R. de Belgique, t. 25. 1854*. Но еще совершился другой переходъ Индйскаго эпоса въ Европу, переходъ, засвидѣтельствованный историческими фактами и памятниками литературными. Черезъ четыре вѣка послѣ предшлагаемаго составленія Панча-тантры (т. е. по Р. Х. царь Персидскій Хоарой Нуширванъ, услыхавъ о сказанныхъ составленіяхъ Индйскихъ мудрецовъ, послалъ въ Индію своего вѣра Бардуйе или Бардуйе, съ тѣмъ чтобы онъ привезъ къ нему эти сокровища ума и науки. Бардуйе исполнилъ порученіе и приготовилъ переводъ знаменитой книги на Пелдвѣнскій языкъ, подъ названіемъ: *Калила-ва-Димна* т. е. «спрадушный и лукавый» или книга мудреца Биднаа; въ возни раздѣленіе за это трудъ, вѣрнѣ Хоарой до вѣнны были составить описаніе жизни и странствій Бардуйе, которое дѣйствительно находится въ разныхъ редакціяхъ *Калила-ва-Димна*. Отсюда началось постоянно возрастающее распространеніе этой книги, и здѣсь же одна изъ главныхъ причинъ произведшихъ варіированіе ея, вѣтому что восточный переводъ обыкновенно измѣняетъ форму подлинника,

передвигается, дополняется или сокращается его. Заглавие новой редакции указывает два главных лица истории, по которым она была названа. Сюжет рассказа составляет прежде всего история царя-льва, доверенного друга его, быка, и двух придворных шакалов, в Санскритской редакции Каратака и Даманака; один из шакалов, коварный и завистливый, убеждает царя, чтобы он умертвил своего друга, будто бы злоумышлявшего на жизнь льва; — а быка в тоже время убеждает возстать против царя, будто бы имевшего на него дружбу. Лукавый придворный достигает своей цели: бык погиб жертвою ярости льва, но и шакалы не избежали справедливой кары, когда клевета его была обнаружена. Разговаривающие шакалы приводят много других апологов, по обыкновенной манере восточного рассказа, так что образуется цепь историй, связанных одна с другою. Надо весьма господствует нравственная идея, потому что и все аполлоны приводятся как доказательство или объяснение какой-нибудь нравственной истины. Продолжение составлено подобным способом из других апологов, вставленных один в другой, безрестанно начинающихся и прерывающихся, как рассказы Тысячи и Одной ночи. Обыкновенная противоположность восточного вымысла и восточных образов с Европейскими, выражается и здесь: восточная собирания апологов представляет нечто совершенно отличное от Европейской басни. В древней Греческой, Египетской басне, и еще больше в Германском эпическом эпосе средних веков; видно совершенное преобладание эпического начала; здесь же господствует чистая дидактика: не только мудрецъ, рассказывающий всю историю, но и самые звери пускаются на умозрания и нравственные выводы. Разговор состоит из многочисленных изречений, сравнений и поговорок, которым басня служит только подтверждением; естественно поэтому, что Восточная басня далеко не дает зверям той личной определенности, какая требуется истинным эпосом. Далее мы будем видеть случаи еще говорить об ее отличительных чертах.

Знаменитость книги и мудрость ее наставлений постоянно привлекали восточных читателей. Один Персидский перевод

чить ее рассказываетъ въ предисловіи къ своему труду: одного изъ Индійскихъ браминовъ спросили однажды такимъ образомъ: «говорятъ, что въ Индіи есть горы, гдѣ растутъ волшебныя травы, возвращающія жизнь умершимъ, — какимъ способомъ можно достать этихъ травъ?» Браминъ отвѣчалъ (спрашивавшему): «ты помнишь только одну часть разсказа; другая его половина исчезла изъ твоей памяти. То, о чемъ говорите вы, есть одна изъ эмблемъ и загадокъ древнихъ: подъ этими горами они хотѣли представить ученыхъ; волшебныя травы — слова ихъ; мертвые — невѣжды, которые внимаютъ этимъ словамъ оживаютъ и наукой достигаютъ вѣчной жизни. Есть собраніе этихъ словъ, подъ названіемъ Калила-ва-Димна, которое находится въ сокровищницахъ Индійскихъ царей. Если вы можете достать его, то найдете, чего ищете». По этому фигуральному отзыву восточнаго писателя легко составить понятіе о томъ впечатлѣніи, которое книга производила; легко и повѣрить этотъ отзывъ, потому что, освоившись нѣсколько съ оригинальной манерой этого произведенія, нельзя не найти въ немъ и особенной прелести вымысла, и вѣрнаго рисунка восточной жизни. — Въ VIII столѣтіи, при халифѣ Альмансорѣ, подошедшій до насъ Персидскій текстъ переведенъ былъ, подъ тѣмъ же заглавіемъ, на Арабскій языкъ Персомъ Альмокафромъ; этотъ переводъ сохранился и теперь съ подлиннымъ предисловіемъ, где объясняется происхожденіе книги отъ мудреца Бешал, жившаго при царѣ Дабиселмѣ (*S. de Sacy, Calila et Dimna ou Fables de Bidpai, Paris 1816; — Hoff, Die Fabeln Bidpai's, Stuttgart, 1837, и др.*). Здѣсь книга состоитъ изъ 18 главъ, изъ которыхъ нѣтъ, какъ думаютъ, заимствованы изъ посторонняго источника. Редакція Альмокафры дала поводъ къ другимъ переложкамъ этого сюжета въ прозѣ и въ стихахъ, но онѣ не дошли до нашего времени; затеряны такъ же и обратный переводъ Калилы ва-Димны, съ Арабскаго на Персидскій, въ стихахъ, сдѣланный въ IX — X столѣтіи поэтомъ Рудки; свидѣніе объ этомъ переводѣ сохранилось въ поэмѣ Фердауси см. *Шихрванна*, въ Уч. Зап. Каз. Ун. 1849, 3, 67 — 68. Въ XI — XII вѣкѣ, въ правленіе Батрама-шаха Галевидекаго, другою индѣйскою писателемъ составилъ новыя Персидскія переводы Калилы-ва-Димны, въ

проза; за тѣмъ въ концѣ XV столѣтія появилась еще редакція этой книги Гозаниа-вазы-Кашеви, названная въ честь визиря, покровительствовавшаго поэту, Анвари-Согейми т. е. «Свѣтло Каюна»; въ половинѣ XVII столѣтія часть этой книги переведена была на Французскій языкъ — *livre des Lumieres ou la Conduite des roys, composé par le sage Pilray, indien; trad. par David Sahid d'Israhim (Gaulmin). Paris 1644*, откуда были взяты два изданія 1698 г. съ другими заглавіями. Гозаниа хотѣлъ исправить трудъ своего предшественника, который вставилъ много Арабскихъ словъ и выраженій; но и его переводъ въ концѣ XVI-го вѣка подвергся въ Индіи, при великомъ моголѣ Акбарѣ, новой редакціи. Исправленная редакція принадлежитъ визирю Акбара, Абуль-Фазлу, и называется Эйари-Даннъ или «Образецъ знанія»; есть кроме того Персидскій переводъ Гитонадезы, неизвѣстнаго времени, составленный Тади-аддиномъ. Обѣ послѣднія редакціи переведены были на Индустанское нарѣчіе и пользуются въ Индіи большою извѣстностію. Персидскій переводъ Гозаниа послужилъ образцомъ для Турецкой редакціи — Гумаюнъ-наме т. е. «Царственная книга», которая посвящена была султану Селиману I и оттого получила свое названіе; но этой редакціи составленъ былъ Галланомъ переводъ Бишар и Локмана, продолженный впоследствии Кардониемъ (*Contes et fables ind. de Bidpai etc. Paris 1724. 1778*). Извѣстны и другіе восточные переводы — Арабскій, Монгольскій, Малайскій. Въ 1783 вышелъ въ Вѣнѣ Новогреческій переводъ — *Μηθολογικὸν ἠθικο-πολιτικὸν τοῦ Πύλαιδος Ἰνδοῦ φιλοσόφου κ. τ. λ.*, — подходящій къ Французскому изданію: *Les fables politiques et morales de Pilray, philosophe Indien etc. par Ch. Mouton (Hambourg 1750)*, гдѣ передѣланъ упомянутый переводъ Галлана; отсюда же взяты вѣроятно и Русскій переводъ Бориса Волкова — «Политическія и правоучительныя басни Цильная, философа Индійскаго» (Сиб. 1762; по одному изъ новыхъ переводовъ Гитонадезы составлены «Басни и сказки Индійскія, сочиненныя Вишну-Сармою» Сиб. 1807).

Другаго рода была извѣстность Камели-ва-Димны въ средніе вѣка. Если въ вѣднѣишія изданія, отчасти нами перечисленные, обязаны своимъ появленіемъ интересу ученому, то никакой

мысли о немъ не было въ старинныхъ обработкахъ Калила-ва-Димны. Тогда искали въ ней ближайшаго смысла ея, и сдѣла-ли дальнѣйшихъ сомнѣній, привѣяли ея содержаніе къ своимъ нравственнымъ понятіямъ. Общее стремленіе къ дидактизму, развившееся особенно въ послѣднемъ періодѣ среднихъ вѣковъ, находило здѣсь обильную пищу: когда и собственно-Германскій животный эпосъ утрачивалъ свою первобытную простоту, подчинился вліянію классической басни, когда каждый поэтиче-скій разсказъ снабжали приличной морализаціей, какъ въ *Gesta Romanorum* и другихъ памятникахъ, — Калила-ва-Димна могла рассчитывать на вѣрный успѣхъ по тому самому, что все, съ начала до конца, была проникнута подобнымъ направле-ніемъ. Факты убѣждаютъ, что дѣйствительно, для средне-вѣко-выхъ читателей и передѣлывателей, умозрительная мораль Ка-лилы-ва-Димны была интересна не менѣе этической стороны ея.

Въ Европейскія литературы Калила-ва-Димна проникла пре-жде всего посредствомъ Греческаго перевода, сдѣланнаго по Арабской редакціи Симеономъ Сиономъ, о которомъ мы упоми-нали уже, какъ о предполагаемомъ авторѣ псевдо-Каллисое-новой Александріи. Симеонъ Сионъ составилъ свой переводъ въ концѣ XI столѣтія, именно около 1081 года, по воли импера-торовъ Михаила Дуки, Никифора Вотаниата и Алексея Комнена, и далъ ему названіе *Στεφανίτης καὶ Ἰησαΐας* т. е. «Увѣщан-ный и Слѣдній», подъ которыми надобно понимать «прямо-душнаго» и «с лукаваго» шакаловъ Арабской Калилы-ва-Димны. Принявъ за основаніе Арабскую редакцію, Сионъ ближе дер-жался первоначальной формы исторіи, отъ которой значительно отклонились другіе Европейскіе переводчики: кажется, впро-чемъ, что онъ выпускалъ некоторыя непонятныя для него мѣ-ста и въ замѣнъ этого, сдѣлалъ кое-гдѣ прибавки, напримеръ — вставилъ нѣсколько стиховъ Гомера; иногда же передавалъ смыслъ подлинника не совсѣмъ вѣрно. Стефанитъ нашелъ себѣ усердныхъ читателей: «ритчи Исихлата» τοῦ Ἰησαΐου παρα-βέλι καὶ упоминаются у Византійца Пахимера какъ прекрасная и общезнаветная книга. Въ ученномъ мірѣ познакомился съ нимъ еще въ XVII столѣтіи: прежде всего изданъ былъ Латинскій переводъ Стефанита, составленный ученымъ Посениомъ Pos-

simus, Poussines) по рукописи, принадлежавшей Лью Алланно; переводъ, подъ заглавiемъ Specimen sapientiae Indorum veterum, напечатанъ былъ въ приложенiи къ изданiю Георгiя Пахимера (Romae 1666. 1, app. p. 545 sq.). Греческiй текстъ былъ потомъ изданъ Штаркомъ по Голштейнской рукописи, которая и теперь хранится въ Гамбургѣ. Штаркъ сдѣлать новый Латинскiй переводъ, напечатанный en regard съ Греческимъ подлинникомъ; изданiе называется — Specimen sapientiae Indorum veterum, id est libri ethico-politici pervelestus... graece Στεφανίτης καὶ Ἰγνιλάτης, nunc primum ex mss. cod. Holst. prodit etc. opera Seb. Gottofi. Starckii, Berol. 1697. 8 (30 + 508 + 35). Голштейнскiй кодексъ не полонъ: въ немъ недостаетъ нѣско. введенiя, перевешаннаго Нотсиномъ, гдѣ расказывается, по Арабской редакци, упоминаемая исторiя Барзуйе. Имя мудраго врача только названо въ слѣдующемъ заглавiи Голштейнскаго списка, опредѣляющемъ и подлинникъ Греческой редакци: Βιβλίον φυσιολογικόν, μετακομιστὸν ἐκ τῆς Ἰνδίας καὶ δοτὸν τῷ βασιλεὶ Χασρόη ἐν Περσίῃ παρὰ τινος Περζωῆ, σοφοῦ καὶ ἰατροῦ τῆν τέχνην, καὶ μετενεχτὸν εἰς τῆν Ἀρβίβων γλῶσσαν, — ὑπὸ δὲ Συμεῶν μαγίστρου καὶ φιλοσόφου τοῦ Σῆς εἰς τῆν Ἑλλήνων διάλεκτον μεταβλητὸν, — καλούμενον ἀραβιστὶ μὲν Κυλλίε καὶ Δίμνε, ἑλληνιστὶ δὲ Στεφανίτης καὶ Ἰγνιλάτης. — ἐλεγχῆσαν δὲ παρὰ τινος φιλοσόφου τῷ βασιλεὶ Ἰνδῶν Ἀβессαλῶν (= Абисемимъ, по вѣрному объясненiю Штарка). Недостающее у Штарка введенiе къ Стефаниту, издано было въ концѣ прошлаго столѣтiя Ауришиллемъ, по посредственному списку, найденному въ Мисальской библиотекѣ между рукописями Спарвенфельда; къ этимъ предположенiямъ Ауришиллiй приложилъ и нѣкоторые варианты Мисальской рукописи съ изданiемъ Штарка въ оставшемъ текстѣ (Petrus Fab. Aurivillius, Prolegomena ad librum: Στεφανίτης καὶ Ἰγνιλάτης e cod. mscr. bibl. ac. Upsal. ed. et lat. versa etc. Upsalae. 1780. 52 p.). Въ Маттеевомъ каталогѣ Синодальной библиотеки означенъ подъ № 285 cod. chartae. sec. XV, гдѣ на л. 353—440 такъ же находится списокъ Стефанита, κατὰ τὴν ἀρχαίαν περὶ στεφανίτου καὶ ἰγνιλάτου.

Греческiй Стефанитъ перешелъ, кажется, только въ Славянскiй литературу: гораздо болѣе распространяетъ Кампава-

Демия посредством Еврейскаго перевода, сделаннаго по Арабской редакціи раввина-мъ Толдема, который однако, какъ можно думать, заимствовалъ кое-что и изъ древней Персидской редакціи, потому что переводъ его не всегда соответствуетъ Арабскому тексту. Въ заглавіи его, вмѣсто имени Бишпа, поставлено по ошибкѣ Sendebar, что намекло на другое сказочное произведение Востока. По Еврейскому переводу, известному теперь только по отрывку, сообщенному С. де-Саси, въ 1262—1278 г. составлена была вѣроятно Иоанномъ Кануанскимъ, крещенымъ Евреемъ, знаменитая Латинская редакція *Калипа-ва-Диммы*, подъ названіемъ *Directorium humanae vitae, alias parabola antiquorum sapientum*, напечатанная s. l. et a. около 1470—80 г. fol. Отсюда взята была Шемская редакція, принята печатная Обергарту, Герцогу Вартенбургскому † 1325; Шемская издація выходила съ разнообразными заглавіями: *Beispiele der alten Weisen von Geschlecht zu Geschlecht oder Buch der Weisheit* (Ulm, 1482; смъ *Der alten Weisen Exempelsprüche* и т. п. Изъ того же источника заимствованы Испанскій переводъ, *Exemplatio contra los engaños y peligros del mundo*, напечатанная въ Бургосѣ 1498 и др. Въ 1528 г. издавъ въ Парижѣ Чешскій переводъ, сдѣланный также по Латинской редакціи Коначемъ: *Prawidlo lidskeho žiwota, jinak podobenství starých mudrcůw... kteréžto také Dymnowy a kalidowry knihy slovní Jugmann, 1655*.

Независимо отъ Иоанна Кануанскаго образовался болѣе древній Испанскій переводъ, который черезъ другую, Латинскую обработку происходитъ прямо отъ Арабскаго подлинника, и составленъ былъ по желанію короля Альфонса X около 1251 года. Этимъ Кастильскимъ переводомъ воспользовался Раймондъ де-Безье (*Raymond de Beziere, Raimundus de Biterris*, трудъ котораго — *Incipit liber de Dina et Calila, translatus pariter et completus per Raimundum de Biterris physicum, de idioma Hispanico in Latinum, anno Domini m^o. ccc^o. xiiij^o.*, — хранится въ Парижской библиотекѣ. Раймундова передѣлка *Калипа-ва-Диммы* очень любопытна какъ свидѣтельство того, какимъ образомъ понимали въ его время это произведение, и какія превращенія составляли его испытывать, чтобы чудной вымысломъ, съ чудными красками приурочить къ понятіямъ другаго времени и мѣста.

Книга Раймунда представлена была имъ королю Филиппу Крестовому, при одномъ торжественномъ случаѣ, или по его вараженію, *presens liber regius per R. physicum supra dictum fuit presentatus liliate regie majestati*, какъ книга, достойная быть читанной королемъ. Источниками служили Раймунду главнымъ образомъ древняя Испанская редакція и оглашеніи Іоаннъ Кануанскій, хотя послѣдній онъ видѣ не называетъ: Латинскіе тексты довольно сходны, но кажется, что Раймундъ воспользовался Іоанномъ К. не съ самаго начала книги. Исторія Барзуйе, находившаяся въ Арабской Камаль-ва-Димми, въ предѣлахъ Раймунда составила цѣлый философскій трактатъ: врачъ Хозро представленъ христіанскимъ монахомъ (Berozias, Berzebuy) и въ этомъ видѣ нарисованъ на миниатюрахъ рукошеи: въ уста ея Раймундъ вставляетъ пререченіи отцовъ церкви, и, далье, посвящаетъ цѣлыя три главы или параграфы разсужденіямъ о вѣрѣ, надеждѣ и любви, особенно о послѣдней, въ слѣдствіе которой Берозія, или Барзуйе, рѣшился обречь себя на помощь бѣднымъ и обѣщать употребить на то все свои силы и способности. Прі этомъ случаѣ объясняется по строгимъ схоластическимъ требованіямъ, какъ онъ намѣревался служить бѣднымъ *de intellectu de affectu, de sensu visus, de auditu, de odoratu, de tactu*, словомъ всеми душевными и тѣлесными силами. Затѣмъ послѣ молитвы Берозія засыпаетъ, видитъ во снѣ христіанскій рай, ангеловъ прочъ, и потомъ разсказываетъ о видѣніи длинными гекзаметрами. Но тому же способу Раймундъ предѣлалъ и исторію шакала Димми. Когда все улыбки были на лицѣ, Димми признается въ своемъ обманѣ и преступленіяхъ, пускается въ теологическія прѣпія, спрашиваетъ, какіе бываютъ смертныя грѣхи? — и потомъ сознается въ прегрѣшеніяхъ своихъ, винитъ себя въ грабежѣ, ростѣ, симоніи, дѣланіи фальшивой монеты и другихъ невольнительныхъ вѣщахъ. Здѣсь кетати прибавлены латинскіе стихи, описывающіе семь смертныхъ грѣховъ, и другіе стихи, въ которыхъ выражается раскаяніе преступнаго шакала идущаго на смерть. — *Directorium humanae vitae* было наконецъ источникомъ Итальянской редакціи: *Discorsi degli animali*, 1548 принадлежащей поведиству Анджоло Фирентинола, другой Итальянскій переводъ: *La filosofia morale tratta de molti antichi scrittori*

Думна посредством Еврейскаго перевода, сдѣланнаго по Арабской редакціи раввиномъ Болдемъ, который однако, какъ можно думать, замечивалъ кое-что и изъ древней Персидской редакціи, потому что переводъ его не всегда соответствуетъ Арабскому тексту. Въ заглавіи его, вмѣсто имени Бидная, поставлено по ошибкѣ Sendebai, что намекало на другое сказочное произведение Востока. По Еврейскому переводу, известному теперь только по отрывку, сообщенному С. де-Саси, въ 1262—1278 г. составлена была иррегулярно Иоанномъ Кануанскимъ, крещенымъ Евреемъ, знаменитая Латинская редакція Калины-ва-Думны, подъ названіемъ Directorium humanae vitae, alias parabola antiquorum sapientum, напечатанная s. l. et a. около 1470—80 г. fol. Отсюда взята была Швенская редакція, принята Ганса Дюбергарту, Герцогу Вартенбургскому (* 1325; Швенскія посланія выходили съ разнообразными заглавіями: Beispiele der alten Weisen von Geschlecht zu Geschlecht oder Buch der Weisheit (Ulm, 1482) или Der alten Weisen Exempelsprüche и т. п. Изъ того же источника замечено и Испанскій переводъ, Exemplatio contra los engaños y peligros del mundo, напечатанная въ Бургосѣ 1498 и др. Въ 1528 г. издана въ Прагѣ Чешскій переводъ, сдѣланный также по Латинской редакціи Коначемъ: Prawidlo lidského žiwota, jinak podobenství starých mudreuw., kteréžto také *Dumnowy* a *kelbowy* knihy slowu *Juggmann*, (155).

Независимо отъ Иоанна Кануанскаго образовался болѣе древній Испанскій переводъ, который черезъ другую Латинскую обработку происходитъ прямо отъ Арабскаго подлинника, и составленъ былъ по желанію короля Альфонса X около 1251 года. Этимъ Кастильскимъ переложеніемъ поименовался Раймондъ де-Безье (Raymond de Béziers, Raimundus de Biterris, трудъ котораго — Incipit liber de Dina et Calila, translatus pariter et completus per Raimundum de Biterris physicum, de idiomate Hispanico in Latinum, anno Domini m^o. ccc^o. xii^o., — хранится въ Парижской библиотекѣ. Раймундова передѣлка Калины-ва-Думны очень любопытна какъ свидѣтельство того, какимъ образомъ понимали въ его время это произведение, и какія превращенія заслужили его попытки, чтобы чудной вымыселъ съ чудными красками приурочить къ понятіямъ другаго времени и мѣста.

Книга Раймунда представлена была имъ королю Филиппу Красивому, при одномъ торжественномъ случаѣ, или по его выраженію, *presens liber regius per R. physicum supra dictum fuit presentatus filiate regie majestati*, какъ книга, достойная быть читанной королемъ. Источниками служили Раймунду главнымъ образомъ древняя Испанская редакція и отчасти Юаннъ Кануанскій, хотя послѣдній онъ видѣ не называетъ: Латинскіе тексты довольно сходны, но кажется, что Раймундъ воспользовался Юанномъ К. не съ самаго начала книги. Исторія Барзуйе, находящаяся въ Арабской Камаль-ва-Димнѣ, въ предѣлахъ Раймунда составила цѣлый философскій трактатъ: врачъ Хоаро представленъ христіанскимъ монахомъ (Berozias, Beizebu) и въ этомъ видѣ парисованъ на миньюторахъ рукошени: въ уста ея Раймундъ вставляетъ прореченія отцовъ церкви, и, далѣе, посвящаетъ цѣлыя три главы или параграфы разсужденіямъ о вѣрѣ, надеждѣ и любви, особенно о послѣдней, въ слѣдствіе которой Берозія, или Барзуйе, рѣшился обречь себя на помощь бѣднымъ и обѣщать употребить на то все свои силы и способности. При этомъ случаѣ объясняется по строгимъ схоластическимъ требованіямъ, какъ онъ намѣревался служить бѣднымъ *de intellectu, de affectu, de sensu visus, de auditu, de odoratu, de tactu*, словомъ всеми душевными и телесными силами. Затѣмъ послѣ молитвы Берозія засыпаетъ, видитъ во снѣ христіанскій рай, ангеловъ и проч., и потомъ разсказываетъ о видѣніи длинными гекзаметрами. По тому же способу Раймундъ предѣлалъ и исторію шакала Димны. Когда все увиди налицо, Димна признается въ своемъ обманѣ и преступленіяхъ, пускается въ теологическія прѣнія, спрашиваетъ, какіе бываютъ смертные грѣхи? — и потомъ сознается въ прегрѣшеніяхъ своихъ, винитъ себя въ грабежѣ, ростѣ, симоніи, дѣланіи фальшивой монеты и другихъ невольнительныхъ вѣщахъ. Здѣсь ксати прибавлены доминикскіе стихи, описывающіе семь смертныхъ грѣховъ, и другіе стихи, въ которыхъ выражается раскаяніе преступнаго шакала идушаго на смерть. — *Directorium humane vite* было наконецъ источникомъ Итальянской редакціи: *Discorsi degli animali*, 1548 принадлежащей поведителю Анжело Фиренцуола, другою Итальянскію переводъ: *La filosofia morale tratta de molti antichi scrittori*

1552, составленный Дони, служилъ основаниемъ Англійскаго перевода Томаса Норта: *Moral Philosophy of Doni*, 1570, 1601, и Французскихъ изданій — *Cottier, Plaisant et facétieux discours sur les animaux*, 1556, и *P. de la Rivy, Deux livres de philosophie fabuleuse*, 1579. Наконецъ третій Итальянскій переводчикъ (*Del governo de' Regni sotto morali esempj di animali ragionanti trà loro etc.* Ferrara 1583) приписалъ Арабскую редакцію книги Саранну Lelio Demno, переведенному будто бы книгу съ Индійскаго на Агарянскій языкъ, а своимъ подлинникомъ называетъ Греческій переводъ Антиохійца Симеона Сиоа (*Simon Seto*). Если указаніе переводчика справедливо, то книгу его надобно считать единственною Западною редакціей, имѣющей одно начало съ переводомъ Русскимъ; С. де-Саси сомнѣвается однако въ достоверности его словъ.

Вообще, о Камлы-ва-Димы см. *Grässe, Lit. Gesch.* 2, 1, 445—454; — *Dierz, Ueber Inhalt und Vortrag, Entsteh. u. Schicksale d. königl. Buches.* Berlin, 1811. — *Loiseleur Desbougchamps, Essai sur les fables Indiennes etc. pour servir d'introd. aux Fables des XIIe, XIIIe et XIVe siècles.* publ. p. *Robert*. Paris, 1828; — наконецъ, рядъ статей *C. de-Caden* о различныхъ восточныхъ редакціяхъ Камлы-ва-Димы, и книгъ Раймунда де-Безье, сохранившихся въ рукописяхъ Парижской б-ки, — см. *Notices et extraits* t. IX, 1, 397 sq. t. X, 1, 94 sq. 197 sq. 226 sq. 2, 3—65; — *Schoell, Gesch. d. griech. Litter. übers.* v. Pinder, Berl. 1830, 3, 433—435.

До сихъ поръ остается несколько непечатанныхъ переводовъ Камлы-ва-Димы, напр. Еврейскій, Испанскій, Итальянскій, изданіе которыхъ много облегчило бы и пути и степень распространенія этой знаменитой книги. Она давно пользовалась любовью читателей и на Востоке и на Западѣ, и въ литературахъ Европейскихъ разсѣла много басенъ и разсказовъ: въ *Gesta Romanorum* и другихъ подобныхъ сборникахъ, во Французскихъ фабляхъ, у Итальянскихъ повѣствованій, видно хорошее знакомство съ ея сюжетами. Такъ какъ происхожденіе Европейскихъ редакцій было не одинаково и притомъ каждая испытывала особенная вліянія со стороны перелазителей, то и не мудрено, что между ними находится много зна-

чотельная разница и въ содержаніи и въ раздѣленіи книги. Греческій текстъ начинается прямо исторіей шакаловъ, предыдущій разсказъ о Бардуйе служитъ введеніемъ и иногда быть опускаемъ въ рукописяхъ; въ *Directorium humanae vitae* первая глава de Berozia princeps medicinae есть какъ бы начало самой исторіи. И въ Греческой редакціи и въ Латинскомъ переводѣ Іоанна Калуанскаго главы въ серединѣ книги поставлены въ другомъ порядкѣ, чѣмъ въ древнемъ Персидскомъ текстѣ; сравнительная таблица главъ по текстамъ Персидскому, Еврейскому, Латинскому и Греческому, представлена въ одной изъ упомянутыхъ статей С.-де-Саси, *Not. et extr.* t. X 1, 124. Само содержаніе было интерпретировано христіанскими вставками, какъ въ Латинской редакціи Раймунда и въ Греческомъ Стефанитѣ.

Русскій переводъ Стефанита долженъ быть отнесенъ къ числу тѣхъ произведеній, которыя давно перешли къ намъ изъ литературы южно-Славянскихъ, хотя по Русскимъ шрифтовымъ спискамъ онъ восходитъ не далѣе XVII-го столѣтія. Заглавія нашихъ рукописей приписываютъ сочиненіе Стефанита не только Симеону Сноу, но такъ же Іоанну Дамаскину, и это недоразумѣніе можетъ быть объяснено тѣмъ, что тому же лицу приписывалось, или дѣйствительно принадлежало, другое восточное собраніе притчей, «Варлаамъ и Іосафатъ». Такъ же дѣлѣ отстраняется имя «*Евона* Индѣйшана», какъ автора Стефанита стоящее на одномъ изъ Толстовскихъ списковъ: оно испорчено отъ переписки изъ имени Сноа. Этого послѣдній назывался у насъ и *Antiochodis*, потому что Сноа былъ протопресвітеріемъ Антиохійскаго двора въ Константинополѣ и отъ того именовался *magister Antiochiae*, откуда и явилось ложное мнѣніе о происхожденіи его изъ города этого имени (*Gasse, ib. 2, 1, 564*). По свѣдѣтельству Демитовской рукописи Стефанита, эта книга принесена была въ Россію изъ Афонской горы Максимомъ Грекомъ: если здѣсь говорится о Славянской, а не о Греческой рукописи, то эпохи Максима Грека нельзя считать временемъ перевода, потому что Шафарикъ упоминаетъ о горлаго древнѣйшемъ спискѣ Славянскаго Стефанита, именно о Сербской редакціи XIV—XV столѣтія (*Wiener Jahrb.*, Bd. 53, Anz. Bl.

29. № 79); вероятно и то, что Русские познакомились с южно-Славянским Стефанитом гораздо ранее Максима. Списки нашей редакции хотя и многочисленны, но и не слишком редки в наших собраниях.

— Тозет. 2. 181 Публ. Б-ки XVII. Q. 35 сборн. XVII в. л. 393—445 «Писаніе философа Есеона Пидлішца, вопрошы царевы притча первая», нач. царь Пидліскій вопрошаше философа Есеона: «ісхоңу да притчею покажешы ми, како лєтнєи мужь и лукавєи, себе примєсєи, вражду прилагаеть, и пр.: — 3. 43 Публ. Б-ки XV. Q. 2 сборн. XVII в. л. 76—207 «О притчахъ, снєсаніє Сива Антиоха, друши же жыѡна Іоанна Дамаскина, зело пѣснотворца, иже о зѡбрєхъ, нарицаемыхъ стєванца и ихнцата. Вопросъ царевъ», нач. царь Пидліскій вопрошаше иѡкогє отъ философа своихъ, глаголя: «хоңу яко да притчею покажешы, како лєтнєи мужь и лукавєи есєе посрєци составєшную в иѡкихъ любовъ же и дружбу, вѡдаеть имъ дозѡ». Обѡ рукописи съ каталог. Каландовича и Строева неправильно означены имѡемъ баснописца Феода.

— Погодин, сборн. XVII в. по описи. 1963 л. 127—227 «О притчахъ, снєсаніє Сива Антиоха, друши же рѣшєи яко суть Іоанна Дамаскина, зело пѣснотворца, есєе о зѡбрєхъ, нарицаемыхъ стєванца — ихнцата...», нач. царь Пидліскій вопрошаше иѡкогє отъ философа своихъ — и т. д. какъ въ предыдущемъ спискѣ.

— Царек. № 389 сборн. XVII в. л. 449—552 заглавіє почти такъ же какъ въ двухъ послѣднихъ спискѣхъ — , F° 451 сборн. нач. XVIII в. л. 1—88 «Книга, глаголемая Ихнцата сложєна отъ древнихъ философовъ бесѣды о зѡбрєхъ, глаголемыхъ ихнцата же и стєванца, и шєиши знєиши притчєишєи притчи и приклады *отъ шєиши книгъ*, подобныи къ житію и правомъ лукавєи и прєпростыхъ чєловѣкѣ, да отъ сихъ ступици уразумѣеть, противу сихъ прикладєвъ, како отъ лукавєи и лєтнєословєнєи чєловѣкѣ опаснымъ быти, табы въ сѣть ихъ не вѡлєти; глаголетъ же вѣщєи о томъ, яко бы сѣя притчи и бесѣды написа Іоаннъ Дамаскинъ, егда бѣ въ научєнии риторикѣ. — притчей здѣсь 25.

— Демидова «описание бывшей его б-ки см. въ Чтенияхъ М. Общ. 1846, кн. 2 (смѣсь), рукоп. , F° 669 «Книга глаголемая Ихнцата, содержашєи вопросы царя Пидліскаго и отвѣты

Слова философа Иудѣянина, сочинена Іоанномъ Дамаскинскимъ, изъ Греціи принесена Максимомъ Грекомъ, святаго горы Афонской, — въ листъ.

— Въ каталогѣ рукописей Баузе, проф. Моск. унив., подъ № 85 отмѣчено (о каталогѣ см. Всеобщ. Библиограф. Чертежа. М. 1838—1843, 2, 443—444). «Ихшилатъ или собраніе разныхъ притчей 1672 года, м. ф.» Годъ означаетъ, конечно, время написанія рукописи.

— Забѣлшиа, въ рукописи XVII в. № 76, заключающей Евангеліе Басни въ переводѣ Усовинскаго, находится также Стефанитъ и Ихшилатъ, безъ заглавія.

Издатель Греческаго введенія къ Стефаниту жаловался, что писецъ выкинулъ самыя разсужденія подлиннаго текста и удержалъ одни голые разсказы; Русскаго переводчика скорѣе можно обвинить въ противномъ. Если судить по просмотрѣннымъ нами двумя Толст. и Погодинскому спискамъ, или нашъ переводъ не полонъ, или переводчикъ пользовался сокращеннымъ и неоконченнымъ спискомъ Греческаго подлинника. Изъ пятнадцати отдѣленій (тридцати Греческаго Стефанита, у насъ переведены только семь, правда, самыя большія; но и въ серединѣ текста пропущены многіе разсказы: передавая рѣчь того или другаго зѣвря, нашъ переводчикъ больше заботился о сохраненіи нравственныхъ сентенцій, чѣмъ самыхъ сказокъ и апологовъ, которыми онѣ подтверждаются. Представимъ обзоръ нашего перевода по Толстовской рукописи 3. 45; отличія другихъ списковъ не важны. Замѣчательно, что всѣ три рукописи, которыми пользовались мы, представляютъ тотъ же самый подборъ апологовъ, и всѣ одинаково оканчиваются на серединѣ разсказа «о снѣхъ Иудѣйскаго царя»: можно думать по этому, что и прототипъ нашихъ списковъ, другъ отъ друга независимыхъ, страдалъ той же неполнотой и отрывочностью.

— Предисловіе Греческаго подлинника, переведенное Носениномъ и изданное Ауривильемъ, въ этихъ рукописяхъ не существуетъ. Разсказъ прямо открывается изложеніемъ исторіи Стефанита и Ихшилата, какъ и въ снѣхѣ Штарка: *ἡ τῶν Ἰουδαίων βασιλεὺς Ἀρμεσσαλόφ ἤρξατο πῶρα πᾶν παρὶ αὐτὸν φιλοσόφον, λέγοντα Βούλεται σε ὑπεδερματίσαι με, πῶ τρέπω ἡ δούλος καὶ ποιητὴς*

ἀνὴρ μεσελαβήσας, εἰς ἕλκτραν μεταβάλλει τὴν μεταξὺ τῶν συστάσαν φίλιαν. Начало нашихъ списковъ приведено выше. Затѣмъ слѣдуетъ въ нашемъ переводѣ первая глава «сказаніе о кунехѣ» (Толст. 3. 45, л. 76, начин. «слаголетца, яко кунецъ и ѿкинъ многославенъ сый» и пр. Starck. р. 4 λέγεται, ὡς ἔραπερος τις πελούβης ὄν. Посторонній разсказъ, служившій для того, чтобы вывести на сцену быка или вола, котораго левъ принимаетъ въ лучшіе друзья свои; затѣмъ исторія переходитъ къ шакаламъ (ὁ ζῶς) Стефаниту и Пхиллату, имена которыхъ въ другой Толст. рукописи объявлены на полѣ: «медвѣдь» и «горностай», а въ Погодинской: «стеванить — соболю, пхиллатъ — горностаю»: и то и другое, разумѣется, неправильно. На поляхъ Погодинск. списка подлиннымъ почеркомъ приписаны argumenta: «сначала телца особаго пребыванію» — «страшится левъ телца» — «начинается злословіе пхиллатово» — «стеванить же въдаи его злокозньство вьско его отъ того отрѣааетъ многими бесѣдами» и т. д. въ томъ же родѣ.

— Вторая «притча о шонцѣ» л. 81, разсказанная Стефанитомъ, нач. «слаголетбѣся, яко шонкъ и ѿкинъ видѣ и ѿкосто древодѣлю» и пр. Starck. р. 12 λέγεται γὰρ, ὡς πύτχρος τις ἰδὼν τέχτενα. Обезьяна, т. е. шонкъ, подражая дровосѣку, хотѣла расколоть бревно и вмѣсто того ущемила часть собственнаго тѣла; затѣмъ она еще пострадала отъ возвратившагося дровосѣка. Такъ наказывается «влагали себѣ въ неподобія» словеса и дѣла». Замѣтимъ, что вмѣсто ἑ ἔραξ въ нашемъ текстѣ стоитъ «птица, нарицаемая алоаконь», въ др. св. «балконь».

— Третьй разсказъ, Пхиллата, о лисенѣ и тимпанѣ л. 92, нач. «слаголетбѣся, яко лисенца алушонн, пшну пшунн, приключися сѣи вещь и ѿкую обрѣсти, тимпанѣ, зовомыи ὀυβέντ Ног.» — Starck. р. 36 λέγεται γὰρ, ὡς ἀλώπυξ τις περιόσα καὶ προφῆν ἐπιζητούσα etc. Въ Погод. списокѣ разсказъ отмѣченъ 4 мѣ, потому что за 3-ю главу л. 134 об., принята коротенькая притча объ отроукѣ, приобрѣвшемъ скромностью дружбу царя; въ слѣдующихъ главахъ счетъ Погод. списка такъ же идетъ вперед.

— Четвертая «притча о вранѣ и о змиѣ» л. 97, разсказанная Пхиллатомъ, нач. «слаголетбѣся, яко вранѣ и ѿкинъ зово-

τηλαδίησεν ἐν ἡκόσμῳ δρεβὲ ἐν γορῷ. — Starck, p. 60 λέγεται γὰρ, ὡς χάραξ τις ἐμφωλεύσων τὸν τῶν ὄρεων δένδρον. Перелететь пронупенъ длинной разсказъ о пустынникѣ и о ворѣ, укравшемъ платье. Starck, p. 50.

— Пятая притча «о якарале и о сакѣ» (л. 98), рассказанная аврема, другомъ воропа, нач. «слаголетѡса, яко жеравь ηκκιν при βλατῖ пребывая, непонену рыбѡ», — Starck, p. 62 λέγεται γὰρ, ὡς χύκνος τις παρὰ τῶν ἰχθύων πλήθει λίμνῃ εἰχθῶν.

— Шестая «притча о левѣ и о зайцѣ» (л. 101), рассказанная Нхилагомъ, о томъ, какъ зайце сумѣлъ обмануть голодного льва и даже лишить его жизни; этой притчей Нхилаге убѣждаетъ Стефанита, что можетъ достичь своей цѣли, т. е. посорить льва съ быкомъ. Нач. «слаголетѡса, яко левъ ηκκιν обитоваше травносно поле и водно», — Starck, p. 70. λέων (γὰρ) τις ὄξει χλιεφῆρον καὶ ὕδατῶδες πεδίον.

— Седьмая «притча о трехъ рыбахъ» Нхилага къ парю (л. 107), нач. «слаголетѡса, яко въ ηκόσμῳ βλατῖ, близи рѣки суне, три пребываху рыбѡ», — Starck, p. 82 λέγεται γὰρ ὡς ἐν τῶν λιμνῶν πρὸς ποταμὸν συνάπτουσι τρεῖς διητῶντο ἰχθύες. Рыбы услышали однажды, что рыбаки хотятъ выловить ихъ изъ болота; одна изъ нихъ, мудрая, тотчасъ же ушла въ рѣку; другая, поглупѣе, осталась, но когда рыбаки пришли и заторопили проходить въ рѣку, притворилась мертвою, — рыбаки взяли ее руками и спокойно положили на берегу рѣки, тогда рыба встрепетнулась и прыгнула въ рѣку; третья рыба была советливъ слупа, увидѣвши рыбаководы, начала метаться въ разныя стороны и скоро была поймана: «словолити бо мудростію челоуѣцы всякимъ образомъ тнатея саке не виднуги въ злая паденія; а меншии разумомъ и странливии, виднаюгъ убо когда, и промышляюгъ саке своего избавленія; а иже до конца не полезни мудростію, аще виднаюгъ, и никогда же избавленіе могутъ обрѣсти».

— Восьмая «притча о коридѣ и о блохѣ» (л. 111), также рассказанная лаву Нхилагомъ, нач. «слаголетѡса, яко корида ηκκαλ въ βλατῖ др. сн. *ὡς πορτατῶν* — одеждлахъ вельможа ηκκωго кривнешея не мало время», — Starck, p. 90. φρεῖς γὰρ τις δερμαίος τῶνδ τῶν μεριστάνων ἐπὶ μακρῷ ἐναχέροπτε χρόνῳ.

— Девятая «притча о волкѣ и о лисицѣ и о гавранѣ и о лѣвѣ и о вѣлбудѣ» (гл. 117, приведенная темномъ, нач. «ελαφοειβοσα, яко левъ и λικιονъ пребываше въ илκοεμъ μετѣ гл. б. *μικρο*»), — Starck, p. 102 λέγεται γάρ, ὡς λέων τις παρὰ τινι δεσπότῃ ὄλη, Дале пропущена притча о итии и акционѣ (Starck, p. 114), къ которой по Греческому подлиннику относится слѣдующая притча, въ Русскомъ переводѣ приписанная прямо Ихиляту.

— Десятая «притча о дву порнѣхъ и о желвѣ» (= черепашкѣ), гл. 123, нач. «ελαφοειβοσα, яко въ илκοεμъ источникѣ пребываху два порна и желва съ нимъ», — Starck, p. 116 λέγεται γάρ, ὡς ἐν τινι πηγῇ ὑπάρχει ἑδαιοπόνοτε δύο καὶ μία χελώνη. Здѣсь слова τὰ τῶν νοκτεριδῶν ἔρματα переведены «илковомъ очю», др. сн. «слѣдковы очю».

— Одиннадцатая «притча о дву дружѣхъ» (гл. 129, Стефанита, нач. «ελαφοειβοσα, яко въ илκοεμъ горѣ пребываху два шюнка, и μιλχου дружбѣ между собою», — Starck, p. 130 λέγεται γάρ, ὡς ποτηρός τις ἀνὴρ σὺν ἄλλῃ σχολαστικῷ τινὶ, κωνωνίαν πρὸς ἀλλήλους ποιησόμενοι. Разница въ начальныхъ словахъ происходитъ отъ того, что въ Русскомъ текстѣ пропущена предыдущая притча о иионѣхъ и воронѣ (Starck, p. 128 λέγ. γάρ, ὡς τινὲς πύτχαι etc.), но начало ея отнесено къ слѣдующему разсказу, въ которомъ дѣйствуютъ вовсе не шюнки, а люди. То же смѣшеніе и въ двухъ другихъ рукописяхъ.

— Двѣнадцатая «притча о куницѣ» гл. 132, Стефанита къ Ихиляту, нач. «ελαφοειβοσα, яко и λικιονъ куницѣ хотѣ поити на куницю», — Starck, p. 140 λέγεται γάρ, ὡς ἑμπορός τις μελλῶν ἀπεδιδεῖν. Передъ тѣмъ пропущена притча Греческаго Стефанита о журавлѣ и μιλχῃ, p. 134.

— Тринадцатая «притча по убѣненіи телми» гл. 135), т. е. разсказъ о томъ, что случилось по смерти телма, погубленнаго коварствомъ Ихилята; здѣсь опять является царь, бесѣдующій съ философомъ, какъ въ началѣ книги. «Царь же рече философу: паисети ми, по убѣненіи телми како быти Ихилята? — Философъ же воспримъ рече: по убѣненіи телма илзде вопъ леонтопардѣю и пр. Въ Греческомъ текстѣ здѣсь начинается отдѣленіе второе, Starck, p. 146 ἐ δὲ βασίλειος τῷ φιλοσόφῳ ἔφα, ἀνάγγελον σὺν ρει etc

— Четырнадцатая «притча о неумелном врачѣ», сказанная Пхиллатомъ въ судѣ (д. 146, нач. «слаголетѣбося, яко иβκίην врачъ приде въ иβκίην градѣ», — Starck. p. 168 λέγ. γάρ, ὡς ἰατρὸς τις τοιοῦτος ἐπεδήμησε πῶλεϊ τινί. Въ городѣ, куда пришелъ врачъ, была опасно больна царская дочь, и ему поручили приготовить лекарство, которое нужно было ей дать; по незнанію своему, врачъ дать ей другаго бѣлія и она умерла; тогда родители принудили его вынуть того же вреднаго лекарства и врачъ потерѣлъ смертныя муки. Этимъ доказывается, что «ниже кто неведѣть ничтоже, да джу не слаголетѣть; слаголя бо джу, подобно постракетъ неумелнаго врача».

— Пятнадцатая «притча о женахъ» (д. 148), приведенная опять Пхиллатомъ на протоматера, нач. «слаголетѣбося, яко женѣ двѣ съ мужемъ отъ пλῆθια избѣγши», — Starck. p. 172 λέγ. γάρ, ὡς δύο γυναῖκες μετ' ἀνδρὸς ἐκ τινος διαδράντες αἰχμαλωσίᾳς. Протоматери, πρωτομάχιζες, въ Погод. рукописи истолкованы: «коти».

— Шестнадцатая «притча о лжесвидѣтелѣ» (д. 151, сказанная Пхиллатомъ въ судѣ, нач. «слаголетѣбося, яко иβκίην крагуаръ вождетъ жену господина своего», — Starck. p. 178 λέγ. γάρ, ὡς ἰερακάριος τις ἤγάσθη τῆς γυναίκος τοῦ κυρίου αὐτοῦ. Когда поползованіе крагуара не удалось, онъ поймалъ двухъ сой и вынулъ ихъ говорить по-Персидски, одну — «свидѣхъ госпожу свою со вратаремъ надшуся», а другую — «не слаго по ничтоже». Господинъ, услышавъ разговоръ ихъ, пришелъ въ великій гнѣвъ; но жена убѣдила его, что птицы не умѣютъ говорить ничего другаго, и открыла ему поступки крагуара; тогда «напрасно воскочи господинъ... ко крагуару и извергъ ему очю», члѣмъ и доказывается опасность лжесвидѣтельства, въ которомъ Пхиллатъ упрекаетъ своихъ обвинителей.

— Семнадцатая «притча о любовныхъ друзехъ» (д. 154), т. е. о гавранѣ, змѣи, серпѣ и желвѣ, нач. «слаголетѣбося, яко въ иβκίηемъ градѣ место бѣше уютно на ловѣ», — Starck. p. 184 ... λέγ. γάρ, ὡς ἐν τινι χώρῳ τόπος ἴν πρὸς ἑξήραν ἐπιτήδειος. Здѣсь оканчивается исторія льва, быка и двухъ шакаловъ, и въ Греческомъ Стефанѣ начинается третье отдѣленіе, въ которомъ разсуждается «о друзехъ, иже моубитна и въ любви

присно пребываютъ». Далѣе, въ нашей рукописи принято за особенную (18-ю притчу «о мышѣ и о гавранѣ» л. 157), продолженіе того же разсказа, и следовательно счетъ главъ перемѣшивается; въ Погодинской рукописи этого дѣленія нѣтъ, и счетъ сравнивается съ Толстовскимъ. Въ разговорѣ монаховъ, у одного изъ которыхъ жила мышъ, Русскій переводъ пропускаетъ притчу о волкѣ (Starck, p. 206).

— Осьмнадцатая, по рукоп. 19-я, «притча о гавранѣхъ и о вышкѣхъ» (л. 172), разсказанная философомъ царю, нач. «слагодетѣбоя, яко въ шкѣсей горѣ бѣше древо шкѣое», — Starck, p. 236—238 ... λέγει γὰρ, ὡς ἐν τῷ ἔρει. ἐν ὑπερμεγέτεσι δένδροι. Въ Греческомъ текстѣ отдѣленіе четвертое: «како подобаетъ блюсти врага, какъ лицемѣрь нечестивъ пріятель является». Начальная слова царя и философа въ нашемъ переводѣ нѣсколько длиннѣе; въ притчѣ, Греч. *πρῶτος ἰδρυόμενος* переведено «первыи советникъ», а въ другомъ случаѣ поставлено «схоластикъ»: «и поиде царь съ схоластикомъ, сирѣчь со уединенемъ (= уединеннымъ) особѣ» (л. 176, Starck, p. 252), въ Погодинской же рукописи забавная ошибкa: «с холатникомъ, сирѣчь со уединеннымъ». Далѣе пропущены почти все сказки, вставленныя въ это отдѣленіе, именно: о безтождѣхъ и слюнахъ Starck, p. 254, о зайцѣ и скіурѣ — какъ они потеряли отъ кошки p. 262, о монахѣ, котораго обманули веры, украшеніе у него кола p. 270, о старомъ мужѣ, молодой женѣ и о ворѣ p. 278, о монахѣ, которому строили колни веры и дьяволъ p. 282, о мастеровомъ, котораго обманываетъ жена p. 286, наконецъ о пустынникѣ, обратившемъ мышъ въ дѣвушку p. 296.

— Девятнадцатая, по рукоп. 20-я, «притча о змѣи, како поидохися жабѣ» (л. 186), разсказанная гавраномъ, нач. «слагодетѣбоя, яко змѣи шкѣи заматорѣвъ, состарѣвъ, и не возможе ничгоже ловити на пищу», — Starck, p. 306 λέγει γὰρ, ὡς ἔρει τις παραβεβηχώς καὶ γαργαχώς πρὸς τὴν τήραν ἠτόνησε.

— Двадцатая, по рукоп. 21-я, «притча о шношкѣхъ» (л. 188), разсказанная философомъ царю, нач. «слагодетѣбоя, яко шношны шкъны царя у себе имуше», — Starck, p. 314 λέγεται, ὡς εἰ πικτηαὶ τῶν σοφῶν βασιλεία. Въ Греческомъ текстѣ начинается здѣсь отдѣленіе пятое, о томъ, «како кто когда достигъ желанія

своего и не могли добре содержать его, и абие наки поубить ея; въ изложеніи этого отдѣла у насъ недостаетъ басни о львѣ и лисицѣ (Starek, p. 326). Замѣтимъ, что слово *συζυγός* переведено у насъ «подруга».

— Двадцать первая, по рукоп. 22-й, «спричка о мужи и о жещѣ, яже наединѣ жившемъ *кромя* людей» (л. 194), разсказанная философомъ въ шестомъ отдѣленіи Греческаго Стефанита, нач. «слаголетбеси, яко мужь ибкѣи икуиѣ (сѣ, своєю женою наединѣ живяше *кромя* людей», — Starek, p. 334 . . . λέγεσαι, ὡς ἀνδρὸς πρὸς τὴν ἄρσιν τῆ ἰδέα γυναικὶ κατὰ μένας συζῶν.

— Двадцать вторая, по рукоп. 23-й, «спричка о проливавшемъ медь и масло» (л. 194), нач. «слаголетбеси, яко мужь ибкѣи ото убогихъ имѣяше у себе въ ибкѣихъ сосудехъ медь и масло», — Starek, p. 336 λέγει γάρ, ὡς πέντης τὴς μέλι τε καὶ βούτυρον ἐν τινι ἀγγείῳ, ἔντα ἐκάτευθε, πηχσίον εἶχε. Известный анекдотъ: посредствомъ продажи меду и масла бѣдный мечтатель думалъ приобрести огромныя богатства; воображалъ, какъ онъ тогда женится, будетъ имѣть сына, какъ станетъ учить его жезломъ послушанію; онъ взялъ жезлъ, размахнулся и — разбилъ сосудъ съ медомъ и масломъ. Первоначальный разсказъ находится въ 5-й гл. Папча-тантры; онъ повторяется, кромѣ другихъ редакцій Каллима-ва-Димны, въ Conde Lucanor (пг. 29), отчасти въ Шьменкой народной сказкѣ der faule Heinz (Grimm, Kinderm. 2, 360 ff. и во многихъ позднѣйшихъ басняхъ (Dunlop, 502). Здѣсь онъ соединенъ съ предыдущимъ разсказомъ, подобнаго же рода: мужь мечталъ о томъ, какъ у него родится «мужески погъ отрока»; жена возразила на это притчей «о проливавшемъ медь и масло». Потомъ, — приводимъ разсказъ по рукописи, — «роди отрока жена его, и по ибкѣихъ днехъ рече жена къ мужу своему: приѣди мало здѣ у отрока своего, дождеке медше возвращеся, — и отиде жена его. И позванъ же бысть отъ влаетелина муаъ ея, и поиде, и остави дѣтище едино; и приключея абие пресмыкатися змию на дѣтища, и видѣвши жена брата его, неветка змию, и скочивше и зубы излече змию, и уби ю, и рукама своимъ растерза ю, и окровавивея змииною кровію. Прииде же наки мужь онъ, и видѣвъ неветку окровавлену змииною кровію, и мнаше, яко отрока се его убилъ естъ,

и не стерѣ, дождеже видѣть отрока, и удари сѣю по главѣ немилостивно, и умре отъ того. Вшеди во храмину и обрѣте отрока пѣла, и змѣя содроблена, и зѣло раскаяся и плакася горко». На такой же ошибкѣ основанъ, какъ увидимъ, одинъ разсказъ въ Семи Мудрцахъ. Притча о пролившемъ мастю и медь имѣеть своего двойника въ нашей дубочной картинкѣ: «мысли върныя мужика, несшаго въ торгъ яши» (*Сестреницъ*, въ Вал. Сборникѣ, стр. 210).

— Двадцать третья, по рукоп. 24-я «притча о снѣхъ Индѣйсково царя» (л. 197), разсказанная философомъ царю въ седьмомъ отдѣленіи Греческаго Стефанита, нач. «слагодетѣоса ситие (sic), яко тои царь Индѣйскій во едну отъ пощей видѣ осмь сновъ страшныхъ и ужасныхъ». — *Starek*, p. 340—342 λέγει γὰρ, ὡς βασιλεὺς οὗτος ὄκτω πότε ἐνείρητος ἐν τῷ κατεύδειν φεβερὸς ἰδών. Философы, призванные царемъ для разъясненія сновъ, хотѣли устроить его гибель, и совѣтовали ему избить всѣхъ близкихъ своихъ: царь бытъ въ жестокомъ недоумѣніи; но царца, не вѣря лживымъ философамъ, просила мука исхата объясненія сновъ у постника старца, *управителя цркви христѣианъ*. Постникъ растолковалъ всѣ сны совершенно иначе, представляя царю получение многихъ даровъ, и пр. Этотъ послѣдній разсказъ Русскаго текста, намъ извѣстнаго, оканчивается по серединѣ исторіи словами: «... во единъ же убо отъ днѣи, еже въиенъ вземшии» — *Starek*, p. 358.

Въ заключеніи нашего Стефанита помѣщены другія статьи, къ нему не принадлежащія, но вѣроятно находившіяся въ той Греческой рукописи, которую пользовался переводчикъ. Самый текстъ оканчивается въ То тет. спискѣ З. 45 слѣдующими словами: «судростьже сѣя и притчи къ которымъ писателемъ (sic), по *недѣлнцати снѣи*, по уже время, возобленіи. — мнѣхъ убо сладкую бесѣду отеческихъ словесъ сократити; Богъ же челоувѣколюбивши да возрыетъ насъ своею благодатию и молитвами всѣхъ святыхъ, аминь» л. 205. Въѣсто того въ Погод. св. сказано, по окончаніи прибавленныхъ статей: «добрѣ внимаи кто притчамъ, имать прилагати разумъ къ дѣлательнымъ вешемъ, — егда же совершатся вещи, и разумѣемъ силу приложеннаго разума, — еда ли же сему достойно быти прилогу разума естествен-

наго къ вешемъ» (?). Не осталось ли и здѣсь что нибудь изъ заключенія Греческой рукописи?

Къ Стефаниту прибавлена, во первыхъ, «притча илькая о составленіи человеческого сущаго естества» (Толст. 205—207, Погод. об. 220—221, или весьма извѣстная басня о спорѣ частей человеческого тѣла, нач. «человѣкъ бо илькин рече притчу сію сине: илькогда прилучися, совокупистася утроба со всеми уди гласными» и пр. Во вторыхъ, слѣдующія гномическія изреченія:

•Блаженъ бо есть той градъ, иже отъ древнихъ и благочестивыхъ царей царствуемъ, — и корабль отъ искусныхъ кормиць окармлемъ (= направляемъ, Погод.), — и монастырь отъ воздержавшихъ инокъ строишь....

•А тому граду горе есть велико, иже отъ юныхъ и нечестивыхъ царей царствуемъ, — и кораблю отъ неискусныхъ кормиць окармлемъ, — и монастырю отъ неискусныхъ инокъ строишь.

•Градъ убо скоро ильишь бываеть, — а корабль разбиетца векорь же, — монастырь же занустьеть, и сія вся свершатся отъ неразумія человеческого.

Въ третьихъ, въ Погод. св. об. л. 221 — 227 находится «притча о илькомъ велможь», съ которою встрѣтимся еще далѣе, когда будемъ говорить о «Римскихъ Дѣяніяхъ» т. е. Русскомъ переводѣ *Gesta Romanorum*. Легко можно допустить, что уже оригиналъ нашего перевода имѣлъ тотъ неполный и неправильный составъ, какой мы означили; потому что и списки, извѣстныя по изданіямъ, далеко не удовлетворительны: список Успенскій не имѣетъ многого, что есть въ переводѣ Поссина; Голштейнскій не имѣетъ цѣлаго введенія. Или и наши списки дѣлишь на два разряда — полные и неполные? Но в Русскій текстъ въ свою очередь представляетъ илькоторыя мѣста, не находящіяся въ изданіи Штарка, напр. обращеніе къ иноку въ первой притчѣ Толст. л. 78., упоминаніе Омировой притчи (Толст. л. 123, Погод. л. 164 об.) и друг. Книга должна была пользоваться уваженіемъ, если ее приписывали Іоанну Дамаскину; и дѣйствительно, въ сборникѣ нравственныхъ и благочестивыхъ изреченій, въ родѣ Пречы, находящемся въ Толстовской рукописи 2. 181, л. 446 — 460, выписки изъ «Шмитаго

поставлены рядом съ изреченіями самыхъ знаменитыхъ и почитаемыхъ у насъ гномистовъ.

Другой характеръ анолога и другой видъ животного эпоса является въ Езоповой баснѣ; съ переводами ея снова вступаемъ въ XVII столѣтіе. Не распространяясь о значеніи Езона въ классическихъ и средне-вѣковыхъ литературахъ, обозначимъ только составъ рукописей, заключающихъ наши переводы его басенъ. Езопъ едва ли былъ извѣстенъ у насъ ранѣе XVII вѣка; первый переводъ сдѣланъ былъ Оедоромъ Касьяновымъ сыномъ Говвинскимъ въ 1608 году. Тому же Говвинскому принадлежатъ переводы «Трошика» Пиннокентія пана Римскаго, находящіеся въ Румянц. сборникѣ Л. 367, Толстов. рукописяхъ 2. 140, 2. 286 и ин. др. Личность переводчика определяется въ заключеніи этой послѣдней книги такимъ образомъ: «лѣта 7117-го (= 1609) мѣсяца іюля въ 11 день перевелъ сію книгу съ Польскаго языка на Рускій языкъ Оедоръ Касьяновъ сынъ Говвинскій, *Греческииъ словъ и Польскииъ переводчикъ*, въ царствующемъ градѣ Москви» (Румянц. л. 450). Въ описаніи Толстовскаго собранія имя его неправильно означено *Кассіанъ* Говвинскій стр. 445, ср. *Медведева*, оглавл. книгъ 85). Польскій переводъ Говвинскаго, кромѣ басенъ, представляетъ Плутову біографію Езона, уже знакомую намъ по сказкѣ о Синагрии. Въ такомъ составѣ трудъ Говвинскаго находится въ рукописи конца XVIII в., изъ собранія гр. Сухтелена, Публ. Б-ки XIV. F. 5; другіе, видѣнные нами списки заключаютъ или одну біографію или только басни. Вообще рукописи Езона перѣдки:

— Погодинскій сборн. Публ. Б-ки, по описи Л^н 1964, XVII-го вѣка, на л. 61—123 Езоповы басни, безъ заглавія. Сначала силлабическіе стихи или стихи на Езона, начин.

Баснославателъ Езопъ не украшенъ образомъ.

Прочитая же сего обрѣщешися съ разумомъ.

Плотъ его сосудецъ, аще не абло чества.

Но душа, въ ней живуща, абло илжнаа . . .

Въ концѣ.

. . . . Правоучительная къ намъ сей бесѣдуетъ

И въ притчахъ потешая къ житію даруетъ.

Яже отъ Еллиискаго преведена суть мною,
Прочитай, любимиче, утѣшися со мною,
Вирши сїи по часту прочитовай,
И въ книгѣ сей на стихи истолкованїя не забывай.

Затѣмъ притчи, на л. 125 «надписаніе Автоїа мудреца», нач. «баснь или притча отъ творцевъ изыде» и пр., опредѣленіе басни, наконецъ об. л. 125 «исторїя книги сей — притчи или баснословіе Езона Фрига, философа Греческаго и баснотворца, преведены быша з Греческаго діалекта на Словенскїи языкъ Феодорожь Касьяновымъ сыномъ Говвинскимъ, въ царствующемъ градѣ, отъ созданїа міру 7116 г. (= 1608, октябрь въ 19 день», а на полѣ прибавлено: «и по сей годъ 156 лѣтъ», слѣд. было читано еще въ 1764 году.

— Фроловская рукоп. Публ. Б-ки XVIII. Q. 3. XVII го столѣтія, на 37 л. «Житїе естественнѣ острѣйшаго Езона Фригїискаго» т. е. Пландова біографїа, нач. «естество вещей, еже есть въ человекѣхъ, испытану и шїи мнози, и предана тоє послѣдороднымъ своимъ, но якоже ми видится, Есонъ сїю премудрость не ѡняше естественнаго разума, заєе достиже въ мѣры древнихъ учителей. — яко онымъ, яже глагола, шїже отъ учителя научися, шїже отъ древнихъ исторїи взяше, по разумомъ и баснею, влече человека къ себѣ, толико, яко и учителя онаго времени не возмогоша глаголати противу его» и проч.

— Б-ки Моск. Общ. № 115 въ космографїи XVIII вѣка, л. 379—444 прибавлена статья «книга, глаголемая по Рускїи, а по Греческїи стихословъ и Еллиискїи вирши сіе», въ ней же написашася повѣсти о небесныхъ птицахъ, и о земныхъ сло- тѣхъ, и о звѣрехъ, и о гадѣхъ, и приводится ко всякому чело- вѣчьескому разуму и праву, притчами скажутся и о дружбѣ и о недружбѣ и о лести», — гдѣ находится, по Строеву, 139 притчъ.

— По указанію, сообщенному намъ г. Буслевымъ, въ скороп. сборникѣ конца XVII в., Арх. Мин. Ин. Д. № 250, откуда заимствованы г. Буслевымъ поговорки, на л. 383—418 находится «житїе Езона баснослова, и о хоженїи его, и о его мудрости, како стязался съ Еллиискими мудрецы и свою мудрость показуя многимъ царемъ, списано отъ Максима Клавдія, безъ сомнѣнїя такъ же біографїа Максима Пландова. Затѣмъ, л. 419, предисловіе къ баснямъ и вирши на пре-

мудрого баснослователя Езона; далее об. л. 449—469 басни, конечно въ переводѣ Гозвинскаго.

— Заблѣна, рукоп. XVII в. № 76, уже нами упомянутая, заключаетъ притчи или баснословіе Езона Фрига, философа Греческаго и баснословца, приведены быша съ Греческаго діалекта на Словенскій языкъ переводникомъ Одеромъ Касьяновымъ сыномъ Гозвинскимъ въ царствующемъ градѣ Москвѣ въ лето отъ созданія міру 7116, октября въ 19 день.

Новый списокъ гр. Сухтелена представляетъ всѣ эти статьи, хотя написаны съ большими ошибками. Заглавіе біографіи, какъ въ Архивной рукописи: «житіе Езона баснослоза, и о хожденіи его и его мудрости, како стязался съ Еллинскими мудрецы и свою мудрость показуя многимъ царемъ, — списано отъ Максима Шавдіи», т. е. нач. «спеней чловѣческихъ естество преслѣдована и прочіи, и наследованнмъ подана; Езонъ же языкъ мнитя не кромѣ божіаго дуновения, понеже благопрашаго ученія коснуся» и пр. Переводъ, какъ можно видѣть и по этому началу, если не другой, чѣмъ въ списокѣ Фролова, то очень сильно переламанный. За біографіей, на л. 25 другое заглавіе: «книга, глаголемая Езонъ по Руски, а по Гречески стихословъ, а Еллински вирши» и т. д. сходно со спискомъ Моск. Общ.; далее «предисловіе», заключающее указанные силлабическіе стихи, которые здѣсь во многомъ переименованы, потомъ «надписаніе Авдонія мудреца», наконецъ л. 25 обор. начинаются басни, которыя оканчиваются на л. 60 исторіей перевода, гдѣ вмѣсто имени Гозвинскаго неправильно переписано изъ старой рукописи: «Томвижскій». Басни и въ Погодинскомъ и въ Сухтеленскомъ спискахъ идутъ въ томъ же порядкѣ: 1) о орлѣ и о лисницѣ, 2) о соловьѣ и ястребѣ, 3) о лисницѣ и о козлѣ, 4) о львѣ и о лисницѣ, 5) о котѣ и алексіонѣ (=алекторѣ, Погод.), 6) о лисницѣ, и т. д.; но число ихъ въ разныхъ спискахъ неодинаково: въ списокѣ Моск. Общ. басенъ 139, въ Погодинскомъ 142, въ рукописи гр. Сухтелена 148 (здѣсь число ихъ доведено до 150, но въ счетъ есть ошибка). Для примѣра выписываемъ изъ этой редакціи Езона первую басню:

Орель съ лисницею содружившея близъ себе почаша жити, и утверженіе права, любве и дружбѣ сотворише, орель убо на высотѣ

и бѣтъ гнѣздо изви, лисица же въ ближнихъ кустѣхъ чадо пороши. На частѣ вѣкогда лисицѣ вшедшей, орелъ же пиши и брашна не имѣя и сѣтъ въ кустѣ, лисицына чада восхитивъ, со своимъ жладыи и птенцы вкуиѣ пожре. Лисицѣ пришедши и содѣланое увѣдѣши, не только о смерти своихъ чады скорбяше, елико отъстити орудю не може, земля бо бѣ лисица, птицу летающую тошти не возможе. гѣмъ же издадече лисица ставъ, еже и немощнымъ есть удобно, супротивника своего и врага безчествуд, проклинаше. Не по мнзлѣхъ же днесь послѣди, ибѣши челоуѣцы козу на жертвенникъ принесше бо гоу жроща: сѣтъвъ же орелъ и часть вѣкую сея жертвы со углемъ горящимъ возхити и ко птенцемъ въ гнѣздо принесе. — вѣтру же люто дышащу сишеву, яко и пламени разгорѣвшися, орлична же еще суще безъ крыль ни улетѣти не могуще, спекшеся на землю низпадоша *въ рукоп.* -дшо^в: лисица же видѣши радуяся притече, предъ лицемъ орлимъ ругаючися всѣхъ сѣде.

-Толкованіе: притча сія знаменуеть, яко иже дружбу разоривше, аще убо отъ обидимыхъ убѣгнуть отъмщенія, неможенія ради, по Божіа отъмщенія праведнаго не убѣгнуть.

Совершенно другаго состава второй переводъ Езоповыхъ басенъ, принадлежащій второй половинѣ XVII вѣка. Единственная, извѣстная намъ, рукопись этого перевода находится въ Толст. собраніи 2. 492. Публ. Б-ки XV. Q. 16. Этотъ неполный списокъ, со многими вырванными листами, не имѣетъ и заглавнаго листа; начальныя притчи: 3) о крестьянинѣ и о ужю, 4) о вепрѣ дикомъ и о ослѣ, 5) о мыши деревенской и градской, 6) о орлѣ и воронѣ и т. д. Книга состоитъ изъ трехъ частей: во второй идутъ притчи: 1) о двухъ жабахъ, 2) о вѣтру сономѣ, 3) о ужю, 4) о лву и о медвѣдѣ и пр.; въ третьей: 1) о мыши (съ) сундукомъ, 2) о крестьянинѣ и о хлѣбѣ, 3) о ястребѣ з голубемъ, 4) о челоуѣку бродящемъ черезъ воду и т. д. Число басенъ въ каждой части — 142, 44 и 74. Нашъ переводчикъ составилъ свой трудъ по Польскому изданію одной изъ новѣйшихъ редакцій басенъ Езоповыхъ; самого Езона, вмѣсто «фригійскій» онъ постоянно именуеть «франкій», даже «французскій». Подлинникъ его виденъ изъ слѣдующихъ заглавій второго и третьяго отдѣленія: «вторыхъ книгъ вторыа притчи Гавриѣла грека, къ первымъ притчамъ подобныя зъ Греческаго языка на *Польскій* переведены»: «третьихъ книгъ третія притча

Лаврентія римлянина с Латинскаго на *Польскій* языкъ переведенъ»; въ концѣ первой книги находится извѣстіе о времени перевода и самомъ переводчикѣ: «183 (= 1675, мая въ ..., переведена сія книга Езонъ Француской сіе въ Сибирску, а переводилъ сибирской рохмистръ *Иотръ Кашинской*; а въ семь Езонѣ трои книги—Езонъ Францкой, другой Гаврила Грета, третей Лаврентія Римлянина». Следовательно прямымъ оригиналомъ нашего перевода было старинное Польское изданіе, неизвѣстнаго впрочемъ года, описанное Юхеромъ: *Fabuly Aezorowe abo przyrowieści...* (до стр. 182, потомъ), *Przyrowieści Gabryela greka, temi czasy na polskie wyłożone* (до стр. 205, наконецъ), *Przyrowieści Laurentego Abstemiusza z łacińskiego na polskie przelożone* (*Obraz bibliogr.-histor. literatury i nauk w Polsce*, Wilno, 1840, 1. 107. ср. *Maciejowski*, *Pism.* 3, 179). Та же притча о лисицѣ съ орломъ перелана здѣсь такимъ образомъ:

Захотѣлъ орелъ съ лисицею близко себе жити, чтобъ лучшее межъ ими товариство было; также орелъ поселился на деревѣ, а лисица подъ нимъ выкопала яму; а орелъ, когда времени одного лисица дѣтей своимъ пошла добывать корму, слетѣвши на землю дѣти *сво* похватали и далъ своимъ орлятамъ. Пришотни лисица, когда не нашла своихъ дѣтей вѣдми кручинилася и плакала, видячи, что надъ орломъ, которой былъ высоко, не могла поместиться, побѣжала въ деревню и принесла огненную головню и положила подъ деревомъ, а когда вътръ раздымалъ головню, она еще сухова дерева прибавилася, такъ что гнѣздо орлово важила. А дѣти, хотячи отъ огня уйти, а летать еще не умѣли, на землю попадали, которыхъ лисица похватавши переть орломъ раздрала и поѣла.

Толкъ хто крестное цѣлованіе дамлетъ, либо отъ людей отомщенія не будетъ, токмо отъ Бога вѣчное наказаніе приметь.

Вліяніе Польскаго оригинала въ этомъ переводѣ очень замѣтно; нѣкоторыя Польскія слова, напр. *nieścista* = *niewiasta*, поставлены безъ толкованія, хотя по Русски имѣютъ другой смыслъ.

Въ царствованіе Петра Великаго, Езонъ на Русскомъ языкѣ появился еще два раза. Первое изданіе, одна изъ любовитѣльнѣйшихъ книгъ Петровскаго времени, имѣетъ такое заглавіе: *Притчи Эссоновы, на латинскомъ и рускомъ языкѣ, ихъ же*

Авигеніи стихами і зобразив, — совокупно же Бранш іакобъ и мѣншей, Гомеромъ дрѣвле описана со парадными въ обоихъ книгахъ лицами и е' толкованіемъ. В' Амстеродѣмѣ напечатана оу Ивана Андрѣева Тѣснота. Лѣта 1700. Къ баснямъ принадлежитъ сорокъ гравюръ, и шесть къ Батрахоміомахіи; сличеніе перевода Коцевица съ переводомъ Говвинскаго сдѣлано было Полевымъ въ Русск. Вѣстникѣ (1842, т. 5, 174—179). Другое изданіе называется: «Есоновы притчи, повелѣніемъ Царскаго величества, напечатаны въ Санктпетербургѣ, дѣла Господня, 1717 апрѣля въ 5 день». Здѣсь помѣщено и «житіе по природѣ остроумнаго Есона», которое должно сличить съ указанными выше Фроловскимъ и Суздальен. списками Планаудовой біографіи.

Въ литературахъ западныхъ знакомство съ Есоновой басней, въ томъ видѣ какъ она была собрана Планаудомъ, распространилось впервые въ концѣ XV-го вѣка. До тѣхъ поръ Есонову басню гораздо болѣе знали по Бабрію, Федуру и познимъ нхъ послѣдователямъ, Авигену, Тиціану и другимъ. Самый Федръ уже рано былъ замѣненъ другими обработками этихъ сюжетовъ, болѣе и болѣе вытѣснявшими подлинную басню: такимъ образомъ Федру предпочитали собраніе Ромула, откуда извѣстный Винцентій Бовесскій помѣстилъ 29 басенъ въ своемъ *Speculum doctrinale*. Въ новыхъ передѣлкахъ классическая басня получила однако другой характеръ; такъ Нѣмецкіе фабулисты, соединяя подъ словомъ *bispiel* и тѣ апологи, какіе брали изъ классическаго или восточнаго источника, и тѣ, какіе доставляли національный животный знось, — развивали преимущественно моральную сторону сюжета и дали правоученію такіе обширные размѣры, какихъ оно не достигало прежде. У одного изъ замѣчательнѣйшихъ фабулистовъ Нѣмецкихъ, Бопера, котораго относятъ къ XIV столѣтію, правоучительное направленіе распространило свою область на счетъ самаго разсказа, морализація басни подкрѣпляется пословицами, подобіями и другими объясненіями, для того, чтобы читатель легче усвоивалъ сущность поученія. Упадокъ эпическаго начала выразился особенно въ томъ, что мораль не сдѣлала строго за содержаніемъ разсказа и дѣласть такія частныя примѣненія, которыя вовсе не вытекаютъ

изъ басни. Такъ въ баснѣ о обезьянѣ, не можешь раскусить орѣха, Бонертъ не довольствуется ближайшимъ смысломъ разсказа, но выводитъ такое заключеніе: кто посвящаетъ себя Богу, тотъ долженъ вынести много страданій, какъ не долженъ бояться дыму тотъ, кто хочетъ раздуть огонь и т. п. Производитъ въ выборѣ наставленій, прибавляемыхъ къ баснѣ, позволить фабулистамъ обращаться въ нихъ именно къ тѣмъ явленіямъ дѣйствительности, которыя были важнѣе по ихъ понятіямъ и требовали исправленія. Въ самомъ дѣлѣ средневѣковая басня, съ одной стороны, была очень близка къ чистой проповѣди и поученію, съ другой выражала стремленія сатирическія; поученіе и сатира въ свою очередь пользовались басней, какъ пригоднымъ матеріаломъ. Въ то время, когда это правоучительное и правописательное примѣненіе аполога достигло крайняго развитія, обнаружился и совершенный упадокъ первобытнаго эпического сюжета: не довольствуясь моральными выводами и разсужденіями, фабулисты стали присоединять къ баснѣ и примѣры историческіе, которыми бы подтверждалась правдивая идея. Такого рода произведеніе переведено было у насъ, съ Шменкаго, въ 1674 году. Рукопись перевода, XVII вѣка, находится въ Толст. сборникѣ 2. 451, Публ. Б-ки XVII. Q. 7, л. 1 — 95: *«Зрѣлище житія человеческого, шемке изъявлены суть дивныя бесѣды животныхъ со истинными къ тому предвѣстными повѣстми въ наученіе всякаго чина и сана человекомъ; нынѣ новопреведено изъ Шменскаго языка въѣмъ во общую пользу, въ царствующемъ великомъ градѣ Москвѣ, въ дѣло отъ воплощенія Бога слова 1674»*. Намъ не встрѣчался Шменскій подлинникъ этой книги, но его не должно смѣшивать съ другою книгою того же названія: Das buch genandt der spiegel menschlichen lebens, übers. v. H. Steinhöwel около 1175 г., переведенной изъ Roderici Zamorensis, Speculum vitae humanae, первое изданіе котораго полагаютъ до 1172 г. Въ переведенномъ у насъ Шменскомъ предисловіи сказано, что прежде тѣ же притчи изданы были не такъ изрядно, какъ въ этотъ разъ, потому что теперь приложили, «совершенношаго ради разумнѣя, къ кѣйждо притчи отъ древнихъ лѣтописцевъ согласующуюся предсѣдательней притчи повѣсть». Выставляя пользу книги, составитель

говорить, что она необходима, особенно для молодых людей, какъ прекрасное наставленіе: «кому же — продолжаетъ онъ, — зѣло дивно размышляти, како всемогущій Господь Богъ не точію кѣждому животну свойство и природу дарова, но въ нѣкоторыя отъ нихъ изрядныя обычаи и правы насадилъ есть, которые безсловесныя не точію чловѣкомъ въ нину, но и во многіе потребности годствуютъ: еще же отъ сихъ научитися можетъ, яко зря на безсловесныя достоятъ намъ житіе свое и правы злюбныя исправляти, — пже не многіе ли видимъ свирѣбіише лвовъ, и гнѣвливѣ медвѣдей, иныя же нечестливѣ свиней, овыхъ же неблагодарнѣише псовъ, иныхъ же гордѣише павлинъ и т. д. Всѣхъ басенъ въ рукописи 124, по счету ихъ странно перемѣнаны въ концѣ; быть можетъ, писецъ Толст. списка сдѣлалъ только выборку изъ болѣе полного текста. Сюжеты аологовъ болшею частью общензвѣстные; кромѣ правоученій, при басняхъ, какъ мы сказали, находятся и историческія свидѣтельства, взятые изъ классическихъ писателей, напр. Геродота, Плутарха, Цицерона, Светонія, Флавія, Діона, или изъ *Gesta Romanorum* и средне-вѣковыхъ историковъ и летописцевъ. Чтобы познакомить читателя съ этой оригинальной манерой, приводимъ нѣсколько басенъ съ ихъ морализаціями.

(л. 3, гл. 1. - *О конѣ и о возницѣ*. Нѣкому коню впрежешу бывшу въ тяжкій возъ, и хотя минути болотину, ввалися въ ню; возница же нача коня зѣло бити, конь же много трудился, воза своего не извлекъ, и возницѣ своему рече: како ты неможествовъ сын, видиши мя труждающа о извлеченіи воза твоего, ты же не престаши бити мя. — Онъ же, сіе слышавъ, лютише нача бити его.

•Сія новѣсть являетъ, яко горе рабомъ, надъ ними же мучитель господствуетъ, зане люди своя къ тяжкой работѣ выну побуждають, еще же и бѣють. Сиде сотвори Тиверіи кесарь Римскій надъ единѣмъ отъ рабовъ своихъ, зане нѣкогда прилучившуся сему въ пути предъ кесаремъ ѣхати, въ блатину увяле. Кесарь же разгнѣвася рече ему: изыди скоро отсюда, аще ли не изыдеши, люти бити тя повелю и въ блатинѣ оставити. — О семъ пишетъ Светонія. (sic).

(л. 3 об., гл. 2. - *О львѣ и о лисицѣ*. Нѣкогда левъ, отъ глада велика, сотвори быти себе недужна, и повелѣ съ великимъ запрещеніемъ, да привадутъ въ довь его вси звѣри, софѣта ради дѣла великихъ.

Заври жъ, боящися зановѣли его презрѣти, во дворъ его стекошася. Лисца жъ, пришедъ близь двора двова, видѣ събѣдъ многихъ заврѣи, во дворъ двовъ пришедшихъ, но ни одного изшедшихъ, и рече къ себѣ: во истинну сїи безумни суть вси, яко собравшася тако ко дву: мною, яко вси погибоша. — Левъ же оныхъ заврѣей вѣсѣхъ растераа и пицу себѣ на долго время уготова.

•Тѣмъ являя, яко мудрымъ человекъ во время потребно сѣти сильныхъ можетъ убѣднута, въ иуже простыя люди себе предають. Тако сотвори Рудольфъ цесарь Римскїи, зане егда вопрошенъ бысть отъ князь своихъ, чего ради не приде воинно во Италию, яко же и прочїи цесари и королїи прежни его, — отвѣща и рече къ нимъ: многохъ цесарей и королей стопы виждо вшедшихъ во Италию, ни стншого же виждо съ радостію возвращающа, — и сказа имъ притчу вышесказанную. — Куспиніанъ.

(л. 43 об., гл. 54. *О лисѣ безцвѣстной*). Некогда яна лисцу и отсѣкоша сїи хвостъ и отпустиша ю. Она же, видя себе тако обругану, недоумѣваше, что *клевретоу* своимъ речесть. Пришедъ же послѣди къ нимъ и рече: се уразумеѣа емь, яко роду нашему не потребно имѣти хвосты, зане хвосты всю красоту нашу отъемлюгъ: того ради азъ хвостъ свои отсѣци повелѣа емь, тако сотворити и вамъ совѣщаю. — Они же, видѣвши лукавство ея, и отвѣщаща сїи: аще нави отрастеть хвостъ твой, и тогда еще отсѣчени, намъ зрнчимъ, и мы такожде тогда сотворимъ.

•Тѣмъ являя, яко мнози иже лишшася добраго своего имени, таковїи ищуть и клеветовъ своихъ въ томже видѣти: ибо здѣмъ есть обычай, егда приключитя имъ зло, тогда и ближнему своему злое же желаюгъ. Такая лисца бѣше воевода Адальгерай, иже за нѣкое преступленіе ить бысть и къ Северію цесарю приведенъ, иже въ поруганіе власы главы его и бразу отстриши повелѣ и отпустиши. Егда же приде во страну свою, рече вѣсѣмъ людемъ рода своего, яко при дворѣ цесарскомъ обычаи новши есть — вѣсѣмъ власы и бразу остригати, и тако вѣсѣхъ предети, ибо вси такоже мало не сотвориша....

Переводъ, какъ можно видѣти изъ этого примѣра, хорошъ для того времени: въ немъ нѣтъ германшмовъ и фраза почти всегда соответствуетъ требованіямъ тогдашняго литературнаго языка.

Концу XVII столѣтія принадлежатъ также переводъ тухуа произведенїи Салли и басенъ Локмана, сѣланшынъ съ Шмел-

каго. Оба перевода находятся въ рукописяхъ Публ. Б-ки. Въ одной изъ нихъ, писанной скорописью XVII в. на 636 л., XVII. F. 4 изъ собранія Фролова, помѣщено — Юрія Андерсева описаніе восточныхъ вѣды и завоеванія Китая Татарами и Формозы Китайскими разбойниками, и даже *Кривой доль* Саади и басни Локмана. Другая рукопись конца XVII вѣка на 309 л., Тодст. 1. 111 Публ. Б-ки XV. F. 12, заключаетъ только переводъ Саади и Локмана, но, судя по перемѣлѣ лигатуръ и тетрадей, составляетъ только часть обширнаго тома, гдѣ находилось вѣроятно названное путешествіе и другія статьи. Первый листъ рукописи отлеченъ 1421, послѣдній — 1728. Заглавіе указываетъ выѣздъ и на происхожденіе перевода: «Персидской кривой доль (т. е. знаменитой Гюлистанъ), въ которой много веселыхъ и пріятныхъ исторій, остроумные рѣчи, прибыльные ученія, основательныя статьи и притчи (такъ же притомъ Персидскаго благоученнаго и славнаго Локмана складки и примѣры такожъ обрѣтается); и описалось сіе дѣло тому наздѣ 500 лѣтъ отъ тогдашняго славнаго и высокоразумнаго поэта Сшихасадія, по Персидски описалось и для ево избранства и достопиства высоко почитаетца и возлюблетца, и тому наздѣ лѣтъ съ пятьдесятъ переведена въ Шмецкой языкъ отъ славнаго издателя Адама Аліарія». Следовательно примѣры подлинникомъ нашего перевода было изданіе знаменитаго путешественника Оlearія (*Grässe, Liter.-Gesch.* 2, 3, 1004). Гюлистанъ написанъ въ 1258 г.; онъ состоитъ изъ восьми книгъ, раздѣленныхъ на главы, въ каждой находятся рассказы и анекдоты съ правдоучительными выводами и изреченіями, заимствованные или изъ исторій, или изъ собственной жизни поэта. Такое же соединеніе рассказовъ и морали представляетъ Бостанъ, написанный въ 1266 г. и переведенный у насъ изъ того же источника. Онъ помѣщенъ въ рукописи на л. 1643—1728 «Персидской *Деревной садъ* . . . описано во Персидскомъ языкѣ отъ Шох-Мусладія Саадія Шираесскаго, и для ево изрядства изъ Персидскаго на Галанской языкъ переведенъ, и изъ того въ выскай цесарской языкъ (т. е. hochdeutsch) переведено». Въ нашемъ переводчикѣ можно замѣтить неумѣнье совладѣть съ Шмецкой фразой; для передачи мудреныхъ Шь-

мецкихъ словъ онъ сочинялъ даже новыя слова, большею частью не весьма удачныя.

Изъ того же сборника Оларія взяты и *басни Локмана*, въ Толст. спискѣ на л. 1623—1643 подъ заглавіемъ «Премудрого Локмана удивительныя (*въ рук. изд...*) склады и примѣры». При большомъ сходствѣ съ Езопомъ, басни Локмана имѣютъ и самостоятельныя сюжеты, такъ что опредѣлить ихъ взаимное отношеніе очень трудно. Ученые выражали по поводу ихъ совершенно различныя мнѣнія: одни хотѣли видѣть въ басняхъ Локмана заимствование Арабовъ, другіе подчиняли имъ басню Езопа. Имени Локмана, какъ и имени Греческаго баснописца, даютъ такъ же собирательное значеніе, считая приписанное ему собраніе не произведеніемъ одного лица, а сборникомъ, составлявшимся мало по малу, изъ стараго и новаго матеріала, и въ послѣдствіи утвердившимъ за собою знаменитое мудростью имя. Впрочемъ не сомнѣваются въ дѣйствительномъ существованіи Локмана, который упоминается въ 31-й сурѣ Корана; но преданья объ этомъ лицѣ очень разнообразны. — между прочимъ къ нему относятъ и нѣкоторыя приключенія, разсказанныя въ Шаянудовой біографіи о Езопѣ. Число басенъ Локмана простирается теперь до 41, но въ старинныхъ переводахъ, между прочимъ въ нашѣхъ, извѣстны были только 37. Въ пригачахъ, или, какъ говорить иногда нашъ переводчикъ, «причинахъ», по большей части повторяются сюжеты самыя общезнаменныя, напр. о львѣ и лисинѣ; о курицѣ, несшей золотыя яйца; о человѣкѣ, призывающемъ смерть; о конкѣ и тернугѣ и т. д., — сюжеты съ которыми мы знакомы и по баснѣ Крылова.

Съ апологомъ мы встрѣтимся еще въ «Римскихъ дѣяніяхъ»; теперь упомянемъ одинъ разсказъ подобнаго рода, помѣщенный, безъ заглавія, въ Погод. сборникѣ, № 1964 л. 228—230 (нач. «нѣкому человеку творящу шестіе по пустыни, видѣ нѣкоего зѣлю превелика змѣя, з горы ползуша в подгоріе»). Въ апологѣ, можетъ быть переведенномъ съ Греческаго, разсказывается, какимъ образомъ человекъ едва не погибъ отъ коварнаго змѣя и спасенъ былъ заступничествомъ лисины.

О Локманѣ см. *Grässe, Lit.-Gesch.* 2, 1, 454—456; — *Roth*, въ журналѣ *Philologus* 1853, 1-er Heft, 130—142 и мн. др.

VI.

Повѣсти изъ «Римскихъ Дѣяній». — Отдѣльные рассказы того же сборника, въ другой редакціи: повѣсть о царѣ Агелѣ, притча о пастыряхъ и др. — «Зерцало Великое», историческіе рассказы правоучительнаго содержанія. Дидактическаго сказанія: о чародѣйствѣ, о выскокуномъ хмѣлѣ, о бѣсовской травѣ — табакѣ.

«Римскія Дѣянія» или *Gesta Romanorum* были однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ, откуда расходились по средне-вѣковой Европѣ чудесныя легенды и повѣсти самаго разнообразнаго содержанія. Доillonъ и другіе изслѣдователи романтической литературы справедливо называютъ *Gesta* главнѣйшимъ запасомъ, изъ котораго Итальянскіе новеллисты брали свои занимательные и живые сюжеты; потому что въ *Gesta* собрано множество рассказовъ, принадлежащихъ и классическому міру, и восточной поэзіи, и западно-Европейской литературѣ среднихъ вѣковъ. Происхожденіе этого замѣчательнаго сборника до сихъ поръ не объяснено положительно: одни, какъ Вартонъ, извѣстный авторъ Исторіи Англійской поэзіи, приписываютъ «Римскія Дѣянія» ученому бенедиктвину Берхорію (*Berchorius, Bercheur, † 1362*); другіе, какъ Грессе и Моисе, считаютъ авторомъ ихъ монаха Элианда (*Helinandus, † 1227*) и вообще относятъ составленіе сборника къ XIII—XIV столѣтію. Вѣрнѣйшимъ выводомъ изъ всѣхъ изслѣдованій объ этомъ предметѣ можно считать положеніе, что хотя какой нибудь монахъ и составилъ подобный сборникъ повѣстей и легендъ, но въ послѣдствіи онъ чрезвычайно измѣнился отъ вставокъ, сокращеній и интерполяцій: не только рукописи, но и печатныя изданія сборника значительно разнятся другъ отъ друга, и притомъ не одними вариантами текста, но и выборомъ статей, такъ что древнюю Англійскую редакцію «Дѣяній» нынѣ принимаютъ за совершенно особенное произведеніе. Средне-вѣковая латынь «Дѣяній» легко бы могла указать своими варваризмами отечество составителя, но и здѣсь представляется много затрудненій, такъ-какъ въ позднѣйшихъ, извѣстныхъ теперь, текстахъ, кромѣ общихъ ошибокъ противъ языка, одинаково встрѣчаются и

германизмы и англицизмы и галлицизмы. Очевидно, что все эти признаки могли явиться только от последовательного влияния каждой национальности; основной текст мог раздробиться на несколько несходных редакцій от того, что въ одно и то же время переходить къ разнымъ читателямъ и подъ перомъ новыхъ передѣльвателей получать особенную форму.

Содержаніе сборника не точно опредѣляется его именемъ, потому что, кромѣ исторій, имѣющихъ какое нибудь отношеніе къ Римлянамъ, здѣсь вставлено очень много или сочиненныхъ разсказовъ, которымъ иногда приданы Римскія имена, или тогдашнихъ легендъ, анекдотовъ и народныхъ сказокъ. Причина заглавія находится, по видимому, только въ желаніи заинтересовать читателя именемъ славнаго народа, и подъ этой уважаемой эгидой удобнѣе передать извѣстныя понятія и нравственныя убѣжденія. Компилятивный характеръ «Дѣяній» легко видѣть изъ цитатъ и ссылокъ этого сборника на другія книги; кромѣ древнихъ Римскихъ писателей здѣсь указываются и писатели средневѣковые; встрѣчаются даже ссылки на самыя *Gesta: legitur in Gestis Romanorum*, — подъ которыми понимаютъ впрочемъ не другое произведеніе этого имени, но вообще Римскую или древнюю исторію. Далѣе, въ «Дѣяніи» вошло много восточныхъ сказокъ и апологовъ изъ болѣе древняго сборника Петра Альфонза, изъ Латинской редакціи Каллима-ва-Димны и другихъ источниковъ; составитель ихъ воспользовался и Латинскими хрониками, вставилъ притчи Варлаама, легенды, разсказы и анекдоты своего времени. Во всемъ этомъ отражаются однако понятія и нравы средне-вѣковой эпохи, которая видна и черезъ классическую обстановку; Латинская одежда не скрываетъ и того оригинальнаго смѣшенія восточной фантазіи съ полудією Европейской, какое произошло въ иныхъ повѣстяхъ «Дѣяній Римскихъ». Соединивъ въ себѣ столь разнохарактерныя начала, этотъ сборникъ сдѣлалъ богатымъ хранилищемъ преданій, повѣстей и сказокъ, и составляетъ весьма замѣчательное звѣно въ исторіи «странствующихъ» разсказовъ, которые занимаютъ такое важное мѣсто въ литературѣ среднихъ вѣковъ.

Разнообразіе интересныхъ приключеній и анекдотовъ сдѣлало «Дѣяніи» одной изъ любимыхъ книгъ тогдашней Латин-

ской литературы; Итальянскіе и другіе рассказчики и повелители брали полную горсть изъ этого источника. «Дѣянія» имѣли в другое значеніе въ католическомъ обществѣ. Уже съ первыхъ вѣковъ христіанства проповѣдь и поученіе употребляли вспомогательнымъ средствомъ притчу, аллегорію и рассказы. Съ теченіемъ времени этотъ обычай усиливался болѣе и болѣе приложенію нравственныхъ началъ къ жизни въ примѣрахъ и сравненіяхъ и объясненіе ихъ въ притчахъ и постороннихъ рассказахъ стали почти необходимымъ элементомъ поученія, такъ что наконецъ въ проповѣди сдѣлались возможны и рассказы нѣсколько тривіальные. Такъ Латинскіе проповѣдники пользовались при этомъ случаѣ Эзоповыми баснями; въ нашей литературѣ аналогическій примѣръ можно указать въ поученіяхъ Кирилла Туровскаго. Когда въ эпоху крестовыхъ походовъ Европейскія литературы наполнились множествомъ произведеній восточнаго вымысла, западные проповѣдники воспользовались для своихъ нѣтъ и ими; въ XV — XVI столѣтіяхъ появлялись даже особенныя сборники примѣровъ, сравненій и похвалъ, гдѣ проповѣдникъ могъ найти обильный запасъ матеріала. Другіе сборники не имѣли такого спеціального назначенія, служили назидательнымъ развлеченіемъ для монаховъ читались въ ректоріяхъ. Изъ многочисленныхъ произведеній этого рода, имѣющихъ важное значеніе въ исторіи романтизма назовемъ болѣе извѣстныя: *Reductorium morale* Берхоріа, которому приписываются и «Примекія Дѣянія»; *Dialogus creaturarum*; *Moralisationes historiarum*; *Legenda aurea*; *Disciplina clericali* Петра Альфонза; сюда принадлежатъ наконецъ и *Gesta Romanorum*. Какъ чтеніе людей благочестивыхъ, рассказы «Дѣяній» получили особенныя нравственныя толкованія, такъ называются «морализаціи»: каждому аполлогу, каждой повѣсти, хотя бы даже чисто-историческаго содержанія, даваемо было мистическое объясненіе; аллегорію примѣняли даже къ анекдотамъ тривіальнымъ и обесценнымъ. Такимъ же образомъ упомянутый *Dialogus creaturarum* называется *optime moralizatus, jucundis fabulis plenus et omni materiae morali applicabilis*. Первое изданіе «Дѣяній» вышло 1472 г. въ Кёльнѣ, безъ означенія времени мѣста изданія; оно называется — *Ex gestis romanorum* h

storie notabiles: de vitijs virtutibusque tractantes: cum applicationibus moralizatis et mysticis. Incipiunt feliciter. Книга имела огромный успехъ: до половины XVI вѣка Грецее насчитываетъ почти пятьдесятъ изданій Латинскаго текста. Давно явились изданія ея и на другихъ языкахъ, — Французское: *Le violier des histoires Romaines*, — Нѣмецкое: *Das buch Gesta Romanorum der römer von den geschichten*, или: *Die alten Römer, Sittliche Historien vund Zuchtgleichnißen der alten Römer*, и др.

Вообще о *Gesta* см. *Dunlop* 198—202; — Англійскій переводъ Свана съ обширнымъ введениемъ: *Gesta Roman. etc. transl. by the Rev. Ch. Swan, London 1824*, 2 voll.; — *Keller Ad.*, *Gesta Romanorum. Das ist der Römer Tat. Quell. u. Leipzig 1844* подлинникъ изданъ Келлеромъ *Stuttg. 1842*; — *Grässe*, *Das ält. Mährchen- und Legendenbuch d. christl. Mittelalters oder die Gesta Romanorum* (новый Нѣмецкій переводъ «Двиинъ» по разнымъ Латинскимъ редакціямъ), 3-te Ausg. *Leipz. 1850*.

Русскій переводъ относится, судя по языку и другимъ обстоятельствамъ, уже ко второй половинѣ XVII столѣтія, и сдѣланъ съ Польскаго перевода, до сихъ поръ неизданаго изследователями «Римскихъ Дѣяній». Переводъ нашъ называется обыкновенно *Дви Римскіи* (т. е. *Dzieje Rzymskie*) или *Повѣсть изъ Римскихъ Дѣяній*, чѣмъ вѣрнѣе определяется содержаніе нашей редакціи, заключающей въ самомъ дѣлѣ только часть Латинскаго сборника. Въ большей части изданій Латинскаго текста число главъ доходить до 181; въ нашемъ переводѣ около сорока разсказовъ; морализаціи подлинника сохранены потому что и у насъ подходили ко вкусамъ читателей. Рукописи перевода нашего довольно многочисленны.

— *Толст.* 1. 319 Публ. Б-ки XVII. F. 21 полуст. сборникъ XVII—XVIII в. л. 826—875 исторія изъ Римскихъ дѣяній новопреведена и списана съ книжки *печатной* Польскаго языка на Русскій; — 2. 15 Публ. Б-ки XV. Q. 8 рукоп. XVII в. на 92 л. исторія изъ Римскихъ дѣяній, преведена ново и списана съ *друкованной* с Польскою книжкѣю и языка на Русскій. (sic). — 35 повѣстей, неправильно перечисленных. — 2. 342 Публ. Б-ки XVII. Q. 79 сборн. XVII в. л. 238—248.

— *Инок.* Дубл. Библ. № 1713 рукоп. XVII в. из 173 л. -исторія с Римскихъ дѣяній (sic) и т. д.; въ заглавіи приписано названіе первой главы — № 1714 «Дѣя Римскихъ въ епискѣ XVII в. — № 1775 рукоп. XVII в. из 194 л. Римскія дѣянія безъ начала, въ 39 главахъ; на л. 190—194 прибавлена повесть о Удовѣ епископѣ Магдебургскомъ... трепетная и умилительная».

— *Румянц.* № 371 сборн. XVII в. л. 367—347 «Приклады дивныхъ повѣсти къ человеческому житію устроено и къ душевному пристрою отъ исторіи Римскихъ дѣяній, нач. прикладъ дивнаго устроения и къ доброму и праведнаго судіи» и т. д., 6 повѣстей, изъ которыхъ одна не принадлежитъ Латинскому сборнику; въ четырехъ послѣднихъ есть морализаціи. Рукопись написана прекраснымъ уставомъ; заглавіе въ гравированной заставкѣ.

— Въ упомянутой прежде *Архивной* рукописи, по указанію г. Булдаева, находится л. 1—71 собраніе разсказовъ, въ 37 главахъ, нач. повесть дивнаго устроения и къ доброму и праведнаго судіи; далѣе гл. 2-я «о хитрости дьяволовъ и яко судьбы Божія неиспытаны и скрыты суть» и т. д., то есть опять Римскія Дѣянія.

— *Царск.* № 313 рукоп. 1691 г. на 196 л. Римскія Дѣянія, безъ начала и заглавія; на л. 126 написано по черкомъ XVIII в.: «сѣи книга въ скукѣ отрата, когда Василій Федоровичъ въ судѣ, несемъ время раздѣлить, — конешно замѣтка читательницы; глава 37; — № 340 по указателю должны имѣть Римскія повѣсти; — № 340 замѣчательный сборн. XVII в., составленный изъ нѣсколькихъ рукописей сказочнаго содержанія; 8-я изъ нихъ называется «Исторіи романтия, сирѣчь повѣсти избранныя, съ толкованіемъ надсказаніемъ, вышисано изъ Римскихъ и изъ иныхъ книгъ, яке нынѣ обрѣтаются въ сей вышереченной книгѣ, кратко собраныя и людямъ въ наученіе и къ позованію иданныя. Печатаны въ Краковѣ, въ типографіи наша Вайтха Секелювича, типографа его королевского величества Польского, въ лѣто отъ Христова рожденія 1663 году. Нынѣ же милостію великаго Бога съ Польскаго языка на Словенскій преведены въ лѣто 7199 (=1691) году», — но мы думаемъ, что если переводъ сдѣланъ былъ въ это время, то это былъ переводъ вторичный, или передѣлка стараго повѣстей семь; — № 711 рукоп. конца

XVII в. на 247 л. «исторія изъ Римскихъ Дѣяній, переведена ново и списана съ друкованой съ Польской книжки и языка на Словенскій языкъ въ 37 главахъ: въ концѣ послѣдней повѣсти объ Аполонѣ, королѣ Тирскомъ, приписано — у сей исторіи о Аполонѣ начала не обрѣтохъ, с чего писана, понеже бо многіе листы *поистѣли* и *поизблили*, и того ради снести было нечего, а поставлена сія повѣсть в началѣ книги, а не на концѣ, а послѣ во другихъ поставлена повѣсть о пустышникѣ, сіи же начало прикладъ о хитрости дьяволстев, яко судьбы Божія нецензурани и скрыты суть»

Въ разныхъ спискахъ «Римскихъ Дѣяній» счетъ главъ различенъ, но главный порядокъ, въ которомъ идутъ повѣсти, одинъ и тотъ же. Нѣкоторые «приклады» (= applicatio) встрѣчаются въ сборникахъ и отдѣльными статьями, напр. исторія Аполлона короля Тирскаго и другіе. Отметимъ теперь повѣсти, вошедшія въ составъ Русскаго перевода «Цивилій», въ томъ порядкѣ, какъ онѣ помѣнены въ Толст. рукописи 2. 15: указанія источниковъ повѣстей и ихъ распространенія сдѣланы отчасти по изданію Грессе и Лонгону, отчасти по нашимъ замѣткамъ.

— Первой главой въ упомянутомъ спискѣ поставленъ «прикладъ о гордомъ цесарѣ Евинианѣ и о его непадении и яко Господь Богъ многаяжды гордымъ противится, а смиренныхъ возноситъ», нач. «Евинианъ цесарь (sic) зѣло могаши въ Римѣ правовалъ» и пр., — *Gesta Romanorum* с. 59. Гордый цесарь Ювинианъ былъ наказанъ тѣмъ, что лишень былъ чудесною силою и царства и наружнаго вида своего: онъ превратился въ нищаго, никто не уважалъ въ немъ царя, и только искреннее покаяніе возвратило ему милость божию. Этотъ разсказъ былъ нѣсколько разъ переделанъ, напр. въ Англійскомъ стихотворномъ романѣ XIII столѣтія: *King Robert of Sicily*, въ старинномъ Нѣмецкомъ стихотвореніи: *der künig im bade* (с. d. *Hagen*, *Gesammtabenteuer*. Stuttgart u. Tüb. 1850. 3, xxv. 413 ff. ; во Французской *moralite* удержалось имя Ювиниана: *L'orgueil et présomption de l'empereur Jovinien* (Lyon 1581), но въ Испанской повѣсти того же содержанія, принадлежащей XVII вѣку, выводится король Сициліи, Фридрихъ: въ другихъ даже Навуходоносоръ. Въ старой Чешской литературѣ такъ же былъ

известна kronika o Jowinianowi, cisaři římském (у Юлиана, стр. 66 — 67). В Румянц. № 371 л. 377 заглавие повести приведено такъ: «прикладъ повѣстїю о горделивыхъ, глаголется о Евѣанѣ ко всьмъ отъ Евы родившимся» и т. д.; это объясненіе имени Ювиніана повторено и въ «выкладѣ» т. е. морализации: «цесарь той можетъ нарещися всякъ свѣанъ отъ Евы, человекъ сему свѣту подавившися, иже ради богатствъ, ради чести возносится гордостїю». В Царск. № 440 цесарь названъ Октоліиномъ (л. 488); въ Царск. № 711 и другихъ свѣскахъ, эта повесть составляетъ 2-ю главу.

— «Прикладъ о доскопалости», нач. «Титусъ цесарь зѣло моживъ» и пр., — Gesta с. 57.

— «Прикладъ о памяти смертїи, чтобы человекъ не согрѣшалъ», нач. «былъ иѣкоторый князь, который охочъ былъ ѣздить на ловъ», — Gesta с. 56. Страшная мстительность, о которой здѣсь идетъ дѣло, разсказана у Павла Дїакона о Розамундѣ и Альбинѣ; то же передается въ 32-й повѣсти королевы Наваррской и другихъ повѣстахъ и разсказахъ (*Dunlop 201. Grässe. Lit.-Gesch. 2, 2, 1120 — 23*).

— «Прикладъ о преступленїи души и о ранахъ уязвляющихъ душу», нач. «король Титусъ моживъ въ Римѣ королевствовалъ», — Gesta с. 102. Въ этомъ разсказѣ выражается средневѣковое вѣрованье въ силу волшебнаго зеркала и волшебныхъ фигуръ, посредствомъ которыхъ можно будто бы умертвить человека отсутствующаго (ср. *Dunlop. 201. 486*). Въ Румянц. № 371, л. 401 «прикладъ о преступленїи души и о ранящемъ ю, глаголетжеся о воинѣ, ходившемъ видѣти святую землю», переводъ этой рукописи отличается вообще многими и значительными вариантами. Повесть повторена между прочимъ въ знаменитомъ въ свое время сборникѣ Юанна Паули: *Schimpff vund Ernst würrth das Buch genant. Wolchs durchblauft der welt händel mit vilen schönen vud kurtzweiligen Gleichnißsen etc.* изд. 1535 (1-е изд. 1522), fol. *xliij*: *wie ein Eeman durch zauberlist solt erschossen sein worden*, — здѣсь измѣнены только собственныя имена.

— «Прикладъ о мудрости, чтобы мы все добрымъ размышленїемъ творили», нач. «цесарь Домонїанъ моживъ и

зѣло мудрыи, паче же velmi сираведливый». — *Gesta* с. 103. Купецъ продастъ Домиціану, какъ великое сокровище, три мудрыя присловья, и онѣ возвращаютъ свою цѣну, потому что три раза спасаютъ цезаря отъ несчастій. Сходные разсказы находятся въ 93 гл. *Dialogi creaturarum*, nr. 46 въ *Conde Lucanor*, Французскомъ старинномъ фавлье *du grand chemin* въ собраніи Леррана д'Осси, въ разсказѣ Нѣмецкаго фабулиста Бонера (*respice linem*, *Gödeke* 675), даже въ народной Кориваллійской сказкѣ, упомянутой у Гримма (*Kindererz.* 2 Ausg. 3, 392—394). Та же повѣсть находится въ 591 главѣ другаго нашего сборника XVII в. «Зерцало Великое» Румянц. № 180: «царь купи премудрость у философа и тако прелести и смерти убѣжа» (нач. «коноша вѣкшій благородный и зѣло искусный по царѣ взыте на престолѣ»), — и въ «Похожденіяхъ Ивана гостиняго сына», Ивана Новикова, Спб. 1785. 1, 194.

— «Прикладъ о хитрости женской и о заступленіи престившихся», нач. «Даршн король velmi мудръ», — *Gesta* с. 120. Разсказъ о похожденіяхъ царскаго сына, получившаго въ наследство отъ отца золотой перстень — доставлявшій все, чего ни пожелаеь бы его владѣлецъ, дорогія застежки — имѣвшій такую силу, что носящій ихъ на груди могъ исполнить все желанія своего сердца, и сукно многоцѣнное, на которомъ можно было летать, какъ на коврь-самолетѣ. Повѣсть, сходная съ знаменитой сказкой о Фортунатѣ и его волшебной шапочкѣ (*Grässe, Sagenkr.* 191—195). Въ Румянц. сборн. XVII в. № 363 она помѣщена на л. 543—553 подъ особымъ заглавіемъ: «о полатѣ шотетшій» и пр., и въ нѣсколько исправленномъ переводѣ.

— «Прикладъ о неспядчности (= неблагодарности) человѣчестшій» и пр., нач. «король нѣкоторый имѣеь урядника надо вѣтмъ панствомъ своимъ», — *Gesta* с. 119. Однажды этотъ урядникъ упалъ случайно въ ровъ, куда свалились также левъ, обезьяна и змѣя; когда одинъ поселенинъ освободилъ всѣхъ ихъ изъ пропасти, то зѣбри изъявили ему свою благодарность, а урядникъ забылъ оказанное ему благодареніе и даже оскорбилъ поселенинша; цезарь или король, узнавши объ этомъ, напалъ урядника и отдалъ его мѣсто поселенину. Первообразъ

повѣсти находятъ въ Панча-тантрѣ, откуда она повторилась въ Арабской Калиль-ва-Димнѣ и въ Греческомъ Стефанитѣ; съ востока привезъ ее будто-бы Ричардъ Левинное-Сердце.

— «Прикладъ яко не имѣти вѣрити женамъ, ниже таинъ имъ объявляти», нач. «быль пѣкоторый рыцарь», — *Gesta* с. 124. Жена рыцаря открываетъ вѣренную ей тайну при первомъ неудовольствіи на мужа, который предвидѣлъ это и обмануль ее, сказавши, что онъ убилъ одного путника. Это произошло по слѣдующему случаю: король разгнѣвался однажды на рыцаря и обѣщалъ простить его только тогда, когда рыцарь придетъ къ нему ни пѣшкомъ ни верхомъ, и приведетъ вѣрнаго пріятеля и утѣшника и невѣрнаго друга. Рыцарь исполнилъ первую задачу тѣмъ, что, входя на царскій дворъ, онъ сталъ одной ногой на свою собаку, а другой шель; на вопросъ короля о вѣрномъ его другѣ, рыцарь указалъ на собаку: онъ нанесъ ей жестокою рану мечемъ, но, несмотря на то, отбѣжавшая собака снова вернулась по его призыву; утѣшникомъ своимъ рыцарь назвалъ сына, котораго держалъ на рукахъ; невѣрнымъ другомъ выставилъ жену, которая оскорбившись его словами, тотчасъ же обвинила мужа передъ королемъ въ мнимомъ убійствѣ путника. Когда слова жены оказались несправедливыми, рыцарь объявилъ, почему онъ считаетъ жену невѣрнымъ другомъ, и почему обмануль ее такимъ образомъ. — Тотъ же рассказъ находится въ *Cento novelle antiche*, с. 100; и другихъ сборникахъ (*Dunlop* 214). Замѣчательно, что точно такія же загадки и такое же разрѣшеніе ихъ упоминаются въ Русской народной сказкѣ: не зная ближе этой послѣдней, мы не можемъ однако опредѣлить, было ли здѣсь доисторическое родство мифовъ или позднѣйшее заимствование (см. *Пушкинъ*, изд. Аппенг. 1, 122 прим.). Гриммъ указываетъ много сходныхъ Германскихъ преданій, но все онѣ имѣютъ довольно далекое отношеніе къ рассказу «Римскихъ Дѣлій» (*Kinderm.* 2 Ausg. 3, 175—177). Въ упомянутой Румянц. рукописи, F° 363 эта повѣсть помѣщена опять съ другимъ заглавіемъ, л. 553—557 «о невѣрности и вѣрности тѣла» и пр., и въ другомъ изложеніи.

— Другіи прикладъ, яко не подобаетъ женамъ въ тайныхъ дѣлахъ вѣрити», нач. «Дакробіусъ (sic), славнымъ дѣлїемъ си-

сатель, пишетъ». — *Gesta* с. 126. Известный рассказ о Римском юности Папиринъ или Макробий (*Saturni*, II, 6): онъ встрѣчался намъ въ старинныхъ сборникахъ и въ другомъ переводѣ; третья редакція находится въ сборникъ шутливыхъ анекдотовъ, XVII вѣка, подъ названіемъ «Смѣхотворныя повѣсти».

— «Прикладъ о неправдѣ и о лакомствѣ, ко обличенію таковыхъ», нач. «Максиміанусъ, король мажыни, королевство-валтъ», — *Gesta* с. 128.

— «Прикладъ о сталости въ добрыхъ ученикахъ» и пр., нач. «былъ инокоторыи король въ земли аглинскои», — *Gesta* с. 172. Это — исторія «о двухъ рыцаряхъ о Гвидонѣ и о Тирусѣ», записанная г. Сахаровымъ въ списокъ Русскихъ сказокъ (Р. Нар. Сказки 1841, стр. XIX).

— «Прикладъ, что правда избавляетъ отъ смерти», нач. «былъ единъ цесарь мажыни, а въ его государствѣ было два рыцаря», — *Gesta* с. 171. Повѣсть перешла въ *Дѣянія* или Петра Альфонза *Disciplina clericalis* с. 3; въ значительной передѣлкѣ повторяется она въ Декамеронѣ X, 8., и другихъ сборникахъ; подобный рассказъ находятъ наиримѣрь въ Тысячъ и Одной ночи (*Dunlop*, 251).

— «Прикладъ о правдѣ Божіи, яко суды Божіи скрыты», нач. «былъ инокъи король лютой», — *Gesta* с. 127.

— «Прикладъ о пожитку во всѣхъ существъ вѣсехъ», нач. «король инокоторой былъ велии силенъ», — *Gesta* с. 74. Рассказъ, который мы уже видѣли въ притчѣ Варлаама «о земствованіи прѣ»; въ редакціи «Дѣяній» къ нему прибавлено только другое начало. Царск. , I, 711, гл. 15.

— «Прикладъ, яко великии пастырь попеченіе имать о овцахъ», нач. «стать инокоторыи шель бытъ въ домѣ инокоторого богатога, въ ноци», — *Gesta* с. 136. Хозяинъ дома унокребилъ хитрость и воръ попался къ нему въ руки: первообразную редакцію указываютъ въ Калли-ва-Димѣ, откуда исторія, черезъ Латинскій переводъ Юанна Кануанскаго, явилась въ *Disciplina clericalis*, с. 25; она известна и по Французскому *fabliau du voleur, qui voulut descendre sur un rayon de lune* (*Dunlop* 195), и находится такъ же въ предисловіи или введеніи къ Греческому Стефану и Нумилату (*Abrivillius, Prolegomena* p. 33—36).

— «Прикладъ о странномъ судѣ», нач. «быль нѣкоторый король велеможный», — *Gesta* с. 143. Заимствованъ изъ «Варлаама и Иоасафа», и по мнѣнію Грессо составляетъ предѣльную исторію о Дамоклѣ, у Цицерона, *Tuscul.* V. 21.

— «Прикладъ о дву лъкаряхъ», нач. «были въ нѣкоторомъ градѣ два лъкарн, свидѣлствованы въ наукѣ докторской», — *Gesta* с. 76.

— «Прикладъ о лести дьяволстей», нач. «шли нѣкогда три товарища, и прилучися имъ нѣкоторое время, что не имѣли что поѣсти», — *Gesta* с. 106. Они рѣшили отдать оставшіеся у нихъ кусокъ хлѣба тому, кто увидитъ лучшій сонъ: двое изъ нихъ тотчасъ легли спать, а третій между тѣмъ съѣлъ весь хлѣбъ. Проснувшись, первый рассказывалъ, что видѣлъ себя на небѣ; второй, что видѣлъ обитателей ада; третій сказалъ имъ, что ангель показывалъ ихъ ему, одного на небѣ, а другого въ аду, и что такъ какъ имъ уже не было нужень кусокъ хлѣба на землѣ, то онъ и рѣшился съѣсть его одинъ. Этотъ апологъ, которому приписываютъ восточное происхожденіе, имѣлъ чрезвычайно обширную извѣстность въ средне-вѣковой поэтической литературѣ. Онъ помѣщенъ въ с. 20 *Discipl. clericali*, въ предѣланномъ изъ нея Французскомъ *Castolement* (*Barb. et Méon, Fabliaux* 2, 127—130); отсюда въ позднѣйшихъ сборникахъ: *Facét. journal* p. 152, *Nouv. contes à gire* p. 273, гдѣ дѣйствующими лицами выведены Испанецъ и Гасконецъ; далѣе въ Итальянской повелѣ Джіованни Чинтіо (*Dunlop* 280), въ Нѣмецкомъ разсказѣ Бонера (*Gödeke* 667), наконецъ во многихъ другихъ литературныхъ памятникахъ и доселѣ повторяемыхъ народомъ анекдотахъ.

— «Прикладъ, что въ правду не повѣдати», нач. «быль нѣкоторый король, именовъ Асмедусъ», — *Gesta* с. 58. Исторія о томъ, какъ преступникъ спасается отъ смерти, сказанная судьямъ своимъ три непреложныя истины; Гриммъ указываетъ Англійское народное преданіе того же рода: Артуръ, заблудившись, попалъ въ пещеру великановъ и спасся отъ смерти только тѣмъ, что сказалъ такія три истины, противъ которыхъ нельзя было возражать (*Kinderim.* 3, 373—374).

— «Прикладъ, чтобы бракъ соблюдало», нач. «Дамусъ (т. е.

Gallus король велики мудрыи, — *Gesta* с. 69. Рассказ о волшебной рубашкѣ, которой нельзя было наноситься и не нужно было мять, если только супруги были верны другъ другу: этой повѣсти приписываютъ восточное начало.

— «Прикладъ, како жертву приносить Богу», нач. «король и некоторые дананской имѣть совершеную любовь ко тремъ королямъ», — *Gesta* с. 47. Эпизодъ изъ легенды о трехъ царяхъ восточныхъ, приходившихъ въ Визюемъ. Легенда и прежде имѣла обширную известность и теперь занимаетъ не последнее мѣсто въ народной Швецкой литературѣ (изд. въ *Simrock's D. Volksb.* 4, 419—474). Изъ «Римскихъ Дѣлій» повѣсть перешла въ другіе сборники и *Specula*, и появилась въ другой разъ на Русскомъ языкѣ въ переводѣ «Великаго Зерцала», Румини. № 180, гл. 835 «три царя имѣющаго къ нимъ вѣру дучскаго царя зело изрядными данми обогатиша».

— «... что праведнии выидуть въ царство», нач. «некоторый король бысть мудрои, велики богатъ», — *Gesta* с. 45. Передѣлка рассказа о судѣ Соломоновомъ, находящагося и въ упомянутомъ прежде фавлье *le jugement de Salomon Barb. et Meon*, *Fabl.* 2, 440—442', но вмѣсто спора объ имѣньи, здѣсь дѣло идетъ о правѣ на престолъ трехъ сыновей одного короля.

— «... яко суетно есть вѣселие мѣрское», нач. «Веспетіанусъ можныи королевствовати», — *Gesta* с. 63. Довольно далекая передѣлка исторіи Тезея и Ариадны, съ присочиненнымъ началомъ.

— «Прикладъ къ добрымъ дѣламъ», нач. «король и некоторый имѣть красную дѣвку (т. е. дочь), которую велики любилъ», — *Gesta* с. 66

— «... яко въ правду неповѣдати подобастъ», нач. «король Гидіанусъ (т. е. Gordianus...) справедливый королевствовати», — *Gesta* с. 68.

— «... къ сокращенію сердца», нач. «бысть король вельможныи, имѣть едину дѣвку (= дочь, красну и мудроу», — *Gesta* с. 70. Исторія въ родѣ сказокъ съ загадками: воинъ женится на царекѣй дочери, когда стужеть разрѣшить три загадки ей.

— «Чтобы неблагодарство не творили», нач. «некоторый король бысть вельможныи и имѣть единого сына», — *Gesta* с. 72.

Сынъ, получивши наследство при жизни отца, сталъ притѣвлять его и былъ за то наказанъ.

— «Яко лакомство многихъ ослѣпляетъ», нач. «въ Римѣ былъ король, а заповѣдь у него была такова», — *Gesta* с. 73. Царск. № 440 об. л. 314—316.

— «Яко всякіи грѣхъ бываетъ отпущенъ», нач. «рыцарь былъ въ Римѣ (Юліанъ) и выѣхалъ на поле и гналъ оленя и загналъ отъ дружины своей velmi далеко», — *Gesta* с. 18. Рыцарь, по невѣдѣнію, убилъ своихъ родителей и потомъ искупилъ грѣхъ раскаяніемъ и добрыми дѣлами; содержаніе повѣсти взято изъ западныхъ легендъ, но указываютъ такъ же подобный Пидѣйскій разсказъ.

— «Чтобы памятовали добродѣяства всякаго», нач. «въ Римѣ жь былъ рыцарь и выѣхалъ на ловъ», — *Gesta* с. 104. Легкая передѣлка исторіи о львѣ Андрокла, изъ «Аттическихъ Повеѣй» Авла Геллія V. 14.

— «Чтобы обѣты исполняли всякіе къ Богу и человѣкомъ», нач. «были некогъ два лотры (разбойницы)», — *Gesta* с. 108. Извѣстный разсказъ о дружбѣ Дамона и Пнионъ, у Цицерона *Tuscul. V. 22, de Off. III. 10* и др., повторенный также въ *Dialog. creatur. с. 56*.

— «Чтобы лакомства остерегались», нач. «коваль некогъ былъ velmi лакомъ и velmi богатъ», — *Gesta* с. 109. Довольно далекій варіантъ притчи Варлаама, поучающей, «яко не по виѣшнимъ одеждамъ подобаеъ челоуѣка почитати».

— «О важности и вѣрности», нач. «въ Римѣ при некогъ королѣ поиманъ некогъ юноша отъ разбойницъ», — *Gesta* с. 5. Заглавіе, недостающее въ Толст. 2. 15, прибавлено нами по другой рукописи: въ оглавленіи оно неправильно означено «прикладный живоуъ Алексѣя челоуѣка Божію». Разсказъ о томъ, какъ одинъ молодой челоуѣкъ попалъ къ морскимъ разбойникамъ, былъ освобожденъ дочерью предводителя ихъ, и потомъ женился на ней, — напоминающій 236-ю ночь съ Тысячи и одной ночи. Царск. № 440 л. 513—518, № 711 об. л. 197—202, Подол. № 1775 гл. 35-я.

— «Повѣсть о Апполоновѣ королѣ Турекомъ, velmi полезна», нач. «Антиохъ король velmi силенъ», — *Gesta* с. 153. Объ этой исторіи скажемъ далѣе.

— «Прикладъ — прозрѣнію Божію никтоже можетъ противитися», нач. «цесарь Кондрать велеможный въ илкогоромъ градѣ господствовалъ», — *Gesta* с. 20. Эта повѣсть, рассказанная также въ Шмецкой сагѣ объ имп. Генрихѣ *Grimm*, *D. Sagen* 2, nr. 480, въ другихъ сборникахъ, и именно въ «Золотыхъ легендахъ» Каетона и Якова de Voragine, относится къ папѣ Пелагію. Подобные мотивы представляетъ и Шмецкая сказка о чортѣ съ тремя золотыми волосами (*Grimm*, *Kinderm.* nr. 29, 3, 58). Въ Толст. спискѣ это — послѣдній, 35-й, прикладъ: въ концѣ написано: «конецъ исторіе и дланію ижъ в Риме бысть», на оборотѣ: «сія книга, глаголемая божественная исторія...» Остальныя повѣсти приводимъ по другимъ спискамъ.

— «Прикладъ о хитрости дѣволетей и яко суды Божія неиспытаны и скрыты суть» въ Рум. .J^o 371 об. л. 370—377, нач. «бѣ илкій отецъ пустышникъ, иже живаше въ илкоей пещерѣ»: въ Царск. .J^o 711 и др. первой главой сборника поставленъ тотъ же прикладъ «о хитрости дѣволетей, яко суды Божія неиспытаны суть», — *Gesta* с. 80. Исторія объ отшельникѣ находится также въ фавльо de l'hermite qu'un ange conduisit dans le siècle *Legrand*, *Fabl. ou contes*, Paris 1779, 2, 1—13), въ старинномъ Французскомъ собраніи *Vies des peres*, въ *Sermones de tempore* Герольта, Шмецкаго доминиканца конца XV в., и пр. (*Dunlop*, 200, 309—312), наконецъ въ «Задигѣ» Вольтера (ch. xx, *Hermites*).

— «Прикладный животъ св. Евстаоія и о навращеніи блудянаго», 34-я глава въ Ногод. .J^o 1775, Царск. .J^o 711, — *Gesta* с. 110. Ср. Царск. .J^o 440 л. 300—314, .J^o 441 л. 32—70 и др. Содержаніе взято изъ легенды о Паладѣ.

— «Прикладный животъ св. Алексѣя челоѣка Божія», въ разныхъ спискахъ «Дланій», въ Ногод. .J^o 1775-й гл. 33-я, — *Gesta* с. 15. Такъ же взято изъ павлетной легенды (ср. *Haupt's Zeitschrift für deutsch Alterth.* 3, 534—576).

— «Прикладъ о дивномъ промыслѣ Божіи и почитаніи св. Григоріи», въ Погод., № 1775 гл. 39-я и послѣдняя, нач. «король единъ именемъ Пашкуръ крадевать», — *Gesta* с. 81. Въ Царск., № 440 заглавіе передано такъ: «повѣсть о дивномъ смотрѣніи Божіимъ и о почитаніи св. Григоріи папа Римского, и да никтоже да не отчаявается своего спасенія» л. 465—488. Ср. Царск., № 420, л. 1, подъ 12 марта; Румниц., № 370 л. 114—117 «повѣсть зѣло полезна о преподобіимъ отцѣ Григоріи папѣ Римскомъ и о житіи его», — по Востокову, житіе лжесоставленное; Толст., 2. 175 Публ. Б-ки ХИИ. Q. 18, л. 287 нач. «сеи... Григорен... родися отъ королевскаго роду: дѣдъ же его отиде отъ житія сего» и т. д. Въ этой исторіи повторяется очень извѣстная средневѣковая легенда *Gregor auf dem Steine* (*Grässe, Lit.-Gesch.*, 2, 2, 953. *Cholevius*, 166 ff.), которая у насъ извѣстна была и въ другой редакціи, какъ наир. въ иныхъ изъ указанныхъ выше рукописей.

Сравнивая разные списки «Цѣлій», можно придти къ заключенію, что переводъ былъ не одинъ. Варианты ихъ касаются не отдельныхъ фразъ и словъ, но цѣлаго характера изложенія, такъ что въ однихъ спискахъ болѣе замѣтно вліяніе Польскаго подлинника, въ другихъ господствуетъ обшкновѣнный книжничій языкъ XVII столѣтія, сообщаемый довольно правильно. Слово «иносрѣдѣнный», какъ называются постоянно повѣсти изъ Римскихъ Цѣлій, не показываетъ впрочемъ вторичности перевода, потому что означало у старинныхъ грамотеевъ *неодно* переведенный. Ни имя переводчика, ни время не определены, по обыкновенію, и здѣсь; сомнительность 1691-го года мы замѣтили прежде, — быть можетъ, къ этому времени относится передѣлка стараго перевода. Въ измѣненіи текста многое, конечно, должно отнести къ переписчикамъ, участіе которыхъ легко обнаруживается передѣлкой Ювینیана въ *Евѣаніи* и т. п.; но во всякомъ случаѣ нужно предположить очень длинный рядъ послѣдовательныхъ копій, чтобы достигнуть до такихъ обширныхъ вариантовъ. Первоначальный характеръ языка вообще должно держаться съ большей или меньшей силой, такъ что списки весьма поздніе сохраняютъ много Польскихъ словъ перваго подлинника: потому совершенное почти впаденіе ихъ

должно объяснять полным исправлением старого перевода. Наши «Дании», как и другие повести, записаны къ намъ въ XVII столѣтїи, представляютъ мало національныхъ примѣненій, но при всемъ томъ были читаны охотно, потому что удовлетворяли и благочестивой настроенности нашихъ предковъ и любви къ занимательному чтенію. «Римскія Даніи» отличаются тою же непосредственной правдою, какая правится въ старинныхъ Французскихъ фавляхъ, и вмѣстѣ добродушнымъ желаніемъ «снучать», которое принадлежитъ и другимъ средне-вѣковымъ произведеніямъ этого рода. Некоторые рассказы напр. въ *Disciplina clericalis*, были бы на своемъ мѣстѣ только въ *Decamerone* или въ *Cent nouvelles nouvelles*; «Даніи» несколько строже въ этомъ отношеніи, но нельзя не согласиться, что и ихъ средства поученія не всегда безукоризненны.

Некоторые повести, записанныя въ *Gesta Romanorum*, извѣстны были у насъ и по другимъ редакціямъ, и появились вѣроятно раньше Русскихъ «Даній». Не говоря о жизнеописаніяхъ Евстафія, Алексѣя Божія человека и даже Григорія нашего Римскаго, которыя легко могли имѣть у насъ и Византійское происхожденіе (потому что Греческая легендарная литература имѣла прелесть много общаго даже съ легендой чисто-западной), — есть некоторые признаки, подтверждающіе, что и другіе рассказы Римскихъ Даній пришли къ намъ изъ Византійскаго источника. Такова, по нашему мнѣнію, *притча о инокѣмъ велможѣ* (иначе «обытъ въ Римской области, въ инокѣмъ графѣ, ивкїи царѣ» въ упомянутомъ Погод. сборникѣ, V 1964, гдѣ притча помѣщена тогдѣсь послѣ Стефанита и Пхилата, об. л. 224 — 227. Содержаніе рассказа то же, что въ 119 главѣ *Gest. Rom.*, уже отмѣченной нами въ Русскомъ переводѣ, но изложеніе особенное, и едва ли не выказывающее Греческаго оригинала; по крайней мѣрѣ, складъ языка и каноническая форма его очень близки къ тѣмъ, какія представляетъ Стефанитъ. Въ этомъ послѣднемъ находится прелесть подобный рассказы, но онъ не вошелъ въ Русскій переводъ Стефанита; кромѣ того «притча о инокѣмъ велможѣ» указываетъ дѣйствіе въ *Римской* области... Быть можетъ, повесть о велможѣ находится уже въ

той рукописи Греческой, которая служила подлинником для Славянского переводчика Стефанита, и рассказ «Царий» явился у нас прежде всего изъ редакціи Византийской.

Та же притча о вельможѣ встрѣчается подъ другимъ заглавіемъ: — *Царекано* .J. 440 сбори. XVII в. л. 371—380 притча о населникѣ и о дворецкомъ царевѣ, и како его избави отъ лютыя смерти, нач. бысть въ Римскои области, въ илкомъ градѣ, царь и кнѣи, и мѣше ближяго человека: — .J. 445 сбори. нач. XVIII в. л. 242—249, и *Иудольскано*, сбори. XVII в. иже бысть повесть о илкомъ царевѣ дворецкомъ и о населникѣ, сирѣчь о крестьяннѣ. Врем. кн. 14.

Сюда принадлежит и очень извѣстная въ старину *повѣсть о царѣ Агѣи, како пострада гордости ради*. Царь Агѣи возгордился своимъ величіемъ и счастіемъ, и услышавъ однажды чтеніе Евангельскихъ словъ «богатіи обнищаша и нищии обогатѣша», назвалъ ихъ несправедливыми и велѣлъ вырвать листъ Евангелія, гдѣ онѣ были написаны. Богъ наказать его. Однажды царь погнался на охотѣ за оленемъ, олень перенялъ зрѣнку, царь снялъ съ себя платье и помылъ тула же, а въ это время ангель надѣлъ его одежды, и принятый вѣлми за царя возвратился во дворецъ Агѣи. Между тѣмъ, когда настоящий царь перенялъ рѣку, олень исчезъ и Агѣи остался одинъ, безъ одежды; всѣ, кого ни встрѣчалъ онъ, не хотѣли признать его царемъ, говоря, что видѣли царя, ѣхавшаго въ городъ. Долго блуждалъ Агѣи безъ приставина и безъ ниши, занимался въ работу, но его прогоняли, потому что онъ былъ не привыченъ къ труду. Тогда онъ вспомнилъ о своемъ невѣрїи, кающаго просилъ у Бога прощенія: онъ присталъ наконецъ къ нищимъ, которые взялись кормить его съ тѣмъ, чтобы онъ несъ ихъ сумы; въ городѣ нищїе были призваны къ царю, который велѣлъ угостить ихъ, по случаю праздника; здесь ангель, занявшій мѣсто царя, привелъ раскаявшагося Агѣи въ особенную комнату, возвратилъ ему прежній видъ его, отдалъ корону и скипетръ, и скрылся, велѣвъ держать все происшедшее въ тайнѣ. Агѣи спочать царствовать по прежнему и зѣло милостивъ бысть ко всякому человеку и благоумно жити». По

вѣсть эта представляет близкий вариантъ приклада о цесарѣ Юстиніанѣ и вѣсколко короче его: она была вѣроятно такъ же переводомъ Греческаго разказа, явившагося изъ «Цяній» или одного съ ними песочника.

Списки — Толст., 2. 342 Публ. Б-ки XVII. Q. 79 сборн. XVII в. л. 460—462 повесть преславна и душеполезна зѣло о царѣ Атеѣ, како пострада гордостю ради.

— Царек. № 310 сборн. XVII в. л. 269—272 загл. такъ же, нач. «бысть во градѣ Фидууѣ царь, иже звахъ Атея, славень зѣло, и стояше овъ у заутрени». № 392 сборн. новин л. 16—23.

— Погод., сборн. XVII—XVIII в. № 1773 об. л. 83—90 сия повесть преславная и душеполезная како царь Атея пострада отъ слова Божія и гордостю ради, нач. «бысть во градѣ Фидуменѣ царь, иже звахъ Атея, славень зѣло».

— Забѣлша, въ сборн. XVIII в. № 69, л. 33—35 повесть преславная и пр., нач. «бысть въ городѣ Фидумешу царь, иже звахъ Атея, зѣло славень бысть, и стоялъ въ церкви, когда пѣли обѣдню». — Замѣчательно, что въ другомъ Забѣл. спискѣ этой исторіи, XVIII в., № 82, поставлено «повесть о царѣ Атея — выписано изъ книги *Русскихъ дѣлъ*, т. е. *дѣяній* или «Цяній».

Повесть о путешествіи, въ 80 главѣ Латинскихъ «Цяній», едва ли не существовала въ подобной второй редакціи. Въ Макарьевскихъ Мисеяхъ, подъ 21 Ноябрь, находится «слово о судьбахъ Божіихъ неиспытанныхъ» нач. «быше пѣкшіи отходники»; та же статья въ сборникѣ нач. XVIII в., Б-ки М. Обш. № 211, об. л. 196 «слово о судьбахъ Божіихъ неиспытанныхъ, молитву о нихъ пѣкшому черноризцу, дабы испитать судьбу Божія» нач. «быше пѣкшіи черноризецъ, исполнь всея добротелю». По видимому, здѣсь долженъ повториться разказъ того же содержания.

Замѣтимъ наконецъ одну повесть, которая встрѣчается въ нѣкоторыхъ спискахъ Русскихъ «Цяній». Въ упомянутой Архивной рукописи и Румянц., № 370, об. л. 367 помѣщено этотъ *прикладъ дивнаго устройства никого благоговорца и праведнаго судіи* (нач. «во градѣ Рустетъ, по случаю житія, наче же добрыхъ всѣхъ датели Бога промысломъ, иже водставлетъ отъ

гношиа и посаждаетъ съ могущима» и пр. — о томъ, какъ одинъ вельможа, достигшій этого высокаго званія изъ простаго сословія и единственно своими заслугами, былъ обвиненъ предъ царемъ въ злодѣяствъ, умыслехъ и чародѣйствъ, которыми онъ занимается будто бы въ отдаленной и скрытой отъ другихъ комнатъ своего дворца. Царь повѣрилъ клеветѣ и однажды печально засталъ вельможу въ его таинственномъ уединеніи. Въ этой комнатѣ царь увидѣлъ драгоцѣнный ящикъ, а въ немъ бѣдную отелду: вельможа объяснилъ ему, что приходится сюда вспоминать свою презрительную судьбу, учиться смиренію и не гордиться настоящей славой. Царь тронутъ былъ его скромной добродѣтелью и поручилъ вельможѣ правленіе велѣтъ государствомъ. По характеру своему повѣсть вполне соответствуетъ рассказамъ изъ «Цвѣтій», рядомъ съ которыми поставлена въ рукописяхъ, но мы не встрѣтили ея въ Латинскомъ сборникѣ. Во всякомъ случаѣ она имѣетъ какое нибудь отношеніе къ «Цвѣтіймъ», тѣмъ болѣе, что и по мѣсту дѣйствія принадлежитъ къ *Римскимъ* повѣстямъ.

Зажѣтныя здѣсь нѣкоторые другіе рассказы, нестрѣтшіяся даже въ рукописяхъ Румницъ и Тожд.: Б. кн. М. Общ., I 223, л. 770, 829 и пр., которое могутъ относиться сюда по значительному содержанию.

Гораздо сильнѣе, чѣмъ въ «Цвѣтійхъ», выразилось назидательное направленіе въ другомъ сборникѣ повѣстей, переведенномъ на Русскій языкъ въ XVII столѣтіи. Это—въ буквальный смыслъ *Великое Зерцало*, списки котораго, полные или чаще въ извлеченіи, но нѣсколько находятся въ каждомъ значительномъ собраніи. Названіе сборника вполне оправдывается его величиною: число повѣстей, въ немъ помѣщенныхъ, простирается почти до девяти-сотъ и книга въ нѣтомъ видѣ своемъ представляетъ огромный фолиантъ. По свидѣтельству Калайдовича, въ Синодальной б-кѣ находится три списка этого произведенія, отчасти несходные: въ первомъ изъ нихъ, заключающемъ 781 притчу, упоминаютъ переводъ книги съ Польскаго; во второмъ, принадлежавшемъ патр. Мртіану и раздѣленномъ на 652 главы, сказано, что Великое Зерцало притчей или при-

логовъ отъ многихъ исторій и отъ перерывахъ многихъ учителей собранное неизвѣстнымъ, сперва было написано на Латинскомъ, потомъ Римлянскомъ Умѣломъ Иеронимомъ Симеономъ Высоцкимъ переведено на Польскій, а наконецъ по желанію и повелѣнію царя Алексея Михайловича переведено на Словоно-Россійскій языкъ въ 1667 году; 1-й етн списокъ «Зерцала» имѣетъ 821 главу. См. Рум. Муз. 226. Еще обширнѣе «Зерцало» Румашовскаго Музея, № 180, писанное въ двѣнадцать полууставахъ XVII вѣка, и заключающее 862 главы или главъ; одно издание его занимаетъ 27 л. Книга эта — одно изъ тѣхъ Зерцалъ, которыя были такъ многочисленны и такъ любимы въ западно-Европейскихъ литературахъ среднихъ вѣковъ (ср. *Grässe, Lit.-Gesch.* 2, 2, 272, 711 ff.). У насъ Зерцала такъ же появились особенно въ XVII столѣтіи, и переводились съ Латинскаго и Польскаго, или съ Греческаго; кромѣ «Великаго» были: Зерцало мірозрительное, богословское, естественнорительное, Зерцало человека христіанскаго, и другія. «Великое Зерцало» было переведено съ Польскаго, — первое Польское изданіе вышло, кажется, въ 1621 г. въ Краковѣ; въ другомъ оно имѣетъ слѣдующее длинное заглавіе, въ которомъ объясняется и исторія самой книги: *Wielkie Zwierciadło przykłądow, więcey niżli z osmiudziesiąt pisarzow, pobożności, nauka i starowieczności przeznaczonych: także z rozmaitych historyj i traktatow kościelnych wyjęte przez iednego niemianowanego który żył około roku 1480, potym przez x. Jana Maima S. J. dowodem sąmych autorow objaśnione: tudzież więcey niżli dwiema tysiącami przykłądow rozmaitych szeroko rozwiedzione, potym przez x. Antoniego Damasciusa S. J. który wiele znamienitą siegę Flores Exemplarum wydal?, szerzey napisane; a na ostatek przez x. Szymona Hyspockiego S. J. na polskie znowu przelożone, a teraz świeżo po trzeci raz przez x. Jana Lesiowskiego S. J. z przyczynieniem wielu przykłądow y poprawą wielu omylek sporządzone. W Krakowie 1633 f. 1467 стр. (См. *Jochera, Obraz* 2, 348; о Baconовомъ *Maciejowski, Polska pod względem obyczajow etc.* 1, 403. *Pisania* 3, 30, 310).*

Списки — Румянц., № 180 полное Зерцало, XVII в., — , № 363 сборн. XVII в., л. 1—157 выборъ главъ Зерцала 87 гл., полнъ на-

званіемъ «духовные приклады и душеспасительныя повѣсти, новопреведенныя отъ Великаго Зерцала, въ честь и во славу Богу и челоуѣкомъ въ душевную пользу: въ переводѣ есть варианты противъ другихъ списковъ.

— Б-ки Моск. Общ., только выборки № 213 сборн. 1681 г., № 62 сборн. XVIII в., № 209 сборн. нач. XVIII в. д. 100—231 «духовные приклады и душеспасительныя повѣсти, новопреведенныя (отъ Великаго Зерцала съ Польскаго языка на Словенскій языкъ» и пр., — въ другомъ мѣстѣ г. Стрельскъ считать Зерцало переведеннымъ съ Латинскаго, неизвѣстно почему. — см. также № 200, 323 и др.

— Царск. № 439, рук. XVII в., въ листъ, на 633 л. полный списокъ Зерцала, но въ гравированной заставкѣ на л. 32 позиціе написано «духовные приклады» и пр. заглавіе, принадлежашее извлеченіямъ изъ Зерцала; главы 858; — въ прочихъ рукописныхъ выборки № 140, 163, 168, 182, 184, 192.

— Толст., также извлеченія 2, 257, 383, 402; 3, 3, 21, 4, 48 и др.

Содержаніе сборника достаточно опредѣляется его происхожденіемъ: онъ заключаетъ въ себѣ повѣсти назидательнаго характера, короткіе разсказы о разныхъ случаяхъ челоуѣческой жизни. Здѣсь проявляется сила вѣры, доказывается опасность грѣха, польза покаянія. Существенное отличие Зерцала отъ Римскихъ Дѣяній состоитъ въ томъ, что оно исключительно держится фактовъ, заимствованныхъ изъ духовно-исторической и легендарной литературы, между тѣмъ какъ Дѣянія исчерпаны болѣе разнообразными и богаты чисто поэтическими народными преданіями. Къ повѣстямъ «Зерцала» прибавляются даже и догматическія толкованія. Обыкновенно нѣсколько главъ соединяются подъ однимъ общимъ заглавіемъ и называются «прилогами» т. е. объяснительными примѣрами; рубрики касаются разныхъ челоуѣческихъ пороковъ и добродѣтей, или указываютъ, къ чему должны быть направлены поступки и стремленія благочестиваго челоуѣка, напр. «о еже честь воздавати родителямъ и не презирати ихъ, зѣло укасно» (Рум. № 180, гл. 56), «о піянствѣ и о осужденіи піяницы по смерти нишъ огнь и жупель» (гл. 58), «сестѣ обычаи премѣняеть» (гл. 155), «о лукавствѣ» (гл. 391), «о плотьскомъ искушеніи»

(гл. 392, «судьбы» гл. 431, «жестокость» гл. 465, «статей
или статейных приговоров» гл. 531 и т. п. Купцовское при-
несходство объяснено также в речах о том, как Максимьян,
первый секретарь Роккана, гадь дозволить судам и т. п. в
разрешении Моргана Делгрю гл. 229. Предлог в учениях
нередко объясняется с точки зрения природы, как покаяние в
у нас в среднем вековой и вешней литературы, как пред-
двинутое заблуждение, распространяющееся в народе. Таковы
были и впрямь обитания чуждого, волевыми в недо-
четива, и вначале и пожелания притом и т. п. и в дру-
гих исторических памятниках: до Грешки восточной, обще-
знания Бурши не только XVI, но и XVII столетия, переходил
к нам соединить с восточными понятиями о чуждого, и
восточное для восточной и восточной притом, — и Великое
Жерновое сообщество и восточные трактаты, доказывающие тверды-
ть, кто нимало не чужд и восточному. Таковы восточ-
но учениями знание чуждого и восточными и восточными
науками гл. 150, «о восточной чуждого и о ее осуждении»
гл. 151, «чуждого и восточную, привлекательную святого
Иеронима, хотя к восточной склонности, постыбля, от чего же
самъ до потерял гл. 208, «чуждого и восточную против-
ничью к чуждому восточной привлекательной гл. 480, «чуждо-
вание: восточную и восточную и восточную, в восточной восточной
восточной, восточная, из восточной восточной восточной, в восточной
восточной восточной гл. 840, и другие. Вреште восточная так же
против восточной восточной восточной и восточной, которая и
у нас восточная строго осуждению не только в восточной
моральности, но и в восточной восточной восточной; на
этом содержании восточная восточная: о восточной восточной
грешки, кто восточная восточная и восточная *чуждого*
восточная гл. 60, «о восточной и восточной и восточной восточной»
гл. 120, «о восточной и восточной и восточной восточной в
восточной Роккане восточной восточной IX, в восточной восточной
восточной гл. 160; восточная осуждается также в восточной восточной
826 — 833, из которых восточная восточная восточная восточная
восточная, и восточная восточная восточная, от восточной
является, — и во многих других восточных, которые совер-

шению соответствуют запрещеннымъ, положеннымъ въ старину на писаніе, скоморошество, игру въ зернь, въ карты и тавлеи. Не мудрено по этому, что «Зерцало», Латинское по своему происхожденію, уважалось у насъ на ряду съ другими душе-спасительными книгами. Правдивенныя попятія, въ немъ выраженные, были очень сходны съ самобытною Русскою моралью, какъ излагалась она во многихъ старинныхъ сочиненіяхъ.

Нѣкоторыя повѣсти «Зерцала», мимо значенія назидательнаго, основывались на одномъ анекдотическомъ интересѣ, и тѣмъ отчасти противорѣчатъ общему направленію сборника. Въ одной главѣ «Зерцала» (гл. 514) собраны необыкновенные случаи плодородія женщинъ, и разсказывается, какъ «*двадцати дѣти въ одну часъ мати роди*» или «*дванадцать во едино время рождени*» одной матерью, или какъ наконецъ «*дщи Генрика князя Брабанскаго, брата бысть жена краля Шменскаго*» родила вдругъ 364 человека дѣтей (?). Эти разсказы взяты изъ шуточныхъ и анекдотическихъ сборниковъ, распространенныхъ особенно въ XV — XVI-мъ столѣтіяхъ, подъ названіемъ *фацецій*, *Facetiae*, и въ «Зерцалѣ» не совсѣмъ умѣстны, какъ и помѣщенный тамъ же (гл. 845) разсказъ о томъ, что «*бѣсть гнѣва паче гнѣва жепьскаго, ни жестосердіи и непокорства твердѣйшаго и неукротимаго*», гдѣ такимъ образомъ передается Французскій старинный анекдотъ, фавльо du pre tondu, извѣстный и въ нашей народной словесности:

«Мужъ съ женою единою иде чрезъ нову, рече: изрядно зѣло естъ сія земля *покошена*. Жена же противнымъ образомъ рече: нѣсть се *покошена, но пострижена*, — сопротивляющися мужу много; егда же мужъ глаголаше, яко *покошена*, а жена глагола: *пострижена*. Мужъ же, на гнѣвъ подвижшися, вверже ю въ воду; егда же въ водѣ внише не можаше глаголати, протяже руку отъ воды, творяше знаменіе перстами на подобіе *пожницъ*, являюще, яко быти *пострижена*, и сопротивляющися даже до смерти».

Многія повѣсти относятся къ лицамъ историческимъ; нѣтъ изъ нихъ, напр. о Понелѣ королѣ Польскомъ, прибавлены вѣроятно Польскимъ передѣльвателемъ книги. Разсказы изъ «Ведликаго Зерцала» существовали въ рукописяхъ и отдельными

статьями и такимъ образомъ расхлѣбались еще болѣе; въ примѣръ укажемъ исторію «о епископѣ предъ Богомъ и челоуки непорочнымъ быти епископомъ и попомъ, и како Удонъ епископъ страшно осужденъ бысть», гдѣ передается страшная судьба епископа Магдебургскаго Удона, который пренебрегъ своими обязанностями, предался порокамъ и за то потерпѣлъ жестокое осужденіе (гл. 106.)

Ср. *Historia Udonis* въ *Rad. Zamorensis, Speculum human. vitae* (sr. conversionis peccatorum), Wisnii 1588, Слнскы Тозет. 2. 160, 181. — Царск. № 396, 410, 468. — Б-ки М. Общ. № 200. — Погод. № 1775 и мн. др.

Едва ли не сюда же должно отнести повѣсти разныя, не полныя страха и ужаса, о правосудіи Божіемъ како осуждаются грѣшники здѣ и непокаявшіеся на вѣчное мученіе по долюмъ своимъ въ сборн. XVII в., Царск. № 427. л. 167—207, въ 35 главахъ по содержанію оныя должны имѣть сходство съ Зерцаломъ. — г. Сиревъ считаетъ ихъ переведенными съ Латискаго или Польскаго.

Душеспасительное чтеніе въ старину гораздо болѣе поддерживалось другими памятниками, которые могутъ быть только упомянуты въ настоящемъ случаѣ, потому что принадлежатъ литературѣ вѣры и церкви. Многочисленные патерики, мниен, прологи, сочиненія духовныхъ писателей, представляютъ множество повѣстей, исключительно посвященныхъ делу душевнаго спасенія и служившихъ для развлеченія благочестиваго читателя. Существеннымъ источникомъ произведеній этого рода, какъ и вообще старинной духовной словесности, была литература Византійская, съ древнѣйшихъ временъ надѣлавшая часть своими богатствами. Въ сборникахъ и хронографахъ XVI—XVII столѣтій продолжали жить и эти старинныя повѣсти, перемѣшавшыя одиѣ съ другими и соединенныя только сходствомъ содержанія, и внесши въ новыя, жившіеся изъ другихъ источниковъ. Оны имѣють много общаго съ поумсторическими повѣстями «Зерцала», потому что проникнуты однимъ настроеніемъ. Не перешедши этихъ предѣловъ исторій, упоминаемъ нѣкоторыя изъ нихъ, напр. повѣсть «о архіепископѣ Венславѣ», что въ Краковѣ (Рум. № 459 и др.), гдѣ излагается повѣстная

исторія о Польскихъ холопяхъ и передѣльвается легенда о Станиславѣ: «о пустышникѣ Иванѣ королевичѣ Корванкомѣ» (Оп. Р. Муз. стр. 778); «о царѣ Козаринѣ и о его царинѣ» (въ сборн. Дубровскаго, Публ. Б-ки IV, F. 238, XVI в., л. 527—528; Рум. Л^т 249, Б-ки М. Общ. Л^т 286.)

Въ старинныхъ сборникахъ замѣтимъ наконецъ полудидактическія повѣсти, любопытныя для исторіи правовъ: отчасти ихъ можно считать сочиненіями Русскими, отчасти онѣ основывались и на чужихъ преданіяхъ. Не лишена интереса повѣсть о *чародѣйствѣ*, сочиненная будто бы для царя Ивана Васильевича Грознаго и напечатанная по рукописи г. Погодина (Москва, 1845 г., 246—249). Содержаніе состоитъ въ слѣдующемъ: Одинъ благочестивый царь совратился съ пути вѣры и поддадеа влиянію злаго «сниклига»; этого «чародѣи и губитель-мужъ» увлекъ его въ занятія волшебствомъ, и смутилъ и царя и народъ. Окрестные города возстали на неустроенную землю; многіе оставили царя и перешли на сторону враговъ. Въ трудныхъ обстоятельствахъ царь увидѣлъ Божіе наказаніе, покаялся въ своихъ заблужденіяхъ, и съ малочисленнымъ войскомъ успѣлъ прогнать враговъ, потому что милость Божія къ нему возвратилась; злобный сниклигъ и единомышленники его были преданы казни. Простота содержанія и отсутствіе всякой определенности въ разсказѣ позволяютъ думать, что повѣсть действительно была написана по случаю, какъ поученіе косвенное.

Мораль другихъ сказаній направлена была также противъ заблужденій эпохи, но болѣе общихъ и важныхъ. Въ Румянц. сборникѣ XVII-го вѣка, Л^т 363, на л. 410—412 находится повѣсть о происхожденіи виннаго питія: «вышесано изъ книги изъ столбаника о питіи, отчего суть устависа винное питіе». Не знаемъ, изъ какого источника взята была эта повѣсть: столбаникомъ назывались и постановленія собора 1551 г. Рукон. Царск., стр. 438, но тамъ конечно не встрѣчается подобной статьи, какъ и въ Столовнѣ патриарха Геннадія; по замѣчанію Востокова, статья была взята изъ какого нибудь сборника, раздѣленная на сто главъ; «книга столбаникъ» упоминается въ описи книгъ патриарха Филарета, учиненной въ 1630 г., вмѣстѣ съ сочиненіями душевнасительнаго содержанія *Иванова*,

Он. Арх. Стар. Дѣль. 290). Изобрѣненіе винокуренія приписывается въ этой статьѣ завистливому бѣсу, который потомъ научилъ курить вино и человека; бѣсъ прельститъ его обещаніями, и они «пристрочили себѣ мѣсто уготованно при рѣцѣ, у источника, и побѣже бѣсъ на оравитскія горы, и взя скоро траву, еже есть хмель, и приде на уреченное мѣсто, на источникъ, и уготова кубы, и палива браги, и накинувъ горники и потомъ замазана мѣстомъ, съ трубами, и сквозъ кадеи пропустина и палива кади полно воды и подложина подъ кубы огня и начана огнемъ варити, и поиде сквозъ кадеи трубами аки хитрое зелье.» Послеъ того бѣсъ скрылся, а человекъ пошелъ въ ближній городъ, прельститъ и царя и всѣхъ людей его зловреднымъ зельемъ. «Человекъ же той бысть пожалованъ отъ царя и нареченъ будетъ у царя великій вельможа и другъ царевъ. И отголѣ разнесеса то хитрое зелье, сирѣчь нынѣшнее вино, рѣкомая горѣлка, по всѣмъ странамъ и градомъ, въ цри (вѣрнѣе == въ Царьградъ) и въ Литву и въ Польшу и во вся грады и къ намъ въ Святорускую землю». Губительное дѣйствіе рекомой горѣлки изображается въ *повѣсти о высокоумномъ хмелю* (тамъ же, л. 412 — 415), представляющей монологъ самого хмеля: «Тако глаголетъ хмель ко всякому человеку, ко царемъ и княземъ и ко воеводамъ и бояромъ и слугамъ и купцѣмъ всѣмъ православнымъ христіаномъ, и богатымъ и нищимъ, и женамъ, старымъ и младымъ: познайте и мя. Азь есмь хмель силенъ и болю плодовъ земныхъ всѣхъ, отъ корени есмь сильна и отъ племени велика» и пр. Полнѣйшій видъ разсказа находится въ *повѣсти о князѣхъ* по Толст. сборнику XVII — XVIII в. 2. 230 Публ. Б-ки XVII. Q. 41, л. 34—38, гдѣ прибавленъ родъ введенія: «Бѣ ивкѣи человекъ, живише (бо) въ дебрѣи и сотвори себѣ хижу и живише въ ней много лѣтъ, и въ нѣкое время не ста у него ниши, и иде той мужъ нескати себѣ на потребу сиѣди, и ходяще по лѣсу много и абіе обрѣде стоящу яблонь velmi добру. И взя отъ того древа единю яблочко и вкуси, и бысть сътъ velmi, и нача яблочки собирать съ яблони той, и узрѣ на яблони траву — обвилась около древа, и сорва травы той единю смовившу, и нача быти отъ той травы глазъ синевъ», — и далѣе приводится разсужденіе хмеля о своихъ качествахъ. Отсюда

замечено содержание дубочной картинки, представляющей сдвѣтвія «свеватубной сласто» шлнства: такова известная «беседа философов Анахарсиса и Кирилла» объ этомъ пороѣ, и выписка приведенная в. Снегиревымъ в Вал. Сборникѣ, стр. 204. Тому же предмету посвящено «слово о высокоумномъ хмелю и о художныхъ пивнцахъ» въ мѣсяцномъ Румин. сборникѣ XVII в. № 370 л. 11 — 18. Помѣщенная въ той же Толстовской рукописи 2. 280 на л. 46 — 49 «исторія о дву товарищахъ, имѣвшихъ между собою разговоры, изъ которыхъ одинъ любилъ пить вино, а другій не любилъ», — передѣлана въ простонародной книжкѣ «Старичокъ-Весельчакъ» (Сиб. 1781) и повторяется такъ же въ дубочныхъ изображеніяхъ (Снегир. ib. 207), но принадлежитъ уже XVIII-му столѣтію.

Ср. сатирическое «сказаніе о винѣ и о пенетовствѣ его, хотя щимъ отъ него удалится», въ стихахъ, въ сборникѣ вѣд. XVIII в., Б-ки Моск. Общ. № 213, л. 326—329.

Остатки повѣстей XVII-го вѣка встрѣчаются и въ другихъ дубочныхъ картинкахъ. Иностранные образцы имѣли свою долю вліянія при появленіи нашихъ картинокъ: Нѣмецкіе печатные листы давно уже стали предметомъ торговли; они упоминаются въ приходо-расходныхъ книгахъ Оружейной Палаты 1634 и 1637 годовъ, и патриархъ Іоакимъ замѣчаетъ, что на картинкахъ священныя изображенія представлялись «неистово и неправо, на подобіе лицъ своестранныхъ и въ одеждахъ Нѣмецкихъ». Были известны и *поташные* листы, соединявше поученіе съ забавою; они замечовали содержание или передѣлывали его изъ тѣхъ же Нѣмецкихъ листовъ или изъ собственной фантазіи народа. Переходя къ самостоятельнымъ попыткамъ, дубочныя картинки во многомъ воспользовались старыми рукописными сборниками; многія изъ повѣстей, перешедшихъ этимъ путемъ въ народныя изображенія, сохранились въ дубочныхъ картинкахъ и до нашего времени. Такого рода «спричка изъ *Зерцала* весьма страшная» т. е. изъ Великаго Зерцала, о которомъ мы говорили, — о дѣвицѣ, утаившей на исповѣди смертный грѣхъ; «спричка изъ *снотодика* весьма страшная» о благочестивомъ и развратномъ юношахъ, — послѣдняя оубиваетъ

молнія, а первый остается невредимым: «видѣніе благовернаго монаха» о наказаніи сребролюбія и лихоимства; выше мы упомянули объ источникѣ картинки, изображающей Анну-воина и смерть. Другія статьи заимствовались изъ патериковъ и житій, рукописныхъ сочиненій духовныхъ писателей и т. п. Сюда же примыкаютъ и чисто-нравоучительныя изображения, каковы напр. «аптека духовная, врачующая грѣхы», «стразаа благочестивыхъ и трагедія нечестивыхъ», «изображеніе двухъ путей жизни нашей», «душа чистая и душа грѣшная», «дѣтвщица» и другія: для обшаренія тѣхъ и другихъ отсылаемъ читателя къ статьѣ г. Снегирева въ Валдуевскомъ Сборникѣ.

Дидактическую цѣль, какъ въ повѣсти о хмель, преслѣдуетъ и особенное сказаніе о *бисовской травѣ-табакѣ*, излагающее длинную исторію появленія этой травы и ея ужаснаго дѣйствія. Табакъ сдѣлался извѣстенъ у насъ вѣроятно не ранѣе XVI-го столѣтія, а въ XVII-мъ вѣкѣ употребленіе его было уже такъ сильно, что правительство сочло нужнымъ преслѣдовать его, отчасти по общимъ неблагопріятнымъ мифамъ о табакѣ, отчасти по видамъ финансовымъ и хозяйственнымъ, находя покупку его разорительною для народа. Суевѣрные толки о новомъ зельѣ распространились уже во времена ц. Михаила Федоровича: въ извѣстной тогда книгѣ, переведенной съ Греческаго, подъ названіемъ «Миръ съ Богомъ», табакъ названъ зельемъ проклятымъ и богомерзкимъ, и употребленіе его признано за смертній грѣхъ. Послѣ проклятія табака патриархомъ въ 1634 году государь указалъ: «на Москвѣ и въ городѣхъ о табакѣ заказъ учинить крѣпкой подѣ смертною казнію, чтобы нигдѣ Русскіе люди и иноземцы всякіе табаку у себя не держали и не пили и табакомъ не торговали». Въ послѣдствіи смертная казнь была отменена, тѣмъ не менѣе наказанія были очень строгі, потому что куреніе табаку, какъ и пьенство, считалось источникомъ другихъ пороковъ, даже причиною грабежей и разбоевъ. Любопытно, что и въ самыхъ выраженіяхъ табакъ сравнивали съ виномъ; въ актахъ встрѣчаются запрещенія, чтобы «зернию и карты не играли, и не бразничали, и табаку не пили»: тому времени принадлежатъ пословица: «спитъ баба табаку, да не сесть, что отъ собаки» *Будя*; ср. *Снегир.*, Русск. въ Посл. 2.

49—50). Не взирая на то, что эти *нитухи* и *продоищики*, принимавшіе «Нѣмецкой скверной обычаи», по тогдашнему понятію представляли изъ себя діавола и подвергались сатанинскому искушенію, куреніемъ табаку занимался не одинъ только классъ народа, а «всякихъ чиновъ людей»: по свидѣтельству Карлейля, бывшаго въ Вологдѣ въ 1663 году, всѣ Русскіе охотно употребляютъ табакъ, особенно курительный, дымомъ котораго упиваются до обмороковъ (см. подробности въ Юрид. Сборн. *Мейера*, стр. 496 слѣд.). Суевѣрныя преданія о табакѣ до сихъ поръ живы между людьми старинныхъ понятій, особенно между явными староверами. Эти преданія разсказываютъ и въ старой рукописной исторіи. Она встрѣчается въ сборникѣ Царскаго, XVIII в., № 469 л. 57—70, въ особой рукописи, подъ заглавіемъ: «сказаніе отъ книги, глаголемыя Пондокъ, о хранительномъ быліи, мерскомъ земли, еже есть травѣ тобацѣ, откуда бысть и како начатъ и разсѣяна по вселенній». Мы читали ее въ сборникѣ г. Тихонравова, списанномъ изъ разныхъ рукописей, гдѣ эта тетрадка старѣ другихъ и относится если не къ концу XVII-го, то къ началу XVIII-го вѣка. Повѣсть, на 8 листкахъ, носитъ заглавіе, почти буквально сходное съ предъидущимъ: «выписано изъ книги, глаголемыя Пондокъ, о хранительномъ быліи, мерскомъ земли, еже есть табакъ, откуда бысть и како зачатъ и разсѣяна всюду по вселенній». Исторія имѣетъ сходство съ повѣстью о хмельѣ, но гораздо длиннѣе и таинственнѣе, и открывается апокалиптическими текстами; появленіе табаку отъ дѣйствія бѣсовской силы произошло будто бы при Еллинскомъ царѣ Анексин, которому было прежде показано въ страшномъ видѣніи. Врачъ Треникуръ, отыскивая цѣлебныя растенія, нашеть и это земіе травное, «и вземъ Треникуръ и обоня ю (т. е. траву) позрими своими и обвеселися, и тогда оный врачъ Треникуръ ископа оную траву и принесе въ домъ свой и посади съ своими овощами и начать обиховати траву ту и веселися ходитъ. И распустися у него множество того земія; съѣди же его видѣша того врача умомъ премѣнненна и піяна суща, вопрошиша его: откуда піянство имать? Онъ же показа имъ въ саду траву и продаде имъ, коемуждо угодно, на сребро, и тѣ такожде въ садахъ своихъ

посадила, и расплывшися другъ отъ друга, и обоньсающе побряки свои и цѣлнествовати начаша, а нынѣ же оны то бѣдѣ полагающе и цѣлнцями (т. е. чубуками) во уста свои дыхающе, и оттого оны начаша обмирати, и лица ихъ яко мертвыя, и умомъ разслаблени.... И тогда придоша множество того народа предъ царскіе полаты, цѣлнни веряхуся, и лица ихъ павѣяхуся, мнози трясущися патаху, ниши же смертію внезапу умирающе». Царь Алексій распросилъ обо всемъ Треникура, и вспомнилъ свое видѣніе, бывшее за двѣнадцать лѣтъ предѣтъмъ; послѣ новаго видѣнія, Еллинскій царь и народъ принимаютъ христіанскую вѣру и черное земіе предано проклятію. «Благовѣрные же мужіе, новокрещеные, изъ вертоградовъ и садовъ своихъ ее (траву) изведоша и искорениша, а которые останахся некрещены, оныи то земіе разведоша по датскимъ странамъ поганымъ. И тако оны поганые Еллинны расплюдиша, яко въ Шмцы, въ Турки и Татары и въ Черкаскія земли; мнози же и нынѣ отъ вѣрныхъ прикасаются ко оному смраду съ погаными Турки и Татары, и тако съ тѣми въ вѣчную муку ходатайствуютъ (sic). Бысть же въ то лѣто по многимъ странамъ великое трясеніе земли, яко и морю отъ предѣлъ своихъ изыти и земли расклатися, и многимъ невѣрнымъ прикасающимся оному смраду....» Такъ оканчивается повѣсть въ неполномъ спискѣ г. Тихонравова. Судя по характеру сказки, она могла имѣть Греческое происхожденіе; упоминаніе вельможи-каменника не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что ее нельзя считать выдумкой Русскаго сочинителя. Текстъ ея, кромѣ неполноты, очень непороченъ въ позднѣйшемъ спискѣ, которымъ мы по пользуемъ, — безъ сомнѣнія отъ частой переписки.

Ср. въ новомъ Руманн. сборникѣ, I, 371 об. л. 261—263 и новую выписку изъ Гриторія Сиванга. Оп. Р. Муз. 352.

VII.

Историческіе разсказы. — Повѣсти Русскія и шведскія. — Сказаніе о Дракулѣ Мутялнскомъ, о князи Параратѣ, повѣсть о принцѣ Шверкѣн-Дюпфѣ. — Сказаніе объ Атылѣ, королѣ Угорскомъ; о Вислннѣ, королевѣ платовдскомъ Чешскія земли. — Повѣсть умилотѣлая о Брунсонѣ, старинный рыцарскій романъ Чешскія литературы.

Но неразрѣнности литературныхъ началъ, старая письменность наша не могла имѣть того разряда произведеній, гдѣ

являлось бы поэтическое изображение действительности, какъ въ западныхъ поэмахъ и рыцарскихъ исторiяхъ. Единственный почти памятникъ съ чисто-поэтической задачей и соответственнымъ ей исполненiемъ, Слово о полку Игоревѣ, доказываетъ однако, что въ древней порѣ нашей словесности были богатые залюги поэтической дѣятельности. Немного позднѣйшій памятникъ, XIV — XV вѣка, сказанiе о побѣдѣ в. к. Дмитрія Иоанновича надъ безбожнымъ Мамаемъ, известное во множествѣ списковъ и редакцiй, приводитъ, напротивъ, къ заключенiю, что дальнѣйшая судьба этого направленiя была далеко не такъ счастлива, какъ его началки. Въ сказанiи видно и сильное желанiе стать выше уровня обыкновенной исторической повѣсти, но виденъ и упадокъ поэтической силы; авторъ сказанiя невозвратно уклонился отъ живаго настроенiя: народнаго эпоса, и отданный собственнымъ средствамъ, способенъ былъ только на блѣдное подражанiе. Заимствуя и передѣлывая изъ Слова о полку Игоревѣ отдѣльныя описанiя, сочинитель не могъ уйти отъ обыкновенной рутинны, и ведѣвъ за хитросплетеннымъ описанiемъ битвы приводить толькiй списокъ именъ, годный только для лѣтописи. На всемъ изложенiи находится отпечатокъ схоластической манеры: перѣлокое употребленiе Греческихъ словъ и книжныя обороты показываютъ, что авторъ подчинился известному влиянiю литературныхъ памятниковъ своего времени. Вообще сравненiе этихъ двухъ произведенiй достаточно рисуетъ разницу между древнимъ и среднимъ періодамъ нашей литературы: съ теченiемъ времени труды нашихъ писателей болѣе и болѣе занимать историческiй разсказъ, господствовавшiй и въ XVII-мъ столѣтiи. Древнѣйшiя попытки его выразились почти въ одно время лѣтописью и жизнеописанiемъ: рядомъ съ Несторомъ и сказанiями Кiевского патерика стоятъ жизнеописанiя князей, Володимира, Бориса и Глѣба и пр. Рядъ подобныхъ сказанiй безъ перерыва продолжается до послѣднихъ временъ древней нашей исторiи; каждое замѣчательное лицо или событiе становилось предметомъ описанiя. Появились удивительныя повѣсти и сказанiя — о нашествiи злочестиваго царя Батыя, о подвигахъ Александра Невскаго, о убiенiи Михаила, жизнеописанiе Донскаго, сказанiе о паденiи Новгорода,

взяты Казанскаго царства, осада Пскова Баторіемъ или Обатуромъ, и о множествѣ другихъ событій. Местныя историческія преданія и легенды также нашли себѣ выраженіе, и повторились въ обширномъ собраніи повѣстей полуправдивыхъ, полувывдуманныхъ, которыя смѣшаннымъ характеромъ своимъ соответствовали незаблудимымъ потребностямъ старинныхъ читателей. Съ расширеніемъ этой литературы измѣнился и характеръ Летописи: къ своей хронологической нити она прибавила цѣлыя сказанія отдѣльными и такимъ образомъ удалилась отъ прежней формы; въ послѣдствіи она вновь замѣнена была летописными сборниками и компиляціями, подобными Степенной книгѣ.

Позднѣйшіе историческіе рассказы о древнихъ событіяхъ, у насъ, какъ и вездѣ, внесли много такого, что не извѣстно теперь изъ коренныхъ источниковъ. Иное могло быть вѣрно и принадлежало старымъ повѣстямъ, до насъ недошедшимъ, другое зависѣло болѣе или менѣе отъ вымысла, основывалось или на позднихъ представленіяхъ о старинѣ, или на народныхъ преданіяхъ. Присутствіе этого послѣдняго начала даетъ повѣстямъ особенный интересъ, независимо отъ ихъ цѣны въ качествѣ историческихъ матеріаловъ; къ сожалѣнію, онѣ до сихъ поръ очень мало разработаны съ подобной точки зрѣнія. Въ XVI—XVII-мъ столѣтіяхъ историческій рассказъ особенно страдалъ отъ позднѣйшихъ выдумокъ, въ чемъ виновато было отчасти и знакомство съ Польскими историками и летописцами. Еще Герберштейнъ, говоря о Рюрикѣ и его братьяхъ, замѣчаетъ: *hosce fratres originem a Romanis traxisse gloriantur Rutheni*; Новый Летописецъ съчастъ нужнымъ повторить общезнаменную басню и говорить, что смерть Осодора Ивановича «спрѣвѣсся корень Августа Кесаря»; въ спискахъ самого Пестора, сдѣланныхъ въ то же время, находится иногда вставка о происхожденіи Рюрика изъ Пруссій. Происхожденіе Руси, «сначала» Москвы и «первоначальнаго Великаго Новгорода» и даже послѣдующія событія облечены были глубокою тревностью, привязаны были или къ именамъ библейской исторіи, или другимъ знаменитымъ лицамъ древности. Известная съмота «Древностей Россійскаго государства» дядюшка Камышевча

Рвовскаго была не столько его выдумкой, сколько обширной компиляціей баснословныхъ повѣстей, прежде существовавшихъ въ литературѣ.

Другими представителями исторической повѣсти были многочисленные хронографы и падеи. Въ старинной Русской библиотекѣ хронографъ занимаетъ первое мѣсто послѣ главныхъ душевнеспасительныхъ книгъ, какъ богатый запасъ чтенія и занимательнаго и наставительнаго; этимъ объясняется чрезвычайное распространеніе хронографовъ. Будучи книгою первой необходимости, хронографъ имѣлъ и большой авторитетъ для старинныхъ грамотѣевъ; составленіе хронографа было дѣломъ существенной важности и книжники наши сдѣлали изъ него цѣлую историческую энциклопедію, въ которую попало даже много такого, что было излишне въ сочиненіи историческомъ. Хронографы имѣли много различныхъ редакцій, — одиѣ основныя и болѣе извѣстныя, другія частныя, принадлежащія отдельнымъ собирателямъ и зависѣвшія только отъ ихъ выбора и матеріаловъ. Эти сборники играли важную роль во все продолженіе стараго періода литературы, начиная отъ Нестора, читавшаго летописанье Греческое, и Волынскаго летописца, совѣтовавшаго читателю, «да почитать хронографъ», до послѣдняго Русскаго хронографа, составленнаго въ половинѣ прошедшаго столѣтія для кашпера Бестужева.

Въ хронографѣ совмѣщалась цѣлая историческая библиотека. Начинаясь сотвореніемъ міра, онъ приводилъ библейскую и церковную исторію, добавляя ее сказаньями апокрифическими, рассказывалъ о судьбахъ древнихъ народовъ, особенно Римскаго и Греческаго, до паденія Византіи, переходилъ къ Славянскимъ племенамъ и къ Руси, исторію которой излагалъ по летописнымъ сборникамъ. Отдѣльныя произведенія вносились были въ хронографы въ извлеченіи или же цѣликомъ, напр. псевдо-Каллистонова исторія Александра, Троянскія сказанія и многія другія повѣсти. Говоря о сотвореніи міра, хронографъ выписывалъ толкованія отцовъ церкви, вставлялъ космографическія и географическія свѣдѣнія, рассказывалъ о Греческой мифологіи. Въ слѣдствіе этого составъ изложеніе болѣею частью носило отрывочный, анекдотическій характеръ, потому что составители

не столько заботились о внутренней связи рассказа, сколько обращали внимание на отдельные факты. Летописца наши уже давно начали пользоваться Византийскими хронографами: позднейшие летописные сборники, какъ Никоновскій, компилировали изъ нихъ еще болѣе; вообще до XVII вѣка хронографъ и папья оставались главнымъ источникомъ, гдѣ Русскіе авторы почерпали нужная для нихъ историческія свидѣнія. — Изъ отдельныхъ повѣстей, внесенныхъ въ хронографы, мы замѣтимъ только немногія, болѣе любопытныя въ литературно-историческомъ отношеніи.

Повѣсть *о влітіи Царяграда* Турками распространилась вѣроятно еще въ XV вѣкѣ, вскорѣ послѣ самаго событія; въ хронографѣхъ ея заканчивается обыкновенно изложеніе иноземныхъ происшествій. Это событіе описано было и въ другихъ разсказахъ, какъ можно судить по несходству нашихъ летописныхъ повѣствованій (напр. *Сов. 2-я лѣт. въ II. Собр. 6, 180; Густин. въ II. Собр. 2, 356* съ подробной исторіей «о зачатіи и влітіи Царяграда», помѣщенной въ хронографѣхъ и переписанной въ Царственномъ летописцѣ 1772 г., стр. 306 — 358 и Никоновской летописи 5, 222 — 277). Всего болѣе известна была эта послѣдняя исторія, очень перьдкая и шибъ хронографовъ. Содержаніе повѣсти касается сперва преданій объ основаніи Царяграда Константиномъ и переходитъ потомъ къ обстоятельному описанію осады и влітія города; въ заключеніе приводятся предсказанія о будущей гибели безбожныхъ завоевателей и возрожденіи Византіи. Важность этого сказанія заключается въ томъ, что оно было не компиляціей изъ другихъ историковъ, а разказомъ оригинальнымъ, который составленъ еси не очевидно, то безъ сомнѣнія современникомъ событія; точность фактовъ и вѣрныя подробности даютъ Русскому сказанію ту же цѣну, какую имѣютъ для историка повѣсти Францы, Дуки, Халкокондилы и Леопарда Хюсскаго. По мнѣнію г. Срезневскаго, повѣсти стала известна у насъ при Иоаннѣ III, когда усилились особенно связи съ Греками; быть можетъ, она принесена и тогда съ влітіемъ Царяграда, когда Греки стали приходить въ Россію на милостьнейшій и вепомощеніемъ. Называя повѣсть Русскою, не слѣдуетъ однако принимать такое выраженіе буквально: ели ли она мо-

гла быть сочинена по-Русски, или пересказана Русскимъ, потому что списки повѣсти сохраняютъ много признаковъ, которые могли принадлежать Греческому произведенію. При томъ, существованіе Сербскихъ списковъ, довольно старыхъ, наводитъ на мысль, что сказаніе было намъ доставлено уже въ готовомъ Славянскомъ переводѣ; тогда сказаніе можетъ быть названо Русскимъ только на томъ основаніи, что нигдѣ оно не было извѣстно въ такой степени, какъ въ нашей старинной литературѣ. Почему она столько понравилась читателямъ, объясняется самымъ дѣломъ: «повѣсть о семь событіи», говоритъ Полевой, была однимъ изъ любимыхъ чтеній на Руси, украшенная множествомъ правоученій на память родамъ грядущимъ; въ ней съ радостью видѣли Русскіе, что послѣ паденія Греческой осталась одна земля православная — Русь, и слышали пророчество, что Русь предоставлено никогда взять Седмихолмный градъ, воцариться въ немъ и возстановить православіе въ землѣ Константина Равноапостольнаго» (Ист. Р. Нар. 5, 419). Новый пересказъ повѣсти находится въ прекрасномъ изданіи г. Срезневскаго (Повѣсть о Царградѣ. Сиб. 1855); въ своемъ изложеніи, сохранившемъ подробности и отчасти выраженія подлинника, авторъ пользовался однимъ спискомъ гр. Уварова, двумя Румянц. и двумя списками Михайловскаго; къ тексту приложены обширныя примѣчанія, гдѣ повѣсть наша сравнивается съ другими современными повѣстями памятниковъ Византійскихъ, Латинскихъ и некоторыхъ восточныхъ, и объясняются замѣчательныя слова подлиннаго текста.

Кромѣ упомянутыхъ, замѣтижь еще нѣкоторые списки. — Б-ки М. Общ. № 198 сборн. конца XVII в. л. 1—141 — сказаніе о зачатіи и о мудрости и о вятіи царствующаго сельмеходянаго Константина, имануемаго Царяграда, нынѣ же Турки глаголютъ его Станболъ, о семь пишутъ философы Греческіе и Латинскіе; — № 223 нов. сборн. л. 218—228, — № 76 нов. сборн. об. л. 62—97 повѣщена исторія о паденіи славнаго Царяграда (ныне Константинополь и Новый Римъ нарицается), его же пѣли Махометь Вторый, султанъ Турецкій османъ, въ лѣто по Христу 1453, — особенная повѣстная передѣлка, ср. *Сопикова*, Оп. Р. Библ. 3, 227.

— Царск. № 39½ сборн. 1672 г. л. 613—651 «сказаніе о взятіи Царяграда отъ безбожнаго саттана Махмета, Турского царя», нач. «въ лѣта 6961-го, властвующую Турки безбожнѣ Махметю, Амуратову сыну» (Средв. стр. 7); — № 401 сборн. XVII в. л. 183—218 «бытіе о Царьградѣ, како созданъ бысть царемъ Константинѣмъ и како взятъ бысть отъ Турскаго царя Бахмета», нач. «въ лѣто 3808 с, царствующе въ Римѣ благосодѣльному Константину Флавіану», у Средневек. 27; — № 402 сборн. XVII в. л. 55—63 «повѣсть о началѣ царствующаго града», об. л. 87—127 «китіе»; — № 410 сборн. XVII в. л. 319—363 «сказаніе о взятіи»; — № 398 сборн. XVII в. л. 36—42 «одна повѣсть о солданин Царяграда седмохотимаго отъ благовѣрнаго царя Константина». — Въ упомянутомъ № 39½ на об. л. 609—613 «слово о знаменіи Царяграда, о взятіи отъ Турковъ», нач. «бысть страшно видѣніе и ужаса исполнено» и пр., такъ же въ № 498, л. 318—321. — Въ № 403 сборн. XVII в. л. 1—53 «сказаніе кратце о Царьградѣ, откуда прежде именовася Византія и како преименовася Царьградъ и пр., нач. «бысть великій царь во Египтѣ, именемъ Нестовавъ, отъ роду сущи Фидикса царя», — особенная рѣзкая сказанія о Царьградѣ, гдѣ нашли мѣсто и тѣ преданія о началѣ его, которыя упоминали мы, говоря о псевдо-Балдисенѣ. — Повѣсти о Царьградѣ см. также въ Царск. № 238, 446, 587, Дозел. рукописяхъ и хронографяхъ, и друг.

Той же эпохѣ принадлежатъ *сказаніе о Дракулѣ*, воеводѣ Муньянской земли. Дракула былъ побочный сынъ Волошскаго воеводы Мильцы, служилъ сверха Греческому императору, но, по смерти Мильцы, отсѣкъ голову наследнику его Дану и сдѣлался правителемъ Валахіи, въ первой половинѣ XV-го столѣтія. Дракула отличался большимъ коварствомъ и хитростью и удачно поддерживалъ независимость своей страны, поставленной въ невыгодное положеніе между Венгеріей и уже сильными въ Европѣ Турками. Наша повѣсть рисуетъ самымъ темнымъ красками характеръ ужаснаго Дракулы, имя котораго должно означать по Русски дьявола: онъ преслѣдовалъ неправду и пороки, но на всѣхъ наводилъ страхъ жестокостью, неизмѣнно преслѣдовалъ. Повѣсть наполнена анекдотами о безчело-

вѣчныхъ постушкахъ Дракулы или съ подданными его, или съ иноземцами, приходившими въ его страну; всеобщій страхъ его тиранства дошелъ до такой степени, что въ его землѣ никто не осмѣливался брать чужого. За всѣ преступленія Дракула наказывала смертью; онъ не прощала даже легкія вины, если открывали ихъ. Однажды увидѣвъ онъ на какомъ-то бѣднякѣ худое платье, и спросилъ бѣдняка, есть ли у него жена? Когда тотъ отвѣчалъ, что есть, Дракула велѣлъ нести себя въ домъ его, и увидѣвъ молодую и здоровую жену, снова спросилъ мужа: есть ли у тебя лень? Получивъ утвердительный отвѣтъ, Дракула обратился къ женѣ и сказалъ: отчего ты лишнишься заниматься дѣломъ? Мужъ твой долженъ пахать землю, а ты не сшила ему рубахъ; въ этомъ ты виновата, а не онъ, — и затѣмъ Дракула велѣлъ отсѣчь ей руки и посадить на колъ. Чтобы испытать правдивость своихъ подданныхъ, онъ поставилъ на источникъ драгоцѣнную чару, и никто не осмѣлился взять ее, «еслико онъ (т. е. Дракула) пребысть». Подобные рассказы составляютъ и дальнѣйшее содержаніе повѣсти; иные изъ нихъ могутъ принадлежать и не именно Дракулѣ, или перенесены были на него изъ другихъ преданій и рассказовъ. Подробныя историческія извѣстія о Дракулѣ, его отношеніяхъ къ Іоанну Гунаду и султану Амурату можно найти у современныхъ Венгерскихъ писателей, и у Византійцевъ Халкокондилы (ed. Bonn. 259, 282, 307, 337, 338 и особенно Дуки (ed. Bonn. 201 — 210, 218), у котораго встрѣчается и объясненіе его имени, какъ въ Русской повѣсти: *ὅτι γὰρ ἐκαλεῖτο παροδρῆτος τοῖς πρόποις ὄντι καὶ γὰρ τὸ Δρακοῦλιος ἔνεμα ποταμὸς ἐρηχεύεται*—его звали *Дракулой*, такъ какъ онъ былъ коварнаго и злобнаго нрава, потому что имя Дракула значить злой. *Drakula Wajda* (т. е. *wajwoda*?) упоминается въ Шмецкой народной книгѣ о Фортунатѣ *Sinrock* 3, 118; Мутьянская земля означала Молдавію, — *Мутьянами* собственно называютъ Молдаванъ Волохи, и это названіе было у насъ въ общемъ употребленіи: старинный списокъ 1578 г. говоритъ, что «Волоскою землею да Мутьянскойю владѣть Туреккой царь» (Нам. Д. Снош. 1, 761); въ Малорусскихъ отношеніяхъ Молдавія называется Мутьянской землей, даже до Конисскаго. Что касается до происхожденія по-

вѣсти, Востокови, основываясь на словахъ Румянц. текста, что писатель повѣсти, когда находился въ Будинѣ, въ Венгріи, видѣлъ тамъ Дракулиныхъ сыновей, привезенныхъ королемъ Матосемъ вмѣстѣ съ матерью ихъ, и приурочивалъ къ этому посольство дьяка Федора Куршовна, который ѣздилъ въ 1482 г. къ королю Матосю для утвержденія мирнаго договора, — думаетъ, что повѣсть могла быть написана или Куршовнымъ или кѣмъ нибудь изъ его свиты, слышавшимъ рассказы о Дракулѣ отъ очевидцевъ или современниковъ. Замѣтимъ впрочемъ, что эта прибавка находится не во всѣхъ спискахъ и можетъ принадлежать читателю, а не сочинителю повѣсти; притомъ и некоторыя особенности языка въ Румянц. спискѣ, древнѣйшемъ всѣхъ другихъ, скорѣе указываютъ не на Русское, а на южно-Славянское начало повѣсти. По всей вѣроятности, она явилась у насъ такимъ же литературнымъ преданьемъ, какихъ много мы видѣли прежде. Въ послѣдствіи она очень измѣнилась во вѣднѣмъ изложеніи, и если Румянц. текстъ сохраняетъ некоторыя черты подлиннаго сочиненія относительно формъ языка, то позднѣйшіе списки XVII-го вѣка не отдаются отъ обыкновенныхъ книжныхъ приемовъ своего времени. Сказаніе о Дракулѣ вставлялось иногда въ хронографы, но теперь болѣе извѣстно въ отдѣльныхъ спискахъ.

Рукописи: — древнѣйшій списокъ сказанія о Дракулѣ находится въ Румянц. сборникѣ XV—XVI вв. Л. 338, об. л. 356—363 «ω Мутьянской» воеводѣ.

— Б-ки М. Общ., Л. 286 хроногр. конца XVII в. л. 645—654 «сказаніе о Дракулѣ, Мутьянской земли воеводѣ, Греческіи вѣры, — а Влажисскимъ языкомъ зная Дракула, а Русскимъ языкомъ именовася Діаволь, — житіе его зломурыхъ людей, здѣсь къ заглавію примѣчано и начало повѣсти.

— Ундольскаго, въ упомянутомъ сборн. XVII в. «слово о Дракулѣ, воеводѣ Мутьянской, нач. збысть въ Мутьянской землѣ».

— Толст. спискомъ, вѣроятно XVII в. пользовался Карамзинъ и приводитъ изъ него выписку 7, 230—231, стр. 411.

— Сахарова, спис. XVII в. «сказаніе о великомъ цари Дракулѣ Мутьянской земли», см. Русск. Сказки, стр. 100, редакція подлинная и чуть ли не сокращенная.

— Тихонова, въ сборникѣ XVII в., небольшого формата, повесть о великомъ царѣ Дракулѣ Мытъяскіе земля на 12 листахъ, нач. какъ въ предыдущемъ списке: «былъ вѣкія (sic) царь, именованъ Дракулѣ, и житіемъ злосердѣ велики. Нькогда приидоша къ нему вѣкіи челоуѣкъ, посольство земець, и послѣ приде къ нему, а з главы шапки не снявше, поклонившася ему. Онъ же его вопрошилъ што ты такъ чинишь? къ великому государю пришелъ еси поклонитися, а з главы шапки не снявши? Онъ же рече: наши государи такъ любятъ. Дракула жь рече ему: азъ не люблю того, а хощу обычая вѣшего подтвердити, и вы того твердите (sic?) будете. — велѣ Дракулѣ къ главамъ прибавити шапки з гвоздемъ желѣзнымъ, и отпущи ихъ и рекъ: скажите государю своему, — онъ навѣкъ такую срамоту терпѣти отъ васъ, а мы не навькохомъ. — да не посылаетъ своего обычая ко инымъ государемъ, кои не хотятъ имѣти такового обычая» и т. д.

— Макаровъ, въ Пробныхъ Листахъ Телеграфъ 1833, 24, 502—503, приводитъ отрывокъ сказки, выписанной имъ изъ старинной рукописи, если не просто выдуманной, по обстоятельствамъ содержания она сходна съ исторіей Дракулы, но дѣйствіе происходитъ во Псковѣ и Дракуду представляетъ посадникъ.

Къ числу любимыхъ повѣстей принадлежало и «Слово о дѣвнѣ, Иверскаго царя дщери, *Динаръ царицы*», которое также включено иногда въ хронографы; списокъ его издавъ недавно ак. Броссе, съ историческими объясненіями. Имя царицы Динары только два раза и притомъ мимоходомъ упоминается въ Грузинскихъ Лѣтописяхъ: около половины X-го вѣка, царица этого имени, съ помощью сына, обратила свою область къ православію т. е. къ неовладію Халкидонскаго собора; дѣль его снуетъ Грузинскій царь Багратъ завоевать область ея и «овладѣть царицкою Динарою». Русская повесть, по мнѣнію Броссе, не можетъ относиться къ этой, слишкомъ отдаленной и темной Динарѣ. По словамъ его, Динара нашего сказанія, дочь царя Александра Мелеха, одержавшая блестящую побѣду надъ Персами, завоевавшая Тавризъ и Шамаху, есть Грузинская царица Тамара, дочь Гіоргія III, вступившая въ пре-

стоить въ 1184 году (вкромѣ до 1212 г.). Грузинская исторія съ большими подробностями говоритъ подъ 1203 г. о столь же славной битвѣ, какъ и описанная въ нашемъ сказаніи, о рѣчи царицы, ободрившей своихъ вельможъ, о слѣдствіяхъ побѣды, и при томъ почти въ тѣхъ же выраженіяхъ. Hist. de la Georgie, trad. du géorg. par Brosset. St.-Pét. 1, 439—447. По нашему сказанію Динара осталась пятнадцати лѣтъ наследницею «Иверскаго владетельнаго» Александра Мелеха и мудро управляла народомъ: Перекій царь, услышавъ о смерти Александра, требовалъ покорности отъ его дочери, но Динара, пославъ дары, не думала отказываться отъ своей власти. Раздраженный царь пошелъ на нее войною. Страхъ овладѣть велими вельможами юной царицы: «какъ можемъ стоять противъ многого воинства и такового Перекскаго ополченія?» говорили они. Мужественная Динара возбудила ихъ храбрость: «ускоримъ противъ варваръ, говорила она, яко же и азъ иду дланна, и восприму мужскую храбрость, и отложю женскую немощь, и облечуся въ мужскую крѣпость и препояшу чресла своя оружіемъ, и возложю брѣня и шлемъ на женскую главу, и восприму коніе въ двѣици длани, и воступлю въ стремя воинскаго ополченія; но не хочу слышати враговъ своихъ плывущихъ зрѣбій Богоматери и даяния намъ отъ нея державы, и та бо Царина подаетъ намъ храбрость и помощь о своемъ достоинствѣ». Принесши молитву Богоматери въ Шарбенскомъ монастырѣ, куда пришла «плѣна и необувенными ногами, по острому камешу и жестокому пути», Динара выступила противъ враговъ, и взявши конь, устремилась на Перекіе полки и поразила одного Перекса. Враги ужаснулись съ голоса и побѣжали. Динара «отняла» голову Перекскаго царя и на коньѣ принесла ее въ Тавризъ: города покорялись ей, и она съ богатыми сокровищами воротилась въ отечество. Добыча ея, «бѣно то дланое, и камешіе драгое, и бисерь, и злато, и вся царскіе потребы, еко взя отъ Перекъ», все это роздано было въ дома Божіе. Потомъ, она правила народомъ 38 лѣтъ и оставила власть свою сродникамъ: «даже и до днесь, заключаетъ повѣсть, перадѣльно державство Иверское пребываетъ, а царцаетя отъ рода Давыта, царя Еврейскаго, отъ царскаго кодына». Таково содержаніе повѣсти. Какимъ же образомъ

Грузинское событіе XII — XIII-го вѣка могло быть предметомъ Русскаго сказанія, и откуда нашъ авторъ почерпнулъ эти свѣдѣнія? Исторически извѣстно, что сношенія съ Грузіею существовали у насъ еще въ XII-мъ столѣтіи, когда сынъ Боголюбскаго, Юрій Андреевичъ, женатъ былъ на княжнѣ Грузинской Тамарѣ (Ист. Соловьева 2, пр. 344); въ послѣдствіи и Русскіе заходили иногда въ Грузію, и Грузинскія посольства не разъ пріѣзжали въ Россію; наконецъ съ 1588 г. начинаются непрерывныя связи съ этой землей. По мнѣнію ак. Броссе свѣдѣнія о царствѣ Динарѣ принесены были къ намъ полуучеными Грузинами, пріѣзжавшими въ Россію послѣ посольства къ Іоанну III, или даже Греческими монахами, которые долго служили посредниками между обоими народами (Уч. Зап. I и III Отд. Акад. 1, 489—490); любопытно, что въ рѣчи Іоанна Грознаго, сказанной къ воинамъ при осадѣ Казани въ 1552 г., и приведенной въ «Исторіи о Казанскомъ царствѣ» (стр. 221) по иа Іоанна Глазатаго, царь упоминаетъ о «спремудрой и мужеумной царствѣ Иверской» и затѣмъ пересказываетъ вкратцѣ повѣсть о Динарѣ. Г. Устряловъ думаетъ напротивъ, что сказаніе наше не отличается большою стариною и есть басня, которую рассказывали у насъ Грузины, при царѣ Михаилѣ Федоровичѣ и его преемникѣ (Уч. Зап., стр. 481). Значительное распространеніе повѣсти въ рукописяхъ скорѣе говоритъ въ пользу ея давности. Текстъ ея паданъ ак. Броссе въ Bulletin hist.-philologique t. IX, № 19 по Воскресенской рукописи (л. 574—580), откуда напечатанъ былъ Сибійскій Временникъ; потомъ въ Ученыхъ Запискахъ 1, 483—487 по другой рукописи, именно по хронографу XVI—XVII в., въ печатномъ каталогѣ Б-ки Акад. Наукъ, т. 4, гдѣ сказаніе называется «слово и дивна повѣсть, зѣло полезна, о дѣвствѣ Иверскаго царя дщери, Динари царствѣ» (нач. «умерину Иверскому влестодержавцу Александру Мелеку и не имѣюще дѣтина мужеска полу» и пр.). Нѣкоторые списки повѣсти указаны были при этомъ Березниковымъ; мы приводимъ и другіе, неупомянутые имъ.

— Толст. 2, 442 сборн. XVII в. л. 369—376 повѣсть душеполезна зѣло- и пр.

— Публ. Б-ки XV. Q. 31 сборн. XVII в. изъ собранія Фролова, л. 192—199 «повѣсть дивна о двинцѣ и желского царя Александра дщери Динарии царицы».

— Погод. сборн. повѣстей и сказокъ. XVII в. № 1772, об. л. 96—100 «слово и дивная повѣсть о двинцы Сигирского *zic* и Пверскаго царя о дщери Динарии царицы».

— Царск. № 396 сборн. 1642 г. л. 188—193 «слово и дивная повѣсть» и пр.; — № 408 сборн. XVII в. л. 107—113 тоже; — № 412 сборн. XVII в. л. 3—11 «мужество и храбрость Динарии царицы, Пверскаго царя (Александра Мелека) дщери»; — № 650 хронографъ XVII в. л. 449—454 «повѣсть зваю полезна о двинцѣ, дщери царя Пверскаго, царицезна *Адинари* царицы».

— Б-ки Моск. Общ. № 286 хроногр. XVII в. л. 638—641 «писание о Динари царицы, дщери царя Александра Мелека Пверскаго, како власть Пверскую правяше и како побѣди Перскаго царя и пріять власть его».

— Румянц. № 378 сборн. 1689 г. л. 249—257 «повѣсть Динарии царицы» и пр.; — № 457 хроногр. XVII в. л. 712—713 «слово и дивна повѣсть Динарии царицы Пверскаго властодержца Александра, како побѣди Перскаго царя Адрамелеха», — последнее неправильно понято и переписана изъ «Адра Мелеха».

— Въ сборн. XVII в. Дрезденской 6 кн л. 145—148. *C. Strövel. Op. Nam. стр. 67.*

— Сахарова, спис. XVII в., «повѣсть царицы Динарии, дщи царя Александра Пверскаго» и т. д., см. Русск. Ск. стр. *slviij — slviiij*. Назвавши сказку Грузинскою, г. Сахаровъ замѣчаетъ: «есть очевидные признаки, что некоторыя переводныя сказки перешли къ намъ отъ другихъ *Славянскихъ* племенъ». — таковы сказки: о царѣ Дракулѣ и о Динари царицѣ. Само собою разумѣется, что въ послѣднемъ случаѣ этой очевидности вовсе нѣтъ: такъ же ошибочно г. Сметревъ поставилъ повѣсть о Динари въ шедо сказокъ, переведенныхъ съ Чешскаго или Сербскаго, Вал. Сборн. 213.

Мы выбрали эти повѣсти потому, что въ нихъ старинные читатели находятъ гораздо болѣе сказочнаго интереса, нежели историческаго, — особенно въ двухъ послѣднихъ, къ которымъ въ самомъ дѣлѣ можно было прилагать такія требованія. Уча-

стие преданья устного, какъ мы видѣли, не одинаково въ каждой изъ нихъ, и всего менѣе въ повѣсти о взятіи Цариграда; происхожденіе другихъ сказаній не столько ясно и скорѣе допускаетъ возможность простаго пересказа. Старинная письменность представляетъ и другіе примѣры подобнаго происхожденія повѣстей: дѣтство наша не разъ приводитъ преданья, ходившія въ народныхъ разсказахъ, даже цѣлыя повѣсти, какова напр. повѣсть о «свѣтлзномъ хромѣ» Темиръ-Аксакъ и другія. Нынѣ разказы имѣли и западное происхожденіе: трудность путешествій за границу, положительно запрещенныхъ въ XVII-мъ столѣтіи и конечно раньше (Кошх., стр. 41, была причиною, что проводниками чужихъ разсказовъ очень перѣло были именно официальные послы, записывавшіе слышанное ими во время пребыванія въ чужихъ земляхъ. Такъ произошла упомянутая замѣтка въ Румянц. спискѣ повѣсти о Мутьлинскомъ воеводѣ; въ одномъ статейномъ спискѣ упомянуто преданье о трехъ паряхъ-волхвахъ, слышанное послами нашими въ Кельнѣ (Ар. Р. Вивл., 2-е изд. 4, 319). Еще прежде посоль Ермей Трусовъ, бывшій въ Римѣ въ 1528 году, привезъ отсюда повѣсть о Лореттѣ, известную теперь по рукописямъ (ср. *Толст.* сб. XVI в. 2. 68, л. 308; — *Царск.* № 397, л. 144; № 728, л. 604). Извѣстный Дмитрій Толмачъ, передававшій свѣдѣнія о Россіи Павлу Ювію, вывелъ изъ Рима апокрифическую исторію о бѣломъ клубкѣ, чрезвычайно извѣстную въ свое время; она распространилась во множествѣ списковъ, и была отвергнута, какъ лживая, дѣланіемъ Московскаго собора въ 1666 — 1667 г. (ср. А. Нст. 5, 470, 472. 1, № 173. Карам. 8, пр. 94). Такова же «свѣтиска изъ Кильдѣшскихъ отисокъ» Василя Коробина и дѣла Остава Кувшинова, и другія повѣсти, болѣе или менѣе старыя, которыя обращены всего чаще къ предметамъ религіозныхъ вѣрованій и своимъ происхожденіемъ опредѣляютъ устное преданье, какъ одинъ изъ источниковъ, приводившихъ въ нашу письменность чужія сказанія.

Повѣсти о Дракулѣ и паринѣ Динарѣ занимали среднюю между историческими сказаніями хронографовъ и глѣми повѣстями, гдѣ дана была полная свобода вымыслу, хотя и развивавшемуся иногда на основѣ дѣйствительнаго факта. Западно-

— Публ. Б-ки XV, Q, 31 сборн. XVII в. изъ собранія Фролова, л. 192—199 «повѣсть дивна о дѣвницѣ и великого царя Александра дщери Динары царицы».

— Погод. сборн. повѣстей и сказокъ, XVII в., № 1772, об. л. 96—100 «слово и дивная повѣсть о дѣвницѣ Сигирского 'зіс' и Пверскаго царя о дщери Динары царицы».

— Царск. № 396 сборн. 1642 г. л. 188—193 «слово и дивная повѣсть» и пр.; — № 408 сборн. XVII в. л. 107—113 то же; — № 412 сборн. XVII в. л. 3—11 «мужество и храбрость Динары царицы, Пверскаго царя (Александра Мелека) дщери»; — № 650 хронографъ XVII в. л. 449—454 «повѣсть зѣло полезна о дѣвницѣ дщери царя Пверскаго, нарицаемая Динара царицы».

— Б-ки Моск. Общ. № 286 хроногр. XVII в. л. 638—644 «писание о Динарѣ царевнѣ, дщери царя Александра Мелека Пверскаго, како власть Пверскую правяше и како побѣди Пверскаго царя и пріятеъ власть его».

— Румянц. № 378 сборн. 1689 г. л. 249—257 «повѣсть Динары царицы» и пр.; — № 457 хроногр. XVII в. л. 712—715 «слово и дивна повѣсть Динары царицы Пверскаго властодержца Александра, како побѣди Пверскаго царя Адрамелеха», — последнее неправильно понято и переписано изъ «Адра Мелеха».

— Вл. сборн. XVII в. Дрезденской б-ки л. 145—148. С. Строев. Оп. Нам. стр. 67.

— Сахарова, спис. XVII в., «повѣсть царицы Динары, дщи царя Александра Пверскаго» и т. д., см. Русск. Ск. стр. *схггij*—*схггijj*. Назвавши сказку Грузинскою, г. Сахаровъ замѣчаетъ «есть очевидные признаки, что некоторыя переводныя сказки перешли къ намъ отъ другихъ *Славянскихъ* племенъ. — таковы сказки о царѣ Дракулѣ и о Динарѣ царицѣ. Само собою разумѣется, что въ последнемъ случаѣ этой очевидности вовсе нѣтъ: такъ же ошибочно г. Смирновъ поставилъ повѣсть о Динарѣ въ число сказокъ, переведенныхъ съ Чешскаго или Сербскаго, Вал. Сборн. 213.

Мы выбрали эти повѣсти потому, что въ нихъ старинные читатели находили гораздо болѣе сказочнаго интереса, нежели историческаго, — особенно въ двухъ послѣднихъ, къ которымъ въ самомъ дѣлѣ можно было прилагать такія требованія. Уча-

стие преданья устнаго, какъ мы видѣли, не одинаково въ каждой изъ нихъ, и всего менѣе въ повѣсти о взятіи Цариграда; происхожденіе другихъ сказаній не столько ясно и скорѣе допускаетъ возможность простаго пересказа. Старинная письменность представляетъ и другіе примѣры подобнаго происхожденія повѣстей: мѣтонисъ наша не разъ приводитъ преданья, ходившія въ народныхъ разсказахъ, даже цѣлыя повѣсти, какова напр. повѣсть о «железномъ хромѣ» Темиръ-Аксакъ и другія. Новые разсказы имѣли и западное происхожденіе; трудность путешествій за границу, положительно запрещенныхъ въ XVII-мъ столѣтіи и конечно раньше (Кошх., стр. 41), была причиною, что проводниками чужихъ разсказовъ очень перло были именно офціальные послы, записывавшіе слышанное ими во время пребыванія въ чужихъ земляхъ. Такъ произошла упомянутая замѣтка въ Румянц. списокѣ повѣсти о Мутьяискомъ воеводѣ; въ одномъ статейномъ списокѣ упомянуто преданье о трехъ наряхъ-полхвахъ, слышанное послами нашими въ Кельнѣ (Др. Р. Вивл., 2-е изд. 3, 319). Еще прежде посоль Ермей Трусовъ, бывшій въ Римъ въ 1528 году, привезъ оттуда повѣсть о Лореттѣ, извѣстную теперь по рукописямъ (ср. *Толст.* сб. XVI в. 2, 68, л. 308; — *Царск.* № 397, л. 144; № 728, л. 604). Извѣстный Дмитрій Толмачъ, передававшій свѣдѣнія о Россіи Павлу Ювію, вывелъ изъ Рима апокрифическую исторію о бѣломъ клубкѣ, чрезвычайно извѣстную въ свое время; она распространилась во множествѣ списковъ, и была отвергнута, какъ лжяная, дѣяніемъ Московскаго собора въ 1666 — 1667 г. (ср. А. Ист. 5, 470, 472, 1, № 173. Карам. 8, пр. 94). Такова же «выписка изъ Кызылбашскихъ отисковъ» Василя Коробина и дяка Остава Кувшина, и другія повѣсти, болѣе или менѣе старыя, которыя обращены всего чаще къ предметамъ религіозныхъ вѣрованій и своимъ происхожденіемъ опредѣляютъ устное преданье, какъ одинъ изъ источниковъ, приводившихъ въ нашу письменность чужія сказанія.

Повѣсти о Дракулѣ и паринѣ Динарѣ занимали среднюю между историческими сказаніями хронографовъ и тѣми повѣстями, гдѣ дана была полная свобода вымыслу, хотя и развивавшемуся иногда на основѣ дѣйствительнаго факта. Западно-

Европейскіе рыцарскіе романы имѣли впрочемъ въ нашей письменности и некоторыхъ предшественниковъ между тѣми исторіями, въ которыхъ передавались героическіе подвиги и походы. Не повторяя того, что можетъ относиться сюда изъ прежде названныхъ статей, отмѣтимъ и некоторые произведенія Чешской и Польской литературы, представляющія сюжеты подобнаго рода. По свидѣтельству г. Сметирева, въ старыхъ сборникахъ находится повесть 1) *о Василѣи королевичѣ литовскомъ Чешскія земли* и 2) *объ Атилѣ королѣ Угорскомъ*; не зная ихъ по рукописямъ, не можемъ однако въ точности опредѣлить ни содержанія, ни происхожденія ихъ. Первая изъ нихъ безъ сомнѣнія пришла къ намъ изъ Польской или прямо изъ Чешской литературы, и по сюжету принадлежитъ къ тому же разряду повѣстей, какъ романъ о Чешскомъ героѣ Брунцвикѣ. Вторая представляетъ по видимому одно изъ тѣхъ сказочныхъ преданій объ Атилѣ, которыя такъ извѣстны были въ средне-вѣковой Европѣ, — и къ намъ дошла черезъ какую нибудь Польскую передѣлку исторіи этого завоевателя. На такое содержаніе повѣсти намекаетъ отчасти и названіе Атиллы королемъ Угорскимъ: нашествіе Венгровъ напомнило о древнемъ нашествіи Атиллы, такъ что и сами Венгры и другіе народы сочли Атиллу царемъ этого племени; Венгры, какъ прежде Авары, стали называться Гуннами, и наоборотъ Гунны — gens Hunnorum. На этомъ основались отчасти и сказочныя исторіи объ ужасномъ завоевателѣ.

Третья повѣсть чрезвычайно напоминаетъ рыцарскія и волшебныя исторіи среднихъ вѣковъ, гдѣ удивительные подвиги героевъ украшались множествомъ фантастическихъ подробностей, гдѣ герой на каждомъ шагу встрѣчалъ непреодолимыя препятствія, сражался съ чудовищами и волшебными силами, и все побѣждалъ силою своихъ доблестей. Такія походы разсказываетъ *повѣсть удивительная о Брунцвикѣ, королевичѣ Чешскія земли, и о его великомъ разумѣ и храбрости, како онъ ходитъ въ поморскихъ отцахъ, и како храбростию своею послужилъ себѣ зѣвря льва и примирилъ себѣ спротивно себѣ, и како побѣдилъ страшнаго дракона, змѣя-василиска* (Сметир., Вал. Сб. 213). Это произведеніе находится такъ же въ двухъ

сборниках Царского: .F 46, конца XVII в., л. 184—222 «сказаніе о королевичѣ Брунцвикѣ, Чешскія земли, и о его великомъ разумѣ и о храбрости, како онъ ходилъ въ морскихъ отоцѣхъ», гдѣ исторія однако не кончена, — и въ .F 451, начала прошлаго столѣтія, л. 384 «сказаніе о королевичѣ Брунцвикѣ, Чешскія земли» и пр. Мы читали повѣсть въ Погодинскомъ сборникѣ XVIII в. № 1774, гдѣ повѣсть носитъ то же заглавіе, л. 20—54 «сказаніе о королевичѣ Брунцвикѣ и о его великомъ разумѣ и храбрости, како онъ ходилъ въ морскихъ отоцехъ съ великимъ зѣремъ лвомъ» (нач. «бысть въ Чешской земли королевичъ именемъ Брунцвикъ, Штырларфа королю» и пр.). Оставшись по смерти отца королевемъ Чешскимъ, Брунцвикъ жаждаетъ прославиться рыцарскими дѣланіями, бросилъ свою молодую жену и пустился въ море съ избранными спутниками. Долго они плавали безъ всякихъ приключеній, наконецъ жестокая буря настгла ихъ, и корабль увлеченъ былъ теченіемъ къ магнитной горѣ, притягивавшей къ себѣ всѣ корабли, которые приближались къ ней на пятнадцать миль. Путники успѣли спастись на берегъ, но запасы ихъ истощились, кругомъ были видны остатки разрушенныхъ кораблей и человѣческія кости; внутрь горы трудно было проникнуть, потому что островъ обитаемъ былъ чудными и страшными существами. Странники пробыли тамъ три года; наконецъ ихъ осталось только двое — Брунцвикъ и старый рыцарь, его дядка. Но спасся одинъ королевичъ: мудрый дядка зашилъ его въ конскую кожу, обмазалъ ее кровью и положилъ на горѣ; черезъ десять дней прилетѣла птица *ночь*, которая въ известное время появлялась на этомъ островѣ; она схватила зашитого въ кожу Брунцвика и унесла его въ далекія страны, куда человѣкъ можетъ дойти только въ три года. Королевичъ убилъ птицовой ногою, которымъ отдала его чудовищная птица, и отправился на новыя приключенія; ходя по горамъ и отыскивая какихъ нибудь признаковъ человѣческаго жилья, онъ услышалъ страшный «звукъ» — это левъ боролся съ дракономъ-василискомъ. Брунцвикъ помогъ лву убить девятиглаваго василиска, и съ тѣхъ поръ благодарный левъ не оставляетъ королевича ни на минуту. Вместе они отправились черезъ море къ городу, который увидѣлъ Брунцвикъ

сь высокого дерева: на дороге попалась им карбункуловая гора и королевич отколотил себе боцаном самоцветный камень. Но прибывши в завидьбаво городъ, Бруншикъ ужаснулся, когда увидѣлъ царя Алимбруса, имѣвшаго глаза вперед и назадъ, окруженнаго чудовищами людьми. Алимбрусъ спросилъ его, своєю ли волею пришелъ онъ или нуждою, и обѣщала пропустить Бруншика черезъ желѣзные врата въ царство его, если только онъ освободитъ дочь Алимбруса отъ укасаго василиска. Королевачъ сѣлъ въ корабль и отправился во вранье царство: у городскихъ вратъ встрѣтила онъ морскихъ шотворатъ, е. чудовища, и съ помощью дѣвъ убилъ ихъ; такимъ же образомъ прошелъ онъ вторыя и третьи врата, наконецъ прошикъ въ городъ, гдѣ увидѣлъ богатства изумительныя. Во дворѣ встрѣтила его красавица Африка, находившаяся въ неволѣ у жестокаго василиска; вторѣ явился и владыка этой страны, окруженный плотоу чучелоу гадозь, чудовищъ и «спри-вѣдлѣиш» морскихъ. Долго длилась битва, наконецъ Бруншикъ побѣдилъ, и владѣнныя раны кореньями, принесенными львомъ, отвезъ Африку къ отцу. Въ награду за ея освобожденіе, Бруншикъ долженъ былъ жениться на ней и получить огромныя богатства, но ничто не могло заманить ему отечества и онъ съ потерпѣнѣмъ ждать случая шрваться въ неволѣ. Счастье и здѣсь служило ему: королевичу успѣлъ достать мечъ-кладенець, который тому служить, кого любить, и убиваетъ въ одинъ разъ столько, сколько его владѣтель захочетъ. Испытавъ его свойства надъ сильными зѣбрама, Бруншикъ истребилъ все царство Алимбруса и поплылъ вмѣстѣ со львомъ на родину. На дорогѣ ему представлялись новыя приключенія и опасности, но мечъ-кладенець всегда спасалъ его. Наконецъ Бруншикъ прибылъ къ столичному городу Прагѣ въ то самое время, когда молодая жена его, по истеченіи урочнаго времени, снова выходила замужъ, принуждаемая отцомъ своимъ. Она узнала однако въ приближаемъ рыцарѣ Бруншика, и онъ вошелъ въ права свои, — задалъ великій ширь на вельможъ и бояръ и на рыцарей, и всѣхъ дарилъ своими богатствами. Повесть оканчивается такимъ образомъ: «Бруншикъ же повесть во вѣхъ странахъ преповѣдалъ побѣды свои, — о великихъ вѣсхатъ крашешихъ она

писать со единыя страны, а съ другиѣ страны писать орла, на красной земли т. е. дѣло идетъ о гербѣ. И тако Брунsvикъ поживе во своемъ королевскомъ вѣнчествѣ тридцать пять лѣтъ, и приживъ съ Неоменією едината сына и нарече имя ему Владиславъ, и въ доброй старости скончаша и погребены бысть честно. Мечъ же тогъ по смерти Брунsvиковъ не имѣя силы и бысть яко прогнѣн; левъ же по смерти Брунsvиковъ велики нача тужити и тосковать по Брунsvикѣ, и съ тоя . . . великія тоски и жалости нача рыти землю, надъ очію его яко струя слезы текуще, и приде левъ на гробъ Брунsvику и въ жалости велики воскричалъ, и паде на землю мервь, и тако скончаша Брунsvикъ и левъ» . . .

Въ Чешской литературѣ романъ, передававшій исторію Брунsvика, *Kronika o Brunswikowi*, извѣстенъ былъ очень давно и напечатанъ уже въ 1565 г. вмѣстѣ съ исторіей огиа его Шильфорда и извѣстной амазонки Власты. Онъ напечатанъ былъ нѣсколько разъ и послѣ, наконецъ изданъ Ганкой по рукописи въ книжкѣ: *Stará powest o Stojmirowi a Brunswikowi knižatech českých, w Praze 1827 Jungmann, Hist. 66*. Романъ этотъ не былъ самобытнымъ и національнымъ произведеніемъ Чешской литературы и относится уже къ тому времени, когда чисто-національный эпосъ уступилъ первенство романтическому влиянію западныхъ литературъ, особенно Шьмецкой. Целья построїйка романа отзывается этимъ чуждымъ началомъ, которое впрочемъ сильно привилось въ литературѣ Чешской отъ обширнаго знакомства съ Германскими и Романскими поэмами и рыцарскими исторіями; повесть о Брунsvикѣ по характеру сюжета совершенно примыкаетъ къ этимъ послѣднимъ. Въ ней повторютея даже многія подробности, наиболѣе извѣстная въ романтическомъ эпосѣ: таковы эпизодъ о магнитной горѣ, пританувшей корабль Чешскаго авантюриста; повесть о магнитной горѣ среди моря вставлена во многихъ произведеніяхъ и восточныхъ, какъ въ Тысячѣ и Одной ночи, и въ западныхъ. Многіе герои испытывали то же приключеніе, какое случилось съ Брунsvикомъ, когда онъ очутился на волшебномъ островѣ; и самое освобожденіе его посредствомъ исполненной паны пога есть буквально повтореніе того, что разсказывается о гербѣ

Французскаго романа *Нюон де Вондемах*, который точно так же занесенъ былъ въ магическому острову и потомъ изъбавленъ былъ грифомъ. Славянское имя птицы, уже известное намъ изъ сказки о Сиваринѣ, равнозначительно съ грифомъ. Другія обстоятельства въ приключеніяхъ Брунцвика, напримеръ встреча съ вертящимся полемъ, принадлежать той же Французской исторіи, считающейся однимъ изъ лучшихъ и любопытнѣйшихъ романовъ рыцарскихъ. Чешскій сочинитель безъ сомнѣнія знаетъ и передѣлываетъ или самый этотъ романъ, или какую нибудь изъ Нѣмецкихъ поэмъ, стоящихъ въ связи съ Гюономъ Бурдосекомъ. Наша повесть переведена вѣроятно прямо съ Чешскаго подлинника, едва замѣтные слѣды котораго можно еще видѣть въ читаемомъ нами текстѣ: притомъ, сколько намъ известно, Польскій переводъ хроника о Брунцвикѣ и не упоминается. Повесть нравилась конечно Русскимъ читателямъ, потому что въ фантастическихъ похожденияхъ героя были общія черты съ вымыслами народныхъ нашихъ сказокъ и преданій. Любопытно въ отношеніи къ послѣднимъ, что въ повѣсти о Брунцвикѣ является на сцену *мечъ-кладенщикъ*, необходимая принадлежность сказочныхъ богатырей. Едва ли эта подробность вставлена была Русскимъ переводникомъ; мы думаемъ скорѣе, что она перешла въ народные разсказы изъ рукописной повѣсти, тѣмъ болѣе, что богатыри былинны, болѣе независимые отъ произвола разсказчика, почти никогда не фигурируютъ съ мечомъ-кладенщикомъ, который предоставленъ сказкѣ. Замѣтимъ также, что въ нашихъ сказкахъ упоминается и *капай-птица* (т. е. погѣ), выносящая сказочнаго паревича изъ подземнаго царства на святую Русь, и едва ли не замѣтовавшая некоторымъ особенностей своихъ изъ старинной рукописной повѣсти, гдѣ, какъ мы видѣли, она упоминается нерѣдко и притомъ съ одинаковыми свойствами. Сравни. народную сказку объ Пятнѣ паревичѣ и о Суворѣ невидимѣ-мужикѣ въ «Плкарствѣ отъ задумчивости и безсонницы», Сиб. 1815. 34 стр.).

Сказаніе о Брунцвикѣ и повесть о Василѣ королевичѣ златошлемѣ Чешскія земли въ литературно-историческомъ отношеніи интересна особенно по своему Чешскому происхожде-

нію несомнительному, по крайней мѣрѣ, въ первомъ случаѣ, потому что предполагають существованіе некоторыхъ литературныхъ связей, и следовательно расширяють горизонтъ старой нашей письменности. Въ сказаніи о Брунниктъ западный романъ перешелъ къ намъ въ Славянской передѣлкѣ; обращаемся теперь къ другимъ произведеніямъ этого рода, явившимся у насъ болѣе непосредственно, и отъ того, быть можетъ, принятымъ не съ такою охотой.

— Распространеніе повѣря о магнитной горѣ, въ средне вѣковыхъ памятникахъ, указано у *Grässe, Sagenkreise* 339. — *Liebrecht's Dunlop* 128—129, 177.

VIII.

Переводные рыцарскіе романы. — Книга о Мелюшиѣ. — Исторія Петра Златые Ключи. — Цезарь Октавіанъ. — Повѣсти оль древнихъ дѣтонисцевъ. — Повѣсти о князѣ Адорской. — Аполлонъ, король Турекій. — Исторія о Бовъ королевичъ или *Buovo d'Antona*.

Потреба въ такомъ чтеніи, каковы были рыцарскіе романы, еще смутно проявлялась въ это время, но уже зарони-лась въ Русской письменности. Различныя сказанія, которыми наполнялись до того переводныя книги, имѣли съ ними общее, какъ произведенія фантазіи, удовлетворявшія любви къ чудесному, всегда сильной при невысокомъ развитіи литературныхъ понятій; эти повѣсти сохраняли свой авторитетъ до конца стараго періода, съ большимъ прилежаніемъ переписывались въ сборники, но уже даютъ мѣсто новымъ произведеніямъ, отличнымъ отъ нихъ по основному характеру. Рыцарскіе романы появились у насъ болѣею частью во второй половинѣ XVII столѣтія, и если судить по количеству списковъ, нашли сочувствіе въ тогдашней публикѣ. Въ западно-Европейскихъ литературахъ въ то время уже проходила для нихъ прелекая блестящая пора; семнадцатое столѣтіе было временемъ упадка рыцарскихъ романовъ и перехода ихъ въ составъ популярной литературы, которой они принадлежать теперь. Они были сначала общимъ достояніемъ всехъ читателей, но въ послѣдствіи, съ развитіемъ образованности, рѣше опредѣлилась и разница между отдель-

ными классами общества: образованная половина его имела уже новую литературу, а старинная произведение средних веков, потерявшая для нее большую часть своей занимательности, эти рыцарские романы и волшебные истории сделались чтением простого народа. Подобная роль суждена была им и у нас: те из старинных переводов наших, которые не совсем еще забыты, сохраняются только в дубовых изданиях.

Лучшим временем рыцарского романа были конец средних веков. Основание ему положили поэмы и песни о рыцарских похождениях, явившиеся в эпоху сильнейшего развития феодализма; несколько позднее, они приняли свою окончательную форму, и вместе с другими преданиями и сказками средних веков, получили обширное распространение: каждая замечательная история имела множество переводов и была знакома целой массе читателей владык от первоначальной родины. Одни из них, особенно замечательные своими доблестями и подвигами, становятся даже предметом целого романтического цикла. Такие из романов переводимы были почти на все Французские языки, и романтическая поэзия их принадлежала к числу древнейших и разнороднейших поэтических видов. Везде были свои строители и свои рыцарские романисты. Немало их было в Германии, в Италии и в Испании. Там же и в настоящее время еще существуют критические исследования, в которых похвалены и осуждены рыцарские романы. В Германии, в Италии и в Испании, рыцарские романы были предметом изучения и исследования ученых. В Германии, в Италии и в Испании, рыцарские романы были предметом изучения и исследования ученых. В Германии, в Италии и в Испании, рыцарские романы были предметом изучения и исследования ученых.

роуѣ... лиха избывать, а добра называть, а *Богъ слава не мистца*, отъныне и до вѣка» (Толст. 2, 215, л. 404). Мы увидимъ, какъ подобныя взгляды оставили слѣды и на самой вѣщности романа. Быть можетъ, фантастическое въ описаніяхъ геройскихъ подвиговъ со временемъ перестало быть единственнымъ интересомъ, какой находили читатели въ рыцарскихъ исторіяхъ; могли выдвинуться и другія стороны произведеній, пришедшихъ къ намъ изъ литературы западно-Европейскихъ, именно тѣ стороны, гдѣ событія прямо основываются на нравственномъ понятіи. Конечно и здѣсь наша точка зрѣнія имѣла нечто особенное....

Главное, чѣмъ рыцарскіе романы и другія переводныя исторіи приобрѣли значеніе въ то время, было то, что они возбуждали и поддерживали охоту къ легкому и пріятному чтенію; отсюда названіе ихъ «потѣшныя книги», оттого они перѣдко представлялись въ «спискахъ» или въ «списныхъ фигурахъ», съ которыми уцѣлѣли до сихъ поръ въ глубочайшихъ изданіяхъ. Г. Забѣлинъ упоминаетъ о потѣшныхъ книгахъ, служившихъ забавой царевичамъ. Отеч. Зап. 1854. 12, 117 : книги эти богато перилетаются, картинки разрисовывались яркими красками съ золотомъ и серебромъ. Некоторые сохранившіеся списки подобныхъ книгъ, какъ одна изъ Толстовскихъ рукописей Александрія, даютъ понятіе о роскошныхъ изданіяхъ того времени. Распространеніе переводныхъ романовъ определяется между прочимъ разнообразіемъ списковъ ихъ, которое иногда должно объяснить не вариантами одного текста, а существованіемъ разныхъ переводовъ.

Обращаясь къ перечисленію извѣстныхъ у насъ въ старину рыцарскихъ романовъ, замѣтимъ прежде всего исторію Мелюзина или *книгу о Мелюзинѣ*, какъ называется она въ первыхъ двухъ изданіяхъ, Французскомъ и Шемскомъ. Въ нашихъ рукописяхъ она встрѣчается гораздо рѣже другихъ романовъ, и до сихъ поръ попала намъ только въ одномъ экземплярѣ. По содержанию относить ее къ циклу сказаній о Карлѣ Великомъ, или къ числу сказокъ о феяхъ, потому что одно изъ главныхъ дѣствующихъ лицъ исторіи, Мелюзина, была дочь волшебницы Перевны, сама обладавшая сверхъестественными знаніями

и могуществом. За непочтение къ отцу Мелюзина была наказана тьмою, что каждую субботу должна была обращаться въ змью, или въ полу-человѣка, полу-змью; только нашедши себѣ супруга, который бы согласился знать за ней этотъ недостатокъ, Мелюзина могла избавиться отъ неприятныхъ превращеній. Въ Пуату она увидѣла графа Раймунда, который соответствовалъ ея искамъ; Раймундъ согласился на условіе не видѣть Мелюзину каждую субботу, когда она должна была совершать волшебныя омовенія, — и бракъ былъ заключенъ. Они жили счастливо; у Раймунда было уже нѣсколько сыновей, счастлива начинавшихъ рыцарскую карьеру; при помощи волшебства Мелюзина явилась у него крѣпкіе, неприступныя замки — Луаньянь, Ла-Рошелъ и другіе; онъ приобрѣлъ большія богатства. Но потомъ братья Раймунда поселили въ немъ разные подозрѣнія; возбуждаемыи ими, онъ нарушилъ обѣщаніе, — и какъ только Мелюзина замѣтила однажды присутствіе посторонняго лица, она исчезла съ громкимъ крикомъ печали и унесла съ собою спокойствіе и удачи Раймунда. Историки прибавляютъ, что въ постыдѣтвіи, когда гразамъ Луаньянь, потомкамъ Раймунда, грозилъ какое нибудь бѣдствіе, Мелюзина каждый разъ являлась, за три дни, на башнѣ замка въ Пуату, построенаго ея супругомъ; последнее появленіе ея относится къ тому времени, когда въ эпоху межътоусобныхъ военъ во Франціи, замокъ послѣ храброй обороны вѣдь былъ герцогомъ Монпелье, 1574 г.

Первоначальная основа романа лежитъ конечно въ мѣстномъ народномъ преданіи и связана съ повѣрьями о феяхъ. Превращеніе женщины въ змью есть довольно обыкновенный мотивъ романтическаго эпоса; онъ варьируется и въ нашей сказкѣ о богатырѣ, который женится на отравительной лягушкѣ, но потомъ эта лягушка оказывается прекрасной женщиной и сильной волшебницей. Въ исторіи Мелюзины замѣчательна между прочимъ эпизодъ о томъ, какъ Раймундъ получилъ столько земли, сколько можетъ занять коза оденя (или быка); въ Нѣмецкихъ сагахъ этотъ расказъ относится къ родоначальнику графовъ Мансфельдъ (1113), у Англичанъ онъ привязанъ къ преданію о прибытіи въ Британію Генриета и Горга (*Dunlop* 514), и имъ же объясняется происхожденіе имени

Гайды-парка; у древнихъ тоже рассказывалось объ основательницѣ Кароатена, которая купивши у туземцевъ столько земли, сколько покроетъ кожа быка, разрѣзала кожу на тончайшія пояски и заняла такимъ образомъ гораздо больше земли, чѣмъ тѣ думали, — оттого самое мѣсто называлось въ послѣдствіи *Byrsa Justin. Hist. XVIII. 5*) Первая редакція романа появилась въ 1389 г., когда икто Жанъ-д'Арра *Jean-d'Arras* по повелѣнію герцога Берри и короля Карла V собралъ преданія, касавшіяся феи Мелюзинь. Эта исторія прошла черезъ руки другаго переувѣльвателя, который придавъ героинѣ такой блескъ, что знаменитыя Французскія фамиліи Люксембургъ, Роганъ и другія дозволили поддѣлать своимъ родословныя деревья, чтобы проходить отъ славной феи. Отсюда ведетъ начало, вѣроятно переведенный съ Латинскаго, Французскій романъ въ прозѣ, напечатанный въ Женевѣ 1478 г.: *Cy finist le liure de Melusine en frâcoys imprimé par maistre Adam Steinschaber natif de Suinfurt en la noble cite de Geneve, lan de grace mil cccc lxxvij ou mois doust. (ᵑ goth.)*, — за которымъ въ 1489 г. появилась редакція Пенанская, въ 1500 г. Нидерландская. Въ Шмецкой литературѣ изданіе «жени о Мелюзинь» вышло въ 1474 г., слѣдовательно даже раньше Французскаго; у Шмцевъ эта исторія печаталась очень часто и до сихъ поръ удержалась въ числѣ народныхъ книгъ (*Marbach's Volksb. Leipz. 1838. 173*). Отъ Шмцевъ она перешла въ литературу Датскую и потомъ Шведскую; въ половинѣ XVI столѣтія, изъ Шмецкаго перевода явилась Чешская редакція: *Kronika kratochwilná o etné a Melechotné ranne Meluzine, w Prostejowe 1555*, печатавшаяся и послѣ, и потомъ изъ того же источника немного поддѣлано польскій переводъ (*Maciejowski, Piśm. 2, 898*), посредствомъ котораго исторія о Мелюзинь достигла наконецъ Русской старинной письменности.

Нашъ переводъ находится въ Толст. рукописи 2. 218 Публ. Б-ки XVII. Q. 8, скорѣе XVII-го вѣка. Рукопись, написанная чрезвычайно старательно, заключаетъ только двѣ статьи: описаніе Царскаго и султанскаго двора, переведенное кажется изъ Старовольскаго и известное также по другимъ спискамъ, и катъкъ 1. 83 — 185 романъ о Мелюзинь, неизмѣнній заглавія,

какъ и первая статья, и потому отмѣченный въ печатномъ каталогѣ весьма неясно. Несколько страницъ въ началѣ занято оглавленіемъ романа т. е. перечетомъ главъ его: «о произведеніи и началѣ Лозаны града, и како народъ тѣхъ господь во Францїи начася», «сако грабъ Емерикъ Потирскаго граба на угощеніе жаль, и двоухъ дѣтей от него жеташе, что оны ему дѣло радъ поводити», . . . «сако Раумунду мѣсто вымѣрено, елико кожа еленя обляти можаше, и како ему правомъ подтверди» и т. п. Въ послѣдней главѣ романа изчислены переводы исторіи, «которая съ Французскаго языка на Латинскій переведена бысть дѣла отъ Рождества Христова 1400, съ Нѣмецкаго же на Польскій преведена дѣла Господня 1569, — шнѣтке съ Польскаго на Словенно-Русскій языкъ преведена дѣла 7185 = 1677) Генваря въ 12 день». Русскому переводчику принадлежить здѣсь конечно только послѣднее извѣстіе, а первый находится уже въ Польскомъ изданіи. Переводъ нашъ страдаетъ немнотомъ погрѣшками; иногда приняты Польскія слова, иногда поставлены Русскія въ неправильной формѣ или значеніи, напр. «столачикъ» — житель Лозаны, «ошаство», «сноровити» и др.

Свѣдѣнія объ этомъ романѣ у *Grässe*, Sagenkr. 382 ff. — *Dunlop* 405—406. 481. — *Brunet*, Manuel du libraire et de l'amateur de livres, Brux. 1838, 2. 532. — *Jungmann*, Hist. 67 — *Grimm*, D. Sagen 1, J. 13. Изъ новшхъ изданій замѣтимъ: *Fr. Michel*, Mellusine, poëme relatif à cette fee poitevine, composée dans le XIV siècle, par Couldrette. Niort, Robin et Favre 1854.

Гораздо болѣе обратить у насъ вниманіе другой романъ, который въ позднѣйшей передачѣ до сихъ поръ занимаетъ досуги читателей изъ простаго народа. Это — исторія о храбромъ князѣ *Петри Клителъ-Ключалъ* и о прекрасной королевѣ *Магиленѣ Неаполитанской*. Французскій романъ, бывшій первообразомъ нашей исторіи, также относится къ числу сказаний объ эпохѣ Карла Великаго; древнѣйшую редакцію его находятъ уже въ XII столѣтіи. Въ немъ разсказывается судьба двухъ вѣрныхъ любовниковъ, Петра, графа Прованскаго, и Магелены, у насъ называемой обыкновенно Магиленою, дочери

короля Неаполитанскаго: разлученные несчастными обстоятельствами, они долго страдали, не имея другъ о другѣ никакой вѣсти, наконецъ послѣ длинныхъ приключеній снова увидѣлись. Несмотря на разлуку, на бѣдствія, они не забывали другъ друга; наконецъ вѣрная любовь и благочестіе ихъ были награждены, и послѣ того Петръ Золотые-Ключи и прекрасная Магелона жила долго и счастливо. Сюжетъ романа — слишкомъ общій и развивается во множествѣ другихъ произведеній; можно впрочемъ замѣтить нѣсколько повѣстей, имѣющихъ ближайшее отношеніе къ исторіи Петра и Магелоны. Такова въ Тысячѣ и Одной ночи повѣсть о любви Камаральзамана, принца острова Халедана и Балуры, принцессы Китайской (*Habicht 2-te Ausg. 5. 1 — 125*), сходство которой могло быть и неслучайно, потому что Арабскій сборникъ имѣлъ несомнѣнную связь съ повѣстью и романомъ литературы западно-Европейскихъ; таковы и Турекія «приключенія Абдуль-Селяма и принцессы Шельшессы». Другой Французскій романъ, основанный на томъ же сюжетѣ, *roman de Paris et de Vienne*, имѣетъ большое сходство съ Петромъ Прованскимъ, но этотъ послѣдній, вромѣ общаго направленія рыцарскаго романа, отличается особенною чертою, именно отлѣкомъ тихой пубокности, который отразился и на имени героя, избраннаго своимъ девизомъ золотые ключи св. Петра. Исторія Петра и Магелоны въ свое время находила себѣ множество читателей, даже у Шмюль, несмотря на нѣкоторое противорѣчіе ея католически-благочестиваго характера съ реформаторскимъ движеніемъ тогдашней Германіи; средне-Шмюлькая литература имѣла даже самостоятельную обработку этого содержанія въ поэмѣ: *Daz ist der buzant* (Gesamtabent. 1, 331 — 366).

Первая извѣстная редакція романа относится уже къ второй половинѣ XV вѣка; до сихъ поръ остается однако не отыскана романская редакція въ стихахъ, и вообще южно-Французская, на которую указываетъ сама родина героя. Изъ провансальской поэмы, приписываемой Бернару де-Триви (*Bernard de Trivies*), въ 1457 г. сдѣлано было сѣверно-Французское переложеніе въ прозѣ, напечатанное въ концѣ XV столѣтія. Однимъ изъ древнѣйшихъ изданій, по Брюне, было: *La belle Maguelonne*. Су

commence listoyre du vaillant cheualier pierre filz du conte de pro- uence et de la belle Maguelonne fille du roy de narles (imprime a lyon par maistre Guillaume le roy, безъ означенія времени; пер- вое изданіе съ годомъ появилось въ 1490 г. Впрочемъ съ Французскаго исторія переведена была въ 1526 г. на Непан- скій, а отсюда въ 1650 г. переложена была на Каталонское на- рѣчіе; впрочемъ, изъ нѣкоторыхъ упоминаній въ *Донъ-Кихотъ* заключають, что еще прежде существовала Непанская поэма того же содержанія, болѣе самобытно составленная. По Фран- цузскому подлиннику въ 1521 г. сдѣланъ былъ и Нидерланд- скій переводъ, въ которомъ проза перемежалась со стихами; и только въ 1535 г. является Нѣмецкій переводъ Петра и Маге- лонны, магистра Витена Варбека. Изъ литературы Нѣмецкой романъ перешелъ въ 1662 г. въ Шведскую, но гораздо ранѣе въ Чешскую, гдѣ *Historie o krásné kněžně Magelone a udatném rytíři Petrowi* вышла еще въ 1565 г. Въ новѣйшее время исторія Петра и Магелонны явилась на ново-Греческомъ и Исландскомъ языкѣ; въ народной литературѣ Французской и Нѣмецкой она до сихъ поръ печаталась множество разъ съ грубо гравирован- ными картинками. Большое число Французскихъ изданій ведетъ начало съ XV столѣтія; исторія вносилась и въ разные сборники рыцарскихъ и другихъ романовъ, напр. *Bibliothèque des romans* 1779, *Bibliothèque bleue* 1769 и др., гдѣ исторія передана впро- чемъ въ подновленномъ видѣ, какъ и въ изданіи графа де-Трес- сана *Corps d'extraits de romans de chevalerie*, Paris 1782, 1. 382 — 442. Одна изъ подобныхъ редакцій переведена была въ прошломъ столѣтіи на Русскій языкъ, подъ заглавіемъ «Исторія о славномъ рыцарѣ Златыхъ Ключей Петрѣ Прован- скомъ и о прекрасной Магелонѣ». М. 1780. Смол. 1796.

Полѣнная книга въ лицахъ «Петръ Золотые-Ключи», писан- ная уставомъ, добрымъ мастерствомъ, упоминается въ 1693 г. въ числѣ книгъ царевича Алексія Петровича (*Забл. мнѣ*, въ От. Зап. 1854. 12, 117), но переводъ нашъ сдѣланъ былъ конечно еще ранѣе. Подлинникомъ его была Польская *historya o Magielonie królewnie Neapolitańskiej*, позднѣйшее изданіе которой, 1701 г., упоминаю въ библиографическомъ словарѣ Эберта *Allg. Bibl. Lexicon*, Leipz. 1821 — 30, . 1° 12801; ср. *Mucujowski*,

Різм. 3, 170). Г. Строевъ предпологаетъ, что исторія Петра Золотыхъ-Ключей переведена съ Латинскаго; но во первыхъ Латинская редакція этой книги совершенно неизвѣстна, во вторыхъ многія слова Русскаго текста, какъ «шурмованье», «сродь», «шляхтичь» и т. п., не оставляютъ никакого сомнѣнія въ подлинникѣ. Впрочемъ языкъ перевода много лучше, чѣмъ въ книгѣ о Мелюзинѣ, и полонныя не составляютъ замѣтнаго недостатка въ изложеніи, доходящемъ нередко до чисто-народнаго склада. По нашему переводу XVII-го столѣтія составилось и дубочное изданіе, сохраняющее до сихъ поръ пѣкотырыя слѣды стараго текста. Романъ передается здѣсь очень коротко, весь онъ помѣщается на восьми листахъ небольшого формата, украшенныхъ въ обыкновенію приличными картинками. Дубочныя изданія, подъ заглавіемъ «повѣсть о благородномъ князѣ Петрѣ Златыхъ-Ключахъ и о благородной королевѣ Магиленѣ» или «исторія о храбрѣмъ князѣ Петрѣ Златыхъ-Ключахъ и о прекрасной сунурѣ его княгинѣ Магиленѣ», довольно извѣстны въ народномъ чтеніи и до нашего времени. Указываемъ далѣе и рукописи романа изъ XVII-го и XVIII го столѣтія.

Вообще объ этомъ произведеніи см. *Grässe, Sagenkr.* 386 ff.; — *V. d. Hagen, Gesamttabentener.* Stuttg. u. Tüb. 1859, I, cxxxv ff.; — *Brundt, Manuel* 3, 508—509; — *Jungmann, Hist.* 67; — *Nisard, Hist. des livres popul.* 2, 433—439; — *Marbach's Volksb. № 5*; — *Simrock's Volksb.* 1, 41—125 die schöne Magelone.

Списки: — Забѣлина, въ сборн. сборн. XVII в., № 68, романъ занимаетъ л. 243—338, безъ заглавія и начальныхъ листовъ, нач. что я тебѣ во всемъ вѣрна была — разговоря героиня съ ея мажкою: — № 82, сборн. XVIII в. въ которомъ находится исторія или повѣсть о славномъ и храбрѣмъ рыцарѣ князѣ Петрѣ Златыхъ-Ключахъ и о прекрасной королевѣ Магиленѣ Неополитанскомъ.

— Царскаго, № 438 сборн. XVII в., л. 177—249 исторія Петра, безъ начала и заглавія.

— Ногодина, № 1774 сборн. XVIII в., л. 55—126 исторія о славномъ рыцарѣ Неополитанскомъ князѣ Петрѣ Златыхъ-Ключей и о прекрасной королевѣ Магиленѣ дѣвникъ о житіи и о походеніи ихъ, въ 58 статьяхъ или главахъ.

— Дежидова. № 541 — история о храбромъ витязѣ Петрѣ Златыхъ Бровей и о королевѣ Матилдѣ Нормандской. Любимая наша сказка переведена изъ Шведскій въ Русскіе Volksmärchen, v. A. *Dietrich*, Leipzig 1831, 192—199.

Третій переводный романъ старинной нашей литературы, *повѣсть о преславномъ Римскомъ кесарѣ Оттонѣ*, представляетъ новый отблескъ въ сравненіи съ двумя первыми и имѣетъ длинную литературную исторію, въ которой мѣлкость и плаваніе и действующій лица, сохраняя главныя обстоятельства содержанія. Кесарь Оттонъ, или по другимъ западнымъ редакціямъ Октавіанъ, удалитъ отъ себя и оставилъ на проволотѣ судьбы супругу свою, которую клевета обвинила въ еврѣистости. Несчастливая мать, съ двумя маленькими дѣтьми близнецами, должна была идти, куда глаза глядятъ, и заснувши въ дѣсу отъ усталости, потеряла сперва одного сына, похищенного обезьяной, а потомъ и другого, унесеннаго львицею. Впрочемъ ни тотъ, ни другой не погибли: первый, Флоренсъ, былъ спасенъ однимъ воиномъ, воспитанъ имъ, и въ послѣдствіи, отличившись подвигами при нападеніи Египетскаго султана на Францію, былъ торжественно посвященъ въ рыцари. Судьба второго сына была оригинальнѣе: когда львица унесла его, огромный грикъ схватилъ ее вмѣстѣ съ младенцемъ и опустилъ на далекомъ островѣ, гдѣ мать снова нашла своего сына, когда ей случилось плыть мимо этого острова. Съ тѣхъ поръ онъ жилъ вмѣстѣ съ матерью. Во время нашествія Египетскаго султана, Лионъ, — названный такъ отъ похищенія львицею, — успѣлъ освободить Флоренса и самого Октавіана, захваченныхъ непріятелемъ, и затѣмъ взялъ въ плѣнъ и Египетскаго султана. Слѣдуетъ общее свиданіе: Октавіанъ или Оттонъ узнаетъ дѣтей и мирится съ ихъ матерью. Наконецъ Лионъ женится на дочери короля Непанскаго и дѣлается его наслѣдникомъ, а Флоренсъ соединяется съ своей возлюбленною Маркюбиллой, дочерью Египетскаго султана, принявшей вмѣстѣ съ отцомъ христіанскую вѣру, и дѣлается королемъ Англійскимъ.

Древнѣйшая известная редакція этого сюжета есть Французская поэма, изъ которой въ послѣдствіи выведенъ прозаическій романъ, изданный въ Парижѣ 1560 г., с. а., подъ на-

званіемъ *L'histoire de Florent et Lyon, enfants de l'empereur de Rome*. Но и Французская, и Англійская обработка романа указываютъ на Латинскую редакцію, служившую для нихъ основаніемъ; она до сихъ поръ неизвѣстна. Кромѣ Англійской существуетъ также Нѣмецкая передѣлка, XVI-го столѣтія, и затѣмъ Датская, Шведская и Нидерландская. Ближайшее отношеніе къ исторіи объ Оттонѣ имѣютъ другіе романы, напр. *histoire de Valentin et Orson*, переносенная дѣйствіе въ Константинополь, какъ и Французская народная книга подобнаго содержанія *histoire de la belle Helene de Constantinople*, гдѣ мѣсто жестокаго Октавіана занимаетъ Греческій императоръ Антоній. Исторія Валентина и Орсона составлена по той же канвѣ, какъ и нашъ романъ: одинъ изъ героевъ точно такъ же получаетъ имя отъ медвѣдицы (*ourse*), какъ тамъ Леоизъ отъ львицы; отличие только въ развязкѣ, которая въ Валентинѣ и Орсонѣ не такъ блистательна для героевъ. Эта послѣдняя редакція до сихъ поръ удержалась въ числѣ популярныхъ Французскихъ книгъ; у Нѣмцевъ напротивъ осталась исторія Октавіана.

Русскій переводъ романа относится опять ко второй половинѣ XVII вѣка, и къ тому же 1677 году, какъ исторія Мелюзины. Въ рукописи Царск. начала XVIII-го вѣка, заключающей это произведеніе, отмѣчено, что исторія переведена съ Латинскаго, но въ просмотрѣнныхъ нами спискахъ Погодина и Забѣлина, XVII-го вѣка, одинаково указывается Польскій подлинникъ, что и справедливо. Текстъ нашего перевода представляетъ поэтому нѣкоторые полонизмы, напр. царь «обримскій» т. е. исполнскій (*olbrzym, obrzym* великанъ), «снобожное» житіе и т. п. Въ переводникѣ видно впрочемъ знаніе своего дѣла: передавая подлинникъ онъ старался иногда писать высокимъ слономъ и употребляетъ риторическіе и книжные обороты.

Подробности объ Октавіанѣ у *Grässe*, *Sagenkr.* 279 — 284. — *Nisard*, *Hist. des livres popul.* 2, 525—530, такъ же 459—469; — *Simcock's Volksb.* 2, 211—424 *Kaiser Octavianus*.

Списки — Погод. № 1771, рцс. XVII в. на 277 л. Первый листъ съ заглавіемъ писанъ поодѣлу повесть народная, полезная же и утѣшная о Оттонѣ цесарѣ Римскѣмъ и о супругѣ его цесаревѣ Олуидѣ, юже со двѣма чады своими въ

препустую и далечеайшую пустыню пина, клеветы ради и наглаголанія ягере своея, и како дивнымъ промысломъ и чуднымъ строеніемъ Божіимъ по многумъ дѣлахъ въ пошаніе и соединеніе приидоша, преведся сія чудная повесть с Подскаго языка на Рускіи, дѣла 7185 году августа, а отъ Рождества Спасителя 1677 г., нач. ово время господствованія во Франціи краля Дюберта, въ Римѣ государствуя великосильнымъ и непреодолимымъ Оттономъ, славнымъ цесарь и пр. На внутренней сторонѣ перелета прииска дѣла 7201 го = 1693, генваря въ ... день, сія книга *Дѣи Римскихъ* о славимъ цесаре Оттоне и о цесаревѣ его Маріи зис, и о цесаревичахъ ихъ о Флоренсе и Леоне, Чюдова мѣтра соборного старца Марка Щербакова, кетешная ... писана въ Нижнемъ Новогорде, какъ было въ промышленикахъ: названія главъ писаны киншарью: — , J° 1770, ризь XVIII в. на 128 л. - исторія о Римскомъ цесарі Оттонѣ и о цесаревѣ Адулдѣ и о дѣтахъ ихъ Леонѣ и о Фларенсѣ, выписана изъ Римскихъ дѣтонисовъ, нач. ово время государствованія во Франціи короля Дюберта, а въ Римѣ государствуя великосильнымъ и неприборимымъ первы Оттономъ цесарь .

— Забѣланиа, въ сбори, XVII в., J° 68, л. 1—252 повесть парцаная, полешая же и утѣшная о Оттонѣ цесарѣ Римствѣ и о супругѣ его цесаревѣ Одулдѣ и т. д. какъ въ Погод., съ тѣмъ же замѣчаніемъ преведся сія чудная повесть с Подскаго языка на Рускіи дѣла ... 85 г. е. 7185) году августа въ ... а отъ рождества Спасителя 1677 г. Первые два листа, по ветхости, склеены въ одинъ; переводъ тотъ же самый: — , J° 82, сбори, XVIII в. повесть - исторію о Антонѣ цесарѣ Римскомъ и о супругѣ его цесаревѣ Одулдѣ.

— Царск. J° 448 сбори, 1718—32 г., - исторія парцаная, полешая и весьма дивна о преславномъ Римскомъ кесарѣ Оттонѣ и о супругѣ его цесаревѣ Адулдѣ и т. д. Въ одной изъ рукописей Казанск. университета, повѣшанаго письма, на л. 162—231 находится такъ же романъ объ Оттонѣ, бѣль заглавія: см. Журн. М. Нар. Пр. 1854, Авг. стр. 40.

Въ сборникахъ XVII—XVIII-го столѣтій встрѣчается очень часто другая повесть, писанная на тотъ же сюжетъ; она короче Оттона и замѣчательна отсутствіемъ всякихъ собственныхъ именъ, всего дѣйствія такъ же остается въ неизвѣстности; отъ

того повѣсть выходитъ довольно блѣдна и безлична. Названіе ея — «повѣсть, зѣло полезна, выписана отъ древнихъ дѣицъ Палестинскихъ, дѣтонисцевъ, изъ Римскихъ хроникъ», или «повѣсть зѣло душеполезна и умилению достойна о царствѣ и о двухъ сынохъ ея, и о львицѣ», — названіе, такъ же неопредѣленное. Кроме того повѣсть отличается отъ исторіи Оттона и роману, которую играетъ львица, похитившая ребенка. Унесенный ею въ далекое отъ людей мѣсто, ребенокъ выросъ и возмужалъ тамъ, наконецъ найденъ мореплавателями и взятъ на корабль, но львица всюду слѣдовала за своимъ питомцемъ, не оставила его и тогда, когда онъ, привыкнувъ къ человѣческому обществу, началъ свои воинственные дѣянія и вмѣстѣ съ братомъ сражался съ полчищами иноплеменниковъ: львица участвуетъ въ битвѣ и истребляетъ множество враговъ. Любопытно, что подобная черта находится и во Французской народной исторіи о Валентинѣ и Орсеи. Въ некоторыхъ спискахъ нашей повѣсти прибавленъ эпизодъ о видѣніи царя, имѣвшемъ аллегорическій смыслъ и предвѣщавшемъ описанныя приключенія. Не такъ давно, эта вторая редакція романа объ Оттонѣ, снова появилась въ литературѣ простаго народа между изданіями, какія называются исключительно для него. Она издана по рукописи 1720 г. подъ заглавіемъ «Повѣсть зѣло душеполезна, выписана отъ древнихъ дѣтонисцевъ, изъ Римскихъ хроникъ», М. 1847. 72 стр. Сколько извѣстно, до тѣхъ поръ повѣсть не была напечатана.

Укажемъ нѣсколько рукописныхъ экземпляровъ ея. — Толст.

2. 150 сборн. XVII—XVIII в. л. 917—931 безъ начала; — 5. 31 л. 162—193; — 5. 103 л. 85—109 вѣроятно то же.

— Забѣлина, въ сборникахъ XVIII в., J' 67 и J' 82.

— Погодина, въ сборн. XVII—XVIII в. J' 1173 об. л. 4—32 повѣсть зѣло полезна выписана отъ древнихъ дѣтонисцевъ, изъ Римскихъ же хроникъ sic, кои — какъ царница молчала Пресвятыи Богородицѣ, нач. повѣсть въ Палестинскихъ странахъ.

— Царск., J' 510 сборн. XVII в. л. 512—513; — J' 523 сборн. XVII в. л. 130—177; — J' 536 сборн. XVII—XVIII в. л. 117—150. J' 550 сборн. XVII в. л. 336—371.

№ 443 сборн. нач. XVIII в. л. 184—223. — № 446 сборн. нач. XVIII в. л. 164—178 ср. Погод. списокъ.

— Б-ки Московск. Общ. № 198 сборн. конца XVII в. л. 218—232.

Въ рукописяхъ, заключающихъ исторію объ Оттонѣ и Алуидѣ, находится обыкновенно и *повѣсть правителя о князине Альдорфской*, которая вѣроятно и въ подлинникѣ помѣщена была вмѣстѣ съ Оттономъ, потому что предисловіе ея упоминаетъ о «прежде писаннѣй повѣсти цесаря Оттона» и выводитъ изъ нея нравственныя заключенія. Повѣсть вмѣстѣ съ нею объяснить происхожденіе герба пѣвѣтной фамиліи Гвельфовъ, «по предложеніи же *выжлецювъ*»: жена одного короля, осуждавшая свою очень плодотворную служанку, наказана была рожденіемъ вдругъ двѣнадцати сыновей, и рѣшилась погубить ихъ всѣхъ, кромѣ одного; намѣреніе это было бы исполнено, если бы король, или князь, возвращаясь домой не встрѣтилъ женщину, которая хотѣла утопить дѣтей въ рѣкѣ, называя ихъ щенками *выжлецювъ*; отецъ узнавъ дѣтей по крику, всталъ изъ у женщины, отдалъ на воспитаніе, и когда они выросли, торжественно представилъ ихъ роднымъ своимъ и призналъ ихъ собственными дѣтьми. Мать ихъ являла раскаяніе и была прощена мужемъ. Переводъ принадлежитъ вѣроятно тому же перу; языкъ отличается книжностью. Затѣмъ слѣдуетъ другая повѣсть подобнаго содержанія и замѣтки, конечно Польскаго переводчика, о разныхъ необыкновенныхъ случаяхъ плодотворности женщинъ въ Польшѣ; анекдоты такого рода укаваны уже нами въ «Вѣнскомъ Зерналѣ».

Преданія о происхожденіи Гвельфовъ см. у *Grässe, Sagenk.* 73—74. Списки этихъ повѣстей находятся въ указанныхъ прежде рукописяхъ — Погод. № 1771 об. л. 262 — повѣсть правящая же и приличная ко предѣлу вѣщенія *sic* о князинѣ Альдорфской, уже единымъ предположеніемъ двенадцать сыновъ породы, нач. сохранился въ предѣлу писанной повѣсти цесаря Оттона изъ цесаревой его Алуиды и изъ чадь его ведико и дитое, суровое и жестокое мучительство и пр. на об. 263 т. самая повѣсть — датке об. л. 272 — о вѣскожъ вельможъ, иже икъ у себе придесть

двоу сыновъ и восьми дочерей, нач. «Фридерикъ оныи пессаръ Римскій» — Л. 1770 об. л. 120 - исторія правдивая же и извѣстная о княгинѣ Алтыдорской» и пр., нач. - «оказавъ въ прешедшей кѣ повѣсти, колкое двогое мучителство и пр., даде повѣсть истинная о предивномъ цюдѣ, нач. «понеже есмы расположихомъ» и т. д.

— Забѣлва. № 68 л. 339—352 съ отдѣльнымъ счетомъ лист. 1—14 повѣсть правдивая же и прилична ко прежде явствованній о княгинѣ Алторской, иже единымъ чревоношеніемъ двундеса сыновъ породилъ и проч.

— Въ упомянутой новой рукописи Казанск. унверс., па об. л. 231—235 повѣсть правдивая же и прилична ко прежде явственній о княгинѣ Алтыдорской» и пр. Журн. М. Нар. Пр. 1854. Авг. стр. 41.

Въ числѣ любимыхъ средне-вѣковыхъ романовъ была исторія о *Аполлоніи королѣ Тирскомъ*, принадлежащая къ циклу такъ называемыхъ «античныхъ» сказаній; у насъ эта повѣсть распространилась болѣе многихъ другихъ повѣстей. Она рассказываетъ любовь Аполлонія Тирскаго къ Тарсѣ, дочери короля Антиоха Сирійскаго, и несчастныя приключенія Аполлонія, который женился потомъ на дочери другаго короля, потерялъ жену и дочь, долго странствовать, отыскивая ихъ, наконецъ нашелъ и ту и другую здоровыми и невредимыми, и остатокъ своихъ дней провелъ благополучно. Въ прозаическомъ Греческомъ разсказѣ эта исторія была уже извѣстна въ XI столѣтіи; рукописи Латинскаго перевода, черезъ который она распространилась въ западныхъ литературахъ, восходятъ до XII вѣка. Отсюда ведутъ начало разные редакціи этого произведенія: одинъ Латинскій переводъ напечатанъ былъ около 1470 года, следовательно между древнѣйшими рукописями; другой вошелъ въ «Римскія Дѣянія», гдѣ составляетъ 153-ю главу Латинскаго текста; третій, писанный леонинскими стихами, принадлежитъ Готфриду Витербо. На другихъ Европейскихъ языкахъ Аполлоній Тирскій появляется очень рано. Испанская обработка относится къ XIII столѣтію; еще древнѣе Англосаксонская, за которою слѣдуетъ нѣсколько Англійскихъ переводовъ различнаго состава. О Французскихъ переводахъ на-

мекаютъ уже! Провансальскіе поэты: Голландская народная книга объ Аполлоніи Турецкомъ явилась въ концѣ XV вѣка, такъ же какъ Итальянскій прозаическій и стихотворный пересказъ романа. Нѣмецкая стихотворная передѣлка сдѣлана была въ XIII — XIV столѣтіи вѣроятно по «Римскимъ Дѣліямъ», но и раньше этого времени Аполлоній Турскій упоминается въ Нѣмецкой литературѣ какъ лично извѣстное; затѣмъ слѣдуетъ другой Нѣмецкій переводъ въ прозѣ, по Витербо, — котораго editio princeps относится учеными къ 1471 году. Исторія написана была въ XV столѣтіи нѣсколько разъ и теперь извѣстна какъ народная книга. После этихъ странствованій исторія Аполлонія опять возвратилась въ Греческую литературу, въ переводѣ, сдѣланномъ 1500 г. Гаврииломъ Контіаномъ и печатавшемся не разъ въ Венеціи. Черезъ Нѣмецкій переводъ романъ явился въ Датскую и Чешскую литературу; рукопись Чешской исторіи, *kronika o Apollonowi králi Turském*, Добровскій относитъ къ 1459 году (*Gesch. d. böhm. Spr.* 303), но печатныя изданія довольно поздны. По Нѣмецкой, а можетъ быть и Латинской, редакціи составленъ былъ предполагаемый нами Польскій переводъ, изъ котораго заимствована была старинная Русская «исторія».

Нашъ переводъ составляетъ обыкновенно послѣднюю главу въ «Римскихъ Дѣліяхъ», но нерѣдко встрѣчается отдѣльною статью въ сборникахъ, какъ самая обширная между ними повесть. Большая часть рукописей, нами пересмотрѣнныхъ, представляютъ одинъ текстъ, съ незначительными вариантами; но этого нельзя сказать объ одномъ спискѣ Забѣлина, имѣющемъ обширныя разночтенія противъ другихъ списковъ, такъ что надобно предполагать или двойной переводъ Аполлонія Турскаго, или же постоянное переписыванье и поновленіе текста, чѣмъ болѣе возможно, что рукопись Забѣлина принадлежитъ XVIII-вѣку. Въ этомъ послѣднемъ текстѣ исчезаютъ полонизмы стариннаго перевода, имя королевы Люцины (Lucina) передѣлано въ Русское «Лучица» и т. п.

Содержаніе романа точно разсказано у *Дюлона* 35 — 36

Библиограф. указанія у *Grässe, Sagenkr.* 457 — 460 — *Smyček* к

Volksh. 3, 209—269 Apollonius von Tugus, весьма сходный съ нашимъ; — *Jungmann, Hist.* 66.

Кромѣ названныхъ при Р. Дявилхъ рукописей Толет. 2. 15. Погод. № 1713, 1714, 1773, Царск. № 313, 440, 711, — отдѣльные списки Аполлонія встрѣчаются въ слѣдующихъ сборникахъ — Толет. 2. 215 Публ. Б-ки XVII. Q. 27 сборн. XVII в. л. 403—458 исторія о Аполлонѣ, король Тирскомъ, и о Тарскъ королевѣ, — прикладъ, что печаль преляняется въ радость, нач. Антиохъ, король велики силы въ земли Греческой королевствоваль: — 2. 288 въ рукописи Домостроя XVII в. л. 180—20, вероятно то же.

— Публ. Б-ки XIV. Q. 27 сборникъ Фролова XVIII стол. л. 103—152 (или 54—99) исторія о Аполлонѣ король Тирскомъ и о королевѣ Тарейѣ.

— Забѣлина, въ сборникѣ XVIII в. № 69 списокъ повѣсти.

— Царск. № 451 сборн. нач. XVIII в. л. 270—323 прикладъ дивныи: шому благъ Богъ и всеспашный, како прелягаетъ печаль на радость, повѣствуетъ о Аполлонѣ, король Тирскомъ и о Страсинъ зисъ королевѣ.

— Погодинъ, сборн. № 1773 л. 306—335 повѣсть изрядная о Аполлонѣ, царь Кирскомъ зисъ и о случаетъ и бѣдахъ и печалехъ въ зирь семь, и яко человеколюбие Божие николи же оставляетъ до конца погибнути, — начаса же Антиохомъ царемъ, нач. Антиохъ владѣтельный и великостильный и многословущий цесарь Греческий.

Самымъ характернымъ представителемъ рыцарскихъ романовъ, переведенныхъ у насъ въ старину, можно назвать *исторію Бовы королевича*, которая, хотя и сдѣлалась теперь почти синонимомъ пошлости и вульгарности, стоитъ однако внимательнаго разбора. Это конечно древнѣйшій между извѣстными у насъ заважными романами, и потому любопытнѣйшій для историка популярной литературы. Первобытное отечество его давно уже указано въ общихъ чертахъ, и Як. Гриммъ, въ первый разъ явѣ опредѣлившій его источникъ, сознается, что весьма трудно прослѣдить тотъ путь, какимъ достигло до старой письменности нашей средне-вѣковое произведение, бывшее прототипомъ сказки о Бовѣ королевичѣ. Имя героя указываетъ на извѣстный

рыцарскій романъ, относящійся къ циклу скаандій о Карлѣ Великомъ и внесенный въ знаменитую поэму-хроникъ среднихъ вѣковъ, *Reali di Francia*, которую прежде считали произведеніемъ самого Алкуина. Новѣйшіе ученые относятъ сочиненіе ея къ первой половинѣ XIV вѣка или раньше, потому что въ это время она упоминается какъ вещь извѣстная. Содержаніе *Reali di Francia* (т. е. *Franciae Regales*, по-Русски какъ бы «Королевици Франціи»), въ полномъ составѣ поэмы, обнимаетъ исторію Карла Великаго съ его потомствомъ и предками, въ числѣ которыхъ находится и Константинъ Великій (ср. генеалогическую таблицу этого королевскаго рода, составленную по *Reali di Francia* Вал. Шиндомъ, при *Sagenkreise d. Mitt., v. Grässe*; поэма раздѣляется на шесть книгъ, изъ нихъ четвертая посвящена нашему герою, Буово д'Антоня. Послѣ перваго изданія, вышедшаго 1491 г. въ Моденѣ, поэма печаталась множество разъ до послѣдняго времени, и заключаая въ себѣ богатый запасъ разсказовъ и преданій, служила источникомъ для многихъ позднѣйшихъ поэтовъ и романистовъ. Исторія Буово д'Антоня такъ жешла передѣльвателя, довольно самостоятельнаго: эта новая поэма, стихотворная, явилась въ первый разъ еще 1480 г. въ Болоннѣ, и до XVII столѣтія библиографы насчитывають до двадцати пяти изданій ея, — успѣхъ, какимъ могутъ похвалиться немногія другія произведенія. Кромѣ редакцій Итальянской, гдѣ Буово является предкомъ Роланда, есть другая обработка этого содержанія, северно-Французская: мѣсто подвига героя ясно указывается въ Анлію, гдѣ онъ завоевываетъ Гемитонширъ, хотя уже отецъ его Гиндонъ носитъ провансальское имя д'Антоня, что означаетъ, по мнѣнію некоторыхъ, Саутгемтонъ, около котораго есть гора, до сихъ поръ ильстская подъ названіемъ *Bevy-mout*. Отъ того Англическіе ученые признають Буово англосаксомъ и приурочивають его дѣянія къ фактамъ своей первоначальной исторіи. Изъ старо-Французской поэмы составленъ былъ Шеромъ дю-Ри (*Pierre-du-Ries* стихотворный романъ: *Beuves d'Antone* или *d'Hamstone et de sa mie Sosianne fille du roi d'Armenie*, и потомъ Англическое стихотвореніе *Sir Bevis of Hampton*. Изъ того же источника произошелъ Французскій романъ въ прозѣ: *Le livre de Beuves d'anthonne et*

de la belle Josienne sa muе, напечатанный вѣроятно въ концѣ XV столѣтія, и давшій содержаніе Нидерландской народной книги XVI вѣка *Beuvyn und Susiame*, и Англійскому старинному роману *Syg Bevis of Hampton*.

Такова была судьба исторіи Буово д'Антоня въ литературахъ западныхъ; неизвѣстны дальнѣйшія ея странствованія, послѣ которыхъ она дошла до нашей письменности. Русская потѣшная книга, въ лицахъ, о Бовѣ королевичѣ упоминается въ 1693 г. въ числѣ книгъ царевича Алексея Петровича (Забѣл. іѳ. 117), но по своему происхожденію несравненно старѣе. Опредѣляя начало ея, писатели наши доходили иногда до странныхъ предположеній, и Карамзинъ подсмѣивается надъ Миллеромъ, который въ академической рѣчи «о народныхъ въ Россіи обитавшихъ», сблизилъ нашу сказку съ извѣстіями Саксона грамматика и сравнивалъ Боуса и Одина съ Бовой и Дотомомъ (И. Г. Р. 1, пр. 96. Макаровъ, въ Телеграфѣ 1830. 22, стр. 161, признавалъ сказку Итальяно-Французскою и объяснялъ имена дѣйствующихъ лицъ ея словами собственного изобрѣтенія, но потомъ, въ Телеграфѣ 1833. 21, стр. 114, называлъ Бову народнымъ произведеніемъ, и даже приводилъ извѣстіе, что въ честь Полкана, или по его передѣлкѣ Полехана, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ нашихъ совершается какое-то сельское торжество!

По собственнымъ именамъ героевъ, скорѣе всего можно принять подлинникомъ нашей сказки Итальянскую редакцію, потому что хотя имена эти и сильно предѣланы на Русскій ладъ, но очевидно происходятъ отъ Итальянскихъ. Мы не можемъ однако рѣшить, была ли заимствована наша сказка изъ отдельной стихотворной поэмы *Viuvo d'Antona, libro chiamato Viuvo d'Antona*, или прямо изъ четвертой книги *Reali di Francia*; мы пользовались только этимъ послѣднимъ произведеніемъ, въ Венеціанскомъ изданіи 1667 г. Исторія Буово (въ 80 гл., р. 268—397) съ замѣчательною точностію передается въ нашей сказкѣ, впрочемъ довольно сокращенно; главныя обстоятельства соблюдены вѣрно, имена отчасти осмыслены Русскимъ произношеніемъ, отчасти же несходны съ Итальянскими, что зависѣло вѣроятно или отъ вариантовъ текста, или отъ того, что наши передѣлватели основывались на другой Итальянской

редакції. Бова, Buovo d'Antona, есть сынъ короля Гвидона, il duca Guidone d'Antona; супруга короля называется несходно съ нашей сказкой — Brandoria, figliuola del Re Ottone di Bordeus di Guascogna, дядька Симбада — Simbaldo: король Додонъ — Duodo di Maganza. Верный слуга Локарда въ Итальянскомъ тексте замѣняется безыменнымъ посланикомъ: дѣвка чернявка называется просто la cameriera; градь Сумми — Rossa Sansimone: «младой Антисей», какъ назвался Бова въ Армянскомъ царствѣ, — Agostino: конь его, cavallo chiamato Rondello, переводится просто «богатырскимъ» конемъ. Король Армянскій и дочь его Друзиевна — il Re Erminione di Erminia, и *Druziana*; король Маркобрунь, который приходитъ «изъ града Данска» или изъ царства Задонскаго, есть Macabrino, Re di Polonia. Когда родители Друзіаны назначили турниръ, чтобы выбрать ей жениха, племю было, che à questo tal torneamento non venisse alcuno, che non fosse christiano. При этомъ описывается, какимъ образомъ въѣхалъ Маркобрунь на этотъ турниръ: onde à questo torneamento vennero molti gentil signori d'Armenia magna, e d'Armenia minore, vennero molti signori Greci: frà gli altri vi venne Macabrino Re di Polonia, laqual Città è posta sul mar maggiore, et signoreggiàna questa città insino al fiume del Danubio, et in Romania, di là da Costantinopoli verso il Danubio: Venne questo Re Macabrino per mare; et venne per lo stretto d'Esponto con un gran nauilio, et passò per lo Arcipelago, et costeggio Pelopes, l'isola di Rhodi et l'isola di Cipri (p. 287). Богатырь Дуконёръ, получивши такое Русское имя, называется *Luciferro* di Buldras; онъ восточнаго происхожденія и потому въ нашей сказкѣ отецъ его — Салтанъ Салтановичъ. Онъ также отправился на турниръ, собравши большую дружину: il padre gli armo gran quantità de Cavalieri Saracini, et venne in Bolsinara, et quindi andò cercando delli migliori, è piu franchi Saracini del Mondo, et tanti valenti Turchi, quanti trouare vi pote (p. 291). Самъ Локареппо описывается какъ huomo di sua persona molto franco. Птичекъ. Но канъ-богатырь изображается сѣдующимъ образомъ:... uno chiamato Pulicane, era costui mezo huomo et mezo cane, cane era dal mezo in giù, et huomo era dal mezo in su. Questo Pulicane correua tanto forte, che nessuno altro animale non lo poteva gion-

gere, e parlava molto bene, — era Pulicane figliuolo di vn cane, e di vna donna Christiana, laquale fù signora di vna Città di Armenia chiamata Caradocia (p. 302). Вообще все передѣлки имени и обстоятельства говорятъ въ пользу непосредственности перехода Итальянскаго романа въ нашу популярную словесность; въ содержаніи и вѣщности сказки нашей нѣтъ никакихъ слѣдовъ другой посторонней обработки, что замѣтно во всѣхъ другихъ повѣстяхъ и романахъ, явившихся у насъ изъ литературы западныхъ. Существенное измѣненіе первобытнаго сказа состоитъ только въ томъ, что къ нему въ обширныхъ размѣрахъ привнесъ обыкновенный тонъ и подробности Русскаго сказочнаго эпоса. Важное доказательство старинности нашей сказки представляютъ рукописи XVII в., излагающія ее въ такой отбѣланной формѣ, какую она могла получить только отъ сильнаго и продолжительнаго вліянія народности Русской. Въ старинныхъ спискахъ она отличается даже болѣе народнымъ складомъ, чѣмъ въ послѣдующихъ изданіяхъ, печатныхъ и дубочныхъ. Имя Бовы въ XVII столѣтіи было даже личнымъ именемъ.

Списки: — Топст. 2. 215 Публ. Б-ки XVII. Q. 27 сборн. XVII в. л. 365—404 — сказаніи про храбраго витязя про Бову королевича, нач. обывкомъ было царствѣ, в великомъ государствѣ, въ славномъ градѣ во Антоновѣ и т. д. рукопись принадлежала подьячему Розряднаго приказа Ивану Федорову; — 2. 415 Публ. Б-ки XVII Q. 77 сборн. нач. XVIII в. л. 161—199 — сказаніе о храбромъ и прекрасномъ витязи Бовѣ королевичѣ и о прекрасной его королевѣ Дружествѣ.

— Ногод. № 1773 сборн. XVII—XVIII в. об. л. 238—274 — сказаніе о храбрости витязи Бовы королевича злато послушати дивно, нач. бысть икинъ король именемъ Гвидонъ въ славномъ градѣ Антоновѣ, младъ юноша, велии и храбрь и абиралъ себѣ во градѣ храбрыхъ витязей во златыхъ полевѣхъ, и охочъ былъ въ чистомъ полѣ гнѣшша съ соколы и ястребы и съ выклеты и т. д. вообще съ прибавами, которыхъ обыкновенно не бываетъ. — См. такъ же списки Ногод. № 1778—1780.

Переводы нашей сказки въ *Dietrich. Russ. Volksm* 68—118. — *Vogl. Die alt. Volksm. der Russen. Wien 1844*

Польской литературы знамениты повести и романы и передавали их на своемъ языкѣ.

Литературныя связи съ Польшею обуславливались двумя благоприятными обстоятельствами: распространениемъ Польскаго языка въ западной и южной Руси, въ слѣдствіе политическаго господства, и Польскимъ устройствомъ южно-Русскихъ училищъ. Оживленная полемика по поводу унии и выходы изъ южной и западной Руси, сдѣлали знаніе Польскаго языка въ самой Москвѣ довольно обыкновенною вещью. Переводъ съ Польскаго не представлялъ большихъ затрудненій, потому что переводчику нѣрѣдко случалось оставлять самыя выраженія подлинника, давая только имъ Русскую фонетическую аппроприацию. При томъ переводъ могъ совершаться мало-по-малу, почти самъ собой: Польская книга доставалась южно-Русскимъ читателямъ и легко перекладывалась на ихъ литературный языкъ, имѣвшій много Польскихъ оборотовъ и выраженій, и потому, сглаживши отчасти свои Польскія черты, переходила къ Русскимъ читателямъ, у которыхъ съ нѣсколькими новыми поправками могла идти за Русскій переводъ. Что примѣры подобнаго рода были, можно заключать изъ нѣкоторыхъ списковъ переводныхъ повѣстей, чрезвычайно отягощенныхъ полонизмами; нѣсколько разныхъ списковъ даютъ возможность слѣдить за постепеннымъ преобразованиемъ языка отъ формы на половину Польскихъ до чисто-Русскаго склада. Воспитанники Кіевской академіи могли способствовать этому ознакомленію съ Польскою литературою: ихъ Польское образованіе произвело особенный книжный языкъ, представляющій странную смесь разныхъ началъ, такъ что и нѣсколько искусственный или натянутый языкъ переводныхъ повѣстей не былъ слишкомъ тяжелъ для того времени: къ нему привыкли такъ же, какъ въ эпоху петровскую привыкли ко множеству словъ иностранныхъ или буквально переданныхъ съ иностраннаго.

Обращаясь опять къ фактамъ, замѣтимъ переводы повѣстей, появившіяся въ XVII столѣтіи. «Римскія Дѣянія» представляли большую частью только зародки этихъ произведеній; въ другихъ сборникахъ повѣсть получила уже большее развитіе и сдѣлалась самою бытъ мѣ литературнымъ явленіемъ. Такіе же

кіе и живые рассказы передавала знаменитая въ средніе вѣка повѣсть о *Семи Мудрецахъ*. Литературная судьба ея очень любопытна: почти все Европейскія и многія восточныя литературы имѣютъ или переводы или передѣлку ея, въ продолженіе долгихъ странствій своихъ, она измѣнила самое содержаніе, варьируя его на одну главную тему, — такъ что, сравнивъ два противоположныя вида ея, образовавшіеся независимо другъ отъ друга, нелегко привести ихъ къ одному прототипу. Первобытную редакцію повѣсти, корень всехъ позднѣйшихъ обработокъ, относятъ къ Индійской литературѣ; впрочемъ до сихъ поръ эти «сприччи Сендабада» не были достаточно опредѣлены. Масуди, въ той главѣ «Золотыхъ Луговъ», гдѣ говорится о древнихъ царяхъ Индіи, упоминаетъ о философѣ Сендабадѣ, современникѣ царя Куру, написавшемъ книгу семи визирей, известную обыкновенно подъ названіемъ книги Сендабада. По свидѣтельству одного Персидскаго писателя, книга Сендабада написана была при династіи Арзаканидовъ, 256—323 г. по Р.Х.: Арабскій и Персидскій переводы этого произведенія появились гораздо раньше Калиль-и-Димны, хотя и не дошли до нашего времени. По этимъ древнимъ переводамъ составилось нѣсколько восточныхъ подражаній: одно изъ нихъ, «исторія царя, его сына, любовницы и семи визирей» вошло въ Тысячу и Одну ночь; того же содержанія передѣланный съ Арабскаго Турецкій романъ XV столѣтія, «исторія сорока визирей», въ сокращеніи переведенная г. Григорьевымъ (Москва, 1844. 1, 94—122), — и «исторія паревича Бахтиара и десяти визирей», извѣстная въ Арабской, Персидской и Турецкой редакціяхъ. Въ Европѣ исторія Семи Мудрецовъ стала знакома посредствомъ Еврейскаго и Греческаго переводовъ. Еврейская редакція есть древнѣйшій извѣстный видъ повѣсти, и составлена по Персидскому или Арабскому переводу тѣмъ же раввиномъ Тодлемъ, которому принадлежитъ и Еврейская редакція Калиль-и-Димны. Эпоха Греческаго перевода, сдѣланнаго по Сирійскому или Персидскому подлиннику Мих. Андронидомъ, въ точности неизвестна (III—V ст.): съ этимъ переводомъ, носившимъ названіе Σεπτὰ πύλας, не должно смѣшивать другаго труда Андрониду, его перевода Персидскаго басня предпологаемаго мудреца Ситтиана

(*Syntipae phil. pers. fabulae* Ixij, изданы проф. Маттеемъ въ Лейпцигѣ 1781). Наконецъ Латинскій переводъ, сдѣланный съ Еврейскаго монахомъ Данъ Jehans, получилъ уже названіе *historia septem sapientum Romae* и ввелъ эту повесть въ среду литературы западныхъ. Ближайшей обработкой Латинскаго перевода было большое стихотвореніе трусера Hebers или Herberts, въ XIII столѣтіи, подъ названіемъ *les Sept sages de Rome*, или *Doloratos*; затѣмъ явился другой Французскій переводъ, къ которому примыкають Англійская стихотворная обработка и прозаическій Французскій *roman des sept Sages*. Впрочемъ, еще въ XII столѣтіи исторія о Семи Мудрецахъ извѣстна была во Французской литературѣ: та же повесть передавалась и подъ другимъ названіемъ: *Cassiodorius*. Главнымъ источникомъ, откуда расходилась эта повесть, быть однако Латинскій: отсюда произошли такъ же Англійская редакція, Нѣмецкая (*Sieben weisen Meister*, Голландская, Датская, даже вторичная Латинская, обратно переданная на Латинскій языкъ юристомъ Модіемъ, который не зналъ, кажется о первоначальномъ Латинскомъ текстѣ. Съ изобрѣтеніемъ книгопечатанія исторія Семи Мудрецовъ издавалась множество разъ и вошла въ число любимыхъ народныхъ книгъ, особенно у Французовъ и Нѣмцевъ; но не смотря на такую извѣстность этого произведенія, новая Итальянская редакція повести: *Li compassionevoli avvenimenti d'Erasto*, явившаяся въ XVI вѣкѣ, опять имѣла большой успѣхъ и была переведена на Французскій, Англійскій и Испанскій. Съ умноженіемъ видовъ исторій, разнообразилось и содержаніе редакцій, въ готовую рамку повести вносились посторонніе рассказы, такъ что въ подлинномъ «Драгѣ» находится только одинъ рассказъ изъ тѣхъ, какіе помѣщены въ старинной Греческой редакціи. Имена дѣйствующихъ лицъ также измѣнились: въ Греческой редакціи царь называется Киромъ, а мудрецъ — Синтиа; въ стихотвореніи Герберта главное лицо, королевичъ, называется Луциніаномъ, отецъ его — король Сицилійскій Долонать, а мудрецъ, которому поручено воспитаніе королевскаго сына — Виргилій, одна изъ любимѣйшихъ личностей классическаго міра, къ которой однесено было въ средніе вѣка много фантастическихъ сказаній. Въ другихъ ре-

дакийхъ царь носить имя Діоклітіана, а сынъ его — имя Флорентина, или же царь называется Понціаномъ, а имя Діоклітіана относится къ его сыну; въ числѣ семи мудрецовъ древняя Французская повесть, какъ и наша, упоминаетъ Катона, Лестула и проч. Исторія извѣстна была и въ Славянскихъ литературахъ: Чешская *kratochvílná kronika o sedmi mudrečích* относится къ XVI столѣтію; нѣсколько разъ издавался Польскій переводъ подъ заглавіемъ: *Historya pięćna u pięciu o Poncyanie cesarzu rzymskim, iako syna swego jedynego Dyoclecjana dał w naukę y ku wychowaniu siedmiu mędrcom, która w sobie wiele przykładow y powieści cudnych zamyka, każdemu człowiekowi ku czytaniu pożyteczna y potrzebna*. Въ Русскомъ переводѣ не встрѣчаются намъ прямыхъ указаній на подлинникъ; по аналогіи, отчасти по языку, можно предполагать, что подлинникъ былъ Польскій. Въ позднѣйшихъ спискахъ изложеніе имѣетъ вообще свои достоинства, такъ что повесть о Семи Мудрецахъ по передачѣ на Русскомъ языкѣ стоитъ много выше другихъ переводныхъ произведеній. Языкъ перевода — довольно правильный Славянскій, бывшій въ книжномъ употребленіи XVI — XVII столѣтій. Текстъ представляетъ иногда весьма значительные варианты, что зависѣло если не отъ разныхъ переводовъ, то отъ позднѣйшихъ поправокъ стараго чтенія; на такія поправки ясно указываетъ одна Толстовская рукопись, гдѣ къ повѣсти замѣчено: «списалася и исправилася съ древнѣмъ переводомъ... въ 200 (т. е. 1692) году». Не имѣя теперь свидѣній объ источникахъ нашей редакціи, мы не можемъ такъ же указать и времени ея составленія; можно думать только, что она старѣе упомянутыхъ нами прежде повѣстей, переведенныхъ съ Польскаго. Списки ея довольно обыкновенны въ старыхъ сборникахъ.

Вообще о Семи Мудрецахъ — *Grässe, Lit.-Gesch.* 2. 1. 462 — 463. — *Dunlop, Gesch. d. Pros.* 196 — 198. — *Jungmann.* 143. — *Wiszniewski, Hist.* 7. 199. — *Maciejowski, Pism.* 2. 894. Греческій текстъ Андрепула названъ Буассонадомъ *Συμπληρωμα*. De Syn tipa et Cyri filio Andreopuli narratio. Paris. 1828. Славянскія изданія *Le Roux de Linay.* въ *Essai sur les fables ind.* par *Lois. Destongchamps; Adalb. Keller, Li Romans des*

sept sages, Tüb. 1836. — Duocletianus Leben. Quedlinb. 1841
къ сожалѣнію, мы не пользовались изданіями Келлера.

Списки: Толст. 2. 181 Публ. Б-ки XVII. Q. 35 л. 361—559
-повѣсть о семи мудрецахъ, нач. «Божією помощію бысть
въ Римѣ король Еліазаръ:— 2. 215 Публ. Б-ки XVII. Q. 27
сборн. XVII в. л. 299—365 -повѣсти Римскіе области о не-
комъ цесарѣ именемъ Елеазарѣ и о злонъ женѣ его и о
сынѣ его Диоклитіанѣ и о семи мудрецахъ, нач. «Бысть
убо въ Римстѣи области цесарь именемъ Елеазарь, мудро-
стію же не совершенъ:— 2. 370 Публ. Б-ки XV. Q. 28 ру-
кописк. по мнѣнію составителей Толст. каталога, *саммо со-
чинителя?*, потому что исторію Семи Мудрецовъ они при-
писывали папѣстному дьякону Каменешчу-Рвовскому; его же
именемъ г. Строевъ означаетъ повѣсть и въ каталогѣ рук.
Царскаго:— 3. 45 Публ. Б-ки XV. Q. 2, сборн. XVII в.
л. 207—386 -сказаніе предивно, повѣсть о цѣсарѣ sic и о
сынѣ его Диоклитіанѣ, нач. «повѣмъ убо вамъ вещь сщеву.
Бысть убо» и пр.

— Погод., сборн. XVII—XVIII в., I^o 1772 л. 101—187
-повѣсть о цесарѣ Еліазарѣ и о сынѣ его Диоклитіанѣ, нач.
-повѣмъ убо вамъ вещь сщеву, какъ въ предыдущемъ
спискѣ:— № 1773 л. 90—196 -повѣсть сія написана
о семи мудрецахъ, о цѣсарѣ sic Еліазарѣ и о сынѣ его
Диоклитіанѣ, ала послушати дивно, нач. «бысть убо въ
Римстѣи области.

— Фролова, сборн. XVII в. Публ. Б-ки XV. Q. 31 л. 199—
308 -повѣсть о семи мудрецахъ и о Диоклитіанѣ, въ 2^х гла-
вахъ, безъ конца.

— Забѣлина, въ сборн. XVIII в. № 82 -Книга глаголе-
мая Семь Мудрецовъ, сказаніе предивныхъ повѣстей, о
Римскомъ цѣсарѣ Еліазарѣ и о сынѣ его Диоклитіанѣ и о
презютой маичухѣ его и о семи мудрецахъ. — повѣсть из-
рядная — отрывокъ исторіи о цесарѣ Еліазарѣ и сынѣ
Диоклитіанѣ и о семи мудрецахъ, въ другомъ сборн.
XVIII в. № 67.

— Цркв. № 389 сборн. XVII в. л. 132—210; —
№ 440 ід. л. 550—644; — № 693 сборн. XVIII в.
л. 156—203.

— Списокъ исторій находится въ одномъ сборникѣ Казанск.
универс., XVIII вѣка, л. 1—49 -исторія о Диоклитѣ Рим

скомъ и о семи мудрецахъ (Журн. Мин. Нар. Пр. 1854, Авг. стр. 30).

Повесть о Семи Мудрецахъ представляетъ цѣлый рядъ отдѣльныхъ повестей, соединенныхъ однимъ обстоятельствомъ главнаго сюжета, какъ онѣ соединены въ Испанскомъ «Графѣ Луканорѣ» и въ Итальянскомъ «Декамеронѣ»; манера, заимствованная изъ сказочныхъ сборниковъ востока. Въ большей части редакцій, между прочимъ и въ нашей, завязка и развязка повести переданы такимъ образомъ. Одинъ король отдать своего сына на воспитаніе семи мудрецамъ, которые должны были научить его всякой премудрости; они поселяются съ воспитанникомъ своимъ вдалекѣ отъ отца, который между тѣмъ, потерявъ первую супругу, женился въ другой разъ. Лукавая мачиха ищетъ средствъ погубить королевича, чтобы доставить престолъ своимъ дѣтямъ, и проситъ короля призвать ко двору сына, уже кончившаго образованіе. Мудрецы посредствомъ астрологическихъ знаній своихъ увидѣли, что королевичъ будетъ *цѣль* въ продолженіе первыхъ семи дней по прѣѣздѣ къ отцу, и что отъ того угрожаетъ ему большая опасность; но дѣлать было нечего, и они отправились. Король съ радостью встрѣтилъ сына, но королевичъ вдругъ сталъ *цѣль*, не отвѣтивъ отцу ни однимъ словомъ. Мачиха воспользовалась этимъ, и, раздраженная отказомъ королевича исполнить ея желанія, рѣшилась отомстить и облеветала его передъ королемъ, и въ подтвержденіе своихъ словъ рассказываетъ аполотъ, гдѣ доказывается, что не нужно падать дурнаго дерева, которое можетъ только повредить хорошему. Король въ гнѣвѣ велитъ казнить сына, — гибель его неизбежна, потому что онъ не можетъ высказать своихъ оправданій. Спасителями его являются Семь Мудрецовъ. Когда королевичъ былъ уже на мѣстѣ казни, первый изъ нихъ проситъ палачей подождать, и дѣтъ къ царю и рассказываетъ ему повесть или притчу, гдѣ обнаруживается весь вредъ поспѣшности и довѣрія къ женщинамъ; увлеченный разсказомъ, король откладываетъ казнь. Тогда опять является на сцену мачиха, и рассказываетъ новую повесть, съ той моралью, что не должно поддаваться живымъ словамъ при-

дворныхъ совѣтниковъ, которые часто бываютъ причиною всякаго зла и королямъ и государствамъ.... Такъ идетъ въ теченіе семи дней: каждый разъ мачиха приводитъ короля къ изгубному рѣшенію и каждый разъ мудренны отклоняютъ опасность. Наконецъ королевичъ снова начинаетъ говорить: онъ легко оправдывается отъ введенной на него клеветы и, напротивъ, выставляетъ наружу все пороки мачихи, которая терпитъ должное наказаніе, — въ заключеніе королевичъ рассказываетъ еще одну повесть, имѣющую отношеніе къ его собственной судьбѣ. Такимъ образомъ въ цѣлой исторіи, кромѣ главнаго ея сюжета, включено семь рассказовъ королевы, повѣсти каждаго изъ семи мудреновъ и рассказъ королевича: впрочемъ, число вставныхъ повѣстей не во всехъ редакціяхъ одинаково. Что касается до характера ихъ, онѣ стоятъ въ тѣснѣйшей связи съ повелами старой Итальянской и другихъ литературъ, какъ увидимъ изъ разбора повѣстей, находящихся въ нашемъ переводѣ. По словамъ Дюлонна, немногія произведенія среднихъ вѣковъ могутъ доставить такой прекрасный примѣръ для объясненія генеалогіи «странствующихъ» рассказовъ и непостижимо быстрого перехода ихъ изъ одной страны въ другую, какъ повесть о Семи Мудреныхъ. Одни изъ ея рассказовъ принадлежатъ восточной фантазіи, другіе вставлены европейскими передѣлывателями, и все вмѣстѣ служило образцами и источниками позднѣйшихъ повѣстей и исторій. Наши рукописи представляютъ слѣдующія повѣсти, заглавія которыхъ приводимъ по Толстовскому списку 3.45.

— Первая притча королевы «о нѣкомъ деревѣ и о огорошникѣ» (л. 225): возле вѣтвистаго дерева выросло другое, маленькое, и господинъ, надвѣсь, что молодое будетъ еще лучше, велѣлъ приставнику подрубить старое; но послѣ того и новое дерево, питавшееся соками стараго, засохло.

— Притча перваго мудрена «о псѣ и о соколѣ» об. л. 230. Вѣрная собака вмѣстѣ съ соколомъ спасаетъ сына одного рыцаря, господина своего, отъ змѣи; рыцарь, повѣривъ словамъ глупой мамки и увидѣвъ на собакѣ кровь, подумавъ, что она загрызла ребенка и убила ее, и тогда только догадывается объ ошибкѣ, когда возитъ колыбели сына замѣтить мертвую змѣю

Повторение знаменитой Валлийской саги о Льюеллине и его собаке; подобный сюжет мы видели впрочем в Греческом и Русском Стефаниде; эта же повесть «о псе и узе» занесена и в наши печатные сборники сказок (Дедушк. Проголки, М. 1819, на 6 стр.).

— Вторая притча королевы «о пскомъ вепрь и о пастухъ» (об. л. 235). В одномъ лѣсу появилась страшный вепрь; многие рытари потибли, отважившись нападать на него. Наконецъ король объявилъ, что выдастъ свое дочь за того, кто уснѣеть истребить свирѣпаго звѣря. Одинъ пастухъ, встрѣтивши въ лѣсу вепря, влѣзъ на виноградное дерево; вепрь бросился грызть корни, а пастухъ обрывалъ виноградныя вѣтви и кидалъ ему вепрь начать ѣсть ягоды и наконецъ уснуть; пастухъ сошелъ съ дерева, убилъ вепря безъ всякой опасности для себя и получилъ обѣщанную награду. Пастухъ, который гладилъ вепря, чтобы уснить его, изображаетъ парвенча, который шлетъ погибели огня и предъизаетъ его словами мудрецовъ. Этотъ рассказъ такъ же повторяется въ указанномъ сборникѣ сказокъ.

— Притча втораго мудрена «о молодой женѣ» (л. 240) есть известная повѣсть Боккаччо Decamer. VII. 4., которая встрѣчается у насъ и въ другой редакци.

— Третья повесть королевы «о пскомъ рытарѣ убогомъ и о дѣтхъ его» (об. л. 250), — вариантъ известнаго разсказа у Геродота о томъ, какъ одинъ архитекторъ съ сыномъ обокрали сокровищницу Рамсесиды; сюжетъ повторяется у некоторыхъ Итальянскихъ новеллистовъ, въ старинномъ Французскомъ романѣ: L'histoire du chevalier Berinus, и другихъ обработкахъ (Dunlop 264), и въ сказкѣ Чулкова о двухъ ворахъ, дѣтъ и племянникѣ Рус. Ск. М. 1780. 2, 32—53.

— Повесть третьяго мудрена «о пскомъ гостѣ, и о птицѣ, глаголемой сорокѣ, и о женѣ» (л. 257), — о томъ, какъ невѣрная жена хотѣла разубѣдить мужа въ обвиненіи, сдѣланномъ говорящей сорокой, и какъ мужъ, убивши сороку, узналъ потомъ справедливости словъ несчастной птицы; подобная повесть находится въ Тысячѣ и Одной ночи, гдѣ сорока замѣнена только пошугаемъ, и такъ же въ исторіи сорока визирей Москв. 1814. 1, 118—119.

— Четвертая притча королевы «о мудрецахъ, како ради корысти своей ослѣпиша цесаря» об. л. 265. Семь мудрецовъ отняли зрѣніе у короля, чтобы онъ не могъ видѣть ихъ своекорыстнаго правленія; цесарь терять зрѣніе, какъ только выходилъ изъ своей комнаты. Наконецъ онъ сталъ грозить мудрецамъ смертію, если они не излечатъ его болѣзни; мудрецы призывали чародеѣвъ, но болѣзнь поправить не могли. Тогда въ городъ пришелъ мальчикъ, одаренный великою мудростію; приведенный къ цесарю, онъ открылъ ему враждебныя чары, которыми его лишили зрѣнія, и цесарь, казнивши мудрецовъ, исцѣлился отъ болѣзни и самъ сталъ править государствомъ. Повѣсть приводится въ упомянутыхъ нашихъ сборникахъ подъ заглавіемъ сказки о семи мудрецахъ и о юнѣ см. Дедушкины Простуки, Москва 1849, на 12 стр.; *Сказарова*, Р. Сказк., стр. 269.

— Повѣсть четвертаго мудреца «о иѣкомъ рыцарѣ и о женѣ его, еже восхогъ пона любви» л. 275. — разсказъ въ ротѣ Боккаччьевскихъ повѣстей. Прежде, чѣмъ жена измѣнила мужу, мать до трехъ разъ совѣдуетъ ей испытать характеръ мужа: для перваго раза она велѣла срубить любимое его дерево, и мужъ не сдѣлать ей ничего; она убила его любимую собаку, онъ опять ничего ей не сдѣлать; наконецъ жена предприняла третье испытаніе, и на большомъ пиру, который задалъ ей мужъ, она какъ бы неарочно станила со стола скатерть и уронила блюдо. Мужъ велѣлъ приготовить другой обѣдъ, и ничего не сдѣлать женѣ; но когда гости разошлись, онъ повелѣлъ «срону пуска» и велѣлъ пустить кровь женѣ изъ обѣихъ рукъ, до тѣхъ поръ, пока она стала «обмирати». Съ того времени ей уже не приходило въ голову чѣмъ нибудь возбуждать негодованіе мужа и она оставила свои замыслы.

— Пятая повѣсть королевы «о иѣкомъ цесари, любящемъ злато, ему же тракане и тердо златомъ зашиша» л. 288.

— Повѣсть пятаго мудреца «о Подшрастѣ мудреци и о внуцѣ его Гаданустѣ» об. л. 298.

— Шестая притча королевы «о иѣкомъ крѣпцѣ и моркацкѣ, како злата ради приве те жену свою» л. 306.

— Притча шестаго мудреца «о трехъ рыцарехъ и о старомъ рыцарѣ и о женѣ его, что онъ убилъ трехъ рыцарей»

об. л. 312). Жена старого рыцаря славится своей красотой: ею прельстились три рыцаря, она назначает им свиданія и требует отъ каждого по тысящѣ златыхъ. Первый приходитъ въ первомъ часу ночи, другой въ полночь, третій «въ куролашеніе»; жена беретъ деньги, а мужъ потомъ убиваетъ рыцарей,— но поссорившись потомъ съ мужемъ, жена не сохранила тайны и укорила мужа смертью трехъ рыцарей; но цесарь велѣлъ казнить ихъ обоихъ. Изъ многихъ разсказовъ, которые сравниваютъ съ повестью Семи Мудрецовъ замѣтимъ только повѣсти въ Римскихъ Деяніяхъ, Тисячъ и Одной ночи, Французскомъ Фабльо и Шменкомъ стихотвореніи *die drei münche von Kolmaere*, въ которыхъ есть ближайшее сходство съ нею (ср. *Gesammltabent.* 3, xxxv — lxi, 163 ff.).

— Седьмая притча королевы «о инокѣмъ король, какъ у него увезе рыцарь крадеву, крадь же те отда ему самъ и шрова съ нею» об. л. 318, — повесть, основанная на забавной исторіи, которую рыцарь сумѣлъ поддержать своей ловкостью.

— Притча седьмого мудреца «о инокѣмъ рыцарѣ и о женѣ его» л. 327, — известный разсказъ объ Эссеской матронѣ у Петронія *Satir.* c. 111, 112, но въ повѣсти Семи Мудрецовъ легкомысліе женщины выставляется еще ярче. Отсюда и имя Французскаго Фабльо *de la femme qui se fist putain sur la fosse de son mari*, повѣсть перешла въ *Cento nov. antiche* nr. 56, къ повѣстямъ Кампеджи, Мавфреды, затѣмъ повторилась у Лафонтена и Вольтера (*Zadig*, ch. 2 и пр. По словамъ патера Дюгайда, эта повѣсть такимъ же образомъ разсказывается и въ Китаѣ (*Dunlop*, 41).

— Повѣсть самого королевича Диокитіана «о двухъ слугахъ цесаревыхъ, и о Александрѣ и о Лодвикѣ» об. л. 338. Эта повѣсть, впрочемъ изъ рукописнаго источника, вошла въ печатный сказочный сборникъ XVIII столѣтія, подъ названіемъ: «сказка о двухъ славныхъ богатыряхъ, Александрѣ и братѣ его Лодвикѣ, жившихъ между собою въ великомъ согласіи и готовыхъ умереть другъ за друга» (Историческія сказки, — первая о золотой горѣ и т. д. Въ Сиб., 1793 года, стр. 59—98).

Переводы съ Польскаго познакомили насъ и съ другою стороной детскою литературою среднихъ вѣковъ. Западные сбор-

ники, въ родѣ «Римскихъ Дѣлій» или книги Петра Альфонза, соединили въ себѣ разнообразныя разсказы: это были повѣсти изъ духовной или свѣтской исторіи, восточныя притчи и апологи, народныя басни и сказки, наконецъ даже мелкіе анекдоты, замѣчательныя слова, остроумныя отвѣты и поствки и т. п. Эти послѣдніе разсказы со временемъ вошли въ особенную моду; знакомство съ классическими писателями доставило много матеріала для подобныхъ сборниковъ, и писатели знаменитые въ античныхъ средне-вѣковой литературѣ охотно посвящали свое время на составленіе этихъ полу-историческихъ, полу-анекдотическихъ композицій. Какъ въ древности расходились пререція сибаритовъ, Ἀσπίου γυλίου или ἀπικυρῶν, такъ теперь приобрѣли болшую известность сборники въ родѣ *Reminiscens memorandarum libri IV* Петрарки, или *De casibus virorum illustrium* и *De mulieribus claris* того же Боккаччо, который впервые возвысил повесть на степень художественнаго произведенія. Здѣсь представляется чистый фактъ: самое событіе, уже безъ тѣхъ правоумительныхъ выводовъ, съ которыми обращается къ читателю другія книги. Такимъ образомъ изъ прекрасныхъ литературныхъ памятниковъ возникло новое членіе, гдѣ интересъ дидактическій смѣнился простымъ историческимъ любопытствомъ. Появилось множество собраній анекдотовъ о знаменитыхъ людяхъ, особенно изъ Греческой и Римской исторіи, которая часто выводилась на сцену и въ другихъ случаяхъ, хотя и не вела къ стати, какъ въ Римскихъ Дѣліяхъ. Подлезна литература имѣла несколько подобныхъ сборниковъ, напр. «Анекдоты на» писаны по Редьди Наваррѣ, казенныя еще въ концѣ XVI столѣтія. Анекдоты на Веллѣ, выданы въ началѣ XVII вѣка и др. Въ нашихъ рукописахъ встрѣчается подобная *De virtutibus et vitiis* въ четырехъ книгахъ, изъ которыхъ первая содержитъ впрочемъ знаменитыхъ философовъ, вторая — слова и речи, короче, клятвы, похвалы, съмѣны и другія старинныя, третья — изреченія Декарта, четвертая — статьи о счастливыхъ жанахъ и сѣверныхъ дѣлѣ въпротвѣтъ. Оцѣ поименованъ у Гюльма и др. въ 1744 году были выданы на водѣ изданіемъ — Крѣпко и др. и другія и другія, а также и въ 1744 году. Въ 1744 году въ Москвѣ издана была

личныя вопросы, и отвѣты, житія, и поступки, пословицы, и бесѣдованія различныхъ философовъ тревнихъ. Переведены съ польскаго на словенскон языкъ... Повѣднїемъ же Царскаго величества напечатаны въ Москвѣ дѣта господня 1711 въ мартѣ. Второе изданіе: «Апофегмата то есть краткихъ вѣтвенатыхъ и правоучительныхъ рѣчей, книги три» и пр. М. 1716. 8° (ср. Сошк. № 2001). Другія изданія Сиб. 1723, 1745, 1765, 1781. Слѣдовательно, въ печатномъ изданіи недостаетъ одной книги, противъ рукописныхъ текстовъ. Подлинникъ нашего перевода принадлежитъ Бѣншму Буднему и изданъ въ началѣ XVII столѣтія и нѣсколько разъ послѣ, подъ названіемъ: *Krotkich a wezłowatych powieści, które po Greecku zowują Aporhtegmata, ksiąg czworo przez Bieniasza Budnego. Z rozmaitychъ przednieyszýchъ authorowъ zebrane* и пр. (*Jochera, Obraz 1, 11, Maciejowski, Piśm. 3, 371*).

Рукописи. Публ. Б-ки XV, Q. 33 рук. XVII в. изъ собр. Каменскаго, нач. «Апофегматы, сіестъ сощественныхъ краткихъ повѣстей книга 1-я» и пр.; въ другой книгѣ повѣсти названы сокровенными, въ 3-й и 4-й удловатыми: на 196 л.

— Толст. 2, 64 Публ. Б-ки XV, Q. 12 рукоп. конца XVII в., гдѣ Краткія и везловатія повѣсти написаны на Польскомъ языкѣ Русскими буквами, Русскія рук. нѣсколько подлѣ.

— Царск. № 16 рук. конца XVII в. безъ начальныхъ листовъ. Рукописный нашъ переводъ въ началѣ отличается нѣсколько отъ печатнаго изданія Петровскаго, но въ концѣ очень близокъ слѣд. издатель пользовался готовымъ переводомъ, который нашелъ въ старыхъ рукописяхъ.

Особенное развитіе повѣдны и деткихъ, шуточныхъ разсказовъ дало другой колоритъ и собраніямъ анекдотовъ; веселая шутка получала въ нихъ болѣе и болѣе мѣста, и наконецъ въ сборники допускались и анекдоты весьма обшечнаго содержания. Нельзя сказать, чтобы это было чистымъ нововведеніемъ, потому что и прежде, подъ предлогомъ наставительности, приводились подобныя повѣсти; но въ послѣдствіи эти разсказы стали собираться безъ всякаго намѣренія научать любознательнаго читателя. Впрочемъ, эта литература вовсе не оскорбляла вкуса читателей, называя вещи ихъ именами и давая много воли

выражено; потому что понятия о литературных принципах были тогда вовсе не так строгие, как теперь. Съ течением времени образовался особенный разряд шуточных сборниковъ, подъ названіемъ *Facetiae* (Фасетіае), которые долго держались въ западныхъ литературахъ, нахотя себѣ множество читателей. Надъ собираніемъ фасетій т. е. смѣшныхъ и скандальныхъ разсказовъ и анекдотовъ, остроумныхъ преречіи и шутокъ, трудился иногда люди, очень известные серьезными заслугами и ученостію: назовемъ между ними знаменитаго въ свое время Подаіо Бречіо нини, которого ныне считаютъ даже основателемъ этого направленія въ популярной литературѣ. Но крайней мѣрѣ современнъ выходъ его Фасетій, отразилось сильное соревнованіе и издано было много другихъ Фасетій, собранныхъ съ большимъ или меньшимъ искусствомъ. Подаіо упрекани, что книга его не можетъ быть ч еніемъ при немъ для человека скромнаго; въ своихъ *Invectiva* противъ Ларгентія Ватты онъ защищается такимъ образомъ: *quid mirum: facetias meas, ex quibus liber constat, non placere homini inhumano, vasto, stupido, agresti, dementi, barbaro, rusticano? At ab reliquis aliquanto quantum doctioribus probantur: leguntur et in ore et manibus habentur, ut velis nolis: rumpantur licet tibi Codro illa: dilusa sint per universam Italiam; et ad Gallos usque, Hispanos, Germanos, Britannos, caeterasque nationes transmigrarint, qui sciant Latine loqui. Libet enim et mihi Valleam pectantium praec oculis habenti paululum gloriari.* Стояли его были совершенно непредвидимы: Poggi Florentini *Facetiarum liber*, итальянскій первоначально, с. л. et al. въ 1470 г. въ Римѣ и въ Венеціи, имѣлъ много изданій въ XV и XVI столѣтіяхъ; переводы Итальянскій и Французскій такъ же получили значительный успѣхъ. Прямѣръ Подаіо имѣлъ множество подражателей; Латинскій языкъ не мѣшало конечно распространенію фасетій, потому что былъ въ то время языкомъ образованнаго общества и доступенъ былъ для читателей публики. Надъ повѣствованіемъ Подаіо наиболѣе известна была сборники Генриха Вебеля, Францини, въ особенности *Jocosaria Melanchroa Jocosum atque sciorum libri II. 1600*. Но скоро Фасетіа появились и на другихъ языкахъ. Въ Итальянскій литературѣ пользовалась большою любовью читателей *Modi e*

facezie Арлотто, сборникъ Корнаццани, *Facetie et moti arguti* Домешки; во Французской — знаменитѣйшая книга этого рода есть *Moyen de parvenir*, приписываемая обыкновенно Бернанду де-Вервиллю, но рѣзкость сатиры, сила выраженія, самообытность этого произведенія заставили некоторыхъ видѣть въ немъ трудъ Раблѣ. Менѣе замѣчательны другіе Французскіе сборники, напр. *le Parangon des nouvelles honnêtes et délectables*, *le Facétieux reveille-matin*, *Facétieuses journées*, *Contes à rire*. У Шмидца лучшія произведенія этого рода: *Scherz mit der Wahrheit*, и *Schimpf und Ernst* Иоганна Паули, составленные старательно и разборчиво. Любопытно, что въ старинной описи библиотеки нашихъ государей въ XVII столѣтіи упоминаются некоторые изъ этихъ юмористическихъ сборниковъ, напр. «Демокритусъ смѣющійся» т. е. *Democritus ridens*, одинъ изъ забавнѣйшихъ сборниковъ фанецій; сюда же относится безъ сомнѣнія «книжка на Шмецкомъ языкѣ о грубіяномъ мужикомъ невѣжествѣ» (см. Моложикъ 1844, стр. 147, 144). Содержаніемъ всѣхъ этихъ книгъ были по большей части какія нибудь смѣшныя приключенія, насмѣшки надъ легковѣріемъ и непостоянствомъ женщинъ, педагогичностью поселянъ; здѣсь выставлялись комическія стороны общественной жизни, забавные недостатки или призыванія разныхъ сословій и т. п., такъ что сборники фанецій примыкаютъ къ чисто-сатирической литературѣ; наконецъ здѣсь приводились остроумныя изреченія и фарсы. Всего менѣе была возможна при этомъ какая нибудь задуманная иль иль или точное распределеніе содержанія. Въ подлинныхъ собраніяхъ помещались и обширныя повѣсти, точно такъ же, какъ старинныя собранія повѣстей въ родѣ *Cent nouvelles antiques* или *Cent nouvelles nouvelles*, похожи иногда на фанеціи: въ послѣднемъ нередко повторяются сюжеты, находящіеся въ книгѣ Поджіо; повѣсти Мордани такъ же близко подходятъ къ этой категоріи.

Фанеціи рѣзко напоминаютъ эпоху своего появленія особенными приходами остроумія, которыми нельзя отказать ни въ плодотворности, ни въ забавности. Въ послѣдствіи шуточные сборники конца среднихъ вѣковъ удерживались только въ литературѣ популярной, потому что считались уже нарушающими принятые вкусы и приличія. Такъ и наши зубочныя кар-

тинки, шедая въ то же безцеремонное остроуміе, сходится, напримеръ, съ Французскими народными книгами подобнаго направленія: Пизаръ, упоминая эти послѣднія, отказывается отъ ихъ разбора и отсылаетъ читателя къ спеціальнымъ изслѣдованіямъ (*Bibliotheca scatologica* въ *Journ. de l'amateur de livres*, т. 2. *Nisard*, *Hist.* 1, 436). Крайнюю степень развитія этой шуточной литературы можно видѣть въ чрезвычайно любопытной книжкѣ, изданной въ первые годы XVII-го столѣтія подъ названіемъ *Facetiae Facetiarum*: здѣсь обыкновенные сюжеты фанесій передаются въ ученой формѣ: это — собраніе ученыхъ диссертаций о самыхъ вздорныхъ и забавныхъ предметахъ, диссертаций, на которыя потрачена однако страшная эрудиція, со множествомъ цитатъ изъ древнихъ и новыхъ писателей и строгими приѣмами схоластической науки. Эта пародія хотя и годилась для однихъ занесенныхъ ученыхъ, но представляетъ немало шутокъ истинно курьезныхъ.

Въ старинной Польской литературѣ западные фанесіи приняты были съ большою охотой и даже затронули народную юмористическую струну. Къ тому времени и къ тѣмъ обстоятельствамъ можно относить происхожденіе нѣкоторыхъ народныхъ анекдотовъ, которые хотя и имѣютъ у насъ большую извѣстность, но едва ли могутъ считаться произведеніями самобытнаго Русскаго юмора. Не имѣя достаточно фактовъ для точнѣйшаго опредѣленія вопроса, остановимся на одномъ шуточномъ сборникѣ, переведенномъ съ Польскаго во второй половинѣ XVII-го вѣка. Это — *Сялэотворная повѣсти, contes à rige*, которыя, какъ означено въ Толстовскомъ ихъ спискѣ, содѣръ съ Польска *испрѣклетна* языка и читать поданы сто осмьдесятъ осмага 7188 = 1680, померіа для осмага; преведнаго же имя отъ б начинаемо, въ числѣ аѣгъ сладемо». Такимъ же образомъ этотъ Повгородъ-сѣверскій переводчикъ означилъ свое имя въ переводѣ книги Іоаннакіа Гавиловскаго, по Толст., рукописи 2. 26. Подлинникъ нашихъ повѣстей есть, безъ сомнѣнія, книга, описанная Мантлевскимъ: *Facetiae polskie. Żartowne a trefne powiesci biesiadne, tak z rozmaitych authorow, iako tez y z powiesci ludzkiej zebrane* и пр. *Pism.* 3. 169), которой мы однако не имѣли подъ руками.

Вообще о фанецяхъ *Grässe, Lit. Gesch.* 2, 3, 684—688. — *Chalcivias*, 262 ff. — *Gervinus, 4-te Ausg.* 2, 301 ff. и др. Въ 1836 г. вышли двѣя изданія по этому предмету, принадлежащая Ивн. Губу 1. Die deutsche komische und humoristische Dichtung seit Beginn des XVI-ten Jh. bis auf unsere Zeit. Von Ignaz Hub, 2 Bde. 2. Die komische und humoristische Literatur der deutschen Prosaisten, его же.

Синьки — Толст. 2, 47 Губа, Б. кн. XVII, Q, 12 рукоп. XVII в., л. 4—63. Франки сиречь пидваки *фавенци* или жарты польски, пидваки смѣхотворны ясковски и т. д. на второмъ л. шпакети смѣхотворны, есть же и злыхъ обыкостей обличительны, превезены съ Польскаго языка и пр. листы очень перемѣшаны, далѣе, л. 63. исторія кратка о Бохоѣ, еже есть о землѣ Чешской, кракая Чешская исторія, совершенно не кстати принята г. Сахаровымъ за Русскую народную сказку Р. С. Сиб. 1844, стр. 82.

— Забѣлка, рук. кажется XVII в., на 69 лист., № 70, не имѣть общаго заглавія. Здѣсь лучше сохранился составъ сборника, повѣстей немного больше, но Толстовскія сирѣчь правдылѣ написаны.

— Въ каталогѣ Бауле, подъ № 84, какъ сообщено намъ г. Тихомировымъ, находится книга фанецій или жарты собрание анекдотовъ и шутокъ, переводъ съ Польскаго, конца XVII в.

Польскій сборникъ Фанецій былъ очень похожъ на подобныя сборники XVI и XVII вѣковъ литературы, такъ что по содержанию Русскаго перевода можно составить довольно ясное понятіе объ этой отрасли древней литературы. Въ началѣ его помѣщены разказы и анекдоты о знаменитыхъ мужахъ древности, повторенные на нѣсколькихъ языкахъ, напр. анекдотъ «Auguste Cesarъ и о полѣ битвы при Арденнахъ» (Zabka, л. 1. есть *Virgilius jocus in caesarem* и *Virgilius jocus in caesarem, sive de melancholiae*, Amst. 1655, р. 16; анекдотъ «Auguste Cesarъ и о бѣнѣжнемъ его сапожникѣ» заключаетъ то же, что въ Декамеронѣ X, 4. разказывается о королѣ Альфонсѣ; «Auguste и о кунцѣ Римскомъ и о любомудрїи Августа» находится въ Schimpf und Ernst, wdt. 1535, f. *laury*, wie ein Romer ihl schuldig was, — далѣе же

помещены и другой анекдотъ «о юности подобнаго Августу», *wie einer dem Keyser gleich sach*. Въ новыхъ анекдотахъ дѣйствіе происходитъ отчасти въ Итацію, но чаще въ Германію, напр. въ одномъ случаѣ бѣгутъ за покупками въ Шюрибергъ, въ разсказѣ «о Каролѣ кесарѣ и обличеніи пшеницы», этотъ послѣдній говоритъ: «ахъ ли Гаузеъ Шиллеръ, пившій у Френха?» и т. п.; отсюда обнаруживается Нѣмецкое происхожденіе Польскихъ жартъ.

Помѣщенные далѣе рассказы любопытны иногда по своему отношенію къ нашей популярной литературѣ и народнымъ анекдотамъ, вѣроятно отсюда заимствовавшимъ иногда свои сюжеты. Много повторяется и въ «Похожденіяхъ Ивана гостиняго сына», гдѣ передѣланъ и старинная рукописная исторія о Фролѣ Скобѣевѣ; сочинитель ихъ и здѣсь могъ пользоваться источникомъ рукописнымъ. Замѣтимъ нѣкоторые, болѣе извѣстные, рассказы:

— «О раздробившемъ по писанію кури»: странникъ приглашенъ бѣгать по обѣду, и когда хозяева просили его разрѣзать по писанію курицу, онъ голову курицы отдать хозяину, шейку — его женѣ, крылья — дочерямъ, ноги сыновьямъ, а себѣ взять все остальное (Пох. Ивана, гост. сына 2, 8).

— «О послѣднемъ идавшемъ сына учиться по Латинѣ»: какъ отецъ проучилъ сына, который, воротившись изъ школы, уверяетъ, что знаетъ по Латини, а на дѣлѣ умѣлъ только къ каждому слову прибавлять *us*. Анекдотъ, передаваемый у насъ о Маторосіянцѣ, у котораго сынъ учился въ бурѣ, находится уже въ книгѣ Томы Мурера, извѣстнаго Нѣмецкаго сатирика XV — XVI стол., подъ заглавіемъ: *Der Schelmenzunft anzeigung alles weltläufigen mitwills, Schadekheiten und Bähereien dieser zeytt* (первое изд. 1512), и въ Латинскомъ переводѣ ея поэта-ларвеата Флигера: *Nebulo Nebulorum, hoc est jocosaria vernaculae nequitiae censura*, 2 ed. 1634, p. 62 — 63 ср. *Flügel*, *Gesch. d. komisch. Liter. Liegn. u. Leipz.* 1786. 3, 196.

— «О дву дѣвнцахъ и о баберѣ» повторяется въ простонародной книгѣ: «Старичокъ-Весельчакъ» Спб., 1789 (о непостоянной дѣвницѣ). Рассказъ находится такъ же въ сборн. Забѣлуша, XVIII в., 1° 69 т. 196 — 197.

— «О еншарѣ» т. е. скульпторѣ: о томъ, какъ онъ наказалъ любезника, волочившагося за его женой, — разсказъ близкій къ фавлю *du prêtre crucifié* (*Duclor*, 397) и къ одному Малорусскому анекдоту.

— «О шныкѣ (т. е. франкѣ) и о демонѣ», анекдотъ, находящийся съ некоторыми вариантами въ *Poggii Facetiarum liber* (*Lipczk* 1491; de homine qui in somnis autum reperiebat, въ повѣсть Морлини *de Insore quem diabolus deserit*, въ *Moyen de parvenir ch. xlv* и др.

— «О индерманскомъ таѣ», — озаветная дубочная сказка о ворѣ и бурой коровѣ, пересказанная и Далеми.

— «О дву таѣхъ и о протопопѣ» т. е. плѣбанѣ, какъ онъ вылезаетъ отъ полагры, въ *Пох. Пива гост. сына 2*, 113—116; тамъ же 1, 71 разсказано чудесное выздоровленіе больного, какъ здѣсь въ исторіи «о реценторѣ Каллимахѣ».

— «О невѣжливомъ гостѣ» пересказано въ *Пох. Пива гост. сына 2*, 11—12.

— Анекдотъ «о судяхъ и о малопріемливѣ», гдѣ разсказывается, какъ ловко судья рѣшилъ споръ двухъ противниковъ, изъ которыхъ одинъ подарилъ ему рыцаря, а другой лошадей, — находится въ *Schimpf und Ernst, f. xxiij*: wie ein richter bestochen ward von beyden teylen, въ *Xebulo Xebulonum* Флитнера, 2 ed. p. 100—102 и дважды въ *Democritus ridens* p. 1, 69.

Въ рукописи г. Заблужна сборникъ французскій раздѣляется на двѣ части, и вторая, л. 39, представляетъ исключительно «карты о женахъ и хитростехъ ихъ», первообразы которыхъ находятся по большей части въ фавляхъ, повѣдахъ и народныхъ разсказахъ. Замѣтимъ некоторые:

— Анекдоты о Сократѣ и Пиктакѣ и женахъ ихъ, находятся въ *Democr. ridens* p. 29 *pluvia Socratica*, и p. 27 *concordia*, гдѣ вмѣсто Пиктака является действительнымъ лицомъ *Leo byzantius sophista*.

— Разсказъ о досадливой женѣ, утверждавшей, что думъ не покомить, а постричь, мы видѣли уже въ «Большомъ Зеркалѣ», постъ фавлю *du pre tondu* онъ повторяется съ различными вариантами въ «Смѣющемся Демократѣ» p. 124 и

licum pertinacia), фацеіахъ Фришона р. 269, далѣе въ *Contes du sieur d'Ouville, Moyen de parvenir* и многихъ другихъ сборникахъ. Мы встретимся съ нимъ и въ чисто-народной скалкѣ.

— «О тяжести права женскаго»: во время бѣги на морѣ, плаватели рѣшились выбросить за бортъ свой грузъ для облегченія корабля: одинъ изъ нихъ вмѣсто кладя выбросить жену, говоря, что тяжесть этого для него ничего не было ни дома, ни на кораблѣ.

— «О упрямствѣ жены»: когда она утонула, то мужъ отправился искать ее вверхъ по рѣкѣ, не думая, чтобы она и здѣсь оставила привычку идти наперекоръ волѣ и каждому, — изъ фацеіи Подакіо de eo qui cogit in flumine receptam quaerere.

— «Жена грамотѣ научила мелевѣя» Заб., об. л. 13, передѣлка разсказа о томъ, какъ Эйленштетель въ Эрфуртѣ училъ грамотѣ осла.

— «О молодыхъ и о старомъ», какъ послѣдній дождь отпугнулся отъ молодыхъ женщинъ, хотѣвшихъ надѣе на немъ посыпаться, — изъ фацеіи Подакіо: juvenularum a salvo quodam faceta dilusio.

Нашаки на женщинъ интересны были для старинныхъ читателей, потому что стояли въ уровенъ съ ихъ понятіями: фацеіи примыкаютъ въ этомъ отношеніи и къ стариннымъ «словамъ о женахъ» и къ разнымъ народнымъ анекдотамъ изъ домашней жизни и юмористическимъ изображеніямъ, какія давно уже появились вълубочныхъ картинкахъ. Мы упомянемъ здѣсь только объ одномъ собраніи повѣстей, которое встрѣчается въ старыхъ сборникахъ и принадлежитъ безъ сомнѣнія Русскому составителю. Въ старомъ Русскомъ быту женщина играла незавидную роль: въ этомъ согласны и отечественныя свидѣтельства той эпохи и замѣчанія иностранныхъ путешественниковъ и даже народная наша поэзія, всегда впадающая въ унылый тонъ, когда изображаетъ судьбу женщины въ родной семьѣ, въ чужихъ людяхъ. Понятенъ поэтому тотъ враждебный взглядъ на женщину, какой можно замѣтить уже въ древнѣйшихъ памятникахъ нашей литературы: отъ нихъ и до подлинныхъ сочиненій XVII вѣка, письменность наша представляетъ не-

прерывный рядъ болѣе или менѣе рѣзкихъ выраженій этого взгляда. По вѣрному замѣчанію г. Забѣлина, переводныя произведенія духовной литературы и особенно сочиненія Златоуста, пользовавшіеся большимъ авторитетомъ, имѣли свое значеніе въ приложеніи къ самому Русскому быту. По крайней мѣрѣ, все наши моралисты, начиная съ Даниила Заточника, часто повторяли положенія, встрѣченныя ими въ подобныхъ произведеніяхъ: Домострой въ нравственныхъ требованіяхъ своихъ перѣдко слѣдовалъ готовымъ правиламъ; даже дѣтисписны считали нужнымъ вооружаться противъ «злыхъ женъ». По текстамъ словъ «о злыхъ женахъ», приведенныхъ въ упомянутой прежде статьѣ о псевдонимахъ (Ив. 4, 126—136), можно видѣть, что готовый матеріалъ легко соединился съ мыслью Русскаго сочинителя: прибавивъ къ сентенціямъ Даниила или выискавъ изъ Златоуста нѣсколько новыхъ вариантовъ, сочинитель вполне владеть свои понятія. Литературныя отзывы о «злыхъ женахъ» оставались одни и тѣже во все продолженіе до-Петровскаго періода; несмотря на все постоянство этихъ мнѣній, была еще потребность въ суровой характеристикѣ женщины, и Русскія «слова о женахъ» доходять иногда до крайности въ своемъ обличительномъ тонѣ.

Упомянутая здѣсь о нихъ, мы имѣемъ въ виду связь ихъ съ литературой повѣствовательной. По большей части, цѣль ихъ бываетъ чисто дидактическая; сравненіями и уподобленіями дѣлалось наставленіе тому, кому оно было нужно, и примѣры историческіе завершали сказанное. Одно изъ такихъ словъ начинается вопросами: «егда загорится хранина, чѣмъ ее гасити? водою. Что болѣе воды? вѣтръ. Что болѣе вѣтра? гора. Что силнее горы? человекъ. Что болѣе можетъ человекъ? хмель: отнимаетъ руки и ноги. Что лютѣе хмеля? соль. Что лютѣе сна? жена зла». Въ другомъ словѣ (Рум., I, 359, л. 267—270), авторъ разсуждаетъ такимъ образомъ: «случе есть во утлѣ корабли плавати, нежели злои женѣ правла повѣдати: корабль утлѣ товаръ потопляеть, а злоа жена домъ мужа своего цуеть створяеть и самого мужа своего погубитъ. Немочно человеку плыти въ полѣ занца постычи, а со злою женою спасенія не добыти. Злоа жена отъиане ангеломъ, угоженіе шаволе». Иногда

для бо́льшого ублаженія, кромѣ примѣровъ историческихъ, приводились и анекдоты, какъ едѣвать и Даниилъ Заточникъ (р. Пав. 3, 136). Изъ подобныхъ «словъ» мы заметили одно, подъ заглавіемъ «беседа отца съ сыномъ о женской злобѣ», обширнѣйшее другихъ и составленное безъ сомнѣнія Русскимъ сочинителемъ изъ тѣхъ матеріаловъ, какіе онъ могъ имѣть въ XVII или XVI столѣтіи.

Вотъ некоторые списки бесѣды : — Румянн. , 1^о 363 сборн. XVII в. д. 313—313 - бесѣда премудра и челолюбива отца преданіе и поученіе къ сыну спискателю отъ различныхъ писаній богомудрыхъ отцевъ, и премудраго Соломона, и Иуса Сирахова, и отъ многихъ философовъ и искусныхъ, о женствѣ злобѣ, нач. послушай, сыне мой приключи ушесъ свои, выши словеса усть моихъ, да скажати. Исперва сотвори Богъ человека симаго отъ всѣхъ стхнъ и пр.

— Толст. 2. 181 Публ. Б-ки XVII. Q. 35 сборн. XVII в. д. 365 -378 - бесѣда отца съ сыномъ, спискателю отъ различныхъ писаній богомудрыхъ отцевъ, отъ премудраго Соломона, отъ Иуса Сирахова и отъ многихъ философовъ, отъ искусныхъ мужей, отеческая преданія къ сыну, о женствѣ злобѣ, и обоихъ вкупѣ. (sic), нач. -послушай, сыне мой, выши словеса и пр. — Толст. 2. 140 д. 868—888 не одна чертѣна въ описаніи и перемежающиеся отрывки той же бесѣды.

— Царск. , 1^о 131 сборн. XVII в. д. 1—63 - бесѣда отца съ сыномъ и т. д., отеческое преданіе и наказаніе къ сыну о женствѣ злобѣ и о сыновней добродѣтели, обоихъ вкупѣ, нач. почти такъ же.

Женская злоба казалась до такой степени сильною и непреодолимую сочинителю «бесѣды», что главная мысль ея—развитіе аскетическихъ положеній во всей ихъ обширности. Чтобы сберечь сына отъ несчастій, какія можетъ навлечь женская злоба, отецъ совѣтуетъ ему совершенно избѣгать женщинъ, и въ отвѣтъ на сомнѣнія сына представляетъ разительные примѣры этого зла. Послѣ разсказовъ объ Атамѣ и Евѣ, авторъ, по повѣрѣннѣйшему Румянн. списку, разсуждаетъ о томъ, что отъ

жень «многія крови проілася и царства разоринася и паріе отъ живота гонзнула», что «горе граду тому, всемаже владѣтельствуєтѣ жена: горе дому тому, имже владѣтѣтѣ жена: аю и мужу тому, имже слушаєтѣ жєнь»: онъ съ полнымъ простодушіемъ повторяєтѣ упрєки жєнщинамъ, сдѣланные еще І. Златоустомъ: «украшають бо тѣлеса своя, а не душу, улы своя связали шолкомъ, дѣбы своя потягнули жємчюгомъ, ушеса своя завѣсли драгими рѣсама, да не слышатъ гласа Божіа, ни свѣтыхъ книжь почитанія, ни отговѣ своихъ духовныхъ учєній»: указываєтѣ, какое зло приноситѣ жена въ семейный бытъ, лишая покоя своего мужа, и такъ далѣе: «скєнскій разумъ, говоритъ онъ, яко храмна непокровєнна и яко вѣтрию на веру горь, скорообразно вертєнєся...: дутчє купити кови, или вола, или ризу, нежели злу жєну поняти». Подобными словами хорошо выражаются тѣ понятія, изъ которыхъ развились и народныя наши изрєчєня: «бабій языкъ — чоргово помєло, выметєтѣ изъ дому и хитрєна и мудрєна» — «гдѣ бѣсѣ не сможєтѣ, туда бабу пошлєтѣ» — «бѣй жєну до дѣтей, а дѣтей до людей» — «жєнщину немочь догадка лечитѣ» — «жєна не горшокъ, не разобѣтєся» и т. п.

На возраженія сына, отецъ приводитъ характеристику жєнщинъ, угодобля ихъ дикими звѣрями и вообще описывая ихъ самыми мрачными красками. Онъ перєсчитываєтѣ такимъ образомъ жєнщинъ: 1) лєстивую и провърливую, 2) сварливую и злоязычную, 3) крадливую и лукавую, 4) лєстивую... 5) обавнину и еретичу, 6) медвѣдичу и ливну, 7) змию и скоричю, 8) ехидну, 9) змию и василиску, 10) асидя. Вотъ напримѣръ жєнщина, преданная колдовству: «идѣтєка начєтѣ у проклятыхъ бабъ обавничєства навѣкать и еретичєства некатѣ, и вопрошати будєтѣ многихъ, какобѣ ей за мужь выти и како бы ей мужа обавити на первомъ ложкѣ и въ первой банѣ, и вѣнєтѣ обавничєковъ и обавничєвъ колдуновъ и колдунєй, *Толст.* 2. 281. и волшебствє сатанинєскихъ, и надѣ лєтєвою будєтѣ шєнты ухитрѣти и подѣ и дѣ подєшнѣти, и въ возглавїє и въ постєлю вѣнѣвати, и въ порты рѣзѣнчи, и надѣ чѣломъ вѣнѣнєчи, и всєкїя придумившїєся къ тому промышлѣти, и корєнїємъ и травами примѣшѣти, и всѣмъ патѣ мужємъ чарєствє, сердце еєо высєствє,

твю пошннть, красоты въ ннѣ по оцарствъ, и во очесехъ свѣтлостъ поубннть, и воилому въ поновеннѣ стожнть и пр. Въ томъ же рѣчѣ составлена и третья описаннѣ, въ которыхъ нннѣ та видна черта именно Русскнхъ бѣдъ. Обннннмъ характеромъ повѣствованнѣ нннѣ Бесѣды отцу съ сыномъ напоминаетъ другое соотечественное повѣствованнѣ, принадлежаннѣ Французской литературы: *Chastement que le peres enseigne a son fils Barb-Mon, Fables 1808. 2, 39—183* — переводку известнаго сборника Петра Андреевна, составленнѣ въ XI—XII столѣтнѣ. Рассказы, въ которыхъ отецъ передаетъ сыну нравственные уроки, разошннѣ въ послѣдствнѣ по всей Европѣ и получили особеннѣную предѣсть подъ перомъ Боккаччнхъ и другихъ повелннннхъ; нннѣкоторые мнѣ думаютъ, говори о Римскнхъ Дѣвнннхъ; но здѣсь видна на женщину, какъ и въ нашей Бесѣдѣ, отличается мрачною холоднѣннѣннѣ. Въ раннихъ нравственнѣныхъ сентенннннхъ, *tirades d'une morale fort insipide et quelquefois très-malhonnette*, по выраженнѣю Лестрава *Fabl. 1779. 1, 194*, отецъ убеждаетъ сына избѣгать женщинъ, какъ дѣлалъ австрей. Отецъ говоритъ, напрнннмѣръ, сыну :

Beaux fils, sui lion et dragon,
Ora, liepart, et escorpion.
La male fême ne sui me
Por losenge que l'en te die
Prie Dieu molt devollement
Le gloriox omnipotent,
Qu'il te deffende de lor art,
Et tu te gardes de ty part.

Сынъ просннѣ отца разсказатъ ему о ннннхъ, quar com plus ge les connoistroie, de tant miez garder m'en portroie, — и отецъ сообщаетъ ему три поветнѣ de la male feme. Такнѣя понятнѣя протнѣвляются и въ другихъ произведенннхъ средне-вѣковой повлѣннѣ. Не смотря на рыцарское уваженнѣе къ женщинѣ, отличающее эту эпоху, литература представляетъ нннѣный рядъ любовнннхъ разсказовъ, основанннхъ на правннѣ, что тѣлесное наказаннѣе необходимо для укрощеннѣя злыхъ женщинъ и для покарженнѣя добродѣтели ннннхъ. Рассказы о томъ, какъ мушкетнѣ находннѣло въ палатѣ лучшее средство къ поддержаннѣю до-

машинго счастья, съ одобреніемъ повторяются у многихъ итальянскихъ повелителей, даже у Боккаччо, въ повелѣніи о Соломоновомъ судѣ, Decameron. IX. 9. Такая же мораль не разъ проповѣдуется и въ фавль, напр. de la dame qui fut corrigée. Въ романѣ Milles et Amys, написанномъ въ самую блестящую пору рыцарства, развивается мысль, что — la mauvaise femme convient il battre et la bonne aussi a fin qu'elle ne se change, — дурную жену надобно бить, да и хорошую такъ же, чтобы она не переѣдилась (ср. Dunlop 249). Нельзя однако проводить аналогіи между этими примѣрами и нашими памятниками: что въ одномъ случаѣ было явленіемъ исключительнымъ, то въ другомъ является обыкновеннымъ и постояннымъ фактомъ; наша бесѣда удачно совмѣщаетъ особенности отзывовъ о женщинахъ, которые представляются въ старой письменности Русской.

Вслѣдъ за общою характеристикою, сочинитель, отвѣчая на возраженія сына, указываетъ примѣры Адама, Ноя, Лота, Давида, и когда сынъ находилъ себя достаточно укрѣпившимся противъ женской прелести (т. е. коварства и обмана), очень отвѣчалъ, что не слѣдуетъ надѣяться «на мужество свое и на храбрость, еже жити со зѣремъ симъ — т. е. съ женщиной, — что укротити его, свирѣбе и безетудѣе суще полскихъ зѣрей, невозможно еси убѣдати лютеости ея: обрѣли бо еси въ писаниихъ, кто Соломона премудрого премудрей, или кто Самсона сильнѣе и Александра храбрѣе, — и они отъ женъ пострадали и скончашася» и пр. За тѣмъ очень приводитъ слѣдующія исторіи:

— Въ «Старчествѣ» т. е. книгѣ этого названія нашель оны исторію о томъ, какъ злая жена прельстила старца въ пустынь, погубила мужа и шестерыхъ дѣтей и наконецъ была сама наказана жестокою смертію (Румянц., об. л. 531).

— Повѣсть «аро ѣкокого мужа» (л. 533): «...прошедше въ домъ къ женѣ вдовицѣ и хваляху людіе ему, да ея оженитъ ею, понеже юнѣ блже; онаже окаянная злоуравно съ нимъ живяше ѣколко лѣтъ. По времени же умре жена, оны же начать продавати дѣти своя и ея; людіе же кляняху его: что тако творити? Оны же рече: егда возрастуть и будутъ обычаемъ въ

матеръ свою, тогда и меня продадутъ. И плакася о женѣ своей, людѣ же глаголаху: почто плачешися? Онъ же рече: плачюся, дабы другая такава не была» (ср. Псал. 4, 136). Здесь присоединено такъ же изреченіе: «и блжнн чловкъ рече,—бытъ есть въ трехъ нуждахъ: въ темницѣ, у шибалицы, и отъ дву нуждъ убѣжахъ, а отъ третии нужды, отъ злыя жены, не могу убѣжати.»

— Далѣе, л. 535, находится анекдотъ о Папиріи Римлянинѣ; указанный прежде въ Римскихъ Дѣлїяхъ и приведенный здѣсь по другой редакціи.

— Наконецъ упомянутая нами въ числѣ судовъ Соломоновыхъ повѣсть о Даркирѣ или Декирѣ, на л. 538—542, съ тѣмъ же заключеніемъ: «и рече царь: обрѣтохъ въ тысячнн много мужей мудрыхъ, жены же мудрыя не обрѣтохъ ни во тмѣ единыя.»

Замѣтимъ здѣсь и притчу о старожъ мужѣ въ Толст. 2, 230 сборн. XVII—XVIII в. об. л. 38—41, нач. «бысть старшн мужъ велии старъ, и сватася ко прекрасной дѣвицѣ, такъ же въ Ногод. А^н 1776 рук. XVIII в. л. 4—8 «сказаніе о старожъ мужѣ и о прекрасной дѣвицѣ, нач. почти такъ же. Старшн мужъ предлагаетъ дѣвицѣ слугъ и рабынь и портницъ многоцѣныхъ: «украшу тебя, говоритъ онъ, аки цѣль въ чистомъ полѣ и аки паву и птицу прекрасную, аки Волгу рѣку при дубравѣ, и упокою ты во всемъ нарядѣ, и сотворю тебѣ ширъ величїи, и на ширѣ вею всякую потѣху играти гусляркомъ и трубникомъ, — но дѣвица обличаетъ его, не жалья рѣкихъ выраженїи.

Возвращаемся къ «Смѣхотворнымъ повѣстямъ». За коротенькими анекдотами въ сборникѣ помѣщены довольно обширные разсказы, принадлежаніе области средне-вѣковой повѣсти. Одинъ изъ нихъ «о женахъ, ободетившихъ мужей, како мужъ претъ женою кался» (Т., об. 44—53 (Заб. об. 56—64) есть передѣлка сюжета, знаменитаго въ средневѣковой литературѣ: замѣтимъ здѣсь только редакцію его въ басняхъ Бюшана, въ фавльо de la dame qui fit accroire à son mari qu'il avait tevé или les cheveux coupés, въ Декамеронѣ VII. 4. 8., и въ Cent nouvelles nouvelles, nr. 64.; обширная литературная исторїя этого

сюжета собрана в издании *Facula, Ges.-Abenteuer* 2, xii—xiii. Для противоположности прежним рассказам, где женщины постоянно рисуются в неблагоприятных чертах, собиратель составил вторую повесть «въ поправление жєнамъ и во отвєдїе укорїзы на сїхъ, о жєнѣ благочестивой» (Т. д. 62, вариант рассказа, помещеннаго въ Schimpf und Ernst 1, *Leitij*, von Ernst das *eecl. xviij*). Третій рассказ «о жєнѣ благоразумнїи и мужѣ непотребнїи» въ Толст. д. 65, и въ Забл. сборникѣ № 69 д. 194—195, есть передѣлка фавла de la bourse pleine de sens, извѣстнаго и въ Шмєцкой литературѣ (см. Ges.-Abent. 2, xix—xxi, 219—239 von den ledigen wiben).

Наконецъ въ «Смѣхотворныхъ повѣстяхъ» перешли въ старинную нашу повесть и нѣсколько повѣдей Боккаччо, — фавла любопытнѣйшей по его неожиданности. Однѣ изъ повѣдей, взявшея непосредственно изъ Декамерона перешли въ Шмєцкїй подлинникъ Подсєкаго сборника, другїя отчасти передѣланы и взяты изъ другихъ редакцїи. Въ нашемъ сборникѣ находите четыре повѣдїи.

— «О дружбѣ, о Маркѣ и Шинелетѣ» (въ Толст. и Забл. спискахъ и въ сборникѣ Заб. № 69 д. 188—191), повѣд. Декамерона VIII, 8, гдѣ друзья названы Zerra и Spineloccio передѣлана въ Вохожд. Цвана гост. сына 1, 79—82.

— «О жєнѣ и гостѣ» (Т. 38, Заб. 43 «о жєнѣ, всадившея гостя въ подбѣжку», и въ сборникѣ № 69 д. 195—196), повѣд. Декамерона VII, 2, повторенная въ рассказѣ Морлини de adultero, qui uxorem in praesentia viri in dolio permanentis retromart delibabat, и во многихъ другихъ передѣлкахъ Ges.-Abent. 2 xxxvi—xli; наша повесть не слѣдуетъ тексту Декамерона, не имѣетъ картиннаго окончанїя Шмєцкїекой повѣдїи.

— Повесть «о господнѣ Петрѣ и о прекрасной Касандрѣ и о слугѣ Николаѣ» (Т. 53—58, Заб. 47—53, № 69 д. 191—194), есть очень близкая редакцїя повѣдїи Боккаччо, Decam. VII, 7; какъ и предыдущїй рассказъ эта повесть была значительно распространена, и извѣстна въ Шмєцкой обработкѣ (*Dandor* 242, 490.).

— «О жєнѣ, ободѣтвѣннєй мужа, якобы вєражєся въ владѣль» (Т. 58—62, Заб. 53—56 «о гражданкѣ унижающєйся

о жень его». — повелля Декамерона VII. 4, отмеченная там и въ повести о Семи Мудрецахъ. Она разсказана была прежде Боккаччо въ фэбльо de celui qui eufetta sa femme en une tour *Barb.-Mcon* 2, 99—107 и повторена другими Италианскими повеллистами.

Кромѣ того у насъ переведена была одна изъ прекраснѣйшихъ повелль Боккаччо и по мысли и по разсказу, *Decamer. II. 9*; это — повелль утѣшная о кунтѣ, которой зажалили другими о добродѣтели жена своего въ той же *Tout. русоисен* 1 86—101. Обширная литературная исторія этого сюжета, повтореннаго въ Индйскихъ сказкахъ Соматова, въ Тисячѣ и одной Пощи, въ Римскихъ Целіяхъ, во многихъ средне-вѣковъхъ повелляхъ и романахъ, изложена въ томъ же изданіи *Gesammitabenteuer* 3, LXXXIII—cxi. Некоторые обработки сюжета находятя въ библіаншей свѣдѣ съ повеллю Декамерона. Источникомъ этой повеллией считаютъ одно Французское стихотвореніе, но существовала и третья Италианская редакція разсказа, которую воспроизвелъ Савоико въ *Cento novelle scelte*: кромѣ стариннаго Швецкаго стихотворенія *von zwein kaufmannen* *Ges.-Ab.* 3, 357—382, довольно далеко отъ повелли Боккаччо, еть другая Швецкая обработка, болѣе съ ней соотвѣтная, именно паронная кунта: *Ein liephete histori und warheit von vier kaufmenden*, изданная въ 1489 году, — но она происходитъ изъ некоего датскаго источника, къ которому Гриммъ относитъ и повеллю Боккаччо.

Повелля исторія, сдѣланная по шведскому или нѣмецкому повеллю, едва ли не была непосредственнымъ переводомъ повелли Декамерона. Она явилась еще въ концѣ XVI столѣтія, и въ 1583 упоминаетъ въ Запискѣ о запрещеніи книгъ *librorum prohibitorum* *Jocher, Obraz* 3, 392. *Hiszpowska, Hist.* 7, 210; по указанію Делевеля, она была издана въ 1571 г., упоминается и въ нѣсколькихъ другихъ изданіяхъ, въ XVI-мъ и XVII-мъ стол. *Leb-wela, Bibl. ksiąg dwoje, Wilno* 1823—26, 1, 184—186, 2, 233. *Норбекъ, манускрипты: Historia krotobliwa o kupcu ktory sie z drugim zalozyl o enote zony swoocy, a on Hist. tva banze piekna o Barnabozu. Jako sie ten zony kupce z drugim kupcem o enote zony swoocy zalozyl o zokladu mienicy. Ws. stkrca cwyw. panon.*

ku pocieszę u przestrodze (*Мас., Piśm. 3, 88*). — такъ что въ заглавіи сохранилось имя Генуэца Вернабо, мужа героини. Русскій переводъ исторіи довольно удовлетворителенъ.

X.

Опыты Русской повѣсти. — Сказаніе о Савви Грудынь. — Рукопись старинны Мариі. — Повѣсть о Фроль Скобѣевъ. — Популярное чтеніе первой половины XVIII-го столѣтія: переводные романы и «жарты» или шуточные сборники.

Къ концу стараго періода нашей письменности, когда перешло въ нее много западныхъ повѣстей и романовъ, появляются и слабыя начатки самостоятельной Русской повѣсти. Нѣтъ сомнѣній, что въ старой словесности нашей не могла сколько нибудь полно развиться эта литературная форма, и то, что можетъ быть отнесено у насъ къ этому разряду произведеній, не имѣетъ никакого опредѣленнаго характера. У насъ невозможны были конечно исторіи съ рыцарскими похождениями и романтической любовью, но Русская повѣсть могла исполнить свое назначеніе и быть любопытнымъ памятникомъ литературы, если бы вѣрно рисовала отличительныя черты Русской дѣятельности. Какъ можно было пользоваться фактами нашего стариннаго быта, показывають отчасти немногіе опыты Русской повѣсти, извѣстные теперь по рукописямъ. Какъ на попытку романа указывали у насъ иногда *повѣсть о Савви Грудынь*, относя ея ко временамъ ц. Михаила Федоровича. Она встрѣчалась намъ въ нѣсколькихъ спискахъ; по видимому она читалась со вниманіемъ въ свое время: Толстовская рукопись повѣсти написана очень старательно и украшена картинками, — всего 22, — изображающими героя въ разныхъ случаяхъ его жизни. Сказаніе о Савви Грудынь есть какое-то соединеніе правоучительной повѣсти съ историческимъ разказомъ; въ немъ нѣтъ той живости изложенія, какою отличается Фроль Скобѣевъ, нѣтъ и такой одушевленной картины правды, нарисованной по поводу приключеній героя. Правоучительное направленіе, которымъ проникнута наша повѣсть, было общаю склонностью того времени, и сочинителю трудно было отъ нея освободиться; при всемъ томъ изложеніе не такъ страдаетъ отъ этого, какъ можно было бы ожидать.

Сюжетъ исторіи составляетъ судьба юноши т. е. Саввы, появившаго во власть бѣса, которому онъ далъ на себя запись, и потомъ чудеснымъ образомъ освобожденнаго отъ погибели. Отецъ его, Оома, отправляясь съ товарами въ Персиду и желая приучить сына къ торговымъ дѣламъ, поручаетъ ему ъхать къ Соли-Камской. Савва отправился и остановился въ Усольскомъ градѣ Орль у стариннаго пріятеля отца своего, «спрослытіемъ Бажена Второго.» Здѣсь завязывается у него любовная интрига, которая сначала шла удачно, но потомъ, послѣ одной размолвки между Саввой и предметомъ его страсти, принудила его оставить домъ Бажена. Юноша бытъ однако папосить «отравнымъ зельемъ,» отчего «снать яко ѣкій огонь горѣти въ сердцѣ его:» словомъ, онъ бытъ привороженъ къ своей любовной и нигдѣ не находить покоя. Въ это время начинаются сношенія его съ бѣсомъ, который обѣцалъ ничего не подозрѣвавшему Саввѣ поправить его дѣла, если только онъ дастъ ему рукописаніе. Едва умѣя грамотъ, Савва написалъ требуемое условіе, и не понимая самъ въ чемъ дѣло, отдалъ себя въ руки бѣса, который исполнилъ его желанія, и чтобы окончательно уловить юношу, представилъ его своимъ темнымъ властямъ. Между тѣмъ Оома, воротившись домой, удивлялся о безпорядочной жизни сына, и не имѣя отъ него никакихъ вѣстей, отправился его отыскивать. Савва, по совѣту своего новаго слугачика, идегъ вмѣстѣ съ нимъ въ Шую, поступаетъ въ солдаты и пріобрѣтаетъ любовь полковника иноземца, который училъ повобранцевъ. Царь Михаилъ Федоровичъ посылалъ тогда войско подъ Смоленскъ; туда идегъ и Савва, и при помощи бѣса оказывалъ удивительную храбрость, побѣдивъ на послѣдкахъ трехъ Польскихъ богатырей. Бояринъ Шеншъ удивлялся о его подвигахъ, призывалъ къ себѣ и узнавъ его происхожденіе, велѣлъ воротиться къ отцу: Шеншъ зналъ Оому Грудына и подозрѣвалъ что-то недоброе въ поступкахъ Саввы. Въ Москвѣ, бояринъ Стрешневъ, до котораго дошла молва о подвигахъ Саввы подъ Смоленскомъ, приглашаетъ юношу въ свою службу. Но векорѣ Савва сдѣлался отчаянно боленъ, и тогда только позналъ свое страшное положеніе, послѣ долгихъ страданій, потвергавшихъ опасности его жизнь, онъ спасается отъ смерти и

отъ власти бѣса. Конецъ его жизни отличался благочестіемъ и добрыми дѣлами. — Вообще, и по характеру сюжета и его пружинамъ, повесть вполне принадлежитъ своему времени: это зародышъ романа, какой возможенъ былъ для нашей старой жизни и литературы. Содержаніе взято безъ сомнѣнія изъ дѣйствительнаго событія, какъ и вообще старинная повесть рѣже, чѣмъ вымышленая, выбирала своими героями лица выдуманныя и идеальныя. Языкъ повести есть обыкновенный книжковый языкъ семнадцатаго столѣтія.

Списки: — Толст. 3. 34 Публ. Б-ки І. О. 73 рук. нач. XVIII в на 41 л. «повѣсть оубо сія о страха и ужаса исполнена и не пареченаго удивленія достойна, како челоуколюбивый Богъ, долготерпѣливъ свой, оказавъ нашегъ обращенія и неизреченными своими судьбами всякаго челоука приводить ко спасенію, еже бысть во дни сіи, и являеть челоуколюбіе свое надъ родомъ христіанскимъ», нач. «бысть оубо в лѣто 7114 (= 1606), егда за умноженіе грѣхъ ради нашихъ попусти Богъ на Московское государство богомерскаго отступника, еретика Гришку разстригу Огреншева... На картинкахъ изображается напр., какъ «Ома отъѣзжаетъ изъ града Казани, какъ жена Баженова подноситъ Савве волшебное зерце, какъ въ селѣ Павловѣ святии старецъ сказуетъ Савве, яко имѣеть братство съ дѣвоукомъ, и др.

— Погод. № 1774 сборн. XVIII в. д. 1—19 исторія Саввы Грушкова, бѣла пачата, писана разными почерками.

— Забѣл. № 73, сборн. XVIII в., такъ же неполный списокъ.

— Б-ки Моск. Общ. № 223 сб. пованн. сборн. д. 724—770 «повѣсть оубо претившая, бысть оу Фрошнѣ времѣнѣ, града Великаго Устюга дунитъ Ома Грушкова о свѣтъ его Саввѣ, какъ оупъ дате на себе дѣвоу рукописаніе и какъ изъбавленъ бысть милосердіемъ Пресвѣтлыя Богородицы Балаиския» — № 323 сборн. XVIII в. д. 195—213 «сказаніе, како ѡнкѣи юноша Савва, проливъшеи Грушкова, иде на себя бѣсу рукописаніе и съ нимъ ходише, и спасенъ бысть въ церквѣ Калужскѣи Пресвѣтлыя Богородицы во градѣ Москвѣ.

— Мы не дозволяемъ такъ же неполно по рукописноу исторіи на 27 лист. сообщеноу намъ г. Гешалт.

Намъ неизвѣстны, къ сожалѣнію, другія произведенія, въ которыхъ могли бы найтись остатки старой повѣсти: ограничимся потому одними указаніями. Въ рукописи XVIII в. бывшей бібліотеки Царскаго № 453 л. 47—95 находится, на примѣръ, «исторія о славномъ храбрѣмъ Александрѣ, кавалерѣ Россійскомъ:» не можемъ однако сказать, такого же ли рода герой этой исторіи, какъ Россійскій дворянинъ Фролъ Скобелевъ, или это личность вовсе не интересная. Есть указаніе о другой повѣсти или романѣ въ родѣ Фрола Скобелева — въ словахъ Макарова, который говоритъ, что въ старыхъ бумагахъ своихъ нашелъ повѣсть, «спавшуюся весьма просто, но обезображенную рукою времени»? по свидѣтельству его повѣсть носила такое названіе: «о томъ, что случилось и произошло съ Малленою, дочерью двинцею Иваносою пана Тарновскаго, и о томъ, какъ онъ панъ Иванъ прощалъ ее, и какъ панъ Подьяки все еще были въ ненависти противу Руси», герой повѣсти Русскій см. Пов. иль Рус. нар. преданій М. 1834, стр. 107, пр. . Жаль, что слова Макарова очень сомнительны: повѣсть могла существовать только въ его догадкѣ фантазіи, хотя онъ серьезно говоритъ о ней; передѣлка его не имѣетъ разумѣется никакого значенія. Назовемъ еще одно сказаніе, быть можетъ, передающее такую же семейную исторію, какъ Савва Грудыня: оно заключается въ сборн. Царскаго, XVIII-го вѣка, № 474 л. 92—157 подъ заглавіемъ: «сказаніе о участи о доблестившій и величій бояринѣ Феодосіи Прокошевѣ, во инокиняхъ Оеоторѣ, по геолоиенству земныя славы Морозова, о единородной ся княгинѣ Евдокеи и о союзинѣ ихъ Маріи.»

Вѣднѣсть старой нашей словесности въ приведенныхъ поэтическаго и свѣтскаго характера даже не разъ давала поводъ къ поддѣлкамъ и подделкамъ, но всегда они были грубы или не ловки. Таковы, на примѣръ, древнія Новгородскія румы, занимавшія Дерзавины; древнія Русскія поэмы, теперь будто отысканныя; вирораніе въ будущее», рукописи будто бы XI-го вѣка на древе-Сербскомъ языкѣ и т. п. Съ гораздо большимъ умѣньемъ складать были не таковы побоищныи поддѣлки, скоро впрочемъ удавшій и не имѣвшій поэтому успеха. Въ Новгородскихъ губ. Вѣдомостяхъ 1849 г. № 31, 32, 37 на-

печатана была по старинному подлиннику «Рукопись старинного жемчуга Марии, урожденной княгини Одоевской.» Это дневник Русской боярышни XV—XVI вѣка, жившей в Новгородѣ въ эпоху столѣтій; дневникъ описываетъ жизнь боярышни въ домѣ ея отца, вводитъ читателя не только въ домашнюю жизнь, но и въ среду политическихъ событій того времени. Иногда онъ удачно рисуетъ положеніе Русской женщины съ ролью въ семействѣ, съ ея чувствами и любовью, обставленнаго все это мелкими подробностями старинной жизни. Словомъ дневникъ казался драгоценнымъ приобретениемъ для литературы, въ которой до сихъ поръ не находили ничего подобнаго: это была изѣтъ и прекрасная старинная повесть. Но мистификація скоро открылась: г. Погодинъ обнаружилъ промахи и вѣдѣнаго сочинителя, который смѣшалъ Юанна III съ Юанномъ IV, упоминалъ Русскую печатную книгу за пятьдесятъ лѣтъ ея перваго появленія, перепуталъ названія старинныхъ чиновъ и должностей. Вѣдѣность описанной издателемъ рукописи такъ же выказала подлогъ сочиненія: рукопись названа харатьвою и—складенною столбцами, что дѣлалось, какъ извѣстно, только съ столбцами бумажными; притомъ харатья въ XVI столѣтіи есть излишняя роскошь, потому что тогда уже вошли въ общепользованіе не только бомбичины, но и простая тришная бумага. Г. Погодинъ перепечаталъ и самую повесть, въ переводѣ на наибѣншій языкъ, чтобы сдѣлать свои опроверженія несомнѣнными (Москвит. 1850. Л. 3, смѣт., стр. 29—61). Прибавимъ, что и предвѣренная неправильность книжнаго языка повести въ той же мѣрѣ не удалась автору. Вотъ нѣсколько фразъ съ начала, гдѣ сочинитель или слишкомъ насладовалъ древній языкъ XV—XVI столѣтій, или же вставилъ въ него повѣдѣніе обороты: «собаче и живише со невѣрны, не изменяеша обывати і егда придоша въ Великій Новъ-градъ, добе возлюбима его Вѣдыка, бояре и житоі люди и содѣлаша его діаконъ на вѣч правише *тыла земети*» «скадше бо ѹя треху мя и сѣтя дѣлѣдей обнемлющу, *неприменно*!» «себѣ самой смертное убойство сотворити, *ниже* тому быти»....

Напечатанная недавно по старой рукописи исторія *о Фро Скобелевѣ* представляетъ чрезвычайно любопытный образчикъ

старинной оригинальной повести. Въ ней легко и шприво рассказываются похождения этого авантюриста, его любовь къ боярской дочери Ашушкѣ, женитьба на ней противъ воли строгаго отца ея, наконецъ примиреніе съ нимъ и благоденствіе «Россійскаго дворянина». Содержаніе принадлежитъ конечно истинному событію и сначала могло передаваться въ устныхъ анекдотахъ; записанная форма повести обнаруживаетъ въ авторѣ умѣнье рассказывать: въ его простодушномъ изложеніи столько юмора, что и теперь повесть можетъ быть прочитана съ любопытствомъ. Случайность ея сохраненія позволяетъ думать, что она была не единственнымъ примѣромъ стариннаго романа, и что Фролъ Скобѣевъ имѣлъ своихъ предшественниковъ. Самостоятельный выборъ сюжета и его представленіе достойны вниманія въ томъ отношеніи, что повесть несколько не страдаетъ раздражительностью, какой легко было бы ожидать отъ Русскаго сочиненія подобнаго рода въ концѣ XVII и началѣ XVIII столѣтія. Въ концѣ прошлаго столѣтія исторія о Фролѣ Скобѣевѣ передѣлана была Ив. Новиковымъ въ «Похожденіяхъ Ивана гостиннаго сына подѣ заглавіемъ: «Новгородскихъ дѣвухекъ святочныи вечерь сыгранной въ Москвѣ свадебнымъ» (I, 112—152); исторія передается здѣсь съ нѣкоторыми измѣненіями и большими подробностями, и въ новомъ своемъ видѣ представляетъ любопытныя черты стараго Московскаго быта, въ половинѣ XVIII столѣтія. Изложеніе иногда гораздо рѣзче, нежели во Фролѣ Скобѣевѣ. Эта передѣлка и другія подобныя замѣтванія показываютъ, что повѣствовательныя памятники XVII и первой половины XVIII вѣка еще не были забыты во времена Екатерины. Они легко еще удерживались въ памяти и потому, что въ старомъ поколѣніи этой эпохи очень нѣрѣдки были люди, воспитанные на праѣдовскихъ обычаяхъ, и для нихъ чтеніе старинныхъ сборниковъ сохраняло всю свою цѣну, какъ вполне соответствовавшее ихъ понятіямъ и степени образованія, или вѣрнѣе грамотности. Мы видимъ, что почти всѣ повѣсти и исторіи XVII вѣка, и даже древнѣшнія, весьма часто находятся въ рукописяхъ прошлаго вѣка: следовательно старинная письменность, несмотря на все новое развитіе литературы, продолжала свое существованіе, основываясь на праѣ давности

— Повесть о Фроле Скобелевѣ была найдена г. Ельсевичемъ при описаніи Погодинскихъ рукописей, поступившихъ въ Цубовскую Библіотеку, въ одной сборникѣ прошедшаго столѣтія. Она была напечатана въ Москвитинѣ (1853, I, Пет. Маг. 3—16), но другой повѣщенной копій, въ которой привеленъ были послѣ варианты Погодинскаго списка. Повесть называется здѣсь исторія о Россійскомъ дворянинѣ Фролѣ Скобелевѣ и столичной дочери Паршиа Пацковна Аннушкѣ. Списки ея находятся такъ же въ сборникѣ г. Забѣлина XVIII в., № 82, подъ заглавіемъ исторія о Новоторожскомъ дворянинѣ о Фролѣ Скобелевѣ и Аннушкѣ — какъ онъ себя достигъ за семь рублей благополучіемъ, безъ конца.

Скажемъ въ заключеніе нѣсколько словъ о повѣстяхъ и романахъ, которые были популярнымъ чтеніемъ эпохи Петровской. Наши грамотны и книжники этого времени не ограничивались тѣмъ запасомъ чтенія, какой представляло семнадцатое столѣтіе, и такимъ образомъ появилась новая письменность, лишленная забавной оригинальности и по содержанию и по языку. Остатки ея до сихъ поръ влечуть незavidное существованіе въ лицѣ Францеза Венеціана, Египетскаго рыцаря Польшіи и другихъ героев. Количество этихъ романовъ и нѣкоторыя указанія убѣждаютъ, что въ свое время они съ большимъ успѣхомъ наполняли досуги читателей — грамотныхъ недорослей, подьячихъ, сервантовъ или дворянъ и тому подобной читающей молодежи, которая распространила вкусъ къ этому чтенію до самаго конца XVIII столѣтія. Большаго числа намъ неизвѣстна ни время появленія этихъ романовъ, ни именъ переводчиковъ, но, безъ сомнѣнія, начало ихъ должно отнести къ эпохѣ Петра В., а вообще они составляютъ принадлежность первой половины прошедшаго вѣка. Они очень рѣдко попадали въ извѣстныя собранія рукописей: приводимъ здѣсь тѣ романы, которые намъ извѣстны по рукописемъ или другимъ указаніямъ.

Между рукописями г. Забѣлина находится обширная сборникъ XVIII столѣтія, № 67, который почти исключительно составленъ изъ романовъ Петровскаго и послѣдующаго времени занесенныхъ въ сборникъ отдѣльными рукописями. Здѣсь помѣщены:

— «Исторія о Адонатъ Размирѣ, королѣ Гиншанскомъ, и о прекрасной Анжеликѣ, принцессѣ Донтобаретской, — именуемая Пенетовый Роландъ», на 89 листахъ; исторія о Пенетовомъ Роландѣ находится такъ же въ Погодин. рукописи, № 1983.

— «Исторія о принцѣ Адольфѣ и о островѣ вѣчнаго веселія», на 11 листахъ, — аллегорическая повесть, порекоменданная своей писателницею: она переиздана очень дурно, и несмотря на то, вошла въ число дубовыхъ изданій, гдѣ называется такъ же: «Исторія о принцѣ Адольфѣ Аннадинскомъ и о островѣ вѣчнаго веселія», на 8 листахъ, но несколько сокращена противъ рукописи. Другой списокъ въ сборникѣ Заблужна, № 82, безъ начала.

— «Исторія о королевичѣ Пьетродѣ Итальянскомъ и о баронессѣ дочери Цинвалѣ Гиншанской, послѣди бысть и королевною Итальянскою», на 23 л.

— «Исторія о Французскомъ графѣ Лаваріи и о прекрасной княжнѣ Маргаритѣ Медиоланской, слушаніемъ и чтеніемъ весьма утѣшительная», на 22 л.; въ сборникѣ Заблужна, № 82 встречается та же «исторія о Европскомъ кавалерѣ Лаваріи и о прекрасной Медиоланской княжнѣ Маргаритѣ».

— «Исторія Елизаветы королевы Англиской» и пр.: повесть повѣстна была такъ же подъ названіемъ исторіи Арсаа и Размыры или Размиры, страстныхъ любовниковъ, разлученныхъ Елизаветою и погибавшихъ жертвами взаимной привязанности. Другой списокъ ея въ томъ же сборникѣ Заблужна, № 82.

— «Исторія о великомощномъ рыцарѣ Гендрикѣ, курфирствѣ Саксонскомъ и о прелюбной Мелендѣ, дочери Лодвика, курфюрста Брандербургскаго», на 38 л.

— «Исторія о дѣвицѣ Ланцонѣ, баронессѣ дочери, Аглинскихъ бароновъ» и пр., на 9 лист.

— «Исторія о Ниолитѣ, графѣ Аглинскомъ, и о Жудинѣ, графинѣ Аглинской же, любовная и всему свѣту куріозная инвенчура» и пр., на 42 л.; она встречается такъ же въ рукописи Моск. Общ., № 324 сборн. конца XVIII в. л. 180—220 «исторія о графѣ Ниолитѣ и о графинѣ Жудин Англинскаго государства»; въ собраніи Березинкова такъ же находится исторія «о Аглинскомъ графѣ Ниолитѣ и любовельницѣ его Жудинѣ» (Извѣст. 3, 199).

— «Гисторія о Евдонѣ и Берѣѣ», на 70 лист., почти столько же действующими лицами, какія въ Невстовомъ Романѣ, романъ называется такъ же исторіей разбойника Борбоса, играющаго въ ней большую роль. Другіе списки ея: въ сборникѣ Фролова, конца XVIII в., Публ. Б-ки XIV, Q. 27 л. 1—57 безъ первыхъ девяти листовъ; въ рукописи г. Черткова, «скуриозная гисторія о Евдонѣ и Берѣѣ, переведена съ *Итальянскаго* языка на Руской» (Всеобщ. Библ. Россіи 1, 526); вѣроятно то же въ рукописи Погодинскаго собранія № 1984.

Этой исторіей оканчивается сборникъ г. Забѣлина, очень характеристичный въ томъ отношеніи, что составленъ былъ очевидно исключительнымъ любителемъ подобнаго чтенія. Въ другихъ рукописяхъ г. Забѣлина такъ же сохранилось много остатковъ этой писменности:

— Въ одномъ сборникѣ XVIII в. № 69 находится неполная повесть «о королѣ Делфѣ Сирскомъ, какъ незаню женихъ свою выдалъ за мужъ», потомъ л. 21—26 такъ же небольшая «исторія о королѣ Оиванскомъ Антоннѣ и Луцци королевѣ дочери Алфена Тирпацкаго и о сынѣ ихъ Урлихѣ», и далѣе л. 27—32 «повѣсть о королевѣ Кипрекомъ Веліамѣ, какъ невдалъ женился на сестрѣ своей родной,» нѣсколько отличающаяся отъ другихъ романовъ XVIII вѣка, и можетъ быть принадлежать XVII столѣтію.

— Въ сборникѣ XVIII в. № 73 заключаются 1) исторія «о Египетскомъ царевичѣ Поледионѣ», находившаяся и въ рукописи Березинкова: «исторія о Египетскомъ цесарѣ о Поледионѣ и о прекрасной королевѣ Милитиѣ» (Плв. 4, 199); далѣе 2) неполная «исторія о королевѣ Францѣ Пмензолусѣ Гишпанскомъ и о прекрасной королевѣ Ракеанѣ», которая въ рукописи г. Черткова называется: «исторія», а въ ней идетъ о Францѣ кралевѣ Гишпанскомъ и о Роксанѣ, кралевѣ Великобританской» (Вс. Библ. Россіи 1, 526); наконецъ 3) «Аделаида Африканская», повесть, переведенная съ *Французскаго* на Россійскій языкъ въ Сиб. 1761 года.

— Въ рукописи XVIII в. № 74 находится «исторія о Клеонѣ и Рамирѣ.»

— Въ упомянутомъ сборникѣ № 69 сохранилась и ста

ришая редакція одного изъ этихъ романовъ, употреблена въ простонародномъ чтеніи до сихъ поръ: именно, на л. 37—184 помѣщена «исторія о храбромъ Гиншанскомъ рыцарѣ Венныцкѣ, а въ Малтійскихъ островахъ, по свидѣтельству Малтійскихъ ковалеровъ, за храбрую его поступку, нарекли ему второе ковалерское имя Францель,—и о прекрасной Гиншанской королевицѣ Пресіянкѣ, выписано изъ древнихъ гранотравовъ» (sic и пр. Заглавіе исторіи очень длинно и кудреватое, изложеніе напоминаетъ романы XVII столѣтія, но особеннымъ архаизмамъ языка. Другой списокъ указанъ въ росписи книгамъ и рукописямъ Россійской Академіи, Сиб. 1840, стр. 158.

Библиотека г. Черткова, кромѣ приведенныхъ, имѣетъ другіе романы XVIII столѣтія и значительно дополняетъ списки ихъ. Выписываемъ ихъ заглавія:

— «Исторія о великодушномъ цесарскомъ кавалерѣ Парискѣ и о прекрасной королевской дщери, именемъ Виль» (Вс. Библ. Россіи 1, 526).

— «О изгнанномъ Римлянинѣ Эуѣимускѣ, *стицкой* романъ (Staatsgeschichte) съ образа Французскаго Телемака, переведенъ съ *Итальяскаго* на Руской въ 1723 году, списанъ въ Москвѣ въ 1745 году,» въ 2-хъ частяхъ (тамъ же, 1, 527).

— Впрочемъ той же эпохи «Случай Телемакова сына Улиссова», можетъ быть отличные отъ другихъ переводовъ Фенеллонова романа, изъ которыхъ одинъ находится въ рукописи Моск. Общ. А^н 161 «Похожденіе Телемака, сына Улиссова, сложенное чрезъ господина Франсоа де Салвицкѣ де ла Моттѣ Фенелонъ и пр., переведена 724 года;» другой изданъ въ 1747 г. Сиб., но сдѣланъ былъ еще въ 1735. Объ этомъ послѣднемъ Тредьяковскій въ предисловіи къ своей Тилемахидѣ сообщаетъ такое свидѣніе: «когда ни благоразумный и ни *добротрашннй* переводить его мужъ, и языкъ разумѣвшій Французскій; однако не обратившійся ни мало въ словесныхъ наукахъ, не могъ пронавестъ перевода своего такъ, какъ всеконечно надобно было. Списки, съ недостаточнаго его во всецѣломъ содержаніи перевода, еще беспредѣльно недостаточнѣе произникли; а *обносакъ поскюду*, расплодили и сами списки съ себя, но толь несовершенныи, что Тилемаха въ нихъ по заглавному токмо по-

читай имени узнавать стало можно. Изъ такихъ точно списковъ одинъ достался Академической типографіи, которая Телмаха и провела печатнымъ тисненіемъ.

— «Погубленный Рай, чрезъ г. Мильтона героической поимой представленный; перев. съ Франц. б. А. Г. Строгановъ, в Москвѣ въ 1745 году.» въ 12 книгахъ или вѣскахъ; другою экземпляръ этого перевода, по указанію г. Черткова, хранится въ Общ. Люб. Росс. Словесности (Вс. Библиот. 1, 526—527).

Въ библиотекѣ Моск. Общества находится кромѣ Телмаха слѣдующіе романы того же времени:

— «Исторія о славномъ Саксонскомъ королѣ Фердинандѣ, о сынѣ его, славномъ и великомъ ковалерѣ Максимилианѣ и о прекрасной принцессѣ Раксанѣ» въ сборникѣ XVIII в. № 324. 135—180.

— «Зерцало восточныхъ принцессъ, романъ отъ господина Фашианы, съ Французскаго на Россійскій языкъ переведенно Шляхетнаго кадетскаго корпуса геврейгеромъ Васильемъ Булаковымъ, мая 30 дня 1757 года».

Въ Толстовскомъ собраніи Публ. Б-ки романовъ XVIII столѣтія такъ же немного:

— «Славная исторія о Медисесѣ и Арианиѣ, о Паламедѣ и Енихарисѣ, и о прочихъ», въ 16 книгахъ, на 345 л. рукопись начала XVIII в., по каталогу Толст. 1, 405 Публ. Б-ки XV. Г. 23.

— «Исторія о Зелмѣ и Дамасиѣ» Толст. 5. 91 на 112 л. писанная въ апрѣлѣ 1756 г., вѣроятно тотъ же переводъ, который былъ напечатанъ въ 1761 г. Сиб.

Погодинское собраніе, кромѣ упомянутыхъ романовъ, имѣетъ «сказаніе о царевичѣ Оврсесѣ» въ рукописи № 2004 и какую-то повесть XVIII в. безъ заглавія подл. № 1794.

Въ библиотекѣ Царскаго, въ рукописи № 311 помѣщенъ «прекрасная Арианина пріятная и любовная исторія» въ 16 книгахъ, на 262 л., въ концѣ которой прибавлено: «сонная исторія кандуктора Сергея Сукова, списана въ 755 году, въ апрѣлѣ 19 числа, при крѣпости святыя Елизаветы». — вѣроятно переводъ повѣстной въ свое время книги *Galathea* Aug. Bolise

Ariadnens Staats- und Liebesgeschichte, Leipz. 1705 (см. *Grässe*, Lit.-Gesch. 3, 2, 255).

Намъ встрѣтилась въ одной рукописи XVIII в. «исторія о Гишпанскомъ знатнаго роду шляхтичѣ, служившемъ при королевскомъ дворѣ въ драбантахъ, имянуемомъ Долтернѣ, и о прекрасной Гишпанской королевиъ Длеонорѣ, зѣло удивленію достойна, и о многобѣдственныхъ ихъ случаяхъ, и потомъ какъ получили радость и корону имперства Римскаго», на 67 лист.

Въ одной рукописи Казанск. универс., XVIII-го столѣтія, на л. 94—104 находится «исторія о Колесандрѣ, цесаревнѣ Греческомъ, и о прекрасной Неонидѣ, цесаревнѣ Трапизонской» (Журн. М. И. Пр. 1854, авг. стр. 31).

Въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія упоминается «Азіатская Баниса», романъ, знаменитый въ концѣ XVII-го вѣка (*Kliphhausen*, *Asiatische Banise*, см. *Grässe* ib. 3, 2, 254, 255). Кажется, существовать такъ же какой то романъ или исторія «о Валтасарѣ, королѣ Табуренкомъ», имя которой написано два въ сборникѣ Заблудна, 1767; списки ея намъ не попадались. Болотовъ говоритъ въ запискахъ своихъ, что въ Петербургѣ, у дяди своего, бывшаго въ военной службѣ, читалъ онъ рукописный романъ, переведенный съ *Французскаго* «Эмминондъ и Целеріана», около пятидесятихъ годовъ прошлаго столѣтія (Отеч. Зап. 1850, 5, 33).

Безъ сомнѣнія здѣсь приведено далеко не все, относящееся къ этому отдѣлу старой письменности. Романы расходились не только въ высшемъ словѣ грамотныхъ людей, но и въ среднемъ классѣ общества: странствующіе торговцы книгами развивали ихъ по всемъ концамъ Россіи, какъ и до сихъ поръ развиваютъ книги ихъ потомство. Во второй половинѣ прошлаго столѣтія рукописная «исторія» уже вызвали сатирическія выходки. Ошиль изъ журналовъ 1769 г., «И то и сію», съ неподдѣльнымъ юморомъ подшучиваетъ надъ *всѣми сластями* сочиненіями, «подъ которыми господа авторы для вѣчной и безсмертной себѣ славы не ставили своихъ имени», каковы, напримѣръ, исторія «о побѣдѣ надъ пушкарехъ улицъ блага плѣхуа отъ курицы, о Фродѣ Скобелевѣ, Азіатская Баниса»; или рассказываетъ исторію одного господина, который «во превращеніи прокаженной

службы кормить голову свою переписываніемъ разныхъ исторій, которыя продаются на рынкѣ, какъ то, напримеръ: Бову королевича, Петра Златыхъ-Ключей, Ерусалана Лазаревича, о Францѣ Венеціанинѣ, а Геріонѣ (— исторія, которая намъ не встрѣчалась —), о Евдонѣ и Берѣѣ, о Арсасѣ и Размѣрѣ, о Россійскомъ двориниѣ Александрѣ, о Фродѣ Скобѣлевѣ, о Барбосѣ рабѣишникѣ и прочія *весьма полезныя* исторіи, и сказывалъ онъ мнѣ, — говоритъ авторъ, — что уже сорокъ разъ переписалъ исторію Бовы королевича, ибо на оную бывасть больше *погоды*, нежели на другіе такіе драматическіе сочиненія». Передавая читателю одинъ свой сонъ, издатель говоритъ, снова вспоминая о *весьма славныхъ* исторіяхъ: «споявились царские румянцы на всемъ моемъ лицѣ, и началъ я походить тогда на Евдона или на Берѣу, которыхъ выдалъ въ Москвѣ на Спаскомъ мосту въ продажѣ». Наконецъ герои этихъ романовъ даже прослаждаются журналомъ въ стихахъ. Сумароковъ, въ епистолѣ о Русскомъ языкѣ, съ своей стороны вооружался противъ этой рукописной литературы:

• Не нужно, чтобы вѣкъ надъ романами потѣлъ,
А правильно писать потребно вѣкъ ужѣть.
Но дѣли ли требовать отъ насъ исправна слога;
Затворена къ нему въ учении дорога,
Лишь только ты склади немного поучи.
Паволь писать Бову, Петра Златы Ключи....

Навадки имѣли конечно основаніе въ большой привязанности известнаго рода читателей къ этимъ произведеніямъ, приписывавшимъ немного пользы и для ума и для сердца. Въ эти романы чрезвычайно похожи одинъ на другой, ихъ герои одарены обыкновенно весьма достоинствами и добродѣтелями; любящія сердца страдаютъ отъ разлуки, враговъ или пренятствій, и въ концѣ достигаютъ обыкновенно вожделѣннаго брака. Эта особенная категория романовъ во Французской и Нѣмецкой литературѣ XVI—XVII столѣтій была продолженіемъ прекрасныхъ рыцарскихъ исторій, но продолженіемъ безцветнымъ и монотоннымъ; изъ этого источника они появились и въ Польской литературѣ XVII—XVIII вѣка. У насъ они перевѣдены съ Нѣмецкаго и Французскаго; но очень многіе романы, какъ исто-

рія о рыцарі Гендріккѣ и другіи, переведены были съ Польскаго. Большею частью подлинники нашихъ исторій не указываются, но переводы съ Польскаго могутъ быть угаданы и безъ объясненія, по неправильностямъ и по тонамъ въ языкѣ: напр. въ романахъ попадаются такіа выраженія: *безъ жадной* причины, *зосталъ* (сдѣлаея) кавалеромъ, *мусли* плакать и т. п. Въ нихъ замѣтны перѣлки и общія черты языка, принадлежація Петровской эпохѣ, особенно употребленіе иностранныхъ словъ, какія тогда были у насъ вездѣ приняты, напр. провозносити *диптиртыи* рѣчи, бѣжать на *сикуръ*, приди въ *аттерицію* т. е. измѣниться въ лицѣ, *персоны* оста или по себѣ *куріозность*, *ассамблея*, *волунтеръ*, *куранты* и т. п. Сентиментальныя объясненія героевъ и героинь, безпрестанныя въ этихъ исторіяхъ, передаются у насъ чрезвычайно талантливо, и отъ того иногда очень забавны: всѣ легкіе и свободные обороты подлинника выходили по-Русски тяжелы и нецѣлы, такъ что наши переводы бросаютъ новый невыгодный свѣтъ на эти романы. Лишнее было бы судить строго объ этой литературѣ: ея оправданіе заключается во времени и читателяхъ: она любозычна для насъ только какъ одна черта въ характеристикѣ стариннаго популярнаго чтенія, вѣкъ котораго она лишается всякаго значенія. На книгахъ нашъ народнаго чтенія всегда остается какой то отпечатокъ понятій и вкусовъ этого класса читателей. — и, конечно, странно было бы ставить ихъ въ уровень съ кореннымъ литературнымъ развитіемъ и вооружаться противъ ихъ отсталости и незрѣлости, какъ дѣлаетъ Пизарь, говоря о народныхъ Французскихъ книгахъ.

Къ той же эпохѣ относятся и некоторыя стихотворныя сочиненія, забавнаго и шуточнаго содержания, и сборники анекдотовъ въ родѣ Смѣхотворныхъ повѣстей. И то и другое, подъ общимъ названіемъ *примррозъ* (przyklad, beispiel и *жартъ*), встрѣчается въ рукописи XVIII-го столѣтія, изъ Погодинскаго собранія, № 1777. Сначала, л. 1 — 126, въ ней помѣщены анекдоты, въ родѣ тѣхъ, какіе указаны прежде и въ рукописяхъ XVIII-го вѣка; дѣль смѣшаны дваразныя сборники: сперваприведено нѣсколько анекдотовъ изъ Смѣхотворныхъ повѣстей, а затѣ, послѣ 27-и главы, начинается другая сборка, пере-

веденный уже въ XVIII-мъ столѣтїи; оба вмѣстѣ заключаю
226 мелкихъ разсказовъ. Дальше, на л. 126—183 Погод
ской рукописи находится «увеселительныя жарты» съ так
объясненїемъ:

— хотя не для историческаго чтенїя,
сочинены нѣкоторымъ челоукомъ для увеселенїя,
самыя забавныя жарты, —
охотно читать какъ играть въ карты.

Здѣсь помѣщены 32 исторїи, написанныя силлабически
вириями. Увеселительныя жарты были переведены безъ сом
нїя съ Польскаго, около половины прошлаго столѣтїя, и по о
бенностямъ языка очень сходны съ переводными романами
того же времени, — и здѣсь та же любовь къ иностраннымъ с
вамъ и шероховатость фразы.

Подобнаго рода исторїи находятся такъ же во Фроловск
рукописи Публ. Б-во XIV, Q, 27, конца прошлаго столѣтїя
въ которой помѣщены только четыре разсказа подъ заглавіемъ
«исторїя о разныхъ куріозныхъ амурныхъ случаяхъ» (л. 68
94). И въ Погодинскихъ «жартахъ» и въ этой «исторїи» не
дается иногда тѣ же сюжеты повѣстей, какіе мы видѣли
Смѣхотворныхъ повѣстяхъ, но съ прибавленїемъ новыхъ
бавныхъ разсказовъ, содержанїе которыхъ достаточно харак
ризуется заглавіемъ Фроловской рукописи. Это были вооб
позднѣйшія обработки старинныхъ повѣстей, перешедшія
Польскую литературу изъ Шменскаго или Французскаго
точника. Подъ названїемъ жарты и *curiosos* Польскіе
исторїи долго были чтенїемъ простаго народа, и въ 1789 го
напечатаны были въ извѣстной простонародной книжкѣ: «С
рочокъ-Весельчакъ, разсказывающей давнїя Московскїя быдла
Польскїи диковинныя» (Спб., 70 стр.). После перваго, самаго
пятаго, изданїя, книжка перепечатывалась много разъ до ны
нѣшняго времени; она не имѣла своего прежняго склада и
сихъ поръ сохранила уродливыя вирии XVIII-го вѣка. Все
держанїе книжки заимствовано изъ «увеселительныхъ жарт
списки которыхъ находится въ Погод. и Фроловской ру
кописяхъ; сходство ихъ часто буквальное. Въ то же время нѣкот
рыя изъ увеселительныхъ жарты перешли и въ дубочныя

данія: такова известная исторія «о курьовой жень и приканикѣ», переложенная на Русскіе права и напечатанная на 8 дубочныхъ листкахъ, съ приличными тексту картинками и надписями: содержаніе повѣсти о лукавой жень и приканикѣ рассказано уже въ Старичкѣ-Весельчакѣ и въ Фроловскомъ сборникѣ, лист. 86—91.

Столько известная въ дубочныхъ изображеніяхъ исторія о курѣ и лисовой лисницѣ помѣщена въ той же рукописи на л. 32—52 подъ общимъ заглавіемъ: «скурошныя дѣйствія кура и лисныя», за которыми слѣдуетъ другое: «исторія о прекрасномъ курѣ добродѣшномъ, какъ онъ приде на поканіе къ лисницѣ, къ премудрой духовницѣ.» Въ рукописяхъ г. Заблужна встрѣчается и эта «повѣсть парядная о курѣ и о лисницѣ, како его прелетила лисница» въ сборникѣ, л. 82, и другіе списки.

Въ заключеніе указываемъ въ старинныхъ рукописяхъ и въ некоторыя произведенія народной словесности.

Сказки и эпическія быльи, получившія въ послѣдствіи только сказочный интересъ, перешли въ рукописи уже давно, но крайней мѣрѣ съ XVII-го столѣтія. Въ старинныхъ сборникахъ встрѣчались намъ попытки записывать народные рассказы и пѣсни, и лучшимъ, замѣчательнѣйшимъ примѣромъ этого должно назвать прекрасную «повѣсть о Горѣ и Злочастіи, какъ Горе-Злочастіе дошло молотна во шчещскій чинъ», — встрѣченную нами въ Погодинскомъ сборникѣ XVII—XVIII-го вѣка, л. 1773, и напечатанную въ Современникѣ 1856, л. 3, стр. 49—68, съ замѣчаніями г. Костомарова, и потомъ болѣе исправно въ Памятникахъ и образахъ народнаго языка при Извѣстіяхъ II-го Отд. Акад., стр. 401—416. По мысли и исполненію, *повѣсть о Горѣ-Злочастіи* занимаетъ средину между сказкой, быльей и такъ называемыми «стихами.» Сюжетъ ея, представляющій олицетвореніе Гора и борьбу его съ самонадѣланымъ добрымъ молодецъ, принадлежитъ къ лучшимъ мотивамъ нашего сказочнаго эпоса; по его развитію, стихотвореніе имѣетъ неоспоримыя достоинства, даяющія ему одно изъ первыхъ мѣстъ въ дѣлѣ народной поэзіи. Въ то же время оно

отличается темъ назидательнымъ значеніемъ, какое составляетъ особенность духовныхъ стиховъ: все начало стихотворенія священо объясненію нравственной темы, лежащей въ его основаніи. Если въ духовныхъ стихахъ общенародное творчество разилось слабѣе, чѣмъ въ древнихъ былинахъ и мношескихъ сказкахъ, то и въ нашей повѣсти можетъ быть признано участіе отдѣльнаго автора. Мы думаемъ по крайней мѣрѣ, что некоторые части стихотворенія выказываютъ роль литературной отдѣлки, а не были готовымъ произведеніемъ народнаго фантазіи. Обширное введеніе, не вошедшее въ рукописи и нравственныя наставленія, вложенныя въ уста честныхъ дѣтелей добраго молодца, не соответствуютъ другимъ прирамамъ нашего эпоса, который болѣе заботится о быстромъ дознаніи событій и мало останавливается на подобныхъ чертахъ. Участію одного автора не противорѣчитъ предельная яркость прошлаго всеми начатами народно-политическаго вѣщенія: языкъ могъ быть усвоенъ отдѣльнымъ авторомъ, а этотъ послѣдній умѣлъ схватить коренную идею преданія и оставить ей вѣрными. Обстановка сюжета напоминаетъ рѣдко пріемы сказочнаго эпоса: таково преслѣдованіе добраго молодца Горемы, вложенное очень картинно:

Полетѣлъ молодець яснымъ соколомъ,
а Горе за нимъ бѣлымъ кречетомъ;
молодець полетѣлъ сильнымъ голубемъ,
а Горе за нимъ сѣрымъ ястребомъ;
молодець пошелъ въ поле сѣрымъ волкомъ,
а Горе за нимъ съ борзыми вылазцы;
молодець сталъ въ поле ковыль-трава,
а Горе пришло съ косяю острою,
да еще Злочастьи надъ молодецемъ наемлялось
- быть тебѣ, травонька, побушенной,
- лежать тебѣ, травонька, поконошенной,
- и бушны вѣтры быть тебѣ развѣваемой.
Пошелъ молодець въ море рыбою,
а Горе за нимъ съ члѣстными пельками,
еще Горе злочастьное наемлялось
- быть тебѣ, рыбонькѣ, у бережку уловленной

— быть тебе та и съденон.
— умереть будетъ напрасною смертію!
Молодень пошесть ишь дороною,
а Горе подь руку подь правую....

Разнообразныя превращенія Гора здѣсь очевидно не просто метафоры, а сознательное еще повтореніе поэтическаго образа, шибетнаго и по другимъ памятникамъ. Вспомнимъ хоть повесть о Соломонѣ. О томъ, что въ этомъ стихотвореніи старшій Русскій бытъ отражается съ его достоинствами и недостатками, было уже говорено въ поминутонъ статьѣ г. Костомарова (О Горѣ-Злочастіи см. такъ же статьи: г. Булаева, въ Русск. Вѣстн. 1856, № 13—14; г. Костомарова въ Соврем. 1856, № 10, и замѣтки о журн., ib.).

Былины такъ же внеслись въ сборники. Въ рукошеи Забѣлина, XVIII в., № 71, находится «исторія о Ильѣ Муромцѣ и о Соловьѣ разбойникѣ»; въ другой рукошеи, № 82, помѣщена исторія Ильи, безъ начала, и «сказаніе о трехъ богатыряхъ, Ильѣ Муромцѣ, Михаилѣ Потокѣ Ивановичѣ и Алешѣ Поповичѣ»; по рукошеи Забѣлина напечатана сказка объ Ильѣ Муромцѣ въ изданіи г. Афанасьева, стр. 56—61. Впрочемъ по старинному же списку напечатана была въ первой разѣ дубочная «исторія о славномъ и храбромъ богатырѣ Ильѣ-Муромцѣ и о Соловьѣ разбойникѣ» на 8 листкахъ съ картинками, повторенная въ изданіи г. Афанасьева, стр. 53—58. Дубочныя изображенія богатаго и Лазаря, Ильи Муромца, Добрыни Никитича и Чурилы, по словамъ г. Снегирева, издаваы еще въ 1656, 1658 и 1686 годахъ. Простому столько принадлежать замѣчательной сборникѣ былины Кирии Данилова в рукошеи Бѣльскаго, изъ которой г. Сахаровъ заимствовалъ напечатанные имъ тексты былины и сказокъ. Кроме былины, въ спискахъ и по изданію Калайдовича, въ рукошеи Бѣльскаго находится слѣдующія сказки: 1, Добрыня Никитичъ; 2, Василий Буслаевичъ; 3, Илья Муромецъ; 4, Акунди ѣ; 5, о семи Семѣныхъ, семи родныхъ братьяхъ; 6, Звѣи Горлачичи; 7, Со бѣи сынъ гостиницей, Ивановичи; 8, Иванъ гостиницей сынъ; 9, Алеша Поповичи; 10, Емеля дурачекъ; 11, Шемякинъ судъ; 12, о семи мудре-

цахъ и о юношѣ; 13, о чудныхъ и зло умильныхъ гуслихъ самогудахъ; 14, о Жарь-птицѣ и Иванѣ царевичѣ (Рус. Нар. ск. 1841, стр. 269). Здѣсь соединены, следовательно, и пересказы былинъ, и сказки, и переводныя исторіи.

Духовные *стихи*, издашныя г. Кирѣевскимъ, опять принадлежатъ старой письменности. Стихъ о Голубиной книгѣ нахвдился и въ сборникѣ Кирии Данилова; замѣчательный списокъ стиха есть въ рукописномъ собраніи г. Ундольскаго (см. Изв. 3, 47—48). Повесть о Лазарѣ, вѣроятно однозначительная съ стихомъ, печаталась на дубочныхъ листахъ еще въ XVII столѣтіи. Въ сборникѣ Кирии и некоторыя стихотворенія занимающія средина между чистыми былинами и стихами о святыхъ и мученикахъ, напримеръ «сорокъ каликъ со каликой», гдѣ пересказана исторія Іосифа, соблазняемаго женой Пентефорія; въ другой былинѣ (стр. 252—265), являются действующими лицами царь Саулъ Леванидовичъ и сынъ его Константинъ, имена, принадлежащія такъ же стиху о Феодорѣ Тиронѣ. Духовные стихи или народныя или книжныя, записаны въ Румищевой рукописи конца прошлаго вѣка, № 408. При лучшемъ знакомствѣ съ нашей старинной письменностью, можно будетъ безъ сомнѣнія найти и болѣе древніе памятники этого рода, и указать отношеніе между современными «стихами» и прекрасными попытками излагать подобныя преданія въ литературной формѣ. Въ повѣсти о Соломонѣ, прежде нами разобранной, можно видѣть переходъ отъ книжнаго сказанія къ народному произведенію: гдѣ еще не совершенно выгладилась черта подлиннаго разсказа и не вполне развито народное эпическое начало. Въ одной изъ рукописей г. Тихонова, конца прошедшаго столѣтія, записанъ между прочимъ начало «повѣсти о Феодорѣ Туринѣ» очень сходное съ текстомъ Кирѣевскаго (Чтенія, 1848, 9, стр. 145). Это могъ быть или списокъ со словъ, какъ былинныя Данилова или же конія съ болѣе стараго подлинника. Повестьная въ той же рукописи «повѣсть о Феодорѣ жидовинѣ» служить при мѣрѣмъ тому, что книжныя сказанія иногда мало-по-малу измѣнились подъ вліяніемъ народного авторства и переходили потѣмъ въ устную словесность: въ этой повѣсти нѣтъ уже первоначальнаго разсказа, нѣтъ книжнаго тона, но она еще не пере-

работана до такой степени, что бы ее можно было поставить рядом съ другими «стихами», какъ первую повесть.

Небольшой сборникъ Тихонова начинается «сравочениемъ о стѣжаніи и чтеніи святаго писанія» и состоитъ изъ короткихъ статей духовнаго содержанія. Въ послѣдней тетрадь сборника находится повесть о Феодорѣ жидовинѣ, вач. «...во святомъ градѣ Іерусалимѣ, жилъ бысть Феодоръ жидовинъ, и поѣхалъ Феодоръ жидовинъ на трехъ кораблехъ во градъ Іерусалимъ ко царю хлѣба кушать, и какъ присталъ къ берегу, и на томъ берегу стоитъ иконописецъ» и т. д.; на л. 6 «повести о Феодорѣ Туринѣ — пострада за віру христіанскую», только одно начало: «во славномъ градѣ Іерусалимѣ, у святой церкви Михаила Архангела, выходилъ царь Константинъ Сауловичъ ко святой заутрени Богу молитися, иде сіе и изъ чиста поля вылетѣла камена стрѣла и становилася камена стрѣла противъ царя Константина Сауловича, подъ его скору ногу, самъ поднимаетъ царь Константинъ Сауловичъ, иговорилъ что въ трубу трубити: свѣтъ мой, князья и бояря и люди почетныя»....

Нѣкоторыя сказки такъ же находили мѣсто въ старинныхъ сборникахъ. Впрочемъ до сихъ поръ известно очень мало подобныхъ текстовъ; указываемъ, что было нами встрѣчено въ рукописяхъ.

— Весьма интересная въ дубочныхъ изданіяхъ «сказка о славномъ и сильномъ витязѣ *Ерусланъ Лазоревичъ*, о его храбрости и неповторимой красотѣ царевны Анастасіи Вахрамѣевны», на 32 л., помѣщена въ Погодинскомъ сборникѣ XVII—XVIII вѣка. № 1773, на л. 207—238 подъ заглавіемъ: «сказаніе и похождение о храбрости, о младости и до старости его бытіи, младатаго юности и прекраснаго Русскаго богатыря. Яко послушати дивно, Еруслана Лазоревича», начин. «бысть въ царствѣ царя Картауса» и пр. Нѣсколько отменно отъ другихъ чтеній сказка передается въ Толстовскомъ сборникѣ XVIII столѣтія 5. 62, Публ. Б-ки XVII. Q. 4, на л. 22—35 подъ заглавіемъ: «сказаніе о царствѣ царя Картауса и о младѣ его Лазорѣ Лазоревичѣ и о сынѣ его Ерусланѣ Лазоревичѣ и о его походе» начин. «бысть въ нѣкомъ царствѣ, бысть царь иѣки именованъ Картаусъ, а у того царя Картауса бысть дити князь

Лазорь Лазоревичъ, да у того же паря Картауса садилось столько на великой день по 5,000 людей, а тамъ людемъ пекло корму на великой день 1,000 быковъ, да по 3,000 бабъ новъ, а послѣ стола вывозили костей за градъ по 30 воловъ т. д. Въ этой сказкѣ встрѣчается вообще много очень извѣстныхъ эпическихъ мотивовъ, но есть и нѣкоторыя отличія отъ другихъ сказокъ, напр. Татарскія имена богатыря Еруслаша, Калоктигирея и пр., и другія подробности, которыя еще требуютъ объясненія.

— Въ Погодинскомъ сборникѣ XVII—XVIII в. № 177 на об. л. 187—189 помѣщена безъ заглавія сказка *о николѣ молодцѣ, конѣ и саблѣ*, къ сожалѣнію неконченная. Приведемъ отрывокъ, чтобы дать понятіе о томъ, какіе прекрасныя тексты сказокъ могутъ быть отысканы въ старыхъ рукописяхъ. Изложеніе этой сказки чисто-народное, вполнѣ сохранило эпическій складъ произведенія:

«Въ древнихъ было дѣлахъ, а въ дальнихъ странахъ, кони себѣ отливкой молодецъ, сынолада былъ бѣль-кудрявъ, кони у него были буръ-космагъ, на ухо лисъ, задняя нога окорокъ бѣла, передняя нога по лопатку бѣла, и всего то хорошае было у добра коня 12 примѣтъ: рогъ какъ насалякъ какъ рукавъ, грива колесомъ, уши конякомъ, окорокъ висли — памяти вышли (?), олень и мышки — заччи почки, хвостъ какъ кугасъ, круглыя копыты, что полныя морскія ковшины, а очи у добра коня что великія штыи чаши, на лопатки вышли, — весь молодецкой конь въ примѣтахъ, что молодецъ звѣрь. И кони-де себѣ отливкой дорожной молодецъ осѣдлае своего добра коня и велитъ на него свое сѣдло чернаское, подстегнуть двѣнадцать подпругъ бѣлого шелку шемахинского, — у велика подпруги прязки красного золота аравитткого, и положить на добра коня свою узду темную, и остегнуть себѣ своей полнѣй садыкъ, а въ немъ 300 стрѣлъ, полъ-кибирей, 70 арчичекъ, 80 ташыковъ, 30 свергъ, остріе надобныхъ стрѣлъ, а всякая стрѣла морская трость, на прѣколото и на четверо строгано, и напиво въ нихъ краснаго золота аравитткого, — и опознать на себѣ свое молодецкое вострую саблю тулушманку, пошире дравины, а пешноты

поуже тесницы, за конемъ съ сажень, а передъ конемъ съ локоть, а кована она въ красномъ-дорогѣ-заморскомъ будагѣ, огнишко вострое сабли дорога камени самодѣльного, а у поженъ оконца красного золота аравитского. И свидали про тое его молодецкую вострую саблю во многихъ дальныхъ ордахъ многіе царевичи и королевичи, и учали изъ дальныхъ ордъ своихъ къ добру молодцу послы посылати, чтобы съ его молодецкіе вострые сабли сняти образцы великіе ради хитрости и мудрости. Образца не сняли и прочь по своимъ дальнымъ ордахъ розбѣхались. И учаль себѣ отливкой молодець своею вострою саблею похвалятися: «не потому-де моя молодецкая вострая сабли (дорога), что она кована въ заморскомъ краснѣ-дорогѣ будагѣ; потому-де моя молодецкая вострая сабли дорога, что ее ковали 70 мастеровъ съ семидесять городовъ, а великой мастеръ имать отъ своего хитрого мастерства по семи сотъ рублевъ. Еще-де моя молодецкая вострая сабли не потому дорога; потому-де мой молодецкая вострая сабли дорога, что здѣлана она хитростию и мудростию.... въ ней же каталися два дорогіе зерна бурминскіе отъ майдана и до долу (?). Еще-де мой молодецкая вострая сабли не потому дорога; потому-де моя молодецкая вострая сабли дорога, что ково азъ тою саблею ни тиновать, тогъ отъ одного разу живъ не фживать». И коли-де себѣ отливкой дорождой молодець сядеть на своего добра коня и выѣдетъ въ чистое поле и заиграеть»....

Любопытно было бы найти окончаніе этой замѣчательной сказки: отчего въ ней такое изобиліе Татарскихъ словъ? Внизу страницы, въ рукописи прибавлено: «сіа книга Троицкого монастыря подъячего Аноима Шенкова, а писалъ самъ своею рукою мѣта 7204 (= 1696, сентября)».

— Въ рукописяхъ перѣдко встрѣчается любопытная сатира стараго времени, которую у насъ не совѣмь жарко относить въ область сказки, — *судное дело у лева съ гриномъ*. Эта сказка напечатана г. Сахаровымъ по его старому списку, гдѣ она имѣетъ такое заглавіе: «въ морѣ переть большими рыбами, сказаніе о Ершѣ Ершовѣ сынѣ Щетининѣ, о ворѣ, о разбойникѣ, о ихомъ человекѣ, и какъ съ нимъ гнашея рыбы»

лещь да головель» (Русск. Ск. 1841, стр. 154—174). Сказка очень известна и по дубочному изображению, на большом листе, сь подписями, которыхъ недостаетъ въ напечатанномъ текстѣ. Огрывокъ сказаній находится въ очень ветхой рукописи Публ. Б-ки, XVII вѣка, XV. Q. 35, на семи листахъ. Другой списокъ есть въ упомянутомъ прежде сборникѣ Забѣлина № 67, на пяти страницахъ подь заглавиемъ: «списокъ съ суднаго дѣла слово въ слово, какъ бытъ суду у леща сь ернемь», начини. «рыбамъ господамъ, великому осетру и бѣлугѣ, бѣлой рыбицѣ, бытъ челомъ Ростовскаго озера сынчишко боярекой, лещь сь товарищю» и т. д. — списокъ замѣчательный. По словамъ г. Сахарова, эта повесть, «носитъ на себѣ отпечатокъ какой то непонятной намъ сатиры», — напротивъ, если непонятно для насъ что нибудь другое въ нашей сказочномъ эпосѣ, то нѣтъ ничего янше этой сказки. Заглавіе ея особенно въ Забѣлинскомъ списокѣ, очень хорошо объясняетъ въ чемъ дѣло: это явная сатира на старинное дѣлопроизводство подобіе котораго удачно сохраняется въ самой сказкѣ и ея вышней формѣ. Въ сущности она вовсе не принадлежитъ къ сказочному эпосу, съ которымъ не имѣетъ общаго ни по мысли, — потому что сказочный эпосъ совершенно независимъ отъ сатиры, ни по изложенію, — потому что здѣсь нѣтъ обыкновенныхъ эпическихъ приѣмовъ. Это чисто-литературная сатира XVI — XVII вѣка, въ данной формѣ возможная только въ тогдашнемъ Русскомъ бытѣ.

— Другимъ примѣромъ подобной сатиры можетъ служить *Шемкино судъ*, старинное произведение, не разъ повторенное и въ повѣстныхъ литературныхъ обработкахъ. Не расстраиваясь теперь о литературной исторіи этого сюжета, представляющей любопытная данная, замѣтимъ только старинный списокъ сатиры въ Толстовскомъ сборникѣ XVII — XVIII вѣка. 2. 230 Публ. Б-ки XVII. Q. 41, л. 42—46, гдѣ повесть называется «суду Шемки судна, вышесано изъ Но вскихъ каишь» начини, «въ нѣкихъ мѣстахъ живаше два пустынника, одинъ богатъ, а други убогъ, богаты же судная многа дѣла убогова и не возможе его судности исполнить» и пр. Изложеніе очень сходно съ известнымъ дубочнымъ изображеніемъ: единственнымъ

важный вариант находится только во втором приключении Бѣлика, который, увидав съ полатей, убиваетъ ребенка у пона, а не у простаго мужика. Довольно трудно объяснить ссылку на Польскія книги, изъ которыхъ будто бы выписана эта повесть: въ самомъ текстѣ нѣтъ никакихъ особенностей, принадлежащихъ обыкновеннымъ переводамъ съ Польскаго, потому что сказка написана смѣсью стараго книжнаго языка съ народнымъ, и потому всего скорѣ могла быть записана Русскимъ грамотѣемъ. Быть можетъ, все основаніе этой ссылки заключается въ томъ, что въ оригиналѣ Толстовскаго списка повесть была помѣщена съ какими нибудь сказаньями, действительно переведенными съ Польскаго, и писецъ желая указать свой источникъ, неправильно отнесъ и «судъ Шемяки» къ Польскимъ книгамъ. Замѣтимъ, что въ Заблужской рукописи XVIII вѣка, № 73 находится «исторія о бывшемъ у нѣкоего короля предивномъ судѣ, и о Шемякинѣ судѣ, и о протчихъ помянутыхъ женскихъ причинахъ», г.дѣ, сколько можно судить по заглавію, Шемякинъ судъ соединенъ съ упомянутыми прежде Польскими «куріозами» или жартами: очевидно, что будучи списанъ съ подобнаго подлинника онъ легко могъ быть отнесенъ къ числу тѣхъ же Польскихъ куріозовъ. Списокъ Шемякина суда находится, какъ мы замѣтили, и въ старейшей рукописи Бѣльскаго *Sagarowa*, Русск. Ск. стр. 270.

— Въ Толстовскомъ сборникѣ XVIII вѣка 5, 62 Публ. Б-ка XVII. Q. 4 на л. 8—9 помѣщена повесть *о дѣу братеръ о Ержи и о Ѳомѣ*, начин. *абыли себѣ да жили два челоѳка, торгова люди»* и пр. Ерема и Ѳома, представляемые теперь на дубочныхъ изображеніяхъ, олицетворили для Русской фантазіи глупость и недальность; повесть объ ихъ похожденияхъ нѣлкомъ перешла въ поговорки или составлена изъ поговорокъ. Для сравненія съ текстомъ рукошешнымъ, довольно полнымъ, могутъ служить варианты, напечатанные въ Отеч. Зап. 1841, № 5, библ. стр. 58 и другихъ изданій.

Таковъ былъ объемъ старинной повѣсти Русской, сколько мы могли опредѣлить его по известнымъ памятникамъ письменности, которыми мы имѣли случай пользоваться. Многого недостаетъ въ этомъ очеркѣ, но большая часть фактовъ собрана, и дополненные въ послѣдствіи они представляютъ полную картину свѣтской литературы въ древней Руси. Нѣтъ сомнѣнія, что откроется еще не одно замѣательное произведеніе политической старины Русской, если только будутъ разбирать памятники съ любовью; мы, по крайней мѣрѣ, не жальдемъ объ употребленномъ на работу времени: сказанья о Соломонѣ, Девгеніевъ Дѣяніе, повѣсть о Горь-Злочастіи и другія произведенія, нами указанныя, составить интересную и не лишнюю значенія страницу въ исторіи древне-Русской литературы. Незвѣстность памятниковъ, относящихся къ старинной повѣсти, заставила насъ ограничиться только изложеніемъ фактовъ. Въ настоящемъ положеніи вопроса о старой литературѣ нашей, опредѣленіе фактовъ есть дѣло первой необходимости; оно можетъ точно указать предѣлы, въ которыхъ совершилось развитіе Русской мысли и фантазіи и дальше которыхъ оно не имѣло силы проникнуть, и можетъ дать лучшее разрѣшеніе споровъ, поднимаемыхъ сантиментальными партизанами старины и ихъ скептическими противниками. Результаты явятся сами за изслѣдованіемъ, и каковы бы они ни были, они должны быть приняты наукой, не смотря на упорство частныхъ мнѣній. Характеръ старинной Русской повѣсти ясно открывается изъ разбора ея произведеній: существенныя черты ея — подражаніе, недостатокъ самобытнаго, ограниченность литературнаго значенія — бытъ только отраженіемъ общаго характера старой письменности нашей: съ немногими исключеньями, и та и другая наиболее важны, какъ пособіе для исторіи быта и нравовъ.

Въ послѣдствіи постараемся представить обзоръ матеріаловъ и литературно-историческія замѣтки о Русскомъ сказочномъ эпосѣ, который живымъ преданіемъ сохраняется въ устахъ народа.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

I. Приводимъ выписку изъ Румянц. Александрин. Сербской редакции, № 175, начиная съ 1-го листа.

«Житіе и последованіе достоитиимъ чиномъ и воинномъ оустраивающимся на брани, еже оубо читати и разумѣти и слышати оубоже мужа цря Александра, како воина и како назасе прѣ всеей земли поделенной. Начнемъ оубо о рожденіи и о смерти его.

«Бистъ великой премудрости и храбрости и крѣпости стврдившиася въ якто (и пр. ср. въ Он. Р. Музея)... рожденсе снѣ емѹ тогда и нарече име емѹ Александръ, еже по Грѣскомъ езвѣ доветсе избранъ, и по истинѣ избранъ и оубо всемъ являшеся: не оубо же емѹ оубо плѣскаго рожденія, ни оубо члвчскаго створа, но оубо имъ промисломъ, иже всегда помагане емѹ. Имаше къ всеакому истиннѣю любви и елики непотворны: податливъ и милостивъ къ всемъ съгрешающимъ, и правъ судъ имаше: сими 4-ми добродѣтели четирымъ краемъ земле цря самодржацъ назасе, и сими добродѣтели всеакій цря свое прѣтво требоѹе држати. И тако Александръ творо, великимъ градовомъ и странами цря назасе, колко ни умъ члвчъ постигнути возможе. ни изъ разумъ донти Александрово добродѣтели, дивнѣи же и плгасей.

«Начнемъ оубо о рожденіи Александрове.

«Говоре снѣ Филиновъ бити емѹ, но не оубо то, но Нектеванъ цря Египтскаго снѣ есть, и Олимпиди, жена Филинова. Снѣ Нектеванъ Египтскимъ странами цря, влховною мндростію и звѣдочтїемъ цря оубо, къ бою и рати неидеши, ни войскомъ ни оружіемъ противашесе, но на помощь себѣ имаше влховнѣю мндрость, и всемъ оубо окрннимъ езвкомъ противашесе и оубо делаше. И всеи оубо окрнне прѣчуждашесе, что умити джквкомъ емѹ влхвѣ Египтскому цря, — всеа бо оубо земли ншеи и боольшество влховною мндростію вздеи и къ своимъ земли привоки — ми же страждомъ: но оубо не трнмъ вещи сію влховнѣю, нъ всеи оубо образшесе на землю Египтскѣю подемю, и Нектеванъ оубо прѣва влхваше, и оубо

иша ѿнеть къ себе възмено, а ѿнь есть бездѣльнъ и безъ наследія, вловильнъ и страшильнъ, и вса земля та противитесе. Бѣху же свидѣцѣи ѿли езицы на Нектецава: Перси, Швери, и Араши, и Акѣини, Вѣоши, и Елани, и ише всточни езицы; и то видевъ Егунцкѣий црь крашиий црь именовъ Верверихъ, и всплакавесе, и рече: ѿ тебѣ тебѣ, великій въ градовѣхъ Егунте, до нѣсь възнесесе, и до ада... свидѣши; рука твоа ѿбѣ на всехъ, ни же рука всехъ на те; здѣ сладости насытилесе еси, ны же горкаго яда насытишисе, но идемъ къ Нектецаву црѣ, и повѣмъ смѣ бившее, повеже пензчтвеніе всточіе цриве и войске идуть на ны. И пришьде, пристышивъ къ немѣ, и рече: вѣсто ти бѣди црѣ, понеже вьскоре свой живогъ въ смѣрть премѣшиши. Даріе бо црь Персидкѣий, кой бѣ такмчтесе (?), приде на межде земле твоее съ вьсѣми всточными войсками, и хочеть поразити Егунать тебѣ ради, но савькѣши свою войскѣ на боѣ, и изди прѣма нхъ, нь шкто же можетъ ѿдолѣти силной войсцѣ и храбрѣмъ вгезѣмъ нхъ, — црь рече — црь на цра и юнакъ на юнака в кони, и тако чьсть и помощь имать; црѣтво многими людьми състоитесе, како и море многими влчани, и тако страшно являетесе плавающимъ по немъ. И то Нектецавѣ Верверихъ рече, и насмѣяесе црь и рече: добро сътворишь еси, понеже възвестишь еси мнѣ дошавіе цра Даріа и другихъ всточныхъ црей на Егунать; мудрій страшильнъ не биваетъ, раты многими людьми не бивають, но добрымъ и храбримъ срѣмъ; многаци еднѣ вѣкъ многи еленъ гонить, и еднѣаго вѣка скоченіемъ много стады ѿвѣль разгонитесе, нь ти поиди и реченное ти ѿ мене створи. нишь спноходи и мнѣ гласъ послѣди. И се рекъ Вервериха ѿправи, самъ же писа книге по всемъ градовѣмъ и страна Егунцкѣихъ готовитесе на брань, битисе за землю и за црѣтво свое; но гдѣ Бѣ не хочеть, члѣкъ не можетъ. И сіе рекъ, выиде въ полату црѣвѣ и влѣвно врачеваніе сътвори и златѣ рѣоуумирію водѣ шачни и ѿ воска на водѣ двѣ войскѣ шчини, съпротивишъ войскѣ свою, и штрѣстію сътвори битисе войскамъ, и видѣ свою войскѣ ѿ Персидкѣей войске побѣенъ, и виде црь ѿтгунце Егунцкѣе крмще корабли ратніе и Сважакѣ войскѣ въ Егунть, и велии всплакаесе и рече: ѿ горе тебѣ, Егунте, во много дѣтемъ пролавилесе еси съ цремъ своимъ Нектецавомъ и въ едномъ дѣте погибѣте, вѣсть бо на земли радости, вѣе не премѣнитесе въ жалость, ни слава, коя не погибѣаетъ, но ѿ горе дѣтемъ, вѣже надѣютесе въ влѣвѣшю штрѣстѣю и помощь: прилично есть влѣвѣшю надѣтесе на воду когда се ѿбре, тогда въ воду погрѣшеть. И въ бѣсѣстіе приде црь Нектецавъ, и въ Егунте не молаше бити, ни

съ войскою бѣгше, жалосте исплише. брану и главу свою бѣстрма, и въ полубоци не прѣкнхъ полати и вѣже и Уалисе, въ пеллани стране земле ѡтїде, и прииде въ Филиппѣ градѣ, идеже его никтоже не знаше, и седеше въ иѣкомъ мѣсте скроби въ градѣ, и врача себе назваше и майстора хитра ѿ Егѳитскихъ звездочатьи.

«О нашѣдшихъ воеска на Егѳитъ.

«Войску свою Егѳитене многу изгѣише и къ дворомъ цра своего Пектешава приидоше и не ѡбретоше его въ прѣкихъ полатахъ, и велики вьсплакашесе, и ѡбретоше писаніе престо на ѡдрѣ его, гл҃ше сине: милан мой Егѳитени, зла вашего не могохъ зрѣти, по ѡтїдохъ ѿ васъ старѣ въ шѣ землю до 30 лѣтъ, и по тридесетехъ лѣтахъ наши приидѣ къ вамъ младѣ. И то писаніе вьзъиши Егѳитене, палише сѣ злату и сѣнь високѣ срѣде Егѳита поставише въ мѣсто цра, и въ руку его положиша писаніе, его же самъ писалъ бѣше, и вьложише вѣшьи на главу его, сами же къ Пасидону ѿ своему притекоше, и за Пектешава цра своего молишесе и выпрашахѣ его: где есть? Онъ же къ нимъ въ сѣ явше и рече имъ: до 30 лѣтъ ямать принти къ вамъ младѣ, и мѣш не Удомлен десниці Перекѣи притупити и враги ваше Перен подъ ноги положить.

«Въ Македонїи вра вѣли бѣсть Пектешавъ.

«Филиппъ же црѣ Македонскїи имаше црїцу, име ее бѣсть Олимпїада, и вьсегда скорѣбъ имаше зане неплодна бѣше, по ѡбразомъ краена бѣше зѣло, и въ великой любое црѣ съ нею прѣшаше. Егда же идеше црѣ Филиппъ на воску (sic), и призва црїцу къ себе Олимпїаду и пелова е вьсесрѣчно и рече ей: милан мой Олимпїадо, аще не зачнеши ѡтроче до пришѣствїя моего, не има дуже видѣти ѡчи мои, — и сїе рекъ на войску ѡтїде. Олимпїада же ѡскрѣбѣ и въ тузе великой бѣста, не вѣде что сѣтворити. Едина же ѿ рабїи знаше ю, пожеже скрѣбѣ ѡтрочети ради невѣтїя, и рече къ Олимпїади црїци, госпожи своей: не скрѣи, госпоже моя, есть въ наше градѣ члѣкъ Егѳитенинъ, мужъ хитрѣ словомъ и дѣломъ: мнѣгмше, когда те види, сѣтворитъ ти срѣцѣ хотенїе, — сїе же сїи а Олимпїада вьскорѣ за Пектешава посла.

«Приде же Пектешавъ къ црїци.

«И рече ему Олимпїада: ѿ члѣке Егѳитенине, истина ли есть, что азъ слышала ѿ тебе, пожеже хитростїю твоєю можешъ раздрешити Стрѣбу мою, и силномъ црѣ Филиппу сердце ѡбвеселити, и великую мою жалосте на радость ѡбратити; и аще се истина будетъ, твои неумѣнно еже въ и, и великую часту и црѣ ѿ мене примеши и вь члѣкъ Македонїи зарѣчеши е

«Пектенавъ же видѣвъ Ѡлимоѡду

«И ведаи дивляхесе лѣнотѣ лица ея и ѡчима въпраше на нь, и главоу преклонивъ стояше, ѡна же поминяше едоу хощеть въскорѣ ѡбседовати са вою, ѡнъ же етоу маче. И рече емѡ Ѡлимоѡда — что те трудшии, ѡ чѣмче, аще имашь силу зверити, твори еже вѣси. (Ѡнъ же видѣвъ красоту авна ея, оустраменъ бысть въ срѣце любовію, и рече къ Амѡновѣ въздъ, прище, понеже ѡзи хотеть ѡити сѣ тобою, Амѡна и Фивеса, да аще приустиши къ себѣ, мѡи великоу прѡ наречешесе.

«И се савѡа Ѡлимоѡда и възрадовасе радостію великою зѣло, понеже своємѡ сѡдъ мѡи назоветсе, и повелѣ Ѡлимоѡда, да сътвореть емѡ камарѡ члвкъ близъ позате црѣво, яко да каздетъ ей дохождение ѡа Амѡна и Фивеса. И приде Пектенавъ (въ р. Амѡнъ) къ ней самъ въ ѡбразѣ ѡа Амѡна и рече — таковъ естъ ѡбразъ Амѡновъ: глава ѡрли, на ней рози василевскы, ѡпашь асидовъ, ноги львови, крила грифова азата и черкена, — ещѣ въѡбразисе Пектенавъ и вѡише къ Ѡлимоѡдѣ, и бысть съ нею, и рече ей: ѡбжеши ти въ женѡхъ Ѡлимоѡдо, яко дасъ зачеть сѡа, въсемѡ свѣтѡ црѣа. И сіе рекъ, пшъдъ вѡнъ, ѡна же ѡста льстива, — и приде азѡтра къ ней и рече ей: хранисе въ чистотѣ, и тако приходишь къ тебѣ ѡвъ Амѡнъ, и егда приде време родити ти, призови ме къ себѣ, и что ти азъ рекъ створи. И семѡ тако бившѡ, —

«Пристѣвъ часъ рожденіа и пристѣши Пектенавъ къ црѣци и рече ей:

«Придржи въ себе не родити, дождеже ѡлгій часъ придетъ, аще аще въ сѡи часѣ... родити, раба и непотребна члвка, аще коло круга небеснаго въ луцѣ стоятъ; мало потерши, дождеже носію планити на уставѡ ставъ, и стихіе преступленіе створеть, тогда родити хощеши пра прѣмъ, зѣло мудра члвка. Ѡна же прегрѣвши се и роди сѡа великого Алексѡна раба...»

III. Одно изъ **Троическихъ свазаній** приводимъ по Румянцовскому хронографу XVII вѣка, л. 456, а. 198—202; варианты указаны по другому Румянц. хронографу, л. 459, гдѣ повѣсть находится на л. 7—17, и по хронографу, сообщенному намъ г. О., гдѣ она помѣщена на об. л. 10—25.

«Повѣсть о созданіи и ильненіи Троискомъ и о конечномъ разореніи, еже бысть при Давидѣ, царѣ Иудѣйскомъ.

«Быше въ первая времена царь илкін именемъ Притень. И въ илкін день бывашу ему на доуѣ въ илкомѣ морекѡмѣ отощъ,

у него же отъ сѣвныя страны течаше великое море, а отъ другія страны Скомандра рѣка¹, а отъ третіе страны Пелешино море, а отъ четвертыя страны стояше дугъ Дудома², а отъ пятые страны удоли, и дѣже растяху дровіе и цвѣти много-различни. Видѣвъ же царь доброту мѣста и нача злати гратъ во имя свое, и послѣ своего живота повелѣ сыну своему злати. Такожъ и прочіи лавовѣлаху кождо сыну своему, и съ прескннимъ паремь, иже нача злати, всѣхъ шесть до Троица царя, иже вѣше всѣхъ дѣлю сотвори и нарече во имя свое Троя градъ. Троиць же роди Пріяма царя, у него (же) паридца именемъ Якама, — и въ ноци видѣвъ сонъ и сказа мужу своему, Пріяму царю, и рече: родихъ я главню, и възде на небо главня и пакы возвратися и паде въ море и изыдоша изъ моря искры, яко пламень, и падоша на Трои и погорѣ весь градъ. Пріяма же сказа сіе болромъ и пророкомъ волхвующимъ и мудрецемъ и всѣмъ людемъ, и рѣша ему: господи царю, родится отъ жены твоея сынъ, его же ради изгоритъ и разорится Троя градъ и не останець камень на камени. Царь же рече женѣ своей: егда родится сынъ наш, да повелимъ его убити. Жена же рече ему: дѣлю рада сіе сотворити. Егда же роди паридца Якама сына своего и видѣ его красна зѣло и закалися яко маги³, и не може убити, но повивъ его въ ризы многоцѣнныя и съ нимъ много сребра и злата и повелѣ его поврещи въ градъ⁴; и обрѣте его пастырь овчій старъ, емужь роди жена сына, и повелѣ еи обрѣтеннаго отрока кормити. И бывшу ему седми лѣтъ и нарече его Фариакъ пастыревичъ, и хожашу со отцемъ своимъ оба отрока на поле и играху. Фариакъ же связываше⁵ два пола и бодяхуся, и кін преогнаше, тому⁶ сплелаше вѣнецъ отъ масличія, кін же⁷ не одолѣваше, тому вѣяше отъ сламы, и полагаше има на рогу. И егда возрасте Фариакъ, хожаше съ добрыми витязи, сін рече съ дѣтми боярекими, и преодолѣваше ихъ во всякой игрѣ и прободе за щитомъ единаго витязя. И въ то время бракъ творяше Ведень царь, и призва всѣхъ бояръ и

1 Въ нашемъ спискѣ: *отъ пріія рѣки скомандрова рѣка*; поправлено по О.; меткихъ ошибокъ ми указывать не будемъ. 2 Такъ въ Р. 459, друг. *до дома*. 3 *яко нити* недост. въ Р. 456. 4 *валехе отъ троа* въ О. 5 *связовашу* въ Р. 456. 6 *тому* недост. въ Р. 456. 7 *такъ сикъ же* въ нашемъ спискѣ.

боярынь и Фариса пастыревича, и придона на оно веселіе три жены, ихъ же пророчица нарицаху, и одну не позваша, яко свидѣла бѣ. Она же за оно позваніе помышляше, како бы сваду учинити, и сотвори яблоко злато, и написавъ на немъ: которая отъ трехъ тѣхъ женъ и пророчицъ благообразнѣйши, да будетъ той златое яблоко, — и повелѣтъ возврати яблоко въ вертоградъ, его же обрѣтоша тріе оны жены, и прочетше молваху Фариса пастыревича каждако ихъ, да присудитъ ей яблоко. Последняя третья рече: присуди мнѣ сіе яблоко и повѣжъ мене добрѣйшу тѣхъ⁸ и дамъ ти⁹ Елену царичу Менелая царя Греческаго, яке бысть всѣхъ насъ и всѣхъ Греческихъ женъ добрѣйши и дамъ ти¹⁰ имя ново и будетъ имя твое Александръ Фарисъ и да ти повѣжъ отца и матеръ, яже бо того старца съишь, по отецъ ти есть Пріямъ царь и мати Екама царича. И присуди Вѣнуши госпожи яблоко, и слышавъ отъ нея сія¹¹, возвеселися злю и взя прошеніе у старца, яке отецъ ему нарицаешся, и поиде въ Трою градъ и пріять его Пріямъ царь, отецъ его, и мати его, царича Екама. И прізва царь Пріямъ пророки и волхвы и рече: кто ни посигишетъ еже¹² еще наздати Трою градъ, и азъ дамъ ему три мѣры злата. И слышаста два руководца (дѣвода) земляная¹³, придоста и рѣста къ царю: мы хощемъ создати, да намъ даси, и даю¹⁴ знаи, — и начаша злати: и Тебушь бѣ гусеницъ, гуляше въ гусли и зидашеся градъ Трои, гдѣ они повелѣваху; а Пентенабушь именемъ идше въ море и поваше изъ моря варъ и камешіе и воду. И совершаста все дѣло и рѣста паревн, да имъ дастъ¹⁵ еже обѣща, и разумѣста, яко приобидѣ ихъ и разгнѣвастася и рекоста: мы есмь сотворили Трою градъ, мы же умыслимъ како разорити. Во дни Пріямовы Пштеръ волхвъ, его же и пророкомъ нарицаху, прорече, яко хощеть Александръ пріити въ Греки и царичу Елену взяти, ея же ради Троя разорится; такоже и жены оны, яке разгнѣвашася яблока ради златаго, ихъ же пророчица нарицаху, помышляху, како бы Трои разорился. Цесрощавася Александръ Фарисъ у отца

8. *тѣхъ* недост. въ нашемъ спискѣ. 9. *да ти дамъ* въ друг. списк. 10. такъ въ Р. 439 и въ О.; въ нашемъ спискѣ: *дамъ*. 11. *сія* недост. въ нашемъ сп. 12. *еже* не т. въ Р. 436. 13. *земляная* дѣло на полѣ; въ др. списк. къ тексты, и нед. *руководца*. 14. *даю* въ Р. 436. 15. *да имъ дастъ* въ Р. 436.

своего Пріема царя и приде къ Менелая, царю Греческому, еже есть Елленскому, служити со многими богатствомъ и со отроки; и слышавъ Менелая царь, изведе противу ему далече, и цѣлова его, и рече ему Александръ: придохъ азъ, царю, служити тебѣ не на златѣ и сребрѣ, но да разумѣши, какъ будетъ честь сего ради на твоёмъ дворѣ. Слышавъ же сіе, Менелая царь повеселися зѣло, и введе его къ Еленѣ царницѣ въ полату и ядяху наедши и пяху червленю вино; и егда умываху руги и убрусомъ утираху, Александръ шедше на убрусѣ червленымъ виномъ къ Еленѣ сице¹⁶: царница Елена, любя мя, яко же и азъ тебе. После же Менелая царь къ брату своему Агемену царю, глаголя: буди о семъ веселье, брате мой, хотять мнѣ служити братія мои царя. Отвеща же ему брагъ его: азъ о семъ веселье емь, яко мы самодержцы есмы, а о семъ ибемъ веселье, яко наша братія придоша служити намъ, но и зѣло олюбихся: блюдеся, да не придетъ чужая доброта и возьметъ нашу честь, а намъ будетъ великая срамота. Слышавъ же Менелая одлюбися и рече: како ибеть драго брату моему моя честь. Слышавъ же Менелая, яко отвержеся отъ него русагъ каалкимскіи¹⁷ и собравъ многу войску¹⁸, поиде на нихъ, и Александру повелѣ. Онъ же сотворися боленъ и лежа въ царской полатѣ: егда, рече, здравъ буду, гряду во слѣдъ тебѣ, — и по отшествіи Менелая царя, изведе Елена царница съ дѣвцами проходить по граду и съ боярынами Греческими. Александръ, возхитивъ Елену царницу подъ науху, и вшесть въ бораны корабль со отроки своими, и приде подъ Трою градъ. Тройсти же господе не хотаху извити противу нмъ¹⁹, вѣдуще, колика хощеть проидиши Трои кровъ за Елену; навде же противу ему отецъ, Пріамъ царь, и приа за руку его, а мати его, Икама царница, приа Елену царницу за руку и введоста въ полату. Слышавъ же Менелая царя о Еленѣ, возвратися скоро отъ войны: увиде же и братъ его Агемень²⁰ царь и собравъ все вой скоро и приде къ Менелая и печальна быста зѣло царя²¹, глаголюще: какова срамота учинися намъ, —

16) къ Еленѣ сіе *сирѣчь* къ иному списку. 17) *русѣ каалкимскіи* къ иному списку. 18) въ рук. *сирѣчь*. 19) *сирѣчь* О. 20) *Домогонъ* къ О и Р. 21) *сирѣчь* *мнѣ* *сирѣчь* къ иному списку.

и собрата силу воиску. И приде къ нимъ на помощь Аманъ, Соломониковъ сынъ, съ тридесятью катаргъ, и потомъ приде Паламидъ²², Придаковъ сынъ, съ тридесятью корабли: и по семь вѣкии человекъ, Урекшишь именемъ, Лентешевъ²³ сынъ, сотворися буй²⁴, да не причастится Тройской крови, нача несокъ орати, а солъ съяти: царя же повелѣта поврени малато сына его предъ ораломъ, и аще будетъ бѣснъ, то преорети его: — и егда повергоша, абѣ состави волю не орати и поведоша его ко царемъ и рече Урекшишь: изволилъ быхъ затригъла тещати съ бѣснъмъ несокъ, нежели пригастится Тройской крови, иже хочеть быти Елены ради царицы. Баху же и инии мнози, придоша ко царемъ на помощь ото многъ²⁵ островъ, и отъ суша, и отъ воскраи сушихъ²⁶ моря, отъ Аонизъ, и тоземцы, и отъ Феталя и ото Архія и отъ всея Еллады и отъ иныхъ многихъ. Бяше Менесивесъ отъ Аонизъ, Песторъ отъ.....²⁷, Пломневесъ отъ Крита, Тинцелемъ же отъ Рода, вси родъ имуще отъ благородныхъ и отъ царскихъ кровей, мужи храбрѣи: евоияниъ же Ахиллеи сѣяше паче всѣхъ человекъ, ратемъ побѣдникъ, силенъ и крѣкорукъ, егожъ и проя паршаху: сего поставиша цари рати паланика. Бѣ же рать многочисленна: 1170 кораблей неходять убо отъ отечества: посланиъ убо бываетъ Ахиллеи отъ храбрыхъ дружи, и на острова нападоша, и поидиша сушу, и тнахуся напасти на Трои, яко многимъ богатствомъ княше и хотяще отметити обиду Елены ради. Видѣше же Троене толку рать, собравше себѣ пособники, Кари и Ликаони, Миси и Меони²⁸, и Оруги, придрузивъ же весь Асійскій языкъ и родъ, противу изведоша безчисленно воинство: въ Тродѣ же устроя вѣще 50,000 мужей²⁹, и много время проводиша брань творяще, и сперва добрѣ ополчахуся на брань, да яко же некуша³⁰ Ахиллесово стремленіе и храбрость, съдяху при стѣнахъ заключившися. И потомъ же вѣкая жена, именемъ Велена, волхвующи, ея же пророцину паршаху, иже обладаше

22 Паламедъ въ наш. сп. 23 Лентешевъ въ О. и Р. 439. 24 буй въ О. и Р. 439. 25 отъ сто въ наш. сп. 26 отъ воскраи моря отъ сушихъ островъ въ наш. сп. 27 испорчено: от пелонивесъ, от самилонивесъ; это послѣднее есть кажется имя Аиса. 28 Пломни въ наш. сп. 29 Телъ въ Р. 439. 30 некуша въ Р. 436.

волнвѣніемъ морскими волнами, — у нея же убиша копуту³¹ бояре Агемена царя, и сего ради разгнѣвася, пусти волнвѣіе на мори, да погубитъ вся корабля Греческая. И олюбистася царя и воспроешиа Голкаша пона; онъ же повѣда имъ, яко копуты ради хощеть вась потопити пророцица, и глаголетъ, яко аще не дасть Агемень царь мнѣ своя дщери Цвѣтаны, не имамъ ихъ пустити. Царь же Агемень оскорбѣи зѣлю, и не хотя дати свою дщери Цвѣтану, и устави бурю и приидоша подъ Трою. Пыде противу имъ Екторъ царь, Пріямовъ сынъ, и нѣи мнози боляре, и нача стрѣляти Екторъ стрѣлою со огнемъ и еднѣмъ пушчѣніемъ погружаше три корабля Греческія, и Аякъ Соломоничевъ защити своимъ щитомъ 17 кораблей отъ живаго огня Екторова. И поиде Менелая царь на вѣрѣ, нача Пріямъ говорити, да отдасть ему³² Елену царичу; Александръ же не хотяше, но восхотѣ поразити Менелая, — аще бы его Пріямъ царь не защитилъ. И потомъ Екторъ царь творяше брань и поржаше множество Греческихъ вой на великъ день; — и боишеся глаза Ахиллесева; и поиде Ахиллеи подъ своимъ знаменіемъ противу Ектору царю и состагася и летася за руки и не хотѣста ся бити въ той день. И бяху пѣшлии греческіи витязи Рижкуша пона дщери Ружду, и видѣвъю Агемень царь, братъ Менелаявъ, яко добра зѣлю, и вѣзъю себѣ въ жену. А Рижкушъ поитъ сынъ Тебуга бога, и увѣдѣвъ Тебугъ разгнѣвася зѣлю и пусти своимъ волнвѣніемъ великъ недугъ въ Греческую войску, и мнози умираху, доидеже обратина дщери Рижкуша пона. Потомъ же Троицы дерзостны сотвори Паламидова смерть, — притупи Ахиллесево стремленіе, любяше бо Ахиллеи Паламида зѣлю³³ и сего ради разгнѣвася и не хотяше пѣйти на брань; Дисноесъ нисіотенишъ³⁴ храняше ненависть на Паламида и обобга его къ царемъ, яко Троиномъ хощеть добра, — и побиша Паламида каменіемъ. О горе, какова творяши зависти, — онъ же ничесоже рече, точию глаголь сеи: о убогая истинно, тебе плачу, ты бо первѣ мене погубе, — и тако умре. Ахиллеи же тяжкѣ проплакавъ о немъ и не хотяше

31, кошту въ О. 32, ему подост. въ Р. 436. 33 въ нашемъ спискѣ — потомъ же троянъ брѣвостави естѣри Паламида смѣрти, притупи Ахиллесеи Паламида зѣлю. . . . 34) въ др. сп. исторично окончателно

изыти на брань, и отъ сего бысть дерзость Ектору и того пособникомъ, и составляетъ на Еллины брань крѣпкоратую, и падаютъ, якоже класы, Греческая, сирѣчь Еллинская тѣлеса, и езера кровемъ проліяшася. И молыху Ахиллея поити на брань, и не преклонися, доидеже убіенъ бысть Патрокліе, стоже любляше зѣло Ахиллея, отъ руку крѣпкую Екторову³⁵, и сіе того принуди потещи на трояны: изыде убо Ахиллея на брань, огнемъ дыхая, и разбиваетъ полки, и побиваетъ пернборца. И пакы призываетъ Пріамъ на помощь Амазонин и пакы брань крѣпка, умирають мнози и отъ всѣхъ убо пусть бысть Пріамъ; и умоли Тантия³⁶, Индійскаго царя, и посылаетъ множество безчисленно воинства. Индіине жь вси чернообразни, ихъ же видѣвши Гречестін вой во страшныхъ зрацѣхъ и уболишася отъ зрака ихъ оружія, и отъ звѣрей устрашишася, ихъ же Индія кормитъ.³⁷ Поцію бѣжати мысляху³⁸ и оставити Трои, но обаче оподчншася къ чернообразнымъ и индійскимъ кровми очервишася. Нивія и Скомадровы струя обрацахуся кровми. Въ сихъ же наста Еллиномъ торжество, паче же и варваромъ и всѣмъ покой отъ ратей и отъ трудовъ, и убо Еллинестін, еже есть Гречестін, и Троецкое множество вой воедино смѣшахуся, и никому же содѣяти ничесоже и никтоже смѣяше, праздника ради. Потомъ же видѣ сонъ въ ночи парца Еутронія, жена Ектора царя, сына Пріамова, и возбунувъ отъ сна, приде въ ложницу свекра своего, Пріама царя, и пача со слезами глаголати ему, да не пускаетъ сына своего Ектора во утрей на брань ко Ахиллею, яко убіенъ, рече, будетъ. И сказа ему сонъ: видѣхъ, яко изыде изъ Трои меча, а изъ Греческія псы³⁹ вебрь, и пачаста си бити, и посѣче вебрь мечу и повлече его въ Греческія полки, и кътому не видѣхъ его; и аще пустити Ектора, то не чаю его видѣти, — и утѣшивъ ея Пріамъ и проводию въ ложницу. И егда бысть завтра, уговоася Екторъ царь на брань ко Ахиллею, и изыдоша прогнву ему Троецкія госпожа, и мати его, и парца жена его, и сестры его, возбраняху ему, да не

³⁵, *руки крѣпка екторовы* Р. 436. ³⁶, такъ въ др. спискахъ; *Тр тантия* Р. 436. ³⁷, *Индіине кормитъ* въ наш. сп. ³⁸, такъ въ др. сп. ³⁹, такъ въ О. и Р. 439; въ нашемъ спискѣ: *зайчатъ и зайска*.

азь есмь Пріямъ царь, вину сына своего, Ектора црца. Рече Ахиллеи: аще ты еси, и азь отъ страха твоего мертвъ есмь. И рече Пріямъ: не боишя, господине, отъ младенства иъемъ того сотворить, да сына вилзя погублю, по проше сына своего Ектора. И рече Ахиллеи: аще клененимися, азь понесу Ектора на свою и тещу въ Трою по вѣрѣ и клятвѣ, да здравъ выиду и пьзду. И вземъ Ахиллеи заутра Ектора и понесе его въ Трою и предасть его Тройскимъ господамъ, и начана его и пакати, и рече Пріямъ царь ко Ахиллею: пондевь въ церковь Аполлона клятися, еже къ тому не воеватися, дабы остало⁴⁴ съмя Трою, и дамъ ти свою дщерь Поликсену, коя во вѣхъ господахъ Тройскихъ добрѣйши. И во церкви кляса первіе⁴⁵ Пріямъ и отступни, и преклонися Ахиллеи клятися, и ту себе скры Александръ Фарисжъ, Пріямовъ сына и Діоовъ, и устрѣли Ахиллеи ядовитою стрѣлою въ пятю, занеже бѣ весь вооружень, точию пѣлєнѣ его безъ желѣза, и пѣлѣгоша воцъ; Ахиллеи же надъ на издыханіи послѣдиемъ. Оцуди азь сѣя Діевесевъ, ядвше бо слышишь, и съ нимъ Діогонъ⁴⁶ и Ея теламонийши: вьуди же убо въ церковь вьсключивше, обрѣлоша крѣпкого проя, еже естъ Ахиллея, лежаща и кровни обліяна и угасна и едва дышуща и движуща языкъ, и хотящимъ очима его покрывше тмою. Якоже убо видѣта его, проплакаста и нападъ на перси его Ея великіи⁴⁷, съ плачемъ ко Ахиллею рече: о ратемъ разрушителью, венодине крѣпкорукіи, кто погубити ти возможно, двоюроднаго? Онъ же едва прогласивъ рече: убѣта мѣ дестю⁴⁸ Александръ Фарисжъ и Діоовъ, — и сѣя рекъ надъше. Видѣвъ же сѣя Пріямъ царь озлобися зѣло и совѣче со Ахиллею оружіе все и пусти ко обѣма царема, и сказа имъ: како вѣру его, еже со Ахиллеемъ, преступиша, и аще велита, да⁴⁹ тѣлю его принесу къ вама. И плакаша зѣло, видѣвши оружіе Ахиллесово, и повѣста Пріиму царю сожени тѣлю его и вешнати въ корчагу, да сотворимъ, рече, гробъ его на далечной земли, — и сотвори Пріямъ тако, сожже плоть его, и вешнавь въ златын корчагъ и посла царема. И видѣвши, царь и Гречестин полцы дивившася, глаголюще: о

⁴⁴ *остава* въ др. св. ⁴⁵ *и рѣ* въ О. ⁴⁶ *Діогонъ* въ О., *Діогонъ* въ Р. ⁴⁷ *великіи* въ О. ⁴⁸ *убѣта* мѣ *Александръ* и *пр.* въ Р. ⁴⁹ *азь* въ О., *скажи* въ О. и Р. ⁵⁰ и т. д. двоюрод. въ мшол.

сила и сила Ахиллеса, како ты не совладаху вси градове и
отоши, и дѣла створи корабѣ и вѣсть тебе поше. Видѣвши же
Елена и рече, яко холеть скончати Трою, и въстала състо
мешало Пошшора, и съ нимъ дала много къ Пошшешеру⁵⁰
царю, на оукъ-путь моря, иже прутевоше вѣстѣ Пошажо, дабы
остало сѣмъ Трою. Потомъ же вѣли мужъ убѣснѣи и закляша,
и пакы цркви обѣяса земля Тройская, и пакы окрѣпленн
быша Сколидровѣ струя, доидеже вохвѣннѣмъ пророчествомъ
и речекоша, яко вѣсть мощно ратию вѣсти Трою, но токмо дѣстѣю
единою⁵¹. И абѣ содѣлаша коня древяна, велика зѣло, и за
твориша въ немъ мужа храбраго и сами отонти творяхуся ко
отечеству своему, коня же оставеша у пристанища и сами скра
наша во островѣ. Видѣвши же Трояне пристанище пусто, коня
же единого стояща, и недоумѣюще двѣлахуся и свѣрѣа убо
мняху все прелесть⁵², коня же погубити мысляху, но огнь или
въ море вверени. Но занеже приде время еже вѣстѣ быти
Трою, во градѣ⁵³ увѣщавше вѣсти коня, яко образъ и користь
отъ сопротивныхъ, и они убо ввесоша его, и нѣгѣмъ и ирѣмъ
себе владѣти и уснуша глубокимъ сномъ: мужѣе же, крѣвѣщѣя,
ишедше полкомъ⁵⁴ и зазгоша храмы и пламень воздвигоша
великъ; и сіе видѣвши, Единии векорѣ плывуще приидоша къ
Трою, и вратомъ отверетомъ бывшимъ отъ прѣже вшедшихъ,
яко вода влѣвшася множество воиска Греческаго. Твердѣннѣмъ
жъ сине прѣяту бышту Трою, — иидѣ же ишесть, сткломъ и
мѣдью и воскомъ сотвориша Фрикса сѣра, тѣмъ же образомъ
аки конь, и въ немъ затвориша 300 витязей, сирѣчь боляръ во
оруженныхъ, и егда его ввезоша во градѣ, врата разорнише⁵⁵,
непроедну ему во врата, тогда воини разбивше главами сткло
и скочивше, многи ишекоша: достиже же и все множество
воиска въ корабѣхъ и по суху; — ишекоша же Тройскія вел
можа, а иныхъ въ море пометаша, ишедоша же Александра и
Елену царичу къ Менелая, и рече ему Елена: о госноди царю,
ты бысть въ вѣки кривъ, чему ми остави со Александромъ Фри
скемъ, да ми прѣвѣтитъ своимъ невѣрствомъ? И отвѣща ей

50: въ рук. *Политиссеру*. М. *списокъ* вел. к. О. и Р. 439. 52) *сѣтъ* к. Р. 436. 53) *сѣтомъ* Р. 436. 54) *и полкомъ* к. Р. 436. 55) *отверетиши* к. О. и Р. 439.

царь: госпоже Елено, яко отсель азь сотворю — тебе иль шкотоже не прельстити⁵⁶, — и повелъ ей со Александромъ утѣхнути, и съ ними Поликсену, дщерь Пріамову, повелѣ утѣхнута на гробѣ Ахиллесевѣ, яко ей ради погибѣ; и Екамѣ царю, мать ей, дана на подѣль⁵⁷, съ нею же и прочая госпожа и боярыни. Ветоми же плакахуся зѣло, царица же Екама утѣшаше ихъ: азь имамъ ваши слезы утѣшити, — и прочая же жены восхиташа бѣху отъ чертогы повоженныхъ⁵⁸, и младенцы ударяеми бываху о стѣну, и земля наводилема бѣше кровми падающихъ, и спроста рещи, плачь вся содержане, и все дѣлое и горькое содержане грады; и огнени предають и поналяють отъ основанія, еже во градѣхъ прекраснаго и презрянаго Троя. И увѣдѣвъ сѣя царь Поликсенеръ и повелѣ заклаги Полифора царя, Пріамова сына, и во время его въ море; и ту пристана корабли Гречестин, и взятъ Екама царша ведро, еже почернѣти воду, и обрѣе сына своего мертвѣ и возопи гласомъ великимъ, плачущиша. Тогда слышашъ Поликсенеръ царь, изыде на утѣшеніе Екамѣ царини, и воста съ нею Тройскія госпожа, набодоша царя Поликсенера пожи, сѣя увѣдѣше, граждане побиха ихъ каменіемъ, и Екамѣ царину⁵⁹. Возвратижеса⁶⁰ Менеласъ царь со всеми Греки съ побѣдою и съ великою честію, стоя подѣ Троемъ дѣтъ 10 и мѣсяць 7, и тако скончаша Тройское царство. Пашиса же повѣсти о Тройскомъ пѣвении творецъ Омиръ, Ахиллесъ же сѣй бѣ сынъ царя Пасты, а мѣдъ пишеть «Фиредеша» (?).

181. Девгеніево дѣланіе приводимъ изъ Нового швейцарскаго сборника, I^o 1773, об. л. 342 — 361, такъ же не сохраняя всѣхъ меточей написанія (но не чтенія), такъ какъ списокъ уже познаний: очевидная ошибка исправлена.

«Дехиѣдъ прѣдѣихъ времени и хрѣбрыхъ члвкъ, ѿ дѣраости и ѿ хрѣбрости і ѿ бѣдрости прекраснаго Девгеніа».

«Бѣ и така вдова царскаго роду и предаша себя во спасенію — отъ перваи николи же отхождаше, — и бысть у нея три сына»

⁵⁶ *и азъ азъ сотворю* и т. п. и пр. вл. О. 47, *и отстолю* къ О. 38, *и отстолю* вл. О. и Р. 459, 39) и *Екама царю* вл. къ О. и Р. 459, 60 *и отстолю* вл. О. и Р. 459.

веледѣшна и велеозарна, молитвою же матери своей дѣвице храбрость о дѣлахъ своихъ. У тойже вдови бысть дщерь веледѣшна и велеозарна красотою лица своего, и ульшна о красоти.¹ Дѣвица тоя Амирь царь Аравитцкіе земли и собора войска своего множество много и поиде пакости творити въ Греческой земль, для ради красоти дѣвицы тоя. И приде въ домъ вдови тоя и восхитивъ прекрасную дѣвицу Амирь царь мудростию своею и невидимъ бысть никимъ же въ Греческой земль, но токмо видѣ едина жена стара дому того; а мати ея въ то время бысть у церкви Божіи, а сынове во иной странѣ на доль. И приде же вдова та отъ церкви Божіи, и не обрѣде прекрасной своей дщери и нача вопрошати въ дому своемъ рабъ своихъ и рабавъ о прекрасной своей дщери, и рече она си вси рабы дому ея: «не вѣдаемъ, госпожа, дщери твоей прекрасной», — но токмо едина жена стара дому того видѣла и сказала госпожѣ своей вдови: «сприде, госпожа, Аравитцкіе земли Амирь царь, и исхитивъ дщери твою, а нашу госпожу, мудростию своею и невидимъ бысть въ земли нашей». И слышавъ же то вдова отъ рабы своей и нача терзати власы главы своей и лице, и нача плакати о прекрасной своей дщери и рече: «сувы мнѣ, окаянной вдовици, аще бы были чада моя дома, да шедъ бы угодили Амира царя и отняли бы сестру свою». Но малъ же времени придоша въ домъ чада ея и видѣше и личь матери своей, и начаша вопрошати матери своей: «скажи намъ,² мати наша, кто ты обидѣлъ, царь ли или князь града сего: токмо насъ не будетъ въ животи, то аще ты обидима будешь». Рече же имъ мати ихъ: «чада моя милая, никимъ же необижена града сего, разве имѣли есте у себя вы едину сестру и та выишъ исхитена руками Амира царя Аравитцкіе земли, — и уриа ми сердечное кореніе, и уязе ми яко бездушную трость, а выишъ заклинаю вы, чада моя возлюбленная, да не предумати вамъ лановѣли моя: идите вы и угодите Амира цара и отоймите сестрицу свою прекрасную; аще сестры своей невозмете, и вы и сами тамо главы свои положите³ за сестрицу свою, и я оиду и обѣ васъ, яко безчадна суть». И рече она же сынове ея: «мати

¹ въ рук. *красотою ея* и пр. ² въ рук. *намъ мати*. ³ въ рук. *погити*.

боялися Іота, да по бы вь смерти прѣтати, но вѣрѣхъ
къ: повѣдѣте намъ, каковы шатры Амира царя шьтѣ
Решоша же нмъ сраныи: «Амира царя шатры чѣрьны, а во
подолу желны, а по шатру латомъ и сребромъ и жемчужь
украшъ и драгимъ каменемъ украшъ; а у брата его шатры
сны, а по подолу желны, а по шатру тако жь латомъ и сребромъ
украшъ, а шьтѣ многія шатры стоять, а вь нихъ
прѣбывають многія кмети, а ежють у царя прѣбывъ
ка годъ по 1000 и по 2000, силни и храбрии еуть: единъ на сто
человѣкъ налетѣтъ. Братанчи же⁵ отпустиша тѣхъ сраныи
трехъ ко Амиру царю своему словомъ вѣсть да не речъ бы
онъ такъ Амиръ царь, что мы прѣидоша къ нему татемъ, — и
рече сраныиномъ братанчи: «пощидте вы во свояси». Сра
ныиине жь ради бысть отпущенію нхъ, сказала царю своему:
смышавъ же то Амиръ царь и ужастень бысть, и призавъ
кметевъ своихъ и рече имъ: «братія мои, свѣдѣи кмети, видѣхъ
я ночесъ сонъ, яко ястребы три бѣоше мя крила своими и едка
не предложиша на тѣлѣ моемъ рать, занеже братанчи си
прѣидуть, а начнутъ про творити». Вь то жь время прѣхаша
братанчи къ шатру Амира царя и начаша кликати Амира
царя: «царю, поиди вошь изъ шатра, повѣдѣ намъ Амиръ
царь, что еси неумѣешь на пути стражей ставити: мы жь къ
шатру твоему прѣхаша безо всякѣи обороны, а выикъ повѣдѣ
намъ... прѣидѣ и нехитилъ еси сестру нашу татьбово; аще бы
мы вѣшоры были дома, то не могъ бы⁷ ты убѣжати съ се
строю нашею, но злою бы ты смертію умеръ, но и вся бы
земля твоя отъ насъ въ работѣ была, а шанѣ повѣдѣ намъ,
гдѣ сестрица наша?» Отвѣшавъ же Амиръ царь: «братія мои
миліи, видите гору онукъ велику и прекрасну: тамо бо по
сѣчены многія жены и прекрасныя дѣвицы, тамо же и сестра
ваша посѣчена, занеже она не сотворила воли моея». Прѣ
коша же царю братанчи: «сло ти отъ насъ будегъ», — и
пощидоша они на тое гору искати сестры своей, мертвого тѣла
ей, и видѣша на горѣ многія жены и прекрасныя дѣвицы по
сѣчены, и начаша сестры своей тѣла искати, и обрѣше одну

⁵ въ рук. а иши. ⁶ братанчи въ рук. ⁷ не можетъ бы въ рук.

дѣвцу прекрасну зѣло, и начаша по ней слезы испушати, чающе, яко сестра ихъ. Рече же имъ меньшій братъ: «братіе, ижесть сестры нашей, то есть не наша», — и сѣдше братамъ на кони своя, и воиша ижесть ангелскую велегласно ко Господу: «благословенъ Господь Богъ нашъ, научая рудь мои на ополченіе и на брань», — и рече они между собою: «спомоимъ, братіе, слово и приказъ матери своея: днесь ся родили, днесь ся мы и скончаемъ⁸ — по повелѣнію матери своея и главы своя положимъ за сестрицу свою». И приекочиша къ шатру Амира царя и шатеръ его на коня своя подшаха, и рече же имъ Амиръ царь: «братія моя милая, отъѣдите вы прочь отъ шатра сего и измечите вы между собою жребіи, кому отъ васъ со мною выиметца жребіи битись: аще вы преодолѣете, то и сестру свою возьмете; аще азъ васъ преодолѣю, и мнѣ годно васъ всехъ посеѣшь». Братамъ же отъѣхаша отъ шатра его и начаша метати жребія, и вергоша жребія впервые и выняся жребіи меньшему брату на брань ѣхати: братія же въвергоша въ другой рядъ жребія, што не меньшему ѣхати битися противъ Амира царя, понеже силенъ есть, — и въ другой рядъ выняся жребіи меньшему жъ брату битися: они же вергоша жребіи и въ третей рядъ, выняся меньшему жъ брату на брань ѣхати битися со царемъ Амиромъ, занежь они съ сестрою изъ единыхъ матери утробы вместе шли и во единъ день роженія ихъ. И начаша братамъ меньшого брата крутити, а гдѣ стоятъ братамъ, и на томъ мѣстѣ аки солнце сілетъ, а гдѣ Амира царя крутитъ, и тамъ ижесть свѣта, аки зма темно, — братія же ангелскую ижесть ко Богу возсылающе: «Владыко, не поддай создания своего въ поруганіе поганымъ, да не возрадуютца поганіи, оскверня крестьянскую дѣвицу», — и сѣдшы же они на кони своя и сѣхася они вмѣстѣ со Амиромъ царемъ, и начаша ся слынцъ саблями и ударившася между собою конями. Видѣша жъ то срацишше и многія кмети дерзость меньшого брата и рекоша Амиду царю своему: «великій господине, Амиде царю, отдай имъ сестру ихъ и прими миръ отъ нихъ, се бо единъ меньшій братъ ихъ крѣпость твою пообладаетъ: аще совокупатца вси три

⁸ С. 320. в. 25. 26. 27. 28. 29. 30.

во едино мѣсто, то вси земля наша отъ нихъ въ работѣ будетъ. Меньшій ихъ затѣде созиди Амира царя и удари его межъ плечь и долу его съ коня сверже, и ухвативъ же его за власы и примаха его ко братіи своей. И рекоша⁹ вси грацианне велегласно Амиру царю: «отдай, Амуре царю, сестру ихъ имъ, да ты ве погубять до остатку»: рече имъ Амиръ царь: «возмоуите мя, братіе милая, днесь крещуся во святое крещеніе, любве ради дѣвицы тоя, да буду язь вамъ зять». Рекоша же братаничи: «брате, Амуре царю, власть имамъ посѣщати ты и власть имамъ пустити ты, — какъ намъ за холопа выдать сестру свою, а шибѣ повѣждь намъ, гдѣ сестра наша?» Рече же имъ Амиръ царь слезно: «братія, видите оно въ полѣ прекрасно, — тамо стоятъ многія шатры, а въ нихъ сѣдигъ сестра ваша, а гдѣ сестра ваша ходитъ, и гуть изослано поволоками златыми, а лице ея покрыто драгимъ магнитомъ, а стражіе ея стрежаху далече отъ шатровъ». Слышавъ же то братія радостнии быша и поскочиша¹⁰ къ шатру ея и прискочиша: стражіе же не рекоша имъ ничегожь, а чаюше, яко прихольцы суть, а не чаюше, яко братія ея. И приидоша же братія къ шатру и видоша въ шатерь къ сестрѣ своей, и обрѣтше же сестру свою на златѣ¹¹ стулѣ сѣдящу в лице ея покровению драгимъ магнитомъ; начаша же братаничи вопрошати слезно: «повѣждь намъ, сестрица, дерзость Амира царя, аще къ тебѣ прикоснулся единовѣрь словомъ, то отымъ же главу его и отвеземъ въ Греческую землю, да потомъ не будетъ похвалятися, осквернивъ крестьянскую дѣву». Въ то жь время Амиръ царь собра триста верблюдовъ и наполни на нихъ драгаго злата аравитцаго и даде братаничемъ въ даровяхъ, любви ради дѣвицы тоя, и рече имъ Амиръ царь ко братаничемъ: «помилуйте мя, братія моя, отвергусь я вѣры своея и днесь крещуся во святое крещеніе, да буду вамъ зять». Рекоша же братія къ сестрѣ своей: «повѣждь намъ, сестрица наша, аще со Амромъ царемъ сраму добыла еси, то мы отнимемъ главу его и отвеземъ въ Греческую землю, да не будетъ похвалятися, осквернивъ крестьянскую дѣву». Рече же дѣвица ко братіи: «никакоже, братія, не имѣйте никакова о мнѣ

⁹ рекоша имъ въ рук. ¹⁰ поскочиши стражіе въ рук. ¹¹ на златѣ.

во уми своемъ, — коли я рехищена Амиромъ паремъ, и тогда было при мнѣ 12 кормилицъ, а нынѣ боюсь поношенія отъ людей и отъ своихъ сродницъ, занеже бысть половецкиа: занеже и азъ повѣдала Амиду царю дераость вашу, и Амидь царь всегда ко мнѣ прѣязькаше единою мѣсяцомъ и пдалеча на меня смотряше: лице мое повелѣ сродичемъ своимъ скрыватьи, а въ шатерь никто николиже входаше; а нынѣ, братія моя милая, хощу къ вамъ глаголати, да преще хощу васъ заклинати молитвою матери нашея — да не преслушати вамъ заповѣди моея, — аще только отвержете: Амидь царь правое вѣры своея, и днесь креститца во святое крещеніе и много вамъ зятя¹² такового не обрѣти, занеже славою славенъ и силою силенъ и мудростію мудръ и богатствомъ богатъ». Рекоша же братія къ сестрѣ своей: «совокупитъ васъ матери молитва со Амидомъ паремъ», и рекоша братанчи Амиду царю: «аще хощены быть намъ зять, и ты отвергнися вѣры своея поганья, любве ради сестры нашея: днесь крестись во святое крещеніе и поѣди къ намъ въ Греческую землю, по любимой своея дѣвицы». И рече же имъ Амидь царь: «братія моя милая, не дамъ азъ вамъ: не суть Греченя, яко половецъ зятя въ домъ свой вѣдуть; нарекуся азъ вамъ зять съ великою честію, хощу преще ѣхати и избрать верблюды со всей земли и наполнити на нихъ богатства, и хощу избрати си нѣже кмети, а хто хощеть со мною ити во святое крещеніе: и прииду къ вамъ въ Греческую землю и нарекуся вамъ зять и буду славенъ и богатъ, а вы коней своихъ не томите, подождите ми на дорогѣ». Братія жь взяли сестру свою и поѣхаша путемъ своимъ, а Амидь царь? прѣхавъ къ матери своей и къ брату своему и нача имъ прѣвести глаголати, да чтобы его не уняли, и рече матери своей: «мати моя милая, что ходихъ въ Греческую землю и половецъхъ себѣ любимую дѣвицу и приидоша во сѣдѣ ко мнѣ братія ея и начаша со мною битись, и единъ отъ нихъ, менши братъ, крѣпость мою побѣдилъ: аще бы совокупились все три брата во единое мѣсто, то и вся земля наша отъ нихъ въ работѣ была». Рече же мати ко Амиду царю, сыну своему, гнѣвно и власы главы своея нача

¹² *зот отъ въ рук.*

терзати и лице свое и рече ему: «па што парскаешься царемъ и сильный кметъ у себя имѣешь, придатку емлютъ по 1000 и по 2000, и ты иди нынѣ и совокуши войска своего и иди въ Греческую землю, и побѣди братію, и любимую дѣвицу приведи ко мнѣ». Амиръ же рече къ матери своей предстѣно: «мати моя, азъ хочу тожь сотворить, собрати волъ свой много и иди пакости творить въ Греческую землю». И рече братъ Амиру царю: «поидемъ, брате, векорѣ, собравъ войско свое, да не допустимъ братію съ любимую дѣвицею во гратѣ». И рече Амиръ царь ко брату своему: «если ты, брате, на престолѣ моемъ, а азъ одинъ хочу фхати пакости творить въ Греческой землѣ». Въ то же время Амиръ царь послати брата своего на престолѣ своемъ, а самъ собра войска много, и собра богатства и верблюды со всей земли, и наполни на нихъ драгата злата аравитцкаго и каменія драгата многоцѣннаго. Видѣвъ же то Срацишине, яко на рать не ходять тако, а не глаголана ему ничего. Донде же Амиръ царь до сумезія Греческия земли, и рече Амиръ царь ко Аравитяномъ¹³: «братія моя милая, силни и храбрии Аравитяне, хто хочеть со мною дерзость творить, той поиди со мною въ Греческую землю пакости творить». И рече отъ нихъ одинъ Аравитянинъ, во устѣхъ имѣя у себя дванадесять замковъ, и рече велеласно ко Амиру царю: «великій государь, Амуре царю, придоша¹⁴ отъ Греческия земли въ нашу Срацишескую землю три юношы, и одинъ отъ нихъ крѣпость твою побѣди; аще бы все были три совокушились во едно мѣсто, то бы и земля наша отъ нихъ вся въ работѣ была; а нынѣ ты хочешь итить въ Греческую землю, то они насъ и до остатку вѣтъ погубятъ». Амиръ же царь, отпустивъ богатство, наполнивша казны верблюды, впередъ въ Греческую землю, и вонъ немного кметей своихъ и поиде въ Греческую землю. Братаничи же не доидоша Греческаго града за пятьдесятъ верстъ, поиринъ и стана на полѣ; сестра же ихъ начать имъ молитися: «братія моя милая, не введите мя въ срамъ великій отъ челоукаъ и отъ своихъ сродникъ, занеже азъ испишена была руками Амира царя; положите зятя своего нареченного Амира царя». По малѣ же

¹³ *аравитяне* въ рук. ¹⁴ *придоша* и *уже побѣдизъ*, въ рукописи.

времени придоша къ нимъ Амиръ царь со вѣсѣмъ войскомъ) богатствомъ и съ верблюдами, наполнивши златомъ и серебромъ, и рече Амиръ царь: «слава Богу, благодѣющему мнѣ, яко сподобилъ мя Богъ братію въ очи видѣти». И рекоша братія ко Амиду царю: «рабе Христове, буди ты намъ зять». Два же брата, болшій и середней, съ сестрою своею поѣхаша во градъ ношю, народа ради, и выидоша въ домъ матери своей, и видѣвъ же мать два сына и дщерь свою и рече имъ слезно: «сестрицы вы свою добыли, а братца изгубили есте»; и рече ей сынове ея: «радуйся, мати, и веселися, братъ нашъ меншій пребываетъ съ зятемъ нашимъ цареченымъ, со Амидомъ царемъ, а нынѣ ты, мати, досиѣвай бракъ великъ, занежъ семи добыли зятя — славою славенъ и силою силенъ и богатствомъ богатъ, а нынѣ намъ его ввести во святое крещеніе». И взяли патриарха града того со вѣсѣмъ соборомъ и придоша на Ерантъ рѣку и сотвориша купель, и выидоша изъ града (воишь) множество народа. Видѣвши же (то) братаничи востомна Амидова царя отъ народа, братаничи же повелѣ Амидова царя вскорѣ крестити во имя Святаго Духа, и крестилъ его самъ патриархъ, а отецъ былъ крестной царь града того. И поидоша въ домъ матери своей и сотвориша бракъ великъ, преславецъ зѣло, и сотвориша свадьбу по 3 мѣсяцы; и погомъ Амидъ царь сотвори себѣ особый дворъ и полаты и жити нача съ своею любимою дѣвицею. Но томъ же времени услыша мати Амидова царя, что онъ крестися и отвергся въри своей, любви ради дѣвицы той, и нача терзати власы главы своей и собра воевска своего много (же) множество и рече имъ: «кто имѣеть дерзость вшити въ Греческую землю къ господину своему Амиду царю и извести его изъ Греческія земли съ любимою дѣвицею его?» И рекоша жъ ей три Срациняне: «мы, госпоже, племя въ Греческую землю и отнесемъ . . . книги ко господину своему, царю Амиду». И она же имъ даша много златницъ и даша имъ три кони: конь, рекомый *внтреница*, вторый *прокъ*, третій *мошій*: «аще выидете¹⁵ въ Греческую землю и увидите господина своего Амидова царя, и

¹⁵ выидете въ рук.

изводите его изъ Греческія земли, и сидете на вѣтрянцу, и вы невидими будете чикимъ же; аще внидете въ Срацинскую съ господиномъ своимъ Амиромъ царемъ и со дѣвицею его любимою, и садите вы на громъ-конь, и тогда услышать вси Аравитяне¹⁶ Срацинскіе земли; аще садете на молнію и невидими будете въ Греческой землѣ. Срацинине же взяша три коня и книги ко Амису царю, и поѣхаша путемъ своимъ, и приѣхаша подѣ градъ Греческій, и сташа въ¹⁷ града въ сокровенномъ мѣстѣ, и вѣдоша на молнію, и невидимъ бысть въ греческой землѣ. Той же ночью царица Амиса цари, прекрасная царица дѣвица, видѣла сонъ и ужасна бысть . . . , и повѣдана братіямъ своимъ: «братія моя милая, видѣла я сонъ: въ нѣкое время влетѣша въ полату мою златокрылатый соколъ и ять мя (за руку) и взясе изъ полаты моея, и потомъ прилетѣша три враги и напустиша на сокола, и соколъ мя опусти». Братія же собравше во градѣ вся волхвы и книжницы и фарисеи, и повѣдана сонъ сестры своея, и волхвы же рекоша братіямъ: «госпожу нашу, прекрасную дѣвицу, зять вашъ новокрещенный Амисъ царь, по повѣдѣнію матери своея, хочеть исхитити изъ полаты и бѣжати въ Срацинскую землю, и съ любимою сестрицею вашею; а три врага, то суть три Срацинина — стоятъ за градомъ въ сокровенномъ мѣстѣ, прислани суть ко Амису царю отъ матери съ грамотаю». Братія жь пришли ко Амису царю и начаша его вопрошати и обличати; онъ же клеветя имъ живымъ Богомъ, и взявъ же они Амиса цари и поѣхаша съ нимъ за городъ съ книжницами и съ фарисеями, и обрѣтоша за градомъ три Срацинина, и они жь изымаша ихъ и начаша вопрошати. Но они же имъ сказаша всю тайну, и взявъ ихъ во градъ и крестина ихъ во святое крещеніе, и начаша жить у Амиса цари, а кони ихъ взявъ Амисъ царь и родать братаничемъ, шурьямъ своимъ. И потомъ книжницы начаша проповѣдывать о рожденіи Девственнѣ, и потомъ царица Амиса цари прии и тоды во утробѣ своей, мужеска полу, и родитъ сына, и нарекоша имя ему Акритъ, и свергоша его въ божественное крещеніе и нарекоша имя ему: прекраснн Девственн, а крестина его самъ патриархъ, а мати

¹⁶ аравитѣи въ рук. ¹⁷ а немъ въ рук.

крестная царина града того, — и бысть во градѣ томъ два царя да четыре царевича. И потомъ воспитавше Девгенія царевича до 10 лѣтъ, на первоисадесять лѣтъ и на второе начаша конемъ играти, а на третисадесять лѣто начаша на добрыхъ коняхъ ѣздити, и бысть горады на драгантъ храбровать, а драгантъ подъ нимъ играеть. Самъ же юноша красень велми, лице же его яко снѣтъ, а румяно яко маковы цвѣтъ, власы же его яко злато, очи же его велми великии яко чашы, пристрашно дрѣти на него. Отець же его избра ему конь бѣлый, яко голубь, а въ гривѣ его учинены многіе звонны — отъ прегуданія и умъ человекъ не можетъ смыслить, а какъ юноша начнеть на томъ конѣ скакати, а конь подъ нимъ играть, и тѣхъ звонцовъ прегуданія умъ человекъ нехитица. На четвертое же лѣто¹⁸ на 10 ѣздиша прекрасный Девгеней на всякій звѣрь безъ оружія, и нача отца своего нудить; отецъ же его нача ему говорить: «чадо, рано тебѣ о ловлѣхъ звѣршыхъ мыслити», и повелѣ кони свои сѣдлати и на ловъ ѣзати со юношами и съ шурьями своими. Людіе же града того многія поидоша на ловъ смотрѣть преславнаго того чюдеси, како сій юноша прекрасный, младъ, хощеть звѣршную дерзость имѣти. Отець же его повелѣ зайцы изъ острова выгонять и нача ихъ ловить со псами; преславный же Девгеней поемляеся и рече: «отче, не тако звѣрей ловятъ, по подемъ въ дальныя пустыя лѣса». Отець же его поѣде съ нимъ, и многія люди поидоша за ними смотрѣть храбрости его и дерзости, прекраснаго того Девгенія; и доѣхаша до темна лѣсу, и сѣде съ коня своего, и нача по лѣсу ходити и смотрити какова звѣри, и видѣ прекрасный Девгеній лоса бѣгуна и суна его ильнъ, яко борые . . . борзато Ф. рѣвка¹⁹, и гнавъ, ухвативъ его за задніе ноги и раздра его на двое, и влече его по лозка на руку и видѣвъ же медвѣди лѣсомъ бѣгуна, Девгеній же храбрый видѣвъ медвѣди и поскочи, и догнавъ медвѣди, разодравъ его чюдости и разодравъ его на двое; и видѣвъ же его храбрость и дерзость, отецъ его и вса людіе и удивилася зѣло; людіе же многи ту стояху и дивяхуся. По маѣ же времени видѣвшася отецъ его изъ острову бѣгуна, изъ густова лѣсу, лю-

¹⁸) *тѣто на 14 т. ѣ. ѣѣ, по ошибкѣ въ рук.* ¹⁹) Вероятно, безъ пропуска, *борые борзато ф. рѣвка.*

тѣй звѣрь разѣмше челоуки своя и хоташе проглотити юношу: отецъ же его рекоша: «снато мое милое, Девгеній, пометай мертвая, зри живото — на тя бѣжить и хощеть тя поглотити; той есть не лось и не медвѣдь, съ великою бо обороною приступиша къ нему». И видѣвъ же юноша, прекрасный Девгеній, лютаго того звѣря, и ухвативъ мечъ свой и скочи къ нему встрѣчу, и удари его мечемъ по главѣ и разѣкъ его на двое. Видѣвъ же отецъ его изъ острова и радостень бысть дѣлю, и прѣйхавъ къ сыну своему и поцѣлова его во уста и во очю, како дарова ему Богъ такового отрока и подаетъ силу надо всѣми храбрыми и сильными, и рече отецъ сыну своему: «о свѣтларное солнце, преславный Девгеній, отъ ногу звѣринова и отъ хля медвѣкаша порты на тебѣ изрудилши: но и теми мы, сыне, отъ сего дѣлу темного — есть въ семь дѣлу источникъ водный, въ немъ яко свѣща сіяеть, отъ простыхъ людей не можетъ къ нему ни кто прійти, понеже бо въ немъ многая чудеса творятся²⁰, и нынѣ поидемъ, чадо, ко источнику, и язь самъ тебѣ своими руками омыю лице твое и рунѣ и позѣ». И видѣша же то граждане, и поидоша граждане зрѣти предивнаго чудеса, и прѣидоша ко источнику, и нача отецъ сыну своему лице омывати и рунѣ и позѣ, и рече сынъ, прекрасный Девгеній: «отче, рунѣ мой моешь, а еще имъ каковыи бытъ?» по томъ же словеси прѣлетѣ змій великій ко источнику тому, четыре главы у себя имѣа, яко челоувѣчи²¹, и видѣвъ же то преславный Девгеній, и взя мечъ свой и поскочи противу его и удари мечемъ его, и отил ему всѣ главы прочь. Видѣвъ же то отецъ его и вси людѣ и дивилшася чудеса его, и нача отецъ его омывати самъ своими руками, и положиша на него драгоцѣнные порты съ драгимъ златомъ араветьскимъ, а перерукаше съ драгимъ магнитомъ, и потомъ же юноша сяде на конь свой, рекомый на борный фарь, и нача скакать, а подѣ нимъ конь играть, звонны же его добротасныи начаша прегудать, и прѣйхаша въ домъ къ матери своей, и нача же мати его радоватися, видѣвши сына своего, и любезно цѣлова его, и съ тою поры прекрасный Девгеній паревичъ нача помышляти о дѣлахъ ратныхъ.

²⁰ *теорлица* въ рукоп. ²¹ *человечъ* въ рук.

«Послание Филипата²² и отъ дочери его Максиміаны къ Девгенію прекрасному.

«Слышавъ же то Филипаты и дочь его Максиміана о храбрости и о силѣ прекраснаго Девгенія и начаша они помышляти, како бы его уловить, яко заица въ тешего. Филипаты же храбрь и сердце добръ и много у себя войска имѣеть; такоже и Максиміана мужскую дерзость и храбрость имѣеть, и войско ихъ силно и храбро добръ, яко Македонцие. И поидоста на преславнаго Девгенія царевича и не доидоша града Греческаго и сташа на рѣкѣ Еврантъ, и послана Максимыяна грамоты съ прелестію ко преславному Девгенію, а въ грамотѣ пишеть: «о свѣте, свѣтозарное солнце, преславный Девгеней, ты царствуешы во всѣхъ насъ храбрыхъ и сильныхъ, яко май мѣсяць во всѣхъ мѣсяцехъ: въ май мѣсяць всяка красота земная процвѣтаетъ и древа лиственный листомъ одѣютца, и вся небесная красота содѣваетца, тако же и ты въ насъ процвѣте, преславный Девгеній; а нынѣ молимъ тя, преславне, не пойднися, прииди къ намъ не во мнозѣ силѣ на Еврантъ рѣку, да видимъ юность и храбрость твою; а никакоже иѣсть помышленія никакова жь». И прочеть же тоя грамоту преславный Девгеній и посмѣяся и рече отцу своему: «отче, хощу ѣхать видѣти преславна и храбра Филипата и Максимыяну дѣву». Рече же къ нему отецъ его, Амиръ царь: «счадо мое милое, преславный Девгеней, рано тебѣ въ силуую рать ѣхать: еще ты въ ратехъ не бывалъ, и ничево ратшого дѣла ни гдѣ не видать, понеже бо Филипаты въ ратехъ храбрь и силенъ, такоже и Максимыяна, дщерь его, мужскую дерзость имѣеть, и войско ихъ храбро и много зло». Девгеній же отписавъ грамоту и посла Грека мужа, а въ грамотѣ пишеть: «срамъ ми есть великъ въ томъ — противу дѣвицы ѣхать битися, а ты, старый Филипаты, во мнозѣ силѣ пришелъ еси и неповинныхъ людей множество привелъ еси ко мнѣ». Прочеть же грамоту Максимыяна дѣвица и рече Греку мужу: «никакоже, свѣтозарное солнце и преславный Девгеній, и не издѣй помысла во умѣ

²²⁾ Въ рук. постоянно вместо этого имени (находящагося въ древней славскѣ, пишется *Филипъ-пача*, вм. *ома* въ рук. о.

своёмъ никакова, занеже пріѣхали мы юности твоей видѣти. Девгеній же день отъ дни помышляше, како бы ему видѣть храбрость Филипата, и поять съ собою Грековъ немного и возме молитву у отца своего и у матери, и вборзѣ сѣде на конь свой и рече отпу своему: «отче и мати моя, въ томъ вы помышленія никакова не имѣйте, никакоже отъ руки человѣческія на тѣлѣ моемъ не будетъ ранъ, занеже надѣюся на Бога и на силу Божию и на вашу молитву». И поѣде въ путь свой и пріѣде на рѣку, рекомую Ефрантъ, и ста на берегу и посла Грековъ своихъ къ Филипату и къ Максимьянѣ дѣвнѣ; и видѣвъ же то Филипать, Девгеніевыхъ людей не много, и нача за ними гонять со всѣмъ войскомъ своимъ. И видѣвъ же то Девгеній храбрый гоненіе своихъ предстолицхъ, и ухвативъ копье свое и попре въ рѣку концемъ и перескочилъ черезъ рѣку пѣшь, яко соколъ дюжей отъ руку ловца, и завони гласомъ велимъ, велегласно: «дайте мои борани конь, рекомый фаръ», и всѣдъ на конь свой и нача гонять, яко добрый жнецъ траву косить: въ первомъ поскокѣ тысящу побилъ войска Филипата; а въ другой рязь скочилъ, такожде 1000 жь побилъ; а въ третій нагна Филипата самого и удари его концемъ, тупымъ концемъ, межъ плечъ и сверже его съ коня на землю. И видѣвъ же то Максимьяна дѣвица, что Девгеній вяжуще отца ея Филипата, и запряга конь свое хотяше пробости преславнаго Девгенія созади его; Девгеній же, видѣвъ то, и ухвати конь ея рукою своею, и удари ея дланію своею по лицу, и сверже ея съ коня на землю, и связавъ ихъ обонхъ, а войско ихъ, иныхъ побилъ, а иныхъ живыхъ поимаша и гнаша ихъ предъ собою, яко добрый пастухъ овца или козлища и перегнаша ихъ черезъ рѣку. Въ ту жь пору старій Филипать обратился къ Девгенію и рече: «о златокрылатый ястребъ, преславный Девгеній, ты славень еси и силенъ во всѣхъ насъ сильныхъ и храбрыхъ, а еще ты есть храбрѣе и сильнѣе на семь свѣтъ преславный Стратигъ, имѣя у себя четыре сына, а прочая воинства его не можетъ земля деркати; и бѣ у него дщерь прекрасная и преславная Стратиговна, имѣя и она мужескую деркость и храбрость, а красотою ея пѣсть на семь свѣтъ краше. — мнози цари и короліи храбрѣи и сильни суть, а никто не можетъ ея поить, —

хто не прїдесть, тотъ не можетъ отъ ихъ царства живъ отъ-
ѣхать; развѣ тебя Божь одаритъ, а нынѣ пощади мя и старость
мою, отпусти мя». Рече же ему преславный Девгеній: «хочу
преже проповѣдати; аще истинну сказаль ми еси, тогда пушу
тя, только²³ возложу знаменіе на лице твое, прогчаго ради вре-
мяни». Потомъ же и Максимьяна нача ему молитися: «о свѣто-
зарное, свѣтлое солнце, преславный Девгеній, мнози ко мнѣ
цари и королѣ, присылалися ко мнѣ храбрїи и силнїи, во мнози
силѣ, а никто мя не оскверни единымъ словомъ; всѣ побѣдени
моими руками, а нынѣ Богомъ покоренна есмь тебѣ; аще ты
совокупишися со мною, да будемъ мы вмѣстѣ, и силы нашей
не можетъ держати никтоже». И рече ей преславный Девгеній,
дѣвицѣ Максимьянѣ: «не имѣю не отъ какова человека по-
мощы, кромѣ милости Божїи и матерїи молитвы; та ми по-
можетъ». А Девгеній же мудръ бысть велики и взя книгу и по-
смотри²⁴ въ нея о житїи своемъ и о смерти, и досмотрився въ
книжѣ той: аще Девгеній прекрасный совокупится съ Ма-
кемьяною дѣвицею, то житїя его шеснацать лѣтъ; аще до-
стигнетъ прекрасной Стратиговны, и то житїя его трицать...²⁵
лѣтъ, — и кликувъ велѣгласно къ Греку мужу: «споди ко отцу
и къ матери моей и поздравствуй ему отъ меня великимъ здра-
віемъ и реки имъ: радуйся отче съ матерїю моею, — что по-
мыслилъ Филипатъ и Макемьяна дѣвица, да не бысть имъ
такъ, — а сего старого Филипата везите ко отцу моему, а Ма-
кемьяну дѣвицу отдайте матери моей; аще къ ней при-
коснется хотя единъ единымъ словомъ, то не можетъ сей
день живъ быти». И отпусти ихъ врьдѣ, а самъ назади по-
ѣхаша и прїѣхаша въ домъ ко отцу своему и къ матери; отецъ
же его и мати ради бысть дѣлю, сождавъ своего сына, пре-
славного Девгенія. Преславный же Девгеній нача мыслити во
умѣ своемъ о прекрасной Стратиговнѣ, а Макемьяну дѣвицу
повѣдѣша матери своей беречь и держати въ великомъ брѣ-
женїи, и нача прекрасный и преславный Девгеній у отца своего
и у матери безпрестани умолати, како бы ему видѣть пре-
славнаго Стратига царя и сыновъ его и все ихъ воинство и

23) *такъ* въ рук. 24) *смотри* въ рук. 25) еще цѣфра, кажется 6.

прекрасную Стратиговну. Отец же его нача ушмагы: счало мое милое, уймися отъ сего помысла: многіе то помышляше о самомъ Стратигѣ и о Стратиговнѣ, како бы имъ видѣти, да не збылося имъ видѣти ея. Преславный же Девгеній взя молитву у отца своего и матери, и совокуши воля своя много, и взя съ собою драгоцѣнныя порты и коня своего съ звончатыми гусли и еде на борзой своей фарь, и поиде съ войскомъ своимъ ко Стратигу царю, и доиде сумажскя Стратиговы земли, и недалеко до града за пять вереть и остави воинство свое и повелъ имъ межъ себе около стражу крѣпку имѣти, дабы не скрали ихъ, а самъ поиде прекрасный Девгеній на своемъ конѣ, которой въ звонцы играетъ, ко граду Стратигову, и приѣде во градъ, во врата града Стратигова, и встрѣче юношу Стратигова двора, и вопрошае юношу того о Стратигѣ царѣ и о сынѣхъ его и о самой дѣвицѣ Стратиговнѣ. Огвѣщая же ему юноша: снѣтъ господина нашего Стратига царя дома, но въ иной странѣ довы дѣсть²⁶ и съ четырьмя сыновьями своими, а о самой Стратиговнѣ вопрошающе мя, господине, што пѣсть таковыя прекрасныя на семь свѣтъ; многіе суть приѣжали къ ней цари, царевичи, королѣи, королевичи, а никто въ очи ея не видѣти, и никто живы изъ царства сего не выживавати, занеже Стратигъ нашъ храбръ и силенъ и сынове его, опричесь воинства его, а воинству его и смѣли пѣтъ, а храбри суть таковы: единъ на сто напустити, и сама Стратиговна мужескую дерзость имѣте, иному никому на ея зрѣти неподобно... развѣе тебе». И слышавъ же то Девгеній прекрасный радостенъ бысть злю, зане... и въ книгѣ указано ему прикасатися ко Стратиговнѣ и жить ему тридесать 6 дѣтъ съ нею; и поиде же Девгеней прекрасный градомъ Стратиговымъ, и прииде ко двору Стратигову, и нача възирати на дворъ Стратиговъ. И видѣвъ же то сама Стратиговна и приише ко оконцу и видѣ кресоту Девгеневу и нача во умѣ своемъ помышляти, занеже есть красенъ, а не силенъ: Девгеней же бѣдшица по двору и возвратися назадъ...²⁷ и приѣхаша въ станъ свой съ новоприемнымъ

26) *Число* въ рукои: по побнамъ ошибокъ вообще много въ текстѣ. 27) Замѣненное здѣсь и далѣе точками не могло быть прочитано на последнемъ листѣ рукописи, истертомъ и заклейменомъ.

юношею, и нача веселитися во всю ночь, и повелѣша людемъ своимъ въ тинцаны и въ набаты бити, и въ сурны играти, сіи рѣчь трубить, и въ гусли играть. И услышавъ же то прекрасная Стратиговна, начаша вопрошати мамокъ своихъ, что-де сіе за играніе подъ градомъ нашимъ велелъ рече же ей мамыки: «то-де, госпожа наша Стратиговна, пріѣде подъ градъ вашъ изъ Греческія земли царевичъ, Девгеній прекрасный, и преславный, и храбрый, а хочеть тебя вѣсти» Во утрѣнке поѣде оиыгъ во градъ Стратиговъ прекрасный Девгеній на своемъ бѣломъ конѣ, у когото здѣланы звонцы въ гривѣ, и пріѣхаша ко двору Стратигову, и нача на конѣ своемъ ѣздити, а гудцы и звонцы у коня въ гривѣ начаша играть, и отъ того игранія умъ (человѣчь?) нехитиыца. И слышавъ же то Стратиговна и приише къ оконцу своему, и видѣ Девгенія, и рече кормилицемъ своимъ: «сидите на дворъ и спросите его, что велию дерзость имѣеть сей юноша ко двору нашему». И выиде же кормилица и нача ему глаголати: «о свѣте, свѣтозарное солнце, младый юноша, велѣла тебѣ говорить государыня наша, жалуючи тебя, в.... ты красенъ, а не силенъ, что ниѣш... ружіе и дерзость ко двору сему и из... ты изъ града вошь, отъкуду еси пріѣхалъ; аще ли ты заблелъ отецъ мой и братіа.....»

IV. Отрывокъ изъ **Варлаама и Воисава**, именно «притча ѿ шкурозѣ», взятъ изъ Толстовскаго списка XV вѣка 2. 89, Публ. Б-ки I. Q. 315, об. л. 67—69. Рукопись писана не однимъ почеркомъ; первый продолжается до 27-го листа, и эта часть имѣеть и нѣсколько отличное правописание.

....Дѣла же свои оставивши глаголаша и тѣми страсти зла — поуби быти люю ижеви бѣжашоу ѿ лица ииорога, иже не терилъ гла кто и страшнаго не ѿ прерыванія, но крѣико бѣжаше, да не будетъ емоу въ ситѣ. Виегда же течаше быстро, въ великою илюю впаде процасть, виегда же властиса емоу в ню, и за древо илюе похитиса, крѣико держашеса, и на росесть илюей позѣ оутвердися, мнѣше прочек в мѣрѣ быти и въ твердыни, върѣвъ оубо и видѣ двѣ мыши. бѣлоу оубо вѣшу, друугоую же чершоу, погрысаючи же непрестанно древа, иже оны бѣахо похитиса, и елюко же оуже вмаѣ приближающася илю и свѣ

искоренити. Всмотрѣвъ же къ дно пропасти, і видѣ змиа страшна видѣ-
нємъ и огнемъ дышуща, и збро изстрѣлююща. оуста же странно рази-
новаше, пожрети его градоуца: вѣреть же пакы на стенью оны, на
немже бѣаше нога свой оутверити, видѣ четырѣ главы асидовы ѿ стѣны
извикаша, на нейже стоаше. И вѣреть очима, видѣ ѿ вѣтви древа ѡного
мало меда каплюца, оставивъ оубо пещиса ѿ одержаниа его бѣда, како
вѣтоуду оубо инорогъ, лотѣ неистоваса, ищетъ снѣгъ его: долоу же
горкый зѣмъи анеть пожрети его: древо же, за не же бѣ са оухитилъ,
кѣлю же вчаль іскоренитиса хотѣше: нога на полци и невѣрѣ стѣ-
пени оутверди бѣаше: и толкиа и таковыа соль забывъ. оутрениса во
сла^тети малата медоу ѡного.

(Толкованіе прѣчи сей, что ѣсть мышы, и что ѣсть инорогъ, и что
ѣсть каплюща жѣлаа капла медѣ).

Се ѣсть подобное прѣлести мира сего прѣлциющиа, его же сказаніе
ниѣ реку ти: инорогъ оубо ѡбразъ ѣсть смрти, гошащъ оубо — достиг-
ноути градоуца адамьскѣи ро^т: пропасть же — миръ ісполнъ смъ всаще-
скѣи соль и смртоносныа стѣши: древо же, кже¹ ѡ двою мышю, не-
преставно погрызаемоу. его же оухитише держимса — время кѣ коню-
ждо съкращавѣму и скончавѣмо днѣмъ и ноцѣю, и къ поствѣнню по-
малѣ прѣблжаетса; четыре асиды, иже ѿ четыре прѣлестныа стѣштѣ
сѣствѣ — сѣствѣннѣи члѣскаго телесе илннмѣоуѣтъ, иже бесчпнно
носимъ и мѣлоущимса, телесноу раз'рушаѣтса сѣствѣннѣи: и къ сѣмже
огнѣо разшии оны и неистовый змии страшную прѣблжѣтъ адовоу
оугробу. жадающоу прѣчи мира сего красна, и паче боудущиа бѣгъ из-
волившиа: медовнаа же капла — сладость извлѣтъ мира сего сла-
кы, или же той прѣлциі своаа други не оставлѣтъ и ѡ свокмъ пещиса
снѣгши.

V. Выписка изъ Стефанита и Ихилята сдѣлана
нами по Толетовскому списку З. 45; лучшимъ текстомъ должно
впрочемъ назвать чтение Погодинской рукописи, нѣсколько
полнѣйшее.

л. 97 — 101. Стефанитъ же рече: како можеша повредити
ла, много суша тебе силѣйша и многи други имуша и по-
слушники? Ихилятъ же рече: не взирай на мое неможеніе

¹ въ рукописи кѣмже, вѣроятно неправильно.

и смиреніе: не бываетъ бо побѣда силою и мощію телесною, но мудростію и разумомъ и добрымъ совѣтомъ великоумныхъ мужъ; мнози бо отъ сильныхъ немощными побѣдишася.

«Притча о вранѣ и о змѣи. Глаголетъ бо ся, яко врань и ѿкій вогнѣдншея въ иѿкоемъ дрѣвѣ, въ горѣ, и отъ иѿкоего змѣи на всяко время обидѣнь бываше, — и птенца его снѣдане. Иже убо множицею змѣи творяше таковое, и шель врань къ иѿкому своему другу — звѣрю, и рече къ нему: хощу тебе совѣтника сотворити, не вѣси бо, каковая стражу отъ змѣи, и житіемъ твоимъ полезно быти тому, мнѣ приблизитися ему спящу и очи ему извертѣти. Звѣрь же рече: не добръ совѣтовать еси, по промысли хитрость твою, ето же оного погубиши, ты же невредимъ пребудеши, — да не подобно постражеша жаравлево.

«Притча о жаравлѣ и о ежѣ. Глаголетъ бо ся, яко жаравль иѿкій при благѣ пребывая, исполнену рыбею, и отъ ницъ же питанся, состарѣвъ же ся и на ловъ не возможно подвизатися, и голодомъ одержимъ, востужи си и поиде въ иѿкую гору, и востходя обрѣте ежа во своей скорби. Ежъ же рече къ нему: что ради печаленъ еси и скорбенъ? Онъ же воспримъ рече: како не скорбно — первіе пребывахъ при благѣ иѿкоемъ и отъ рыбы его питанся, многимъ обиліемъ суще; днесь же узрѣхъ два рыбаля, приходяща на мѣсто то и другъ другу бесѣдующа како всю ту рыбу изловить. Ежъ же, послышавъ отъ жаравли, прииде къ рыбаемъ и повѣда нѣтъ, еже слышавъ отъ жаравли, они же приидше къ жаравли и рѣша: нѣмѣ хощемъ совѣтника тѣ имѣти, услышахомъ бо, яко рыбаля иѿцы совѣтоваху изловити насъ. Жаравль же рече: ни едино вамъ предлежитъ художество, точію пренти отъ мѣста своего въ иное мѣсто тростію и водно, нѣмѣ же доволну нищу обрѣше и добръ живуще избавитесь предлежанія бѣды. Рыбы же рече коша: пренеси убо ты насъ на таковое мѣсто; онъ же рече боюся, да не прежде предложенія вашего придуть рыбаля; обаче елико мнѣ есте мощно, се сотворю, — и начатъ съ таковою притчею преносити во малу рыбу въ иѿкой губѣ на

1) въ рук. *манко*; поправлено по друг. св.

беречь, и тамо идяше ихъ, другимъ рыбаамъ жилищамъ, яко въ порученное мѣсто приносить ихъ, еже сохранятся и соблюются тѣмъ тамо. И юже ископа яму безумнѣишѣи, самъ впадеши въ ню. Во еднѣи убо оубо днѣи умоли есѣ жаракля пренести и того, якоже и рыбы; прѣмъ же его жеравлъ и отнесе на гору, идѣже и рыбы свѣдаше, совѣтова же и того свѣсти. Видѣвъ же есѣ кости рыбныя, тамъ лежашая, и уразувъ дещь и въ себѣ помышляше, яко нужно смертенъ буду, аще противлюся жараклю, или аще покорюся, единъ судъ прѣмю; нынѣ же смыслехъ, да не бесчестною смертію постражу, но или добрѣ жити ми или добрѣ умерети, тако бо благоумному подобаетъ, — и напрасно обвинувъ жеравлю шею устнами и нужно улави его.

«Сего же ради таковая сказахъ ти, о вранѣ, яко да увѣси, яко враняющаи икогда ищцыи своими сѣтми яти бывають. Но подобаетъ ти тако змію погибель промыслити: смотри долу женскія красоты чеснѣиша и похити ю, и отнесъ, во гнѣдѣ змевѣ положи ю, его же ради по ней пострадують ищцыи, обрѣтше же змія и убьютъ его, — еже и бысть. Тако бо сотвори вранѣ и забавленъ бысть отъ змія.

«Рече же Нумилать Стефаниду: сія сказахъ, да разумѣши, яко мудрость есть болше крѣпости. Стефанидъ же рече: аще не бы противу мужеству мудрость, оставилъ убо быхъ таковая бесѣдовати тебѣ, но вкушъ съ храбростію и разумень еси. Нумилать же рече: истинну реклъ еси, яко таковъ есмь; но имамъ изложити его по искушенію, дерзаю бо и вѣрую многимъ вещемъ, еже быша во многихъ, иногда бо и зайць два изложитъ естъ....

л. 188—193. «И рече царь къ философу: разумѣхъ вся реченная притчи тобою, еже реклъ ми еси; проче скажи ми, философѣ, како кто когда достигъ желанія своего и не могѣи добрѣ содержать его, и абие пакы погубитъ е. Философъ же воспрѣимъ и рече:

«Притча о пшеницѣ. Глаголетъ бо ся, яко пшеницы ищцыи, цари у себе имуще состарѣваша зѣло и заматорѣваша многими лѣтми, и старости его ради илгаша и отъ парекія власти. Оубо же великимъ недоумѣнемъ одержимъ бывъ, приде къ ивѣснѣи смо-

ковницѣ, стоящей при брези моретѣмъ, и пребываше у нея и ядъше отъ плода ея. Во единъ же отъ днѣй ядушу ему смоквы, и паде изъ руки его една смоква, и юже приимши дивія желва и изъяде, и удивися желва, питающися смоквами, о немъ же пивокъ посмѣяся, и оттуду не престаяше желва питающися смоквами. Она же сладку пинну обрѣтши, и домъ свой забы, и сего ради подругъ ей малодушествоваше велии и искаше притчу, како бы пивокъ погубилъ и подруга своего возметъ. И единою бо отшедши желва въ домъ свой, и скорбна друга своего обрѣтши, и рече къ нему: почто вижу тя скорбна и дряхла и болна суще? Онъ же рече: въ бодѣзнь лютую впагъ есмь, и вѣсть ми нецѣлѣиія обрѣсти, аще не получю сердце пивокво. Она же недоумѣвшися о сѣй рѣчи и помышляше въ себѣ, яко иво сердце не имать обрѣсти, точию гостя своего,—ей же и преступленіе быти разумѣши, дивяшесе помышленьми и недоумѣяшесе, что сотворити. И пришедъ къ пивокъ, пригласи его; онъ же воспроси ея о косибнѣи; желва же отвѣща: ни о чесомъ же укоснѣхъ точию заше срамляюся тебе и не имать достойно воздаянїя о благодарїи твоемъ воздати тебѣ. Пивокъ же рече: не помышлїиї таковая, вѣсть бо азъ таковъ, еже отъ своихъ любовныхъ искати воздаянїе; наче же ты мнѣ благодѣтельница была еси, таковыми бѣдами одержима и изгнана сущи, утѣшаючи мя. Желва же рече: хочу еще утвердити добовъ посреди насъ сущи, утверждаютъ бо ся тремѣ вещми, сїи рѣчь, еже въ домъ въ дружнїи входенїе, и сродникомъ зрѣнїе, и посѣщенїе, иже вкупѣ пребыванїе. Пивокъ же рече: тако составляетца любви, о дружко, иже въ слабости житїя своего живуещи. Желва же рече: истину рекъ еси, достовѣ бо другомъ совершенную любовь и сердечную отъ своихъ друзей искати, а иже за нѣкихъ ради житейскихъ потребъ любовь составлять, не на твердѣмъ основанїи зиждеть. Пожеже бо не подобаетъ отъ любовныхъ нио ничтоже искати, точию сердца проста и чиста, и вѣры правы и истинны. Телець же, аще безъ злѣка матеръ свою сестъ, прогнѣваетца, яко прогнана быти отъ нея; азъ же хочу, яко да приидени въ домъ мой, живу же азъ во островѣ травноноснѣмъ, яко тмаи исполнено благихъ плодовъ, ихъ же око чловѣка нерадива не видѣ....., ухо лѣнливаго не слыша, ни

на сердце чело́вѣку унылу не взыде. — яже уготова Богъ лю-
бидиши́ его, и славу мою узриши по писанному: видите, дру-
зи, въ радость Господа своего, — азъ бо на ramo свое влещи,
отнесу ти. И вѣрова шюнокъ, взыде на жетну и почашеся по
пучинѣ моретѣй отъ нея, и егда быша на среди пучины, косно
плаваше (желва и) ста помысливше, како поубѣити шюнка.
Видѣвъ же шюнокъ коснѣше желвѣ, и уразумѣ дещь и глаго-
лаше въ себя: еда на мя нѣчто зло умысли желва? — и тако
рече: вижу тя, о дружка желва, въ попеченіи и размыслиеніи,
и боюся тебе о томъ, и повѣда ми, любезная, что убо есть
попеченіе твое и косное плаваніе, како не повѣси ми, таково
другу вѣрну ти суну? Вопросаю ти убо о семь, да повѣси ми
истинну. Желва же, отвѣщавъ, рече: печаль ми есть велика
зѣло, яко дошелъ въ домъ мой, и не обрящени вся достойная,
якоже хощу азъ: на оупѣ бо лежить подрутъ мой. Шюнокъ же
рече: не пещыся о семь, ни что же бо полауетъ печаль, но пещы-
ся пакы о врачевныхъ блядахъ. Желва же рече: глаголютъ
врачебстїи отроны, яко шюнково сердце можетъ исцѣлѣти бо-
лѣзнь оу. И се слышавъ шюнокъ свою погнѣбь и въ себѣ ры-
даше, глаголя: оле моего безумїа, яко нѣемъ сего узнать, паче
и стару ми суну, въ таковыхъ дѣлахъ мене вложи и преблажи
сія желва: яже бо въ малыхъ тѣснотахъ и скудости пребывая,
безпечно житіе живеть, желая же чести, безъ скорби не бы-
ваетъ. Таже и къ желвѣ рече: вкую, любимая, не сказа ми та-
ковое слово преже, даже не владохъ изъ дому моего, яко да и
сердце свое съ собою взять бляхъ: законъ бо есть намъ сицевъ,
да егда къ любовному итеть, то сердце свое дома оставиеть,
для тоя ради вины, дабы нѣчто лукаво, у друга сѣдѣчи, не по-
мыслити. И сія слышавши, желва воспять возвратися и плава-
ше радующися и донесе шюнка на брегъ; оу же на суну на-
ступивъ тошъ и на смоковницу взыде. Желва же доду стоя и
вопїаше: сини скоро, дружка, яко да поидемъ. — шюнокъ же,
отвѣщавъ, и рече: аще сииду, до конца сердце свое не прио-
бращу.

И тако изрече философъ: разумѣи, о нарро, яже бо кто же-
даніе свое по хотѣніи своемъ навдеть благо, и не совершитъ ё,
и время мимоидеть и ницего же пакы получить.

VI. Обращаясь къ Русскимъ дѣламъ, я при-
 диняю три разные разсказа: первый изъ Рум. писемной рукописи
 № 363 л. 553 — 556; второй изъ Погодинскаго сборника
 № 1964 об. л. 221 — 227; третій изъ Рум. писемной рукописи
 № 371 об. л. 367 — 370. Этого послѣднѣй, такъ какъ мы за-
 тили; не находимъ въ Латинскихъ Gesta Romanorum и др.
 О вѣрности и истинности тѣхъ, даю имъ же въ одно, яко
 не открыты тайны женщины. Въ нѣкто знаменитъ воинъ у нѣ-
 кого царя; той же воинъ нѣкою виною разгнѣвалъ его; воет
 же другонъ своихъ зюати о себѣ; да упроситъ ему милости у
 царя. Други же его упростиша къ нему у царя благодать; да ба-
 повесть царь (воину) быти къ себѣ съ гадательствомъ тайнымъ,
 дабы къ двору его ѣхать и спелъши да приведесть другаго при-
 телья и утѣшитъ, и невѣрнаго друга. Слышавъ сѣя воинъ, та-
 ковыи невольный приказъ, и смутися, паче же и добувшася,
 како сотворити. Случися же во время то прита къ нему нѣ-
 коему переходнику; воинъ же напомяуся рещи къ женѣ своей
 тайно: вѣдай, яко приидеши и иждоу себя серебромъ; аще
 утаиши, азъ приидшаго убью, а серебро твое будеть себѣ;
 она же съ клятвою утати общася. Егда же оубо уездуша,
 воинъ же той воста, возбуди одного пришельца, и привесть ему въ
 нуты свои итти, уби же телна и изсѣче его въ части и влоки
 въ мѣхъ, разбудилъ жену свою, показа ей мѣхъ, глаголю, лѣвъ
 ономъ мѣху глава и руки и позва его же азъ убихъ; оного при-
 шельца, а тѣло его загребъ въ коморѣ; от тайнъ и стѣнъ Загре-
 бе же и мѣхъ, и показа ей своего серебра; вѣдоушико, яко влзъ
 оного убитого пришельца. Егда же прииде деи ѣхаша его ко
 царю, тогда взя съ собою по правую руку и страну пса, и на
 руку лѣвого своего сына, а жену по лѣвую страну; егда же при-
 ближися ко двору цареву, положи правую ногу на пса, и тако
 якобы плыи шель; и тако шель ѣздю и плыи и прииде тако
 предъ царя. Узръ же его царь со всѣми его предстоицими, удив-
 вися, како исполни невольный и тайный приказъ и рече ему
 царь: «гдѣ есть твой истинный пріятель?» Тогда воинъ, взявъ
 мечъ, удари страню пса своего, песь же отъ ударенія далеко

1) въ рук. оставити уместел. В. 429 43 476. и др. 480 481 482 483 484 485 486 487 488 489 490 491 492 493 494 495 496 497 498 499 500 501 502 503 504 505 506 507 508 509 510 511 512 513 514 515 516 517 518 519 520 521 522 523 524 525 526 527 528 529 530 531 532 533 534 535 536 537 538 539 540 541 542 543 544 545 546 547 548 549 550 551 552 553 554 555 556 557 558 559 560 561 562 563 564 565 566 567 568 569 570 571 572 573 574 575 576 577 578 579 580 581 582 583 584 585 586 587 588 589 590 591 592 593 594 595 596 597 598 599 600 601 602 603 604 605 606 607 608 609 610 611 612 613 614 615 616 617 618 619 620 621 622 623 624 625 626 627 628 629 630 631 632 633 634 635 636 637 638 639 640 641 642 643 644 645 646 647 648 649 650 651 652 653 654 655 656 657 658 659 660 661 662 663 664 665 666 667 668 669 670 671 672 673 674 675 676 677 678 679 680 681 682 683 684 685 686 687 688 689 690 691 692 693 694 695 696 697 698 699 700 701 702 703 704 705 706 707 708 709 710 711 712 713 714 715 716 717 718 719 720 721 722 723 724 725 726 727 728 729 730 731 732 733 734 735 736 737 738 739 740 741 742 743 744 745 746 747 748 749 750 751 752 753 754 755 756 757 758 759 760 761 762 763 764 765 766 767 768 769 770 771 772 773 774 775 776 777 778 779 780 781 782 783 784 785 786 787 788 789 790 791 792 793 794 795 796 797 798 799 800 801 802 803 804 805 806 807 808 809 810 811 812 813 814 815 816 817 818 819 820 821 822 823 824 825 826 827 828 829 830 831 832 833 834 835 836 837 838 839 840 841 842 843 844 845 846 847 848 849 850 851 852 853 854 855 856 857 858 859 860 861 862 863 864 865 866 867 868 869 870 871 872 873 874 875 876 877 878 879 880 881 882 883 884 885 886 887 888 889 890 891 892 893 894 895 896 897 898 899 900 901 902 903 904 905 906 907 908 909 910 911 912 913 914 915 916 917 918 919 920 921 922 923 924 925 926 927 928 929 930 931 932 933 934 935 936 937 938 939 940 941 942 943 944 945 946 947 948 949 950 951 952 953 954 955 956 957 958 959 960 961 962 963 964 965 966 967 968 969 970 971 972 973 974 975 976 977 978 979 980 981 982 983 984 985 986 987 988 989 990 991 992 993 994 995 996 997 998 999 1000

VI. Обращаясь къ **Римскому Деяниямъ**, приводимъ три разные разсказы: первый изъ Румяновской рукописи № 363 л. 553 — 556; второй изъ Ногодиновскаго сборника № 1964 об. л. 224 — 227; третий изъ Румянов. сборника № 371 об. л. 367 — 370. Этотъ послѣдній, какъ мы замѣтили, не находится въ Латинскихъ *Gesta Romanorum*.

О неверности и кривости тала, даголя же си виною, яко не вѣрнати тайны жетамъ. Бѣ и кто знаменитъ воинъ у нѣкоего царя: той же воинъ нѣкою виною разгнѣвать его, посла же другови своихъ молити о себѣ, да упроситъ ему милости у царя. Други же его упросиша къ нему у царя благодать, обаче повелѣ царь (воину) бити къ себѣ съ гадательствомъ тайнымъ, дабы ко двору его ѣхать и шель, и да приведетъ вѣрнаго пріятеля, и утѣшника, и невѣрнаго друга. Слышавъ сѣя воинъ, таковой невѣрности приказъ, и смугися, паче же недоумѣвался, како совершити. Случися же во время то прійти къ нему нѣкому преходнику: воинъ же напоменуся рещи къ женѣ своей ташно: «ѡвѣи ли, яко прішешны имѣють у себя сребро: аще утаиши, азъ прішешнато убью, а сребро имѣти будемъ себѣ»: она же съ клятвою уданти обѣщася¹. Егда же вси уснуша, воинъ же той поста, возбуди оного прішешна, и повелѣ ему итти своей итти, уби же таша и изѣче его въ части и вложи въ мѣхъ, разбути жену свою, показа ей мѣхъ, даголя, яко въ томъ мѣху глава и рунѣ и позѣ, его же азъ убихъ оного прішешна, а тѣло его згребѣ въ коморѣ, въ тайнѣ мѣстѣ. Зарече же и мѣхъ, и покала ей своего сребра нѣсколько, яко ваявъ у оного убитого прішешна. Егда же пріиде день ѣханія его ко царю, тогда вая съ собою по правую руку и страну пса, и на руку малюго своего сына, а жену по лѣвую сторону: егда же приближися ко двору цареву, возложи правую ногу на пса, и тако якобы плать шель, и тако шель ѣзно и плано, и пріиде тако преть царя. Царѣ же его царь со велими его престошними, удивися, како исполни невѣрности и тайный приказъ и рече ему царь: «тѣ есть твой вѣрнай пріятель?» Тогда воинъ, взяти мечъ, удари страню пса своего, песь же отъ ударенія далеко

¹ въ рук. *оставити урешетъ.*

Королю и Великому Князю и...

и в том же году в том же месте...

и в том же году в том же месте...

и в том же году в том же месте...

и в том же году в том же месте...

и в том же году в том же месте...

и в том же году в том же месте...

и в том же году в том же месте...

и в том же году в том же месте...

и в том же году в том же месте...

и в том же году в том же месте...

и в том же году в том же месте...

и в том же году в том же месте...

и в том же году в том же месте...

и в том же году в том же месте...

и в том же году в том же месте...

и в том же году в том же месте...

и в том же году в том же месте...

и в том же году в том же месте...

и в том же году в том же месте...

Быть в Рязанской области, в
 князя у себя некоего ближнего че-
 ловка, а устроено у него в чин дворчества. Человек же
 тот обочан всегда на лозь бдети, и во единь убо отъ
 своимъ ископати ровъ великъ глубокъ на
 обочанъ на поле бдети. И во единь
 в той ровъ лютии
 и — бше въ толь земли, — паше
 яко и устия рва того не видети. За-
 бреху въ ровъ подь снгомъ и не оумьхуся, что со-
 гно и, аже рову тому глубоку суну и не возмогши издети
 по него. По времени же некоемъ похотѣ той дворечкой ви-
 дѣти самъ ровъ той, и абѣ выхва за градъ единь, и прибрѣ-
 жия, идѣ же ровъ ископати, и по невидѣнию паде на устѣ

2. ...

того, и впаде въ него жуиць и съ концемъ своимъ, и не видѣшаго ему въ бѣдѣ пагубы своей. Звѣрѣи же тѣи не видѣше оны же нача звати великимъ гласомъ, иже кто бы случася по нѣкоему случаю путемъ тѣмъ тѣхъ людемъ населнику... въ добрь ради дровѣи, и тѣмъ жену свою и дѣти прекормлевая. И оны услыша плачь рва челоуѣка великимъ гласомъ, остави осла, приде ко рву и видѣ челоуѣка жуиць и съ концемъ своимъ и рече ему: «зачѣмъ въ ровъ сей впаде?» Оны же гласомъ отвѣщающе рече: «впаде въ ровъ, и еще рече ему: да не азъ умру въ семь мѣстѣхъ, аще кто не подасть ми руку помощи.» Оны же отвѣщающе рече: «не имамъ у себя верви, чимъ зарова сего, и азъ возвращуся въ домъ свой верви днесь мѣи съ тунѣи пройдеши, жена же и дѣти гласомъ зовуть, съ ними же и азъ; понеже обѣщай имамъ по вся дни въ добрь сію на оселити дровѣи и дрова въ градъ возити и продавати, тѣмъ питатися со всеми.» Челоуѣкъ же, въ ровъ стои, обѣщася ему дати злато довольно, — «аще извлечени ма». Населникъ же слыша отъ него обѣщаніе злата и вѣи осла свое, и поиде къ дому, и прииде въ домъ свой, оставивъ осла своего и взявъ вервину и иде скоро до оноу рва и пусти вервину въ той ровъ. Левъ же видѣ вервину висящу и ухватися за ню; населникъ же той, мня, яко челоуѣкъ ухватися за вервь, и нача извлечти вошь, и извлече, и видѣ два велми страшна, и указася быти велми и мнѣвъ себѣ, яко поплотити его хочеть; левъ же веселымъ лицемъ нача радоватися и пошъ его тобылати и прилѣжно на населника... яко бы молвити ему, что прибавиль его отъ толкїя смерти, и абіе оставивъ населника и иде въ пустыню. Населникъ же второе пусти вервь въ той же ровъ; змія же видѣ вервь и охачися за вервь; населникъ же той мня, яко оны челоуѣкъ обѣщася за вервь, и нача его влещи вошь, и егда извлече и видѣ змія велми страшна, и абіе въ страхъ вниде великій; змія же смотряше сімо и овамо и приближася къ населнику и положи главу свою на ногу его, творяше, яко ей любовь сотворишь и избавиль ея отъ толкїя смерти, и оставивъ

отекла, — тогда же воинъ кину его, паки къ ногамъ его пригете, — и рече царь: «то есть мой вѣрный другъ-пріятель.» Царь же похвали его, рече ему: «ктожь есть твое утѣшеніе?» Воинъ же покля на отроки свое, рече: «се есть мое утѣшеніе, той же ма всегда веселитъ дѣтскими глумленіи.» Царь же рече: «а ты твой другъ невѣрный и непріятель?» Воинъ же удари жену свою, глаголи: «чесо ради тако непристойно на царя, государя моего, смотриши?»², — жена же возопи: «мужеубійца проклятый, за кую вину бѣиши мя? Или такожде ма хочени убити, яко же убить еси вчера пришедша, ма нахъ ради плачю?» Тогда воинъ, мужь ея, паки удари, глаголи: «спрокотил я же о, чесо ради на мя клеветиши?» Она же лють нача вопити, глаголюи его, рече: «идѣте по мнѣ, укажу вамъ мѣхъ, въ которой мужь мой вложилъ голову и руць и ножь, убивъ страшного пришедша, а тѣлю закопавъ въ земль, въ коморѣ.» Тогда царь повелъ слугамъ, да идуть съ нею и свидѣлствуютъ; слуги же шедше, во³ указаномъ отъ нея мѣстѣ мѣхъ изъ земли изыша, обрѣтоша же телново мясо, и доумвахуся, и пришедше, царю повѣдаша. Услышавъ сія царь и увидѣвъ премудрость воина своего, зѣлю его похвалить и по сему бысть велики любимъ царемъ и умре въ покою.

Притча о нѣкоемъ ведможь. Бысть въ Рамской области, въ нѣкоемъ градѣ нѣкій царь, имѣя у себе нѣкоего ближнего человека, и устроилъ его у себе въ чинѣ дворечества. Человекъ же той имѣя обычай всегда на ловъ ѣздити, и во единъ убо отъ днѣй повелъ слугамъ своимъ ископати ровъ велики глубокъ да уловленіе зѣремъ, идѣже обыче на поле ѣздити. И во единъ убо отъ днѣй по нѣкоему случаю впаде въ той ровъ лютей звѣрь: левъ, и змѣя, и шонка, и — бѣше въ годъ зима, — напале на той ровъ снѣгъ великѣ, яко и устѣя рва того не видѣти. Звѣрь же азъ тѣ баху въ рову подѣ снѣгомъ и недоумвахуся, что сотвориши, зане рову тому глубоку сушу и не возмогаша излѣсти изъ него. Но времени азъ нѣкоемъ восхотѣ той дворечкой видѣти самъ ровъ той, и абѣ выѣха за градъ единъ, и приближися, идѣ же ровъ ископавъ, и по невѣданию наѣде на устѣ

² этого слова не хватаетъ въ рук. ³ по въ рукоп.

рва того, и впаде въ него вкупѣ и съ концемъ своимъ, и не видѣ помогающаго ему въ бѣдѣ пастубы своей. Звѣривъ же ти не видѣна его, онъ же нача звати великимъ гласомъ, иже кто бы его извелекъ. Случившееся по нѣкоему случаю путемъ тѣмъ: ѣхати на ослагѣ нѣкоему населнику... въ добрь рати дровія, и вожаше во градъ, тѣмъ жену свою и дѣти прекормлевая. И егда населникъ той услыша пачо рва челоуѣка великимъ гласомъ вопіюща, и абіе остави осла, приде ко рву и видѣ челоуѣка внутри рва стояща вкупѣ и съ концемъ своимъ и рече ему населникъ: «ты кто еси и како въ ровь сей впаде?» Онъ же глагола ему вся поряду, како впаде въ ровь, и еще рече ему: «мильй брате мой, помози ми, да не азъ умру въ семь мѣстѣ, зане пастуби не могу, аще кто не подасть ми руку помови.» Населникъ же глагола ему: «не имамъ у себя верви, чомъ извлещи тя изъ рова сего, и азъ возвратуся въ домъ свой верви ради, и день мнѣ сей тунѣ пройдетъ, жена же и дѣти голодомъ помрутъ, съ ними же и азъ; понеже обычай имамъ по вса дни въ добрь сію на ослаги ѣздити и дрова въ градъ возити и продавати, тѣмъ питатися со всіми.» Челоуѣкъ же, въ ровь стоя, обѣщася ему дати злато довольно, — «саме извлечени ма». Населникъ же слыша отъ него обѣщаніе злата и вози осла свое, и поиде къ дому, и пришедъ въ домъ свой, оставивъ осла своего и взявъ вервину и иде скоро до оного рва и пусти вервину въ той ровь. Левъ же видѣ вервину висѣщу и ухватися за ню; населникъ же той, мня, яко челоуѣкъ, ухватися за вервь, и нача извлещи вонъ, и извлече, и видѣ два велми страшна, и ужасеть бывъ велми и мнѣвъ себѣ, яко поплотити его хощеть; левъ же веселымъ лицемъ нача радоватися и позѣ его тобызати и прилѣжно на населника..., яко бы молвити ему, что избавить его отъ толкиа смерти, и абіе оставивъ населника и иде въ пустыню. Населникъ же второе пусти вервь въ той же ровь; змія же видѣ вервь и охажися за вервь; населникъ же той мня, яко онъ челоуѣкъ, обѣяся за вервь, и нача его влещи вонъ, и егда извлече и видѣ змія велми страшна, и абіе въ страхѣ вниде велій; змія же смотряше сімо и овамо и приближися къ населнику и подосаи главу свою на ногу его, творяше, яко ей любовь сотворише и избавить ея отъ толкиа смерти, и оставивъ

поселника, тече во внутреннюю пустыню. Поселникъ же той еще пусти въ третіе вервь, и абіе шюнкъ уарі вервь и ухватися за вервь; поселникъ же нача влещи его вонь, и видѣ шюнка велии велика и сумися зѣло; шюнкъ же восприяувъ и видѣ себе иао рва навлечена, и нача велии все шитися, и веселися отиде въ дебрь. Человѣкъ же той, иже стоя въ ровѣ, велии нача звати, глаголю: «спаси мѧ отъ тои кий лютыи смерти.» Поселникъ же въ ровѣ спусти вервь и навлече человека того изъ рова вонь; человекъ же той нача поселнику молитися, обѣщавъ дати ему злато много, аще навлечешъ и кони его; поселникъ же той нача съ шимъ влещи кони того же вервию, и навлекоша и кони его. Человекъ же, бывши въ ровѣ, вседе на конь и поѣха во градъ, къ поселнику же глаголю: «во времени подобно прииди къ дому моему и возмешъ благаи свои.» Во времени же и шюнкъ прииде къ дому человека того поселникъ оный, и рече ко оному цареву человеку, его же навлече изъ рова: «дай же ми обѣщанное злато, елико обѣщался еси дати ми за избавленіе смерти своей.» Оный же рече: «когда хотѣхъ ти дати?» Поселникъ же рече: «егда навлекохъ ти изъ рова.» Оный же рече: «не вѣмъ того.» Поселникъ же нача дворцкому оному стужати словеса, прощая у него злата; оный же разиѣвася на поселника и поведѣ стужати своимъ бити его безъ милости; стужти же бина его нещадно и еде жива его оставиша. Поселникъ же, отдохнувъ мало отъ ранъ и воставъ, иде въ домъ свои и нача велии болѣти отъ великихъ ранъ, яко ни рукою мало двинути можаше; жена же его, ходише по граду, и пропаше милостыни, и что собираше, темъ мужа своего кормаше. Це по малъ же времени оный поселникъ исцѣлѣ отъ ранъ и отъ болѣзани премѣниша, и касаетя прѣзвѣно своего дѣла, и прииде въ дебрь и по и шюнку случаю паломн съшору и хотѣ возвратитися въ домъ свой. Шюнкъ же сіе видѣвъ и влѣтъ на высокое древо и нача ломати и метати къ поселнику, и наметати, яко ни въ три дни не перевозити ему во градъ; поселникъ же то разумѣвъ, яко той шюнкъ, его же изъ рова навлече, и мня воздарованіе ему за то, и обремени осла дроваи и отиде въ домъ свой. Въ другиѧ же день накаи прииде въ ту же дебрь и видѣ змія, грядуща къ себѣ, велии велика и страшна, послови во устахъ

своим камнем злѣю чести и драги, яко и свѣтъ отъ него паче огня, и нача указася быти. Змѣи же приде къ ногамъ его, поселника, и поюжи прѣтъ погами что оны камень и обѣ ослѣиде въ дѣбрь; поселникъ же оны, вѣвъ камникъ и поведе въ себѣ, яко си звѣрие возтарованіе ми дано да избавленіе смерти ихъ; змѣи же оны человекъ и обѣщавашо ми не да, еже что ми обѣщася дати за смерть свою, — и обременивъ ослѣ своего, отиде въ домъ. Въ третій же день наки приде на преданіе ему дѣлю въ дѣбрь, и ерѣте его ослѣ велми свѣршити и стриченя; поселникъ же оны смотряше ослѣ и озамо, гдѣ бы мочь свѣршити, и не бѣ гдѣ ему свѣршити. Левъ же приблизися къ поселнику и вѣмъ его усты своима и повелъ его во внутреннюю пустыню; поселникъ же, плача и рыдая, мѣя въ себѣ, что левъ велеть его къ вертецу своему на еиденіе дѣлами своима, — и приведе его къ вертецу своему, и бѣ въ томъ вертецѣ трѣ ослѣи велми обремены; и смѣ усты своима за уды дѣхъ ослѣи и приведе къ поселнику и даше ихъ; поселникъ же той бошеся и не смѣя приступити, вѣгъ же левъ тѣ ослѣ усты своима и поиде во внутренній пустыни къ дому поселнику. Поселникъ же да нимъ послѣдова со ослѣи своимъ и егда левъ приведе въ домъ поселникъ ослѣи, и оставивъ ихъ, самъ же отиде во внутреннюю пустыню. Поселникъ же, еи въ со ослѣи обременіе, а ослѣи такоже учренивъ на мѣста обѣщаніи, и поиде во градъ и повелъ проповѣстнику клукати по всему граду о вѣнбныхъ ослѣи въ обремены; аще кто изгубить ихъ и оны бы вѣгъ, — и не обрѣтеся никакоу человекъ во всемъ градѣ, кто бы изгубить ослѣи. Поселникъ же отиде въ домъ свой и отворѣ бремена и видѣ много множество злата и сребра, и тѣмѣи драго, и бисеріи многоцѣннато, и отъ сего велми обогативъ. По времени же и къ ослѣи поселникъ оны сотвори веліе весерію и созва весь родъ свой, и друзи и сосѣди, и нача съ ними веселитися, и егда приітоша въ веселіе многое, поселникъ же оны поклавъ оны драгій камникъ единому отъ друзовъ своихъ; другъ же его, видѣвъ оны дивный камникъ, велми удививъ. Не по мѣстѣ же времени доиде въ стухъ, во уши царя о камникъ ономъ честномъ; царь же призва поселника того и вопроши его: «повѣдай ми, человекъ, аще

имѣни у себе таковы камыкъ, о немъ же станешь семь, яко
«кто честенъ и правъ?» Паседникъ же къ нему отвѣща: «о
царю, есть таковы камыкъ,» и вопроши же его царь, «зв-
кутъ и како обрѣтъ, оны же сказа ему вся по рязи яко о себѣ,
каковы бѣ, и о дворцкомъ его и о забвѣннѣи смерти его.
Царь же, станешь съ словеса, и утѣв ся повесть дворен-
каго своего въ заточеніе послата, паседника же того повеле-
въ чинъ его, и имѣнне его дворцкаго тому паседнику пове-
дѣ врати — и домъ, и раба, и села все ему поручи и вла-
дѣти повелѣ.

*Приказъ двавато устроения шкото блатотрид и праведна о
судит.* Во градѣ Римствѣ, по случаво житія, наче же добрыхъ
вѣсьхъ дателя Бога промысломъ, наче возставлеть огы тношна
и посаждаеть съ моушными, и чий огы шнестнато и хутаго жи-
тїя вшнися первѣ въ воинство и потомъ въ коемъждо чино-
началеть пр бовавъ, и по силѣ достиже въ тиронскїи санъ, огу-
туду же учинися и первосовѣтникъ цесарю. Обаче, помншая
случая, яко нечестовнато законоположника, наче дѣтъ и отъ-
емлеть, — рязи оны шнестную, юже первѣ пошане, вложивъ
въ златый, сотворенный со драгимъ каменїи ковчегъ, во шну-
ренней своей полать поставъ, и токмо единъ тамо вхожане,
пачма грубую рязу, по вся дни смотрал, онтакуя первое свое
житїе и помнїа, коликая претерпѣвалъ бѣдствования прече, и
тако увѣнчивъ себе, еже никому же обича, нике панастїи со-
творати, но ко вѣльмъ милость и судъ праведный имѣти. Се же
ему доброе намѣренїе творящу, окрестана его къ цесарю, яко
выхода въ сокрещенную храмину зарусть. Цесарь же той кро-
токъ бѣ злыо, не яростнымъ ворѣнїемъ, но кротостнымъ раз-
смотрѣнїемъ се небытати еше изводитъ повелѣ, въ неже время
внѣдѣть савонникъ тои въ сокрещенную полату, себе повѣстити.
И сѣда, тому тамо внѣдну, вшелану цесарь по повѣщенїю при-
ише, зарѣ же въ златомъ ковчегѣ тнущную рязу, вопроши: «что
есть,» — оны съ смирнїемъ приидои и кланяшея, не хотѣ тай-
ны повѣстити, обаче принудельнъ, рече: «цесарю веднїи, Богъ,
яке наче рати шнесту претерпѣти и во шнѣнїи, вшѣде мя отъ
нещи шнесты, и подавши ми хладъ роснїи, еже возмоши, бла-
говолывы же ми принти въ славу сію, юже имамъ при держа-

въ твоен, учить, глаголю: научитесь отъ мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ; сего моего Владыки внимая азъ спасительнаго повелѣнія, смотря сїю мою первую, нищетную, скверную, ризу, обучаюся, еже ко всемъ быти милостиву, якоже и азъ потребовалъ въ моемъ первомъ житїи отъ всехъ милости, и кротку, и не презориву, и ниже обидѣти, и благо-расмотрѣливши, всемъ неогрочный судъ подавати, и милость отъ тебе бѣдствующимъ непрошати. Сїе въ совети моеи обношу пророческое слово, еже рече: человекъ, въ чести сый, неразумъ, приложися скотомъ немысленнымъ и уподобися имъ; — обаче и въ скотѣхъ по естеству обрѣтается множайшая любовь, азъ же, яко образомъ создавшаго мя почтенны, въ нихъ же некусихся самъ, не помому ли сроднымъ всемъ человекомъ въ напастехъ? Се смотрѣнія моего на гнусную мою первую ризу вина: молно державу твою, да оцнустиси семя намбрѣню моюю. Сїя цесарь слыша о дивнѣмъ дѣлѣ сановника своего, удивился радостно и со слезами облобызая его главу, ублажая и прославляя яко вѣрнаго прїятеля государству своему, и возложи всего государства своего правленіе предоброму тому.

VII. Сказаніе о Мутьлинскомъ воеводѣ Дракулѣ въ древнѣйшемъ извѣстномъ спискѣ находится въ Румьини, сборникѣ № 358, отсюда и заимствуемъ его.

О Мутьлинско¹ воево¹.

Бы в Мутьлинской земли воевода Грѣска въ рїи Хрѣвни², имяне³ Дракъла Мутьлинскы⁴ зывко⁴, а наши⁴ дѣлають Рускы⁴, только алом⁴ роуко жити⁴ кто по имени е⁴. Се Грѣско⁴ пра⁴ придоша неког⁴а к нем⁴ поклоняри⁴д⁴ пово⁴ ег⁴а видѣша е⁴ и клонши⁴ ему по своѣм⁴ обѣщаню, свои гла⁴ не спича⁴ шано⁴, бже⁴ вопрош⁴ в ни⁴ что ра⁴ таково оучишите⁴ великом⁴ дѣро⁴ придоше⁴ и велѣм⁴ срамоту оучишите. Они⁴ бѣвша⁴: тако⁴ обѣщали земли⁴ наше⁴ дѣри⁴ вера⁴. Они⁴ гла⁴ им⁴ хоцо⁴ и а⁴ наше⁴ закона⁴ погнѣр⁴ити⁴ доврѣ⁴ стоите, и повлѣ⁴ своимъ гвоз⁴дѣ

1. Когда слово написано всеми буквами, но итъ нѣхъ нѣтъ выкинуты для лучшей помѣстительности вверхъ, мѣ пишеть его обличовеннымъ образомъ, шпр. *мутлинско* — *сво* *во*. 2. *по* въ есть плоска. 3. т. е. *се* *сво* *дѣ* *гво*. 4. по правленю иль друаго слова; т. е. *на* *гво*?

VI. Обращаясь къ **Ригорскому** **Джанинчу**, приводимъ три разные разсказа: первый изъ Румановской рукописи № 363 л. 553 — 556; второй изъ Ногодиоскаго сборника № 1964 об. л. 221 — 227; третий изъ Руманов. сборника № 374 об. л. 367 — 370. Этотъ послѣдній, какъ мы замѣтили, не находится въ Латинскихъ *Gesta Romanorum*.

О нещирности и кровоности тила, глаголетъ же си такоу, яко не ошрвати тайны женщины. Бѣ и кто знаменитъ воинъ у илкого царя: той же воинъ илкою виноу разбивавъ его, послѣ же друговъ своихъ мошти о себѣ, да упроситъ ему милости у царя. Други же его упросиша къ нему у царя благодать, обаче повелѣ царь (воину) быти къ себѣ съ гадательствомъ тайнымъ, дабы ко двору его ѣхать и шель, и да приведетъ вѣрнаго пріятеля, и утѣшника, и невѣрнаго друга. Слышавъ сія воинъ, таковой невѣданныи приказъ, и смущенъ, наче же недоумѣвался, како совершити. Случися же во время то пріити къ нему илкому преходшеву: воинъ же напомянуся рещи къ женѣ своей таино: «вѣси ли, яко пришельны имѣюць у себя серебро: аще утаиши, азъ пришельнаго убью, а серебро имѣти будемъ себѣ»; она же съ клятвоу утаити обѣщася¹. Егда же вси уснуша, воинъ же той воста, возбуди оного пришельна, и повелѣ ему въ путь своей итти, убій же телна и шельце его въ засти и вложи въ мѣхъ, разбуди жену свою, показа ей мѣхъ, глаголя, яко въ томъ мѣху глава и руцѣ и полкъ, его же азъ убихъ оного пришельна, а тѣло его згребѣ въ коморѣ, въ тайнѣ мѣстѣ. За рѣбе же и мѣхъ, и пока а ей своего серебра илкого, яко ваявъ у оного убитаго пришельна. Егда же пріите день ѣханія его ко царю, тогда вая съ собою по правую руку и страну пса, и на руку маюго своего сына, а жену по лѣвую сторону; егда же приѣхашася ко двору цареву, возложи правую ногу на пса, и тако якобы шель шель, и тако шель ѣдно и илчно, и пріите тако преть царя. Царѣ же его царь со велми его престолицими, удивися како испомни невѣданныи и тайный приказъ и рече ему царь: «отъ еси твой вѣрный пріятель»? Тогда воинъ, ваяти мечъ, удари странною пса своего, шель же отъ ударенія далеко

¹ въ рук. *оставити усеица*.

отскака, — егда же воинъ кликну его, пакы къ ногамъ его при-
теге, — и рече царю: «то есть мой вѣрный другъ-пріятель.»
Царь же похвали его, рече ему: «чтожь есть твое удивленіе?»
Воинъ же покал на отрока свое, рече: «се есть мое удивленіе,
той же ма всегда веселитъ дѣтскими глумленіи.» Царь же рече:
«тѣ твой другъ невѣриланъ и непріятель?» Воинъ же удари же-
ну свою, глаголю: «чего ради тако непристойно на царя, госу-
дари моего, смотриши?» — жена же возопи: «мужеубійца про-
клятый, за кую вину бѣши мя? Или такожде ми хочещи уби-
ти, яко же убить еси вчера пришедша, матиухъ ради и вдовца?»
Тогда воинъ, мука ея, пакы ударя, глаголю: «срокъ твоя же о,
чего ради на ми клеветещи?» Она же люте плача воини, зло-
слова его, рече: «сидѣте по мнѣ, укажу вамъ мѣхъ, въ которой
мужь мой вѣжи голову и руць и ноць, убивъ страшного при-
шелца, а тѣлю закопавъ въ земль, въ коморѣ.» Тогда царь по-
ведѣ слугамъ, да идуть съ нею и свидѣлествуютъ; слути же
шедше, во³ указанномъ отъ нея мѣстѣ мѣхъ изъ земли изаша,
обрѣтоша же телново мясо, и доумывахуся, и пришедше, царю
повѣдана. Услышавъ сѣя царь и увидѣвъ премудрость воина
своего, зѣлю его похваливъ и по сему бысть velmi любимъ ца-
ремъ и умре въ покою.

Притчи о нѣкоемъ ведомомъ. Бысть въ Рамской области, въ
нѣкоемъ градѣ нѣкій царь, имѣи у себе нѣкоего бѣшакаго че-
ловѣка, и устрои его у себе въ чинѣ дворечества. Человѣкъ же
той имѣя обычай всегда на довь ѣздити, и во еднѣ убо отъ
дній повелѣ слугамъ своимъ ископати ровъ velmi глубока для
удовленіе звѣремъ, идѣже обыче на поле ѣздити. И во еднѣ
убо отъ дній по нѣкоему случаю шате въ той ровъ лютеи
звѣрь левъ, и амія, и шонка, и — бѣше въ годъ земы, — шаде
на той ровъ снѣгъ велиій, яко и устїя рва того не видѣти. Звѣ-
рїе жь тѣ баху въ рову подь снѣгомъ и недоумывахуся, что со-
твориши, зане рову тому глубоку суну и не возмогаша излѣсти
изъ него. По времени жь нѣкоемъ восхотѣ той дворечкой ви-
дѣти самъ ровъ той, и абѣ выѣха за градъ еднѣ, и прибли-
зился, идѣ же ровъ ископанъ, и по невѣданію шаде на устїе

2. этого слова не хватаетъ въ рук. 3. по въ рукоп.

рва того, и виаде въ него вкунѣ и съ конемъ своимъ, и не видѣ помогающаго ему въ бѣдѣ пагубы своей. Загнѣ же тѣмъ не видѣна его, онъ же нача звати великимъ гласомъ, иже кто бы его извлекъ. Случишеся по нѣкоему случаю путемъ тѣмъ ѣздити на осла тѣхъ нѣкоему населнику... въ добрь ради дровія, и возкаше во градъ, тѣмъ жену свою и дѣти прекормлевая. И егда населникъ той услыша изво рва человека великимъ гласомъ вопіюща, и абіе остави осла, приде ко рву и видѣ человека внутри рва стояща вкунѣ и съ конемъ своимъ и рече ему населникъ: «ты кто еси и како въ ровъ сей виаде?» Онъ же глагола ему вся поряду, како виаде въ ровъ, и еще рече ему: «милий брате мой, помози ми, да не злѣ умру въ семь мѣстѣ, зане излѣсти не могу, аще кто не подасть ми руку помощи.» Населникъ же глагола ему: «не имамъ у себя верви, чомъ извлещи тя изъ рова сего, и азъ возвращуся въ домъ свой верви ради, и день мнѣ сей тунѣ пройдетъ, жена же и дѣти гладомъ помрутъ, съ ними же и азъ; понеже обычай имамъ по вся дни въ добрь сію на осляти ѣздити и дрова въ градъ возити и пролавати, тѣмъ питатися со всѣми.» Человекъ же, въ ровѣ стоя, обѣщася ему дати злато довольно. — «аще извлечени мя». Населникъ же слыша отъ него обѣщаніе злата и вля осла свое, и поиде къ дому, и пришеде въ домъ свой, оставивъ осла своего и вземъ вервину и иде скоро до оного рва и пусти вервину въ той ровъ. Левъ же видѣ вервину висѣщу и ухватися за ню; населникъ же той, мня, яко человекъ ухватися за вервь, и нача извлещи вошь, и извлече, и видѣ два велми страшна, и укасащъ бывъ велми и мнѣвъ себѣ, яко поплотити его хощеть; левъ же веселымъ лицемъ нача радоватися и ношъ его любить и прилѣжно на населника... , яко бы молвити ему, что прибавиль его отъ толкиа смерти, и абіе оставивъ населника и иде въ пустыню. Населникъ же второе пусти вервь въ той же ровѣ; змія же видѣ вервь и охачися за вервь; населникъ же той мня, яко онъ человекъ обѣщася за вервь, и нача его влещи вошь, и егда извлече и видѣ змія велми страшна, и абіе въ страхѣ виаде велій; змія же смотряше сімо и овамо и приближися къ населнику и положи главу свою на ногу его, творяше, яко ей любовь сотворилъ и избавилъ ея отъ толкиа смерти, и оставивъ

населника, теле во внутреннюю пустыню. Населникъ же той еще пусти въ третіе вервь, и оубо шюнкъ уарі вервь и ухватися за вервь; населникъ же нача влещи его вошь, и видѣ шюнка велми велика и сумнѣся зѣло; шюнкъ же восприяувъ и видѣ себе во рва извлечена, и нача велми веселитися, и веселся отиде въ дебрь. Человѣкъ же той, пакъ стоя въ ровѣ, велми нача звати, глаголю: «спобави ми ось тоушкѣи лютыя смерти.» Населникъ же въ ровѣ спусти вервь и навлече человека того из рова вошь; человекъ же той нача населнику молитися, обѣщавъ дати ему злато много, аще извлечеть и коня его; населникъ же той нача съ нимъ влещи коня того же вервию, и извлекаша и коня его. Человѣкъ же, бывши въ ровѣ, вѣде на конь и поѣха во градъ, къ населнику изъ глаголю: «во время подобно прииди къ дому моему и возьми благая своя.» По времени же нѣкоемъ прииде къ дому человека того населникъ оубо, и рече ко оному цареву человеку, его же навлече изъ рова: «дай же ми обѣщанное злато, елико обѣщаша еси дати ми за избавленіе смерти своей.» Онъ же рече: «когда хотѣхъ ти дати?» Населникъ же рече: «егда навлекохъ тя изъ рова.» Онъ же рече: «аще вѣмъ того.» Населникъ же нача дворецкому оному стужати словеса, прошаѣ у него злата; онъ же разнѣвася на населника и повелѣ стужати своимъ бити его безъ милости; стужа же бѣша его нещадно и еде жива его оставиша. Населникъ же, отдохнувъ мало отъ раць и воставъ, иде въ домъ свой и нача велми болѣти отъ великихъ раць, яко ни рукою мало двигнути можаше; жена же его, ходише по граду, и прошае милостыни, и что собираше, тѣмъ мужа своего кормише. Не по малѣ жь времени онъ населникъ исцѣль отъ раць и отъ болѣзни премѣнишя, и касаетя преданію своего дѣла, и прииде въ дебрь и по нѣкоему случаю излочи сланиру и хотѣ возвратитися въ томъ свой. Шюнкъ же сѣ видѣвъ и влѣвъ на высокое древо и нача ломати и метати къ населнику, и заметати, яко ни въ три дни не перевозити ему во градѣ; населникъ же то разумѣвъ, яко той шюнкъ, его же изъ рова извлече, и мня воздарило ему за то, и обремени осла дрова и отиде въ домъ свой. Въ другіи же денъ пакъ прииде въ ту же дебрь и видѣ змя, грядуща къ себѣ, велми велика и страшна, носима во устахъ

своихъ камыкъ дѣло честнѣ и драго, яко и свѣтъ отъ него паче огня, и нача указевати бѣати. Змѣи же прїиде къ ногамъ его, населника, и поюки прѣтъ ногами что оны камень и абіе оцѣиде въ дѣбрь: населникъ же оны, вѣвъ камыкъ и помысли въ себѣ, яко си дѣвріе возпарованіе ми чиню да избавите не смерти ихъ; змѣи же оны человекъ и обѣщаваша ми по дѣ, еже что ми обѣщася дати за смерть своего, — и обременит осы своего, отите въ домъ. Въ третій же день накаи прїиде на преднее ему дѣлю въ дѣбрь, и ерѣте его оны велики сварилы и страшени; населникъ же оны смотривъ сѣмъ и ошамъ, гдѣ бы мочь скрѣтитъ, и не бѣ гдѣ ему скрѣтитъ. Девъ же приближенъ къ населнику и вемъ его усты своими и поведе его во внутреннюю пустыню; населникъ же, плача и рыдая, мѣа въ себѣ, что девъ велетъ его къ вертепу своему на снѣденіе дѣлми своимъ, — и приведе его къ вертепу своему, и бѣ въ томъ вертепѣ три ослати велики обремены: и емъ усты своимъ за удды тѣхъ ослѣтъ и приведе къ населнику и данше ихъ; населникъ же той боженся и не смѣя преступити, вѣвъ же девъ гдѣ ослы усты своимъ и поиде во внутренній пустыни къ дому населнику. Населникъ же за нимъ послѣдова со ослѣтемъ своимъ и егда девъ приведе въ домъ населничъ ослѣта, и оставивъ ихъ, самъ же отиде во внутреннюю пустыню. Населникъ же, сишь со ослѣтъ обременіе, а ослѣта такоже уречити на мѣста обѣщавъ, и поиде во градъ и повелѣ проповѣшнику кликати по всему граду о нагубныхъ ослѣтахъ з бремены; аще кто нагубитъ ихъ и оны бы вѣтъ, — и не обрѣтеся никакозъ человекъ во всемъ градѣ, кто бы нагубитъ ослѣта. Населникъ же отите въ домъ свой и отворе бремена и видѣ много множество злата и сребра, и гемѣнъ драго, и бисерія многоцѣннаго, и отъ сего велики обогатися. По времени за нѣкоемъ населникъ оны сотвори ведіе вечерю и сова весь родъ свой, и друзи и сосѣди, и нача съ ними веселитися, и егда прїитиша въ веселіе многое, населникъ же оны показавъ оны драгій камыкъ единому отъ друговъ своихъ: другъ же его, видѣвъ оны дивный камыкъ, велики удивися. Не по мѣозѣ же времени доите въ стухъ, во уши царя о камыцѣ ономъ честномъ; царь же прїизва населника того и вопроси его: сповѣжи ми, человекъ, аще

имѣни у себе таковы камыкъ, о немъ же слышати семь, яко
«кто честенъ и драгъ?» Пасадникъ же къ нему отвѣща: «о
царю, есть таковы камыкъ,» и вопроша же его царь, «зв-
кутъ и како обрѣтъ, оны же сказа ему вся по ряду иже о себѣ,
каковы бѣ, и о дворцкомъ его и о злобѣ и о смерти его.
Царь же, слышавъ сѣ словеса, и утѣся сѣ повесть дворен-
каго своего въ заточеніе послата, пасадника же того возврати
въ чинъ его, и имѣнне его дворцкаго тому пасаднику пове-
сть врати — и томъ, и раба, и села все ему поручи и вла-
сти повесть.

*Писание описано устройствѣи шкото блгвог ордн и прсвда и
судн.* Во градѣ Римствѣ, по случаю житія, наче же добрымъ
всѣхъ дѣтели Бога промысломъ, иже возставяеть огы тноши
и посаждаетъ съ могущими, и кий огы нищетаго и хутаго жи-
тїя внишия первѣ въ воинство и потомъ въ коемъждо чино-
началствѣ прѣбывъ, и по силѣ достиже въ тиранскїи санъ, отъ-
туда же уишия и первосовѣтникъ цесарю. Обаче, поминавъ
случая, яко нечестовитнаго законоположника, иже дасть и отъ-
еметь, — ряду оу нищету, иже первѣ пошане, вложивъ
въ златыи, сотворенный со драгимъ каменїи ковчегъ, во шут-
ренней своей полатѣ постави, и токмо единъ тамо вхожане,
иная грубую ризу, по вся дни смотрал, онъ оука первое свое
житїе и поминал, коликая претерѣвалъ бѣдствованїа прече, и
такъ увѣщавая себе, еже никому же обити, иже панети со-
творити, но ко велѣмъ мнотость и судъ праведный имѣти. Се же
ему доброе намѣренїе творящу, окрестана его къ цесарю, яко
выхода въ сокрещенную храмину зарусть. Цесарь же той кро-
токъ бѣ, яко, не претельмъ вопрѣшемъ, по кротостнымъ раз-
смотрѣнїемъ еде небылати еише поволитъ повесть, въ неже время
внистель сивоникъ тоу въ сокрещенную полату, себе явлетити.
И егда, тому тамо введшу, вносащу цесарь по явѣнїю прї-
ише, уаръ же въ златомъ ковчегѣ тиущую ризу, вопроши: «что
есть,» — онъ съ смиренїемъ приидя вкланяся, не хотѣ тай-
ны явлетити, обаче принуждены, рече: «цесарю великій, Боже,
иже наче рати нищету претерѣти и вошпавъ, заведе мя огы
неци нищета, и полатыи ми хладъ росный, еже возмощи, бла-
говолити же ми прїити въ славу сію, иже имамъ при держа-

въ твоен, учить, глаголю: научитесь отъ мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ; сего моего Владыки внимаю азъ снисходительнаго повелѣнія, смотря сїю мою первую, внѣшнюю, скверную, ризу, обучаяся, еже ко вѣдѣ быти милостиву, якоже и азъ потребовалъ въ моемъ первомъ житїи отъ вѣдѣ милости, и кротку, и не презориву, и ниже обидѣти, и благо-расмотрѣливый, вѣдѣ неотрочивый судъ подавати, и милость отъ тебе блѣдствующимъ испрошати. Сїе въ совети моеи обношу пророческое слово, еже рече: человекъ, въ чести сый, неразумъ, приложися скотомъ несмысленнымъ и угодобисимъ; — обаче и въ скотѣхъ по естеству обрѣтается многожайшая любовь, азъ же, яко образомъ создавшаго мя почтенны, въ нихъ же некусихся самъ, не потому ли сроднымъ вѣдѣ человекомъ въ изнаестехъ? Се смотрѣнія моего на гнусную мою первую ризу вина: молно державу твою, да отпустиши сему намбрѣнію моему». Сїя цесарь слыша о дивнѣмъ дѣлѣ сановника своего, удивился радостно и со слезами облобызая его главу, ублажая и прославляя яко вѣрнаго прїятеля государству своему, и возложи всего государства своего правленіе предоброму тому.

VII. Сказаніе о Мутьлинскомъ воеводѣ Дракульѣ въ древнѣйшемъ известномъ спискѣ находится въ Ру-мынн. сборникѣ № 358, откуда и заимствуемъ его.

О Мутьлинско¹ воево¹.

Бѣ в Мутьлинской земли воевода Грѣска въ рѣхъ хѣбани, имяне² Дракулъ Латинскы³ языко⁴, а наши⁵ дѣлають Рускы⁶, только зломъ ро-ско житіе кѣ по имени е⁷. Сѣ Грѣско⁸ прѣхъ придоша некогда к нем⁹ поклевирѣ посто² сѣга видѣша и поклонили¹⁰ ему по своим¹¹ обычаю, свои гла³ не слыша шно¹², бже вопроши в ни¹³ что ра¹⁴ таково оучившете великом¹⁵ дѣро предете и велик¹⁶ срамоту оучившете. Оши¹⁷ бѣша¹⁸: тако¹⁹ обычаи земли нашихъ гѣри пержа²⁰. Оубъ гла²¹ имъ: хоце и а²² ваши²³ закона пострѣтити докрѣ²⁴ стоите, и полѣ²⁵ своимъ гвоздѣ

1) Когда слово написано теми буквами, но ить нихъ нѣтъ выкинуты для лучшей помѣстительности вверхъ, мы пишемъ его обыкновеннымъ образомъ, напр. *вишница* — *вишня*. 2) *посто* есть плоско. 3) т. е. сѣ *свои* глаголь. 4) по правленю иль другому слова; д. б. *отъ грѣско*?

железное вѣдѣ и колѣны и къ главамъ ихъ приблизити и ѡпоустити и, ре. шепши скажите гдѣрю вашему, ѡ навѣкъ ѡ вѣ ту сражатѣ трыпѣ, а мы не навыволовѣ, да не посылаетъ к намъ своего ѡбыха ꙗко иншѣ зем-ла и ко и гдѣрь, кои не хотать имѣти: —

О послѣ ты разгаривехъ прѣ ѡ то и поидѣ воево на Дракѣлюу со многими силами, ѡнѣ собравъ всѣ ѡлко имаѣу оу себѣ воево, и Старѣ на ии пощѣ, и мноство вѣбѣ Тѣрковѣ и не вѣлже противъ многы дѣдѣи малыми люми битисѣ, и возвративехъ кои с нимъ с ѡю тою, и на свои прѣматривати сѣ какыи ѣ коу рѣны, оу коу раия не-роу, то тѣмъ чѣ и жаловитѣ подививѣ, и витавемъ его ѣмнашѣ а кои создаи раненъ тоу на ко повелѣ сѣзати, то бѣгленъ смерѣ, да коли поидѣ на Тѣркі, гла воевоу своему, кто хоцѣ смѣрѣ, помыслити, то не ходи со мною ѡстанѣ здѣ, Црѣ же слышѣ то и поидѣ про со многымъ срамѣ, и не возмоу навѣ поити.

Црѣ Тѣркіи посла к нему покшеара да ему данѣ дасть, Дракѣла же поити вѣми покшеара и покла ему вѣдѣ свѣдѣ пѣтѣ, и ре ему: азъ не тоумо хоцѣ данѣ дѣти проу по вѣдѣ своимъ воево, и со вѣю клѣюу хоцѣ к нему на службу ити в ты возвѣсти проу, на поидѣ к нему, чтобы по своей земли не вѣдѣ мѣ и люми жонѣ никогоу зла учинити свои люми, и на хоцѣ скоро по тобѣ поити, Црѣ же слышѣ ѡ посла своеѣ, что Дракѣла хоцѣ ко мне поити службу, ꙗко раѣ бѣ тому, ѡнѣ бо рѣгоудѣ тоуи со востѣишии прѣми и странами, и посла скоро по градоу и по всей земли своей, да коуды Дракѣла поидѣ и никгоу бѣ ему зла не учинѣ, но и чѣ, ему водлакали, Оуи же поидѣ ꙗко ѣ дѣи по земли Тѣркой и еликаю вервоухъ и на плениги грады и сѣды и мноу мноство плени и ѡбѣде, бѣи на больѣ посака, а иншѣ сожигашѣ и до мѣицѣ сѣущѣхъ млеко не ѡбѣгари и сѣю ту землю поустѣ вѣиши и мноу хрѣвань во свою землю пленениа возврати и мноу користи дѣи, представѣ тѣ поитивъ рѣвѣ ѡпоустѣ — повѣстѣте проу, ꙗко видѣте, сколько мѣу, стѣво ему служувалѣ, бѣуть ему службу моа ему оубѣи, и сѣо ему послужю, Црѣ же ничтоу ему зла вѣиши срамѣ побѣженъ, — Кошко грозенъ бѣ Дракѣла во своей земли, не-павѣдѣа для кому вѣишиги, рѣвоуа дѣи ии коу нужоу или неправѣоу, то никакоу бѣуть живѣ еще свѣиши или охрѣ, ии прѣстои чѣкѣ, аще и мноу ѡбѣтѣда мѣ, ато не мѣть повѣнѣтѣ ѡ смѣрѣ, — Не-

накое⁸ ѿ баше вклада⁹ млади¹⁰ и следѣ, и мнози к тому дѣлюшкѣ ити
пришли ѿ мнози¹¹ стра¹², и пѣху ѿ исто¹³ника то¹⁴. Дракула¹⁵ вни чару
велику дивнѣ и злату, и постави на исто¹⁶нице томѣ, и аще кто паше
чароу тою златою и пашы поставлани на томѣ¹⁷ мѣсте, и шикто¹⁸ смѣло
ше взать ю ѿ стра¹⁹, елико ѿ прѣо²⁰.

.....⁸
(9) послѣ⁹ Тако¹⁰ бо бѣхши нма¹¹ Дракула бѣхши к нему при
хожане послѣ ѿ пра¹² и ѿ кша, и ѿ брѣта нѣмаше и не умѣхше
противу возне¹³ его бѣхши, то на ко¹⁴ его вѣхше глх не а¹⁵ по
внѣше тво и смрти¹⁶ ни ты рѣи на мажю что, ни гдѣ твои. Аще
гдѣ твои вѣдх тебѣ мѣлошма, нечѣна, послѣ глх ко мѣ к велико
шмноу гдѣ, то гдѣ твои зѣи та е¹⁷; аще ли самѣ дрѣхше е¹⁸ не
пазхше то са¹⁹ оубѣ еси себѣ. И тако поклицарѣ²⁰ внихше ко велику
показишѣ всѣ и паше вѣхше, а ко гдѣ его горѣ бѣхше. Со про
чими²¹ ѿ Оугор²² ко²³ короля при²⁴ к нему Мати²⁵ паша поклицарѣ. Да²⁶ ро
домѣ не ма²⁷ чѣхше, и повѣле²⁸ кѣм сести е²⁹ собою на бѣдѣ, предѣ тру
па, и прѣ³⁰ нимъ лежше ко³¹ злѣ³² вѣсѣ велику, добель и нѣ ѿ, и вос
проси поклицарѣ³³, повѣдѣ ма, что ра³⁴ оушишѣ азѣ еси ко³⁵ тако? По
клицарѣ же велми зѣо³⁶ и глѣ: гдѣ мнѣтѣ тако, чѣвои великою чѣхше
прѣ³⁷ то оубѣ сѣрѣши³⁸, и хоце³⁹ почестишю⁴⁰ сему смрти⁴¹ внишши паше
пашѣ. Дракула же рѣ⁴², право рѣхше е⁴³, та е⁴⁴ велико⁴⁵ гдѣ, кратевшии
поклицарѣ, тоубѣ внишѣ еси ко⁴⁶. (9) ѿ же бѣхши рѣ⁴⁷, аще гдѣ до
стошно смрти⁴⁸ дѣхше бѣхше, и рѣ е⁴⁹ хоце⁵⁰, прѣдѣнѣ еси соу⁵¹ х не
ты ми умши⁵² смрти⁵³, по а⁵⁴ самѣ. Дракула же рѣхше и рѣ⁵⁵: аще бы
ми ты не тако бѣхше, внишши бѣ бы е⁵⁶ да е⁵⁷ ко⁵⁸. И почтишѣ е⁵⁹
велики и бѣхше бѣхше, глх: ты во прѣду⁶⁰ ходи на носѣи ар⁶¹ тво, а
прочии да не дѣхше, по прѣше⁶² умши бѣхше, ка⁶³ велики⁶⁴ гдѣ гово
рѣши. — Неко⁶⁵ же бѣхше Дракула по⁶⁶ трушѣ⁶⁷ мртѣ⁶⁸ чѣхше,
и⁶⁹ на ко⁷⁰ вѣхше мнѣство бѣхше трахше кѣ и послѣ бѣхше
прихожану к нему и глѣ⁷¹ пѣхше мнѣ и повѣлохше⁷². (9) ѿ⁷³ среди
их⁷⁴ сѣхше, слома⁷⁵ е⁷⁶ прѣ⁷⁷ нимъ глѣше и мртѣ бѣхше не могли тер
пѣи⁷⁸ зѣхше но⁷⁹ е⁸⁰ и голозу на сторону сѣхше. Дракула же

8 пропущены несколько строкъ, вероятно нескромныхъ. 9 Со прочими въ рукописи непереносно, какъ и въ отведенно къ предыдущей стрѣлкѣ. 10 въ рукописи *прѣдѣнѣ*. 11 должно быть *паша*. 12 т. е. *ушишѣ*. 13 т. е. *исполнѣнн* или *послѣдствѣ* объявленности.

воспроси его: что ра¹ тако чиниши? бже¹ рю, смр¹ сего не мж¹ тер-
пѣти. Друкла же тоу повесть¹² е¹ на ко посадиши, и р¹³: тамъ ти е¹
высоко, ино смр¹ тебѣ не доиде¹.

Единоу¹⁴ пусти воеше по своѣи землѣ, гдѣ до кто старѣ и чи¹⁵
недоуже или ардеви, сѣнь или хро¹⁶, вѣкы¹⁷ недоумъ бдержи¹⁸, да
вси ти при¹⁹ть ко маѣ, и да сотвори²⁰ на зем²¹ бес печал, и собраши к
нему вси и р²²ши бже да ниши²³, чю²⁴ б него великой мѣти. бже²⁵
вчини велику хрмши и соора и²⁶ тоу, и посель и²⁷ дѣи мѣи и шти до-
вочо бже²⁸ ладова и возресе ниша. Друкла²⁹ призв³⁰ к ни³¹ гла: что
сно вы требуєте б мене? С³²двѣцаша³³ в рѣко а рѣи: вѣдо³⁴, гдрю, б³⁵
да твоѣ землисто, какъ та б³⁶ вразуми³⁷. Оши³⁸ гла мже: хочете ли,
а вѣкъ сотвори бес печали на ст³⁹ свѣтѣ и ничи е⁴⁰ нужени бдѣте,
Оши⁴¹ чаше б не⁴² велико нечто и глѣа вси: хоще гдрю, бже⁴³
повѣле хр⁴⁴ заперѣти а соже нхъ бше⁴⁵, и г а ко бдеро⁴⁶ своичъ да
вѣсть что сотвори, првѣе да не стужа⁴⁷ лю⁴⁸ и никто⁴⁹ б⁵⁰ть ниши
в чо и землѣ, но вси бгати, второе свободях и⁵¹, да никто⁵² б⁵³ ни⁵⁴
остража⁵⁵ на св⁵⁶ свѣ⁵⁷ б⁵⁸ нишега и б⁵⁹ чѣста.

Единоу⁶⁰ придоша к нему б⁶¹ Угорекъ зем⁶² два Латѣина мнша
мѣти ра⁶³, бже⁶⁴ полже нхъ розвести розно, и призва единоу⁶⁵ к себѣ,
и п⁶⁶зла ему вокруг⁶⁷ двора мж⁶⁸ мж⁶⁹ тво бже⁷⁰девое на колы дв⁷¹, и
на кос⁷², и воспроси его Друклу: до ро ли то азь тако творю? Мнша⁷³
гла ему: ни гдр, кто чиниши, без мѣти бже⁷⁴ниши, подобает гдрю
мѣтеу быти, а тѣ и⁷⁵ на колѣ, мѣши сѣть. И призва⁷⁶ же и другого
м⁷⁷, и вопроши его так⁷⁸ бже⁷⁹ бже⁸⁰ рѣ, та гдрю б⁸¹ б⁸²
стеленъ вси шхотвораши⁸³ козани, а доортвораши⁸⁴ жаловани, а си
лихотвориши, ино⁸⁵ по свои дже⁸⁶ во прихши. Оже⁸⁷ призвавъ первоу⁸⁸
мши и гла ему: да почю ты на мастерах и на воеи б⁸⁹ и видѣши по ве-
лики⁹⁰ дреми, не знаю ничо⁹¹, а нѣ самъ е⁹² г азь яко тѣ мѣши сѣть,
и г а⁹³ хоще и свѣ мѣка отвори⁹⁴, спре⁹⁵ учиниши, и повѣло⁹⁶ что на ко⁹⁷
посади⁹⁸, а другому повѣле⁹⁹ двѣи ли, двѣати зы¹⁰⁰, ты е¹⁰¹ разоужень
чѣкъ, и повѣле¹⁰² его с почью бже¹⁰³усти на кос¹⁰⁴ до Угорекъ
землѣ — Так гла при¹⁰⁵ к нему ку еш¹⁰⁶ б¹⁰⁷ Угорекъ землѣ, въ это
пр¹⁰⁸, и по его гла¹⁰⁹ бже¹¹⁰ бже¹¹¹ доль на Уши, хр¹¹² полатою и тоша¹¹³
сви а возъ, а са¹¹⁴ чаше Уворотѣ, и прше¹¹⁵на свѣто мреде, а бже¹¹⁶
рѣдумкъ влѣ, Куеца¹¹⁷ пѣкъ Друкла и полѣ ему поубоде до мѣ¹¹⁸.

11. къ рукам, и бже. 12. такъ къ рукамъ. 13. къ рукамъ мж

ДракѸла же гла к нему: поиди, в снѹ пощѹ ѡбраще^м злато, и повеаѣ по ве^т градѹ некаги тата, аще не ѡбращете тата, то ве^т гра^т погублю. — и повѣле свое^т злато пол^ти на возѹ пощѹю, и прило^т еди^т злати, кѹ- не^т же воставъ ѡбрѣте злато, взоче и в^т, и г^т.¹⁷ и ѡбрѣташе ѡлинь лишнѹ златнѹ и шо^т ко ДракѸде: гдрю, ѡбрѣто^т злато и бы^т еднѹ лишнѹ златоѹ. Тогда привѣдоша тата то^т и со злато^т. И гла кѹщю: иди с миро^т, аще бы ми е^т не испорѣдѹ злата и лишнего, то бы^т велель и тебѹ с снѹ татѹ на ко^т поидити. — Единю же видѹю емѹ поу- тѹ и Узре непакое^т сиромакѹ¹⁸ срачищу худю и драгѹ и воспро и его ДракѸла: имаша ли женѹ? (Онь^т ѡбвѣща^т рѣ^т гдрю, ивачѹ. Гла емоу Дракѹ: вѣдѹ ма в до^т твоѹ. И прише^т и видѣ женѹ его златѹ еднѹ и здравѹ, гла мужевнѹ: не снѹ ли еси ли^т? (Онь^т гла: гдрю, мнѹ имѹ, и показа емѹ лень. И гла ДракѸла жене: да потго ты имаша лѣнность к нѹ^тви своемѹ, поу^т твоѹ должно^т ѡрати и сѣвати, а тебѹ христити, ты бо должна е^т мужю своимѹ ѡдежю свѣлоу и лѣнѹ кчинити, а ты и срачищу не хочеша нара^тти, а здрава еднѹ тѣло^т, — ты е^т повинна а не моу^т, — и повелѣ еѹ рѹны ѡсещи, а троу^т на ко^т посади^т.

Оучиниша мастери емѹ ѡчки железнаа и вѣснаа к ни^т злато и полѹ^т иль в рѣкѹ а мастера^т ты^т поече, да нисто^т збѣсть со дѣланно^т имѹ снѹ тѣзонмнѣннѹ дѣво^т. Нелогѹ же поидѣ кра^т Угорекнѹ на ДракѸлу¹⁹ конско^т, ѡже поидѣ прогнѣ емѹ, и срѣтоша и ударивѹ ѡбѹи, и хвативѹ ДракѸлоу жива, ѡ свои^т златѹ по крамоуѣ и приведенѹ бы^т ко краю, и повелѣль е^т смѣ^твоути в темницю, и Велнегорѹ^т на Дунаю влше Боудина д мѹ, и дѣ^т, а по Мстѣнскоѹ земли посади мнѹ^т воеводу: — ко сѣдаше в темници, и не ѡста свое^т о златѹ ѡбѣа, по мнѹи лѣва, и птици покупаша на торгѹ и тако казнаше и^т, ѡбѣ^т на ко^т сажаше, а ннѹ^т главы ѡбѣкаше, а снѹио верѣ ѡбѣна^т пѣцаше, и влѣчеша в тѣмници шитѹ и темѹ кормашо^т.

Егѹ же кра^т Матнѹ^т вѣде вѣдѣ темници и прие^т еѹ по Боу- лино, и дѣсть емѹ доуѹ в Шци прогнѣ Боудина, и едѹ в королѹ не бѣ^т, и слоучи неко^тмѹ злодѣю приѹбечи на е^т део^т, и сохранилси емѹ тоу^т. Гонѹщи же е^т найдоша, ДракѸла^т кле^т мечь свои и и^твои ие по- латы, и ѡбѣче гдрю приетавѹ дѣващѹ^т злодѣи и злодѣах пенѹети про-

17. т. е. *по щѣм и три жѹи*. 18. такъ съдѣлаеть читатѣль въ рукописи по- вѣрно *прѣмѣти*, сиромакѹ, въ рукою Слав. нар. и Малорусск. ѡбидакѹ, бо бѣлъ. 19. въ руко^т *на рѣкѹ*.

чи же ѡбъказа. И прише'ши къ краю и повѣда е'му близкоѡ, кра' же посла к нему и вопроси а' что ра' такъ сотвори' сеи? (У) же тако ѡвѣда: зло никог' кини', но ѡ самъ себя Уби'тъ похода разбоиниче'скы на до' велико' г'ра. аще бы прише' ко мне то'зъ кобиреть, и азъ бы во свои' дому нашо' бы' то' злодѣя и его г'да, или прости' его ѡ смерти. Кра' пача дивити' со всеми' ср'но его.

Оумрше же тому востодѣ на Мутьаньскон земли, и кра' посла к нему в те'нию да аще восхошетъ быти на Мутьан к и земли воеводу, яко и прѣше да то'та Латы'кую вѣру приметь, аще не восхошетъ, го в те'ниши Умрѣ. Дракула же возвои паче' врѣмениа, божко'е'нѡ' ѡбиде православнѡи и ѡступи и тини, ѡстави' свѣта и приа' т'му, оуми не возможе те'нишыа тагости понести, и оуготолѡ на безаконноѡ м'ше бѣ'кошечной, ѡстави православную вѣру Мутьанскую Грече'скую, и приа' Латы'скую прелесть. Кра' не токмо дасть е'му не гою воево'ство на Мутьанскон земли, но и сестру свою' ро'ную дасть за него в жену, и ѡ вел' ро' в. сна Поживъ изво' д. дѣ' и тако скончаша во прелести.

Коньц' к'о еше: живащю е'му в Мутьанскон земли и придолѡ на землю ту Тоурковѣ, и вѣна плени'. Оум' оударше на ни', и по егоса Турци Дракулицю' воево' без мѣти семлаху. Дракула же возна на горѣ ѡ радости да види' како секоу' Турко', ѡторгыше' ѡ конекъ е' о мнѡце яко Турки и оудари е' дѣишь коньцъ ѡнѣ' видѣ' яко ѡ свои' Уби'ваемъ и ту оуби' свои' оуби'ишь е' ч'къ, е'о' мнози коньцъми изободоши, и тако оубьень бы'.

Кра' взе' сестру свою' со и своимъ е'а во Угорекую землю на Боуди, е'дѡ при краеве еше живеть, а дру'и оу борѡи'ко' ѡнекуна бы, и при на' умре, а третѡи старинши Михалъ туть' на Боуди' видѣхъ, ѡ пра Тоурекѡ' прибежа' ко краю, еше не живеша прики' его съ дѣ'очкою.

Стефа' же Молодовскѡи не краевы воли посади на Моут а'н кой земли, некоего воеводу влада, воево'скаго' сна. Бы' той воевода вла' ѡ мла' поѡ бы' ещевѡи, шѡ, игуме' в заиастари, да роури'са, и съ на воеводство на Мутьанскон земли, и живилъса, и мало поѡа, и Стефа' его оуби', и жену е' ѡна' и шѣ на Мутьанскон земли вое'водство.

20. послѣ этого еще разъ повторено *азъ бы*.

VIII. Орывокъ изъ книги о Мелюзинѣ сравни-
ваемъ съ подлинникомъ, въ одномъ Польскомъ изданіи, вѣ-
роятно XVII-го столѣтія, напечатанномъ готическими буквами.
Выписываемъ 35-ю главу романа:

«О пораже и волота отъ Гоорой и како передь нимъ волотъ
упаде параненъ.

«Воскочивъ же волотъ и узхватить древо толсто и долго,
будто великую полгу, идя съ нимъ къ Гоорой и нача вопро-
шати: «откуда еси ты и чего хочешь?» Рече Гоорой: «не при-
шелъ съ мною на разговоръ къ тебѣ, но чтобы тебе живота
лишити.» Въ томъ часу пустилъ на него Гоорой и ударилъ его
древкомъ въ груди, яко опрокинутися ему, а воставши отъ
земли, рече Гоорой: «вѣрую, что ты не играешь со мною,» и
погна съ древомъ на Гоорой изъ всей силы, хотя его вдругъ
поразити. Тогда отъ него Гоорой, поворотивъ конемъ, въ сто-
рону свернулъ, и тотъ часъ съѣдши съ коня, пакы обратилъ
къ нему, боясь, чтобы коня не ранилъ, понеже одного тою
токмо съ собою имѣлъ. Волотъ же съ подвешеннымъ древомъ
за нимъ бѣжа, застановилъся, смотря, что хочетъ дѣлать — съ
коня съѣдши, пѣшь возвратилъся къ нему. Разсуждая волотъ
въ себѣ первый оный ударъ, понеже укрѣпился не могъ, чтобы
не упасть, рече къ Гоорой: «справда, что дать еси толь же-
стокій ударъ, яко отъ него пасти понудился; аще бы лагъ по-
тому не имѣлъ, конечно бѣ съ того удару не всталъ; однакоже,
доидеже что далѣ съ тобою сотворю, повѣдай ми, откуда еси
ты и какъ тебе зовутъ?» Онь же отвѣща: «Гоорой естъ съ ве-
ликимъ зубомъ, приѣхалъ съ мною изъ далекой страны для тебя, но
не подбиваешь мене, яко гостя благопріятна.» Отвѣща волотъ:
«снѣ ты еси, который племянника моего Гедеона убилъ еси, и
мнѣ тожъ учинити думаешь, но тогьчасъ умираешь, на ково на-
ѣхалъ еси,» и въ томъ къ нему зъ древомъ свочилъ. Но Гоорой,
приѣхавъ видя намереніе его, сперва уступилъ ему; во-
лотъ же, погрѣшавъ крѣпкимъ вельми напускомъ, какъ уда-
рилъ въ землю, едва могъ древо изъ земли вынуть, и такъ Го-
орой ударилъ сво мечемъ своимъ въ правое плече, яко и латы
не здержали, и такъ усѣкнулъ въ плече, яко и рука ему об-
висла, и такъ съ него стали латы спадывать, но лѣвою рукою

кладеть, искусить Гоорой одною рукою, видя его быти одной руки, и схвати древо одною рукою удари Гоорой тою сильным ударомъ, яко егда Гоорой съсочить отъ удару и древо унѣ въ землю на полтора локтя и перемилось и поламъ. Видя же Гоорой волота безоружна, пала присесть къ нему съ мечемъ и ускнуль его вождь горца, отсечо и опешникъ асѣланый оцать. Однакоже тотъ ударъ о перешкою ощеря доску, яко не велики повредить его. Видя волота, яко пособи штокуду не имѣть, дабы избѣжать оружіемъ могъ противиться, кинуся къ Гоорой, и кулакомъ тою крѣпко въ шлемъ ударить, яко егда Гоорой состоятъ; въ томъ волота за шеча хватилъ; Гоорой же, мечъ уронивъ на землю, стать съ нимъ боротся и всячески Гоорой употребилъ и пошибалъ, однако же nikdy силы волотовой не одолѣть, аще бы не раны принимали волота и въ борбѣ и въ пошибѣ. Какъ испотѣлъ, и такъ растворились раны, стать неходити рудую, а Гоорой, хотя то и видѣлъ, однако же толь долго въ борбѣ пребывать не восходѣлъ, ибо тошно убо было, и нача одишь другата пушати, смотря за чѣмъ по семь приплетъ, Гоорой же на свой мечъ влрять, к къ бл его наскорѣе схватити, бояся, чѣмъ волота не упередитъ его; волота же помышля къ горѣ, бояся, чѣмъ ему Гоорой вертеца въ горѣ не отыщеть. Но како распустился, велкъ кинуся къ своему промыслу, ибо то Гоорой хотя отдыханъ тихоко къ своему шель мечю, однакоже волота въ томъ шелью не помышлять, по наче къ тому пошибалъ, чѣмъ яко наскорѣе къ вертету своему приблизити ся могъ, о чѣмъ Гоорой не помышлять, и скоро бѣство его зашѣлъ....»

Jako Gofroy Olbrzymą poraził, iż przed nim Olbrzym niecierpiał z nicyszą potaniou.

Porwawszy się Olbrzym, pochwycił drąg mięszczy y długi, a idąc z nim ku Gofroiuowi, pytał go zkades ty, y czego tu chcesz: Gofroy do niego rzekł: Nie przyjechałem do ciebie na rozmowę, ale iżbym cię żywota zbawił. Olbrzym odpowiedział: więc mi życie nie dasz proszę cię miicy litość nad mna.

W tym przytarł mu Gofroy, uderzył go w piersi kopią, że się aż wznak wywrocil. A porwany się z ziemi, rzekł do Gofroia: Wierę ty zemną nie igraj: Potym zapędził się z drągiem na Go-

froia ze wskystkiew sily, chcąc go z światą sprzątnąć. W ten czas Gofroy koniem obrociwszy, uskoczył mu w stronę, y z konia zsiadłszy, ku niemu poszedł, bojąc się aby mu konia nie obraził, gdyż tylko tego jednego z sobą miał. Olbrzym z ponieśionym razem za nim bieżąc, stanał patrząc co czynić chce, że z konia skoczywszy, pieszą się ku niemu wrocił: a rozważając Olbrzym on raz sobie żaden, że się pokrzepić nie mógł, rzekł do Gofroia: Prawda żeś mi dał raz tak tegi, że od niego paść musiał... bym był zbroie nie miał, pewniebym był z tym razem nie wstał. Iednak niż z tobą co daley zacznę, powiedz mi zkądś? a iako cię zowią? On odpowiedział: Jestem Gofroy z wielkim kłem przyjechałem tu z dalekiej strony dla ciebie, ale mię nie tak czestujesz, iako należało gościa przyjemnego. Odpowiedział Olbrzym: A tyś to jest któryśmi synowca Gedeoná zabił y mnie toż myślisz uczynić ale doznasz po coś przyjechał: a w tym ku niemu z drągiem skoczył. Ale Gofroy mając pilny wzgląd na zamierzenie iego, w czas mu uskoczył. Olbrzym chybiwszy, bardzo mocnym zapędem, gdy w ziemię uderzył, ledwo z niej drag wyjął: a zatym Gofroy ciał go mieczem w ramię prawe, że zbroia puścić musiała: z tego tedy razu ręką powisła, a zbroia go opadła, iednak że był mánakaty pokusił się iedną ręką, uderzył na Gofroia tak tegim razem, iż gdy mu Gofroy uskoczył wpadł mu drag na pultora lokcia w ziemię: aż się w poly złamał od wielkiego razu. Widząc Gofroy Olbrzyma, iż bez oręża był, przyskoczył z mieczem zadał mu ranę wedle gardła, w tym go oboyczyk zbrojny opadł iednak się on raz o przednią blachę oparł iż mu nie mógł bardzo szkodzić. Widząc Olbrzym iż nie mógł do oręża iednego przysić, skoczył ku Gofroiowi, a pięścią go w chełm uderzył, tak cieszkim razem! że Gofroy ledwie na ziemię nie upadł: w tym go Olbrzym za barki ujął, a Gofroy puściwszy miecz na ziemię, ujął się z nim w pas, używając swych fortelow rozmáicie, iednakby był mocy Olbrzymowey nie zdołał, gdyby były rany nie mdliły Olbrzyma: ale w mordowaniu y pasowaniu ziuszyły się rany, że go krew poczęła uchodzić. Gofroy lubo to widział, iednak tak długo w pasowaniu trwać niechciał, bo mu też duszną było: poczał ieden drugiego puszczać, patrząc do czego się sięgnąć. Gofroy poglądał na swoy miecz, iakoby go nayprędzey dopaść mógł, bojąc się by go Olbrzym

do niego nie uprzedził. Olbrzym zaś myślił ku skale, bojąc się by mu Gofroy od iaskiniey w skale nie zaskoczył. Ale gdy się puścili, każdy wolny był do swego fortelu: albowiem Gofroy oddychając z nienagła do swego miecza szedł, Olbrzym mu też w tym nie nie przeszkodził owszem przyspieszał iakoby co rychley do iaskiniey swey przyskoczyć mógł: o czym Gofroy iż nie myślił, nie rychło ućieczkę jego porozumiał.

IX. Выписки изъ повѣсти о Семи Мудрецахъ сдѣланы по Толстовскому списку 3. 45, Публ. Б-ки XV. О. 2.

Об. л. 230 — 234, притча первого мудреца:

О пса и о сокола. Мудрецъ же воспримъ рече: слыши убо, о цесарю¹, — бѣ ивъкогда мѣсть живише рынаръ храбръ зѣлю, имѣ у себя единого сына, младенца сына, и любяше его зѣлю, пристави къ нему три мамки: первая его да кормитъ перемь, другая да обмываетъ, третьяя же качаетъ и утѣшаетъ. Имѣше же той рынаръ пса да сокола, и любяше ихъ велими: пса, за еже ни съ какимъ звѣремъ роспуску небыло; сокола, за еже ни съ которою птицею розлету не было. Обычай же у пса оного быше таковъ: егда рынарю лучитна ѣхати на бои, и аже будетъ ему ва дѣлѣ помощь Божія, сей же песь, аки волхвуд, чрезъ его и чрезъ коня трижды сконитъ: егда же ему на бои не часъ ѣхати, песь же онъ великимъ гласомъ вѣя и коня его узду грызѣше. Случижесе ивъкогда, званъ бысть той рынаръ и съ женою на пиръ и поѣха, поемъ съ собою и люти своя, въ дому же своемъ остави сына и три мамки его, и пса, и сокола. Мамки же отрочате улыбана его въ колыбели, и успе отроча, сами же изыдоша на дворъ, да играютъ, — оставиша во храмнѣ младенца спяща и съ нимъ пса и сокола. Псу убо слышу, соколу же сидѣшу, и се везану изыде ужъ изъ подъ лавки, и нача обращаея зрѣти сѣмо и овамо, и не увидѣ во храмнѣ людей и нача приближатися ко отрочати, хотѣ его заѣсти. Узрѣ же соколъ ужа ползуща ко отрочати, нача трепетатися, дабы песь убудися и видѣ его спяща крѣпко, доста носомъ за губу и ушкву его, бѣ бо сия близъ его. Песь же убудися и узрѣ

1. Это слово пишется большей частью *цесарь*, также *цесарь*.

ука ползуня, борзостію ринувся и сцѣпишася съ нимъ и начаша ся бѣти между собою. Ужъ убо пса изъяде во многихъ мѣстехъ, а песь ему одолѣ и до смерти загрязе; отъ крови же ихъ стечеса вся хранина. Егда же песь и ужъ браншася между собою, извашиа отроча изъ колыбели и оторвася колыбель, покры отроча. И удавивъ же песь ука и ляже на немъ близь у колыбели... Придоша же во хранину мамки отрочатѣ, видѣвши же хранину кровію смывшуся, и пса лежача кровава, и колыбель опровержену, отрочатѣ жь неурѣшше, — мѣвшше, песь отроча и изъяде, и разбѣкашася. Едина же мамка приде къ рыцаревѣ, плача и вопія велимъ гласомъ: о не вѣси, госпожа, песь сына вашего изъяде до смерти и леже у колыбели. Рыцарева же, слышавъ смерть сына своего, велимъ гласомъ воскрича: слышавъ же рыцарь кричаніе жены своея, притече и рече къ псу: о чемъ плачеша? Она же рече ему: се приближа мамка и сказа — сына наю изъяде песь до смерти. Рыцарь же, слышавъ, вземъ мечъ свой и иде борзо въ домъ свой, приде во хранину, гдѣ бѣ сынъ его, и видѣ во кровію стекнуся, а колыбель сына своего на земли поверженну, и пса близь ея лежача, лижуня колыбель. Песь же узрѣ господина своего и скочи къ нему радуясь; онъ же изять мечъ, и ткну его, и пресѣче на двое, и полня колыбель, и обрѣте сына жива, спяща; нача же смотрѣти, откуду по хранинѣ учинися кровь, и обрѣте ука великого заплена, и оскорбѣея о псѣ скорбію велию дѣлю, нача плакати, понеже уби невиннаго такова разумна для слова жены своея.

Об. д. 235 — 238, повѣсть королевы:

О никомъ вепрь и о пастухъ. Бысть ивкїи король, имѣ въ государствѣ своемъ великій дѣсь, въ немъ же дѣсу живише дикїи вепрь, бѣ же дѣть дѣлю, по всякимъ мѣстомъ проходи изъѣдаше люди. Придоша же ко краиоу вѣхъ люди его господарства, молаху его съ великимъ поцтемъ, да избавитъ ихъ отъ насилїя вепрева. Король же посла многихъ рыцарей на того вепря, повелѣ его убити; вепрь же рыцарей вѣхъ побѣ; король же посла (дѣ) второе и въ третье, онъ же и дѣхъ вѣхъ побѣ, и о семъ король въ недоумѣніи бысть. Пмяше же король той дщерь единородну, и пусти ключъ по вѣхъ градомъ госпо-

дарства своего, иже кто убьет веоря того, да даст за него шерь свою. Случижеся и како единь икто настухъ, нася сло-тину, за поясомъ же имъ у себя скиру, и уаръ его веоря тоу, напусту на него, онъ же утече у него на великое древо вишогранное: веоря же нача древо подьядати, настырь же нача ягоды рвати и вѣтвѣе съ ягоды веоря метати. Веоря же напалеса на ягоды, нача ихъ ясти, а настырь же болши нача къ нему метати, и напалеса веоря яготь до великие сытности, и лаче подьтѣмъ древомъ спати. Настухъ же уаръ его сианица и наклонися на него, одною рукою держася за древо, а второю нача веоря чесати, и уапа его сианица крѣпко, и вѣтъ топоръ и убь его до смерти. Король же выдале за него дщерь свою, послѣди же его той настухъ кралевствова на его мѣсто.

(Королева вывела изъ этого слѣдующую мораль, для убѣжденія короля:)

Ся же цесарева излагала в рече цесарю: разумѣй, яже ти глаголю — приличнѣ людѣе не возмогаша стояти противъ тебѣ: а настухъ — знаменіе твоего злаго сына, еже падъ тобою своею мудростию умышляетъ; смокніе же метаніе къ веоря знаменуетъ проклятыхъ его мудреновъ, еже умоулять ти десными словесы; чесаніе же веоря, настуха того, претворить, еже сынь твой и съ своими мудрены дживыми своимъ словесы умоулявти, хочеть убити и на твоємъ престоли сѣсти и господарствовати.

Объ. л. 250 — 255, еще повѣсть королева:

О якома рцарь убоима и о отцѣхъ ево... Бысть и кий рцарь древне въ Римѣ, имѣа у себя едината сына и двѣ дщери: обачай же имше той рцарь часто на битвы ѣздити во многие господарства, спосемлючи съ собою ветоуды и сына своего, и вѣтхъ ѣдѣхъ имѣше свое истощи все и одолаа великимъ долготомъ, и нача гитолати сыну своему: о мнѣи сыну, азъ убо при старости, а ты младъ еси, еще же имѣю двѣ дщери, сестрь твою, не имѣю же съ чѣмъ ихъ одати за муку, топу ролу своею: но что сотворю — на разбой ли поѣдемъ, или учиемъ красти, да искушима отъ доцу своего, и было бѣ намъ чѣмъ питатися. Ся же слыша сынь, похваши советъ отца своего. Бысть же въ то время цесарь въ Римѣ Октевянъ, охочъ бѣ

до злата и имѣя у себя многое множество злата, насына же собѣ велию полату злата и постави стражи. Рече же сынъ того рыцаря ко отцу своему: отче, сотворимъ могилы, и подкопаемъ полату, и возмемъ злага довольно. Рыцарь же похвали советъ сына своего, и сотвориша собѣ могилы, и шедше подкопаша полату, и взяли злата, елико возмогоша, и глѣмъ златомъ ископашася отъ всего долгу своего. Стражи же полаты узнаша, камь мѣстомъ изъ полаты злато крадено, и поставиша въ томъ мѣстѣ великій котель смолы, развари. Они же придоша во вторыи украси злата и поидоша въ свѣзакно, идѣ же прокопаша: видѣ же прежде отецъ его, и егда пустился и урвася въ котель, въ смолу по груди, и рече къ сыну, дабы къ нему не отпущался. Онъ же пустился бережно и не увидѣ въ томъ котлѣ: видѣвъ же отецъ, что невозможно его сыну его избавити изъ котла, и рече къ сыну своему: о чадо, одинако мы умрохомъ, прими мечъ и отсѣки главу мою, и возми злато довольно и главу мою съ собою, мене же остави безглавна, да не познать будеши. Онъ же злага взять елико возможе, и примъ мечъ, отсѣче главу отцу своему и положи ю въ мѣхъ и отнесе съ собою. На утрѣ же придоша стражи и взяли тата безглавна и повѣдана о немъ цесарю; цесарь же повелѣ трупъ мертвого тата по всему граду возити по улицамъ и по малымъ переулкамъ, и посла за нимъ люди многи и рече имъ: смотрите приглядливо, — да егда въ коемъ дворѣ урлите, саже тѣло мертвое видѣвши начнутъ плакати, сихъ изымайте и приведете ко мнѣ. Возиша же его много по улицамъ, и привезоша въ улицу, идѣ же живяше сынъ его и дщери; урлина же дщери отца своего мертва возима и воскричаша великомъ гласомъ и начаша плакати. Сынъ же его, слышавъ кричаніе сестръ своихъ, брзо ринувся къ нимъ, повлече похвъ и укололъ себя въ бѣдру и рече сестрамъ своимъ: егда вы поймають и начнутъ спрашивать, вы же рѣка имъ, что по мнѣ плачете. Слуги же цесаревы, слышавше въ томъ дворѣ кричаніе, и ринушася имати, и урлина брата дежача цоклоута и сестры надъ нимъ плачущесе, и мѣлаше правду, отвидоша отъ нихъ. Цесарь же повелѣ мертвое тѣло обнести и вѣсѣ два дѣла, а сынъ его не соиме и не похрани.

Сія изречь, цесарева нача глаголати къ цесарю: внимаеш ли, о превелшій, преславный господарю мой, еже ти изрекохъ? Онь же рече ей: зло вилтъ, о любимая ми, да не и мнѣ огнь моего сына тоже будетъ; на утрѣ же сынъ мой да умреть.

ДОПОЛНЕНІЯ.

Къ стр. 79—80. Въ новой редакціи *Динила Заточника*, напечатанной во второмъ томѣ «Русской Бесѣды» 1856 г., находятся между прочимъ и некоторые слѣды сказанія о Синагршѣ. Въ числѣ афоризмовъ Заточника приводится, напримеръ, слѣдующій: «саше бы котлу золоты колна во ушню, по дну его не избыты черности и ажкения его» (стр. 106), — что говорить и Акиръ въ поученіи Надану: «сыну, быль ми еси якоже котлу приковаць золотъ колнъ, а дну его не избыты черности». Изреченіе Заточника безъ сомнѣнія заимствовано прямо изъ нашего сказанія и представляетъ новый фактъ въ доказательство его давней извѣстности.

Стр. 144—145. Въ дополненіе къ тому, что сказано нами о всеобщемъ распространеніи численной формулы и ея значеніи въ народной поэзіи, привоимъ слова Гюка объ одной древней Китайской книгѣ, которая представляетъ поразительную аналогію съ другими фактами. «Le premier livre qu'on met entre les mains des élèves est un ouvrage tres-ancien et tres-populaire: on le nomme San-dze-king, ou livre sacré trimétrique... Les cent soixante et dix-huit vers que contient le San-dze-king forment une sorte d'encyclopédie, ou les enfants trouvent un résumé concis, un tableau admirablement bien fait de toutes les connaissances qui constituent la science chinoise. On y traite de la nature de l'homme, des divers modes d'éducation, de l'importance des devoirs sociaux, des nombres et de leur generation, des trois grands pouvoirs, des quatre saisons, des cinq points cardinaux, des cinq éléments, des

cinq vertus constantes, des *six* espèces de céréales, des *six* classes d'animaux domestiques, des *sept* passions dominantes, des *huit* notes de musique, des *neuf* degrés de parenté, des *dix* devoirs relatifs, des études et des compositions académiques, de l'histoire générale et de la succession des dynasties. Enfin l'ouvrage se termine par des réflexions et des exemples sur la nécessité et l'importance de l'étude». (Ibid., L'Empire Chinois, 2-me ed. Paris 1854. t. 1, p. 126—127).

Стр. 175—177. Списокъ «Зрѣлища житія человеческого» находится такъ же въ сборникѣ г. Забѣлина XVIII в., т. V 78; здесь названо и имя трудившагося надъ переводомъ этой книги, известнаго переводчика посольскаго приказа, Андрея Вишюса. Заглавіе ея слѣдующее: «Зрѣлище житія человека, въ немъ же изъяснены суть дивныя бесѣды животныхъ со истинными къ тому причинными повѣстями, въ наученіе всякаго чина и сана человѣкомъ; повопреведено изъ Шмецкаго языка всѣмъ во общую пользу трудолюбивымъ *Андрей Андрееви сына Вишюса* въ царствующемъ великомъ градѣ Москвѣ въ лето воплощенія Бога Слова 1674». Рукопись писана въ 1693 году.

Стр. 197. Притча о *пустынникѣ*, особенной редакціи, независимой отъ Римскихъ Дѣяній, находится въ рукописи Публ. Б-ки XVI столѣтія, XVII. О. 14, на л. 135—139 подъ заглавіемъ «слово о судьбахъ Божіихъ нечестивцѣныхъ, молившу о нихъ некоему черноризи, дабы видѣть судьбы Божіи», начинается: «быше шки отходникъ червень, исполнивъ вся добродѣтели, и моливъ ся Богови, глагола шне: Господи, дай же ми увидѣти, что суть судиѣ (д. б. судьбы твои различниѣ, — створи постъ великыи тои ради вины, и не прови ему Богъ, имже немощно есть человеку видѣти того. Онъ же томашеся, моля Бога о томъ; хотя же повѣстити ему Богъ, да ся не домигъ бѣль ума, но вложи ему мысль тако ни повѣстити ветхаго дѣвми старца, да вѣче суца отъ него. . . .» Потомъ разсказаны такія же приключенія во время его странствованія съ ангеломъ, какия приводятся и въ Римскихъ Дѣяніяхъ.

Стр. 205. Въ допословіе къ приложенію повѣсти о хмѣльномъ штинѣ, приводимъ замѣтку, сообщенную намъ г. Печарскимъ. Съ нѣкоторыми вариантами повѣсть эта находится въ

рукописи Нубл. Б-ки из Погодинскаго собрания . I ' 1261; здесь помещены статьи, излагающія разныя мнѣнія старо-вѣровъ, и въ концѣ «о антихристѣ и о скончаніи міра и о страшномъ судѣ свидѣтельства отъ Св. Писанія, — выписано изъ *Книги Вира*, изъ тридцатой главы», т. е. изъ печатной известной книги, которую мы не имѣли случая пользоваться. Въ этой статьѣ приводится и упомянутая повесть: заключеніе последней передано такимъ образомъ: «и речеся то цѣное шіе въ Царю и въ Литву и по всемъ царствемъ и странамъ, потомъ же на кончину века сего и къ намъ придетъ дая брань матеріал на оскверненіе земли и возуха и твари; затѣмъ придетъ въ Русскую страну антихристово шіе сухое табака». Нѣкоторыя сказанія подобнаго рода упомянуты такъ же въ статьѣ г. Буслева о Горь-Злочастіи, въ Русск. Вѣстникѣ 1856, . I ' 13 — 14.

Стр. 237. Къ приведеннымъ прежде указаніямъ на рукописи изъ собранія г. Заблужна, добавляемъ и другія указанія, вновь сообщенныя намъ г. Заблужнымъ. Въ сборникѣ . I ' 79 изъ XVIII вѣка находится еще одинъ списокъ романа о Петрѣ Златыхъ-Ключей, подъ такимъ заглавіемъ: «исторія о Французскомъ князѣ Петрѣ Златыхъ-Ключей и о Пенсильванской королевѣ Масилень».

Стр. 262. Списокъ *Апофегматъ* есть въ рукописи XVII в. . I ' 77 подъ заглавіемъ: «книга Апофегматъ или повѣстаніе, сіе есть советенныхъ, краткихъ и кратенькихъ повѣстей».

Стр. 266. *Смолотворилъ повѣсти* или Польскіе карты находится въ сборникахъ XVIII столѣтія . I ' 80, безъ начала, и въ . I ' 81, гдѣ указано то же время перевода: 8 ноября 187 г., въ 72 главахъ. Въ концѣ последней рукописи нѣсколько прикладовъ безъ нумераціи, Шемлянскъ судъ, и опять приклады и притчи царя Соломона.

Стр. 280. Еще одинъ списокъ повѣсти о Саввѣ *Грудцѣн* встрѣчается въ томъ же сборникѣ . I ' 80, подъ заглавіемъ: «повѣсть зло предивная, бысть въ древнія времена и дѣла, града Великаго Устюга купца Оомы Грудцана о сынѣ его Саввѣ, како онъ даде на себя дьяволу рукописаніе и како избавленъ бысть милосердіемъ Пресвятыя Богородицы Казанскіи».

Стр. 289. Къ романамъ первой половины XVIII-го столѣтїа присоединяемъ еще одинъ: «исторїа о Россійскомъ матросѣ ?) Василїи Коріотскомъ и о прекрасной королеви Праксїи Флоренской земли» въ рукоиси . I ' 79. Въ сборникѣ . I ' 80 находится другой списокъ романа уже нами упомянутаго: «исторїа о Полицыонѣ, цесаревичѣ Египетскомъ и о прекрасной королеви Милитиѣ Италїанской».

2704

7.

UNIVERSITY OF MICHIGAN

3 9015 01105 8818

**DO NOT REMOVE
OR
MUTILATE CARD**

72
80

T

